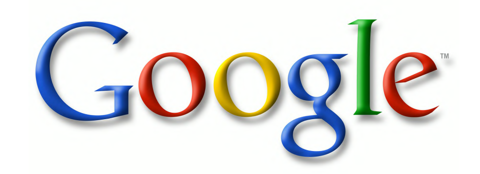

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

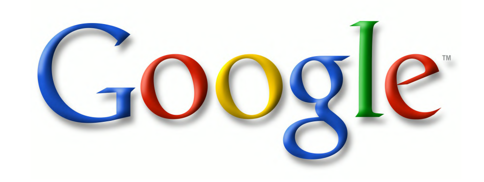
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ирипадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

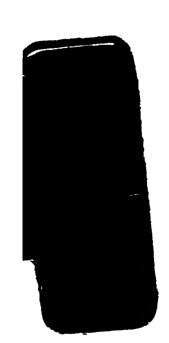
Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

Slav 4348.7.80c (2)

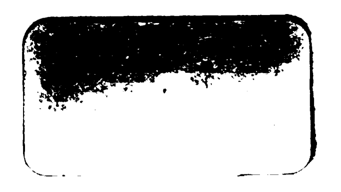

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

18,69 370 378
95

37

МОЯ ПОВѢСТЬ

О САМОМЪ СЕБѢ И О ТОМЪ

«ЧЕМУ СВИДѢТЕЛЬ ВЪ ЖИЗНИ БЫЛЪ»

«Описывай, не мудрствуя лукаво».
А. Пушкинъ.

84349
D2.119

МОЯ ПОВѢСТЬ

О САМОМЪ СЕБѢ И О ТОМЪ

„ЧЕМУ СВИДѢТЕЛЬ ВЪ ЖИЗНИ БЫЛЪ“

ЗАПИСКИ

И

ДНЕВНИКЪ

(1826—1877)

А. В. НИКИТЕНКО

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ТОМЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1893

Slav 4348.7.808(2)

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
24 June 1924

ЗАПИСКИ
И
ДНЕВНИКЪ

(1826—1877)

А. В. НИКИТЕНКО

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

ТОМЪ ВТОРОЙ

ОГЛАВЛЕНІЕ
ВТОРОГО ТОМА.

Дневникъ.

1855—1864.

(Портретъ приложенъ къ первому тому).

ДНЕВНИКЪ

1855—1864 гг.

1855 годъ [1].

Февраль.—23. Въ болѣзни нѣсколько разъ навѣщалъ меня министръ. Несмотря на то, что я ему, какъ онъ говоритъ, очень нуженъ, онъ совѣтуетъ мнѣ не спѣшить ни работой, ни выѣздами. Да я еще и не чувствую себя способнымъ къ дѣятельности.

Меня многіе навѣщали и навѣщаютъ. Разумѣется, теперь всѣ умы и языки двигаются около одного—около смерти Государя. Пропасть слышишь толковъ о прошедшемъ и еще больше о будущемъ: одни нелѣпѣе другихъ.

— 24. Болѣзнь моя можетъ повредить моимъ отношеніямъ съ министромъ. Впрочемъ, я давно уже не питаю никакой увѣренности въ томъ, что моя дѣятельность нужна и полезна обществу.

— 27. Медленно возстановляются мои силы.

Сегодня церемонія похоронъ: тѣло переносится въ Петропавловскій соборъ. На улицѣ тишина, почти никого не видно. Всѣ столпились теперь около тѣхъ мѣстъ, гдѣ будетъ слѣдовать процессія. Вотъ начался похоронный благовѣстъ въ церквахъ: теперь половина двѣнадцатаго часа.

Какой урокъ человѣческому высокомѣрію!

— 28. Безъ рѣшительной готовности мужественно встрѣтить всякую случайность судьбы и жизни, нѣтъ независимости дѣйствій: человѣкъ вѣчно будетъ колебаться, какъ ладья среди зыби волнъ морскихъ.

При разрѣшеніи и изложеніи вопросовъ государственныхъ надо заботиться о двухъ вещахъ: во-первыхъ, открывать въ глубинѣ задачи ея необходимое основаніе; во-вторыхъ, обнимать

[1] Начало Дневника за этотъ годъ см. въ томѣ первомъ, стр. 583.

задачу со всѣхъ сторонъ, всегда имѣя въ виду то, чѣмъ могутъ поколебать ее или что возразить противъ нея. Такимъ образомъ дѣло получаетъ твердую опору и заранѣе готово выдержать натискъ разныхъ случайностей.

Мартъ.—3. Сегодня въ первый разъ выѣхалъ къ министру поутру въ десять часовъ. Онъ очень обрадовался, сказалъ, что меня ожидаетъ много дѣла и что ему о многомъ надо со мною говорить. Сегодня онъ назначенъ дежурнымъ у гроба покойнаго Императора, слѣдовательно цѣлый день проведетъ въ хлопотахъ и внѣ дома. Просилъ меня завтра обѣдать или къ семи часамъ послѣ обѣда. Я засталъ у него Гаевскаго и Берте.

По временамъ, особенно вотъ въ эти дни послѣ болѣзни, у меня накопляется пропасть всякаго сора въ душѣ. Уныніе, всякаго рода колебанія, недовѣріе къ себѣ, къ людямъ и ко всему, чувство крайняго недовольства собою, по поводу разныхъ ошибокъ и недоразумѣній, а иногда и безъ всякаго повода; опасенія разнаго рода—цѣлое болото съ грязью и насѣкомыми. Словомъ, нелѣпо и гадко! Физическія-ли тому причины или чисто нравственныя?

— 4. Похороны Государя Николая Павловича. Вечеромъ былъ у министра. Получилъ отъ него для просмотра отчетъ, съ просьбой написать къ нему заключеніе.

— 13. Занимался проектомъ инструкціи цензорамъ.

Надо, чтобы эта продолжительная болѣзнь моя послужила въ пользу экономіи моего духа. Должно обращать все къ своему усовершенствованію, и чѣмъ серьезнѣе случайность, съ которою мы встрѣчаемся, тѣмъ рѣшительнѣе должны быть ея послѣдствія.

Я не ошибся въ моихъ предположеніяхъ насчетъ моихъ отношеній съ министромъ. Есть что-то, что погнуло этого вѣчно колеблющагося и колеблемаго человѣка въ сторону, противную мнѣ. Конечно, еще мало, но уже ощутительно для меня. Видно, канцелярія одолѣваетъ разумъ. Придется имѣть объясненіе.

— 16. Человѣкъ въ болѣзни дѣлается ужаснымъ подлецомъ. Иногда онъ готовъ мужественно бороться съ природою, иногда пресмыкается передъ нею, готовый вымаливать у нея минуту облегченія. Большею частью онъ чувствуетъ себя приниженнымъ передъ этимъ страшнымъ могуществомъ, которое обращается съ нимъ, какъ со всякою земною грязью, безъ малѣй-

шаго уваженія къ его духовнымъ и нравственнымъ преимуществамъ.

Господствующій порокъ людей нашего времени: казаться, а не быть. Все и во всемъ ложь: ложь въ сапогѣ, который жметъ ногу, вмѣсто того, чтобы служить ей обувью; ложь въ шляпѣ, которая не защищаетъ головы отъ холода; ложь въ кургузомъ, нелѣпомъ фракѣ, который покрываетъ задъ и оставляетъ открытымъ передъ; ложь въ привѣтной улыбкѣ, въ умѣ, который обманываетъ и обманывается, въ языкѣ, который употребляется, по выраженію Талейрана, для того, чтобы скрывать свои мысли; ложь въ образованіи наружномъ, поверхностномъ, безъ глубины, безъ силы, безъ истины—ложь, ложь и ложь, безконечная цѣпь лжей. И всего удивительнѣе въ этомъ порядкѣ вещей то, что онъ есть ложь и въ то же время порядокъ. Толкуйте тутъ о необходимости истины, когда безъ нея такъ хорошо и съ такою пользою для себя можно обходиться. Но несмотря на такія очевидныя преимущества лжи, я никакъ не могу побѣдить въ себѣ глубокаго отвращенія къ ней.

Есть люди, великіе величіемъ своего положенія или судьбы, а не величіемъ своего генія и характера. Это значитъ—они предъявляютъ міру обязательство безъ исполненія. Такіе люди всю жизнь свою пародируютъ великихъ людей, бросаютъ современникамъ пыль въ глаза, а потомству даютъ уроки ничтожества человѣческаго.

— 17. Пора приняться серьезно за дѣла. Сегодня ровно два мѣсяца, какъ я пріѣхалъ изъ Москвы и началъ хворать.

— 20. Былъ поутру у министра. Говорили о дѣлахъ. Онъ сказалъ, что меня ожидаютъ нѣсколько важныхъ дѣлъ. Я представилъ ему, что прежде всего надо заняться цензурою, ибо можетъ случиться, что Государь самъ объ этомъ вспомнитъ, такъ чтобы у насъ все было готово. Авраамъ Сергѣевичъ съ жаромъ ухватился за эту мысль и просилъ меня заняться теперь исключительно инструкціею цензорамъ. Итакъ надо всего себя погрузить въ это дѣло. Предметъ важный. Настаетъ пора положить предѣлъ этому страшному гоненію мысли, этому произволу невѣждъ, которые дѣлали изъ цензуры съѣзжую и обращались съ мыслями, какъ съ ворами и съ пьяницами. Но инструкція дѣло не легкое.

Вчера обѣдалъ у Струговщикова, а поутру былъ у меня Ребиндеръ, надняхъ пріѣхавшій изъ Кяхты, гдѣ онъ былъ около четырехъ лѣтъ градоначальникомъ. Радостно обнялъ я этого благороднаго человѣка. Онъ не только не началъ гнить душою, а сдѣлался, напротивъ, еще лучше. Ребиндеръ пріѣхалъ сюда по дѣламъ китайской торговли и привезъ много свѣтлыхъ идей вообще о сношеніяхъ нашихъ съ Китаемъ. Послушаютъ-ли его?

— 27. Свѣтлое Воскресеніе. Привычки нарушаются. Вотъ праздникъ, который я любилъ встрѣчать въ церкви, подъ вліяніемъ идей, возбуждаемыхъ высокою религіозною мистеріею. Теперь я сижу дома. Причиной всему грязь, дождь и все еще плохое состояніе здоровья. Куда дѣвалась поэзія этой ночи! Такъ мало по малу исчезаетъ все, что радостно настраиваетъ душу и жизнь, роняетъ на пути украшенія, которыя придавали ей, можетъ быть, суетный, но свѣтлый и праздничный видъ.

Вотъ и торжественный благовѣстъ! Невольно приходитъ на умъ Фаустъ, слушающій пѣснь ангеловъ, славословящихъ день воскресенія! Думы за думами плывутъ и гонятъ сонъ. То грустно, то смѣшно. И въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно-ли задать себѣ задачу съ первыхъ дней юности сдѣлаться лучшимъ человѣкомъ, работать надъ всяческимъ усовершенствованіемъ своимъ . . . . и вотъ цѣлая жизнь сдѣлалась выраженіемъ этого покушенія, въ жертву которому принесено такъ много спокойствія, столько внѣшнихъ благъ и простыхъ, скромныхъ, но настоящихъ добродѣтелей.

— 31. Великій князь Константинъ Николаевичъ, желая, сколь возможно, усовершенствовать учебныя заведенія морскаго вѣдомства, отнесся къ нашему министру съ просьбой, чтобы назначили нѣсколько надежныхъ лицъ изъ министерства народнаго просвѣщенія для осмотра этихъ заведеній. Великій князь желаетъ воспользоваться ихъ замѣчаніями. Они должны вникнуть во всѣ подробности, для чего имъ будутъ присланы отчеты, программы и проч. Между прочимъ, назначенъ и я.

Мысль оригинальная и умная. Назначены еще: Давыдовъ, Ленцъ, Постельсъ, Сомовъ, Вышнеградскій.

Апрѣль.—3. Авраамъ Сергѣевичъ вдругъ заспѣшилъ съ проектомъ цензурной инструкціи, а дѣло такое, что его и въ мѣсяцъ усидчивой работы не сдѣлаешь. А я началъ еще не-

давно. Впрочемъ, сегодня я прочелъ ему уже все сдѣланное— около половины цѣлаго. Пришелъ въ восторгъ, обнималъ.

— Я многаго ожидалъ отъ васъ, сказалъ онъ,—но это превзошло мои ожиданія.

Отлично, подумалъ я, но прочно-ли? Положено представить Государю сначала какъ бы вступительную записку о цензурѣ и о необходимости дать ей болѣе разумное направленіе, а затѣмъ и инструкцію.

— Одна только бѣда, замѣтилъ Авраамъ Сергѣевичъ,—что нынѣшніе цензора не въ состояніи будутъ слѣдовать правиламъ, которыя вы имъ предлагаете.

— Неужели же, отвѣчалъ я,—вы думаете ихъ оставить на службѣ? Съ ними, конечно, ничего не пойдетъ. Если улучшать цензуру, то необходимо и отставить нынѣшнихъ цензоровъ, по совершенной ихъ неспособности, и замѣнить ихъ лучшими людьми. На эти мѣста болѣе, чѣмъ на другія, необходимо сажать умныхъ людей. Надо рѣшительно принять за правило, что неимѣющій какой нибудь, хотя кандидатской степени, не можетъ быть цензоромъ.

Рѣшено: какъ скоро Государь утвердитъ инструкцію, отставить нынѣшнихъ цензоровъ и опредѣлить новыхъ. Въ этомъ случаѣ я позволяю себѣ дѣйствовать на пользу общую со вредомъ для нѣкоторыхъ. Да и надо сказать, въ самомъ дѣлѣ, кто велѣлъ этимъ господамъ принимать на себя бремя не по силамъ? Жалованье, вотъ, хорошее. А вѣдь сколько надѣлано гадостей, глупостей и, что хуже всего, подлостей! Иногда доходитъ до того, что не чувствуешь ни малѣйшаго сожалѣнія ко всѣмъ этимъ Елагинымъ, Ахматовымъ, Пейкерамъ, Шидловскимъ. Ихъ набрали Шихматовъ и Мусинъ-Пушкинъ. Елагинъ завѣдывалъ конюшнею у Шихматова. Ахматовъ, казанскій помѣщикъ, сдѣланъ цензоромъ потому, что его начальникъ ему долженъ. Изъ старыхъ остался одинъ Фрейгангъ. Онъ служилъ еще въ мое время и тогда считался самымъ придирчивымъ и мелочнымъ цензоромъ, а теперь онъ лучшій, хотя самъ нисколько не перемѣнился къ лучшему.

— 6. Отдалъ записку о цензурѣ для представленія при личномъ докладѣ министра Государю Императору.—Одобрена.

— 7. Общее собраніе въ Академіи наукъ. Я присутствовалъ

тутъ въ первый разъ. Было, между прочимъ, прочтено высочайшее утвержденіе меня въ званіи ординарнаго академика. Вмѣстѣ со мною утвержденъ и преосвященный Макарій. Замѣчательный духовный умъ. Самая наружность его привлекательна, Я смотрѣлъ на него съ эстетическимъ удовольствіемъ, а послѣ подошелъ къ нему, и мы познакомились.

Главнымъ предметомъ засѣданія было избраніе новаго непремѣннаго секретаря на мѣсто умершаго Фусса. Тутъ боролись двѣ партіи: такъ называемая русская и нѣмецкая. Одна старалась провести своего кандидата—Буняковскаго, другая своего—Миддендорфа. Нѣмецкая партія обладаетъ большинствомъ голосовъ, слѣдовательно она должна была превозмочь.

Вражда къ нѣмцамъ сдѣлалась у насъ болѣзнью многихъ. Конечно, хорошо и слѣдуетъ стоять за своихъ—но чѣмъ стоять? Дѣломъ, способностями, трудами и добросовѣстностью, а не однимъ крикомъ, что мы, дескать, русскіе! Нѣмцы первенствуютъ у насъ во многихъ случаяхъ отъ того, что они трудолюбивѣе, а главное—дружно стремятся къ достиженію общей цѣли. Въ этомъ залогъ ихъ успѣха. А мы, во-первыхъ, стараемся сдѣлать все какъ-нибудь, по „казенному“, чтобы начальство было нами довольно и дало намъ награду. Во-вторыхъ, гдѣ трое или четверо собралось нашихъ во имя какой-нибудь идеи, или для общаго дѣла, тамъ непремѣнно ожидайте, что на другой или на третій день они перессорятся, да нагадятъ другъ другу и разбредутся. Одно спасеніе во вмѣшательствѣ начальства. Вотъ и русская партія въ Академіи: Давыдовъ и П. терпѣть не могутъ другъ друга: первый втораго потому, что онъ хорошо поставленъ при дворѣ, а второй перваго за то, что онъ предсѣдательствуетъ въ отдѣленіи и прежде его получилъ Владимірскую звѣзду. С—й готовъ быть всѣмъ, чѣмъ угодно сильнѣйшему. Устряловъ, если хорошо пообѣдалъ и выспался, то ему ужъ ни до чего нѣтъ дѣла. Остроградскій съ нѣкоторыхъ поръ прикидывается ужаснымъ руссофиломъ, но въ сущности это хитрый хохолъ, который въ тихомолку посмѣивается и надъ нѣмцами и надъ русскими, а любитъ деньгу, лѣность и комфортъ. Словомъ, все это въ рознь. Конечно, между нашими есть много людей со способностями, но имъ не дана способность хорошо употреблять свои способности.

Выбранъ былъ Миддендорфъ. Впрочемъ и Буняковскій получилъ только двумя голосами меньше—значитъ и нѣмцы давали ему тоже шары. Есть основаніе предпочесть Миддендорфа Буняковскому. Послѣдній не знаетъ нѣмецкаго языка, а на этомъ языкѣ и на французскомъ производится вся корреспонденція Академіи съ ученою Европою.

И. И. Давыдовъ приготовилъ, было, престранную вещь—протестъ противъ выбора кого-нибудь, кромѣ Буняковскаго, и изъявленіе желанія 2-го отдѣленія, чтобы выбранъ былъ именно онъ. И. И. предложилъ русскимъ подписать заготовленную имъ для прочтенія въ Академім бумагу. Я сильно возсталъ, находя это незаконной, неприличной и безполезной выходкой. Къ счастью, меня поддержали другіе, и дѣло обошлось безъ скандала. Русское отдѣленіе могло бы очутиться въ очень неловкомъ положеніи. Любому нѣмецкому члену стоило бы только подняться съ мѣста и сказать: „Милостивые государи, о чемъ вы хлопочете? Законъ каждому изъ насъ даетъ право голоса. Мы обязаны баллотировать секретаря. Баллотируйте, и результатъ покажетъ, кого избираетъ Академія. Къ чему тутъ окольные пути? Мы всѣ подчинены закону, а вы вводите какой-то странный способъ выбора“ и т. д.

Я подалъ голосъ за Буняковскаго, между прочимъ и потому, что онъ очень хорошій человѣкъ.

— 9. Представлялся великому князю Константину Николаевичу, вмѣстѣ съ прочими членами комиссіи, назначенной для обозрѣнія морскихъ учебныхъ заведеній. Вотъ что онъ намъ сказалъ:

— Прошу васъ, господа, осматривать ничѣмъ не стѣсняясь и высказывать намъ правду о недостаткахъ заведеній. Единственная моя цѣль—узнать правду. Обыкновенно, люди впадаютъ въ ошибки, когда думаютъ, что достигли совершенства. Мы должны знать наши несовершенства, ибо мы можемъ улучшаться. Въ заведеніяхъ морскихъ много недостатковъ, но въ чемъ они состоятъ и какъ ихъ исправить? Вотъ чего я отъ васъ ожидаю. Не торопитесь. Дѣлайте ваше дѣло, какъ вамъ удобнѣе и какъ вамъ позволятъ ваше время и свобода отъ другихъ занятій.

Я упомянулъ о программахъ.

— Да, сказалъ онъ,—программы надо хорошенько разсмо-

трѣть и привести въ порядокъ. Въ военно-учебныхъ заведеніяхъ онѣ хорошо составлены, но какъ идетъ самое дѣло—я не знаю, но по наружности хорошо.

По этимъ словамъ и по тону, какимъ они были сказаны, видно, что великій князь не очень довѣряетъ программамъ и наружному процвѣтанію наукъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Онъ былъ очень привѣтливъ и въ немногихъ своихъ рѣчахъ обнаружилъ много ума и прекрасное направленіе. Онъ понимаетъ, какъ много у насъ фальши и властолюбія, хочетъ правды и доказываетъ это на дѣлѣ. Мы вышли отъ него совершенно довольные имъ. Великій князь не только хорошо говоритъ, но даже краснорѣчиво. У него во всемъ преобладаетъ стремленіе къ правдѣ и ясности,

Отъ него я и Давыдовъ заѣхали къ министру сообщить о результатѣ нашего представленія великому князю.

— 10. Опять нездоровъ.

— 11. Несмотря на нездоровье, осматривалъ вмѣстѣ съ другими морской корпусъ. Я веду записку моихъ наблюденій.

— 13. Поутру засѣданіе Академіи. Читали часть областнаго словаря на букву Б. Бабникъ, бабить и проч.

Сейчасъ отъ министра. У него былъ личный докладъ Государю. Не знаю, почему Авраамъ Сергѣевичъ далъ направленіе дѣлу о цензурѣ не то, какое мы съ нимъ порѣшили послѣ нашего совѣщанія. Вмѣсто того, чтобы прочесть Государю заготовленную записку, онъ на словахъ объяснилъ ему дѣло: вышло не то, что могло и чему слѣдовало выдти. Министръ налегъ на комитетъ 2-го апрѣля, но не выразилъ основаній его зловредности, которыя были изложены въ запискѣ. Государь отвѣчалъ, что такъ какъ онъ, министръ, теперь самъ членъ этого комитета, то послѣдній уже не можетъ быть такъ вреденъ. Объ инструкціи Авраамъ Сергѣевичъ вовсе не упомянулъ, а между тѣмъ это было необходимо. Боюсь, чтобы дѣло не было испорчено.

Еще министръ мнѣ сказалъ, что у него было въ портфелѣ представленіе меня къ Владиміру. Но какъ Государь по другому случаю отказалъ въ наградѣ потому, что представленный къ ней не выслужилъ двухлѣтняго срока, то онъ уже не смѣлъ доложить обо мнѣ.

Не знаю, зачѣмъ онъ мнѣ это счелъ нужнымъ именно теперь

сказать и какъ это понимать. Тутъ какая-то хитрость. Но зачѣмъ, чего онъ хочетъ ею достигнуть?

По всему, однако, видно, что нынѣшній Государь хотя и благоволитъ къ намъ, но не съ излишкомъ, какъ послѣднее время покойный.

Онъ, впрочемъ, согласился, чтобы генералъ-губернаторы не были попечителями. Мѣра полезная, о которой мы много толковали съ Авраамомъ Сергѣевичемъ. При покойномъ Государѣ мы врядъ ли бы добились этого. Но гдѣ-то наберутъ попечителей, какъ Государь выразился, „хорошихъ?“ Надо разомъ трехъ.

Объяснялся съ министромъ еще о „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, то есть о раздѣлѣ редакціи между мною и Сербиновичемъ. Мнѣ придется тутъ довольно работать. Я буду получать половину редакторскаго оклада, т. е. 600 рублей. При моемъ матеріальномъ положеніи и этимъ нельзя пренебрегать.

— 18. Обѣдъ у министра, по случаю возвращенія профессорамъ и учителямъ пенсіона на службѣ. Тутъ были, между прочимъ: Я. И. Ростовцевъ, попечитель Московскаго университета Назимовъ, министръ финансовъ Брокъ, товарищъ его, Норовъ, генералъ Милютинъ, Шульгинъ, Остроградскій и т. д. Вотъ люди все высшаго ранга, могущество и цвѣтъ чиновнаго міра, а нельзя себѣ представить ничего пустѣе разговоровъ за обѣдомъ и послѣ. Всѣхъ лучше былъ Яковъ Ивановичъ, который много шутилъ, если не остроумно, то по крайней мѣрѣ весело. Былъ тутъ еще одинъ сановникъ. Боже мой, что за физіономія!

— 19. Въ городѣ много толковъ о цензурѣ. Тутъ, какъ и въ большей части толковъ и слуховъ, есть правда и ложь. Самъ Авраамъ Сергѣевичъ, къ сожалѣнію, подаетъ поводъ къ преувеличеніямъ. Цензура составляетъ самый деликатный и наболѣвшій нервъ нашей общественной жизни: до него надо дотрогиваться осторожно.

— 20. Наша гражданственность еще не сложилась, потому что у насъ нѣтъ главнаго, безъ чего бываетъ сожитіе, но не гражданственность, а именно: духа общественности, законности и честности, обезпечивающихъ прочность взаимныхъ отношеній и договоровъ, У насъ мало нравственности, потому что мы не истребили въ себѣ многихъ пороковъ, искажающихъ нашу народность, и не развили многихъ добродѣтелей, ей присущихъ.

Вотъ о чемъ надо подумать и позаботиться нашимъ мыслителямъ, народнымъ вождямъ и наставникамъ, а не о политическихъ теоріяхъ и не о возбужденіи духа партій. Гоните прежде всего ложь и фальшъ. Нравы прежде всего—нравы и духъ законности.

— 22. Сегодня кончилось дѣло по журналу съ Сербиновичемъ. На моемъ попеченіи будетъ вся учено-литературная часть журнала, т. е. весь журналъ, кромѣ оффиціальнаго отдѣла. У Сербиновича остается также хозяйственная часть и цензурное просматриваніе статей.

— 29. Все время мое расхищено служебными занятіями и заботами. Меня со всѣхъ сторонъ блокируютъ, какъ крѣпость. Только и знай, что отстрѣливайся то перомъ, то дѣломъ. А что въ этомъ? Только удовлетвореніе закону perpetuo mobile.

Надняхъ былъ приглашенъ на обѣдъ, который военно-учебныя власти давали министру, по случаю исходатайствованія пенсіона на службѣ преподающимъ. Обѣдъ давали подъ предсѣдательствомъ Ростовцева. Роскошь неописанная. Ѣли и пили, какъ рабелевскій Гаргантуа—кромѣ меня, который ѣлъ мало, а пилъ только воду. Ростовцевъ былъ, по обыкновенію, исполненъ шутливости. Министръ спрашивалъ: отчего я не веселъ и скоро ли кончу мой проектъ о цензурѣ. Я тотчасъ послѣ обѣда уѣхалъ домой. Въ этихъ собраніяхъ занятъ только желудокъ и голова настолько, насколько, ей даетъ дѣла шампанское. Пошло и скучно,—скучно, потому что пошло.

Май.—8. Вотъ я сижу въ маленькой коморкѣ въ Павловскѣ, на такъ называемой дачѣ, на углу 1-й Матросской слободки и Пикова переулка. Собственно говоря, это уѣздный городокъ. Кругомъ живутъ Земляники, Тяпкины-Ляпкины и т. д.

Министръ пріѣзжалъ въ Павловскъ осматривать и устраивать купленную имъ дачу. Я провелъ съ нимъ часа два. Опять перемѣна. То онъ ужасно спѣшилъ съ цензурнымъ проектомъ, а теперь желаетъ, чтобы онъ двигался потише. Человѣкъ этотъ перемѣнчивъ и шатокъ, если не въ видахъ своихъ, то въ способахъ ихъ осуществленія. Умъ его легко колеблется и не имѣетъ твердой точки опоры.

— 15. До вчерашняго дня май былъ истинно въ майской красѣ: тепло, свѣтло, иногда дождь, но теплый. Надняхъ была такая

гроза, какой я не помню здѣсь, въ Петербургѣ: она сдѣлала бы честь Малороссіи. Она въ одиннадцать началась ночью и продолжалась до половины перваго. Но со вчерашняго дня такой холодъ, что недостаетъ только снѣгу для настоящей зимы. Такъ и должно быть. Первая половина мая была что-то неестественное, несправедливое. Природа теперь поправляетъ свою ошибку.

— 17. Почти все время провожу въ городѣ. Иногда пріѣзжаю на дачу вечеромъ, а на другое утро въ 8 часовъ опять уѣзжаю. Какіе страшные холода. Вчера, то есть въ Духовъ день, шелъ снѣгъ. Сегодня дождь пополамъ со снѣгомъ. Мы сидимъ въ комнатахъ и топимъ печи. Чтобы выходить гулять нужны шубы.

Я работаю надъ окончаніемъ цензурнаго проекта. Выходитъ цѣлая книга. Что-то скажетъ мой Авраамъ Сергѣевичъ?

Въ четвергъ, пріѣхавъ съ дачи, я нашелъ у себя записку, въ которой извѣщали меня о смерти Всеволода Андреевича Коссиковскаго, моего многолѣтняго добраго пріятеля. Онъ умеръ мгновенно отъ какого-то удара. Медики придумали ему прекрасное техническое названіе, отъ котораго смерть получаетъ характеръ почтеннаго ученаго событія. Коссиковскій оставилъ у меня запечатанное духовное завѣщаніе, которое назначилъ открыть въ присутствіи его родственниковъ, черезъ недѣлю послѣ его смерти.

— 23. Кончилъ проектъ наставленій цензорамъ. Вышло 26 листовъ моего черноваго письма. Сегодня окончательно пересмотрѣлъ поутру, а вечеромъ прочиталъ министру. Обычные восторги и объятія.

Я и самъ сознаю важность настоящаго моего труда. Министерство уже не разъ принималось за исполненіе его, но ничего изъ этого не выходило. Это вышелъ теперь настоящій цензурный уставъ, столь опредѣленный, какъ только могутъ быть законы этого рода. Произволъ цензоровъ обузданъ, литературѣ данъ просторъ и указаны мѣры противъ злоупотребленій. Это рѣшеніе трудной задачи. Я читалъ проектъ Марку Николаевичу Любощинскому, мнѣніе котораго для меня очень важно, ибо онъ оберъ-прокуроръ сената, одинъ изъ нашихъ лучшихъ юристовъ и человѣкъ не только теоретически, но и практически умный. Онъ его болѣе чѣмъ одобрилъ.

Мы съ министромъ положили, что это будетъ внесено въ

главное управленіе цензуры, а оттуда представлено Государю при краткомъ извлеченіи. Хорошо, еслибы этимъ и обошлось. Проектъ, впрочемъ, еще будетъ прочитанъ Ростовцеву.

Въ заключеніе я просилъ, и въ весьма сильныхъ выраженіяхъ, чтобы не дѣлали никакихъ измѣненій безъ меня. Авраамъ Сергѣевичъ торжественно обѣщался.

Іюнь.—2. Вотъ что со мной случилось. Духовное завѣщаніе Коссиковскаго вскрыто, въ присутствіи брата его Валентина, вдовы другого брата и опекуна ея дѣтей. Въ пакетѣ оказались двѣ бумаги: одна—завѣщаніе, а другая—письмо брату. Послѣднее я вручилъ ему, не читая. Имущество покойнаго оцѣнено въ 160 т. руб. сер. Изъ нихъ онъ 50 т. завѣщалъ дѣтямъ своего прежде умершаго брата, а 110 т. Валентину, съ тѣмъ, чтобы онъ отчислилъ изъ нихъ 30 т. для его побочиой дочери и сдѣлалъ еще нѣкоторыя выдачи, въ томъ числѣ, въ память нашей дружбы, мнѣ, какъ сказано въ письмѣ брату, три тысячи рублей, для изданія моихъ сочиненій. Мнѣ, какъ говорится, не имѣющему копѣйки за душой, это было великимъ благомъ, и я отъ души поблагодарилъ моего добраго пріятеля. Но судьба посмѣялась надо мною: я всего въ теченіе нѣсколькихъ часовъ видѣлъ себя обладателемъ трехъ тысячъ. Читая завѣщаніе, мы сначала не замѣтили, что въ немъ соблюдены всѣ формы, кромѣ одной: завѣщаніе не подписано завѣщателемъ. Въ тотъ же день позднѣе я узналъ этотъ печальный промахъ покойнаго, сдѣланный имъ какъ-нибудь въ разсѣянности, хотя онъ вообще отличался осмотрительностью и большою аккуратностью. Я поѣхалъ къ Марку Николаевичу Любощинскому, который объявилъ мнѣ, что завѣщаніе не имѣетъ никакой силы. Значитъ, все разлетѣлось прахомъ. Какъ душеприказчикъ, я однако долженъ былъ соблюсти законную форму и представилъ актъ въ гражданскую палату, гдѣ его и объявили недѣйствительнымъ. Тѣмъ все и кончилось. Теперь имущество должно идти въ раздѣлъ по закону и Валентинъ получитъ только свою законную часть, а дочь покойнаго—ничего. Да, это горькая насмѣшка судьбы.

— 17. Академическія засѣданія вызываютъ меня въ городъ по два раза въ недѣлю. „Журналъ Министерства“ тоже требуетъ моего присутствія тамъ. Это для меня значительная издержка времени и денегъ.

— 19. Занимался дѣлами съ Авраамомъ Сергѣевичемъ отъ 12-ти пополудни до 3-хъ. Онъ готовитъ личный докладъ Государю. Много обсуждали важныхъ предметовъ, да не знаю, будутъ ли отъ этого плоды. Наши дѣла идутъ менѣе успѣшно съ нынѣшнимъ Государемъ, чѣмъ шли послѣднее время при покойномъ. Министръ нашъ имѣлъ болѣе значенія при Николаѣ, которому нравился тонъ откровенности и прямодушія, принятый Авраамомъ Сергѣевичемъ. Покойный Государь рѣшалъ самъ и скоро, и мы могли представлять ему о многомъ, не опасаясь отказа, особенно при извѣстномъ искусствѣ редакціи. Нынѣ не то. Императоръ видимо удрученъ войною, дѣла, не относящіяся къ ней, слушаетъ не съ полнымъ вниманіемъ, спѣшитъ и многаго не рѣшается брать на себя, боясь ошибиться.

Блудовскій комитетъ намѣренъ представить Государю и свои замѣчанія и соображенія относительно народнаго просвѣщенія. Какую въ этомъ роль будетъ играть министръ — неизвѣстно. Блудовъ говорилъ ему, что все будетъ передано на его окончательное усмотрѣніе, а я стороною слышалъ иное. Хотятъ составить при министрѣ совѣтъ, который будетъ раздѣлять съ нимъ его власть и труды. Авраамъ Сергѣевичъ, было, думалъ предупредить блудовскій докладъ, и просилъ меня обдумать это и составить записку. Но, по зрѣломъ размышленіи, мы оба убѣдились, что этого дѣлать не слѣдуетъ, а должно уже спокойно ожидать послѣдствій блудовскаго доклада и тогда дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ.

Между тѣмъ, вотъ какія дикія дѣла дѣлаются. Надняхъ министръ получилъ изъ Казани безъимянное письмо, написанное безграмотно и наполненное гнуснѣйшими доносами на Казанскій университетъ. Письмо, по тону и содержанію, не заслуживало ни малѣйшаго вниманія, и министръ, не желая дать ему оффиціальнаго хода, частнымъ образомъ показалъ его Дуббельту, который, съ своей стороны, нашелъ его заслуживающимъ одно презрѣніе. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Министръ получилъ отъ графа Орлова отношеніе, изъ котораго видно, что доносъ произвелъ впечатлѣніе. Это очень огорчило Авраама Сергѣевича. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только прочесть письмо, чтобы увидѣть, что его писалъ какой нибудь невѣжда и мерзавецъ изъ личной ненависти къ кому нибудь изъ университетскихъ, хотя оно и подписано

титуломъ, но безъ фамиліи. Кажется, подобную бумагу слѣдовало бы просто бросить въ огонь. Между тѣмъ, мы съ добрый часъ провозились, придумывая, какъ лучше отвѣчать на полученное отношеніе.

Страшный законъ судьбы: ты не получишь желаемой вещи прежде, нежели она не утратитъ для тебя половины своей прелести.

— 25. Въ четвергъ министръ былъ съ докладомъ у Государя. Все сошло благополучно. Государь опять изъявилъ согласіе, чтобы генералъ-губернаторы не были попечителями. Онъ также отвергъ мысль, представленную московскимъ и здѣшнимъ попечителями, чтобы студентамъ, не окончившимъ курсъ, предоставлено было опредѣляться въ военную службу прямо офицерами. Отъ этого потерпѣла бы наука.

Я говорилъ еще Аврааму Сергѣевичу о „Конькѣ-Горбункѣ". Его хотятъ печатать новымъ изданіемъ, а безтолковая цензура не пропускаетъ его. Елагинъ говоритъ въ своемъ докладѣ, что въ этой сказкѣ излагаются „несбыточныя происшествія".

Дѣло о цензурѣ застряло въ канцеляріи. По приказанію министра, я отдалъ туда мою записку для перебѣленія. Вотъ ужъ скоро мѣсяцъ она переписывается. Это ужасъ! Я говорилъ министру. Онъ отвѣчалъ, что канцелярія его безтолкова, а директоръ . . . . ., и обѣщалъ подвинуть дѣло, но все забываетъ. Вотъ какъ дѣлаются у насъ серьезныя дѣла!

Хочу просить, чтобы назначили особаго чиновника для переписки моихъ бумагъ. Посредствомъ канцеляріи нѣтъ никакой возможности что-нибудь дѣлать.

Іюль.—2. Опять работа за другихъ. Комиссія по морскимъ учебнымъ заведеніямъ представила отчетъ министру, отъ котораго онъ уже долженъ идти къ великому князю. Министръ нашелъ, что редакція отчета никуда не годится—и вотъ на меня пало несноснѣйшее дѣло исправить его. Отчетъ къ тому же очень великъ.

— 4. Работалъ часа четыре съ министромъ надъ отчетомъ. По крайней мѣрѣ, кончилъ. Надо было спѣшить, потому что великій князь требуетъ отчета.

— 5. Собираюсь въ дорогу, въ Витебскъ. Я записался уже на мѣсто въ почтовой каретѣ.

— 12. Завтра отправляюсь въ путь. Попечитель далъ мнѣ порученіе осмотрѣть въ Витебскѣ гимназію и другія учебныя заведенія и снабдилъ меня казенною подорожною—безъ прогонныхъ денегъ, разумѣется. Министръ тоже хочетъ, чтобы я осмотрѣлъ тамъ еврейское училище. Итакъ всетаки служба.

13-го іюля, въ среду, я отправился въ почтовой каретѣ въ Витебскъ. Я взялъ наружное мѣсто. Товарищемъ моимъ былъ чиновникъ почтоваго департамента, И. А. Хилькевичъ, а внутри кареты сидѣли два чиновника: одинъ — министерства государственныхъ имуществъ, Савицкій. Дорога до Острова была довольно безпокойная, тряская. Она испорчена огромными обозами, которые безконечно тянутся по ней изъ Варшавы до Петербурга и обратно, включая въ себя всю нашу нынѣшнюю внѣшнюю торговлю. Отъ Острова шоссе лучше. По дорогѣ мелькаютъ новые, премиленькіе почтовые домики, съ садиками и цвѣтниками, точно на петербургскихъ дачахъ. Только въ этихъ домикахъ нечего ни ѣсть, ни пить. Я попробовалъ въ Лугѣ спросить обѣдъ. Мнѣ подали на грязной скатерти цыплятъ, къ которымъ нельзя было близко подойти—такъ благоухали они.

22-го я пріѣхалъ въ Витебскъ ночью и на другой день осмотрѣлъ учебныя заведенія, вмѣстѣ съ директоромъ Красноумовымъ. Былъ у здѣшняго генералъ-губернатора, у архіерея.

1-го августа, окончивъ всѣ свои дѣла въ Витебской губерніи, я отправился въ городъ Городокъ, чтобы встрѣтить тамъ могилевскій дилижансъ и сѣсть въ него. Но что, если я не найду тамъ мѣста? Мысль эта очень безпокоила меня. Едва пріѣхалъ я на станцію, содержатель почтовой гостиницы объявилъ мнѣ, что всѣ дилижансы, которые здѣсь проѣзжаютъ, обыкновенно бываютъ полны. Вотъ тебѣ и на! А мнѣ необходимо явиться въ Петербургъ къ сроку.

Раздались звуки почтоваго рожка. Явился дилижансъ.

— Есть мѣсто? спрашиваю со страхомъ, боясь услышать роковой отвѣтъ.

— Нѣтъ! отвѣчаютъ мнѣ.

Что тутъ дѣлать? Дожидаться слѣдующаго дилижанса, который здѣсь будетъ въ пятницу. Но вѣдь и тамъ можетъ не найтись мѣста—даже навѣрное. Кондукторъ мнѣ сказалъ, что въ Могилевѣ на два мѣсяца впередъ разобраны всѣ мѣста. Ѣхать

на перекладныхъ? У меня была казенная подорожная. Но перекладываться на каждой станціи—невыносимо.

Я позвалъ кондуктора.

— Не можешь ли ты какъ нибудь помѣстить меня? спросилъ я. Послѣ долгихъ переговоровъ, оказалось возможнымъ кое-какъ пріютиться на козлахъ, вмѣстѣ съ кондукторомъ, разумѣется, за порядочную плату ему съ ямщикомъ. Въ гостиницѣ всѣ ужаснулись, какъ генералъ поѣдетъ на козлахъ. Но генералъ, съ ловкостью козла, вскочилъ на козлы и помчался, весело обозрѣвая съ высоты безконечную даль съ лѣсами и холмами. Сначала все шло хорошо, и я радовался своей рѣшимости сѣсть на козлы. Скоро, однако, оказались неудобства. Тѣсно. Но это бы еще ничего. Спать нельзя. Но это еще можно бы кое-какъ снести: я не падокъ на сонъ. Но сосѣдъ мой кондукторъ оказался очень на него падкимъ, чему, конечно, не мало способствовали значительные пріемы водки на каждой станціи. Онъ едва садился на козлы, какъ начиналъ храпѣть и всею тяжестью своего грузнаго тѣла наваливался на меня. Я, конечно, выразилъ протестъ. Такъ ѣхалъ я съ горемъ пополамъ до Велижа. Въ этомъ городѣ мой кондукторъ вдругъ мнѣ объявляетъ, что такъ какъ ѣхать втроемъ на козлахъ неудобно, то онъ и броситъ меня въ Велижѣ на произволъ судьбы. Все вышло изъ-за того, что на послѣдней станціи станціонный смотритель замѣтилъ, что врядъ ли ему удастся въ Петербургѣ скрыть, что онъ контрабандою везетъ генерала, и что въ такомъ случаѣ деньги, 20 руб., минуютъ его карманъ. Минута была рѣшительная и я, несмотря на все мое отвращеніе къ барскимъ и чиновническимъ замашкамъ, ужъ самъ оперся на свое генеральство и разразился такой трескотнею брани, что кондукторъ, очевидно неожидавшій этого отъ „такого тихони" какъ я слышалъ, онъ потомъ разсказывалъ ямщику—испугался и, бѣдный, съ этой минуты былъ до нельзя учтивъ и услужливъ. За то и я наградилъ его. Чтобы въ Петербургѣ у него не отобрали 20 руб., увидѣвъ во мнѣ сверхштатнаго пассажира, я остался въ Гатчино, а оттуда поѣхалъ въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ. На прощанье далъ ему еще 5 руб. и, въ заключеніе, мы разстались вполнѣ довольные другъ другомъ.

По пріѣздѣ, дня черезъ два, я явился къ Норову. Онъ тутъ же задалъ мнѣ работу, не сложную, но трудную по обстоятель-

ствамъ. У него завязалась крупная переписка съ Васильчиковымъ. Надо написать къ нему отношеніе—весьма дипломатическое. Въ канцеляріи написали, но Авраамъ Сергѣевичъ имъ недоволенъ и обратился ко мнѣ. Проработалъ ночь и отдалъ министру. Восторги, объятія.

Товарищемъ министра назначенъ князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.

— 27. Сегодня открытіе восточнаго факультета въ университетѣ. Молебенъ, рѣчи профессоровъ Попова и Казембека, завтракъ. Я былъ приглашенъ въ качествѣ члена и дѣлопроизводителя комитета, занимающагося устройствомъ факультета, а главное—въ качествѣ того, кому принадлежала первоначальная мысль открыть факультетъ, вмѣсто предполагаемаго отдѣльнаго института.

Авраамъ Сергѣевичъ представилъ меня князю Вяземскому. Во время отсутствія министра, намъ предписано заняться преимущественно устройствомъ цензуры.

— 30. Мои именины. Жена ѣздила въ городъ и привезла горестную вѣсть: Севастополь взятъ! Вотъ слово въ слово бюллетень отъ 27-го августа: „Въ двѣнадцать часовъ пополуночи. Непріятель получаетъ почти ежедневно новыя подкрѣпленія. Бомбардированіе продолжается огромное.—Уронъ нашъ болѣе 2,500 человѣкъ въ сутки".

Въ 10 часовъ утра. „Войска Вашего Императорскаго Величества защищали Севастополь до крайности, но болѣе держаться въ немъ, за адскимъ огнемъ, коему городъ подверженъ, невозможно. Войска переходятъ на Сѣверную сторону, отбивъ окончательно, 27-го августа, шесть приступовъ изъ числа семи, поведенныхъ непріятелемъ на Западную и Корабельную стороны; только изъ одного Корнилова бастіона не было возможности ихъ выбить. Враги найдутъ въ Севастополѣ однѣ окровавленныя развалины".

Боже мой, сколько жертвъ! Какое гибельное событіе для Россіи! Бѣдное человѣчество! Одного мановенія . . . . достаточно было, чтобы съ лица земли исчезло столько цвѣтущихъ жизней, пролито столько крови и слезъ, родилось столько страданій.

Мы не два года ведемъ войну — мы вели ее тридцать лѣтъ,

содержа милліонъ войскъ и безпрестанно грозя Европѣ. Къ чему все это? Какія выгоды и какую славу пріобрѣла отъ того Россія?

У меня, по обыкновенію, въ этотъ день обѣдали ближайшіе друзья. Вечеромъ пришла съ матерью дѣвица Грюнбергъ, которая пропѣла своимъ прелестнымъ голосомъ нѣсколько пьесъ. Но ничто не могло заглушить ни во мнѣ, ни въ моихъ гостяхъ щемящей боли отъ извѣстій съ театра войны.

Городскіе мои гости, около 11-ти часовъ, отправились на желѣзную дорогу, чтобы ѣхать въ Петербургъ съ послѣднимъ поѣздомъ. Но, къ моему удивленію, черезъ полчаса вернулись. На желѣзной дорогѣ случилось несчастіе: нѣсколько вагоновъ переломано. Говорятъ, много людей убито или изувѣчено. Гостей моихъ я кое-какъ пріютилъ на ночь у себя.

— 31. Ѣздилъ въ городъ провожать Авраама Сергѣевича, который отправляется въ Москву и Казань осматривать университеты.

Членамъ комиссіи, осматривавшей морской корпусъ, велѣно объявить Высочайшее удовольствіе за ихъ труды. Великій князь очень доволенъ нашимъ отчетомъ, только замѣтилъ, что мы были не довольно строги.

Сентябрь. — 3. Князь Вяземскій написалъ патріотическую статью противъ Парижской выставки, которую онъ считаетъ безтолковою и ненужною спекуляціею. Теперь такъ легки сообщенія и сближенія между народами, что, по мнѣнію князя, всякій, и безъ выставки, легко можетъ видѣть все достопримѣчательное по части искусства и промышленности въ разныхъ государствахъ. Князь забылъ, что, во-первыхъ, не всѣ могутъ, несмотря на легкость сообщеній, разъѣзжать по Европѣ, съ цѣлью видѣть новѣйшія усовершенствованія въ человѣческой дѣятельности. А во-вторыхъ, соединеніе въ одно всего, что создала эта дѣятельность великаго, прекраснаго и полезнаго, имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ знакомство съ отдѣльными явленіями этого рода, разсѣянными по всѣмъ частямъ свѣта: возможность подобнаго соединенія уже сама по себѣ есть торжество образованности и дѣлаетъ честь вѣку и націи, устроивающимъ его. Чтобъ не понять этого, надо быть ужъ очень кваснымъ патріотомъ. Вотъ какъ мы изучаемъ міровыя событія и судимъ о нихъ! Лѣтъ пять тому назадъ, москвичи провозгласили, что Европа

гніетъ, что она уже сгнила, а бодрствуютъ, живутъ и процвѣтаютъ одни славяне. А вотъ теперь Европа доказываетъ нашему невѣжеству, нашей апатіи, нашему высокомѣрному презрѣнію ея цивилизаціи, какъ она сгнила. О, горе намъ!

Всѣ радуются свержению Бибикова. Это былъ тоже одинъ изъ нашихъ великихъ государственныхъ мужей школы прошедшаго. Это умъ, по силѣ и образованію своему, способный управлять пожарною командою и, пожалуй, возвыситься до начальника управы благочинія. Никто, кромѣ развѣ графа Петра Андреевича Клейнмихеля, не понималъ лучше него системы рѣшительныхъ мѣръ, сущность которой превосходно опредѣлена словами одной сказки: „а нашъ богатырь, что медвѣдь въ лѣсу— гнетъ дуги не паритъ, сломитъ—не тужитъ".

— 18. Каждому человѣку отпущено отъ природы извѣстное количество силъ, изъ которыхъ онъ долженъ создать себя, или свой характеръ. Значитъ нравственная физіономія наша зависитъ отъ двухъ основныхъ причинъ: темперамента и воли. Искусство управлять темпераментомъ, своими природными наклонностями и силами, есть самообладаніе.

Я часто раскаявался въ томъ, что переѣлъ, перепилъ и переговорилъ и никогда въ томъ, что не доѣлъ, не допилъ, не договорилъ.

— 15. Наше общество одарено способностью все дѣлать легко, но оно не выказываетъ способности дѣлать что нибудь какъ слѣдуетъ и какъ должно. Его девизъ—какъ-нибудь.

— 19. Въ публикѣ много говорятъ о статьѣ Погодина, написанной по случаю пріѣзда Государя въ Москву. По моему, тамъ много самохвальства: „Мы первый народъ въ мірѣ, мы лучше всѣхъ", и т. д. Но тутъ есть одно мѣсто замѣчательное, потому что оно выражаетъ общее чувство—это то, гдѣ авторъ говоритъ о „любезныхъ намъ именахъ Петра, Екатерины, Александра"— о Николаѣ ни слова. Говорятъ, Государь самъ пропустилъ эту статью въ печать. Мусинъ-Пушкинъ не велѣлъ ее перепечатывать въ здѣшнихъ газетахъ.

— 25. Ѣздилъ въ Царское Село къ товарищу министра, князю Вяземскому, съ докладомъ. Читалъ проектъ инструкціи цензорамъ. Онъ очень одобрилъ. Исправивъ писарскія ошибки, долженъ доставить князю проектъ для препровожденія къ графу

Блудову. Я говорилъ съ княземъ о многомъ, касающемся нашего министерства. Онъ мало знакомъ еще съ дѣлами и во всемъ соглашался. Впрочемъ, отъ этого врядъ ли можно ждать пользы. Почти всѣ наши сановники на все соглашаются, и тѣмъ не менѣе ничего не дѣлается. Во всякомъ случаѣ, князь—то, что называется человѣкомъ образованнымъ.

Совѣщаніе наше продолжалось три часа, наконецъ, князя позвали обѣдать къ Государынѣ.

День былъ прелестнѣйшій, и такъ какъ я уже опоздалъ на ближайшій поѣздъ, то рѣшился проѣхать въ Павловскъ. Тамъ пообѣдалъ въ вокзалѣ, побродилъ по опустѣвшему парку, взглянулъ на мою лѣтнюю хижину, послушалъ музыку Гунгля и въ три четверти десятаго отправился домой въ Петербургъ.

Октябрь.—5. Пріѣхалъ министръ. Онъ былъ въ Москвѣ и Казани.

— 6. Вечеръ провелъ у министра въ дружеской, откровенной бесѣдѣ. Въ субботу онъ опять ѣдетъ—въ Дерптъ. Онъ доволенъ Казанскимъ университетомъ; Московскій намъ уже хорошо извѣстенъ.

— А каково главное, спросилъ я:—какъ тамъ учатъ и учатся?

— Хорошо, отвѣчалъ онъ.

Авраамъ Сергѣевичъ сказалъ въ Казани профессорамъ:

— Наука, господа, всегда была для насъ одною изъ главнѣйшихъ потребностей, но теперь она первая. Если враги наши имѣютъ надъ нами перевѣсъ, то единственно силою своего образованія. И такъ мы должны всѣ наши силы устремить на это великое дѣло, и т. д.

При проводахъ, одинъ изъ студентовъ, отъ имени своихъ товарищей, сказалъ министру:

— Увѣрьте Государя, что мы всѣ наши силы посвятимъ наукѣ.

Все это хорошія слова. Дай Богъ, чтобы они обратились въ такія же дѣла. Теперь всѣ видятъ, какъ поверхностно наше образованіе, какъ мало у насъ существенныхъ умственныхъ средствъ. А мы думали столкнуть съ земнаго шара гніющій Западъ! Не малому еще предстоитъ намъ у него поучиться!

Теперь только открывается, какъ ужасны были для Россіи прошедшія 29 лѣтъ. Администрація въ хаосѣ; нравственное чувство подавлено; умственное развитіе остановлено; злоупотребле-

нія и воровство выросли до чудовищныхъ размѣровъ. Все это плодъ презрѣнія къ истинѣ и слѣпой вѣры въ одну матеріальную силу.

— 7. Боже мой, какое горе, какая потеря для науки, для мысли, для всего высокаго и прекраснаго: Грановскій умеръ! Это былъ въ нашемъ ученомъ сословіи человѣкъ, котораго можно было вполнѣ уважать, въ правоту ума и сердца котораго можно было безусловно вѣрить. Онъ былъ чистъ, какъ лучъ солнца, отъ всякой скверны нашей общественности. Это былъ Баярдъ мысли, рыцарь безъ страха и упрека.

Поѣхалъ сегодня въ Католическую академію. Тамъ новая скорбь: митрополитъ Головинскій умеръ. Онъ заболѣлъ серьезно въ концѣ лѣта. Ему былъ всего 48-й годъ. Въ немъ я потерялъ человѣка тоже близкаго моему сердцу. Четырнадцать лѣтъ мы были связаны тѣсной дружбой и взаимнымъ уваженіемъ. Это былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ умовъ въ Россіи. Я со слезами преклонился передъ его гробомъ. Нѣсколько священниковъ пѣли погребальные гимны. Толпы людей входили и выходили. Юноши академическіе, кажется, искренно тронуты.—Господа, сказалъ я имъ,—вы потеряли истиннаго пастыря и отца, общество—человѣка высокихъ чувствъ и ума, я потерялъ въ немъ друга.

— 8. Неволинъ умеръ за границею. Вчера получено объ этомъ телеграфное извѣстіе. А тамъ, подъ Карсомъ, мы потерпѣли пораженіе. Кинбурнъ взятъ. Все однѣ утраты и скорби— физическія и нравственныя. Вотъ уже дѣйствительно мы живемъ въ юдолѣ скорбей.

Отчего, между прочимъ, у насъ мало способныхъ государственныхъ людей? Оттого, что отъ каждаго изъ нихъ требовалось одно—не искусство въ исполненіи дѣлъ, а повиновеніе и, такъ называемыя, энергическія мѣры, чтобы всѣ прочіе повиновались. Такая немудреная система могла-ли воспитать и образовать государственныхъ людей? Всякій, принимая на себя важную должность, думалъ объ одномъ: какъ бы удовлетворить лично господствовавшему требованію, и умственный горизонтъ его невольно съуживался въ самую тѣсную рамку. Тутъ нечего было разсуждать и соображать, а только плыть по теченію.

— 9. Еще одна смерть, только политическая и притомъ воз-

буждающая общую радость, а не печаль: Клейнмихель, наконецъ, подобно Бибикову, палъ и уничтожился. Вчера, говорятъ, онъ получилъ изъ Николаева отъ Государя записку, въ которой ему предлагаютъ подать въ отставку.

— 12. Продолженіе всеобщей радости, по случаю паденія Клейнмихеля. Всѣ поздравляютъ другъ друга съ побѣдою, которая, за недостаткомъ настоящихъ побѣдъ, составляетъ истинное общественное торжество.

Въ самомъ ли дѣлѣ онъ такъ виноватъ? Онъ ограниченъ. Ума у него настолько, чтобы быть надзирателемъ тюремнаго замка, но онъ не золъ отъ природы. Зло заключалось не въ немъ, а въ его положеніи, положеніе же его устроила судьба, сдѣлавъ изъ него всевластнаго вельможу въ насмѣшку русскому обществу.

— 16. Пріѣхалъ изъ Москвы Катковъ хлопотать о журналѣ. Послѣ разныхъ затрудненій, наконецъ, рѣшились дать ему позволеніе возобновить „Сынъ Отечества", какъ я первоначально совѣтывалъ ему и министру, для облегченія дѣла. Только Катковъ почему-то не хочетъ назвать своего журнала „Сыномъ Отечества", тогда какъ програму выхлопоталъ послѣдняго.

Въ обществѣ начинаетъ прорываться стремленіе къ лучшему порядку вещей. Но этимъ еще не слѣдуетъ обольщаться. Все, что до сихъ поръ являлось у насъ хорошаго или дурнаго—все являлось не по свободному, самобытному движенію общественнаго духа, а по указанію и по волѣ высшей власти, которая всѣмъ распоряжалась и одна вела куда хотѣла. Замѣчательныя личности и отдѣльные факты мало значатъ въ общей массѣ застоя: это пузыри, выскакивающіе на поверхности сонной влаги, взволнованной вдругъ паденіемъ въ нее какой-нибудь тяжести.

Многіе у насъ теперь даже начинаютъ толковать о законности и гласности, о замѣнѣ бюрократіи въ администраціи болѣе правильнымъ отправленіемъ дѣлъ. Лишь бы все это не испарилось въ словахъ! Русскій умъ удивительно склоненъ довольствоваться словами вмѣсто дѣлъ—начинать и оканчивать одними хорошими намѣреніями, которыми, какъ говорится, вымощенъ адъ. Теперь намъ предстоитъ собрать всѣ свои силы и дружно ихъ сосредоточить на благія дѣла. До сихъ поръ мы изображали въ Европѣ только огромный кулакъ, которымъ грозили ея граж-

данственности, а не великую силу, направленную на собственное усовершенствованіе и развитіе.

Конца нѣтъ толкамъ о Клейнмихелѣ. Бѣдный! Чѣмъ онъ виноватъ? Его безжалостно опаивали почестями и властью. Голова его не могла этого вынести: мудрено ли, что онъ наконецъ, совсѣмъ опьянѣлъ и потерялъ голову.

— 18. Былъ у министра, который возвратился изъ Дерпта, гдѣ былъ всѣмъ доволенъ. Секретный разговоръ объ одномъ изъ нашихъ профессоровъ, который будто бы проповѣдуетъ либерализмъ съ каѳедры: объ этомъ кто-то донесъ министру. Спрашивалъ моего мнѣнія. Чтобы не дать искрѣ разгорѣться, я взялся переговорить съ ректоромъ. Тутъ, конечно, нѣтъ намѣренія, а или неосторожность, или ложное истолкованіе словъ. Какъ бы то ни было—это очень непріятное дѣло и достойный человѣкъ можетъ пострадать, а мы и такъ не богаты подобными людьми.

Вечеромъ былъ у князя Вяземскаго. Продолжительный и искренній разговоръ. Я сильно нападалъ на бюрократію и канцеляризмъ. Одинъ человѣкъ у насъ добивается директорства и, по простотѣ Норова, можетъ этого добиться. Тогда великая бѣда будетъ угрожать министерству: это грубый и злой невѣжда. Надо по мѣрѣ силъ этому воспрепятствовать.

Получилъ высочайшее повелѣніе о назначеніи меня членомъ комитета, подъ предсѣдательствомъ графа Д. Н. Блудова, для разсмотра посмертныхъ сочиненій Жуковскаго, которыя хотятъ теперь издать. Другіе члены: Плетневъ, князь Вяземскій, Корфъ Модестъ Андреевичъ и Тютчевъ.

— 19. Былъ у графа Блудова. Онъ очень привѣтливъ. Говорилъ о Жуковскомъ съ большимъ уваженіемъ, также какъ и о всей литературѣ Карамзинскаго періода. Меня порадовала его живость и теплота отношенія ко всему, что касается ума, знанія и поэзіи.

— 26. Докладывалъ министру о „Журналѣ“. Онъ утвердилъ объявленіе на 1856 годъ. Просилъ меня передѣлать отношеніе великому князю. Передѣлывать тутъ нечего: его надо вновь написать.

Авраамъ Сергѣевичъ еще просилъ рекомендовать ему когонибудь въ попечители. Людей способныхъ теперь трудно найти, ибо до сихъ поръ ихъ не хотѣли. Я предложилъ Ребиндера, если

тотъ согласится. Министръ ухватился съ жаромъ за него и уполномочилъ меня открыть съ нимъ переговоры.

— 27. Заѣхалъ поутру къ Ребиндеру. Если его не станутъ настоятельно посылать въ Кяхту, онъ приметъ попечительство въ Харьковѣ или Кіевѣ.

Былъ у князя Вяземскаго. Экзаменовалъ въ университетѣ дѣвицъ. Присутствовалъ въ засѣданіи Академіи. Былъ у графа Блудова, гдѣ состоялось сегодня собраніе комитета по разсмотру сочиненій Жуковскаго. Собрались: Корфъ, Плетиевъ, Тютчевъ. Графъ Блудовъ очень любезенъ. Толковали, какъ приняться за разсмотрѣніе сочиненій Жуковскаго. Положено раздѣлить ихъ на части, которыя каждый членъ по прочтеніи доставитъ другому.

Говорилъ съ графомъ о цензурѣ и, разумѣется, не щадилъ ее.

— У нынѣшнихъ цензоровъ, сказалъ я, — врожденная непріязнь ко всѣмъ книгамъ, кромѣ одной, которую они чтутъ высоко.

— Какая-же это книга? спросилъ графъ.

— Книга приходо-расходная, отвѣчалъ я,—гдѣ они расписываются въ полученіи жалованья.

Ноябрь. — 16. Около двухъ недѣль уже я пригвожденъ къ моему письменному столу. Авраамъ Сергѣевичъ поручилъ мнѣ составить отчетъ Государю о своемъ осмотрѣ университетовъ Московскаго, Казанскаго и Дерптскаго, гимназій и т. д. Ему написалъ, было, отчетъ Кисловскій, но министръ нашелъ его никуда негоднымъ и даже мнѣ не показалъ.

Бѣда! Я захлебываюсь, тону въ дѣлахъ. Крѣпко тяжело приходится, а тутъ еще и головная боль по временамъ. Да и какъ не болѣть головѣ, когда случается въ сутки спать не больше трехъ часовъ.

— 17. Ну, славу Богу! Кончена египетская работа. Сегодня прочли съ министромъ и послѣдніе листы отчета.

— 19. Вечеръ у графини Ростопчиной. Она читала свою новую драму. Довольно таки скучна. Тутъ было нѣсколько княгинь, графинь, князь Вяземскій, Тютчевъ, Плетневъ, князь Одоевскій. Я возвратился домой въ два часа ночи.

Графиня очень аристократничала, нападала на низшія сословія, восхваляла высшее дворянство. Тютчевъ ей очень умно

возражалъ. Мнѣ, плебею, ничего не оставалось, какъ молчать— и я молчалъ. Да и что сталъ бы я говорить болтуньѣ, которая только саму себя слушаетъ?

Нѣтъ высшаго счастья, какъ споспѣшествовать счастью другихъ.

— 24. Вчера министръ имѣлъ личный докладъ у Государя. Его величество превосходно принялъ писанный мною отчетъ обозрѣній министра. Государь вообще былъ благосклоненъ и на всѣ представленія министра отвѣчалъ согласіемъ.

Вечеромъ отъ Авраама Сергѣевича я поѣхалъ къ Тургеневу. Тамъ засталъ много литераторовъ: Майкова, Дружинина, Писемскаго, Гончарова, пріѣхавшаго изъ Севастополя графа Льва Николаевича Толстаго и т. д.

Кстати о Майковѣ. Надняхъ онъ читалъ у меня свое новое стихотвореніе: „Сны". Оно написано уже въ другомъ духѣ, чѣмъ послѣднія его пьесы. Я совѣтую Майкову не вдаваться ни въ какія суетныя ученія или партіи, а быть просто художникомъ, къ чему у него истинное призваніе. У него большой талантъ: тѣмъ больше долженъ онъ бережно съ нимъ обращаться.

Здѣшніе литераторы написали поздравительный адресъ Щепкину, юбилей котораго празднуется въ Москвѣ въ субботу на этой недѣлѣ. Я также подписалъ адресъ. Щепкинъ почтенный, достойный человѣкъ. Въ немъ — умъ, талантъ, честность и при этомъ онъ самъ себя создалъ. Онъ стоитъ почести, которую ему хотятъ оказать.

Мнѣ удалось, наконецъ, провести Гончарова въ цензора. Къ первому января смѣняютъ трехъ цензоровъ, наиболѣе нелѣпыхъ. Гончаровъ замѣнитъ одного изъ нихъ, конечно, съ тѣмъ, чтобы не быть похожимъ на него. Онъ уменъ, съ большимъ тактомъ, будетъ честнымъ и хорошимъ цензоромъ. А съ другой стороны, это и его спасетъ отъ канцеляризма, въ которомъ онъ погибаетъ.

— 30. Графъ Блудовъ назначенъ президентомъ Академіи наукъ. Сегодня всѣ члены Академіи были представлены ему министромъ.

Мнѣ кажется, это хорошее назначеніе. Министръ при послѣднемъ своемъ докладѣ Государю представилъ Блудова. Ему хотѣлось Меншикова: я отсовѣтывалъ. Къ Блудову и Государь

расположенъ. А главное—онъ человѣкъ просвѣщенный, любящій науку и литературу. Правда, онъ сдѣлалъ одно нехорошее дѣло: отнялъ было у насъ пенсіоны. Но какъ это случилось, мнѣ непонятно теперь, когда я его ближе узналъ. Подобная мѣра вовсе не въ его духѣ.

Декабрь.—3. Графъ Блудовъ въ первый разъ предсѣдательствовалъ въ общемъ собраніи Академіи. Онъ какъ будто уже лѣтъ десять предсѣдательствуетъ: такъ хорошо знаетъ онъ дѣла академическія и такъ вѣрно о нихъ судитъ. Ни одного вопроса, ни одной бумаги не оставилъ онъ безъ вниманія и безъ своихъ, весьма дѣльныхъ, замѣчаній или объясненій съ тѣми, кого онѣ касались.

Говоритъ онъ много, но содержательно. Въ немъ еще много жизни, а ему уже семьдесятъ четыре года. Мы кончили засѣданіе въ 3 часа, начавъ его въ 12-ть.

Ходитъ въ рукописи по рукамъ замѣчательный приказъ великаго князя Константина Николаевича, отданный имъ по своему вѣдомству. Приказъ говоритъ о томъ, чтобы начальство въ отчетахъ своихъ не лгало, увѣряя, что все находится въ чудесномъ видѣ, какъ это обыкновенно дѣлается. Въ приказѣ есть ссылка на какую-то записку, въ которой весьма рѣзко говорится о разныхъ форменныхъ и оффиціальныхъ лжахъ. Это производитъ большой шумъ въ городѣ. Министрамъ и всѣмъ подающимъ отчеты приказъ очень не нравится. Въ сущности же это прекрасное дѣло. Многимъ вообще не нравится, что начинаютъ подумывать о гласности и объ общественномъ мнѣніи.

— 7. Вечеръ у князя Вяземскаго. Погодинъ читалъ свою старую драму: „Петръ Великій". Есть мѣста недурныя—прочее зѣло скучновато. Графъ Соллогубъ слѣдующими словами выразилъ свое неудовольствіе:—Таковое чтеніе—ужъ мое почтеніе! Да и никто не остался доволенъ. Не знаю, пріятно ли было князю Вяземскому и князю Львову слушать, какъ ихъ дѣды или прадѣды отличались въ скверномъ заговорѣ противъ Петра, въ пользу царевича Алексѣя. Они выставлены въ такомъ видѣ, что ихъ, право, не лестно считать своими предками.

— 10. Мое двусмысленное положеніе при министрѣ, наконецъ, заставило меня прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ. Авраамъ Сергѣевичъ называетъ меня „своимъ другомъ", поручаетъ мнѣ

важныя дѣла. Я работаю съ нимъ, могу сказать, вполнѣ безкорыстно, потому что не получаю даже никакого жалованья за то. И что же: никогда не могу быть увѣренъ въ единственной наградѣ, которая въ сущности мнѣ нужна—въ пользѣ и прочности моего труда. Ибо у „друга моего" есть другіе друзья въ его канцеляріи, которыхъ онъ часто слушается охотнѣе, чѣмъ меня, и по наущенію которыхъ то и дѣло раздѣлываетъ то, что передъ тѣмъ мы съ нимъ, казалось, такъ согласно воздвигали. Между тѣмъ силы мои истощаются въ непосильной работѣ, такъ какъ я долженъ же всетаки заботиться и о насущномъ хлѣбѣ для себя и для своей семьи. Написалъ Аврааму Сергѣевичу письмо, въ которомъ излагаю ему настоящее положеніе вещей—впрочемъ, отлично ему извѣстное—и говорю, не найдетъ ли онъ возможнымъ, для огражденія нашего общаго дѣла, какъ нибудь оформить мое положеніе въ министерствѣ такъ, чтобы я могъ посвящать ему больше времени и уже на равныхъ правахъ отбиваться отъ канцелярскихъ козней.

Вечеромъ въ тотъ же день получилъ очень любезную записку отъ Авраама Сергѣевича. Онъ сѣтуетъ на то, что я имѣю къ нему такъ мало довѣрія, тогда какъ онъ въ эту самую минуту занятъ не только обезпеченіемъ за собой моихъ трудовъ, но еще, какъ другъ, хлопочетъ и объ улучшеніи моей судьбы. Въ воскресенье я съ нимъ видѣлся. Самыя дружескія объясненія и увѣренія.

— 30. Пышныя обѣщанія Авраама Сергѣевича разрѣшились: мнѣ выдано „пособіе" въ 1,200 рублей. Авраамъ Сергѣевичъ точно хотѣлъ, прости Господи, заткнуть мнѣ глотку.

Получивъ отъ Гаевскаго оффиціальное извѣщеніе о назначеніи мнѣ, по высочайшему повелѣнію, вышеупомянутыхъ денегъ, я долженъ былъ ѣхать къ министру. Онъ принялъ меня съ огорченнымъ видомъ и выразилъ сожалѣніе, что ему не удалось сдѣлать для меня всего, что онъ желалъ. Онъ, какъ говоритъ, дѣлалъ обо мнѣ докладъ Государю, какъ „о человѣкѣ, который ему необходимъ и котораго должно имѣть въ виду для особенно важныхъ дѣлъ, ибо въ немъ способности соединены съ благороднымъ характеромъ",—и представилъ меня къ денежной и къ почетной наградѣ.

Государь выслушалъ его благосклонно и отвѣчалъ, что согласенъ дать мнѣ денегъ, но почетную награду (Владимірскій

крестъ) не можетъ дать, потому что въ Комитетѣ министровъ и то страшно вопіютъ на массу наградъ по министерству народнаго просвѣщенія. Въ заключеніе Государь замѣтилъ министру: отчего онъ не внесъ меня въ число двухъ лицъ, о которыхъ министры имѣютъ право ежегодно представлять Государю внѣ установленнаго порядка?

На это Авраамъ Сергѣевичъ ничего не могъ отвѣтить, а мнѣ признался, что оплошалъ. Новыя обѣщанія и сѣтованія на недовѣріе къ нему.

1856 годъ.

Январь.—3. Новый годъ встрѣтилъ у Авраама Сергѣевича Норова. Скучно. Слухи о мирѣ.

— 16. Въ массахъ сильно недовольны согласіемъ на миръ и принятіемъ въ немъ четырехъ пунктовъ. „Драться надо, говорятъ отчаянные патріоты, драться до послѣдней капли крови, до послѣдняго человѣка“. Нѣкоторые, дѣйствительно, такъ думаютъ и чувствуютъ, какъ говорятъ. Это люди благородные, хотя и недальновидные. Но большинство крикуновъ состоитъ изъ лицемѣровъ, которые хотятъ своимъ крикомъ выказать патріотизмъ. Есть и такіе, которые жалѣютъ о войнѣ, какъ о мутной водѣ, гдѣ можно рыбу ловить и гдѣ они дѣйствительно и ловили ее усердно. Правительство очень умно—слышитъ эти толки, но не слушается ихъ. Государь своею уступчивостью и своимъ согласіемъ на четыре пункта доказалъ, мнѣ кажется, не только благородство характера и свое нежеланіе безполезнаго кровопролитія, но и умный, тонкій расчетъ. Онъ считаетъ нужнымъ начать съ того, чтобы примириться съ общественнымъ мнѣніемъ Европы и, видя, какъ это тамъ хорошо принято, нельзя не согласиться, что онъ достигъ своей цѣли. Онъ не долженъ, подобно отцу своему, возстановлять противъ себя и противъ Россіи силу, которая, по выраженію Талейрана, умнѣе и сильнѣе даже его и Наполеона—общественное мнѣніе. Николай не взвѣсилъ всѣхъ послѣдствій своихъ, враждебныхъ Европѣ, видовъ—и заплатилъ за это жизнью, когда, наконецъ, послѣдствія эти открылись ему во всемъ своемъ ужасѣ. Нѣтъ возможности идти дольше этимъ пу-

тѣмъ и нести на своихъ плечахъ коалицію всей Европы. Это все равно привело бы къ миру, но уже окончательно безславному и пагубному. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Хвала и благодареніе Александру II, который имѣлъ высокое мужество отказаться отъ голоса самолюбія, въ пользу истинныхъ выгодъ и истинной славы. Мы видѣли каковы наши военные успѣхи. Хорошо кричать тѣмъ, у кого нѣтъ отвѣтственности, а Александръ II отвѣчаетъ не только за настоящее, но и за будущее.

— 20. Познакомился на вечерѣ у министра съ однимъ изъ коноводовъ московскихъ славянофиловъ, А. С. Хомяковымъ. Онъ явился въ зало министра въ армякѣ, безъ галстука, въ красной рубашкѣ съ косымъ воротникомъ и съ шапкой-мурмулкой подъ мышкой. Говорилъ неумолкно и большею частью по французски — какъ и слѣдуетъ представителю русской народности. Встрѣча его со мной была нѣсколько натянута, ибо онъ, не безъ основанія, подозрѣваетъ во мнѣ западника. Но я поспѣшилъ бросить себѣ и ему подъ ноги доску, на которой мы могли легко сойтись. Онъ пріѣхалъ сюда хлопотать о разрѣшеніи ему издавать славянофильскій журналъ, и я обратился прямо къ этому предмету, сказавъ, что ничего не можетъ быть желательнѣе, какъ чтобы каждый имѣлъ возможность высказывать свои убѣжденія. Это тотчасъ развязало намъ языки, и мы пустились разсуждать, не опасаясь гдѣ-нибудь столкнуться лбами. Онъ уменъ но, кажется, не безъ того, что называется—себѣ на умѣ.

— 31. Въ сегодняшнемъ номерѣ „Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостей" напечатано, что я утвержденъ въ званіи редактора „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія" на мѣсто К. С. Сербиновича (приказъ 24-го января).

Февраль. — 5. Великій князь Константинъ Николаевичъ повелѣлъ нашей комиссіи осмотрѣть кронштадтское Штурманское училище. Сегодня мы всѣ отправляемся въ Кронштадтъ.

— 9. Возвратился изъ Кронштадта. Мы осматривали училище очень усердно. Оно въ довольно хорошемъ состояніи; матеріальная часть даже весьма хороша. Въ ученіи вообще недочеты, происходящіе то отъ неправильнаго смѣшенія общаго образованія съ спеціальнымъ, то отъ дурно организованной цѣлой системы, а наконецъ отъ невозможности имѣть, вдали отъ Пе-

тербурга, порядочныхъ преподавателей. Русскій языкъ особенно плохъ.

Въ Кронштадтѣ былъ у адмирала Новосильскаго, одного изъ героевъ Севастополя. Онъ уменъ, обходителенъ, простъ. Говорили объ укрѣпленіяхъ Кронштадта, то есть, о сваяхъ, которыми обносятъ Кронштадтъ на довольно большомъ разстояніи въ морѣ. Адмиралъ полагаетъ это сильнымъ препятствіемъ для непріятеля. Но, тѣмъ не менѣе, то, что послѣдній въ прошедшіе два года не сжегъ Кронштадта и не дошелъ до Петербурга—сѣвернымъ фарватеромъ—это адмиралъ приписываетъ особенной милости Божьей и неспособности или недостатку рѣшимости англійскихъ адмираловъ.

Я указалъ ему изъ окошка на нашъ флотъ, занимающій всю гавань, и замѣтилъ его многочисленность.

— Это ничего не значитъ, сказалъ Новосильскій:—всетаки у насъ флота нѣтъ. Эти корабли не годятся для дѣла, потому что они не винтовые.

Объ осадѣ Севастополя адмиралъ говорилъ, что тамъ совершались адскія дѣла. Уже недѣли за полторы до сдачи было очевидно, что мы тамъ не удержимся, и оттуда, тогда же, начали вывозить пушки и снаряды. Севастополь могъ считаться потеряннымъ уже со времени Чернорѣченскаго сраженія. Гавань Севастопольская отнынѣ не годится къ употребленію, ибо завалена потопленными кораблями и развалинами крѣпости. Замѣны ей надо будетъ искать въ Θеодосіи, и т. д.

Потомъ мы были на большомъ обѣдѣ въ клубѣ, а вечеромъ, на другой день, на балѣ. Мнѣ показалось, что между морскими офицерами болѣе образованныхъ, чѣмъ между сухопутными. Общество ихъ пріятнѣе, особенно старыхъ моряковъ.

— 26. Докладывалъ министру программу будущихъ дѣйствій главнаго правленія училищъ, которую онъ долженъ лично представить Государю. Авраамъ Сергѣевичъ былъ особенно нѣженъ и горячо выразилъ мнѣ свою благодарность.—„Что бы я дѣлалъ безъ васъ въ подобныхъ случаяхъ?“ прибавилъ онъ. Вообще онъ былъ въ томъ прекрасномъ настроеніи духа, въ которомъ, обыкновенно, видитъ вещи ясно.

Между прочимъ, онъ выразилъ свое огорченіе по поводу статьи

во французскомъ „Дебатѣ", гдѣ о немъ говорятъ, какъ о либеральномъ министрѣ.

— Когда бы это не была медвѣжья услуга! замѣтилъ онъ.

Я старался его успокоить тѣмъ, что въ публикѣ не слышно никакихъ двусмысленныхъ толковъ по этому поводу.

Во „Франкфуртской газетѣ", говорятъ, и обо мнѣ отзываются съ похвалою. Надо прочесть—что такое?

— 29. Сегодня Плетневъ сказалъ мнѣ слѣдующую утѣшительную вещь. На прошедшей недѣлѣ Государь былъ на домашнемъ спектаклѣ у великой княгини Маріи Николаевны. Давали, между прочимъ, пьесу графа Соллогуба: „Чиновникъ". Въ ней сказано очень много смѣлыхъ вещей о безнравственности, то есть о воровствѣ нашихъ властей.

По окончаніи спектакля, Государь, встрѣтивъ Плетнева, сказалъ ему.

— Не правда ли, пьеса очень хороша?

— Она не только хороша, ваше величество, отвѣчалъ Плетневъ,—но составляетъ эру въ нашей литературѣ. Въ ней говорится о состояніи нашихъ общественныхъ нравовъ то, чего прежде нельзя было и подумать, не только сказать во всеуслышаніе.

— Давно бы пора говорить это, замѣтилъ Государь.

Воровство, поверхностность, ложь и неуваженіе законности— вотъ наши главныя общественныя раны.

Надняхъ былъ на двухъ литературныхъ чтеніяхъ: у князя Вяземскаго, гдѣ читалъ свое произведеніе графъ Левъ Толстой, и у Тургенева, гдѣ читалъ Островскій сперва небольшую пьесу „Семейная картина", а потомъ драму, тоже заимствованную изъ русскихъ нравовъ и быта

Островскій, безспорно, даровитѣйшій изъ нашихъ современныхъ писателей, которые строятъ свои созданія на народномъ или, лучше сказать, простонародномъ элементѣ. Жаль только, что онъ одностороненъ—вращается все въ сферѣ нашего купечества. Оттого онъ повторяется, часто воспроизводитъ одни и тѣ же характеры, поетъ съ однихъ и тѣхъ же мотивовъ. Но онъ знаетъ купеческій бытъ въ совершенствѣ, и онъ даетъ не одни дагеротипныя изображенія. У него есть комизмъ, юморъ, есть характеры, которые выдвигаются сами собой изъ массы искусно

расположеннаго матеріала. Самъ А. Н. Островскій совсѣмъ не то, что о немъ разглашала одна литературная партія. Онъ держитъ себя скромно, прилично; вовсе не похожъ на пьяницу, какимъ его разглашаютъ, и даже очень пріятенъ въ обращеніи. Читаетъ онъ свои пьесы превосходно.

Мартъ. — 5. Вечеромъ большой раутъ у графа Блудова. Кого, кого тамъ не было! Болѣе всѣхъ я говорилъ съ Д*. о дѣлахъ, съ Хрущевымъ также о дѣлахъ, съ какимъ-то тайнымъ совѣтникомъ все о дѣлахъ, съ графомъ—еще и еще о дѣлахъ, и, наконецъ, съ графинею, дочерью Дмитрія Николаевича, о дѣлѣ.

Вымышленная опасность всегда болѣе пугаетъ, чѣмъ дѣйствительная.

Министръ былъ у Государя съ докладомъ. Программа наша утверждена. Тутъ было шесть пунктовъ большой важности.

— 8. Государь изъявилъ свое согласіе на опредѣленіе меня членомъ главнаго правленія училищъ. Это объявилъ мнѣ самъ Министръ. Но тутъ же выразилъ, что-то въ родѣ какого-то колебанія въ вопросѣ: не лучше ли мнѣ быть членомъ ученаго комитета? Я на это возразилъ, съ чѣмъ онъ опять согласился. Удивительный человѣкъ Авраамъ Сергѣевичъ! Тяжело имѣть дѣло съ такимъ шаткимъ человѣкомъ. Тутъ видно вліяніе моихъ департаментскихъ благопріятелей. Но я рѣшился не поддаваться.

Вечеромъ до полуночи занимался съ министромъ.

— 10. Опять тревоги по милости жалкой безхарактерности министра. Нѣтъ возможности идти съ нимъ путемъ ровнымъ, прямымъ и открытымъ, а между тѣмъ онъ самъ хорошій человѣкъ. Но вотъ что значитъ не имѣть ума твердаго и воли, способной рѣшать самой безъ чужихъ подпорокъ. При этомъ боязнь, чтобы его не уличили въ зависимости отъ кого нибудь.

Недѣли двѣ тому назадъ, онъ пригласилъ меня въ засѣданіе главнаго правленія училищъ, какъ будущаго члена, о чемъ и объявилъ во всеуслышаніе. А теперь желаетъ сдѣлать меня членомъ ученаго комитета, все время повторяя, что Государь изъявилъ согласіе сдѣлать меня членомъ не комитета, а правленія. Когда же я не согласился на его желаніе, онъ встревожился и сталъ увѣрять, что сдѣлаетъ меня не только членомъ правленія, но и предсѣдателемъ комитета, что я необходимъ, что и думать нельзя о томъ, чтобы мнѣ не быть членомъ правленія. Ахъ,

Авраамъ Сергѣевичъ! Жалко смотрѣть, какъ онъ въ такихъ случаяхъ изворачивается.

— 12. Еще одна нравственная болѣзнь нашего, такъ называемаго, мыслящаго поколѣнія—это бѣглость мысли. Мы не идемъ по пути мысли твердымъ логическимъ шагомъ, а бѣжимъ, сломя голову, и притомъ безъ всякой опредѣленной цѣли, часто влекомые однимъ только желаніемъ отличиться и обратить на себя вниманіе. На этомъ бѣгу мы схватываемъ кое-какія идеи, познанія, кое-какія убѣжденія, безъ основательности, безъ глубины, безъ опоры доблестнаго и трезваго труда. И вотъ мы великіе люди, геніи въ собственныхъ своихъ глазахъ, произносимъ рѣшительные приговоры о западѣ и сѣверѣ, о югѣ и востокѣ, о наукѣ и литературѣ и прочее, и прочее.

Многіе ожидаютъ отъ войны спасительныхъ послѣдствій, то есть вразумленія въ томъ, чего намъ не достаетъ и, слѣдовательно, въ томъ, что мы должны дѣлать. Это, можетъ быть, и такъ. Да гдѣ намъ взять рѣшимости и послѣдовательнаго труда, чтобы выполнить то, что сами признаемъ за полезное и должное? Гдѣ намъ взять честности, чтобы выполнять это не какъ нибудь, а вполнѣ сознательно, безъ лжи и фальши.

Мы одарены многими прекрасными способностями, кромѣ одной — способности дѣлать что нибудь изъ своихъ способностей.

Великій характеръ состоитъ въ томъ, чтобы наполнять собой всякую сферу, въ которой ему суждено пребывать и дѣйствовать.

— 13. Все складывается такъ, чтобы, въ концѣ концовъ заставить меня удалиться отъ дѣлъ, возлагаемыхъ на меня министерствомъ. Нечестно было бы, если бы я это сдѣлалъ, не желая бороться и превозмогать препятствій, неразлучныхъ со всякою полезною дѣятельностью. Но здѣсь не то. Судьба свела меня съ человѣкомъ, у котораго хорошія намѣренія, доброе сердце, искры ума, но нѣтъ способности управлять ходомъ дѣлъ, нѣтъ твердости ни въ умѣ, ни въ волѣ. Это солома, иногда воспламеняющаяся сама собой, но чаще отъ соприкосновенія съ огнемъ и гаснущая въ одно мгновеніе. Съ одной стороны, онъ боится зависимости, съ другой, готовъ каждую минуту попасть въ руки какого-нибудь подьячаго, въ родѣ Кисловскаго, который испугаетъ его формою. Онъ—одна изъ печальныхъ жертвъ несчаст-

наго канцеляризма, который у насъ такъ часто замѣняетъ правительственный разумъ. И странное дѣло: эти слабые характеры, которые боятся зависимости, всегда попадаютъ въ руки плутовъ и никогда не въ состояніи прочно сойтись съ честными людьми. Имъ непремѣнно надо быть обманутыми.

Подняться на интригу, на хитрости, прикрывая это видами общественной пользы? Если бы у меня на это и хватило ловкости, то этому рѣшительно противятся гордость и чувство человѣческаго достоинства, которыя наполняютъ душу мою презрѣніемъ ко всѣмъ этимъ пошлымъ маневрамъ. Да и стоитъ ли игра свѣчъ? Подлость останется подлостью, а добро выйдетъ очень сомнительное.

Мой честный образъ дѣйствій не понятъ — остается одно: уйти.

— 19. Не желая опять самъ лично объясняться съ министромъ, я прибѣгъ къ посредничеству П. П. Татаринова. Изложивъ ему подробно всѣ обстоятельства моихъ отношеній къ министру—которыя, впрочемъ, ему и безъ того хорошо извѣстны, потому что онъ намъ обоимъ близкій человѣкъ—я въ заключеніе сказалъ, что если такая шаткость будетъ продолжаться, то я, несмотря на всю мою любовь въ Аврааму Сергѣевичу, принужденъ буду оставить всѣ дѣла по министерству.

П. П. взялся объясниться съ нимъ вмѣсто меня. Это было часовъ въ одиннадцать утра, а въ два часа П. П. былъ уже снова у меня. Онъ исполнилъ мое порученіе. Министръ, говоритъ онъ, глубоко огорчился, показалъ ему бумагу, въ которой ходатайствуетъ объ опредѣленіи меня въ члены правленія училищъ, и прибавилъ, что, такимъ образомъ, я впередъ буду въ состояніи уже самъ за себя стоять. Въ заключеніе онъ просилъ его съѣздить ко мнѣ и передать мнѣ все это. Вечеромъ мнѣ сообщили еще, что онъ сильно сердился, то есть не какъ министръ, а какъ другъ, выражаясь самъ этимъ словомъ, и просилъ меня завтра обѣдать къ нему.

— 20. Обѣдалъ у Авраама Сергѣевича. Я очень неохотно къ нему отправился, ожидая длинныхъ объясненій. Но дѣло обошлось короче и проще: мы опять примирились! Бумага обо мнѣ, говоритъ министръ, уже послана къ Танѣеву.

— 22. Избранъ членомъ комиссіи отъ 2-го отдѣленія Ака-

деміи наукъ для пересмотра ея постановленій. Мнѣ очень хотѣлось отъ этого уклониться. Тутъ непремѣнно наткнешься на ссору съ нѣкоторыми членами, которые во имя, такъ называемаго, русскаго элемента, хотятъ воевать съ нѣмцами. Я, разумѣется, буду ни за русскихъ, ни за нѣмцевъ, а за то, что буду считать справедливымъ. Да и что это за русская партія? Давыдовъ со своими личными замыслами, Срезневскій со своими юсами. Развѣ кто мѣшаетъ русскимъ отличаться въ Академіи нравственнымъ достоинствомъ и учеными подвигами? Но въ томъ-то и дѣло, что это труднѣе, чѣмъ кричать: „вотъ нѣмцы, все нѣмцы!"

— 28. Читалъ министру написанное мною заключеніе къ годичному отчету. Объятія.

Отчего даже очень умные и такъ называемые образованные люди часто служатъ самымъ мелкимъ страстямъ? Оттого, что вообще и умный человѣкъ ничто, когда ему недостаетъ возвышенныхъ стремленій, которыя одни способны внушить глубокое презрѣніе къ тому, что занимаетъ мелкихъ людей.

Встрѣтилъ недавно Т., бывшаго нѣкогда литераторомъ, но уже давно не появлявшагося въ печати. Я не видѣлъ его лѣтъ пятнадцать и насилу могъ узнать. Лицо его, нѣкогда довольно пріятное, теперь точно опухло и заплыло жиромъ. Онъ женился, разбогатѣлъ, взявъ за женой огромное имѣніе, не служитъ, отъѣдается и отпивается то въ своихъ деревняхъ, то въ Москвѣ. Это былъ большой писака! Писаніе у него было родъ какого-то животнаго процесса, какъ бы совершавшагося безъ его вѣдома и воли. Онъ мало учился и мало думалъ. Какъ подъ мельничными жерновами, у него въ мозгу все превращалось въ стихи, и стихи выходили гладкіе, иногда даже въ нихъ присутствовала мысль—но всетаки, кажется, безъ вѣдома автора. Журналы наполнены были его стихами. Онъ издалъ три тома своихъ сочиненій съ портретомъ—и вдругъ замолчалъ и скрылся куда-то. Но вотъ теперь выплылъ съ семьей, съ деньгами и съ брюхомъ—уже безъ стиховъ. Впрочемъ, виноватъ, стихи есть. У него со временемъ развилось странное направленіе: онъ писалъ и пряталъ все написанное. У него полны ящики исписанной бумаги, которые онъ мнѣ разъ показывалъ.

— Что же вы не печатаете? спросилъ я его.

— Да такъ, отвѣчалъ онъ:—вѣдь я пишу, потому что пишется.

Несмотря на это, онъ однако любитъ кому-нибудь читать свои произведенія.

— 30. Былъ надняхъ у московской барыни С. Н. К., которая пріѣхала сюда на нѣсколько дней. Боже мой! Что за сорочья болтовня! Что за крохотныя чувствованьица! Что за важничанье и умничанье! И все это безъ малѣйшей граціи. Вездѣ натяжка, фальшъ, поддѣлка, усиліе казаться, а не быть. И какой рѣшительный приговоръ надъ всѣми: политики, литераторы, ученые, государственные люди, всѣ такъ и заливаются мутными волнами этой болтовни; всѣ тонутъ въ страшномъ хаосѣ словъ, лишенныхъ даже дѣтскаго простодушія. Въ гостиной было еще нѣсколько лицъ—всѣ подъ-стать.

Когда насмотришься на этихъ людей и наслушаешься ихъ, то совершенно теряешь вѣру въ улучшеніе нашего нравственнаго и умственнаго быта.

Апрѣль.—1. Диспутъ въ университетѣ, которому подвергся мой адъюнктъ М. И. Сухомлиновъ, ищущій степени доктора. Оппонентами были я и Касторскій. Авторъ защищалъ свою диссертацію: „О литературномъ характерѣ древней русской лѣтописи". Тутъ много фактовъ. Защищался авторъ хорошо.

Вчера съ Н. Г. Устряловымъ сдѣлался ударъ во время лекціи его въ Педагогическомъ институтѣ. Впрочемъ, онъ въ памяти. Его упрекаютъ въ сильномъ потворствѣ своему чреву. Онъ, дѣйствительно, большой ѣдунъ. Не отказывается и отъ хорошаго винца. Много спитъ, мало движется. Оттого онъ обрюзгъ, заплылъ какимъ-то желтоватымъ жиромъ и сдѣлался лакомымъ кускомъ для кондрашки. Впрочемъ, не всякій ли долженъ ежечасно быть готовъ къ внезапному нападенію этого врага? Эти внезапныя нападенія часто повторяются въ послѣднее время.

— 4. Я чувствую сильную усталость отъ служебной и дѣловой сутолоки. Я едва успѣваю быть то тамъ, то здѣсь, дѣлать то или другое. Комитеты, комиссіи, лекціи, наблюденія за преподаваніемъ по разнымъ вѣдомствамъ, чтеніе журнальныхъ корректуръ, дѣла, поручаемыя мнѣ по министерству, мѣры обороны противъ департаментскихъ крысъ—все это и многое другое составляетъ такую мутную смѣсь житейскихъ волнъ, что я захле-

бываюсь ими и едва, какъ говорится, успѣваю перевести духъ. Здоровье надломлено. Пора бы отдохнуть нѣсколько мѣсяцевъ. Да какъ отдохнуть? Нужны деньги, деньги и деньги! А я ими не запасся, не съумѣлъ ихъ пріобрѣсти, слѣдовательно не заслуживаю и отдыха! Увы! я много въ жизни дѣлалъ того, что не требуется жизнью, и не дѣлалъ того, что ею требуется.

— 12. Предположенія и опасенія, которыя вертѣлись у меня въ умѣ уже годъ тому назадъ, сбываются. Министерство народнаго просвѣщенія отдается въ опеку. Только я не предвидѣлъ, кто будетъ главнымъ опекуномъ. Дѣло въ томъ, что Главное правленіе училищъ, по волѣ Государя, получаетъ такое устройство, что оно составитъ родъ самостоятельной коллегіи, съ правомъ протестовать противъ рѣшеній министра—разумѣется въ важнѣйшихъ основныхъ вопросахъ образованія, воспитанія и управленія—а какъ членомъ правленія сдѣланъ Ростовцевъ, то понятно, кто тутъ будетъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Нельзя не согласиться, что этому перевороту много помогла дурная слава нашей министерской бюрократіи, съ знаменитымъ ея представителемъ Кисловскимъ. По городу много ходило слуховъ о зависимости отъ нея министра. Да и самое поведеніе Авраама Сергѣевича, человѣка добраго и, какъ говорится, благонамѣреннаго, но вовсе не отличающагося ни тактомъ, ни самостоятельнымъ характеромъ, не мало содѣйствовало этому ограниченію. Какъ бы то ни было, а мы наканунѣ важныхъ перемѣнъ по министерству. Надняхъ у меня былъ адъютантъ Ростовцева Коссиковскій и разсказалъ мнѣ много любопытнаго. Яковъ Ивановичъ, между прочимъ, желаетъ меня видѣть.

— 13. Плетневъ утвержденъ членомъ Главнаго правленія училищъ. Такъ какъ я вмѣстѣ съ нимъ назначался въ это званіе, то выходитъ, что меня отвергли. Значитъ вся эта процедура о назначеніи меня членомъ Главнаго Правленія училищъ была просто комедія. Но къ чему она? Зачѣмъ прибѣгъ къ ней Аврамъ Сергѣевичъ? Да и чѣмъ заслужилъ я это оскорбленіе?

Министръ только что объявилъ мнѣ, что Государь не желаетъ утвердить меня членомъ Главнаго Правленія училищъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что я еще не старый дѣйствительный статскій совѣтникъ. Но вѣдь еще недавно Авраамъ Сергѣевичъ ут-

верждалъ мнѣ, что Государь уже изъявилъ свое согласіе на мое опредѣленіе. Что-то не ясно—а главное гадко.

— 15. День Пасхи. Къ крайнему моему сожалѣнію, не былъ у заутрени, которую я такъ люблю. Въ министерскую церковь я не хотѣлъ ѣхать, а другой, кромѣ приходскихъ, у меня въ виду не было.

Вчера былъ, вмѣстѣ съ другими четвероклассными особами, приглашенъ на балъ во дворецъ 17-го числа. Отказался по нездоровью.

— 21. Вчера былъ у Ростовцева. Онъ долго задержалъ меня у себя. Онъ разсказалъ мнѣ всѣ обстоятельства, какимъ образомъ устроилось нынѣшнее Главное правленіе училищъ и какимъ образомъ учинена надъ министерствомъ опека. При этомъ онъ также передалъ мнѣ нѣсколько примѣровъ удивительной безхарактерности Авраама Сергѣевича. Бюрократическія козни и власть Кисловскаго надъ этимъ слабымъ человѣкомъ ему извѣстны даже лучше, чѣмъ мнѣ. Я услышалъ отъ него много новыхъ подробностей. Яковъ Ивановичъ говоритъ, что это невозможно, чтобы Государь не утвердилъ меня членомъ Главнаго правленія: Авраамъ Сергѣевичъ все это выдумалъ, чтобы какъ-нибудь вывернуться передо мною. Всего вѣрнѣе, что онъ, убоясь своей канцеляріи, вовсе не дѣлалъ обо мнѣ представленія. Необдуманностью своихъ поступковъ онъ уже не разъ ставилъ себя въ такое положеніе, что не зналъ самъ какъ изъ него выйти и прибѣгалъ къ школьнымъ уловкамъ. Во всякомъ случаѣ я теперь уже не дѣйствующее лицо: Авраама Сергѣевича связали по рукамъ, а онъ самъ уже окончательно оттолкнулъ меня отъ себя.

Затѣмъ съ Ростовцевымъ много было говорено о требованіяхъ нашего образованія, о гимназіяхъ, о необходимости дать имъ новое устройство. Я высказалъ ему мою давнишнюю мысль о прибавкѣ къ нынѣшнему курсу восьмаго года.

— 27. Жизнь такъ ничтожна, что и скорби ея не стоятъ того, чтобы долго заниматься ими. Жалокъ тотъ, кто страданіями не умѣлъ купить себѣ нѣкоторой независимости духа и внутренняго успокоенія.

— 28. Вчера вечеромъ читалъ у меня Фетъ свою фантастическую повѣсть въ стихахъ. Стихи хороши: есть картины, об-

разы, но мысли никакой. Это поэты думаютъ, что можно писать безъ всякой опредѣленной идеи, что отыскать или привить эту идею къ сочиненію есть дѣло читателя, а не автора. Я высказалъ послѣднему то, что думалъ, а также и догадку, какую можно имѣть о томъ, что авторъ хотѣлъ сказать. Онъ удивился, что тутъ ищутъ мысли. И. И. Панаевъ былъ одного мнѣнія со мной.

Не отмѣтилъ еще важнаго для нашего университета событія. На первый день праздника попечитель Мусинъ-Пушкинъ уволенъ отъ этой должности, съ производствомъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Эта почетная отставка противъ его воли. Онъ не ожидалъ ея и сначала, говорятъ, сильно смутился. Теперь пошли обычные толки. Радуются почти всѣ, кто только слышалъ имя Мусина-Пушкина. Между тѣмъ онъ не изъ худшихъ администраторовъ прошлаго времени. Онъ, правда, человѣкъ не высокаго ума, однако же то, что называется человѣкомъ съ практическимъ умомъ. Въ немъ было три достоинства, которыхъ лишены многіе, такъ называемые „добрые начальники". Первое: въ самое крутое время онъ не подкапывался сознательно подъ науку; не выслуживался, отыскивая въ ней что-нибудь вредное; не посягалъ на свободу преподаванія. Напротивъ, онъ по своему, оказывалъ ей уваженіе и признавалъ ея права. Второе его достоинство: онъ умѣлъ цѣнить ученыя заслуги и горою стоялъ за своихъ ученыхъ сослуживцевъ, защищая ихъ отъ всяческихъ козней. Я самъ тому свидѣтель. Когда въ смутное время 1849 года, легіоны шпіоновъ подсматривали за университетомъ и слѣдили за каждымъ нашимъ шагомъ, когда отбирали наши записки—въ томъ числѣ и мои—Мусинъ-Пушкинъ, какъ истый рыцарь, ополчился въ защиту нашей чести и безопасности и писалъ въ нашу пользу сильно, твердо и безбоязненно. Часто случалось, что онъ отказывалъ такимъ лицамъ, какъ графъ Орловъ въ опредѣленіи кого-нибудь на мѣсто, на которое справедливость требовала назначить своего заслуженнаго ученаго или чиновника. Вообще, у него не было ничего похожаго на пресмыкательство передъ сильными, или на выслуживаніе. Что дѣлалъ онъ, худо-ли, хорошо-ли, то дѣлалъ по убѣжденію. Третье его достоинство—вѣрность своему слову. Но всѣ эти достоинства, къ сожалѣнію, были облечены въ такую кору, что немно-

гіе могли ихъ узнать настолько, чтобы, какъ слѣдуетъ, оцѣнить. Онъ со своими добрыми качествами ѣздилъ на бѣшенной лошади, которая, закусивъ удила, часто помимо его воли, мчала его въ грязь, въ пропасти, въ болота, куда ни попало, гдѣ онъ рисковалъ задавить кого-нибудь и сломить шею самому себѣ. Лошадь эта—его бурливый характеръ. Съ подчиненными своими и даже съ неподчиненными онъ розыгрывалъ самыя нелѣпыя сцены ругательствъ—и вотъ что создало ему скверную репутацію, которая и довела его, наконецъ, до паденія. Нынѣшній Государь съ его прекрасными человѣческими наклонностями, не могъ его выносить. Онъ и министру не разъ изъявлялъ свое неудовольствіе на Мусина-Пушкина. Самая слабая сторона послѣдняго была цензура. Въ цензурѣ онъ часто бывалъ просто нелѣпъ. Да и сказать правду, съ такими цензорами, какіе были въ послѣднее время, нельзя было и дѣла дѣлать. Система эта, однако, была не его: она была установлена свыше. Впрочемъ, онъ и самъ не уважалъ литературы. Онъ не имѣлъ къ ней того, что называютъ симпатіей.

Май.—2. Пахнуло чѣмъ-то похожимъ на весну. Странно, что громады льду плывутъ по Невѣ изъ Ладожскаго озера, а между тѣмъ жарко. Голые прутья деревьевъ начинаютъ покрываться зеленымъ пушкомъ.

— 5. Бурное засѣданіе въ Академіи наукъ. Выбирали въ ординарные академики греческой словесности Наука, адъюнкта въ берлинской гимназіи. Оно, пожалуй, можетъ быть и слишкомъ поспѣшно сдѣлать гимназическаго адъюнкта прямо ординарнымъ академикомъ. Но какъ уже дѣло было обсуждено въ прежнихъ засѣданіяхъ, а теперь только слѣдовало класть шары, то я не счелъ приличнымъ возражать противъ выбора филологическаго отдѣленія. Но не такъ разсудилъ Срезневскій, одинъ изъ жаркихъ поборниковъ такъ называемой русской партіи. Сначала дѣло шло тихо. Баллотировали, и Наукъ не былъ выбранъ. Но вдругъ, при счетѣ шаровъ оказалась какая-то ошибка. Приступили къ перебаллотировкѣ. Тутъ-то возсталъ Срезневскій и, правду сказать, довольно рѣзко. Съ нимъ заспорили другіе, и споръ началъ принимать личный характеръ. Между тѣмъ, перебаллотировка произведена, и Наукъ опять не выбранъ.

Министръ рѣшительно на меня гнѣвается. Онъ очень рѣзко,

чтобъ не сказать грубо, выразился на мой счетъ одному изъ своихъ приближенныхъ. Ну, это право уже слишкомъ нелѣпо! Бѣдный Авраамъ Сергѣевичъ! Вотъ что значитъ бремя не по силамъ! Это просто добрый человѣкъ и министру въ немъ не умѣститься. Тутъ нечѣмъ помочь — тутъ радикальная неспособность къ дѣлу. Врядъ-ли онъ долго еще пробудетъ министромъ. Однако, какова должна быть слабость характера, чтобы унизиться до лжи.

— 7. Обѣдалъ у графа Блудова. Сообщилъ ему, что у меня готово предисловіе къ дополнительному изданію сочиненій Жуковскаго. Онъ назначилъ время, чтобы прочесть его вмѣстѣ.

Ну, кажется, въ министрѣ я пріобрѣлъ настоящаго врага. Вотъ новый подарокъ судьбы! Единственная моя вина—и конечно вина—это довѣріе, которое я питалъ къ его сердцу. Зато, по мѣрѣ его отдаленія отъ меня, замѣтно скрѣпляется его союзъ съ Кисловскимъ: этотъ умнѣе его, насколько волкъ умнѣе овцы. Но не гнусно-ли все это? Если это принадлежитъ къ неизбѣжнымъ и обыкновеннымъ явленіямъ жизни, то что же, наконецъ, такое эта жизнь, наполненная только и только подобнымъ сбродомъ всякихъ мелочей, борьба съ которыми даже не составляетъ достоинства? Ибо, есть-ли тутъ хоть капля чего-нибудь разумнаго, потому что вѣдь и зло можетъ имѣть свои разумныя основанія и свои разумныя послѣдствія.

Вчера былъ у князя, который упорно наводилъ рѣчь на мои новыя отношенія съ министромъ. Разумѣется, я осторожно и, по возможности, искусно уклонялся отъ его, болѣе или менѣе, нескромныхъ вопросовъ. Вотъ этотъ сановникъ, пожалуй, и хорошо понимаетъ вещи, но чортъ-ли въ этомъ пониманіи, когда и изъ него, какъ изъ сухаго песку, нельзя слѣпить никакой формы! Всѣ они таковы—эти правители русскихъ судебъ.

— 12. На дачѣ. Теперь занимаюсь сочиненіемъ о воспитаніи, которое я, въ качествѣ члена морской комиссіи долженъ представить великому князю Константину Николаевичу. Дѣло это замедлилось по причинѣ множества занятій, которыми я былъ обремененъ.

— 20. Воскресенье. Четвергъ, пятницу и субботу провелъ въ городѣ. Присутствовалъ въ академическихъ засѣданіяхъ, былъ въ Аудиторскомъ училищѣ и въ Римско-Католической академіи.

Въ субботу обѣдалъ у гр. Блудова. Это почтенный старецъ. Отрадно видѣть въ немъ живучесть человѣческой природы. Въ семьдесятъ четыре года онъ сохранилъ изумительную свѣжесть ума, памяти и воображенія. Онъ славится охотой поговорить. Но разговоръ его пріятенъ и поучителенъ. Мало того, что онъ говоритъ умно, но и всегда полонъ одушевленія и сочувствія ко всему человѣчному, къ искусству, къ наукѣ. Давыдовъ справедливо замѣчаетъ, что это плоды гуманитарнаго образованія. Между тѣмъ, обширная европейская начитанность и любовь къ общечеловѣческому образованію ни мало не мѣшаетъ ему горячо любить свое отечество, свою литературу, исторію, преданія своей старины и т. п.

Блудовъ, въ своихъ разсказахъ, передаетъ много любопытнаго изъ воспоминаній о прошломъ времени. Онъ многаго былъ свидѣтелемъ; во многомъ былъ участникомъ и дѣятелемъ.

Недавно Норовъ говорилъ одному изъ моихъ близкихъ пріятелей, что онъ меня не представилъ къ званію члена Главнаго правленія училищъ, а мнѣ еще недавно утверждалъ, что Государь отказалъ ему, несмотря на его жаркое ходатайство, что онъ меня не представилъ потому, что, будто бы я вездѣ хвастаюсь моимъ вліяніемъ на него; что онъ де это слышалъ изъ вѣрнаго и преданнаго ему источника. Каково! Вѣдь это ужъ просто отвратительно и сильно смахиваетъ на лакейскія сплетни. По чести могу сказать, что я всегда и вездѣ ревниво охранялъ его достоинство, какъ министра и какъ человѣка, близкаго моему сердцу. Но кто-же виноватъ въ томъ, что, вотъ теперь, въ публикѣ всѣ единодушно говорятъ, что онъ находится въ рукахъ своего вице-директора и что министерствомъ управляетъ не министръ, а подъячій? Правду сказалъ Яковъ Ивановичъ, что онъ, Норовъ, все лжетъ и лгалъ, когда передавалъ мнѣ слова Государя.

Въ пятницу, вечеромъ, пріѣзжалъ ко мнѣ прощаться Николай Романовичъ Ребиндеръ, назначенный попечителемъ въ Кіевъ. Мы оба были тронуты. Вотъ уже восемнадцать лѣтъ, какъ мы понимаемъ, уважаемъ и любимъ другъ друга.

— 24. Вчера былъ въ городѣ. Вечеръ провелъ у Кавелина, гдѣ были также Милютинъ, Дмитрій Алексѣевичъ, встрѣча съ которымъ, кстати сказать, всегда меня радуетъ, и два молодые про-

фессора, одинъ изъ Казани, Ешевскій, другой изъ Москвы, Капустинъ. Читано было дополненіе Кавелина къ его весьма умной статьѣ объ освобожденіи крестьянъ, которая ходитъ въ рукописи и которую онъ мнѣ недавно давалъ для прочтенія. Главныхъ два положенія: 1) произвести освобожденіе посредствомъ выкупа и 2) выкупить крестьянъ не иначе, какъ съ землей.

— 26. Экзаменъ IV курса въ университетѣ. Въ словесности бываетъ такъ, что у кого нѣтъ природной способности къ нѣсколько возвышенному образу мыслей, тотъ мало дѣльнаго можетъ тутъ сказать. Голые факты литературы безъ умнаго и обстоятельнаго анализа, ничего не значатъ. Нѣкоторые изъ студентовъ оказались хорошо мыслящими. Но, по крайней мѣрѣ, половина ихъ кое-какъ плелась за высшими понятіями, путаясь и спотыкаясь.

Послѣ экзамена поѣхалъ къ Мусину-Пушкину съ прощальнымъ визитомъ. Ну, право же, онъ лучше, чѣмъ о немъ думаютъ, особенно въ сравненіи съ другими.

— 27. Воскресенье. Вотъ главное, что я старался проводить и всѣми силами поддерживать во время моихъ трехлѣтнихъ сношеній съ министромъ.

1) Не дѣйствовать вспышками по минутнымъ соображеніямъ, а опредѣлить виды министерства ясно и отчетливо, и затѣмъ уже систематически, неуклонно дѣйствовать въ духѣ ихъ.

2) Устроить гимназіи.

3) Открыть Главное правленіе училищъ: это прежде всего.

4) Университеты наши на краю пропасти, вслѣдствіе недостатка способныхъ, хорошихъ профессоровъ, потому немедленно заняться подготовленіемъ ихъ: а) обязавъ университеты готовить способныхъ молодыхъ людей, со спеціальною цѣлью замѣщать ими профессорскія каѳедры; б) обезпечивъ будущность профессоровъ такъ, чтобы способные люди могли свободно и безраздѣльно отдавать свои силы университету.

5) Дать разумное и сообразное съ требованіями просвѣщенія направленіе цензурѣ. Для этого: а) замѣнить неспособныхъ цензоровъ болѣе способными; б) дать имъ въ дополненіе къ уставу наказъ, который, предлагая имъ, по возможности, опредѣленныя руководящія правила, обуздывалъ бы ихъ произволъ и давалъ бы больше простора литературѣ.

Разумѣется, почти все это и многое другое было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Канцелярія, точно крючьями, оттягивала осуществленіе всякой изъ этихъ идей и повергала ее въ тьму кромѣшную, идѣже пребываютъ всякія пакости и ничесоже нѣтъ благаго и раціональнаго. А министръ довольствовался тѣмъ, что поговоритъ со мной о высшихъ предметахъ—и довольно.

— 31. Къ величайшему моему неудовольствію, столкнулся на поѣздѣ желѣзной дороги съ Норовымъ. Онъ вошелъ въ то же отдѣленіе, гдѣ и я находился, и сѣлъ возлѣ меня. Министръ распространился насчетъ своихъ благихъ намѣреній относительно „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія", порученнаго моей редакціи. Наученный горькимъ опытомъ, я, признаюсь, слушалъ его безучастно, повторяя, что для поднятія „Журнала" необходимы деньги и деньги.

— Да, вѣдь, „Журналъ" улучшается же, сказалъ онъ.—Журналъ не достигъ еще той степени, на которой долженъ стоять министерскій Журналъ, но, надѣюсь, въ вашихъ рукахъ скоро достигнетъ.

— Да, отвѣчалъ я,— журналъ улучшается, благодаря моимъ личнымъ отношеніямъ и дружбѣ ко мнѣ нашихъ ученыхъ, которые снабдили меня на первый разъ своими статьями, по моей просьбѣ. Но я не могу употреблять во зло ихъ личную дружбу и, наконецъ, долженъ обѣщать имъ вознагражденіе, соотвѣтственное ихъ трудамъ и требованіямъ времени. Что же касается того, что Журналъ еще не достигъ степени совершенства, на которой долженъ находиться, то такія вещи не творятся въ четыре мѣсяца, да еще безъ денегъ!

Министръ ссылался на патріотизмъ, который долженъ воодушевлять ученыхъ, а я возражалъ, что и патріотизму нуженъ хлѣбъ насущный. Наконецъ, онъ обѣщалъ мнѣ возвратить журналу тѣ три тысячи рублей пособія, которые были у него отняты во время управленія министерствомъ князя Шихматова. Къ сожалѣнію, я слишкомъ хорошо знаю цѣну этимъ обѣщаніямъ. Я имѣлъ слабость огорчиться этой встрѣчей съ человѣкомъ, къ которому я потерялъ всякое довѣріе и съ которымъ потому не желалъ бы встрѣчаться.

Іюнь.—3. Воскресенье. Теперь только пріѣхалъ изъ города. Пропасть было дѣла, то по академіи, то по университету, гдѣ

на меня временно возложена должность декана. Вечеромъ въ субботу, приглашалъ меня къ себѣ графъ Блудовъ, вмѣстѣ съ барономъ Клодтомъ, княземъ Вяземскимъ и Тютчевымъ, для обсужденія проекта памятника, который собираются воздвигнуть на могилѣ Жуковскаго.

Нѣкоторые литераторы меня недавно упрекали въ томъ, что я не примыкаю ни къ какой литературной партіи въ особенности и не ратую ни за одну изъ нихъ исключительно.

— Мой девизъ, отвѣчалъ я,—независимость моихъ собственныхъ мнѣній и уваженіе къ мнѣніямъ другихъ. Всѣмъ извѣстно, что я всегда такъ думалъ и поступалъ, и я нахожу, что мнѣ и впередъ не слѣдуетъ измѣнять моего образа мыслей и дѣйствій.

— 10. Сегодня поутру, къ моему удивленію, посѣтилъ меня Авраамъ Сергѣевичъ. Онъ жаловался на Блудова, который что-то сильно его атакуетъ. Чѣмъ и какъ?

— 11. Стремленіе, посредствомъ литературы, ввести образованный классъ въ интересы низшаго и тѣмъ открыть путь образованію въ среду послѣдняго—мысль прекрасная. Но не надо, однако, невѣжество, грубость и предразсудки этого класса выставлять, какъ нѣчто поэтическое и способное вызывать одно умиленіе. И въ этомъ классѣ не менѣе, чѣмъ въ другихъ, недостатковъ и пошлостей. Нужды нѣтъ, что они въ немъ не заимствованы и естественны — всетаки это пошлости, и дагерротипные снимки съ нихъ ничего не говорятъ въ пользу того, что есть, и ни мало не пролагаютъ дороги къ тому, что должно быть. Литература, исключительно направленная къ этимъ предметамъ и исключительно усвоившая себѣ эту манеру, доказываетъ недостатокъ творчества и стремленія къ усовершенствованію. Вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, легче списывать грубую натуру, со всѣми ея неприглядными подробностями, чѣмъ мыслить и создавать.

Августъ.—22. Среда. Вотъ и августъ приближается къ концу. Лѣто давно прошло или, лучше сказать, оно и не начиналось. Май, іюнь, іюль промелькнули среди холода, вѣтра, дождя. Такого гнуснаго лѣта я не запомню даже въ Петербургѣ. Но и помимо погоды я провелъ лѣто дурно, безъ отдыха, въ постоянной сутолокѣ и дѣловыхъ дрязгахъ.

Изъ внѣшнихъ обстоятельствъ стоитъ отмѣтить развѣ только

доносъ на меня и Давыдова министру—что мы его ругаемъ и собираемся составить противъ него настоящій заговоръ съ помощью Ростовцева. Такъ какъ доносъ, главнымъ образомъ, касался Давыдова, то я и совѣтовалъ ему объясниться съ Ростовцевымъ—что онъ и сдѣлалъ

— Старый младенецъ, старый младенецъ! повторилъ нѣсколько разъ Ростовцевъ о Норовѣ.

А въ министерствѣ тѣмъ временемъ творятся такія дѣла, что о нихъ грустно говорить и думать. Вездѣ на первомъ планѣ Кисловскій.

Сентябрь.—18. Московскіе остряки сложили на нашего министра остроту: „онъ безъ памяти любитъ просвѣщеніе". А въ Петербургѣ къ этому прибавляютъ еще: „онъ безъ ума отъ своего министерства". Ахъ, Авраамъ Сергѣевичъ, въ какую тину вы залѣзли!

Недавно, между прочимъ, произошелъ слѣдующій скандалъ. Совѣтъ московскаго университета избралъ на каѳедру исторіи отличнаго молодаго ученаго Ешевскаго, котораго я рекомендовалъ министру еще во время юбилея московскаго университета. Авраамъ Сергѣевичъ съ нимъ лично познакомился, выслушалъ его пробную лекцію, пришелъ въ восторгъ и благодарилъ меня за него. Попечитель одобрилъ избраніе совѣта и представилъ Ешевскаго на утвержденіе министру. Но Кисловскій рѣшилъ иначе..... Попечитель Ковалевскій однако твердо и рѣшительно заявилъ ему, что скорѣе подастъ въ отставку, чѣмъ позволитъ Кисловскому вмѣшиваться въ дѣла московскаго университета. Кисловскій, говорятъ, отъ этого заболѣлъ, а министръ долженъ былъ утвердить Ешевскаго—не безъ гнѣва однако на попечителя, столь благородно и рѣшительно отстоявшаго свое и университетское право. Событіе это разнеслось по Москвѣ, дошло и сюда, гдѣ произвело весьма грустное впечатлѣніе.

Я выбранъ въ члены Театральнаго комитета, для разсмотрѣнія пьесъ, написанныхъ къ столѣтнему юбилею театра. Комитетъ собирался разъ шесть, прочиталъ двадцать четыре пьесы—одну другой слабѣе, и, наконецъ, остановился на одной, которую и одобрилъ. По вскрытіи пакета, въ которомъ она заключалась, оказалось, что пьеса эта графа Соллогуба. Къ этому прибавили еще прологъ Зотова.

Говорятъ, что нашъ комитетъ сдѣлается постояннымъ. Меня уже спрашивали отъ имени министра императорскаго двора: согласенъ ли я и впередъ быть членомъ?

Октябрь.—2. Торжественный въѣздъ Государя императора въ Петербургъ. Процессія прошла мимо оконъ моей квартиры въ половинѣ втораго. Отъ насъ все было видно отлично. Процессія пышная, какъ всѣ процессіи подобнаго рода. Несмѣтныя толпы народа.

— 6. Получилъ отъ министра императорскаго двора графа Адлерберга уже оффиціальное приглашеніе быть членомъ комитета при дирекціи театровъ, на который возлагается разсмотрѣніе вновь поступающихъ на сцену пьесъ.

— 9. Обѣдалъ у графа Блудова въ первый разъ по возвращеніи его изъ Москвы. Разговоръ шелъ о литературѣ. Графиня-дочь прочитала мнѣ стихи какой-то тульской стихотворицы. Графиня, какъ извѣстно, большая патріотка и радуется появленію всякаго, такъ называемаго, отечественнаго таланта.

Плетневъ пишетъ изъ Парижа, что его всего больше поражаетъ во французахъ единство національнаго чувства. Причину тому онъ полагаетъ въ ихъ вѣрѣ въ свое національное превосходство.

„Отчего у насъ, спрашиваетъ онъ, нѣтъ такихъ великихъ результатовъ народности, какъ у нихъ?“ и отвѣчаетъ: „отъ недостатка вѣры въ наши моральныя качества!“

А я думаю—отъ неразвитости самихъ моральныхъ качествъ у насъ. Способностей у насъ много, но, увы! не меньше и безнравственности.

— 25. Всякая отрасль науки заслуживаетъ уваженія. Но не заслуживаютъ уваженія претензіи ученыхъ, изъ которыхъ каждый хотѣлъ-бы, чтобы его отрасль была признана за цѣлое дерево, причемъ другимъ деревьямъ и расти не нужно.

Русское слово и словесность такъ дороги намъ, что мы должны ихъ подвергать самому тщательному и всестороннему изслѣдованію. Надо разсматривать ихъ: критически, исторически, эстетически. Тутъ нужно нѣсколько спеціалистовъ.

Борьба въ Академіи съ Срезневскимъ. Ему хочется, чтобы все Русское отдѣленіе состояло изъ славянства: славянскихъ древностей, славянской филологіи, славянской литературы. Ка-

ѳедру русской словесности онъ хотѣлъ-бы превратить въ каѳедру славянорусской, такъ чтобы собственно русская словесность утонула въ потокѣ славянщины. Я противъ этого сильно возсталъ. Меня на этотъ разъ слабо поддерживалъ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ. Тѣмъ не менѣе, Срезневскій въ заключеніе сдался.

Ноябрь.—11. Былъ у попечителя московскаго университета Евграфа Петровича Ковалевскаго. Онъ дивныя вещи поразсказалъ мнѣ о Норовѣ, какъ напримѣръ: онъ скажетъ да, а Кисловскій нѣтъ—и дѣло не дѣлается или, лучше сказать, дѣлается по рѣшенію послѣдняго. Какой вредъ для хода дѣлъ! Представленія попечителей о самыхъ важныхъ нуждахъ подвергаются страшнымъ задержкамъ, крючкотворствамъ, искаженіямъ — не говоря уже о высшихъ вопросахъ воспитанія и образованія, на которые не обращается никакого вниманія. Многія представленія по годамъ не разрѣшаются. Канцелярскій произволъ надъ всѣмъ владычествуетъ. Всякая мысль, касающаяся воспитанія и образованія, всякое ученое лицо, всякая книга находитъ себѣ враждебное противодѣйствіе въ департаментскихъ чиновникахъ. Министръ ничего не знаетъ, ничего не видитъ, а только слушаетъ своего наперсника Кисловскаго и подписываетъ бумаги, которыхъ содержаніе часто не знаетъ, или черезъ нѣсколько минутъ забываетъ, такъ что о дѣлѣ, о которомъ ему вчера было говорено, сегодня надо вновь говорить, а на слѣдующій за тѣмъ день оно непремѣнно будетъ сдѣлано не такъ, какъ онъ его понялъ, какъ обѣщалъ и даже какъ положилъ письменную резолюцію.

— 12. Сегодня П. П. Татариновъ пріѣзжалъ ко мнѣ отъ министра просить меня по прежнему бывать у него по средамъ. Я уклонился.

— 20. Обѣдалъ сегодня у графа Д. Н. Блудова. Послѣ обѣда мы съ нимъ остались одни. Предметомъ нашего разговора были дѣла по министерству народнаго просвѣщенія. Графъ сильно негодуетъ на то, что тамъ творится. Онъ мнѣ разсказывалъ любопытныя подробности о поведеніи Норова въ Государственномъ Совѣтѣ вчера и сегодня, по случаю преній о производствѣ въ чины молодыхъ людей, кончившихъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній. Это нынѣ составляетъ важный законодательный во-

просъ по нашему министерству. Вопросъ этотъ обсуждался еще при покойномъ Государѣ въ комитетѣ, состоявшемъ, подъ предсѣдательствомъ графа Блудова, изъ Ростовцева, барона М. Корфа, Протасова и Анненкова. Тамъ было положено отмѣнить производство въ чины воспитанниковъ высшихъ заведеній по такъ называемымъ сокращеннымъ срокамъ. Въ нынѣшнее царствованіе, когда комитетъ былъ уже наканунѣ закрытія, дѣло это, вмѣстѣ съ другими вопросами, касающимися преобразованій учебныхъ заведеній, передано было Норову, а тотъ возложилъ на меня разсмотрѣть ихъ и составить о нихъ записку съ указаніемъ, что̀ изъ идей комитета можетъ быть принято, что̀ должно быть измѣнено, дополнено и прочее. Я занялся этимъ усердно и тогда же нашелъ, что планъ преобразованія университетовъ былъ очень неудовлетворителенъ. Впрочемъ, я узналъ впослѣдствіи, что комитетъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ стратегически. Университеты были на краю гибели. Они подвергались опасности закрытія и комитетъ стремился только къ одному—во что бы то ни стало спасти ихъ. Но многія идеи комитета о низшемъ и среднемъ образованіи были весьма хороши и могутъ служить прекраснымъ матеріаломъ при полезныхъ измѣненіяхъ и улучшенія по этой части. Обо всемъ этомъ мы тогда много толковали съ Норовымъ и, между прочимъ, я совѣтывалъ ему принять и мысль комитета относительно производства въ чины. Это онъ, какъ и все другое, совершенно одобрилъ; въ этомъ же духѣ объяснялся съ графомъ Блудовымъ и даже подписалъ формальную о томъ бумагу. По разрывѣ моей связи съ нимъ, онъ вдругъ перемѣнилъ намѣреніе—конечно, подъ вліяніемъ Кисловскаго, который, очевидно, задался задачей вырвать все, что было посѣяно мной. Въ Государственномъ Совѣтѣ сильно удивились перемѣнѣ норовскаго мнѣнія и еще больше удивились, когда выслушали его записку объ этомъ предметѣ—и по содержанію и по изложенію вовсе не государственную. И вотъ, въ эти два послѣднія засѣданія, Совѣтъ, какъ говорится, припёръ его. Норовъ не съумѣлъ дѣльно и логически защищать свое мнѣніе. Онъ растерялся, вышелъ изъ себя и почти бранился. Наконецъ, поставленный втупикъ возраженіями членовъ, онъ обратился къ предсѣдателю съ просьбою призвать присутствующихъ къ порядку.

— Если кого либо надо призвать къ порядку, возразилъ графъ А. Ѳ. Орловъ,—такъ это васъ.

Когда Норовъ началъ было ссылаться на свою записку, одинъ изъ членовъ замѣтилъ ему, что подобныхъ записокъ не представляютъ въ Государственный Совѣтъ, что его записка памфлетъ, а не выраженіе мыслей и соображеній министра. Все это мнѣ говорилъ графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ. Ахъ, Авраамъ Сергѣевичъ!

Графъ, между прочимъ, разсказывалъ много интереснаго изъ своихъ воспоминаній о прошломъ времени. Рѣчь какъ-то коснулась Булгарина и Греча. Графу положительно извѣстно, что Булгаринъ участвовалъ въ службѣ по тайной полиціи во время Бенкендорфа. Между прочимъ разсказалъ онъ мнѣ и слѣдующій случай изъ исторіи тайныхъ дѣлъ.

— Не помню въ которомъ году, говорилъ графъ,—покойный Государь долго отсутствовалъ изъ Петербурга. При немъ находились графъ Бенкендорфъ и Дашковъ, бывшій министръ юстиціи. Они были между собой дружны. Однажды Бенкендорфъ сказалъ Дашкову:

— Не хотите ли полюбопытствовать, прочесть доставленный мнѣ изъ третьяго отдѣленія—разумѣется секретный—отчетъ о состояніи умовъ въ Петербургѣ. Я еще не читалъ его, но васъ онъ, вѣроятно, займетъ.

Дашковъ взялъ отчетъ и къ изумленію своему—что же нашелъ въ немъ? Обвиненіе въ крайнемъ либерализмѣ князя Вяземскаго, графа Блудова, многихъ другихъ такихъ же лицъ и взаключеніе самого себя. Онъ тутъ же сдѣлалъ свои замѣчанія на поляхъ и на слѣдующій день, отдавая бумагу Бенкендорфу, сказалъ:

— Я прочелъ этотъ интересный документъ и требую отъ васъ, графъ, честнаго слова, что если вы представите его Государю, то не иначе, какъ вмѣстѣ съ моими замѣчаніями.

— Я сдѣлаю лучше, отвѣчалъ графъ, я ничего не представлю.

Такъ и было сдѣлано.

— 21. Былъ у нашего попечителя. Разговоръ о нашихъ ученыхъ, учебныхъ и цензурныхъ дѣлахъ. Тѣ же жалобы, то же негодованіе на безтолковое управленіе по министерству, благо-

даря которому нѣтъ возможности предпринять и сдѣлать что-либо полезное.

— 23. Пятница. Вечеръ у князя Щербатова. Тамъ были нѣкоторые изъ нашихъ профессоровъ, литераторовъ и одинъ цензоръ. Былъ, между прочимъ, и В. П. Титовъ, бывшій нашъ посланникъ въ Константинополѣ. Мы долго говорили. Онъ человѣкъ умный и живой. Говорятъ, его назначаютъ въ наставники къ Наслѣднику. Этотъ выборъ, кажется, не дуренъ. В. П. Титовъ, повидимому, любитъ науку и просвѣщеніе.

— 25. Послѣ девяти или десяти лѣтъ увидѣлся съ Позеномъ. Онъ мало измѣнился физически и умственно. Это человѣкъ съ большимъ практическимъ умомъ. Говорили, будто его вызываютъ сюда, чтобы употребить въ дѣло. Это было бы хорошо. Но врядъ ли—по крайней мѣрѣ, я такъ заключилъ изъ его собственныхъ словъ.

— 26. Понедѣльникъ. Читалъ въ собраніи членовъ факультета — собирались у Фишера — записку о необходимости преподаванія философіи въ университетахъ. Записка была очень одобрена и собраніе положило дать ей дальнѣйшій ходъ по начальству.

Второе отдѣленіе академіи и университетъ возложили на меня написать отчеты къ акту, на 29 декабря и 8 февраля. На это уйдетъ не мало времени.

Мелочныя невольныя влеченія чувствъ, желанія, привычки и т. п. иногда сильно надоѣдаютъ. Обращайся съ ними, какъ и съ людьми подобнаго рода, то есть, будь съ ними учтивъ, слушай, когда нельзя избѣжать, даже ихъ болтовню, не показывая ни нетерпѣнія, ни досады, а думай и поступай по своему.

Декабрь.—4. Обѣдалъ у графа Дмитрія Николаевича Блудова. Никого не было. Разговоръ о литературѣ. Графъ разсказалъ мнѣ нѣсколько старинныхъ преданій двора. Онъ когда-то хотѣлъ писать исторію дома Романовыхъ.

— 6. Поутру видѣлъ А. Ив. Войцеховича и долго съ нимъ говорилъ. Онъ разсказалъ мнѣ прелюбопытныя вещи о раскольникахъ, дѣлами которыхъ, года три тому назадъ, занимался по порученію правительства. По словамъ Войцеховича, они составляютъ огромную силу въ государствѣ. Ихъ около десяти милліоновъ. Они имѣютъ сношенія съ Австріей, гдѣ находится одно

изъ ихъ центральныхъ управленій. Иныя изъ ихъ вѣрованій очень грубы, другія въ высшей степени раціональны. Нѣкоторыя секты отличаются безнравственностью. Есть, напримѣръ, такія, гдѣ жены считаются общими и принято убивать дѣтей. Войцеховичъ увѣрялъ меня, что въ одномъ раскольничьемъ селеніи становой приставъ, по его распоряженію, вытащилъ изъ пруда болѣе сорока труповъ младенцевъ!

Вечеромъ былъ въ театрѣ. Праздновался столѣтній юбилей существованія русскаго театра. Сперва была съиграна увертюра, составленная изъ стариныхъ мотивовъ, потомъ былъ данъ прологъ В. Р. Зотова, много пострадавшій отъ выпущенныхъ цензурою стиховъ. При воспоминаніи о Грибоѣдовѣ и Гоголѣ раздались рукоплесканія. Потомъ шла, одобренная нашимъ комитетомъ, пьеса графа Сологуба, нѣсколько растянутая, но въ общемъ не лишенная интереса. Розыграна пьеса была хорошо, только Самойловъ и Сосницкій—Сумароковъ и Пушкинъ—не твердо знали свои роли. Затѣмъ послѣдовалъ балетъ. Спектакль кончился въ 12 часовъ. Театръ былъ полонъ. Присутствовала и императорская фамилія. Видъ театральной залы былъ великолѣпенъ.

Говорятъ, баронъ Корфъ назначенъ членомъ Главнаго правленія училищъ. Авраама Сергѣевича, очевидно, вяжутъ по рукамъ и ногамъ: тамъ Ростовцевъ, здѣсь Корфъ. Но, странное дѣло, говорятъ, Государь его ласкаетъ.

Печальна судьба русскаго просвѣщенія. Не разъ страдало оно въ тяжкомъ плѣну: былъ плѣнъ татаръ, обскурантовъ и т. д., а нынѣ оно томится въ плѣну подьячихъ.

— 7. На Срезневскаго поданъ отъ кого-то доносъ (безыменный) президенту Академіи. Въ немъ говорится, что Срезневскій дурно издаетъ академическія извѣстія, наполняетъ ихъ дурными статьями, преимущественно своими; что не смотритъ за корректурой, не дѣлаетъ ничего основательнаго для филологіи и только обманываетъ довѣріе къ нему втораго отдѣленія и т. д, и т. д. Графъ Блудовъ отдалъ доносъ И. И. Давыдову, сказавъ, что рѣшительно не вѣритъ доносчику. Срезневскій сильно огорчился. Мы выслушали довольно длинную защиту его и выразили ему свое участіе, какъ товарищу. Иванъ Ивановичъ, въ продолженіе года, самъ безпрестанно уязвляемый безыменными доносами, бо-

лѣе всѣхъ сочувствовалъ Срезневскому. Много плодовъ соберутъ со всего этого наука и общество!

— 9. Былъ на похоронахъ вдовы Жуковскаго, которая умерла въ Москвѣ и привезена сюда, чтобы быть положенною рядомъ съ мужемъ на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Тутъ были графъ Блудовъ съ дочерью, князь Вяземскій, Титовъ, Норовъ и прочіе. Послѣдній, увидѣвъ меня, подошелъ ко мнѣ, любезно сожалѣлъ, что давно меня не видалъ, и приглашалъ къ себѣ. Видя мое нежеланіе принять его приглашеніе, онъ, наконецъ, именемъ редакціи „Журнала", вынудилъ у меня обѣщаніе быть у него по дѣламъ ея. Отъ этого офиціальнаго приглашенія я уже не могъ отказаться. Это, конечно, ничего бы, еслибъ я могъ надѣяться чего либо добиться для редакціи. А то, вѣдь, изъ этого ничего не выйдетъ. Онъ примется безплоднѣйшимъ образомъ толковать о дѣлахъ министерства, требовать моего мнѣнія и, что всего хуже, объясняться.

— 10. Вечеръ у князя Щербатова. Тутъ и ученые, и литераторы, и цензора. Князь очень радушно и любезно всѣхъ принимаетъ. Но не люблю я всѣхъ этихъ собраній. Въ нихъ ничего искренняго, а только каждый старается казаться, въ глазахъ другихъ, значительнѣе, чѣмъ онъ есть. Невольно и самъ становишься на ходули, чтобы не попасть подъ ноги другимъ.

— 12. Читалъ князю записку свою о необходимости преподаванія философіи въ университетахъ.

Сдѣлалъ непростительную ошибку въ разговорѣ съ княземъ, когда тотъ говорилъ о Б. и К., которыхъ онъ не хочетъ оставить въ университетѣ, несмотря на то, что совѣтъ избираетъ ихъ на продолженіе службы послѣ двадцатипятилѣтія. Я былъ застигнутъ врасплохъ и не возразилъ такъ, какъ слѣдовало. К. и Б. не геніи, но и не такія-же бездарности, чтобы не могли быть еще полезными, тѣмъ болѣе, что въ настоящую минуту ихъ не кѣмъ и замѣнить. Мое заступничество — даже и болѣе энергическое вѣроятно ни къ чему не повело-бы, но я, по крайней мѣрѣ, исполнилъ бы свой долгъ.

— 16. Былъ у Норова. Какъ я и ожидалъ, произошли объясненія и цѣлованія. Но изъ этого опять-таки ничего не вышло. Онъ былъ такъ разсѣянъ, что ему нельзя было вложить ни одной мысли въ голову.

— 22. Засѣданіе въ Академіи. Читалъ отчетъ, назначенный къ публичному акту 29 декабря.

— 23. Былъ у Позена. Чрезвычайно любопытная бесѣда. Онъ передалъ мнѣ, какъ говоритъ, слово въ слово, свой разговоръ съ Государемъ надняхъ. Позенъ привезъ съ собой проектъ освобожденія крестьянъ, и по этому случаю былъ приглашенъ къ Государю. Его величество, какъ нельзя благосклоннѣе, выслушалъ пояснительныя замѣчанія Позена и обѣщалъ прочесть проектъ съ полнымъ вниманіемъ. Позенъ, между прочимъ, предупредилъ Государя, что у него, Позена, много враговъ.

— О, и сколько! подтвердилъ Государь.

— Потому неудивительно, прибавилъ Позенъ, — если идеи мои будутъ многими отвергнуты.

— Вашъ проектъ не подписанъ? спросилъ Государь.

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ Позенъ.

— Ну, это и хорошо, замѣтилъ Государь.

Между тѣмъ, дня черезъ три послѣ того, къ Позену пріѣхалъ князь Долгорукій для объясненій по приказанію Государя.

Позенъ хотѣлъ мнѣ прочесть весь свой проектъ, но онъ собирался на юбилейный обѣдъ къ Ростовцеву, и потому прочелъ мнѣ только нѣкоторыя мѣста. Я зналъ, что Позенъ уменъ и владѣетъ перомъ, но такихъ идей, такого свѣтлаго взгляда на вещи, такого правдиваго и благороднаго голоса въ пользу человѣческаго достоинства и правъ его, наконецъ, такой силы краснорѣчія, простаго, сжатаго и твердаго—правду сказать, я отъ него не ожидалъ. Жаль, если его не употребятъ въ дѣло! Его многіе не любятъ и боятся.

— 29. Актъ въ Академіи наукъ. Я читалъ отчетъ по русскому отдѣленію. Отчетъ и чтеніе заслужили одобреніе. Я выслушалъ много похвалъ и поздравленій.

Вечеромъ былъ раутъ у президента, на которомъ присутствовали всѣ академики. Я, между прочимъ, разговаривалъ съ Сакеномъ, сражавшимся подъ Севастополемъ, съ Титовымъ, бывшимъ посланникомъ въ Константинополѣ, съ Ростовцевымъ. Еще на актѣ Норовъ сказалъ мнѣ, что ему очень нужно о чемъ-то переговорить со мной и настоятельно приглашалъ къ себѣ. Кажется надо будетъ къ нему отправиться, хотя мнѣ этого крайне не хочется. Постараюсь, по крайней мѣрѣ, извлечь изъ этого пользу

и опять попробую высказать ему то, что мнѣ не удалось высказать въ мое послѣднее свиданіе съ нимъ.

— 30. Только что возвратился домой съ одного вечера съ глубокимъ отвращеніемъ ко всему мною видѣнному и слышанному. Тамъ было то, что называется цвѣтомъ общества, и дѣйствительно многіе умные люди, но всѣ они отдаются потоку событій, ни о чемъ не думаютъ, кромѣ своихъ выгодъ, своего мелкаго честолюбія, тщеславія и т. д. Таковъ духъ времени, и мало кто считаетъ нужнымъ ему противостоять и противодѣйствовать. Да и на что? Все должно „идти къ концу, какъ угодно Творцу", по выраженію Шекспира. Эгоизмъ съ жадностью хватается за это убѣжденіе, чтобы освободиться даже отъ желанія что нибудь дѣлать въ пользу общую.

— 31. Вотъ и еще года какъ не бывало! Еще годъ грустной опытности. Что пріобрѣтено для внутренняго мира, для успѣховъ самоусовершенствованія, для блага общаго и для собственнаго? Ничего, ничего, ничего!

Конецъ 1856-му году.

1857 годъ.

Январь.—1. Вторникъ. Между прочимъ былъ у Позена и просидѣлъ у него около часу. По его проекту объ освобожденіи крестьянъ назначенъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ самого Государя. Члены комитета: графъ А. Ѳ. Орловъ, Я. И. Ростовцевъ, Брокъ, князь П. П. Гагаринъ, князь В. А. Долгорукій, В. Ѳ. Адлербергъ.

29 декабря былъ обычный годичный актъ въ Академіи наукъ. Я читалъ отчетъ. Собраніе было великолѣпно: лентами и звѣздами хоть мостъ мости. Министръ, увидѣвъ меня, убѣдительно просилъ къ нему зайдти, говоря, что имѣетъ сообщить мнѣ нѣчто очень важное.

— 2. Среда. Любопытное свиданіе съ Авраамомъ Сергѣевичемъ. Онъ желалъ видѣть меня, чтобы посовѣтоваться о томъ, какое направленіе дать дѣлу о „разрядахъ". Я воспользовался

этимъ случаемъ, чтобы представить ему, въ какомъ печальномъ положеніи вообще находится министерство. Оно въ безнадежномъ состояніи. При этомъ я замѣтилъ Аврааму Сергѣевичу, что надняхъ у него вырвали изъ рукъ еще идею: объ отношеніяхъ семейнаго воспитанія къ общественному,—идею, которую такъ громко нынѣ провозгласилъ Ростовцевъ и которую теперь, можетъ быть, испортили, утрируя ее. А вѣдь годъ тому назадъ, министерство уже имѣло на свой проектъ согласіе Государя, по поводу учрежденія женскихъ гимназій—но ничего не сдѣлало.

— Помните, сказалъ я Аврааму Сергѣевичу,—у меня было заготовлено отношеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ, гдѣ этому дѣлу давали уже ходъ? Мое отношеніе было задержано, и вотъ что теперь для васъ изъ этого вышло.

Затѣмъ я выразилъ предположеніе, что министру необходимо, для возстановленія хоть сколько нибудь своего кредита, взять на себя починъ въ предстоявшихъ еще по министерству дѣлахъ. Въ предметахъ недостатка нѣтъ. Онъ согласился и просилъ меня изложить мои мысли объ этомъ на бумагѣ, а главное приготовить проектъ о „разрядахъ" въ такомъ духѣ, какъ я предлагалъ прежде, то есть, чтобы чины были замѣнены должностями.

Затѣмъ Авраамъ Сергѣевичъ—ужъ право не знаю зачѣмъ—опять коснулся моего опредѣленія, или, лучше сказать, неопредѣленія, въ члены Главнаго правленія училищъ. Послѣдовали странныя, запутанныя объясненія—такія странныя и запутанныя, что мнѣ стало жаль его и я поспѣшилъ положить конецъ имъ и нашему свиданію. Рѣчь была и о Кисловскомъ. Авраамъ Сергѣевичъ выразилъ мнѣніе, что не худо было бы мнѣ съ нимъ помириться. Я съ жаромъ отвергъ эту недостойную мысль: какъ будто Кисловскій могъ и долженъ былъ что нибудь значить въ моей дѣятельности и въ моихъ отношеніяхъ съ министромъ.

Въ заключеніе министръ, по обыкновенію, обнялъ меня, увѣряя въ своей любви. Изъ этого, конечно, ничего не выйдетъ, но, по крайней мѣрѣ, я ему высказалъ все то, что, по совѣсти, считалъ необходимымъ высказать.

— 10. Четвергъ. Обѣдалъ у Позена. Онъ далъ мнѣ прочесть

письма свои къ Государю, сопровождавшія проекты о разныхъ отрасляхъ государственнаго правленія. Проекты эти составлены Позеномъ по требованію его величества. Проектъ о необходимости начертать программу и опредѣлить систему управленія отличается многими свѣтлыми и основательными мыслями, хотя въ немъ есть и общія мѣста. Позенъ принимаетъ четыре основныя начала: православіе, самодержавіе, человѣчество и народность, но тремъ изъ этихъ идей даетъ другое значеніе, чѣмъ Уваровъ. Всего замѣчательнѣе его письма. Они написаны смѣло, умно и даже краснорѣчиво. Любопытно въ одномъ изъ нихъ то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о томъ, что народъ ожидаетъ отъ Государя улучшенія своего жребія послѣ войны, и что, въ случаѣ неудовлетворенія этихъ ожиданій, надо опасаться всеобщаго неудовольствія. Положеніе народа онъ просто называетъ невыносимымъ.

Комитетъ объ эмансипаціи ничего не рѣшилъ. Позенъ уѣзжаетъ во вторникъ.

— 13. Воскресенье. Былъ сегодня у директора канцеляріи военнаго министра Брискорна. На прошедшей недѣлѣ я представлялся военному министру, который приглашалъ меня для совѣщанія по поводу устройства образованія и судьбы военныхъ кантонистовъ: о нихъ надняхъ состоялся высочайшій указъ. Тутъ же было мнѣ объявлено, что я назначенъ членомъ комитета, на который возложены эти дѣла, а вчера я получилъ о томъ и оффиціальную бумагу отъ министра. Мой проектъ, представленный въ концѣ прошлаго года, говорятъ, очень ему понравился. Брискорнъ назначенъ предсѣдателемъ комитета, потому я и былъ у него сегодня. Онъ излагалъ свои мысли въ духѣ моего проекта. Мы поговорили о нашихъ будущихъ занятіяхъ и, кажется, согласились въ главномъ, а именно въ томъ, о чемъ я уже писалъ.

— 15. Вторникъ. Хотите-ли пріобрѣсти извѣстность? Ругайте какъ можно больше тѣхъ, которые уже достигли ея прежде васъ. Во-первыхъ, слушателямъ пріятно будетъ услышать, что вотъ такой-то вовсе не такой талантъ, не такой умъ, не такъ честенъ и благороденъ, какъ о немъ говорятъ. А во-вторыхъ, вы докажете собственный умъ, ибо, по мнѣнію толпы, тотъ

непремѣнно долженъ быть очень уменъ и даровитъ, кто ни въ комъ не признаетъ ни ума, ни дарованія.

Умъ безъ честности похожъ на бритву безъ рукоятки: при всемъ желаніи нѣтъ возможности его употреблять, а если станешь употреблять, то обрѣжешься.

— 26. Суббота. Въ ту минуту, когда общество наше готово совсѣмъ утонуть въ обычной апатіи и пустотѣ, когда толки о погодѣ, о придворныхъ новостяхъ, о томъ, что въ такомъ-то журналѣ обруганъ такой-то, и т. д.—когда все это начинаетъ безмѣрно надоѣдать, благосклонная судьба обыкновенно посылаетъ нашей публикѣ на выручку какой-нибудь громкій особенный случай, преимущественно скандалъ, и вотъ публика выходитъ изъ летаргическаго сна, начинаетъ шевелиться, поднимаетъ голову, слушаетъ, говоритъ, смѣется, пока это ей не надоѣстъ въ свою очередь и она, усталая, снова погружается въ пуховикъ своего умственнаго и сердечнаго бездѣйствія. Вотъ теперь такой случай прилетѣлъ къ намъ изъ Москвы: графъ Б. подрался съ профессоромъ Ш. или, лучше сказать, поколотилъ Ш., такъ что тотъ лежитъ въ постели больной. Сегодня въ академіи, въ университетѣ только объ этомъ и толкуютъ. Кто стоитъ за одного изъ бойцевъ, кто за другого, но обстоятельства этого факта такъ перепутаны разными добавленіями, толкованіями, измѣненіями, вольными и невольными, что рѣшительно нельзя составить себѣ точнаго о немъ понятія. Знаешь только, что была драка, что подрались московскій графъ и московскій профессоръ и что подрались они по-русски, то-есть, оплеухами, кулаками, пинками и прочими способами патріархальнаго до-петровскаго быта.

Надняхъ также много занимала публику, прикосновенную къ литературѣ, статья въ „Русской Бесѣдѣ", въ которой Г. обругалъ Грановскаго. Этотъ Г. былъ когда-то посланъ въ Лифляндію, за свою сомнительную дѣятельность въ которой, по возвращеніи, получилъ крестъ. Во время моего цензорства, онъ написалъ было статью—прямой доносъ на противную себѣ партію русскихъ литераторовъ. Словомъ, этотъ любезный господинъ съ успѣхомъ шелъ по слѣдамъ Булгарина. Теперь ему сильно не понравилась высокая и чистая репутація Грановскаго, и онъ задумалъ столкнуть его въ грязь.

Трудно рѣшить сколько добра приноситъ образованіе, но то несомнѣнно, что оно необходимо.

Февраль.—8. Пятница. Актъ въ университетѣ. Я читалъ отчетъ. Всеобщее, а со стороны многихъ—даже жаркое одобреніе. Я въ отчетѣ коснулся нѣкоторыхъ вещей, о которыхъ въ прежнихъ отчетахъ не говорилось, да и не могло говориться. Между прочимъ, всѣмъ понравился мой отзывъ о Мусинѣ-Пушкинѣ.

Вечеромъ былъ у князя П. А. Вяземскаго, гдѣ нѣкто Львовъ читалъ свою драму: „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей".

Вчера былъ большой обѣдъ въ Римско-Католической академіи по случаю утвержденія новаго ректора Якубильскаго. Тутъ, между прочимъ, встрѣтилъ Норова. За обѣдомъ я сидѣлъ отъ него довольно далеко. Увидѣвъ меня, онъ сталъ черезъ весь столъ громогласно изъявлять сожалѣніе, что давно меня не видитъ. Потомъ сказалъ, что у него пропасть важныхъ дѣлъ, о которыхъ ему надо со мной переговорить и т. д.—все во всеуслышаніе и очень некстати. Я отклонился отъ настоящаго отвѣта и произносилъ отрывочныя и ничего не значущія слова.

Дѣло о Ш. и графѣ Б. рѣшено. Ш. посланъ на житье въ Ярославль, а графу Б. велѣно жить безвыѣздно въ своей деревнѣ.

— 11. Понедѣльникъ. Князь Щербатовъ читалъ мнѣ нѣкоторыя изъ своихъ предположеній объ улучшеніи гимназій и уѣздныхъ училищъ. Главная его идея: менѣе учебной и административной формалистики и больше сущности. Онъ представляетъ о томъ докладъ министру. Князь хлопочетъ также объ увеличеніи учительскихъ окладовъ. Разумѣется, въ министерствѣ обо всемъ этомъ и не подумаютъ, и ничего не сдѣлаютъ—нѣсть бо тамъ ни ума, чтобы думать, ни воли, чтобы дѣлать.

Ребиндеръ, который недавно пріѣхалъ сюда на нѣсколько дней изъ Кіева, также читалъ мнѣ свои предположенія. Въ нихъ много прекраснаго. Я вполнѣ раздѣляю его мысли объ усиленіи философскаго преподаванія и о возбужденіи вообще среди молодежи духовной дѣятельности. Объ этомъ онъ не только представилъ министру,—разумѣется совершенно безполезно—но и лично къ Государю, къ которому являлся надняхъ.

— 12. Вторникъ. Князь Вяземскій, которому теперь поручено главное наблюденіе надъ цензурой, просилъ меня заняться

проектомъ объ ея устройствѣ, ибо великій хаосъ въ ней. Я повторилъ ему то же, что сто разъ говорилъ и ему, и министру, именно, что тутъ нужно прежде всего сдѣлать три вещи: а) дать инструкціи цензорамъ; b) освободить цензуру отъ разныхъ предписаній, особенно накопившихся съ 1848 года, которыя, по ихъ крайней нераціональности и жесткости, не могутъ быть исполняемы, а между тѣмъ висятъ надъ цензорами, какъ Дамокловъ мечъ; с) уничтожить правило, обязующее цензоровъ сноситься съ каждымъ вѣдомствомъ, котораго касается литературное произведеніе по своему роду или содержанію. Князь поручилъ мнѣ пригласить одного изъ цензоровъ вмѣстѣ съ нимъ разсмотрѣть и обсудить всѣ эти обстоятельства и затѣмъ представить ихъ ему, князю. Я, впрочемъ, объявилъ князю, что не беру на себя роли законодателя, а совѣтую назначить комитетъ. Для предварительнаго обсужденія я избралъ себѣ въ помощники, за неимѣніемъ лучшаго, Фрейганга.

„Русскій Вѣстникъ“ напечаталъ статью „Пугачевщина“. Велѣно сдѣлать редактору и цензору строгій выговоръ.

Желать чего-либо пылко, но достигать желаемаго со спокойнымъ мужествомъ и хладнокровнымъ постоянствомъ—есть признакъ сильной души.

— 17. Воскресенье. Вечеръ у князя Щербатова. Здѣсь сказалъ нѣсколько словъ, которыхъ не слѣдовало говорить. Каюсь. Всѣ эти сердечныя волненія и недовольства происходятъ изъ одного источника—изъ важности, какую мы придаемъ людямъ и жизни. Слѣдуетъ ли возносить ихъ такъ высоко, чтобы потомъ, видя ихъ низверженными въ грязь, сѣтовать, тревожиться, негодовать? Право, игра не стоитъ свѣчъ. Не важнѣе-ли всего то, чтобы меньше страдать.

Серьезная точка зрѣнія на жизнь и людей самая опасная. Тутъ, Богъ знаетъ, въ какія коллизіи войдешь и съ судьбою, и съ порядкомъ вещей, и съ самимъ собою, между тѣмъ, какъ дѣло, по выраженію Софокла, не стоитъ тѣни дыма.

— 23. Суббота. Читалъ сегодня, по просьбѣ студентовъ и съ согласія начальства, рѣчь студентамъ: „О цѣли и значеніи предпринятаго ими Сборника и о литературныхъ средствахъ достигнуть этой цѣли“. Присутствовали ректоръ и многіе изъ профессоровъ. Огромная зала амфитеатромъ была биткомъ набита.

были и посторонніе посѣтители. Прочитавъ до того лекцію, я чувствовалъ себя нѣсколько утомленнымъ, тѣмъ не менѣе импровизированная рѣчь моя, хотя я самъ и желалъ бы ее получше, была принята хорошо. Раздались аплодисменты, крики браво, топанье ногами и т. д. Товарищи-профессора тоже весьма одобрили. Значитъ, дѣло можно считать удачнымъ. Цѣль моя была наэлектризовать юношей, возбудить въ нихъ благородное рвеніе къ предпринимаемому ими дѣлу, но вмѣстѣ и воздержать ихъ отъ непосильныхъ стремленій, во что бы то ни стало, къ авторской славѣ, и внушить имъ уваженіе къ общественному мнѣнію. Я при этомъ случаѣ припомнилъ имъ слова Талейрана, который сказалъ, что онъ знаетъ кого-то умнѣе себя и Наполеона: этотъ кто-то—всѣ.

— 24. Воскресенье. Засѣданіе комитета у графа Блудова по изданію сочиненій Жуковскаго. Читано было примѣчаніе графа къ поэмѣ „Агасферъ“.

— 26. Вторникъ. Вчера было читано въ совѣтѣ университета прошеніе мое объ отпускѣ. Здоровье мое очень плохо. Силы до того надломлены, что если не принять теперь же надлежащихъ мѣръ къ ихъ возстановленію, онѣ, того и смотри, совсѣмъ сломятся.

Мартъ.—1. Пятница. Вечеромъ былъ въ спектаклѣ театральной школы, какъ членъ Театральнаго комитета. Пьесы игрались плохія, но нѣкоторыя изъ воспитанниковъ и воспитанницъ играли недурно, хотя въ игрѣ ихъ постоянно просвѣчиваетъ недостатокъ эстетическаго образованія. Вообще ихъ учатъ не важно. Главное вниманіе школы, повидимому, устремлено на танцы, и послѣдніе, въ самомъ дѣлѣ, удивительны.

— 2. Суббота. Былъ у Ростовцева. Непріятны мнѣ эти постоянные толки о Норовѣ, съ укорами ему самому и его управленію. Такъ и на этотъ разъ; все одно и то же: „неспособность къ дѣламъ, зависимость отъ подьячихъ въ такихъ случаяхъ, которыхъ они совсѣмъ не понимаютъ, или понимаютъ только съ подьяческой точки зрѣнія, двоедушіе“ и проч.

Вся бѣда отъ того, что мы даемъ слишкомъ большую цѣну жизни и самимъ себѣ. Отъ этого мы созидаемъ множество неосуществимыхъ плановъ и сѣтуемъ объ ихъ неисполнимости, а на случайности жизни смотримъ безъ достаточнаго мужества.

— 3. Воскресенье. Новыя колебанія Авраама Сергѣевича. Надняхъ онъ сообщилъ князю Щербатову о сліяніи Педагогическаго института съ университетомъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. А сегодня, при случайной встрѣчѣ со мной, жалуясь на бѣдность университета, замѣтилъ, что о сліяніи этомъ и рѣчи быть не можетъ, что заведенія не слѣдуетъ уничтожать и что Государю это не понравилось-бы.

— Но вѣдь, возразилъ я,—вы сами, Авраамъ Сергѣевичъ, были того мнѣнія, что университетъ приготовляетъ лучшихъ учителей, чѣмъ ихъ давалъ до сихъ поръ Педагогическій институтъ; что закрытое заведеніе можетъ образовывать ученыхъ, а не учителей, которыхъ гораздо вѣрнѣе образуетъ университетъ, гдѣ на умы дѣйствуетъ не одна наука, но и жизнь.

— Да, это неоспоримо, отвѣчалъ онъ.

— Ну, такъ на первомъ планѣ должна же быть польза, продолжалъ я,—и если мы убѣждены въ ней, то и должны высказать свою мысль безъ уклончивости. Да и при томъ, кто же думаетъ объ уничтоженіи Педагогическаго института? Дѣло идетъ не о закрытіи его, а о соединеніи съ университетомъ—соединеніи, которое усилитъ университетъ и улучшитъ самое образованіе учителей. А чтобы тутъ не было никакихъ даже сомнѣній, то назовите: „Центральный педагогическій институтъ при с.-петербургскомъ университетѣ“.

Эта идея плѣнила его. Онъ опять сталъ просить меня написать это. Конечно, все это одни слова.

— 20. Среда. Умъ есть не иное что, какъ орудіе, пригодное для жизни. Иной употребляетъ его, какъ сѣть для ловли благъ житейскихъ, другой, какъ кинжалъ для нанесенія ранъ, чтобы, обезсиливъ своего врага, исторгнуть у него то, въ чемъ нуждается или чего желаетъ; третій, какъ щитъ противъ нападеній; четвертый, какъ когти и зубы, которые выказываетъ по временамъ ради внушенія страха, и т. д. Бѣда, если умъ ни на что не годенъ, кромѣ тканья понятій, идей истиннаго и прекраснаго и тому подобной паутины, въ которую ничего нельзя ловить, даже и мухъ.

— 24. Воскресенье. Диспутъ въ университетѣ. А. Н. Пыпинъ защищалъ свою диссертацію на званіе магистра: „О русской повѣсти“. Оппонировали я и Срезневскій. Я взялъ за главное

основаніе возраженій противъ молодаго ученаго то, что не видно какія черты умственной, нравственной и эстетической жизни русскаго народа выражаются въ дополненіяхъ и передѣлкахъ повѣстей, зашедшихъ къ намъ изъ Византіи и съ Запада. Но съ этой стороны только и можно было отчасти поражать диспутанта. Все остальное было неопровержимо. Пыпинъ защищался отлично. Было довольно много публики.

Самая необходимая вещь для человѣка — самообладаніе. У животныхъ есть опекунъ: природа. Она всѣмъ у нихъ распоряжается и хозяйничаетъ. Мы же получили отъ нее только орудія и средства: все остальное зависитъ отъ насъ. Оттого, чѣмъ больше дано намъ силъ, тѣмъ труднѣе ими управлять и распоряжаться.

Тысяча вещей въ душѣ нашей дѣлаются безъ нашего вѣдома. Мысли и впечатлѣнія роятся въ ней ежеминутно, и каждое изъ этихъ движеній влечетъ васъ то въ ту, то въ другую сторону. Но все это ничего не значитъ, если распорядительная сила хороша и если подъ ея контролемъ движенія эти не могутъ дойти до своихъ крайнихъ послѣдствій. Иногда случается даже и уступить какому-нибудь влеченію. Но и тутъ пусть окончательно ничто не дѣлается безъ вашего вмѣшательства, безъ причины вамъ извѣстной, вами допускаемой.

— 27. Среда. У графа Блудова. Разговоръ о нашей администраціи и о Брокѣ, который требуетъ, чтобы ничто, касающееся финансовъ, не печаталось безъ его разрѣшенія, и открыто объявляетъ, что наши писатели приведутъ насъ къ революціи. Я замѣтилъ, что онъ ошибается, что революцію дѣлаютъ не писатели, а неспособные министры. Тутъ былъ еще, между прочимъ, Тютчевъ, который очень удачно острилъ надъ кое-кѣмъ изъ нашихъ администраторовъ.

— 30. Суббота. Засѣданіе Театральнаго комитета. Министръ императорскаго двора, графъ Адлербергъ, прислалъ на наше разсмотрѣніе уставъ комитета. Мы читали этотъ проектъ вмѣстѣ съ замѣчаніями директора, которому не хочется допускать въ театральныя дѣла никакого посторонняго вмѣшательства. Министръ же хочетъ противнаго, но кажется ему не достаетъ настойчивости. Мы рѣшились дѣйствовать твердо и попытаться сломить беззаконія, которыя мѣшаютъ успѣшному развитію

такого прекраснаго и полезнаго дѣла, какъ драматическое искусство.

Ни одно дѣло не совершается безъ пожертвованій. Честность требуетъ пожертвованія выгодой, а выгода — пожертвованія честностью. Выбирайте любое.

Апрѣль. — 28. Воскресенье. Весь мѣсяцъ прошелъ въ сильныхъ приступахъ болѣзни и въ устройствѣ поѣздки за границу, куда меня настойчиво посылаютъ врачи. Послѣ разныхъ треволненій, дѣло, кажется уладилось [1]).

Октябрь.—12. Суббота. Визиты попечителю и министру. Послѣднему долженъ былъ представиться послѣ своего возвращенія. Онъ встрѣтилъ меня съ обычными объятіями, старался выказать теплое участіе ко всему, что меня касается, но въ этомъ участіи недоставало главнаго—искренности, или я не съумѣлъ ее открыть.

Князь Щербатовъ хвалился, что онъ одержалъ побѣду надъ департаментомъ и Кисловскимъ. Онъ формально объявилъ министру, что не хочетъ имѣть никакого дѣла съ послѣднимъ, и потребовалъ, чтобы ни одно дѣло по спб. округу не рѣшалось безъ участія попечителя, для чего выразилъ желаніе присутствовать при докладахъ. Авраамъ Сергѣевичъ на все согласился.

— 15. Вторникъ. Вотъ какимъ событіемъ былъ я встрѣченъ по возвращеніи въ отечество. Въ Москвѣ нѣсколько студентовъ праздновали именины своего товарища. Между студентами было человѣкъ пять, шесть поляковъ. Вдругъ къ нимъ явился квартальный надзиратель, съ требованіемъ выдачи мошенника, который будто бы между ними находился. Молодые люди скромно замѣтили, что онъ, вѣроятно, ошибается, что между ними такого не имѣется, и просили его удалиться. Онъ ушелъ, но скоро вернулся, приведя съ собою человѣкъ двадцать полицейскихъ. Одни изъ нихъ сломали двери, другіе полѣзли въ окна; стали

[1]) За границей автору былъ предписанъ полный покой. Заботы о возстановленіи своего здоровья не позволяли ему съ обычною послѣдовательностью вести „Дневникъ". Объ этой поѣздкѣ въ бумагахъ его сохранились лишь бѣглыя замѣтки, для памяти, которыя, по краткости своей, не представляютъ достаточнаго интереса, и потому мы опускаемъ ихъ и продолжаемъ печатаніе „Дневника" съ минуты возвращенія автора въ Петербургъ. *Ред.*

всѣхъ . . . . . вязать, съ криками, что тутъ все измѣнники, ляхи. Произошла кровавая драка. Студенты были . . . . отведены на съѣзжую. Четверо такъ пострадали, что опасаются за ихъ жизнь. Генералъ-губернаторъ Закревскій далъ знать телеграммою Государю въ Кіевъ, что „въ университетѣ бунтъ". Государь отвѣчалъ: „Не вѣрю".

Производится слѣдствіе. Теперь Государь въ Москвѣ. Общій голосъ, что молодые люди въ этомъ дѣлѣ вели себя превосходно. Даже враги университета во всемъ винятъ полицію. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ рѣшенія Государя.

— 16. Среда. Вечеръ у Березина, гдѣ былъ радушно встрѣченъ многими изъ моихъ университетскихъ товарищей и литераторовъ. Тутъ, между прочимъ, былъ Кавелинъ, нынѣ наставникъ Наслѣдника по юридическамъ наукамъ, и Бабстъ, назначенный также наставникомъ къ нему по политической экономіи.

Намъ не заимствовать надо у Европы, а учиться.

Надо умѣть хотѣть—хотѣть трудиться умно и честно.

— 21. Приступаю понемногу къ обычнымъ занятіямъ своимъ по службѣ и въ кабинетѣ, хотя здоровье все еще скрипитъ.

— 27. Получилъ отъ графа Адлерберга бумагу о назначеніи меня предсѣдателемъ Театральнаго комитета.

Просматривалъ разные журналы, вышедшіе въ мое отсутствіе. Многія статьи въ нихъ, особенно въ „Современникѣ", поражаютъ крайнею смѣлостью и парадоксальностью своихъ стремленій.

Послѣ всего испытаннаго нашимъ обществомъ въ недавнемъ прошломъ, протестъ и оппозиція—явленія неизбѣжныя. Мало того, они необходимые элементы общественной и государственной жизни, которая безъ нихъ теряетъ равновѣсіе, застаивается и глохнетъ. И потому, протестуйте господа—это ваше право и даже долгъ—но пусть протестъ вашъ покоится на прочныхъ началахъ разума и совершается не во имя вашихъ личныхъ, узкихъ міровоззрѣній и страстей, а во имя широкихъ общечеловѣческихъ идеаловъ правды и добра. Но не такъ думаютъ и поступаютъ наши современные протестанты. Ослѣпленные ненавистью къ недугамъ прошлаго, они въ немъ все безъ разбора бранятъ и клянутъ; ополчаются противъ всего, часто даже вопреки разуму и исторіи, и не замѣчаютъ, что у самихъ подъ

ногами еще не сложилась почва, и что въ своей нетерпимости они становятся представителями новаго и чуть-ли не еще вящаго деспотизма, чѣмъ прежній. Нѣтъ, господа, истина не такъ легко дается.

Мы, правда, идемъ по скату, и многіе могутъ думать, что тутъ уже ничего не значатъ благородныя усилія въ пользу общественнаго добра и порядка. Это ошибочно. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что человѣку честному надо сидѣть сложа руки, или предаваться крайностямъ.

Ноябрь.—14. Четвергъ. Настоящій годъ богатъ у насъ гибельными происшествіями. Неслыханнымъ образомъ потонулъ восьмидесяти четырехъ-пушечный корабль со всѣми пассажирами и командой всего—800 человѣкъ. Ему велѣно было такъ скоро собраться въ путь, что онъ, видите-ли, не успѣлъ какъ слѣдуетъ расположить балластъ и прикрѣпить пушки, отчего онъ наклонился на одинъ бокъ, опрокинулся и пошелъ ко дну. Лѣтомъ два компанейскіе парохода—одинъ сѣлъ на мель на пути изъ Петергофа въ Петербургъ, а другой чуть не потонулъ гдѣ-то на пути изъ Штетина. На Каспійскомъ морѣ потонулъ фрегатъ со всѣми людьми. Въ пожарѣ около Думы погибло, говорятъ, двѣнадцать человѣкъ. Потонулъ пароходъ на Невѣ, у Охты, шедшій изъ Шлиссельбурга—и потонулъ отъ того, что шкиперъ былъ пьянъ и не распорядился, когда стемнѣло, зажечь фонари, отчего наткнулся въ темнотѣ на другой пароходъ. Потонуло много пассажировъ, и въ томъ числѣ всѣми уважаемый пасторъ Морицъ. Но и изъ спасшихся, многіе умерли въ послѣдующіе дни, кто отъ ушибовъ, кто отъ простуды, кто отъ испуга.

Декабрь.—6. Своровано — и гдѣ-же? между студентами! Студенты издаютъ Сборникъ, для чего у нихъ собраны деньги. Одинъ изъ молодыхъ редакторовъ захватилъ въ свои руки пятьсотъ рублей—отъ нихъ и слѣдъ пропалъ. Сегодня былъ у меня одинъ изъ профессоровъ и съ горестью разсказалъ мнѣ это. Кромѣ того, онъ передалъ еще нѣсколько другихъ случаевъ, гдѣ студенты вели себя вовсе нехорошо. Да, это дѣйствительно и горько, и обидно. Между тѣмъ, попечитель, князь Щербатовъ, смотритъ на все сквозь пальцы.

— 8. Умеръ Красовскій, предсѣдатель иностраннаго цен-

зурнаго комитета, человѣкъ съ дикими понятіями, фанатикъ и вмѣстѣ лицемѣръ, всю жизнь, сколько могъ, гасившій просвѣщеніе. И. И. Давыдовъ вздумалъ написать ему панегирикъ: Красовскій былъ членомъ Русской Академіи. Я возсталъ противъ этого:—Что-же мы будемъ говорить объ истинныхъ заслугахъ и достоинствахъ послѣ восхваленій такимъ людямъ, какъ Красовскій? Да и кто повѣритъ такимъ хваламъ? Пора бросить эти лицемѣрныя чествованія доблестей, которыхъ не было и въ которыя менѣе всѣхъ вѣритъ тотъ, кто ихъ превозноситъ. Поговорка, что объ умершихъ не должно говорить худо, справедлива только въ отношеніи нашихъ личныхъ пріятелей и враговъ, но не въ отношеніи къ общественнымъ дѣятелямъ. Какъ египтяне, судившіе своихъ царей по смерти, мы должны безкорыстно и строго судить этихъ людей, если они, вмѣсто пользы, какую могли приносить, дѣлали вредъ. Пусть это служитъ урокомъ живымъ. И если мы не можемъ сказать всей правды, то не будемъ же, по крайней мѣрѣ, восхвалять. Одинъ Я. К. Гротъ меня поддержалъ. Плетневъ что-то пробормоталъ, прочіе молчали. И. И. Давыдовъ возразилъ, что „вѣдь А. И. Красовскій былъ тайный совѣтникъ", однако обѣщалъ смягчить свою хвалебную пѣснь.

— 9. Вторникъ. Надняхъ обѣдалъ у графа Блудова. Онъ много говорилъ о Сперанскомъ и, между прочимъ, разсказалъ слѣдующее. Сперанскій былъ человѣкъ необыкновенный,—большой приверженецъ Наполеона и французской системы управленія, которую потомъ и у насъ ввелъ. Онъ, впослѣдствіи, не любилъ императора Александра I, который платилъ ему тѣмъже и разъ, въ откровенномъ разговорѣ, сказалъ о Сперанскомъ одному изъ своихъ приближенныхъ: „Ты не знаешь, какой это трусъ и п . . ." Однако, Сперанскій не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Его обвиняли въ двѣнадцатомъ году въ измѣнѣ, но это несправедливо, хотя императоръ Александръ этому вѣрилъ. По крайней мѣрѣ, онъ приводилъ въ доказательство виновности Сперанскаго частыя сношенія послѣдняго съ французскимъ посломъ. Карамзинъ защищалъ его въ этомъ передъ Государемъ.

Еще, говорилъ графъ Блудовъ, Сперанскій былъ необыкновенно почтителенъ къ своей матери. Когда во дни его могущества она явилась къ нему повидаться,—мать его была про-

стая деревенская попадья, одѣтая въ балахонъ и повязанная платкомъ,—онъ при встрѣчѣ съ ней, по старому русскому обычаю, упалъ передъ нею на колѣни и оказалъ ей всевозможные знаки сыновней любви и уваженія.

— 11. Засѣданіе въ Академіи наукъ. Предсѣдательствовалъ президентъ. Были выборы въ почетные члены. Графъ предложилъ очень много лицъ, большею частью все чуждыхъ Академіи и наукѣ. Сначала члены терпѣливо клали бѣлые шары, но потомъ терпѣніе ихъ истощилось и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, потерпѣли достойные, въ пользу недостойныхъ. Такъ, напр., министръ внутреннихъ дѣлъ, Ланской, выбранъ, а Тютчевъ и Мельниковъ (инженеръ) не выбраны. Графъ былъ недоволенъ и прекратилъ дальнѣйшіе выборы, изъ опасенія новыхъ пораженій.

— 14. Былъ на похоронахъ П. Г. Буткова, сенатора и члена Академіи наукъ. Старикъ дотянулъ до восьмидесяти двухъ лѣтъ. Онъ былъ добрый и честный человѣкъ, а я лично питаю къ нему неизмѣнную признательность за помощь, которую онъ, въ былое время, оказалъ мнѣ—бѣдному, униженному юношѣ.

— 16. Понедѣльникъ. Князь Щербатовъ начинаетъ дѣйствовать очень странно. Онъ, между прочимъ, хочетъ уничтожить пансіоны при гимназіяхъ и степендіи бѣднымъ студентамъ университета. Въ университетѣ дѣла идутъ дурно. Студенты остаются безъ нравственнаго руководства. Князь, очевидно, добивается популярности. Напр., студенты издаютъ два рукописные журнала, которые, между прочимъ, наполняютъ всяческими ругательствами. Одинъ журналъ называется „Вѣстникъ свободныхъ мнѣній", а другой, въ подражаніе Герцену, „Колоколъ". Попечитель это знаетъ и дозволяетъ. Но во избѣжаніе скандала, онъ объявилъ студентамъ, что самъ берется быть ихъ цензоромъ и желаетъ, чтобы статьи предварительно показывались ему. Они и покажутъ ему пять, шесть статей невинныхъ, а затѣмъ прибавятъ къ нимъ нѣсколько и другихъ, которыя тоже пустятъ въ ходъ подъ покровительствомъ попечительской санкціи. Вмѣсто того, чтобы побуждать молодыхъ людей учиться, онъ поощряетъ ихъ быть журналистами и тратить время на пустяки, которые, въ концѣ концовъ, могутъ вредно отразиться на нихъ самихъ и имѣть пагубныя послѣдствія для всего сословія и заведенія.

— 18. Среда. Видѣлся съ государственнымъ статсъ-секретаремъ Бутковымъ. Вотъ какимъ онъ мнѣ показался. Говоритъ онъ бойко и легко, и это, кажется, была одна изъ причинъ его быстраго возвышенія. Судитъ онъ очень либерально и, кажется, хочетъ такъ судить, чтобы казаться человѣкомъ времени, человѣкомъ просвѣщеннымъ, прогрессистомъ, потому что нынѣ на сторонѣ прогрессистовъ много умныхъ людей. Но сужденія его очень поверхностны: на нихъ очевидные слѣды слегка прочтеннаго или слышаннаго. Ничего глубокаго, основательнаго, государственнаго въ немъ не замѣтно. Это умъ бѣглый, по преимуществу легкій. Ему очень хочется казаться выше бюрократическаго порядка вещей, и потому онъ бранитъ бюрократію и защищаетъ принципъ сословной представительности. Но все это носитъ на себѣ печать незрѣлости и чего-то навѣяннаго, а не выросшаго изъ глубины собственныхъ убѣжденій и соображеній.

— 19. Четвергъ. Всеобщіе толки о такъ называемой эмансипаціи, приступъ къ которой всѣ прочли въ напечатанныхъ въ газетахъ семнадцатаго числа рескриптѣ Назимову и въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ. Главное—приступъ сдѣланъ и назадъ идти нельзя.

— 22. Воскресенье. Въ публикѣ боятся послѣдствій рескрипта объ эмансипаціи—волненій между крестьянами. Многіе не рѣшаются лѣтомъ ѣхать къ себѣ въ деревню.

Никто не думаетъ, что освобожденіе крестьянъ будетъ имѣть благодѣтельныя послѣдствія для самого дворянства. А казалось-бы, что этого именно и слѣдовало-бы ожидать. Оно должно дать ему болѣе политическаго значенія. Повелѣвая рабами, оно само было рабомъ.... Но какъ скоро установится идея права между дворянствомъ и ему подвластными, то идея этого права непремѣнно должна проникнуть и въ другія общественныя отношенія, должна получить повсемѣстное приложеніе. Сдѣлавъ этотъ шагъ, мы вступили на путь многихъ реформъ, значеніе которыхъ теперь нельзя съ полною вѣроятностью опредѣлить. Сила потока, въ который мы ринулись, увлечетъ насъ туда, куда мы не можемъ предвидѣть.

— 23. Понедѣльникъ. Въ нумерѣ 270-мъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ напечаталъ я возраженіе противъ мысли Даля о вредѣ грамотности для нашего простаго народа. Мое возраженіе

принято въ публикѣ очень хорошо. Слышу много изъявленій удовольствія и благодарностей.

— 24. Вторникъ. Наши журналы въ настоящее время почти исключительно наполняются описаніями разныхъ гадостей и сплетней нашего общественнаго быта. Я очень далекъ отъ того, чтобы отвергать значеніе и пользу этого рода обличительной литературы, особенно въ данный моментъ. Но меня огорчаетъ крайняя исключительность такого направленія и слишкомъ тѣсная замкнутость ея въ узкой сферѣ интересовъ минуты. Она не только исключаетъ изъ своего круга, но и со злостью преслѣдуетъ все, что отзывается общечеловѣческими, возвышенными интересами, всякое стремленіе къ идеалу. Такое исключительное направленіе литературы, въ концѣ концовъ, не можетъ не быть вредно обществу, какъ все узкое, личное, зараженное нетерпимостью.

— 25. Среда. Графъ Блудовъ пригласилъ меня сегодня на открытіе надгробнаго памятника Жуковскому. Была отслужена панихида въ церкви и на могилѣ. Памятникъ сдѣланъ еще по указанію вдовы Жуковскаго изъ чернаго гранита, въ видѣ гробницы. По сторонамъ тексты изъ Св. Писанія. Онъ показался мнѣ массивнымъ и неуклюжимъ.

— 26. Четвергъ. Обѣдалъ у графа Блудова. Разговоръ о покойномъ Государѣ.—За нѣсколько часовъ до смерти его, разсказывалъ графъ,—ко мнѣ съ торопливостью подошли графъ Адлербергъ и князь Долгорукій и предложили мнѣ заняться сочиненіемъ манифеста о вступленіи на престолъ новаго Государя. „Господа, отвѣчалъ я,—какъ можемъ мы говорить о манифестѣ, когда Императоръ еще живъ. Время ли думать объ этомъ? Нѣтъ! Я не буду писать манифеста, пока царствующій Государь еще дышетъ“. Когда Николай Павловичъ скончался, меня позвали къ новому Императору. „Скажите его величеству, отвѣчалъ я посланному—что я прежде пойду поклониться тѣлу Государя, а потомъ, исполнивъ мой долгъ, я явлюсь къ нему“. Такъ я и сдѣлалъ. Государь принялъ меня очень благосклонно и съ глубокою горестью приказалъ мнѣ составить манифестъ.

Много также говорилъ Блудовъ опять о Сперанскомъ. Сперанскій велъ Дневникъ, находящійся теперь въ рукахъ Корфа, который занимается біографіею Сперанскаго. Дневникъ этотъ

престранный. Онъ наполненъ такими пустяками и мелочами, что заставляетъ предполагать, будто онъ писался съ намѣреніемъ скрыть настоящія мысли и наблюденія автора, на случай, еслибы бумаги его попали въ чужія руки.

— 29. Воскресенье. Актъ въ Академіи наукъ. Два отчета: одинъ читалъ И. И. Давыдовъ, о дѣяніяхъ II отдѣленія, а другой—секретарь Веселовскій, о подвигахъ всей Академіи. Иванъ Ивановичъ утомилъ слушателей своимъ акаѳистомъ Иннокентію.

Послѣ акта академики собрались на обѣдъ въ шахматный клубъ, куда явились и президентъ, графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, и министръ. Обѣдъ былъ хорошъ и, кажется, веселъ, какъ бываютъ всѣ наши оффиціальные и полу-оффиціальные обѣды. Тутъ всѣ дѣлаются большими друзьями и провозглашаютъ, вмѣстѣ съ тостами, самыя благія желанія и намѣренія. Я сказалъ моему сосѣду:

— Какъ было бы хорошо, если бы вся жизнь человѣческая состояла изъ обѣда. Сколько было бы у насъ дружбы, добрыхъ начинаній, прекрасныхъ чувствъ. Вѣдь и здѣсь всего этого не мало, но жаль, что это переварится, вмѣстѣ съ съѣденнымъ обѣдомъ, и тѣмъ все и кончится.

И. И. Давыдовъ сказалъ очень умный и приличный спичъ и— къ удивленію всѣхъ—безъ лести, хотя тутъ было бы кому воскурить.

Послѣ обѣда я познакомился съ Беромъ, котораго давно уважалъ.

1858 годъ.

Январь.—1. Среда. Получилъ изъ военнаго министерства проектъ положенія объ учебныхъ заведеніяхъ и программы, съ просьбою разсмотрѣть ихъ въ два дня и написать свое мнѣніе.

— 2. Четвергъ. Занимался проектомъ и программами. Завтра отправляю все съ своимъ заключеніемъ.

— 3. Пятница. Между прочимъ, были у меня Панаевъ и молодой В. И. Ламанскій, даровитый молодой человѣкъ, приготовляющійся занять у насъ въ университетѣ каѳедру славянскихъ нарѣчій.

Панаевъ разсказывалъ про свое свиданіе съ К. В. Чевкинымъ, главноуправляющимъ путями сообщенія. Сей государственный

мужъ доказывалъ ему, что нынѣшнее направленіе литературы, заключающееся въ преслѣдованіи всяческихъ крадствъ, вредно. Недавно въ какой-то статьѣ задѣты были по этой части путейскіе чиновники. Вообще, многимъ изъ нынѣшнихъ главныхъ начальствъ не нравится литературное бичеваніе мерзостей, совершающихся въ ихъ вѣдомствахъ. Они находятъ, что это поселяетъ неуваженіе къ правительству. Гласность и усиленіе общественнаго мнѣнія въ дѣлахъ общественныхъ они находятъ вреднымъ, особенно графъ Панинъ. Но они ошибаются: тутъ нѣтъ ничего общаго съ уваженіемъ или неуваженіемъ къ правительству. Послѣднее само тяготится разными административными злоупотребленіями, и въ гласности и въ общественномъ мнѣніи должно бы видѣть самую дѣятельную помощь противъ зла, съ которымъ хочетъ бороться.

Надняхъ министръ сильно накричалъ на цензора Бекетова за то, что тотъ, по напечатаніи рескрипта объ освобожденіи, пропустилъ въ „Сынѣ Отечества" извлеченіе о постановленіяхъ для остзейскихъ крестьянъ. Это случилось въ отсутствіе князя Щербатова. Но когда князь вернулся, онъ настоялъ, чтобы Бекетовъ не былъ отрѣшенъ отъ должности, какъ грозилъ министръ. Все это была работа Кисловскаго, который отрѣшеніемъ Бекетова думалъ сдѣлать непріятное князю. Но послѣдній поступилъ очень рѣшительно, что называется, прижалъ министра и не далъ въ этотъ разъ тайному подъячему духу восторжествовать надъ справедливостью.

— 5. Воскресенье. Вечеръ у князя Щербатова. Мнѣ было передано отъ его имени, что онъ очень жалѣетъ, что давно меня не видѣлъ. Было объясненіе.

— Мнѣ кажется, сказалъ князь,—что вы сердитесь на меня.

Я не скрылъ, что нѣкоторые слова и поступки, ему приписываемые, вызываютъ мое недоумѣніе. Князь многое опровергъ, а другое объяснилъ преувеличеніями своихъ недоброжелателей. Мы дали слово другъ другу впередъ въ такихъ случаяхъ откровенно объясняться.

Затѣмъ, князь горько жаловался на хаосъ, царствующій въ нашемъ министерствѣ. Кисловскій вездѣ на первомъ планѣ.

— 6. Понедѣльникъ. У графа Блудова. Тамъ былъ также попечитель московскаго университа Ковалевскій. Разговоръ о

статьѣ въ Москвѣ: „Публика и народъ“, за пропускъ которой чуть не былъ отрѣшенъ цензоръ Гиляровъ; о томъ, какъ князь Щербатовъ отстоялъ Бекетова; о современной литературѣ и литераторахъ. Графъ выражалъ сожалѣніе, что современные писатели, повидимому, совсѣмъ знать не хотятъ, что выражать свои мысли въ словѣ есть искусство, и пишутъ, какъ попало. Попечитель жаловался на борьбу въ московскомъ университетѣ между славянофилами и западниками. Борьба доходитъ до того, что противники даже не стѣсняются другъ другу гадить. Это особенно отражается на лицахъ, ищущихъ степеней и каѳедръ. Западники отвергаютъ даже людей способныхъ, но не принадлежащихъ къ ихъ партіи. Славянофилы мстятъ имъ тѣмъ же.

Говорили еще о московскомъ обѣдѣ, по поводу высочайшаго рескрипта о свободѣ, о множествѣ произнесенныхъ на немъ рѣчей, изъ которыхъ не одобряли рѣчи Погодина; о графинѣ Ростопчиной, которая сдѣлалась страшною консерваторкою.

Графъ Блудовъ и Ковалевскій вспоминали о графѣ Канкринѣ. По мнѣнію перваго, это былъ лучшій министръ финансовъ въ Россіи. Онъ былъ, по словамъ Блудова, ума обширнаго и очень находчивъ въ финансовыхъ операціяхъ. Между прочимъ, кто-то припомнилъ и его слова: „Я министръ финансовъ не Россіи, а русскаго Императора“.

— Но это, замѣтилъ Блудовъ,—ему не мѣшало любить и знать Россію. Вотъ по какому случаю Императоръ Александръ I приблизилъ Канкрина къ себѣ. Послѣ Баутценскаго сраженія, армія наша, тѣснимая непріятелемъ, оставалась безъ всякаго продовольствія. Канкринъ былъ тогда интендантомъ. Государь призываетъ его къ себѣ и говоритъ ему: „Мы въ тяжеломъ положеніи. Если ты найдешь способъ вывести армію изъ затрудненія и доставить ей продовольствіе, я награжу тебя такъ, какъ ты не ожидаешь“. Канкринъ нашелъ этотъ способъ, и съ тѣхъ поръ карьера его была упрочена.

— 11. Суббота. Засѣданіе Театральнаго комитета. Ни одной порядочной пьесы, хотя мы на этотъ разъ разсматривали ихъ пять.

Волненіе рабочихъ крестьянъ по дорогѣ отъ Луги до Острова. Въ Смоленской губерніи, говорятъ, убили нѣсколько помѣщиковъ.

— 13. Понедѣльникъ. Вечеромъ былъ приглашенъ на совѣщаніе по устройству „Общества литературнаго фонда для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ и ихъ семействамъ". Собраніе наше состояло изъ Краевскаго, Кавелина, Галахова, Дружинина, Анненкова, Дудышкина и меня. Мнѣ поручили написать проектъ устава.

Безконечные толки о свободѣ крестьянъ. Правду сказать, есть о чемъ потолковать. Тутъ затронуты самые существенные интересы общества, многія симпатіи и антипатіи, до сихъ поръ таившіяся въ умахъ. Но, Боже мой, сколько же и нелѣпостей въ этихъ толкахъ! Сквозь разныя, болѣе или менѣе пристрастныя сужденія, однако, явственно проглядываетъ духъ двухъ враждебныхъ партій—желающей освобожденія и нежелающей его. Къ первой принадлежатъ всѣ такъ называемые мыслящіе, или притворяющіеся мыслящими, умы—литераторы, ученые и т. д. Ко второй — всѣ тѣ, матеріальные интересы которыхъ замѣшаны въ эту громадную игру, слѣдовательно, большая часть помѣщиковъ душевладѣльцевъ. Между лицами, принадлежащими къ послѣдней партіи, различаются два оттѣнка: одни находятъ мѣру освобожденія несправедливою въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она предложена правительствомъ; другіе находятъ ее безусловно вредною, или, по крайней мѣрѣ, преждевременною. Конечно, они имѣютъ основаніе опасаться. Тутъ дѣло идетъ объ ихъ благосостояніи. Вопросъ касается ихъ поземельной собственности, отъ которой они не хотятъ отказаться. А инымъ просто не по сердцу уничтоженіе ихъ барства—и эти чуть ли не сильнѣе всѣхъ кричатъ.

Кавелинъ, котораго, кстати сказать, нельзя не любить и не уважать, въ своихъ страстныхъ увлеченіяхъ, однако, доходитъ часто до крайностей. Теперь, напримѣръ, онъ вопіетъ противъ дворянства, какъ противъ вреднѣйшаго изъ золъ на землѣ. Какъ будто зло въ самомъ дворянскомъ сословіи, а не въ особенностяхъ его положенія у насъ.

— 15. Среда. Умеръ членъ II отдѣленія Академіи наукъ, Коркуновъ. Онъ недѣли двѣ хворалъ тифомъ. Это былъ человѣкъ честнѣйшій изъ честныхъ, ума не обширнаго, маленькихъ знаній во множествѣ.

— 16. Четвергъ. Меня избрали секретаремъ II отдѣленія, на мѣсто Коркунова, который состоялъ также и въ этомъ званіи.

Обѣдалъ у графа Блудова. Тамъ были: П. В. Анненковъ, издатель Пушкина, и Ковалевскій, директоръ азіатскаго департамента. Разговоръ о литературѣ, которой очень хочется говорить о главномъ современномъ вопросѣ—о свободѣ или, такъ называемой, эмансипаціи, и о цензурѣ, которой очень не хочется этого дозволить. Графиня читала стихи Аксакова въ честь освобожденія. Стихи эти не пропущены, несмотря на то, что въ нихъ принимаетъ большое участіе великій князь Константинъ Николаевичъ.

Былъ у меня Львовъ, авторъ комедіи: „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей", и принесъ мнѣ билетъ на завтрашнее представленіе. Я пьесы еще не видалъ. Ее запретили въ Москвѣ и здѣсь велѣно давать ее рѣже. Публика отъ нея въ восторгѣ. Власти осыпаютъ автора похвалами, а между тѣмъ, произведеніе его гонится со сцены. Кажется, и слава, и гоненіе преувеличены. Пьеса несомнѣнно имѣетъ достоинства. Но одни восхищаются, а другіе возмущаются всего больше словами: „правдою нельзя нажиться на службѣ".

— 17. Пятница. Засѣданіе въ комитетѣ по устройству кантонистскихъ школъ. Члены—все сіяющіе и звѣздоносные генералы въ мундирахъ. Я, во фракѣ, казался между ними вороною, залетѣвшею въ стаю павлиновъ. Были жаркія пренія о нѣкоторыхъ параграфахъ устава. Засѣданіе затянулось съ двѣнадцати часовъ до трехъ.

Вечеромъ—въ театрѣ на представленіи пьесы: „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей". Нѣкоторыя мѣста въ ней производятъ сильное впечатлѣніе. Въ ней много современной истины, и это главная причина ея успѣха. Игра актеровъ очень хороша, особенно Мартынова, Зубарева, Максимова и Линской.

— 18. Суббота. Радикальныя реформы рѣдко не вредны. Задуманныя съ лучшими намѣреніями, онѣ почти никогда не достигаютъ своей цѣли, потому что имъ не достаетъ почвы. Почва будущаго, во имя котораго онѣ предпринимаются, состоитъ изъ настоящаго и прошедшаго. Вещи, оторванныя отъ того и другого, не идутъ, а мчатся въ безпорядкѣ, волнуются, блуждаютъ, запутываются и производятъ хаосъ, изъ котораго трудно бываетъ выбраться.

У Валерьяна Никитича Вельбрехта собралось нѣсколько

человѣкъ бывшихъ студентовъ спб. университета, разныхъ выпусковъ, для совѣщаній о праздновании дня открытія его. Меня избрали предсѣдателемъ этого собранія, въ которомъ и была составлена программа обѣда. Я и князь Щербатовъ назначены предсѣдателями—хозяевами праздника, и мнѣ же поручено написать рѣчь къ первому заздравному тосту въ честь Государя. День назначенъ на 16-е февраля.

Говорятъ, министръ народнаго просвѣщенія потерпѣлъ сильное пораженіе въ засѣданіи совѣта министровъ въ прошедшій четвергъ, гдѣ онъ докладывалъ. Начало доклада, повидимому, было хорошее. Министръ прочиталъ записку о необходимости дѣйствовать по цензурѣ въ смягчительномъ духѣ. Записку эту писалъ князь Вяземскій, съ содѣйствіемъ Гончарова. Противъ Норова возсталъ врагъ мысли, всякаго гражданскаго, умственнаго и нравственнаго усовершенствованія, графъ Панинъ. Онъ не лишенъ ума, а главное умѣетъ говорить. Бѣдный Норовъ началъ было защищать дѣло просвѣщенія и литературы, но защита его, говорятъ, вышла хуже нападокъ. Панинъ, разумѣется, восторжествовалъ и цензурѣ велѣно быть строже.

— 21. Вторникъ. Панинъ, Брокъ и Чевкинъ, кажется, помѣшались на томъ, что всѣ революціи на свѣтѣ бываютъ отъ литературы. Они не хотятъ понять, что литература только эхо образовавшихся въ обществѣ понятій и убѣжденій; что если она обращаетъ вниманіе правительства на какіе нибудь административные безпорядки, то тѣмъ оказываетъ услугу ему самому; что надо отличать нападки на законы отъ нападокъ на неисполненіе послѣднихъ, и что нападки этого рода только возвышаютъ достоинство закона и законодательной власти.

— 22. Среда. У графа Блудова. Все та же пѣсня о хаосѣ въ дѣлахъ по министерству народнаго просвѣщенія и разговоръ о несообразности въ дѣйствіяхъ цензуры.

— 25. Суббота. Два комитета вечеромъ: одинъ Театральный, другой по военному вѣдомству. Въ послѣдній я получилъ приглашеніе съ надписью: „весьма нужное“. Надо было отправиться туда. Засѣданіе продолжалось до полуночи у генерала Даненберга. Сильно возставалъ противъ всѣхъ воспитательныхъ учрежденій военнаго министерства Булгаковъ. Онъ полагаетъ, что все образованіе должно быть сосредоточено въ министерствѣ

народнаго просвѣщенія, и сильно нападалъ на преобладаніе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ такъ называемой ружистики—съ чѣмъ соглашались и прочіе генералы. Была высказана мысль относительно общаго образованія: въ министерствѣ народнаго просвѣщенія должно бы существовать обще-совѣщательное собраніе изъ лицъ всѣхъ вѣдомствъ, подъ предсѣдательствомъ министра. Тамъ разсматривались бы всѣ проекты и соображенія о спеціальномъ образованіи, какое нужно каждому вѣдомству. Образованіе должно быть общимъ національнымъ и государственнымъ одно для народа, другое для разныхъ спеціальныхъ потребностей государства.

Еще слово о Булгаковѣ: это человѣкъ умный, даровитый, либеральный, владѣющій даромъ слова.

— 26. Воскресенье. Есть прогрессъ сломя голову и прогрессъ постепенный. Если-бы надо было себя оформулировать одною изъ тѣхъ категорій, на какія принято подраздѣлять политическія мнѣнія въ Европѣ, я бы назвалъ себя умѣреннымъ прогрессистомъ. Я худо вѣрю въ тѣ ученія, которыя обѣщаютъ обществу безпредѣльное счастье и усовершенствованіе, но вѣрю въ необходимость для человѣчества развитія, на всякой степени котораго для него воздвигается извѣстная мѣра благъ съ неизбѣжною примѣсью извѣстныхъ золъ. Вѣрю, что не идти путемъ этого развитія—значитъ противиться закону природы и подвергаться произвольно такимъ опасностямъ и бѣдствіямъ, которыхъ избѣжать есть долгъ разумнаго существа. Какъ природа испытываетъ перемѣны временъ года и съ каждою перемѣною производитъ новыя существа и новыя явленія, не выходя изъ общей сферы, опредѣляющей ея дѣятельсть, такъ и человѣчество не можетъ оставаться неподвижнымъ и должно раскрывать въ исторической послѣдовательности тѣ силы, какія составляютъ его содержаніе.

— 27. Понедѣльникъ. Вотъ что случилось. Бывшимъ студентамъ с.-петербургскаго университета запрещено собраться вмѣстѣ въ память его основанія и вмѣстѣ пообѣдать. Причина тому, какъ говорится, покрыта мракомъ неизвѣстности. Сегодня я былъ у Вельбрехта: никто ничего не знаетъ. Всѣ участники предполагаемаго праздника — а ихъ могло быть человѣкъ до пятисотъ — чувствуютъ себя оскорбленными. Между тѣмъ, мо-

сковцы, казанцы и харьковцы преспокойно отпраздновали себѣ свои дни. Князь Васильчиковъ полагаетъ, что можно будетъ просить, что это еще перемѣнится. Но я не знаю, желательно-ли это: непріятное впечатлѣніе произведено и праздникъ былъ-бы холоденъ и лишенъ одушевленія.

— 29. Среда. Сегодня у графа Блудова было много говорено о графѣ Панинѣ, который пылаетъ такою ненавистью къ просвѣщенію и литературѣ, что безпрестанно предлагаетъ какія-нибудь новыя, стѣснительныя цензурныя мѣры. Напримѣръ: чтобы побудить цензоровъ къ вящей строгости, онъ предлагаетъ за всякое упущеніе немедленно подвергать ихъ взысканію, а потомъ уже изслѣдовать, точно-ли дѣло стоило такого взысканія. Не значитъ-ли это разсуждать прямо на выворотъ? Это особенно прилично министру правосудія. Боже мой, какъ посмотришь, къ какимъ странностямъ приводитъ слѣпая ненависть къ истинѣ и разуму!

— 31. Пятница. Оказывается, что запрещеніе нашего обѣда есть мѣра общая, которая клонится къ тому, чтобы впередъ не было праздниковъ въ честь университетовъ, или въ честь какихъ-бы то ни было общественныхъ явленій. Въ Москвѣ Кокоревъ хотѣлъ устроить какой-то огромный обѣдъ въ честь эмансипаціи. Графъ Закревскій увидѣлъ въ этомъ нехорошее и въ такомъ видѣ представилъ сюда, вслѣдствіе чего послѣдовало запрещеніе и кокоревскаго, и нашего обѣдовъ.

Теперь у меня на рукахъ два проекта уставовъ—одинъ Театральнаго комитета, а другой „Литературнаго фонда для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ".

Февраль.—5. Среда. Во Франціи творятся скверныя дѣла. Враги Наполеона должны быть довольны: онъ начинаетъ дѣлать ошибки. Путь, на который онъ вступилъ, тотъ самый, который привелъ къ гибели его дядю. Это путь военнаго деспотизма и ослѣпленія своимъ могуществомъ.

Люди ни дурны, ни хороши, а точно таковы, какими имъ надлежитъ быть по условіямъ ихъ природы и жизни. Ни сѣтовать, ни негодовать тутъ не о чемъ, а надо только остерегаться. Непріятности слѣдуютъ всегда за излишнею довѣрчивостью. Кто сѣлъ въ крапиву—не жалуйся, что обжегся.

— 6. Четвергъ. Первое засѣданіе комитета, учрежденнаго

для пересмотра стараго и составленія новаго цензурнаго устава. Прежде прочитана была записка князя П. А. Вяземскаго, о состояніи направленія нынѣшней литературы, представленная министромъ народнаго просвѣщенія Государю. Записка оправдываетъ литературу отъ взводимыхъ на нее обвиненій. Она составлена умно и изложена изящно. Вообще записка эта дѣлаетъ честь князю Вяземскому по свѣтлымъ идеямъ въ пользу мысли и просвѣщенія, которыя онъ съумѣлъ вложить въ нее. Онъ опровергаетъ ею мнѣніе многихъ, будто онъ сдѣлался простымъ аристократомъ-царедворцемъ, особенно Герцена, который безпощадно казнитъ его въ каждомъ нумерѣ „Колокола". Любопытны также замѣчанія Государя на эту записку. Нѣкоторыя мѣста въ ней онъ одобряетъ, къ другимъ относится какъ будто недовѣрчиво, и въ замѣчаніяхъ его тогда проглядываетъ какъ-бы нерасположеніе къ литературѣ и сомнѣніе въ ея благонамѣренности. Вообще онъ считаетъ необходимымъ бдительное цензурное наблюденіе за нею.

— 16. Воскресенье. Вся эта недѣля была для меня полна самой тяжелой и скорой работы. Я написалъ два проекта уставовъ: Театральнаго комитета и „Литературно-ученаго фонда". Первый уже разсмотрѣнъ и одобренъ комитетомъ, второй будетъ разсматриваться на этой недѣлѣ. Сверхъ того, идутъ засѣданія комитета для пересмотра цензурнаго устава. Много толковъ, много измѣненій. Все это составляетъ хаосъ, который надо привести въ стройный видъ и ясное выраженіе. Князь Вяземскій въ данномъ случаѣ умно и благородно смотритъ на вещи, но за этотъ послѣдній трудъ не берется. Въ послѣднее засѣданіе комитета о цензурѣ князь предложилъ возложить на меня составленіе и редакцію проекта измѣненій и дополненій къ цензурному уставу, а равно и тѣхъ листовъ, которые должны быть внесены въ Государственный совѣтъ, гдѣ нашъ проектъ, безъ сомнѣнія, будутъ сильно оспаривать.

— 20. Четвергъ. Собраніе „Литературнаго фонда". Я читалъ проектъ устава. Предложено нѣсколько измѣненій.

— 24. Понедѣльникъ. Засѣданіе комитета для пересмотра цензурнаго устава. Читалъ, обработанный мною весь первый отдѣлъ, гдѣ изложены основныя начала цензуры. Я написалъ нѣсколько новыхъ параграфовъ, съ цѣлью дать литературѣ по-

больше простора въ сужденіяхъ о дѣлахъ общественныхъ. На этотъ разъ принято все, за исключеніемъ одного параграфа.

Все это только начало труда, будетъ пропасть работы. Къ чему она опять приведетъ—не знаю. Горько становится, когда подумаю, сколько разъ уже моя работа въ этомъ направленіи пропадала даромъ! Съ Авраамомъ Сергѣевичемъ уже казалось такъ налажено—но удобная минута была пропущена, и вотъ опять все съизнова начинай. А все не хочется отстать, и всякій разъ возлагаешь надежды на столь знаменательное въ нашей русской жизни—авось.

Переписанъ и подписанъ членами проектъ устава о Театральномъ комитетѣ.

Вчера князь Щербатовъ читалъ мнѣ свой уставъ университета. Сомнительный успѣхъ, ибо тутъ требуются деньги и новыя права.

25. Вторникъ. Вечеромъ — на спектаклѣ въ Театральной школѣ. Снѣткова очень хорошо выполнила сцену Марины у фонтана изъ „Бориса Годунова". Въ ней положительный талантъ, да и наружность у нея прелестная, но выйдетъ-ли что изъ всѣхъ этихъ задатковъ быть отличною артисткою—другой вопросъ. Ей, какъ и всѣмъ нашимъ артистамъ, недостаетъ общаго образованія и школы.

— 26. Среда. Надняхъ былъ у меня митавскій губернаторъ П. А. Валуевъ. Онъ привезъ мнѣ письмо отъ моего добраго пріятеля К. И. Рудницкаго, изъ Риги, съ которымъ и онъ друженъ. Валуеву очень понравилась моя „Мадонна" и мой споръ съ Далемъ о грамотности, и онъ пожелалъ со мною познакомиться. Вчера я отдалъ ему визитъ.

У жизни много цѣпей. Отъ иныхъ надо умѣть освободиться, другія—носить съ терпѣніемъ и мужествомъ. Хуже всего, когда мы къ тѣмъ, которыя сковываютъ жизнь, прибавляемъ отъ себя новыя.

Величайшее благо, до какого можетъ достигнуть человѣкъ усиліями ума и воли, есть независимость духа, не нуждающаяся ни въ случайныхъ дарахъ счастья, ни въ какой другой благосклонности людей, кромѣ той, за которую онъ можетъ заплатить наличными услугами и трудомъ.

— 28. Пятница. Ѣздилъ поутру къ Панаеву, директору кан-

целяріи министра императорскаго двора, объясняться по дѣламъ Театральнаго комитета. Проектъ устава долженъ быть представленъ надняхъ министру.

Вечеромъ получилъ горестную вѣсть. М. М. Тимаевъ, мой старый другъ, благороднѣйшій изъ людей, какихъ я зналъ, внезапно умеръ. Поутру былъ здоровъ, спокоенъ, говорилъ съ женою о предстоящей свадьбѣ своего сына и удалился въ другую комнату. Черезъ минуту вошелъ къ нему слуга и нашелъ его мертвымъ. Ему было шестьдесятъ одинъ годъ.

Мартъ. 2. Воскресенье. Вчера былъ на огромномъ раутѣ у графа Д. Н. Блудова. Звѣздъ и кринолиновъ—безъ конца. Я все время проговорилъ съ Остроградскимъ, а потомъ и съ В. П. Титовымъ.

Рѣшительный приговоръ вовсе не служитъ доказательствомъ знанія, а часто служитъ только доказательствомъ притязаній на знаніе.

— **4. Вторникъ.** Отослалъ къ графу Адлербергу проектъ устава Театральнаго комитета при моемъ донесеніи.

Вечеромъ въ театрѣ. Здѣсь услышалъ о смерти О. И. Сенковскаго. Онъ уже давно страдалъ несвареніемъ желудка.

— **7. Пятница.** Былъ у графа В. Ѳ. Адлерберга. Разговоръ объ уставѣ Театральнаго комитета. Графъ объявилъ, что доволенъ имъ и благодарилъ за него. Спрашивалъ моего мнѣніи о пользѣ комитета. Я отвѣчалъ, что польза его преимущественно отрицательная: препятствіе загромождать сцену плохими пьесами. Но тутъ есть также и положительная польза, а именно, что писатели, особенно молодые, будутъ находить ободреніе въ мысли, что судьба ихъ сочиненій отнынѣ станетъ рѣшаться не произволомъ, часто невѣжественнымъ, а судомъ литературнымъ и, по возможности, справедливымъ.

Графъ замѣтилъ, что у насъ теперь мало драматическихъ талантовъ, потомъ перешелъ къ цензурѣ, заговорилъ о трудности ее направить и замѣтилъ, что у насъ въ литературѣ господствуютъ не совсѣмъ хорошія стремленія. Я возразилъ, что положительно дурнаго или вреднаго въ ней ничего нѣтъ, а что если нѣкоторые изъ молодыхъ писателей иногда и увлекаются черезчуръ горячими мыслями, то это не можетъ имѣть вообще рѣшающаго вліянія на умы, такъ какъ они всегда найдутъ проти-

водѣйствіе въ произведеніяхъ людей болѣе зрѣлыхъ и съ болѣе установившимся образомъ мыслей.

Графъ указалъ на шаткость у насъ общественнаго мнѣнія.

— Иногда, сказалъ онъ,—рѣзко нападаютъ на какое нибудь высшее лицо — оно удалено, и вотъ его начинаютъ возносить. Затѣмъ графъ просилъ указать ему нѣсколько кандидатовъ на мѣста членовъ Театральнаго комитета.

— 10. Понедѣльникъ. До сихъ поръ еще не отмѣтилъ случай, доставившій мнѣ и развлеченіе, и нѣкоторое удовольствіе: обѣдъ бывшихъ студентовъ с.-петербургскаго университета, состоявшійся еще 16-го февраля. Это не былъ большой, парадный обѣдъ, который намъ запретили, а простая дружеская трапеза, на которую собралось человѣкъ до тридцати въ квартирѣ Вельбрехта. Обѣдъ былъ очень оживленъ. Въ теченіе его и на мою долю выпало маленькое торжество. Въ честь мою былъ выпитъ тостъ и сказано нѣсколько словъ, отъ которыхъ у меня стало тепло на душѣ. Спасибо, господа!

Затѣмъ послѣдовали другіе тосты, пѣніе и на первомъ планѣ всемірный студенческій гимнъ: Gaudeamus igitur, и проч. Въ числѣ пѣвцовъ особенно отличались князь Васильчиковъ и братья Уваровы.

— 16. Воскресенье. У графа Блудова. Важная новость: Норовъ подалъ въ отставку, и просьба его принята.

— 17. Понедѣльникъ. Совѣтъ университета, въ которомъ попечитель предложилъ на разсмотрѣніе составленный имъ проектъ новаго университетскаго устава. Тутъ всѣ уже знали объ отставкѣ Норова. Говорятъ, на мѣсто его назначается Ковалевскій, попечитель московскій. Всеобщее мнѣніе: хуже того, что было, быть не можетъ. Бѣдный Авраамъ Сергѣевичъ, вотъ къ чему его привели всѣ его шатанія!

— 18. Вторникъ. Князь Вяземскій сказалъ мнѣ сегодня, что онъ тоже подалъ въ отставку и получилъ ее. Жаль. Онъ немного дѣлалъ и немного могъ сдѣлать, но онъ человѣкъ благородный, просвѣщенный и умный.

— 19. Среда. Сейчасъ получилъ извѣстіе отъ Петра Петровича Татаринова, что Норовъ подалъ въ отставку и получилъ ее.

Вчера пронесся слухъ, что Брокъ также уволенъ и на мѣсто

его назначенъ Княжевичъ. Вотъ сколько перемѣнъ! Что-то дадутъ онѣ намъ?

Мѣсто Норова занялъ Евграфъ Петровичъ Ковалевскій.

Говорятъ, Государь, рѣшая отставку Норова, сказалъ:

— Это почтенный человѣкъ по своему сердцу, по благонамѣренности; я душевно люблю его и уважаю. Но онъ не способенъ быть министромъ, и я дольше оставить его на этомъ мѣстѣ не могу.

— 23, Свѣтлое Христово Воскресеніе. Заутреню слушалъ въ театральной церкви.

— 24. Понедѣльникъ. Читалъ разборъ Герценомъ „Исторіи 14-го декабря", Корфа. Герценъ слишкомъ строго судитъ о Ростовцевѣ. . . . . : . . . . Я тогда хорошо зналъ Ростовцева и хорошо помню всѣ обстоятельства дѣла и моральное настроеніе самого Ростовцева. Онъ былъ тогда очень молодъ и врядъ-ли въ состояніи дѣйствовать по такимъ утонченнымъ соображеніямъ своекорыстія и подлости, какія доступны человѣку, умудренному опытомъ и жизнью. Роль историческаго лица могла ему улыбаться, но можно съ достовѣрностью сказать, что онъ не предвидѣлъ всѣхъ послѣдствій своего шага. Онъ предварилъ заговорщиковъ, что намѣренъ донести на нихъ, и донесши, сообщилъ имъ о томъ. Тутъ забота о самосохраненіи, но врядъ-ли какіе-либо дальнѣйшіе расчеты. Иное дѣло послѣ, когда у него въ глазахъ мелькнули флигель-адъютантскіе аксельбанты—тотчасъ послѣ 14-го декабря. Тутъ уже могъ развиться въ его головѣ цѣлый планъ блестящей будущности, хотя онъ тогда-же увѣрялъ меня, что флигель-адъютантство было-бы для него большимъ горемъ.

Утромъ былъ, между прочимъ, у Позена. Къ нему безпрестанно пріѣзжали разные сановники. Тутъ много было говорено о крестьянскомъ вопросѣ.

Апрѣль.—4. Пятница. Норовъ пріѣзжалъ въ Академію прощаться. Говорили рѣчи: Остроградскій и Броссе—приличныя, И. И. Давыдовъ—исполненную лести. Какъ! Лести развѣнчанной власти? Да, но Норовъ, уходя, просилъ новаго министра наградить Давыдова синею лентою, а Кисловскаго—красною.

— 7. Вторникъ. Былъ у новаго министра. Рѣчь о цензурѣ. Государь сильно озабоченъ ею. Въ немъ поколебали расположе-

ніе къ литературѣ и склонили его не въ пользу ея. Теперь онъ требуетъ со стороны цензуры ограниченій, хотя и не желаетъ стѣснить мысль. Какъ это согласить? Министръ сказалъ, что онъ надѣется на меня.

— Это дѣло, сказалъ онъ,—падаетъ на двухъ людей: на васъ и на меня. Разумѣется, ни вы, ни я не можемъ дѣйствовать въ стѣснительномъ духѣ.

Я замѣтилъ ему, что частныя ошибки и увлеченія отдѣльныхъ писателей нельзя ставить въ вину всей литературѣ и считать ихъ за ея общее направленіе.

Министръ согласился со мною. Какъ-бы то ни было, а Государь требуетъ отъ министра рѣшенія цензурной задачи, а министръ ожидаетъ этого отъ меня. А дѣло въ томъ, что несмотря на ожиданія однихъ и на заботы другихъ, вещи всетаки пойдутъ къ концу, какъ угодно Творцу. Ясно одно: стѣсненіями не направишь и не сдержишь умовъ, очнувшихся отъ вѣковой дремоты. Это силы нестройныя, не отрезвляемыя ни преданіями, ни вѣрованіями, стремящіяся дѣйствовать безъ твердыхъ убѣжденій, безъ сознательной цѣли—и потому разнузданныя. Соотвѣтственное противодѣйствіе онѣ могли-бы встрѣтить только въ той-же литературѣ, которая, предоставленная самой себѣ, конечно, не замедлила-бы изъ своей-же среды выдвинуть противъ нихъ нужныхъ борцовъ и обуздателей.

— 10. Четвергъ. Вечеромъ докладъ министру по комитету цензурнаго устава. Мы занимались около двухъ часовъ и оба порядочно устали. Да, трудно, очень трудно обезпечить свободу мысли. Мы хотимъ улучшеній и думаемъ, что можемъ достигнуть ихъ безъ помощи общественнаго мнѣнія, посредствомъ той же бюрократіи, которая такъ погрязла въ крадствѣ. А между тѣмъ, правительству, очевидно, полезнѣе и безопаснѣе союзъ съ печатью, чѣмъ война съ нею. Если наложить на печать путы, она начнетъ дѣйствовать скрытыми путями и сдѣлается недоступною никакому контролю. Никакая сила не въ состояніи услѣдить за тайно подвизающеюся мыслью, раздраженною и принужденною быть лукавою. Вѣдь мы не знаемъ еще чѣмъ кончится страшная система полицейскаго преслѣдованія мысли и слова во Франціи. Но и тамъ всетаки опредѣленная система, а у насъ хотятъ позволить и не позволить, стѣснить и не стѣснить.

Сегодня министръ поднялъ мысль объ отвѣтственности журнальныхъ редакторовъ. Онъ думаетъ, что это единственный способъ спасти что-нибудь существенное въ пользу нашей литературы.

— 18. Пятница. Вслѣдствіе моей телеграфической депеши, сегодня изъ Кіева явился ко мнѣ Н. Р. Ребиндеръ. Онъ пріѣхалъ объясниться съ новымъ министромъ и подать въ отставку тотчасъ, если ему покажется, что на него смотрятъ несовсѣмъ благосклонно. Чтó будешь дѣлать съ этимъ благороднымъ, умнымъ, просвѣщеннымъ, но нетерпѣливымъ и раздражительнымъ человѣкомъ. Отъ перваго случая, который не по немъ, онъ становится на дыбы, прячется въ себя и начинаетъ желчныя филиппики противъ всей вселенной. Я старался его успокоить и направить на болѣе мирныя и кроткія размышленія. Онъ ко мнѣ заѣхалъ прямо съ желѣзной дороги.

Былъ у министра. Онъ спѣшилъ въ засѣданіе Главнаго правленія училищъ, но все-же не отпустилъ меня безъ толковъ о цензурѣ. Чтó могъ сказать я новаго, помимо повторенія одного и того-же, а именно, что литературѣ необходимо дать болѣе простора; что въ другомъ духѣ нынче и думать нельзя писать устава; что этого требуетъ и справедливость, и политическое благоразуміе; что если этого не сдѣлать, то пойдетъ въ ходъ писанная литература, слѣдить за которою нѣтъ никакой возможности.

Въ заключеніе министръ еще разъ просилъ меня поусерднѣе заняться цензурнымъ уставомъ, и прибавилъ, что онъ и Государю докладывалъ, что дѣло это лежитъ на мнѣ. Государь на это замѣтилъ, что онъ меня знаетъ, и приказалъ поспѣшить уставомъ.

— Нельзя-ли черезъ мѣсяцъ кончить это? спросилъ его величество.

Министръ отвѣчалъ, что трудность и важность дѣла не позволяютъ слишкомъ спѣшить, но что будутъ употреблены всѣ мѣры къ его скорѣйшему и успѣшнѣйшему окончанію.

— 20. Воскресенье. Вечеромъ у графа Блудова, который пригласилъ меня, Давыдова и Веселовскаго на совѣщаніе о надписи на медали, выбиваемой въ честь покойнаго государя. Разговоръ о крестьянскомъ дѣлѣ. Въ 1830 году было уже готово

положеніе, заключавшее въ себѣ первый и важный шагъ къ освобожденію, какъ-то: воспрещеніе брать крестьянъ въ дворовые люди, вообще личная свобода. Но Мордвиновъ отсовѣтовалъ Императору Николаю обнародовать это постановленіе до возвращенія Государя изъ путешествія: онъ собирался тогда въ Вильну. Это дѣло послѣ затянулось. Между тѣмъ, вспыхнула революція во Франціи, а тамъ—въ Польшѣ, и объ освобожденіи крестьянъ уже не было и рѣчи до 1847 года.

Право, нельзя не любить графа Блудова. Какъ онъ свѣжъ умомъ и сердцемъ, не смотря на свои за семьдесятъ лѣтъ! А какая доброта! Чтó нужды, что онъ немножко кокетничаетъ своимъ умомъ и краснорѣчіемъ. Слава Богу, что есть чѣмъ кокетничать.

О Мухановѣ, назначенномъ въ товарищи нашему министру, говорятъ, что это человѣкъ не глупый, свѣтски образованный, очень пріятный въ обществѣ. Къ нему весьма благосклонна молодая императрица.

Выговоръ князю Щербатову за пропускъ статьи Кавелина: „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта", напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Современника". Статья противорѣчитъ съ мѣрами освобожденія въ рескриптѣ, почему ее и не пропустилъ цензоръ министерства внутреннихъ дѣлъ. Несмотря на это, князь Щербатовъ позволилъ ее печатать, за что и сдѣланъ ему выговоръ.

Кавелина и Бабста партія (извѣстная) называетъ красными, желая этимъ нагадить В. П. Титову и забрать дѣло воспитанія Наслѣдника Николая Александровича въ свои руки.

Новый министръ финансовъ, А. М. Княжевичъ, испросилъ у Государя разрѣшеніе, чтобы позволено было писать и печатать о финансахъ все безпрепятственно, кромѣ опроверженій или возраженій на состоявшіяся уже мѣры и постановленія правительства. Онъ велѣлъ также сдѣлать выговоръ двумъ директорамъ, Ключареву и еще кому-то, за дурное и грубое обращеніе съ чиновниками. Первое умно, второе гуманно, то есть еще разъ умно.

— 21. Понедѣльникъ. Обѣдалъ у Ребиндера. Послѣ обѣда пришелъ Струговщиковъ. Разумѣется, разговоръ о современныхъ

дѣлахъ. Струговщиковъ лѣзетъ изъ себя за Кокорева. Журналисты его обругали: Панаевъ и „Сѣверная Пчела“.

Утро провелъ за цензурнымъ уставомъ.

Ошибки и заблужденія тѣмъ и сильны, что въ нихъ всегда есть своя доля истины.

— 26. Суббота. Напечатаніе статьи Кавелина въ „Современникѣ“ имѣло слѣдующія печальныя послѣдствія: князю Щербатову сдѣланъ высочайшій выговоръ со внесеніемъ въ послужной списокъ; В. П. Титовъ подалъ въ отставку отъ должности воспитателя Наслѣдника; Кавелинъ уволенъ отъ должности преподавателя. Титовъ, говорятъ, потому подалъ въ отставку, что ему изъявлено высочайшее неудовольствіе за выборъ такихъ наставниковъ, какъ Кавелинъ. Впрочемъ, не это главная причина. Мѣсяца три тому назадъ напечатано въ Лейпцигѣ, на русскомъ языкѣ, письмо М. П. Погодина къ В. П. Титову, съ совѣтами, какъ воспитывать Наслѣдника. Письмо очень рѣзкое. Тогда уже положеніе В. П. Титова начало колебаться. Партія, желающая воспитывать Наслѣдника въ духѣ прежняго времени, воспользовалась этимъ и нанесла теперь рѣшительный ударъ Титову. Но, вообще, во всемъ дѣйствуетъ другая партія, болѣе общая и сильная, партія, враждебная такъ называемому прогрессу, не желающая ни освобожденія крестьянъ, ни развитія науки, ни гласности, словомъ—никакихъ улучшеній, о которыхъ, послѣ смерти Николая Павловича, такъ сильно начало хлопотать общественное мнѣніе. Главами этой партіи считаются: князь Орловъ, князь Василій Долгорукій и графъ Панинъ. Это, повидимому, и справедливо.

Вечеромъ позвалъ меня министръ къ себѣ. Рѣчь опять о цензурѣ и цензурномъ уставѣ. Возвратясь къ себѣ, я поѣхалъ вмѣстѣ съ Н. Р. Ребиндеромъ къ Языкову. Тамъ встрѣтилъ Рѣдкина и Панаева. Языковъ далъ мнѣ прочитать письмо Погодина. Оно заключаетъ въ себѣ нѣсколько общихъ мѣстъ о воспитаніи вообще, и нѣсколько смѣлыхъ, но несбыточныхъ фантазій о воспитаніи Наслѣдника въ особенности. Но главное, тонъ его и нѣкоторыя выраженія, чрезвычайно рѣзкія, какія Погодинъ любитъ раскидывать по бумагѣ безъ оглядки. Величайшею неосторожностью — чтобы не сказать болѣе — было пустить это письмо по рукамъ и довести его до печати. Могъ-ли Погодинъ

предполагать, что оно произведетъ полезное дѣйствіе на тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находится воспитаніе Наслѣдника. Это ругательства, а не совѣты, а извѣстно, что ругательства раздражаютъ только, а не просвѣщаютъ. Удивительны эти господа! Они вопіютъ объ общественной пользѣ, а не хотятъ дѣйствовать такъ, чтобы она была достигнута. Многіе считаютъ это храбростью. Но врядъ-ли оно заслуживаетъ этого названія: во время Николая Павловича не много было такихъ храбрецовъ и такой храбрости. Неужели дѣло только въ томъ, чтобы выразить свои личныя чувствованія, свое негодованіе и пр. Хотите пользы, такъ не дѣлайте вреда. Дѣятель общественный есть лицо отвѣтственное. Онъ отвѣчаетъ не только за свои идеи, но и за удобопримѣняемость ихъ. Не трудно возбуждать страсти, но труднѣе ихъ направлять. Эти господа готовы забрызгать васъ грязью съ головы до ногъ, утопить васъ, сжечь, если вы осмѣлитесь имѣть мнѣніе, несогласное съ ихъ мнѣніемъ. Они хотятъ свободы мнѣній своихъ, но не чужихъ.

— 28. Понедѣльникъ. Сильный холодъ. Всего три градуса тепла. Такъ и пахнетъ снѣгомъ.

Опять на меня навалилась куча дѣлъ: цензурный уставъ, записка о проектѣ учебныхъ заведеній по военному министерству.

Ребиндеръ уѣхалъ вчера. Мы дружески съ нимъ простились въ субботу еще, въ каретѣ, возвращаясь отъ Языкова. Онъ завезъ меня домой.

Вечеръ у законоучителя университетскаго Янышева, Ивана Леонтьевича. Это очень умный и образованный священникъ и прекраснаго сердца. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ за границею, священникомъ при нашей висбаденской церкви, и успѣлъ сдружиться съ наукою и съ европейскою образованностью. Его православіе есть высокое и святое христіанское вѣрованіе. Вообще наши заграничные священники дѣлаютъ намъ честь. Я знаю трехъ или четырехъ, и всѣ они люди просвѣщенные и достойные уваженія. Я провелъ вечеръ у Янышева въ пріятной бесѣдѣ вмѣстѣ съ моими благородными учениками О. Ѳ. Миллеромъ и Дашковымъ. Но выйдя отъ него мы встрѣтили проливной дождь и страшный вѣтеръ. Ни одного извозчика, — пришлось идти пѣшкомъ отъ Калинкина моста. Я возвратился домой почти въ часъ ночи.

Говорили, между прочимъ, объ отличительной чертѣ нравственнаго христіанскаго идеала—о любви. Я сказалъ, что любовь не есть добродѣтель, а талантъ и блаженство. Ея нельзя вмѣнять въ заслугу и нельзя достигнуть преднамѣренно.

— 30. Среда. Занятіе въ совѣтѣ. Разсматривался проектъ устава университета. Куторга 2-й выходилъ изъ себя, доказывая, что исторію нынче нельзя писать, не усвоивъ себѣ древнихъ критикъ, и что ни одинъ новѣйшій историкъ ничего не значитъ въ сравненіи съ Ѳукидидомъ. Ему говорили, я и другіе, что новѣйшій историкъ долженъ знать и изучать древнихъ историковъ, но что писать исторію можно и даже должно не по ихъ воззрѣніямъ и анализу. Онъ стоялъ упорно на своемъ и требовалъ, чтобы въ распредѣленіи факультетскихъ предметовъ по историческому разряду греческая филологія считалась предметомъ не дополнительнымъ, а обязательнымъ. Совѣтъ почти единогласно рѣшилъ противное, съ чѣмъ согласился и попечитель, предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ.

Я назначенъ членомъ комиссіи для окончательнаго разсмотрѣнія университетскаго устава.

Май.—4. Воскресенье. Прочиталъ я вышедшіе въ свѣтъ три тома „Исторіи Петра Великаго", Устрялова, доведенной до начала Сѣверной войны, и убѣдился, что Исторіи Петра Великаго у насъ все еще нѣтъ. Автору были открыты государственные архивы. Онъ собралъ много матеріаловъ, сгруппировалъ ихъ и привелъ въ извѣстный порядокъ,—а исторіи всетаки не написалъ. Чтобы понять Петра Великаго, его реформу и необходимость ея для Россіи, надобно было прежде всего дать полную картину положенія Россіи въ концѣ XVII столѣтія, а не изображать одни стрѣлецкіе бунты, какъ это сдѣлалъ Устряловъ. Бунты эти составляютъ одно изъ проявленій состоянія вещей въ Россіи, но далеко не все. Тутъ было великое броженіе разнородныхъ стихій—азіатскіе варварскіе нравы съ чертами русскаго добродушія и простоты; грубое и глубокое невѣжество, смущенное вторженіемъ иноземныхъ понятій; темные и безсознательные порывы къ чему-то лучшему; литература и искусство, каковы-бы они ни были; законодательство и администрація, сложившіяся не въ силу здравыхъ понятій о государственной безопасности и благоденствіи, а образовавшіяся въ видѣ

накипей, выбрасываемыхъ изнутри на поверхность народной жизни случайными событіями и нуждами; церковь въ борьбѣ съ расколомъ и проч. Все это въ концѣ XVII столѣтія составляло нашу нестройную, полу-дикую, мятежную и тревожную общественность, съ уже явными на ней признаками на неибѣжный переворотъ. Устряловъ этого не понялъ и не выразилъ. Онъ начинаетъ съ ссылки на извѣстное сочиненіе Карамзина—мимоходомъ сказать, краснорѣчивое, но слабое по мысли и изслѣдованіямъ.—„О старой и новой Россіи", и дѣлаетъ бѣглый очеркъ государственнаго состоянія Россіи, которое, судя по Устрялову, было очень хорошо: „цари не были деспотами; передъ закономъ всѣ были равны; законы и управленія премудрые; мужи совѣта, бояре, украшенные сѣдинами, судили и рядили, дѣлали и говорили одну правду, думали только объ общественномъ благѣ и никого не угнетали". Между тѣмъ, во всемъ была неурядица; вездѣ невѣжество; никакой промышленности; политическое безсиліе, доходившее до того, что мы еще платили дань татарамъ и не разъ трепетали отъ нихъ въ Москвѣ. Какъ-же согласить одно съ другимъ? Вы ожидаете, что авторъ самъ себѣ задастъ этотъ вопросъ и постарается рѣшить его. Ничуть не бывало. Соединивъ эти два несовмѣстимыя положенія вещей, онъ преспокойно отправляется въ свой историческій путь и начинаетъ заниматься стрѣльцами и Софіею, а читателя предоставляетъ собственнымъ выводамъ и заключеніямъ. Слогъ тоже не удовлетворителенъ. Въ немъ явное подражаніе Карамзинской манерѣ, отчего выходитъ старинная пухлая риторика, чистенько прибранная, но нестерпимая въ наше время. Притомъ, ни одной яркой характеристики, ни одного живаго образа. Все гладко и плоско, не исключая и самого Петра, который и въ ребячествѣ, и въ юношескомъ возрастѣ является безъ образа и физіономіи, тогда какъ въ приложеніяхъ множество матеріала, гдѣ жизнь бьетъ ключемъ.

— 7. Среда. Вчера былъ у меня генералъ Даненбергъ. Кажется, это почтенный и добрый человѣкъ. У него хорошіе виды по части военной администраціи, напримѣръ, чтобы стоящихъ на очереди въ рекруты мальчиковъ съ 14-ти лѣтъ опредѣлять въ училища, гдѣ-бы они подготовлялись къ будущему своему званію и получали нѣкоторое общее образованіе. Срокъ службы для нихъ онъ полагаетъ десять лѣтъ.

— 8. Четвергъ. Вчера цѣлый день занимался несносною запискою по комитету объ учрежденіи учебныхъ заведеній въ военномъ министерствѣ. Тутъ было пропасть мозголомной работы. Записка можетъ пойти къ Государю. Сегодня кончилъ ее и прочиталъ генералу Даненбергу, который очень ее одобрилъ. Мы съ нимъ сошлись во многихъ взглядахъ.

Вечеромъ до девяти часовъ въ комитетѣ, разсматривающемъ проектъ университетскаго устава. Это трудъ, кажется, какъ и многіе другіе подобнаго рода, на вѣтеръ. Такія улучшенія университета, какія мы предполагаемъ—чистая утопія. У насъ нѣтъ еще твердаго убѣжденія въ томъ, что наукѣ нужны и просторъ, и средства, и уваженіе ея интересовъ. Напрасно обрадовались нѣкоторые, что вотъ, дескать, теперь настоящее торжество науки. Мы далеки еще отъ этого торжества. Оно наступитъ тогда, когда будутъ оказывать ей почести не на словахъ, а въ сердцахъ; когда ее не будутъ считать только потребностью государства, а потребностью человѣческой природы.

Въ десятомъ часу вечера я поѣхалъ къ графу Блудову. Бѣдный и благородный старецъ въ продолженіе мѣсяца видимо измѣнился. Онъ приближается къ закату. Онъ ѣдетъ въ Виши по приказанію врачей и настоятельному желанію Государя. Дай Богъ еще пожить ему нѣсколько лѣтъ. Это человѣкъ съ сердцемъ, съ просвѣщеннымъ умомъ, съ жаркою, непритворною любовью ко всему прекрасному и благому. Я считаю для себя за дорогой даръ судьбы мое сближеніе съ нимъ въ продолженіи послѣднихъ трехъ, или около трехъ лѣтъ. Не было недѣли, чтобы я разъ, а иногда два, не обѣдалъ у него и не проводилъ вечера. Онъ любилъ бесѣдовать со мной о литературѣ и разныхъ современныхъ общественныхъ вопросахъ. Умъ его сохранилъ все сіяніе лучшаго періода жизни, а сердце его—теплоту. Память его удивительна. Онъ помнитъ не только все крупное, замѣчательное изъ того, что читалъ, что видѣлъ, изучалъ и слышалъ, но и мельчайшія подробности, имена, числа. Послѣ каждой моей съ нимъ бесѣды я уносилъ съ собою какое-нибудь новое свѣдѣніе, умъ освѣженный и сердце, примиренное съ человѣкомъ. А мы можемъ скоро его лишиться. Онъ примѣтно угасаетъ. Кто-же намъ замѣнитъ его? Увы! опять повторяю: это былъ въ настоящее время чуть-ли не единственный человѣкъ изъ высокопоставленныхъ

лицъ, въ душѣ котораго находили себѣ надежное убѣжище всякая свѣтлая мысль, всякій высшій общественный интересъ; который понималъ и умомъ, и сердцемъ самые нѣжные и тонкіе оттѣнки всего лучшаго въ жизни, въ наукѣ, въ человѣческомъ сердцѣ.

— Мы еще увидимся до отъѣзда моего, сказалъ онъ мнѣ съ обыкновенимымъ своимъ добродушіемъ.—Я ѣду еще черезъ недѣлю.

На вечерѣ сегодня было много дамъ въ необъятныхъ своихъ кринолинахъ. Кочетова и Грюнбергъ пропѣли очень мило нѣсколько вещицъ. Я разговаривалъ съ П. К. Щебальскимъ, который пріѣхалъ сюда на нѣсколько дней изъ Москвы, съ Ѳ. И. Тютчевымъ—о цензурѣ; съ княземъ Вяземскимъ, съ И. Д. Д*., Ковалевскимъ и съ И. И. Давыдовымъ.

— 9. Пятница. Мы переѣхали на дачу въ Павловскъ. Пора! Зелень уже пробилась на деревьяхъ. Тепло. Впрочемъ, я ошибся: сегодня стало уже холоднѣе, а тамъ, пожалуй, по законамъ петербургскаго климата, и до снѣга не далеко.

Вечеромъ, между прочимъ, были Майковъ и Щебальскій, авторъ „Царевны Софіи".

Три вещи преимущественно занимаютъ мыслящихъ людей нашего времени въ Россіи: освобожденіе крестьянъ, или такъ называемый крестьянскій вопросъ, печатная гласность и публичное судопроизводство. Нельзя не признаться, что это три самыя насущныя потребности общества, которое не хочетъ и не можетъ уже возвратиться къ николаевскому времени. Правительство колеблется, ультра-консерваторы пятятъ все назадъ. Правительство напрасно колеблется: изъ всѣхъ системъ самая худшая—не держаться никакой системы, думать, что авось все уладится само собою. Ультра-консерваторы дурно дѣлаютъ, что хотятъ невозможнаго: ибо невозможно идти назадъ. Если они хотятъ только затянуть дѣло, то и это неосновательно. Что они этимъ выиграютъ, или что выиграетъ общество? Но объ обществѣ они не думаютъ. Это эгоисты, которымъ хотѣлось бы, если бы они могли, остановить самое солнце въ его теченіи, единственно потому, что оно не имъ однимъ свѣтитъ.

Въ настоящую минуту эта партія сильна. Она низвергла

В. П. Титова...... Она дѣйствуетъ запретительно на печать. Она затягиваетъ рѣшеніе вопроса крестьянскаго.

Великій князь Константинъ Николаевичъ пользуется репутаціей защитника и главы партіи всѣхъ мыслящихъ людей— главы такъ называемаго прогресса.

— 14. Среда. Собрался было вечеромъ ѣхать въ комитетъ о разсмотрѣніи университетскаго устава. Совсѣмъ одѣлся, но почувствовалъ себя дурно.

— 17. Суббота. Мнѣ лучше. Поутру былъ у князя Щербатова. Неутѣшительный разговоръ о современныхъ дѣлахъ. Въ Главномъ правленіи училищъ генералъ-губернаторъ напалъ на несчастные листки, которыхъ развелось нынѣ множество, и которые продаются на улицахъ по пяти копѣекъ. Это его пугаетъ. Между тѣмъ, въ этихъ листкахъ нѣтъ ничего ни умнаго, ни опаснаго. Имъ строго воспрещено печатать что-нибудь относящееся къ общественнымъ вопросамъ. Это пустая болтовня для утѣхи гостинодворцевъ, грамотныхъ дворниковъ и пр. Одинъ господинъ литераторъ и мнѣ говорилъ, что ихъ слѣдовало-бы запретить.—Зачѣмъ? отвѣчалъ я.—Конечно, это вздоръ, но онъ пріучаетъ грамотныхъ людей къ чтенію. Всетаки это лучше кабака и харчевни. Между тѣмъ, отъ вздорнаго они, мало по малу, перейдутъ и къ дѣльному. Вѣдь и хлѣбъ выростаетъ изъ навоза. Да и что это за система—все запрещать. Къ чему только протянетъ руку русскій человѣкъ самымъ невиннымъ образомъ, тотчасъ и бить его по рукамъ. Вѣдь и въ старину издавались же для народа лубочныя картины съ разными разсказами и сказками! Но наши великіе администраторы во всемъ видятъ опасность.

— 20. Вторникъ. Съ субботы на дачѣ и занимаюсь цензурнымъ уставомъ.

— 22. Четвергъ. Привезли сегодня изъ города множество разныхъ призывовъ въ комитеты, въ томъ числѣ и отъ министра приглашеніе явиться къ нему; письма и пр. Словомъ, въ эти дни, которые я провожу здѣсь въ Павловскѣ, накопилось множество дѣлъ, требующихъ моего присутствія въ городѣ. А между тѣмъ я борюсь съ врагомъ упорнымъ и коварнымъ — моимъ недугомъ.

Къ обѣду пріѣхалъ М. Н. Любощинскій и привезъ разныя не-

пріятныя извѣстія о томъ, что по предложенію Панина дѣлятъ Россію на военныя генералъ-губернаторства; что въ уѣздахъ учреждаются военныя начальства; что на печать страшно налегаютъ, и пр. Словомъ, изъ мнимыхъ бѣдъ, которыя повсюду видятъ наши толкатели назадъ, они навлекаютъ на насъ и на себя много не мнимаго зла.

— 24. Суббота. Утро. Прекрасный день, по крайней мѣрѣ съ начала. Но „впредь утро похвали, какъ вечеръ ужъ наступитъ".

Маркъ Николаевичъ Любощинскій пишетъ, что онъ былъ у министра и передалъ ему о моей болѣзни. Министръ сказалъ, что Государь очень спѣшитъ цензурнымъ уставомъ.

Вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ чиновникъ изъ военнаго министерства съ извѣстіемъ, что записка моя представлена была военнымъ министромъ Государю, при объясненіи, что онъ совершенно согласенъ со мной. Государь написалъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ представленное ему мнѣніе. О мнѣніяхъ Васильчикова и Булгакова его величество выразился очень неблагосклонно, особенно о послѣднемъ.

Занимался весь день уставомъ. Во вторникъ думаю отвезти министру.

— 25. Воскресенье. Пріѣхалъ изъ города Миллеръ. Былъ С. И. Барановскій, ѣдущій въ Парижъ заказывать по своему проекту вагонъ для желѣзной дороги, который долженъ двигаться не парами, а воздухомъ. Ему какая-то компанія дала для этого десять тысячъ рублей серебромъ.

Работалъ надъ уставомъ. Голова свѣжа, только къ вечеру стала немного тяжела. Ходить много не могу. День свѣтлый и теплый.

— 26. Понедѣльникъ. Былъ у министра. Государь сильно спѣшитъ цензурнымъ уставомъ, полагая, что онъ „всяческая по цензурѣ устроитъ и вся таковая будетъ управлять". Мы, какъ говорится, на попятный дворъ. Это замѣтно и относительно печати, и относительно многаго другого. Жаль, очень жаль. Много еще будетъ испытано ненужныхъ бѣдствій.

— 28. Среда. На дачѣ. Прекрасные дни. Май—прелесть, отлично ведетъ себя. Роскошная зелень, благоуханіе цвѣтущихъ великолѣпно яблонь и сиреней, пѣніе соловья, солнце, теплота—

все это вмѣстѣ составляетъ настоящую роскошную, не петербургскую весну. А у меня всетаки болитъ голова.

— 29. Четвергъ. Въ городѣ. Засѣданіе въ Академіи и разныя другія дѣла. На Невскомъ проспектѣ и на Исаакіевской площади большая суматоха —приготовленія къ завтрашнему дню, къ освященію Исаакіевскаго собора. Передъ отъѣздомъ моимъ на дачу въ семь часовъ вечера, я получилъ отъ церемоніальной экспедиціи два билета на входъ въ церковь и одинъ кучерской на проѣздъ къ собору. Но воспользоваться ими я не могу. Церемонія начнется завтра въ десять часовъ утра, а ѣхать туда, чтобы попасть въ рядъ каретъ надобно въ девять; а изъ Павловска поѣздъ желѣзной дороги идетъ въ четверть девятаго. А карета? Ея недостанешь теперь за пятьдесятъ рублей.

— 31. Суббота. Въ городѣ, въ засѣданіи Академіи.

Въ Исаакіевскомъ соборѣ въ день освященія было очень мало публики. Билеты разосланы были только четырехклассным.

Запрещено употреблять въ печати слово прогрессъ. Въ самомъ дѣлѣ, это безсмысленное слово въ приложеніи къ XIX-му вѣку, который утописты превозносятъ до небесъ, обѣщая, что онъ родитъ чудеса прогресса. Хорошъ прогрессъ, когда Европа, среди политическихъ страшныхъ бурь, черезъ потоки крови, добралась, наконецъ, до Наполеона III, который тридцать семь милліоновъ образованнаго, прогрессивнаго и, какъ говорится, великаго народа отдалъ подъ надзоръ полиціи. И у насъ тоже хорошъ прогрессъ своего рода, когда даже запрещается употреблять это слово.

У насъ поворотъ назадъ становится очевиднымъ изъ нѣкоторыхъ мѣръ, напримѣръ: изъ военнаго управленія, которому предается Россія, по примѣру Франціи, изъ цензурныхъ стѣсненій и пр.

Іюнь.—1. Воскресенье. Вечеромъ въ вокзалѣ встрѣтилъ Ѳ. И. Тютчева. Весьма интересный разговоръ о нынѣшнемъ состояніи дѣлъ.

— 5. Четвергъ. Въ городѣ. Представилъ министру перебѣленныя тетради цензурнаго устава. Положено, чтобы пояснительная записка и все прочее было готово къ возвращенію Государя изъ Архангельска, куда ѣдетъ онъ 12-го и черезъ 18 или 19 дней будетъ обратно.

Я говорилъ съ министромъ много о цензурѣ и предложилъ ему мысль, что прежде, нежели нашъ уставъ пойдетъ въ Государственный Совѣтъ, представить его при пояснительной запискѣ Государю. Въ этой-то запискѣ теперь вся сила. Министръ одобрилъ всѣ мои предположенія.

— 7. Суббота. Обѣдалъ въ ресторанѣ Донона вмѣстѣ съ нѣсколькими литераторами—Тургеневымъ, Некрасовымъ, Панаевымъ, Чернышевскимъ и пр. Тутъ былъ также недавно пріѣхавшій изъ заграницы художникъ Ивановъ. Много было говорено, но ничего особенно умнаго, и ничего особенно глупаго. Пили немного. Языковъ, по обыкновенію, былъ полонъ юмора.

— 9. Понедѣльникъ. Новый обѣдъ у Донона—прощальный князю Щербатову, который подалъ въ отставку. Я приготовилъ было, по желанію нѣкоторыхъ изъ собесѣдниковъ, небольшой спичъ, но князь просилъ для предупрежденія всякихъ толковъ, не читать его, а взялъ его на память себѣ. Обѣдъ былъ грустенъ.

— 12. Четвергъ. Навѣстилъ меня Скрипицынъ, недавно пріѣхавшій изъ за границы, гдѣ онъ провелъ два года. Онъ нигдѣ не служитъ. Разсказывалъ мнѣ о свиданіи своемъ съ Муравьевымъ, министромъ государственныхъ имуществъ. По словамъ его, у Муравьева очень хорошія намѣренія. Онъ увѣрялъ, что крестьянскаго дѣла поворотить назадъ нельзя.

Но что за человѣкъ самъ Скрипицынъ? Я знакомъ съ нимъ лѣтъ пятнадцать и порядочно его знаю. Онъ сильно тѣснилъ католиковъ, когда былъ директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій. Онъ заклятый врагъ нѣмцевъ, не потому, что они нѣмцы, а потому, что дѣлаютъ изъ себя преданныхъ слугъ лица, а не Россіи. Онъ поборникъ чистаго русскаго элемента. Скрипицынъ уменъ, но мало или легко образованъ, какъ почти всѣ наши умные люди. Умъ его подвиженъ и скоръ, но не обширенъ и не глубокъ. Это умъ скорыхъ мѣръ и интриги. Схватившись за какую-нибудь идею, онъ развиваетъ ее быстро, дѣлаетъ изъ нея сѣть, накидываетъ ее на вещи и лица и тянетъ ее изо всѣхъ силъ, не видя, что она рвется, и что тогда изъ прорѣхъ ея вываливаются эти вещи и лица, сперва захваченныя, повидимому, довольно удачно. Онъ кокетничаетъ своимъ умомъ. Ему, собственно говоря, нѣтъ дѣла до успѣха своихъ замысловъ, лишь-бы ему дали время и возможность принять нужную, по

его мнѣнію умственную позу. Недоброжелатели Скрипицина, мнѣ кажется, совершенно несправедливо ославили его человѣкомъ нечестнымъ и злымъ. Онъ далеко не такой беззастѣнчивый и готовый на все для своего возвышенія честолюбецъ, какъ Войцеховичъ, не такой дѣлецъ-пріобрѣтатель, какъ Позенъ. Онъ человѣкъ идеи, и это даетъ ему большой перевѣсъ надъ тѣми умными и способными людьми нашего чиновничьяго міра, которые смотрѣли или смотрятъ въ министры, считая каждое министерство своимъ дѣломъ.

— 16. Понедѣльникъ. Ѣздилъ поутру въ городъ, былъ въ редакціи, отдалъ въ Академію записку о пьесахъ, поступившихъ на соисканіе Уваровской преміи. Одна пьеса: „Столѣтіе въ лицахъ", комедія, другая—драма: „Доносъ при Петрѣ I". Обѣ ничтожныя вещи.

— 22. Воскресенье. Къ обѣду пріѣхали люди мнѣ пріятные: М. Н. Любощинскій, И. И. Домонтовичъ, К. И. Рудницкій и двоюродный братъ его, возвратившійся изъ за границы, Марковскій, который жилъ тамъ почти все время по выпускѣ изъ университета. Всѣ они изъ тѣхъ людей, которые не напрасно учились и сохранили въ себѣ все благородное и прекрасное, что дается высшею наукою.

Я немного ожилъ въ обществѣ этихъ добрыхъ людей.

— 23. Понедѣльникъ. Въ городѣ. Конференція въ Римско-Католической академіи.

— 24. Вторникъ. Вечеромъ пошелъ на бенефисъ Штрауса. Слушалъ, между прочимъ, маленькихъ скрипачей Ратчекъ. Ихъ два брата и сестра, которая играла также на скрипкѣ. Выдрессированы они очень хорошо. Но неужели это искусство, гдѣ исполнители ни умомъ, ни сердцемъ не въ состояніи досягнуть до мысли, которую должны выразить. Это чистая механика, основанная на физическихъ средствахъ — на слухѣ и на трудѣ, безъ сомнѣнія, безсознательномъ и принудительномъ.

Утромъ заѣзжала Марья Павловна Сумарокова съ визитомъ. Она говорила, между прочимъ, о воспитателѣ Наслѣдника Гриммѣ, съ которымъ хорошо знакома. Она увѣряла, что Гриммъ совершенно непричастенъ къ увольненію В. П. Титова и К. Д. Кавелина. О послѣднемъ Гриммъ даже говорилъ Государю въ весьма хорошемъ смыслѣ, но его величество рѣшительно

объявилъ, что онъ не хочетъ, чтобы Кавелинъ преподавалъ Наслѣднику.

— 26. Четвергъ. Въ городѣ. Засѣданіе въ Академіи, послѣднее передъ каникулами.

Іюль.—2. Среда. Былъ сегодня у министра. Онъ меня благодарилъ за проектъ цензурнаго устава и отпустилъ на двѣ недѣли. По пріѣздѣ моемъ положено пустить дѣло въ ходъ при моей пояснительной запискѣ, которую кончу у брата въ Корчевѣ. Итакъ, я ѣду. Изъ Корчевы, если станетъ желанія и рѣшимости, проѣду въ Москву.

Лѣто превосходное. Ни одного неблагопріятнаго дня. Было нѣсколько небольшихъ теплыхъ и отрадныхъ дождей.

— 5. Суббота. Корчева, Тверской губерніи. Вчера, въ двѣнадцать часовъ дня, выѣхали мы изъ Петербурга, по московской желѣзной дорогѣ, и сегодня, въ половинѣ девятаго утра, пріѣхали въ Корчеву. Взявъ отъ желѣзной дороги въ сторону, мы въ какомъ-то допотопномъ экипажѣ тряслись по гнуснѣйшей дорогѣ, извивавшейся по самой печальной мѣстности. Это обширная болотистая и лѣсистая пустыня, гдѣ только изрѣдка мелькаютъ жалкія деревушки. Даже Волга не краситъ ее. А что касается до самой Корчевы, то это пародія на городъ. Мнѣ даже жутко стало отъ мысли, что я здѣсь проведу нѣсколько времени. Но скоро нашелъ утѣшеніе въ семьѣ, гдѣ пріютился.

— 8. Вторникъ. Эта бѣдная Корчева скучна, какъ могила. Она бѣдна, грязна, безтолкова. Но, конечно, если поискать хорошенько, то и въ ней найдешь отрадныя исключенія. Вотъ и я наткнулся на одно изъ нихъ, въ лицѣ здѣшняго штатнаго смотрителя училищъ. Онъ очень порядочный и развитой человѣкъ. Написалъ два руководства къ преподаванію геометріи и ариѳметики. Я взялъ ихъ у него, чтобы показать въ Петербургѣ спеціалистамъ: нельзя-ли дать имъ ходъ и тѣмъ помочь бѣдному, трудолюбивому человѣку.

Но положеніе Корчевы, тѣмъ не менѣе, остается крайне непригляднымъ. Около — ни рощъ, ни полей. Волга лежитъ въ грязи и, смотря на нее, удивляешься, какъ такая почтенная рѣка, матушка и кормилица многихъ губерній, рѣшается пролагать себѣ путь по этому гнусному болоту. Прилично-ли такой знаменитой рѣкѣ вѣдаться съ такими скучными берегами, да

еще держать у себя на плечѣ эту Корчеву, съ ея кабаками и пьянымъ народомъ.

— 10. Четвергъ. Ѣздилъ въ деревню Устья, помѣщица которой претипичная барыня. Она побывала за границей, вывезла оттуда необъятныхъ размѣровъ кринолинъ, страсть къ мотовству, рѣзкость сужденій о Наполеонѣ III, о Парижѣ, о Швейцаріи, объ эмансипаціи — и презрѣніе ко всему своему родному. Кромѣ того, у нея погребъ отлично снабженъ шампанскимъ, и она не щадитъ его.

Вечеромъ пили чай въ запустѣломъ саду помѣщика Гурьева, доживающаго въ Москвѣ остальныя двѣ тысячи душъ огромнаго имѣнія.

Вообще въ провинціи видишь и слышишь мало утѣшительнаго. Плутни, злоупотребленія въ дѣлахъ правосудія и администраціи здѣсь еще въ полной силѣ. Въ простомъ народѣ особенно непріятно поражаетъ повальное пьянство.

— 14. Понедѣльникъ. Сегодня послѣдній день въ Корчевѣ. Послѣдніе дни прошли однообразно, но пріятно. Мы сдѣлали нѣсколько дальнихъ прогулокъ, которыя въ значительной степени примирили меня съ здѣшнею мѣстностью. Мы ѣздили за Волгу, въ лѣсъ, на опушкѣ котораго, въ виду роскошной нивы, пили чай на травѣ. Не знаю, всегда-ли здѣсь такъ, но въ нынѣшнемъ году нивы поражаютъ обѣщаніями богатѣйшихъ жатвъ, а поля покрыты густою, сочною травою, очевидно, вскормленною и взлелѣянною Волгою. Тѣмъ досаднѣе на Корчеву, которая не съумѣла свить себѣ здѣсь болѣе опрятнаго гнѣзда.

Во время сегодняшней прогулки насъ застигла сильная гроза. Она внезапно налетѣла вмѣстѣ съ страшною бурею, которая у насъ на глазахъ повалила дерево. Къ счастью, мы въ это время проѣзжали маленькую деревушку, гдѣ могли укрыться отъ ливня и переждать грозу.

— 16. Среда. Я—дома. Вчера я прочелъ книгу, которая навела меня на грустныя размышленія.

Какъ безотрадно становится, когда вспомнишь, какъ мало еще сдѣлались люди христіанами, какъ мало примѣняютъ они христіанство къ жизни. Книга, о которой я говорю, озаглавлена: „О сельскомъ духовенствѣ въ Россіи". Ее писалъ глубокій знатокъ этого предмета, очевидно, священникъ, а напечатана она

за границею. Ужаснѣйшая картина положенія нашего духовенства! Говорятъ, эту книгу представляли митрополиту и другимъ духовнымъ властямъ. Они разгнѣвались и назвали все это клеветою. Одинъ Бажановъ былъ другаго мнѣнія [1]).

— 31. Четвергъ. Сегодня въ городѣ на такъ называемой студентской сходкѣ, гдѣ студенты толкуютъ о своемъ „Сборникѣ" и объ оказаніи пособія своимъ товарищамъ. Дѣло хорошее, особенно послѣднее, но, къ сожалѣнію, молодые люди упускаютъ изъ виду главные предметы своихъ собраній и пускаются въ разсужденія о предметахъ, для вѣрнаго сужденія о которыхъ имъ слѣдуетъ еще серьезно поучиться и подумать.

Завтра совѣтъ университета—надо ночевать въ городѣ. 4-го августа начинаются пріемные экзамены. Значитъ—конецъ антракту. Одѣвайся опять въ доспѣхи и готовься къ борьбѣ съ людьми и событіями.

Августъ.—2. Суббота. Засѣданіе въ Академіи наукъ. Вечеромъ поѣхалъ на Каменный островъ къ А. М. Княжевичу, котораго не видалъ еще со времени назначенія его министромъ финансовъ. Мы долго гуляли съ нимъ на Елагиномъ островѣ. Напившись у него чаю, въ одиннадцать часовъ я возвратился домой.

— 4. Понедѣльникъ. Пріемные экзамены въ университетѣ. Остался ночевать въ городѣ.

— 5. Экзамены. Огромный приливъ желающихъ поступить въ университетъ. Большинство приготовлено дурно—неразвито, мало знаній. Много поляковъ, нѣмцевъ, иностранцевъ. Эти еще лучше, такъ-же, какъ и тѣ, которые учились въ гимназіяхъ. Но юноши домашняго приготовленія—это сѣрое полотно, вытканное перстами маменекъ подъ надзоромъ мудрыхъ папенекъ. Но я, кромѣ самыхъ негодныхъ, никому не затворилъ дверей въ университетъ: при маломъ знакомствѣ съ наукою у насъ, и то недурно, что будетъ побольше людей, которымъ она хоть сколько-нибудь западетъ въ умъ. Всетаки четыре года они будутъ слы-

---

[1]) Авторъ книги „О сельскомъ духовенствѣ"—священникъ въ городѣ Калязинѣ, Тверской губ., о. Іоаннъ Степановичъ Беллюстинъ, умеръ тамъ-же въ 1890 г. Книга была издана въ 1858 г. за границею, какъ говорятъ, М. П. Погодинымъ, и надѣлала большаго шума у насъ въ Россіи. *Ред.*

шать человѣческія рѣчи. Вѣдь они не провели-бы ихъ полезнѣе, не пошли-бы учиться ремесламъ, а полѣзли-бы въ чиновники, въ офицеры.

Большая часть идетъ по камеральному отдѣленію. Изъ 250 человѣкъ одинъ нашелся охотникъ по историко-филологическому факультету.

— 7. Получилъ отъ министра императорскаго двора, графа Адлерберга отношеніе, что Государю Императору, по его докладу, угодно назначить меня членомъ комиссіи о преобразованіи управленія театровъ.

— 8. Сегодня, кажется, конецъ краснымъ и прекраснымъ днямъ. Сумрачное и холодное утро. Облака строго осенняго цвѣта.

— 12. Первое засѣданіе въ комиссіи о преобразованіи театровъ. Читаны историческіе документы прежняго управленія. Страшные дефициты, плутовство, и тщетныя усилія правительства отвратить и то, и другое.

— 13. Петръ Петровичъ Татариновъ при смерти, отъ холеры. Сегодня я былъ у него. Онъ и не думаетъ умирать, а между тѣмъ, лицо и голосъ его уже отмѣчены страшными гробовыми признаками.

— 14. Сегодня былъ въ городѣ, въ засѣданіи Академіи и въ Театральной комиссіи и возвратился домой въ половинѣ пятаго. Только что ступилъ я на дебаркадеръ въ Павловскѣ, какъ раздался чей-то голосъ: „Павловскъ горитъ!" Но тутъ меня встрѣтили домашніе и поспѣшили успокоить, что пожаръ не на нашей сторонѣ, а въ Конюшенной и Госпитальной улицахъ. Проѣхать нельзя было мимо этихъ улицъ и мы отправились пѣшкомъ по парку. Я всетаки заглянулъ на пожаръ: да, это огромный пожаръ. Цѣлые два квартала горятъ.

Я пообѣдалъ и опять пошелъ на пожаръ. Онъ еще продолжался. Къ восьми часамъ вечера его, наконецъ, потушили.

Татариновъ умеръ.

Сгорѣло шестнадцать домовъ.

— 15. Былъ утромъ на панихидѣ у бѣдняги Татаринова. Ему было, однако, семьдесятъ лѣтъ. Но всѣ привычки его не показывали вовсе этого.

Дни совершенно іюньскіе, даже съ іюньскими вечерами и

утрами. Но дымъ отъ горящихъ кругомъ лѣсовъ и торфа наполняетъ воздухъ страшнымъ смрадомъ и мглою. Дождя—ни капли.

— 19. Въ Петербургѣ страшное происшествіе. Въ окрестностяхъ Петербурга, верстахъ въ пяти отъ Выборгской стороны, на Пороховыхъ заводахъ, взорвало до 1,800 пудовъ пороха. Можно себѣ представить, что̀ изъ этого произошло. Многіе дома на Выборгской сторонѣ, на Черной рѣчкѣ и во многихъ ближайшихъ къ Невѣ мѣстахъ были потрясены, какъ отъ удара землетрясенія. Въ домахъ разбиты окна, а на самыхъ заводахъ, говорятъ, послѣдовало страшное разрушеніе. Убитыхъ или разорванныхъ на части людей, по умѣреннымъ извѣстіямъ, до сорока. Раненыхъ около того. Взрывъ послѣдовалъ въ восемь часовъ утра. Я былъ еще въ Павловскѣ и не слыхалъ ничего. Но въ Петербургѣ, даже въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ города, его чувствовали болѣе или менѣе. Вообще нынѣшнее лѣто у насъ много бѣдъ. Вездѣ пожаръ лѣсовъ и, что ужаснѣе всего, пожаръ торфа, отчего погибли многія деревни. На московской желѣзной дорогѣ сгорѣла станція и на нѣсколько верстъ сгорѣла деревянная настилка самой дороги, такъ что принуждены были остановить поѣзда. Вотъ уже почти мѣсяцъ, какъ мы въ Павловскѣ буквально тонемъ въ густыхъ облакахъ дыма отъ горящаго вокругъ торфа. Солнце и луна показываются на горизонтѣ въ видѣ раскаленныхъ шаровъ, безъ лучей. Право, не комета ли ужъ насъ затрогиваетъ? Мы не видѣли ее еще за тучами дыма. Между тѣмъ погода прекраснѣйшая.

— 20. Въ Петербургѣ. Дополнительные пріемные экзамены въ университетѣ.

— 25. Въ городѣ. Засѣданіе въ совѣтѣ университета. П. грубо оборвалъ профессора Попова за то, что тотъ выразилъ свое мнѣніе по поводу одного, впрочемъ неважнаго, дѣла. Но какъ у него громозвучный голосъ, то онъ выразилъ его этимъ голосомъ, впрочемъ, безъ всякой кому-либо обиды. П. крикнулъ на него:—Что вы такъ кричите? Неужели вы этого не понимаете... и пр. Это вызвало изъ устъ профессора Попова отвѣтъ благородный, умный, твердый, которымъ онъ уничтожилъ П. и заставилъ его замолчать.

Никто въ Россіи не выноситъ своего величія. Это грустно, но несомнѣнно.

— 30. Что касается до крестьянскаго дѣла, то только тупые или безнадежно злые люди могутъ сомнѣваться въ необходимости такъ называемой эмансипаціи.

Сейчасъ опять съ пожара. Едва успѣлъ потухнуть первый, какъ вотъ и второй. Онъ вспыхнулъ рядомъ съ первымъ, только немного повыше, и завладѣлъ цѣлымъ кварталомъ.

Шестнадцать домовъ въ пламени.

У меня обѣдало нѣсколько моихъ знакомыхъ, по случаю моихъ именинъ. Теперь они всѣ разбрелись, и вотъ мы одни смотримъ на величавое зарево. Девять часовъ вечера. Говорятъ, что поджигаютъ. Нашли гдѣ то въ другомъ кварталѣ цѣлый комъ горючихъ веществъ, но успѣли не дать имъ воспламениться. Но то не подлежитъ сомнѣнію, что во время пожарной суматохи, солдаты здѣшняго образцоваго полка, призванные для помощи, производятъ страшныя (шалости). Можетъ быть они хотятъ быть и въ этомъ дѣлѣ образцовыми...

Сентябрь. — 2. Вторникъ. Переѣхали съ дачи.

— 3. Среда. Читалъ сегодня попечителю И. Д. Д* мою записку о цензурѣ и цензурномъ уставѣ, предназначенную для Государя.

— 10. Среда. Вечеромъ у И. А. Гончарова слушалъ новый романъ его: Обломовъ. Много тонкаго анализа сердца. Прекрасный языкъ. Превосходно понятый и обрисованный характеръ женщины съ ея любовью. Но много такого еще, что можетъ быть объяснено только въ цѣломъ. Вообще, въ этомъ произведеніи, кромѣ неоспоримаго таланта, поэтическаго одушевленія, много ума и тщательной, умной обработки. Оно совершенно другого направленія, чѣмъ всѣ наши нынѣшніе романы и повѣсти. Со мною вмѣстѣ были слушателями его: Краевскій, который и купилъ его для „Отечественныхъ Записокъ“, Дудышкинъ и В. Н. Майковъ, издатель дѣтскаго журнала „Подснѣжникъ“. Положено читать продолженіе въ субботу.

— 15. Понедѣльникъ. Фейербахъ и многіе другіе умствователи отвергаютъ разумную Божественную Личность. Но если существуетъ моя личность, почему же не быть другой совершеннѣйшей личности? Я не понимаю, какъ она можетъ быть, но также не понимаю, какъ она можетъ не быть.

— 16. Вторникъ. Нынѣшніе крайніе либералы со своимъ

повальнымъ отрицаніемъ и деспотизмомъ просто страшны. Они въ сущности тѣ же деспоты, только навыворотъ. Въ нихъ тотъ-же эгоизмъ и та же нетерпимость, какъ и въ ультра-консерваторахъ. На самомъ дѣлѣ, какой свободы являются они поборниками? Повѣрьте имъ на слово и возымѣйте въ вашу очередь желаніе быть свободными. Начните со свободы самой великой, самой законной, самой вождѣленной для человѣка, безъ которой всякая другая не имѣетъ смысла—со свободы мнѣній. Посмотрите, какой ужасъ изъ этого произойдетъ, какъ они на васъ накинутся за малѣйшее разногласіе, какой анаѳемѣ предадутъ, доказывая, что вся свобода въ безусловномъ и слѣпомъ повиновеніи имъ и ихъ доктринѣ. Благодарю за такую свободу! Я могу еще стерпѣть, если квартальный станетъ слѣдить за мной на улицѣ, надоѣдать мнѣ напоминаніемъ, что тутъ нельзя ступить или надо ступить такъ, а не такъ, но рѣшительно не могу допустить, чтобы кто либо вторгался въ мою внутреннюю жизнь и распоряжался тамъ по своему. Насильно навязываемое благо не есть благо. Самая ужасная и несносная тиранія та, которая посягаетъ на вашу сокровенную мысль, на святыню вашихъ вѣрованій. По либеральному кодексу нынѣшнихъ крайнихъ либераловъ, надо быть съ ними за одно до того, что у васъ, наконецъ, не останется своего—ни мысли, ни чувства за душой. Нѣтъ! свободу создаетъ сама сила вещей, а не чей нибудь произволъ: основанная на увлеченіи, она шатка, ненадежна. Только та свобода и прочна, и богата благими послѣдствіями, которую выработала исторія, которой никто не навязывалъ людямъ, которая явилась не въ видѣ отвлеченной доктрины, а какъ плодъ дѣйствительнаго кровнаго труда, а не искусственнаго возбужденія.

Студенты бурлятъ и накликаютъ на университетъ бѣду. Произошла какая-то стычка съ полиціей. Оберъ-полиціймейстеръ жаловался попечителю на неприличное поведеніе студентовъ. Произошелъ взаимный обмѣнъ рѣзкостей. Эхъ, господа студенты, не бережете вы ни университетъ, ни науку!

— 18. Четвергъ. Въ первый разъ видѣлъ сегодня комету во всемъ ея блескѣ. Хвостъ ея чуть не задѣваетъ Медвѣдицу.

— 21. Воскресенье. Сегодня говорилъ со студентомъ Боголюбовымъ, который имѣетъ вліяніе на своихъ товарищей. Старался внушить ему, чтобы онъ дѣйствовалъ на нихъ въ при-

мирительномъ духѣ, склонялъ ихъ къ тому, чтобы они вели себя скромнѣе, больше думали о наукѣ и не давали врагамъ университета поводовъ вредить ему въ глазахъ Государя и общества.

— 25. Четвергъ. Дѣло о студентахъ производитъ много шума. Жаль. Это заставляетъ молодыхъ людей придавать себѣ слишкомъ много значенія, все больше и больше отвлекаетъ ихъ отъ науки, которая должна одна всевластно царствовать въ стѣнахъ университета.

— 28. Воскресенье. Кажется, мы немного выиграли съ перемѣною министра. Евграфъ Петровичъ Ковалевскій тоже отличный человѣкъ, но въ министерствѣ по прежнему ничего не дѣлается. Судьба науки и образованія по прежнему остаются въ рукахъ Гаевскаго, Кисловскаго и Берте. Надняхъ былъ у меня предсѣдатель комитета иностранной цензуры, Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, и жаловался, что министръ на словахъ рѣшитъ одно, а на бумагѣ другое. Да, это опять норовщина.

Сегодня я отправляюсь къ министру. Что-то онъ мнѣ скажетъ? Онъ какъ будто совсѣмъ забылъ о цензурѣ и о цензурномъ уставѣ. А вѣдь сколько разъ онъ мнѣ твердилъ о вопіющей необходимости устава и даже подстрекалъ меня именемъ Государя. А вотъ теперь прошли іюль, августъ и сентябрь, мой проектъ готовъ, но о цензурѣ какъ будто всѣ позабыли.

Только-что отъ министра. Евграфъ Петровичъ превзошелъ мои ожиданія. Я засталъ его въ томъ-же кабинетѣ, гдѣ такъ часто видѣлъ Норова, въ тѣхъ-же самыхъ креслахъ. Зловѣщее предзнаменованіе! Начали мы съ нимъ говорить и—о ужасъ! Это Норовъ, онъ самъ, онъ весь со всею своею шаткостью, безхарактерностью, неспособностью къ какой либо мѣрѣ, выходящей изъ канцелярской рутины, и, наконецъ, съ отрицаніемъ того, что за нѣсколько времени передъ тѣмъ онъ утверждалъ торжественно и горячо. Вмѣсто имъ-же самимъ съ жаромъ принятой мысли, объяснить Государю состояніе цензуры и необходимость рѣшеній, выработанныхъ цензурнымъ комитетомъ, онъ пускаетъ теперь нашъ проектъ на истязаніе Главнаго управленія цензуры, къ большинству членовъ котораго, онъ, по собственнымъ словамъ, не имѣетъ никакого довѣрія.

Вотъ и конецъ моимъ трудамъ и надеждамъ! Я вышелъ отъ него съ огорченіемъ и съ досадою, наслушавшись вдоволь о томъ,

какъ трудно нынѣ вести дѣло цензуры, и тому подобныхъ вещей, какія обыкновенно говорятся людьми слабыми и не приспособленными къ энергической дѣятельности.

Октябрь.—1. Среда. Утромъ былъ у графа Блудова, въ первый разъ по возвращеніи его изъ за границы. Онъ, кажется, мало поздоровѣлъ. Проклятыя семьдесятъ семь лѣтъ на плечахъ! Впрочемъ, онъ такъ-же любезенъ, разговорчивъ и добръ, какъ прежде, какъ всегда. Спросилъ меня о цензурѣ и изъявилъ желаніе прочесть мою записку, о которой уже слышалъ отъ Ѳ. И. Тютчева. Это хорошо. Можетъ быть онъ поддержитъ дѣло. Ковалевскій не можетъ не уважить его голоса.

— 5. Воскресенье. Утромъ былъ у Ѳ. И. Тютчева, съ цѣлью вмѣстѣ съ нимъ обсудить: нельзя-ли двинуть какъ-нибудь цензурное дѣло?

Ѳедоръ Ивановичъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, о проектѣ, присланномъ сюда изъ Берлина нашимъ посланникомъ, барономъ Будбергомъ, который предлагаетъ, по примѣру Франціи, учредить наблюдательно-послѣдовательную цензуру.

— Хорошо! а нынѣшняя предупредительная останется? спросилъ я.

— Въ томъ-то и дѣло! отвѣчалъ Тютчевъ.

Былъ уже по высочайшему повелѣнію назначенъ для разсмотрѣнія проекта и комитетъ изъ князя Горчакова, князя Долгорукова, Т***, нашего министра и Тютчева. Послѣдній сильно протестовалъ противъ этой двойственности цензуры— „предупредительной и послѣдовательной“. Нашъ министръ съ нимъ соглашался.

— Но надобно-же, замѣтилъ князь Василій Андреевичъ Долгорукій,—что нибудь сдѣлать, чтобы успокоить Государя, котораго сильно озабочиваетъ цензура.

Вечеромъ былъ у А. М. Княжевича [1]). Александръ Максимовичъ очень друженъ съ нашимъ министромъ, и мнѣ хотѣлось склонить его, чтобы онъ подѣйствовалъ на своего друга и подвигъ послѣдняго прямо объясниться съ Государемъ по дѣлу цензуры, безъ чего никакого успѣха нельзя ожидать. Онъ взялся прочесть мою записку.

---

[1]) Родственникъ жены автора „Дневника“. *Ред.*

— 6. Понедѣльникъ. Послалъ Княжевичу объяснительную записку.

У графа Блудова. Онъ меня на этотъ разъ порадовалъ своею бодростью и свѣжестью, несмотря на то, что третьяго дня былъ встревоженъ пожаромъ, происшедшимъ рядомъ съ нимъ. Мы очень пріятно проговорили съ нимъ все послѣ-обѣда, до девяти часовъ. Рѣчь касалась и цензуры. Онъ пожелалъ прочесть мою записку. Министръ, говоритъ онъ, хочетъ представить ее на разсмотрѣніе прямо Государю. Впрочемъ, я, съ моей стороны, сдѣлалъ все, что̀ могъ, и мою обязанность считаю конченною, о чемъ сказалъ и министру въ письмѣ, отсылая ему записку.

Графиня Антонина Дмитріевна Блудова привезла мнѣ заграничный гостинецъ: прекрасную фотографію одной изъ каульбаховыхъ фресокъ въ Берлинѣ.

Скандалъ въ здѣшней Духовной Академіи. Студенты, недовольные своимъ инспекторомъ, монахомъ Викториномъ, пожаловались на него митрополиту, грозя, что если имъ не будетъ оказана справедливость, то они обратятся за защитою къ свѣтскимъ властямъ. Говорятъ, они, между прочимъ, очень рѣзко высказались объ общемъ состояніи у насъ академическаго и семинарскаго воспитанія. Это приписываютъ вліянію напечатанной въ Лейпцигѣ книги: „О русскомъ сельскомъ духовенствѣ".

Но духовныя власти мало заботятся (1858 т.) объ улучшеніяхъ по своей части и предпочитаютъ покровительствовать памфлетамъ въ родѣ слѣдующихъ: „Предостереженіе отъ увлеченія духомъ настоящаго времени" и „Современныя идеи православны-ли?" Въ другихъ брошюрахъ проповѣдуется крайне аскетическія правила общественныхъ нравовъ и поведенія, предаются анаѳемѣ концерты, живыя картины и благотворительные балы, и т. д.

— 8. Среда. Отослалъ свою пояснительную записку графу Дмитрію Николаевичу Блудову.

У насъ нынѣ настоящее царство хаоса. Хаосъ во всемъ: въ администраціи, въ нравственныхъ началахъ, въ убѣжденіяхъ. Хаосъ въ головахъ тѣхъ, которые думаютъ управлять общественнымъ мнѣніемъ.

Поутру обычное засѣданіе въ Академіи наукъ. Приступаемъ къ исправленію словаря, который намѣрены печатать новымъ

изданіемъ. Каждое почти слово разбирается въ засѣданіи. Работа обѣщаетъ быть нескончаемою, но отдѣленію хочется сдѣлать что нибудь осязательное, ибо, правду сказать, занятія наши бо́льшею частью фиктивныя. Одинъ изъ членовъ внесетъ какой-нибудь лоскутъ старой церковно-славянской рукописи, отрывокъ какого-нибудь требника и т. п., а мы сидимъ, уткнувъ лица въ брады свои и глубокомысленно слушаемъ замѣчанія о юсѣ большомъ или маломъ, а когда это покажется намъ недостаточнымъ, беремся за чтеніе словъ областнаго словаря, давно разсмотрѣннаго уже Востоковымъ; переговоримъ о всѣхъ текущихъ городскихъ новостяхъ и расходимся съ спокойной совѣстью. Впрочемъ, иначе и быть не можетъ: одни изъ академиковъ уже почтенные старцы, для которыхъ всякій трудъ непосиленъ, а немногіе другіе, могущіе трудиться, до такой степени завалены другими казенными работами, что объ Академіи имъ некогда и думать.

— 11. Суббота. Вечеромъ у князя Щербатова, который заѣхалъ въ Петербургъ изъ деревни на пути за границу. Онъ разсказывалъ о нѣкоторыхъ случаяхъ волненія между крестьянами. Въ однихъ мѣстахъ крестьяне отказывались по прежнему работать, въ другихъ—не хотѣли платить управляющему оброка, а гдѣ такъ чуть не поколотили исправника и становыхъ. Но большинство этихъ случаевъ у помѣщиковъ, у которыхъ крестьяне на барщинѣ.

— 12. Воскресенье. У министра. Онъ совершенно одобряетъ мою пояснительную записку и соглашается со всѣми моими идеями. Для Государственнаго Совѣта надо будетъ ее нѣсколько сократить. Вообще было много говорено о цензурѣ и о проектѣ составить особенное бюро, которое-бы не административно, а нравственно занималось направленіемъ литературы. Я замѣтилъ, что это чистая мечта. Министръ того-же мнѣнія, но говоритъ, что нѣкоторые этого желаютъ.

Ковалевскій опять благодарилъ меня за записку и за труды мои по цензурѣ, но надежды мои на успѣхъ дѣла въ томъ направленіи, какое я желалъ ему дать, тѣмъ не менѣе подорваны.

— 13. Понедѣльникъ. Читалъ Щербатова и Радищева, изданныхъ въ Лондонѣ Герценомъ. Щербатовъ озлобленъ противъ Екатерины. Допустивъ, что ее у насъ черезчуръ прослав-

ляли, ее всетаки, кажется, не слѣдуетъ порицать такъ, какъ Щербатовъ и Герценъ. Пусть, по ихъ мнѣнію, въ ея лучшихъ государственныхъ мѣрахъ было много искусственнаго, много внушеннаго желаніемъ поддѣлаться подъ ходячія идеи времени, послѣдствія которыхъ она не предвидѣла, много тщеславнаго, но, тѣмъ не менѣе, нельзя-же отрицать въ ея характерѣ гуманности, а въ ея умѣ такта и возвышенности. Несмотря на фаворитизмъ, Россія всетаки многимъ ей обязана. Она обязана ей внесеніемъ въ нравы, въ законодательство и управленіе человѣчныхъ началъ, которыя не остались безплодными.

Радищевъ—человѣкъ умный и съ характеромъ, не смотря на бездну пустословія въ его сочиненіи и на желаніе блистать краснорѣчіемъ. Селивановскій въ своихъ запискахъ говоритъ, что книгу Радищева типографщики не хотѣли печатать, не смотря на то, что оберъ-полиціймейстеръ, тогдашній цензоръ, позволилъ ее,—конечно, не прочитавъ. Радищевъ тогда завелъ типографію у себя въ деревнѣ, напечаталъ тамъ свою книгу и разбросалъ ее по дорогамъ, на постоялыхъ дворахъ и т. д. Онъже говоритъ, что Радищевъ написалъ ее вслѣдствіе какихъ-то непріятностей по службѣ. Естественно, книга должна была подвергнуться сама и подвергнуть преслѣдованію своего автора. Это было въ разгаръ французской революціи, и мудрено-ли, что Екатерина II, уже старуха, испугалась такихъ сочиненій, какъ „Вадимъ“ Княжнина и книга Радищева.

— 21. Вторникъ. Дѣло мое о цензурѣ принимаетъ совершенно бюрократическій характеръ. Теперь какой-то чиновникъ дѣлаетъ изъ моей работы выписки, записки и еще невѣсть что. Къ этому прибавляются еще какія-то выписки и проч. и проч. Словомъ, мой добросовѣстный и, какъ увѣряли меня люди, читавшіе его и знающіе, трудъ не совсѣмъ глупый, трудъ многихъ мѣсяцевъ—потерянъ.

Обѣдалъ у графа Блудова. Онъ разсказывалъ много любопытнаго о принцессѣ Таракановой. У него въ рукахъ было все дѣло о ней, и онъ составлялъ изъ него записку для Государя. Въ моихъ бумагахъ есть извлеченіе о судьбѣ этой женщины изъ дѣлъ Государственнаго архива. Разсказъ Блудова и мои свѣдѣнія тождественны. У меня, однако, недостаетъ конца. Тараканова умерла не отъ наводненія въ Алексѣевскомъ раве-

линѣ, какъ говоритъ преданіе, а отъ чахотки, зародышъ которой привезла съ собой изъ Италіи. Екатерина II объявила, что даруетъ ей свободу и пенсіонъ, если она откажется отъ своихъ мечтаній. Тараканова просила нѣсколько времени на размышленіе и въ теченіе этого времени скончалась. Она не дочь Елисаветы, а была орудіемъ польскихъ конфедератовъ, которые, въ виду недавней исторіи Пугачева, хотѣли ее употребить для такихъ-же цѣлей. У Елисаветы, впрочемъ, дѣйствительно была дочь. Ее постригли въ монахини, и она умерла въ одномъ изъ московскихъ женскихъ монастырей.

Графиня Антонина Дмитріевна Блудова только къ обѣду возвратилась изъ Царскаго Села, гдѣ была у Государыни. Къ намъ присоединился еще Егоръ Петровичъ Ковалевскій, братъ министра. Графиня разсказывала подробности своего посѣщенія царской фамиліи.

— 22. Среда. Былъ у попечителя. Говорили о предполагаемыхъ публичныхъ лекціяхъ въ университетѣ въ пользу неимущихъ студентовъ. Четыре профессора согласились читать лекціи: Стасюлевичъ, Ценковскій, Горловъ и я. Попечитель это одобряетъ.

Это, наконецъ, оказалось справедливымъ, что въ Царскомъ Селѣ, при передѣлкѣ комнатъ, въ одной изъ нихъ, между поломъ и сводомъ, на которомъ полъ этотъ настланъ, найденъ скелетъ женщины. Кто она, живая или мертвая сюда заложена, кѣмъ и когда—неизвѣстно. Все на ней и сама она истлѣло. Остались однѣ кости и бриліантовая серьга, которая вдѣта была въ одно ухо, когда ухо еще существовало. Все это разсказалъ мнѣ графъ Блудовъ.

— 29. Среда. Удивительно, что льготы, какими мы нынѣ пользуемся, важные вопросы, какіе выступили на нашу общественную сцену, не породили между нами ни благородныхъ характеровъ, ни людей съ сильною волею, устремленною на добро, а только привели въ движеніе множество маленькихъ страстей, мелкихъ самолюбій, ничтожныхъ и эгоистическихъ стремленій.

А. Н. очень хорошій человѣкъ, только въ извѣстныхъ предѣлахъ. Боюсь, что эти предѣлы не простираются далѣе его *я*. Онъ всегда съ большимъ удовольствіемъ толкуетъ о нравственныхъ истинахъ, о честности, о высокомъ и прекрасномъ, и вы охотно

сочтете его очень хорошимъ человѣкомъ, если не будете слишкомъ взыскательны и не потребуете, чтобы онъ это доказалъ на дѣлѣ.

— 30. Четвергъ. Говорятъ, Герценъ, въ 25-мъ нумерѣ „Колокола“, разражается ругательствами на разныхъ лицъ, не исключая и очень высокопоставленныхъ. Право-же это не умно. Герценъ въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не какъ человѣкъ, желающій споспѣшествовать благой цѣли и избирающій лучшія для того средства, а какъ фанатикъ, одержимый бѣсомъ извѣстнаго ученія, которому любо накричаться вдоволь. Жаль, онъ могъ-бы быть очень полезенъ. Теперь-же, благодаря его излишествамъ, къ нему начинаютъ быть равнодушными тѣ, которые его боялись, и перестаютъ уважать тѣ, которые считали его однимъ изъ полезнѣйшихъ нашихъ общественныхъ дѣятелей, такъ что онъ можетъ мало по малу совсѣмъ утратить свое вліяніе въ Россіи.

Въ „Колоколѣ“, между прочимъ, помѣщены еще какія-то оффиціальныя бумаги, и теперь идетъ розыскъ о томъ, какъ онѣ ему достались.

Ноябрь.—2. Воскресенье. Председатель нашего драматическаго комитета при театрѣ, Жихаревъ, сильно проштрафился. Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ всѣмъ членамъ комитета, въ награду за ихъ труды, были присланы брилліантовые перстни черезъ Жихарева, какъ предсѣдателя. Мы и получили ихъ тогда-же, то есть въ іюнѣ или въ іюлѣ—всѣ, кромѣ А. В. Дружинина, который былъ въ деревнѣ. Его перстень остался на храненіи у Жихарева. Въ сентябрѣ пріѣхалъ Дружининъ, а перстня ему нѣтъ какъ нѣтъ. С. П. Жихаревъ, очевидно, вспомнилъ свои старыя служебныя привычки и присвоилъ его себѣ. Перстень проданъ или въ закладѣ. Жихареву уже не разъ напоминали, что пора отдать высочайшую награду кому слѣдуетъ. Онъ постоянно обѣщаетъ исполнить это завтра, но Дружининъ до сихъ поръ только въ газетахъ видѣлъ себя награжденнымъ. Всѣ члены комитета хотятъ написать Жихареву адресъ, съ заявленіемъ, что не желаютъ засѣдать съ нимъ въ комитетѣ.

— 3. Понедѣльникъ. Засѣданіе въ совѣтѣ университета. Восточный факультетъ поступилъ очень неприлично съ своимъ деканомъ Казембекомъ. Онъ въ сентябрѣ присудилъ ему читать арабскую словесность, вмѣсто заболѣвшаго Тантави, а въ

октябрѣ отдалъ этотъ предметъ другому, въ совѣтѣ-же отрекся, что такъ поступилъ. Между тѣмъ, по справкѣ оказалось, что все было, какъ сказано выше, и протоколъ подписанъ членами, какъ слѣдуетъ. Вышло нѣчто непристойное и смѣшное. Совѣтъ высказался въ пользу Казембека, который уличилъ больше всѣхъ возстававшаго противъ него Мухлинскаго.

Въ совѣтѣ прочитанъ проектъ о публичныхъ лекціяхъ при университетѣ, предпринятыхъ въ пользу неимущихъ студентовъ Стасюлевичемъ, Горловымъ, Ценковскимъ и мною. Я прочиталъ и программу моихъ лекцій, которая была тутъ-же одобрена совѣтомъ. Предметомъ моихъ лекцій будетъ Державинъ.

— 8. Суббота. Сегодня въ Театральномъ комитетѣ я, отъ имени членовъ и по ихъ просьбѣ, написалъ письмо Жихареву, съ просьбою покончить, разумѣется удовлетворительно, съ перстнемъ Дружинина. Всѣ члены литературы подписали письмо. Въ немъ мы, между прочимъ, намекаемъ, что послѣ такого скандала не можемъ оставаться съ нимъ въ комитетѣ.

На этой недѣлѣ я обѣдалъ у графа Д. Н. Блудова. Былъ между прочимъ разговоръ о Герценѣ и его „Колоколѣ". Государь крайне огорченъ и недоволенъ его послѣдними выходками. Хотѣли литографировать какую-то записку по крестьянскому комитету, чтобы членамъ удобнѣе было ее читать. Государь этого не велѣлъ, сказавъ, что „только литографируй, а тамъ она и появится въ „Колоколѣ".

Правительство хочетъ имѣть въ литературѣ свой органъ, который долженъ быть ввѣренъ нѣсколькимъ литераторамъ. Объ этомъ разсуждали у графа Блудова. Графъ сказалъ, что насчитываетъ у насъ три рода литераторовъ: оии—злонамѣренные и упорные въ своихъ крайнихъ желаніяхъ, другіе—не имѣющіе никакихъ желаній, кромѣ желанія набить себѣ карманъ, и третьи—люди благородные и даровитые, которые могутъ дѣйствовать только по убѣжденію. Этихъ правительство не иначе можетъ привлечь на свою сторону, какъ сдѣлавъ ихъ участниками своихъ благихъ видовъ. Разумѣется, оно и можетъ ожидать пользы только отъ послѣднихъ. Графъ далеко не увѣренъ въ успѣхѣ замышляемой мѣры, но не противится попыткѣ въ видѣ опыта.

— 10. Понедѣльникъ. Въ театрѣ, на представленіи

„Отелло“. Мулатъ или, какъ назвали его въ афишѣ, африканецъ Ольриджъ, пріѣхавшій сюда на нѣсколько дней, игралъ Отелло на англійскомъ языкѣ, съ нѣмецкими актерами. Я не говорю и не понимаю по-англійски, но хорошо знаю пьесу, и потому поѣхалъ въ театръ—и не жалѣю. Этотъ Ольриджъ большой артистъ. Трудно идти дальше въ выраженіи сильныхъ и глубокихъ страстей. Въ третьемъ актѣ, въ сценѣ съ Яго, онъ до того страшенъ, что людямъ слабонервнымъ трудно его выносить, а въ сценѣ отчаянія въ послѣднемъ актѣ васъ душатъ слезы.

Игра его безъ всякой аффектаціи. Это чистѣйшая природа, съ ея грозными вулканическими потрясеніями. Все у него просто и благородно—и голосъ чудесный. Я долго не могъ заснуть въ эту ночь, а во снѣ все мерещился мнѣ этотъ Отелло, со своею тигровою яростью, со своими потрясающими сердце воплями, со своею безпредѣльною скорбью въ послѣднемъ актѣ.

Ольриджъ будетъ еще играть Ричарда, Шейлока и Лира.

— 13. Четвергъ. Письмо къ Жихареву имѣло успѣхъ. Перстень возвращенъ кому слѣдуетъ. Онъ былъ заложенъ и выкупленъ.

Ростовцевъ напечаталъ извлеченіе изъ своихъ писемъ изъ за границы къ Государю Императору о крестьянскомъ вопросѣ. Толку не доберешься въ толкахъ объ этой брошюрѣ. Мнѣ до сихъ поръ еще не удалось ее поймать. Она напечатана въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Одни говорятъ, что это сочиненіе кадета, другіе находятъ въ немъ смыслъ и хорошія мысли.

— 16. Воскресенье. Замѣчательная статья въ „Отечественныхъ Запискахъ“: „Стенька Разинъ“, Костомарова. Ужасное, невѣжественное состояніе до-Петровской Россіи изображено у Костомарова очень ярко и правдиво. У него все факты, не то что у Жеребцова, автора фантастической исторіи цивилизаціи въ Россіи, гдѣ онъ голословно восхваляетъ все, что было до Петра, и объявляетъ, что Петръ испортилъ Россію и уничтожилъ въ ней всѣ зародыши великой самобытной цивилизаціи.

— 19. Среда. У графа Блудова. Тамъ былъ и министръ народнаго просвѣщенія. Разговоръ за обѣдомъ все время вращался около печати и цензуры. Министръ жаловался на „Русскій Вѣстникъ“ за напечатаніе думскаго протокола о Безобразовѣ, который теперь хочетъ по этому поводу затѣять процессъ.

Дѣло въ томъ, что Безобразовъ, извѣстный противникъ освобожденія крестьянъ, отказывался принять отъ Думы грамоту на званіе городоваго обывателя, говоря, что „онъ принадлежитъ къ древнему московскому дворянству и не хочетъ состоять въ числѣ людей средняго рода“. Это подлинныя слова его. Онъ даже жаловался генералъ-губернатору Игнатьеву на то, что Дума посылала ему грамоту, а генералъ-губернаторъ препроводилъ его жалобу къ надлежащему исполненію въ Думу. Дума выставила всѣ законы, по которымъ она была въ правѣ сдѣлать то, что она сдѣлала. Безобразовъ и Игнатьевъ очутились въ пренепріятномъ положеніи. Рѣшеніе свое (протоколъ) Дума напечатала для разсылки членамъ, но оно ходило по городу и, путешествуя изъ рукъ въ руки, дошло до Москвы, гдѣ Катковъ и тиснулъ его цѣликомъ въ своемъ журналѣ.

„Искра“ напечатала въ объявлеоіи виньетку, которую III отдѣленіе истолковало по своему и объявило злонамѣренною, хотя ее можно истолковать десять разъ иначе. Требовали объясненія у издателя Н. А. Степанова. Дѣло доходило до Государя, но оставлено безъ послѣдствій, за недостаткомъ ясныхъ доказательствъ въ возмутительности виньетки.

Оберъ-прокуроръ Св. Синода относился къ нашему министру съ заявленіемъ, что русская литература посягаетъ на вѣру. Онъ набралъ кучу отрывочныхъ фразъ и на этомъ основалъ свое обвиненіе. Министръ отвѣчалъ, что изъ оборванныхъ фразъ и стиховъ нельзя вывести никакого заключенія.

Въ „Le Nord“ напечатано что-то нехорошее про двухъ новыхъ сенаторовъ, Л. и Г. Графъ Панинъ почему-то вообразилъ себѣ, что это нехорошее сообщено въ иностранную газету непремѣнно чиновникомъ министерства финансовъ, вслѣдствіе чего и просилъ Княжевича разыскать, какой это чиновникъ.

Кстати о Панинѣ. Графъ Блудовъ разсказывалъ, что по случаю напечатанія какой-то статьи, которая не понравилась министру юстиціи, послѣдній предлагалъ строго наказать цензора, ее пропустившаго. А когда ему замѣтили, что надо-же прежде потребовать отъ цензора объясненія, ибо онъ можетъ быть и правъ, Панинъ отвѣчалъ:—Нѣтъ! Его прежде наказать, а послѣ потребовать объясненія или оправданія.

Герценъ напечаталъ въ „Колоколѣ“ письмо къ Государю......

Тутъ, говорятъ, жестоко достается Гримму. Письмо, впрочемъ, я слышалъ, отличается хорошимъ тономъ и очень умно. Оно произвело сильное впечатлѣніе при дворѣ.

— 22. Суббота. Въ Москвѣ перессорились профессора: Ешевскій, Соловьевъ и Леонтьевъ, и одни изъ нихъ надѣлали непріятностей другимъ. Студенты, чтобы не отстать, въ свою очередь, надѣлали гадостей профессору Варнеку, объявивъ, что не хотятъ слушать его лекцій, ибо онъ „нехорошій и отсталый профессоръ". Между тѣмъ, Варнекъ, по увѣренію спеціалистовъ (онъ занимается зоологіею), принадлежитъ къ числу нашихъ лучшихъ ученыхъ. Впрочемъ, слѣдствіе, произведенное въ Москвѣ самимъ министромъ, показало, что и Варнекъ былъ неправъ. Онъ дѣйствительно грубо обращался съ студентами и тѣмъ самымъ вызвалъ съ ихъ стороны враждебную себѣ демонстрацію. А университетское юношество наше и безъ того вездѣ волнуется и пѣнится. Причины тому, мнѣ кажется, слѣдующія. Льготы послѣдняго времени какъ-бы врасплохъ застали наше общество. У многихъ отъ непривычной свободы закружилась голова, а тѣмъ больше у молодыхъ людей, и безъ того не слишкомъ склонныхъ къ умѣренности. Человѣкъ, внезапно выведенный изъ тьмы на свѣтъ и изъ спертой атмосферы на чистый воздухъ, всегда бываетъ сначала ошеломленъ и какъ будто опьяненъ. Съ другой стороны, большинство начальствующихъ лицъ еще воспитанники стараго режима, и они представляютъ изъ себя классическіе образцы неспособности примѣняться къ новымъ обстоятельствамъ. Третья причина университетскихъ неурядицъ, наконецъ, кроется въ самой организаціи университетовъ, лишившей сословіе профессоровъ всякаго нравственнаго вліянія надъ юношами съ тѣхъ поръ, какъ наблюденіе за ихъ поступками перешло въ руки инспектора, съ его помощниками. Молодые люди смотрятъ на него, какъ на квартальнаго надзирателя, и онъ, по самому положенію своему, не можетъ имѣть среди нихъ никакого нравственнаго авторитета.

Вообще у насъ во всемъ великое нестроеніе и неурядица. Русское общество похоже нынѣ на большое озеро, въ глубинѣ котораго дѣйствуютъ подземные огни, а на поверхности безпрестанно вскакиваютъ пузыри, лопаются и опять вскакиваютъ. Кипѣніе это само по себѣ не представляло-бы ничего необычай-

наго, тутъ нѣтъ еще большой бѣды. Но бѣда въ совершенномъ отсутствіи всякаго организующаго начала, въ отсутствіи характеровъ и высшихъ нравственныхъ убѣжденій. И вотъ еще бѣда: нѣтъ ни одной вчерашней мысли, какъ-бы она ни была основательна, которая-бы уже сегодня не казалась старою. Жаръ, съ которымъ вчера принимали такую-то мѣру, сегодня уже остылъ. Каждый день что-нибудь начинается, а на другой—только-что начатое бросается недоконченнымъ, и не потому, чтобы взамѣнъ находилось лучшее, а въ силу какого-то неудержимаго, слѣпаго стремленія впередъ—но куда? Какая-то невидимая сила, какъ бѣсъ, гонитъ насъ, кружитъ, выбрасываетъ изъ колеи. Всякій тянетъ въ свою сторону, бьется не о томъ, чтобы было удобнѣе и лучше, а о томъ, чтобы вещи существовали какъ ему хочется. У насъ столько-же партій, сколько самолюбій. Иной хлопочетъ вовсе не изъ за того, чтобы поддержать какое-нибудь начало, а изъ за того, чтобы сказать: „это я, господа, это мое". Если-же кому-нибудь удастся выразить и пустить въ ходъ здравую, хорошую мысль, онъ уже земли подъ собой не слышитъ. Онъ важничаетъ, зазнается, и то, что было у него хорошаго, испаряется въ чаду претензій и высокомѣрія. Ему уже непремѣнно хочется, чтобы въ мірѣ существовала одна его мысль, и онъ, кстати и не кстати, всюду тычетъ ее.

— 23. Воскресенье. Былъ у попечителя на совѣщаніи по случаю студентскихъ проказъ. Да, юношество пѣнится, но, къ сожалѣнію, не всегда какъ шампанское, а подчасъ какъ настоящій откупной сиволдай. Вотъ теперь поссорились два студента и одинъ вызвалъ другаго на дуэль. Вызванный, говорятъ, отказался отъ дуэли, а за свою обиду взялъ деньги. Товарищи возопили, что это подло, и потребовали отъ послѣдняго, чтобы онъ непремѣнно дрался. Начальство узнало, розняло пѣтуховъ и посадило ихъ въ карцеръ.

Пока мы объ этомъ судили, да рядили съ попечителемъ и инспекторомъ, пріѣхалъ товарищъ министра юстиціи Замятинъ. Его сынъ попалъ въ секунданты. Разумѣется, мы рѣшили всѣми мѣрами воспрепятствовать дуэли, а студента, взявшаго деньги, если это окажется справедливымъ, выключить изъ университета.

Заѣзжалъ къ Александру Максимовичу Княжевичу: онъ се-

годня имениникъ. Боже мой, сколько къ нему набрело чиновниковъ! И какія все умильныя, сладкія лица! Отъ нихъ такъ и вѣетъ благонамѣренностью, усердіемъ, преданностью!

— 28. Пятница. Обѣдалъ у графа Д. Н. Блудова. Никого не было, кромѣ извѣстной пѣвицы, дѣвицы Грюнбергъ. Разговоръ о современной литературѣ. Графъ находитъ нелѣпымъ литературный протестъ, напечатанный въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ“ въ защиту жидовъ, обруганныхъ „Иллюстраціею“. Затѣмъ графъ удивлялся великому множеству появляющихся у насъ новыхъ журналовъ и недоумѣвалъ, кто будетъ ихъ наполнять и кто будетъ ихъ читать? Еще жаловался онъ на нѣкоторые журналы, позволяющіе себѣ такія вольности, что ихъ трудно становится защищать.

Министръ нашъ поѣхалъ въ Москву. Тамъ, говорятъ, опять произошло что-то въ университетѣ.

— 30. Воскресенье. „Всякій народъ, говоритъ Лютеръ,— имѣетъ своего дьявола“. Дьяволъ русскаго народа есть разногласіе во всемъ, что касается общественныхъ интересовъ, страсть все относить къ себѣ, мѣрить собою. Это и мелкое самолюбіе, кажется, общій порокъ славянскихъ племенъ: оно-то и мѣшаетъ развитію у насъ духа ассоціаціи. Мы стоимъ на томъ, что лучше повиноваться чужому произволу, чѣмъ уступить въ чемъ либо своему собрату.

Декабрь.—5. Четвергъ. Вотъ какъ я попался. Въ субботу на прошлой недѣлѣ задумалъ я сплутовать и наказанъ за то. Время мое до того расхищено текущими занятіями по службѣ въ университетѣ, въ Академіи, по разнымъ комитетамъ и пр., что мнѣ рѣшительно некогда написать академическій отчетъ къ 29-му декабря. Всѣ утра мои уходятъ на это, вечера тоже, а по ночамъ работать боюсь, чтобы не раздразнить моего стараго заклятаго врага. Вотъ я и умудрился: написалъ въ субботу кому слѣдуетъ записку, что въ университетѣ быть не могу, „по болѣзни“. Что же вышло? Къ вечеру въ тотъ же день я дѣйствительно заболѣлъ.

— 6. Пятница. Говорятъ, Государь въ совѣтѣ министровъ изъявилъ свое неудовольствіе за сопротивленіе, которое онъ встрѣчаетъ въ комитетѣ по дѣлу объ освобожденіи крестьянъ. Онъ прямо указалъ на Муравьева и Буткова, которые во время

своихъ поѣздокъ лѣтомъ по Россіи вездѣ распускали слухи, что проектъ освобожденія существуетъ только для вида: поговорятъ де, да тѣмъ и кончится. Но странное же дѣло! Государь видитъ въ нѣкоторыхъ лицахъ прямое противодѣйствіе своимъ великодушнымъ намѣреніямъ, а между тѣмъ лица эти крѣпко сидятъ на своихъ мѣстахъ.

Меншиковъ, извѣстный государственный остроумецъ, который всѣ свои правительственныя способности выразилъ въ нѣсколькихъ, болѣе или менѣе удачныхъ, каламбурахъ и остротахъ, надняхъ пустилъ въ ходъ новую остроту по Москвѣ, гдѣ онъ теперь залегъ на покой, подобно вельможамъ вѣка Екатерины II. Въ Москву пріѣхалъ М. А. Корфъ.

— Ну, что новаго у васъ, спросилъ его Меншиковъ.

— Новаго ничего нѣтъ, кромѣ множества новыхъ комитетовъ, отвѣчалъ Корфъ,—и ко всякому изъ этихъ комитетовъ пріобщаютъ Якова Ивановича Ростовцева.

— Вы Якова Ивановича-то пріобщаете, замѣтилъ Меншиковъ,—да жаль, что не исповѣдуете его.

— 7. Суббота. Катковъ въ двадцатомъ нумерѣ своего журнала напечаталъ рядомъ три статьи, которыя надѣлали много шума: знаменитый думскій протоколъ о Безобразовѣ, „О полиціи внѣ полиціи", Громеки, и чью-то ребяческую выходку противъ нашихъ университетовъ. Особенно нашумѣли двѣ первыя статьи и, къ сожалѣнію, даже дали оружіе въ руки врагамъ всего добраго въ литературѣ. „Русскій Вѣстникъ" навлекъ на себя опалу, а цензора подвергъ взысканію. Говорятъ, будто Н. Ѳ. Крузе уже отрѣшенъ отъ должности.

— 9. Понедѣльникъ. Вотъ ни за что пропало десять дней! А теперь бѣги, скачи скорѣй, скорѣй! Много-ли дней остается до праздниковъ, до новаго года? А работы, работы...

Сегодня докторъ позволилъ мнѣ выйти и я отправился въ Театральную комиссію. Дѣло на этотъ разъ шло о балетной труппѣ. Намъ предстоитъ сократить ее. Въ ней огромное число лицъ—222, тогда какъ въ парижской не болѣе 150, а въ берлинской всего 70 съ чѣмъ-то. Содержаніе нашей труппы стоитъ 114 тысячъ рублей серебромъ въ годъ, кромѣ монтировки балетовъ.

— 12. Четвергъ. Засѣданіе въ Академіи. Читалъ годичный отчетъ вчернѣ. Одобренъ.

Теперь до января слѣдующія дѣла: 1) окончательная отдѣлка отчета; 2) дѣло по комиссіи о разсмотрѣніи руководства къ географіи Шульгина, которое большею частью падаетъ на меня, какъ на предсѣдателя; 3) приготовленіе публичныхъ лекцій; 4) записка объ Аудиторскомъ училищѣ; 5) проектъ о пенсіонахъ артистамъ театровъ. А сколько засѣданій въ комитетахъ, изъ которыхъ многіе не высиживаютъ и воробьинаго яйца. И такъ вся жизнь. Ну, вотъ когда спохватился: немножко поздно! Да жизнь-то что?—говоря словами хемницерова метафизика. Смѣхъ, право. Однако, не до смѣха. Вотъ 17 января я и эмеритъ уже. Хоть-бы кончить посерьезнѣе.

— 17. Вторникъ. Сцена въ университетѣ. Сегодня въ сборную залу явилась ко мнѣ депутація студентовъ, съ просьбою подписать бумагу, въ которой они обращаются къ попечителю за защитою отъ полиціи и солдатъ: у нихъ съ ними третьяго дня произошла стычка на пожарѣ. Бумага гласитъ, что дѣло было такъ: студенты бросились спасать имущество своихъ товарищей въ горящемъ домѣ; солдаты, составлявшіе около пожара цѣпь, не только не пустили ихъ туда, но, отталкивая, еще били ихъ прикладами, къ чему особенно поощрялъ солдатъ офицеръ, командовавшій цѣпью: „Бей этихъ канальевъ!" неоднократно повторялъ онъ.

Подписать бумагу, я, конечно, не могъ, но обѣщался поговорить съ ректоромъ. Студенты въ страшномъ волненіи. Ректоръ. вмѣсто того, чтобы успокоить студентовъ и ихъ направить, послалъ ихъ къ профессорамъ.

— 18. Наряжено слѣдствіе по дѣлу о студентахъ.

— 22. Воскресенье. Былъ у попечителя. Онъ въ большихъ хлопотахъ по поводу студентскихъ дѣлъ. Я предложилъ ему слѣдующую мѣру: составить изъ ректора и трехъ или четырехъ ассистентовъ-профессоровъ маленькую консульту для ближайшаго сношенія со студентами. Находясь въ непосредственныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ ними, они, поддерживаемые авторитетомъ университета, гораздо лучше, чѣмъ инспекторъ, неимѣющій на нихъ никакого моральнаго вліянія, смогутъ преду-

преждать всякія нехорошія поползновенія. Попечитель обѣщалъ переговорить объ этомъ съ министромъ.

Есть проектъ переодѣть студентовъ въ обыкновенное общее платье, чтобы они были наравнѣ со всѣми подчинены общей полиціи. Конечно, это облегчитъ университетъ. Но, съ другой стороны, это уже совершенно предастъ этихъ бѣдныхъ юношей во власть нашей грубой полиціи.

— 24. Вторникъ. Обѣдалъ у графа Блудова. Были Плетневъ и Тютчевъ. Разговоръ о знаменитомъ, только что состоявшемся, учрежденіи для сдерживанія писателей, которые, по мнѣнію Чевкина, Панина и другихъ, подготовляютъ въ Россіи революцію. Теперь вздумали создать комитетъ, который бы любовно, патріархально и разумно направлялъ литературу нашу, особенно журналистовъ, на путь истинный. Онъ будетъ входить въ непосредственныя съ ними сношенія и дѣйствовать мѣрами кроткаго назиданія, не вступая ни въ какія цензурныя права.

А если литераторы ихъ не послушаютъ? спросилъ я у графа.

— Ну, такъ ничего.

— Если ничего, замѣтилъ я,—такъ и комитетъ ничего.

Хорошо! Это, видите ли, нѣчто въ родѣ французскаго bureau de presse, передѣланнаго на русскій ладъ. Удивительная вещь!..

Графъ Блудовъ, разумѣется, противъ этого безтолковаго учрежденія, которое непремѣнно должно или превратиться въ негласный бутурлинскій комитетъ, процвѣтавшій въ концѣ 1840-хъ годовъ, или въ самое смѣшное ничто.

Но кто же члены этого „троемужія", какъ называетъ его Тютчевъ? Это всего любопытнѣе. Если бы нарочно постарались отыскать самыхъ неспособныхъ для этой роли людей, то лучше не нашли бы. Они будутъ направлять литераторовъ, совѣтовать имъ, разсуждать съ ними о важнѣйшихъ вопросахъ, нравственныхъ, политическихъ, литературныхъ,—они, которые никогда ни о чемъ не разсуждали, ничего не читали и не читаютъ! Смѣхъ и горе!

Министръ сильно противился всему этому, и передъ отъѣздомъ его въ Москву было рѣшено, что комитета не будетъ. Въ Москвѣ онъ пробылъ дней шесть и, возвратясь, засталъ дѣло уже состоявшимся. Все это продѣлано министромъ иностранныхъ дѣлъ, княземъ Горчаковымъ.

Любопытно, какъ попалъ сюда ***. Онъ былъ сперва отвергнутъ... Ему ужасно хотѣлось, однако, стать въ числѣ трехъ великихъ хранителей цѣломудрія русской мысли и онъ придумалъ слѣдующій остроумный аргументъ:—Такъ какъ, говорилъ онъ,—я не пользуюсь популярностью, то позвольте мнѣ быть членомъ новаго комитета, чтобы я имѣлъ случай пріобрѣсти ее. Превосходный предлогъ! Такъ какъ меня терпѣть не могутъ, то мнѣ и прилично дѣлать дѣло, на которое должны быть избраны лица просвѣщенныя и наиболѣе пользующіяся довѣріемъ и расположеніемъ общества.

Графъ Дмитрій Николаевичъ съ самымъ лестнымъ одобреніемъ отзывался мнѣ о моей цензурной запискѣ, что́ выразилъ и оффиціально. Онъ горячо благодарилъ меня за нее.

— Это, отвѣчалъ я,—по крайней мѣрѣ, останется мнѣ утѣшеніемъ въ неудачѣ.

— Не говорите этого, возразилъ онъ,—хорошія вещи не пропадаютъ безплодно.

Отъ графа я поѣхалъ въ драматическій комитетъ, гдѣ мы одобрили пьесу Куликова.

Ковалевскій намѣревается подать въ отставку. Объ этомъ онъ уже говорилъ.

— 25. Среда. Собраніе въ университетѣ профессоровъ, которые будутъ читать публичныя лекціи. Предсѣдательствовалъ попечитель. Ценковскій отказался, потому что ему много труда отъ публичныхъ чтеній въ Пассажѣ. Наши лекціи откроются послѣ 15-го января, по вечерамъ, отъ половины восьмаго часа. Каждая будетъ продолжаться часъ. Я взялъ для себя четверги. Каждый прочтетъ по своему предмету три лекціи. Я со Стасюлевичемъ, впрочемъ, рѣшаемся и на четыре, если предметъ не истощится и въ публикѣ будетъ видно желаніе насъ слушать.

— 28. Суббота. Былъ у И. С. Тургенева. Онъ написалъ новый романъ совершенно въ художественномъ направленіи. Вотъ это хорошо! Пора перестать дѣлать изъ литературы только дѣловыя записки о казусныхъ происшествіяхъ и считать ее исключительно исправительнымъ бичемъ.

Тургеневъ разсказалъ мнѣ про свой обѣдъ у князя Орлова. Князь тоже находитъ новоучрежденное литературное „троемужіе“ неразумнымъ. Но добивавшіеся этой мѣры, по словамъ его,

имѣли другіе виды. Они хотѣли присвоить себѣ контрольную власть надъ всѣми министерствами, а литература служила такъ, предлогомъ. Это былъ въ особенности планъ А. Отличные виды, отличные люди, все отлично! О, бѣдная русская земля!...

Дѣло „троемужія“, впрочемъ, очень просто: оно превратится въ негласный комитетъ. Сегодня былъ у меня одинъ изъ кончившихъ въ нынѣшнемъ году курсъ студентовъ, котораго М. приглашаетъ къ себѣ въ сотрудники, т. е. въ агенты по этому комитету. Онъ предлагаетъ ему читать журналы и доносить комитету о томъ, что найдетъ въ нихъ дурнаго. Молодой человѣкъ былъ сильно озадаченъ этимъ приглашеніемъ и пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ. Я открылъ ему темную сторону предложенной ему роли, и онъ ушелъ отъ меня, повидимому, убѣжденнымъ и утвердившимся въ идеи чести.

Въ университетѣ вывѣшено повелѣніе, воспрещающее студентамъ апплодировать профессорамъ на лекціяхъ и вообще изъявлять свое одобреніе или неодобреніе.

— 30. Понедѣльникъ. Актъ въ Академіи наукъ. Я прочиталъ мой отчетъ. Онъ былъ коротокъ и прочитанъ живо, и потому заслужилъ всеобщее одобреніе.

Министръ сказалъ мнѣ сегодня, что ему стыдно смотрѣть на меня. Онъ представлялъ меня къ наградѣ за работы по цензурному законодательству и получилъ отказъ. Министръ до того простеръ свое ходатайство обо мнѣ, что просилъ вмѣнить это въ личную ему награду—и всетаки получилъ отказъ. Евграфъ Петровичъ горячо выразилъ мнѣ свое недовольство и сожалѣніе. Я не менѣе горячо поблагодарилъ его за доброе ко мнѣ отношеніе и поспѣшилъ его успокоить. Все, что случилось вполнѣ естественно. Какая тутъ награда за труды, относящіеся къ наукѣ и литературѣ? Я работалъ много и добросовѣстно, но работалъ исключительно для идеи. Тутъ и рѣчи быть не можетъ о наградѣ. Вотъ, если-бы идея эта осуществилась и пошла въ ходъ, да принесла-бы желаемые плоды... Но все это мечты, мечты и мечты, даже безъ всякой сладости!..

— 31. Вторникъ. Конецъ 1858 году.

1859 годъ.

Январь.—1. Четвергъ. Обѣдалъ вчера у Гончарова, гдѣ собралось нѣсколько литераторовъ, а именно: Тургеневъ, Боткинъ, Анненковъ, Панаевъ, Некрасовъ, Полонскій, Дружининъ. Обѣдъ былъ роскошный и довольно оживленный. Между прочимъ, былъ выпитъ тостъ: „въ честь лучшаго гражданина", которымъ хотѣли почтить меня.

Послѣ обѣда Некрасовъ прочелъ свое замѣчательное стихотвореніе „Кладбище", а затѣмъ, я съ Боткинымъ отправился въ театръ, гдѣ меня уже ожидала моя семья. Давали оперу „Зора", Россини. Она шла превосходно. Особенно восхитила меня Лотти своимъ очаровательнымъ пѣніемъ и игрою. Она очень мила—проста и граціозна.

Послѣ театра заѣхали къ намъ Звегинцевы, еще кое-кто изъ родственниковъ и пріятелей и мы-таки, наперекоръ всѣмъ невзгодамъ минувшаго года, встрѣтили новый шампанскимъ.

— 2. Пятница. Для привлеченія въ уѣздныя училища дѣтей низшаго званія почему-бы не постановить, что кончившіе въ нихъ съ успѣхомъ курсъ ученія освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія? Это значило-бы не принуждать ихъ насильно къ ученію, а призывать ихъ къ нему, такъ сказать, голосомъ чести.

Литературный обѣдъ у Некрасова. Были почти всѣ наши наличныя извѣстности: Панаевъ, Полонскій, Чернышевскій, Гончаровъ, Тургеневъ, и т. д. Изъ московскихъ былъ Павловъ, къ которому я питаю антипатію и котораго старался здѣсь избѣгать, какъ въ Дрезденѣ его жены. Человѣкъ, который въ печати съ такимъ жаромъ проповѣдуетъ нравственныя начала, а на дѣлѣ топчетъ ихъ въ грязь и самъ необузданно слѣдуетъ влеченію страстей подъ предлогомъ требованій широкой натуры—такой человѣкъ не можетъ возбуждать къ себѣ уваженія, хотя бы онъ обладалъ умомъ и талантомъ. Есть моральныя вѣрованія и принципы, которые человѣкъ долженъ признавать. Никакой умъ и талантъ, никакая широта натуры никого отъ нихъ не увольняютъ.

Горбуновъ читалъ свои драматическія сцены изъ народной жизни—съ обыкновеннымъ искусствомъ.

Вчера и сегодня занимался обдумываніемъ и составленіемъ подробной програмы публичныхъ лекцій. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онѣ сошли хорошо.

— 6. Вторникъ. По секрету получено въ университетѣ высочайшее повелѣніе, чтобы не дѣлать подписки на денежное вспомоществованіе отставленному московскому цензору Крузе.

Много убилъ свободнаго времени на публичныя лекціи, которыя теперь готовы. А что изъ этого? Если онѣ будутъ хороши, то поговорятъ о нихъ дня два, да и забудутъ, а если будутъ дурны, то побранятъ меня, да и не забудутъ этого никогда.

— 8. Четвергъ. Въ 29 № „Колокола" прочиталъ письма къ Герцену, приписываемое Чичерину, въ которомъ Герцена упрекаютъ отъ имени всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи за рѣзкій тонъ и радикализмъ. Это, конечно, отчасти и справедливо, и Герценъ вредитъ этимъ своему вліянію на общество и на правительство. Но возраженіе, ему сдѣланное, кажется, еще вреднѣе. Оно какъ бы оправдываетъ крутыя мѣры и вызываетъ ихъ.

Сильно занятъ моими публичными лекціями. Матеріалъ готовъ, планъ обдуманъ. Д. В. Полѣновъ прислалъ мнѣ записки Державина, которыя, впрочемъ, будутъ печататься скоро въ „Русской Бесѣдѣ". Въ нихъ о поэтической дѣятельности Державина почти нѣтъ ничего, а все говорится объ администраціи и службѣ. Видно, это Державина болѣе занимало, чѣмъ поэзія. Я кое-чѣмъ воспользовался для біографіи его.

— 11. Воскресенье. Мы больны комитетами. Сейчасъ получилъ отъ генерала Левшина приглашеніе быть членомъ комитета для начертанія подробныхъ программъ наукъ въ училищахъ военнаго вѣдомства и избранія руководствъ. А между тѣмъ, у меня въ головѣ такъ и ходитъ мысль, какъ бы съ началомъ моей эмеритуры бросить всѣ эти комитеты, безполезные для дѣла и для меня самого.

Разумѣется, отказался отъ этого любезнаго приглашенія. Но все-таки просили меня хоть взглянуть на то, что будетъ сдѣлано другими, и чтобы я хоть числился членомъ. Это послѣднее желаніе забавно.

— 12. Понедѣльникъ. Засѣданіе въ Театральной комиссіи, отъ которой сильно мнѣ хочется отдѣлаться. Я это теперь же сдѣлалъ бы, если бы не нужно было докладывать Государю, по-

тому что я опредѣленъ по высочайшему повелѣнію. Сегодня сильныя пренія происходили о пенсіонахъ артистамъ. Боятся все, чтобы не слишкомъ много дать. Я всѣми силами стою за права артистовъ. Но что значитъ мой голосъ противъ тѣхъ, которые боятся раззорить казну двумя, тремя тысячами въ пользу, напримѣръ, круглыхъ нищихъ сиротъ, остающихся послѣ этихъ бѣдныхъ людей.

— 14. Среда. Странная зима. Безпрерывная оттепель. Сегодня, напримѣръ, около трехъ градусовъ тепла.

— 16. Пятница. Вчера была первая моя публичная лекція. Не знаю, какъ публика, а я ею крайне недоволенъ.

Говорятъ „Парусъ“ запрещенъ. Его вышло всего еще два нумера.

Дѣло студентовъ, побитыхъ солдатами, по приказанію командира, на пожарѣ, изслѣдовано особою комиссіею, назначенною по высочайшему повелѣнію. Оказалось, что студенты ни въ чемъ неповинны. Они дѣйствительно только спасали имущество товарища, квартира котораго горѣла. Комиссія заключила, что единственное виновное въ этомъ дѣлѣ и подлежащее суду лицо есть офицеръ, который дѣйствительно далъ приказаніе солдатамъ бить прикладомъ студентовъ, когда тѣ обратились къ нему съ жалобою на то, что одинъ солдатъ ударилъ или толкнулъ ихъ товарища.

П. К. Щебальскому министръ поручилъ дѣлать для Государя ежемѣсячно обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ статей въ нашихъ журналахъ съ выписками изъ нихъ, какъ это дѣлалось при Норовѣ съ книгами, съ цѣлью знакомить Государя съ нашими лучшими литературными и учеными произведеніями.

— 17. Суббота. Сегодня совершилось двадцатипяти-лѣтіе моей профессорской дѣятельности. Итакъ, я уже эмеритъ! Совѣтъ университета, въ слѣдующее засѣданіе, разсудитъ: оставаться ли мнѣ еще на пять лѣтъ профессоромъ. Какъ скоро прошли эти двадцать пять лѣтъ! Пошлое восклицаніе! Его повторяютъ всѣ милліонъ разъ. О, жизнь! Чтò ты, и какое твое назначеніе?...

У меня былъ одинъ изъ моихъ четверговыхъ слушателей. Онъ выражалъ мнѣ свое удовольствіе и пересказалъ мнѣ все содержаніе лекціи. Значитъ, я что нибудь сказалъ, что не потерялось

въ воздухѣ. Можетъ быть и такъ, но я самъ недоволенъ, недоволенъ, тысячу, милліонъ разъ недоволенъ!

„Парусъ“ не запрещенъ, а только велѣно его слѣдующій, то есть третій, нумеръ прислать въ Петербургъ на предварительное разсмотрѣніе.

Между студентами ходитъ листъ съ именами тѣхъ профессоровъ, которыхъ они хотятъ выжить изъ университета.

— 18. Воскресенье. Оттепель продолжается. Снѣга въ городѣ почти нѣтъ.

— 22. Четвергъ. Моя вторая публичная лекція въ университетѣ. Я ею нѣсколько довольнѣе, чѣмъ первою.

— 23. Пятница. Нынче у насъ расплодилась масса періодическихъ изданій. Пересматривать всѣ становится просто непосильнымъ, да, правду сказать, и безполезнымъ трудомъ. Всѣ эти новыя изданія не даютъ ничего новаго. Умственными кормильцами общества по прежнему остаются: „Русскій Вѣстникъ“, „Отечественныя Записки“, „Современникъ“, „Библіотека для Чтенія“, а изъ газетъ—„С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Дневникъ“ еще не опредѣлился. Если онъ пойдетъ путемъ, какимъ идетъ теперь, то есть путемъ сухихъ статистическихъ цифръ и данныхъ, съ перечнемъ извѣстій о пожарахъ и убійствахъ въ губерніяхъ, то изъ него, пожалуй, выйдетъ своего рода полезная спеціальная газета, но сухая, скучная и неспособная дѣйствовать на умы.

Говорятъ, *** изо всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобы издатель „Паруса“, И. С. Аксаковъ, былъ спроваженъ въ Вятку. Мысль отличная, самая современная, патріотическая и полезная правительству, напоминающая людямъ довѣрчивымъ, утопистамъ и оптимистамъ, что мы еще не такъ далеко ушли отъ временъ Николая Павловича, какъ они думаютъ. Впрочемъ, я не полагаю, чтобы Государь на это согласился. Это была-бы большая ошибка.

— 26. Понедѣльникъ. Публичныя лекціи М. М. Стасюлевича. Онъ читалъ о провинціальномъ бытѣ Франціи при Людовикѣ XIV. Зала была биткомъ набита слушателями. Первая лекція его, говорятъ—я на ней не присутствовалъ,—изобиловала прозрачными намеками на современное положеніе вещей у насъ, и это разлакомило публику.

Аксакова не сослали въ Вятку, но запретили его журналъ.

Мнѣ передавалъ Краевскій любопытный разговоръ Аксакова съ ***. Между прочимъ, Аксаковъ сказалъ:

— Вы боитесь, ваше превосходительство, революціи. Вы правы. Намъ дѣйствительно угрожаетъ революція, потому что есть заговорщики.

— Какъ, спросилъ съ ужасомъ ***,—гдѣ они?

— Въ третьемъ отдѣленіи. Третье отдѣленіе своимъ преслѣдованіемъ мысли, своимъ гнетомъ готовитъ революцію, ссоря мыслящій классъ съ нашимъ добрѣйшимъ Государемъ.

— 29. Четвергъ. Моя третья и послѣдняя публичная лекція сегодня имѣла большой успѣхъ, и я самъ доволенъ ею. Получилъ много благодарностей и рукопожатій.

Горлову не позволено читать лекцій изъ политической экономіи. Это успѣхъ гласности! Мы, кажется, не шутя вызываемъ тѣнь . . . . Но теперь это можетъ быть и опасно. Правительство нехорошо дѣлаетъ, что, принимая начало, не допускаетъ послѣдствій.

Назначенный въ Москву попечителемъ, Н. В. Исаковъ, объяснялся съ Государемъ, желая узнать, какому направленію онъ долженъ слѣдовать, особенно въ цензурѣ.

— Я убѣжденъ, сказалъ Исаковъ,—что гласность необходима.

— И я тоже, отвѣчалъ Государь,—только у насъ дурное направленіе.

Въ чемъ оно состоитъ, однако, ни тотъ, ни другой не могли сказать. Такъ дѣло и остается нерѣшеннымъ, и не въ этомъ одномъ отношеніи.

Вчера я подалъ предсѣдателю Театральной комиссіи Жихареву письмо, съ просьбою исходатайствовать мнѣ у министра императорскаго двора увольненіе отъ должности члена въ этой комиссіи. Жихаревъ просилъ меня, вмѣсто офиціальной бумаги, написать дружескую записку, чтобы онъ могъ предварительно переговорить съ министромъ.

Меня не забываютъ старые пріятели: Краевскій, Панаевъ и Катковъ прислали мнѣ билеты на свои журналы.

Нельзя сказать, чтобы человѣческая природа не была способна къ добру. Но между способностью что-либо дѣлать и самимъ дѣломъ—разстояніе огромное. Свойство добра таково, что оно неизбѣжно соединено съ трудомъ и пожертвованіями. Не-

достаточно стремиться къ нему, а надо еще ради него дѣйствовать, преодолѣвать препятствія. Вотъ этого-то бòльшею частью и недостаетъ людямъ. Потому-то главная задача воспитанія не столько въ томъ, чтобы возбуждать добрыя намѣренія, сколько въ томъ, чтобы развивать и укрѣплять силу, нужную для ихъ осуществленія.

— 30. Пятница. Чтобы твердо стоять на почвѣ общественной дѣятельности, надо питать увѣренность, что мы нужны обществу. Пріобрѣсти эту увѣренность на основаніи довѣрія къ своимъ заслугамъ и способностямъ—по крайней мѣрѣ для меня—невозможно. Надо имѣть на то какія-нибудь ручательства со стороны самого общества, надо, чтобы послѣднее признало въ васъ и то, и другое. А чтобы получить это ручательство и это признаніе, надо служить обществу не такъ, какъ ты хочешь, а какъ хочетъ оно. Правда, ты можешь навязать ему свои виды, заставить его принять твои идеи, но для этого надо быть или геніемъ, или шарлатаномъ.

Всю систему моей жизни я основалъ на нравственныхъ принципахъ, на идеяхъ высшаго человѣческаго достоинства и совершенства. Мнѣ хотѣлось дѣйствовать на людей этими силами, которымъ я старался придать и внѣшнюю привлекательность, заимствуя ее опять-таки отъ одного изъ нравственныхъ началъ—отъ изящнаго, Поступки мои соразмѣрялись не съ требованіемъ лицъ и обстоятельствъ, а съ личнымъ моимъ одушевленіемъ. Выходило, что я иногда обращалъ на себя вниманіе, но такъ какъ во мнѣ мало было соотвѣтствія съ тѣмъ, что составляло насущную нужду или къ чему клонились страсти и намѣренія людей моей среды, то меня скоро забывали. Мною, при случаѣ, пользовались, но, по минованіи нужды, бросали. Я не хотѣлъ, или не умѣлъ дѣлать уступокъ, но это не изъ гордости или непониманія вещей, а въ силу принциповъ и наклонностей, выработавшихся во мнѣ съ дѣтства. Однимъ словомъ, я всегда былъ, есть и, кажется, навсегда останусь тѣмъ, что называется доктринеромъ...

Въ концѣ концовъ, однако, стоитъ-ли сама жизнь того, что человѣкъ о ней передумаетъ или для нея предприметъ? Вѣдь это только наши страсти, наши пристрастія и привычки заставляютъ насъ такъ много цѣнить и уважать то, что не заслужи-

ваетъ, въ сущности, ни цѣны, ни уваженія. Надо-же быть мужемъ и справляться со всѣмъ этимъ, какъ подобаетъ мужу.

Февраль.—1. Воскресенье. Отношенія мои къ П. давно уже, какъ говорится на дипломатическомъ языкѣ, натянутыя. Въ теченіи двадцатипяти-лѣтнихъ увѣреній въ дружбѣ онъ не разъ подставлялъ мнѣ ногу, и теперь, по пріѣздѣ моемъ изъ заграницы, опять хотѣлъ исподтишка устроить мнѣ новую непріятность. Я успѣлъ это замѣтить, сталъ въ оборонительное положеніе, и дружескія отношенія замѣнилъ приличными. Такъ и до сего дня. Но мнѣ претитъ такимъ образомъ встрѣчаться часто съ человѣкомъ, съ которымъ нѣкогда мы всетаки дѣлились насущнымъ духовнымъ хлѣбомъ, хотя, правду сказать, я рѣдко получалъ отъ него хлѣбъ чистый и вполнѣ доброкачественный. У меня давно мелькала мысль объясниться съ нимъ откровенно, дать ему возможность оправдаться, съ тѣмъ, чтобы съ моей стороны совершенно забыть его кошачьи покушенія. Сегодня, поутру, я окончательно на это рѣшился и поѣхалъ къ нему. Дома нѣтъ—у обѣдни. Досадно. На возвратномъ пути я заѣхалъ къ Звегинцеву, гдѣ случайно узналъ нѣчто, что совсѣмъ охладило мой сентиментальный порывъ и еще разъ доказало мнѣ, что я имѣю дѣло съ сухимъ, холоднымъ эгоистомъ, испорченнымъ долгимъ треніемъ о всякія житейскія мерзости, съ лицемѣромъ, который внутренно осмѣетъ твой порывъ и, при случаѣ, всетаки опять тебя обманетъ, расточая сладкія рѣчи, а на дѣлѣ вредя тебѣ. Я не поѣхалъ вторично къ П.

— 4. Среда. Я избранъ вчера совѣтомъ университетскимъ въ профессоры, заслуженные, еще на пять лѣтъ. Получилъ тринадцать утвердительныхъ шаровъ противъ десяти отрицательныхъ. Видно сильно поработалъ П., чтобы на меня упало столько черныхъ шаровъ. Странное дѣло! Откуда взялось у меня въ университетѣ десять враговъ? Правду сказать, я этого не ожидалъ. И вѣдь ни одного изъ нихъ нѣтъ, рѣшительно ни одного, который не расточалъ-бы мнѣ всевозможныхъ любезностей, и ни одного, съ которымъ-бы я не былъ, по крайней мѣрѣ, въ хорошихъ товарищескихъ отношеніяхъ.

Въ одно время со мною баллотированъ и Устряловъ—и не выбранъ. Но бѣдный Устряловъ, послѣ бывшаго съ нимъ удара, въ полномъ упадкѣ силъ.

— 6. Пятница. Обѣдалъ у нашего министра Ковалевскаго. Послѣ обѣда онъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ, что комитетъ наблюденія надъ печатью (А., М. и ***) желаетъ со мною посовѣтоваться насчетъ своего устройства и дѣлъ. Евграфъ Петровичъ не далъ вымолвить мнѣ слова въ отвѣтъ, и, взявъ меня за руку, прибавилъ:

— Пожалуйста, пожалуйста, не отказывайтесь.

Я отвѣчалъ, что трудно что-нибудь совѣтовать тамъ, гдѣ цѣль самаго учрежденія не опредѣлена, или гдѣ она вращается въ безграничномъ кругу.

— Но вы всетаки не отказывайтесь, явитесь къ нимъ, сказалъ министръ,—и прочтите имъ лекцію. Вы найдете между ними одного человѣка, понимающаго вещи: это графъ А.

То-же подтвердилъ послѣ и Тютчевъ.

Въ заключеніе я сказалъ, что пусть они назначатъ время, и я къ нимъ явлюсь.

Говорилъ со мною еще и товарищъ нашего министра, намекая на что то, что я услышу отъ нашего министра.

М. пользуется милостью двора, но въ публикѣ онъ извѣстенъ какъ человѣкъ пустой. Нынче я говорилъ съ нимъ въ первый разъ и, проговоривъ съ четверть часа, подумалъ, что общественное мнѣніе врядъ-ли ошибается на его счетъ. Онъ говорилъ избитыя общія мѣста, но съ видомъ высокаго уваженія къ себѣ и къ своимъ словамъ.

Между тѣмъ комитетъ, какъ я и опасался, грозитъ превратиться въ новый „негласный“, а судя по людямъ, изъ которыхъ онъ состоитъ, изъ него выйдетъ гласная и чудовищная нелѣпость. И вотъ чѣмъ и какъ думаютъ они направлять умы.

— 7. Суббота. Вечеръ у П. К. Щебальскаго. Онъ живетъ ужасно далеко, на дачѣ за Нарвскою заставою. Мы отправились туда съ Дубровскимъ. Ихъ живетъ тамъ цѣлая колонія—три родныя сестры жены Щебальскаго со своими семействами. Всѣ очень милые люди. Тамъ былъ, между прочимъ, П. И. Мельниковъ, редакторъ „Дневника“, человѣкъ умный и очень лукавый, какъ кажется. Онъ принадлежитъ къ типу русскихъ умныхъ людей-кулаковъ.

Комитетъ вступилъ, наконецъ, гласно въ свои негласныя права. Онъ отнесся къ министру съ требованіемъ объявить кому

слѣдуетъ, чтобы цензора и литераторы являлись къ нему по его призыву для объясненій и вразумленій. М. дано, между прочимъ, право задерживать до его разрѣшенія, выдачу билета на выпускъ книги или журнала изъ типографіи. Да это хуже бутурлинскаго негласнаго комитета! Даже Императоръ Николай Павловичъ не посягалъ на это. Вотъ они забрались въ какое болото! Что-же я съ ними буду говорить, когда они меня позовутъ? Тутъ невозможно никакое разумное внушеніе.

Какая жалость, что дѣла такъ идутъ. Они разрушаютъ возможность сближенія того, кто мыслитъ въ Россіи, съ правительствомъ, и какъ мы ни привыкли къ дурному управленію (1859 г.), какъ ни мало у насъ средствъ......, но тутъ неизбѣжно зло и зло великое. Съ одной стороны быстрое послѣдовательное погруженіе въ хаосъ всяческихъ административныхъ безпорядковъ и неурядицы, съ другой—разливъ мнѣній, ужъ совершенно противоположныхъ всякому ретроградному движенію—мнѣній опасныхъ, когда они сдѣлаются нормальнымъ состояніемъ умовъ, опаснымъ всегда, даже и у насъ. А наверху плачевная неспособность дать какое нибудь стройное и разумное направленіе вещамъ,—вѣдь это дурно, изъ рукъ вонъ дурно!

— 8. Воскресенье. Студентскій обѣдъ. Собралось человѣкъ шестьдесятъ, въ домѣ одного изъ бывшихъ студентовъ Тимоѳеева. Все происходило шумно, весело, но пристойно. Сахаровъ произнесъ рѣчь. Послѣ былъ провозглашенъ тостъ въ честь университета, потомъ тостъ за меня. Я, въ отвѣтъ, предложилъ тостъ въ честь Тургенева и притомъ сказалъ:—„Господа! судьба раскидала насъ по разнымъ поприщамъ дѣятельности, но каждый изъ насъ, гдѣ бы онъ ни былъ и какимъ бы путемъ ни шелъ, носитъ въ сердцѣ своемъ глубокую любовь къ русской мысли и къ русскому слову—слѣдовательно и къ литературѣ. Выпьемъ-же въ честь одного изъ лучшихъ строителей этой литературы—въ честь Ивана Сергѣевича Тургенева, который, въ своихъ произведеніяхъ, такъ вѣренъ художественной красотѣ и національному духу, что не знаешь, что онъ больше любитъ—искусство или Россію. По моему, онъ любитъ ихъ равно“. Потомъ, въ теченіе обѣда еще разъ пили за мое здоровье и даже за здоровье моей жены. Потомъ пѣли и разъѣхались въ десять часовъ.

— 9. Понедѣльникъ. Обѣдъ у Тургенева по случаю проекта

о „Фондѣ“ или „Обществѣ для пособія бѣднымъ литераторамъ и ихъ семействамъ“. Какъ обыкновенно, всѣ наши проекты общественные должны быть спрыснуты шампанскимъ. Я мало вѣрю въ русскія ассоціаціи, однако-же я писалъ и проектъ устава общества пособія, къ которому первую мысль подалъ Дружининъ, заимствовавъ ее въ англійскихъ журналахъ, такъ какъ онъ занимается англійскою литературою. Всѣ мы сегодня подписали нашъ проектъ и просьбу на имя министра народнаго просвѣщенія. Егоръ Петровичъ Ковалевскій, братъ министра, взялся представить ихъ ему.

— 13. Пятница. Сейчасъ получилъ приглашеніе на похороны Маріи Антоновны Корсини или Быстроглазовой. Это одна изъ моихъ бывшихъ учениць, съ которой у насъ до послѣдней минуты сохранились самыя теплыя дружескія отношенія. Она была тогда, да и теперь еще рѣдкой красоты. А какой возвышенный умъ, какое прекрасное сердце! И всего лѣтъ тридцать семь или восемь она жила. И этого ничего нѣтъ уже! Мелькнула какъ падучая звѣзда — и погасла! Бѣдная Марія Антоновна! Какъ все это жалко, ничтожно—красота, умъ, высшія качества сердца!

Смертный! силѣ насъ гнетущей
Покоряйся и терпи.

Въ этомъ вся наука жизни.

— 14. Суббота. Похороны Маріи Антоновны Корсини. Она еще не начала разлагаться. Лицо ея приняло величественное, строгое выраженіе. Я былъ у обѣдни и на панихидѣ и проводилъ ее до могилы. Ее похоронили на Волковомъ кладбищѣ, направо, между малою и большою новыми церквами. Послѣ я зашелъ поклониться праху моихъ дѣтей...

Непонятно, какъ можно предаваться пошлымъ житейскимъ сплетнямъ послѣ того, какъ встрѣтишься со смертью и побесѣдуешь съ могилами!

Двѣ живыя развалины подошли ко мнѣ на похоронахъ: Леонтій Васильевичъ Дуббельтъ, столь нѣкогда страшный—впрочемъ, страшный только своимъ мѣстомъ, а не сердцемъ и характеромъ,—и Николай Ивановичъ Гречъ, тоже нѣкогда знаменитый. Обмѣнявшись общими мѣстами, мы разстались.

— 15. Воскресенье. Ростовцевъ написалъ мнѣ великолѣп-

ную благодарность за разсмотрѣніе руководства географіи, составленнаго Шульгинымъ для военно-учебныхъ заведеній. Совершенно не за что: работала вся комиссія, гдѣ я былъ предсѣдателемъ. А сдѣлай настоящее полезное дѣло, сдѣлай его собственнымъ бодрымъ и разумнымъ трудомъ—никто не скажетъ спасибо.

— 17. Вторникъ. Получилъ оффиціальную бумагу, что „Государь Императоръ, въ уваженіе причинъ, изложенныхъ мною въ письмѣ къ Жихареву, изъявилъ высочайшее соизволеніе свое на увольненіе меня отъ званія члена комитета для преобразованія театровъ". Итакъ, мало по малу, я отсѣкаю у моего оффиціальнаго древа вѣтви, отъ которыхъ никому ни тѣни, ни цвѣта, ни плода не было и нѣтъ, а которыя, однако, поглощаютъ много соковъ изъ самаго корня моей жизни. При другихъ обстоятельствахъ совѣсть не допустила-бы меня отказаться отъ общественной обязанности, но, въ данномъ случаѣ, право, никто не думаетъ объ искусствѣ. Тутъ будутъ только слова, проекты, цифры, а тамъ дѣло отложится, и умретъ въ канцеляріи. Да и нужно мнѣ, наконецъ, побольше сосредоточиться. Много истрачено времени и силъ на эпизоды.

— 18. Среда. Занимаюсь давно задуманнымъ трудомъ объ изученіи философіи и необходимости преподаванія ея въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— 19. Четвергъ. Хорошему еще можно довѣрять, не довѣряй ничему очень хорошему—ни очень хорошему здоровью, ни очень хорошему обращенію людей, ни очень хорошимъ обстоятельствамъ. Тутъ непремѣнно скрывается или коварство природы, или коварство людей, или коварство судьбы. Это для того, чтобы напасть на тебя врасплохъ.

— 20. Пятница. Меня призывалъ министръ народнаго просвѣщенія для объясненій. Явился къ нему въ часъ.

— Дѣло объ опредѣленіи васъ въ комитетъ печати, сказалъ мнѣ министръ, приняло серьезный и щекотливый оборотъ. На это изъявилъ свое желаніе Государь, и теперь я вамъ это передаю именно какъ его желаніе, о которомъ мнѣ сообщилъ гр. А.

— Да, отвѣчалъ я,—это дѣйствительно ставитъ меня въ большое затрудненіе. Я готовъ на всякій трудъ, который давалъ-бы хоть тѣнь надежды на пользу дѣлу, столь дорогому для

меня, какъ наука и литература. Но у этого комитета нѣтъ почвы, если онъ, какъ говорятъ его члены, созданъ для нравственнаго наблюденія надъ литературою, и тутъ не на чемъ стоять. Если-же онъ долженъ превратиться въ негласный комитетъ, то почва его грязная, и я не хочу на ней выпачкаться.

Мы долго еще объ этомъ толковали, и, наконецъ, я обѣщался Евграфу Петровичу попытаться, нельзя-ли дать всему этому дѣлу, по возможности, благопріятный оборотъ.

Пока мы разсуждали, пріѣхалъ М. Тутъ у меня завязался съ нимъ отдѣльный разговоръ.

М. старался доказать, что комитетъ не имѣетъ никакихъ ретроградныхъ намѣреній; что въ немъ ничего нѣтъ похожаго на комитетъ 2-го апрѣля; что Государь слишкомъ далекъ отъ подобнаго учрежденія.

— Меня лично, ваше превосходительство, отвѣчалъ я,—не смущаетъ мысль о комитетѣ 2-го апрѣля: я считаю его невозможнымъ. Даже думать объ его возможности я считалъ бы противнымъ духу нашего времени и оскорбительнымъ для духа нашего просвѣщеннаго Государя. Но не могу скрыть отъ васъ, что общественное мнѣніе сильно предубѣждено противъ этого новаго комитета.

— 26. Четвергъ. Всѣ эти дни я былъ занятъ размышленіями и переговорами о моемъ предполагаемомъ участіи въ комитетѣ. Въ понедѣльникъ, 23-го, я былъ приглашенъ въ него. Тутъ увидѣлъ я лицомъ къ лицу графа А., *** и М.

Принятъ я былъ крайне вѣжливо, особенно графомъ А. Я рѣшился открыто высказать имъ какъ мои убѣжденія, такъ и взглядъ мой на комитетъ, дабы они сами могли рѣшить, могу-ли я участвовать въ дѣлахъ ихъ. Они слушали меня съ глубокимъ вниманіемъ.

Я говорилъ имъ, какое невыгодное мнѣніе составила себѣ публика о комитетѣ; что она считаетъ его комитетомъ 2-го апрѣля; что я, съ своей стороны, полагаю этотъ послѣдній совершенно невозможнымъ въ настоящее время и думаю, что ихъ комитетъ не можетъ быть гасительнаго и ретроградваго свойства; что его единственно возможное назначеніе—быть посредникомъ между литературою и Государемъ и дѣйствовать на общественное мнѣніе, проводя въ него, путемъ печати, виды и намѣренія

правительства, подобно тому, какъ дѣйствуетъ литература, проводя въ него свои идеи.

Они торжественно подтвердили мой взглядъ.

Я изложилъ имъ также мои политическія вѣрованія. Я полагаю необходимымъ для Россіи всякія улучшенія, считая главными началами въ нихъ: гласность, законность и развитіе способовъ народнаго воспитанія и образованія, другими словами, или говоря модными словами, я вѣрую въ необходимость прогресса. Но есть два рода прогресса: одинъ можно назвать прогрессомъ сломя голову, который часто проскакиваетъ мимо цѣли, и другой—умѣренно, постепенно, но вѣрными шагами идущій къ цѣли. Я поборникъ послѣдняго—и неуклонный.

Все это они приняли очень хорошо. Затѣмъ я сказалъ, что если бы мнѣ пришлось участвовать въ комитетѣ, то не иначе, какъ съ правомъ голоса.

Это ихъ смутило. М. замѣтилъ, что такъ какъ Государь уже утвердилъ положеніе комитета и составъ его, то трудно внести въ него новое начало.

На это я возразилъ, что другой характеръ, характеръ дѣлопроизводителя бюрократическаго, для меня невозможенъ, ни по положенію моему, ни по убѣжденію.

Положено было, чтобы я составилъ записку въ духѣ того, что говорилъ, и въ четвергъ принесъ бы ее съ собою. Тѣмъ засѣданіе было кончено.

Сегодня, въ четвергъ, я прочиталъ имъ мою записку, гдѣ тѣ же идеи изложены подробнѣе. Распространившись, что литература вообще не питаетъ никакихъ революціонныхъ замысловъ, я стоялъ на томъ, что подавлять ее нѣтъ ни малѣйшихъ причинъ; что для нея вполнѣ достаточно обыкновенныхъ цензурныхъ мѣръ; что стѣснять литературу посредствомъ правительственныхъ мѣропріятій невозможно и не должно, и что комитету слѣдуетъ развѣ только, по волѣ Государя, наблюдать за движеніемъ умовъ и направлять къ общему благу не литературу, а общественное мнѣніе.

Я забылъ сказать, что въ понедѣльникъ еще, послѣ моихъ объясненій въ комитетѣ, я поѣхалъ къ министру и сообщилъ ему, что требую права голоса въ комитетѣ. Онъ совершенно это одобрилъ, и убѣждалъ меня принять на этомъ условіи мѣсто

директора-правителя дѣлъ, такъ какъ съ этимъ правомъ я несомнѣнно буду въ состояніи дѣлать добро.

Онъ сказалъ мнѣ тоже, что въ воскресенье, на балѣ, говорилъ съ Государемъ обо мнѣ и указывалъ на меня, какъ на лицо, которое, по его мнѣнію, болѣе чѣмъ кто-либо можетъ дѣйствовать съ пользою въ комитетѣ. Государь обратился къ А. и сказалъ:

— „Слышишь, Александръ?" Министръ и прежде, при самомъ образованіи комитета, предлагалъ меня въ члены, вмѣстѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ, Ѳ. И. Тютчевымъ, П. А. Плетневымъ и Егоромъ Петровичемъ Ковалевскимъ, братомъ своимъ.

Записка моя, послѣ всего, была принята, и завтра пойдетъ докладъ къ Государю. Жребій брошенъ. Я на новомъ поприщѣ общественной дѣятельности. Трудности тутъ будутъ—и трудности значительныя. Но не хорошо, не честно было бы, избѣгая ихъ, отказываться дѣйствовать. Много будетъ толковъ. Возможно, что многіе станутъ меня упрекать за то, что я рѣшился съ моимъ чистымъ именемъ засѣдать въ трибуналѣ, который признается гасительнымъ, но въ томъ-то и дѣло, господа, что я хочу парализовать его гасительныя вожделѣнія. Будетъ возможность дѣйствовать благородно—буду, нельзя—пойду прочь.

Во всякомъ случаѣ, я твердо намѣренъ до послѣдней крайности противиться мѣрамъ стѣснительнымъ. Но въ то же время я убѣжденъ, что и литература, въ данную минуту, не можетъ, не должна расторгнуть всякую связь съ правительствомъ и стать открыто во враждебное ему положеніе. Если я правъ, то необходимо, чтобы кто-нибудь изъ насъ явился представителемъ этой связи и взялъ на себя роль, такъ сказать, связующаго звена. Попробую быть этимъ звеномъ.

Можетъ быть, мнѣ удастся растолковать комитету, что на дѣла подобнаго рода надо смотрѣть широкимъ государственнымъ глазомъ; что комитету не слѣдуетъ враждовать ни съ мыслью, ни съ литературою, ни съ чѣмъ: онъ не партія, а общественный дѣятель; что не слѣдуетъ раздражать умы; что на немъ, комитетѣ, большая отвѣтственность передъ Россіею, Государемъ и потомствомъ, и что въ силу этой отвѣтственности онъ не долженъ останавливаться на мелкихъ литературныхъ дрязгахъ, а смотрѣть дальше и видѣть въ литературѣ общественную силу, которая можетъ сдѣлать много добра обществу. Если же съ этимъ

добромъ соединяются также и неизбѣжные спутники всѣхъ человѣческихъ дѣяній—ошибки, заблужденія, увлеченія, то ихъ ослаблять слѣдуетъ не гнетомъ на самое добро, а разумнымъ вліяніемъ на общественное мнѣніе. Можетъ быть удастся. Нѣтъ—такъ не я первый, не я послѣдній изъ обманувшихся въ чистыхъ намѣреніяхъ. Долгъ мой будетъ исполненъ. Да, я приму на себя эту новую обязанность, если мнѣ будетъ предоставлено право голоса.

Тютчевъ, Гончаровъ, Любощинскій сильно одобряютъ мое рѣшеніе.

Да и комитетъ, кажется, понялъ чистоту моихъ намѣреній. Въ немъ ни слова не было сказано ни о какихъ-либо выгодахъ, ни отличіяхъ. А что касается жалованья—я удовлетворюсь первою цифрою, какая будетъ названа. Что же касается моихъ другихъ занятій, ихъ, само собою разумѣется, придется нѣсколько посократить.

— 27. Пятница. Правда-ли это? Говорятъ, что редакторъ польской газеты, Огрызко, посаженъ въ крѣпость. Что газета его запрещена, это справедливо. Но что самого редактора запретили, это мнѣ только сегодня сообщилъ одинъ изъ моихъ пятничныхъ посѣтителей. Виновникомъ этого называютъ кн. М. Д. Горчакова, намѣстника Царства Польскаго, который теперь здѣсь. Онъ напалъ на редактора за напечатанное въ его газетѣ письмо Лелевеля—письмо само по себѣ можетъ быть и невинное, но преступное потому, что оно доказываетъ связь редактора съ государственнымъ преступникомъ. Чего нельзя представить въ ужасномъ видѣ? Во всякомъ случаѣ, это весьма печальное событіе. Это первая жесткая мѣра по отношенію къ печати въ нынѣшнее царствованіе.

Главный недостатокъ царствованія Николая Павловича тотъ, что все оно было—ошибка. Возставая цѣлыя двадцать девять лѣтъ противъ мысли, онъ не погасилъ ее, а сдѣлалъ оппозиціонною правительству.

Объ Огрызкѣ и польской газетѣ „Слово“ все справедливо.

Мартъ.—1. Воскресенье. Получилъ бумагу съ высочайшимъ утвержденіемъ меня директоромъ дѣлопроизводства Комитета по дѣламъ печати. Благослови Боже дѣйствовать на пользу мысли и литературы въ духѣ соглашенія и примиренія.

Поутру былъ у министра и сообщилъ ему содержаніе моей записки, читанной въ четвергъ въ Комитетѣ. Онъ былъ очень доволенъ и говорилъ, что теперь онъ спокоенъ, такъ какъ видитъ во мнѣ опору и защитника литературы. Мы долго съ нимъ говорили въ этомъ духѣ. Честный, благородный человѣкъ!

— 2. Понедѣльникъ. Поутру былъ у Д*. Онъ разсказалъ мнѣ процедуру запрещенія „Слова" и заключеніе Огрызко въ крѣпость. Эта кара постигла послѣдняго за его сношеніе съ государственнымъ преступникомъ. Д* сильно ходатайствовалъ за него у князя В. А. Долгорукова, считая себя единственнымъ виновникомъ появленія статьи въ печати.

Заѣзжалъ къ ректору Римско-Католической академіи Якубильскому заявить, что мнѣ, можетъ быть, придется оставить ее. Онъ очень огорчился и настаивалъ, чтобы я какъ-нибудь остался. Въ самомъ дѣлѣ, пятнадцать лѣтъ служилъ я въ этой академіи, и всѣ въ ней, отъ швейцара до главнаго начальника, оказывали мнѣ неизмѣнное расположеніе. Мнѣ самому грустно разстаться съ нею.

Въ три часа отправился къ М., гдѣ было назначено засѣданіе Комитета. Меня привѣтствовали уже какъ сочлена. Государь прочелъ всю мою записку и, говорятъ, остался чрезвычайно доволенъ ею. Это уже очень хорошо, ибо тамъ много сказано въ защиту литературы. Графъ А., между прочимъ, объявилъ мнѣ, что я долженъ буду представиться Государю.

— 4. Среда. До меня доходятъ слухи, что назначеніе меня въ Комитетъ вообще встрѣчено съ радостью въ литературномъ кругу. Нѣкоторые изъ крайнихъ полагаютъ, однако, что поступленіемъ моимъ въ Комитетъ я утвердилъ его существованіе; что если-бы я отказался отъ него, то, увидѣвъ невозможность привлечь къ себѣ какую-либо изъ благородныхъ силъ литературы, онъ принужденъ былъ-бы закрыться, какъ дѣло вполнѣ неудавшееся и невозможное. Ну, а если-бы этого не случилось? Не принялъ-ли бы тогда Комитетъ характера вполнѣ подавляющаго? Врядъ-ли бы онъ могъ такъ добродушно посягнуть на самоубійство. Не увидѣлъ-ли бы онъ, напротивъ, въ такомъ рѣшительномъ отчужденіи литературы отъ правительства новаго повода пугать ею послѣднее, и не счелъ-ли бы своею обязанностью дѣйствовать противъ нея всячески, какъ противъ явнаго

врага. Правительство, пожалуй, опять стало-бы прибѣгать къ сильнымъ мѣрамъ, и запрещенія посыпались-бы то на тотъ, то на этотъ журналъ. Что тогда? Не лучше-ли попытаться достигнуть желаемаго путемъ мирныхъ соглашеній. Если я имѣлъ мужество принять на себя трудную роль посредника между литературою и правительствомъ, то это съ цѣлью отстаивать интересы первой, если они будутъ подвергаться опасности...

Литературѣ можетъ угрожать еще одинъ сильный врагъ, противъ котораго ей нуженъ союзъ съ правительствомъ—это ретроградныя, ультра-консервативныя и обскурантскія покушенія д....хъ в.... (1859 г.).

— 7. Суббота. Читалъ записку мою Д*. Онъ выслушалъ съ большимъ одобреніемъ.

Огрызко сдѣлался предметомъ всеобщихъ толковъ. Заключеніе его въ крѣпость и запрещеніе журнала вызвали въ публикѣ самое тяжелое впечатлѣніе. Говорятъ, Государь согласился на эту мѣру только потому, что Горчаковъ (варшавскій) объявилъ, что не поѣдетъ обратно въ Варшаву, если Огрызко не будетъ посаженъ въ крѣпость.

Въ совѣтѣ министровъ за Огрызко сильно стояли: Ковалевскій, Ростовцевъ и князь В. А. Долгорукій.

— 9. Понедѣльникъ. Мнѣ крайне тяжело отъ всѣхъ этихъ толковъ. Но все надо превозмочь: и совѣты доброжелателей, и козни враговъ, и трудности предстоящаго дѣла. Да, многіе краснорѣчиво говорятъ: вотъ то-то и то-то надо сдѣлать для литературы. Я не хочу говорить, но хочу дѣлать. Проповѣдывать вообще легче, но дѣлать—немного труднѣе. Не я основалъ Комитетъ. Но сознавъ гнетъ, какимъ онъ долженъ лечь на литературу, я взялся поворотить его оглобли въ сторону общественнаго мнѣнія и поставить его лицомъ къ лицу съ нимъ на почвѣ гласности.

Это—попытка быть примирителемъ между мыслью и правительствомъ. Мнѣ, можетъ, не удастся. Но не сдѣлать попытки было-бы трусостью, больше того—было-бы измѣною лучшимъ надеждамъ общества.

Не корыстолюбіе и не тщеславіе руководятъ мною. Я опираюсь на мои человѣческія идеи и на силу воли.

Да и надеждамъ моимъ данъ довольно сильный толчекъ. Въ

то время какъ на литературу сыпятся обвиненія въ революціонныхъ замыслахъ, когда противъ нея раздаются вопли Паниныхъ, Чевкиныхъ и такъ далѣе, я уже успѣлъ склонить Комитетъ къ признанію, что это ложь, и заставилъ его передать это Государю.

Я представляюсь Государю, но послѣ чего? Послѣ того, какъ онъ прочелъ мою аппологію литературы, гласности и мысли; послѣ того, какъ я высказалъ мнѣніе, что Комитетъ можетъ дѣйствовать развѣ только путемъ той-же гласности, и не на литературу, а на общественное мнѣніе.

— 10. Вторникъ. Обѣдъ у Дюссо, данный литераторами въ честь актера Мартынова. Собралось человѣкъ сорокъ. Мартынову поднесли письмо, подписанное всѣми присутствовавшими, и портреты ихъ въ прекрасно переплетенномъ альбомѣ. Письмо прочиталъ за обѣдомъ Дружининъ, во время тоста. Потомъ Некрасовъ прочелъ стихи въ честь Мартынова. Обѣдъ былъ веселъ и оживленъ, но безъ криковъ, возгласовъ и всякихъ излишествъ, какими обыкновенно отличаются наши тріумфальные обѣды. Все было искренно, просто и потому хорошо. Да, я забылъ еще, что А. Н. Островскій произнесъ довольно длинную рѣчь отъ имени драматическихъ писателей. Я за обѣдомъ сидѣлъ между Шевченко и Языковымъ.

Всѣ литераторы приняли меня радушно, по-братски. Многіе выражали удовольствіе по случаю моего новаго назначенія. Это было мнѣ пріятно, какъ свидѣтельство, что они понимаютъ мои намѣренія и отдаютъ имъ справедливость. Послѣ обѣда я поѣхалъ на представленіе въ театральную школу.

Въ понедѣльникъ я былъ на вечерѣ у графа Блудова, гдѣ многіе тоже выражали мнѣ свое сочувствіе и одобряли планъ объ изданіи правительственнаго журнала.

Да, да и да, я примирю Комитетъ съ литературою и съ общественнымъ мнѣніемъ.

— 11. Среда. Замѣчательный день: я представлялся Государю. Я пріѣхалъ во дворецъ въ половинѣ перваго часа. Въ пріемной залѣ, обращенной къ адмиралтейству, находилось нѣсколько генераловъ и флигель-адъютантовъ. Въ сторонѣ, генералъ-губернаторъ П. Н. Игнатьевъ разговаривалъ съ графомъ Блудовымъ. Я объявилъ дежурному флигель-адъютанту, зачѣмъ пріѣхалъ.

Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ ко мнѣ Игнатьевъ и осыпалъ меня любезностями. Немного спустя, изъ кабинета Государя вышелъ министръ народнаго просвѣщенія. Увидѣвъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ.

— А мы только-что говорили о васъ съ Государемъ, сказалъ онъ,—я бранилъ васъ.

— Знаю, ваше превосходительство, отвѣчалъ я,—что ваша брань не во вредъ мнѣ.

За Ковалевскимъ пошелъ въ кабинетъ Государя графъ Блудовъ. Прошло съ часъ времени. Явился графъ А., поговорилъ немного и куда-то ушелъ.

Въ ожиданіи, отъ нечего дѣлать, я расхаживалъ по залѣ, поглядывая то въ окна, то на стѣны, то на знамена, висѣвшія въ углу.

Наконецъ, часа въ два, графъ А. позвалъ меня къ Государю.

— Очень радъ познакомиться съ вами, сказалъ мнѣ Государь съ невыразимою любезностью.

Я поклонился и ожидалъ, что̀ его величеству еще угодно будетъ мнѣ сказать. Онъ продолжалъ:

— Я съ вниманіемъ и съ удовольствіемъ читалъ вашу записку. Желательно, чтобы вы дѣйствовали вліяніемъ вашимъ на литературу такимъ образомъ, чтобы она, согласно съ правительствомъ, дѣйствовала для блага общаго, а не въ противномъ смыслѣ.

— Это, ваше величество, отвѣчалъ я,—конечно, есть единственный путь, которымъ можно идти къ величію и благоденствію Россіи. Употреблю всѣ силы мои для служенія этому дѣлу.

— Есть стремленія, продолжалъ Государь,—которыя несогласны съ видами правительства. Надо ихъ останавливать. Но я не хочу никакихъ стѣснительныхъ мѣръ. Я очень желалъ-бы чтобы важные вопросы разсматривались и обсуживались научнымъ образомъ: наука у насъ еще слаба. Но легкія статьи должны быть умѣренны, особенно касающіяся политики.

Государь особенно налегъ на словѣ политика.

— Государь, отвѣчалъ я,—осмѣлюсь сказать, основываясь на продолжительныхъ моихъ наблюденіяхъ и опытѣ, что лучшіе, и слѣдовательно имѣющіе наиболѣе вліянія, умы въ литературѣ не питаютъ никакихъ враждебныхъ правительству за-

мысловъ. Если встрѣчаются какія-нибудь въ этомъ родѣ ошибки и заблужденія, то развѣ только въ немногихъ еще шаткихъ и неопытныхъ умахъ, которые не заслуживаютъ исключительнаго вниманія.

— Не надо думать, замѣтилъ Государь,—что дѣло ваше легко. Я знаю, что Комитетъ не пользуется расположеніемъ и довѣріемъ публики.

— Моя роль, какъ я ее понимаю, ваше величество, быть примирителемъ обѣихъ сторонъ.

— Опять повторяю, сказалъ еще Государь,—что мое желаніе не употреблять никакихъ стѣснительныхъ мѣръ, и если Комитетъ понимаетъ мои виды, то, несмотря на трудности, можетъ всетаки что-нибудь сдѣлать.

При словахъ: „если Комитетъ понимаетъ мои виды", Государь значительно взглянулъ на графа А.

Было сказано еще нѣсколько словъ объ изданіи предполагаемой правительственной газеты, а затѣмъ Государь крѣпко пожалъ мнѣ руку и чрезвычайно ласково проговорилъ:—„Постарайтесь!" поклонился и оставилъ меня.

Во все время разговора я стоялъ противъ него, а графъ А. сбоку, возлѣ меня,

Трудно передать кротость, благородство и любезность, съ какими Государь говорилъ. Меня особенно поразило во всемъ тонѣ его, въ улыбкѣ, которая почти не сходила съ его устъ, по временамъ только смѣняясь какою-то серьезною мыслью, во всемъ лицѣ, въ каждомъ словѣ—какая-то искренность и простота, безъ малѣйшаго усилія произвести эффектъ, показаться не тѣмъ, чѣмъ онъ есть въ душѣ. Въ немъ ни малѣйшаго напускнаго царственнаго величія. Видно, что это человѣкъ любви и благости, и онъ невольно привлекаетъ къ себѣ сердца. О, подумалъ я, уходя отъ него, сколько-бы можно дѣлать съ тобою добра и сколько-бы ты сдѣлалъ его, если-бы былъ окруженъ людьми болѣе достойными тебя и болѣе преданными тебѣ и благу Россіи!

При выходѣ изъ дворца я еще разъ встрѣтился съ графомъ А. и выразилъ ему, какъ я очарованъ Государемъ.

— Государь на васъ надѣется, сказалъ онъ мнѣ.

Утѣшительно также видѣть, что Государь понимаетъ трудности дѣла. Онъ нѣсколько разъ повторилъ это. Я боялся слиш-

комъ высокаго тона, который былъ-бы похожъ на приказаніе дѣлать во что-бы то ни стало, и который говорилъ-бы, что все можно, что велѣно. Между тѣмъ, онъ только изъявлялъ свои желанія, свои виды и совѣтовалъ, а не высочайше повелѣвалъ. Онъ, кажется, тоже понимаетъ, что въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ мѣста для обычной сухой административной формальности.

Изъ дворца я прямо отправился къ министру, но узнавъ, что онъ занятъ докладами и что у него М., я не пошелъ къ нему.

— 12. Четвергъ. Поутру былъ у министра и подробно разсказалъ ему про свое свиданіе съ Государемъ.

— Видите-ли, сказалъ мнѣ Ковалевскій,—каковъ онъ. Нельзя не быть ему преданнымъ отъ всего сердца. Не разъ мнѣ приходилось такъ тяжело, что я готовъ былъ бросить все, но, поговоривъ съ нимъ, опять примирялся. Не далѣе вотъ какъ по дѣлу Огрызко. Я въ совѣтѣ министровъ сильно возставалъ противъ мѣры, которая надѣлала столько непріятнаго шума. Меня поддерживалъ одинъ Ростовцевъ. Но оба Горчаковы съ такою яростью нападали на Огрызко и его газету, и всѣ прочіе такъ были съ ними согласны, что моя защита не помогла. Мнѣ даже не дали прочитать приготовленной мною записки. Нѣсколько дней Государь, видимо, былъ на меня сердитъ, и я помышлялъ уже объ удаленіи. Но не далѣе какъ вчера я прямо и откровенно высказалъ ему мои убѣжденія, и онъ опять очаровалъ меня своимъ благородствомъ и своею добротою. Силъ нѣтъ ему противиться. О, если-бъ ему немного побольше твердости, да лучшихъ помощниковъ!...

Послѣ я откровенно высказалъ министру мое мнѣніе о М. Мои мысли были совершенно согласны съ его. Въ дѣлѣ Огрызко онъ игралъ неблаговидную роль. Онъ былъ подстрекателемъ Горчаковыхъ, а когда увидѣлъ, какое впечатлѣніе это произвело на общественное мнѣніе, онъ началъ осуждать самъ крутую мѣру.

— А что-же говорили вы мнѣ тому назадъ нѣсколько дней? замѣтилъ ему министръ.

Вообще я предвижу большія затрудненія съ этимъ господиномъ. На графа А., кажется, можно будетъ дѣйствовать сердцемъ, на ***—умомъ, а на М. ни тѣмъ, ни другимъ, потому что у него нѣтъ ни сердца, ни ума.

Въ Комитетѣ М. свирѣпствовалъ противъ „Искры“, на которую сперва напалъ *** за стихи: „На Невскомъ проспектѣ“ (№ 9). Но *** полагалъ достаточнымъ призвать редактора въ III отдѣленіе и вымыть ему голову, а М. бредилъ все гауптвахтою. Я довольно сильно выразилъ сопротивленіе на сильныя мѣры.

Послѣ я разсказалъ о пріемѣ, который сдѣлалъ мнѣ вчера Государь, и особенно налегъ на то, что ему не угодны крутыя и стѣснительныя мѣры, и что я осмѣлился ему сказать о моей роли примирителя.

Теперь на первомъ планѣ забота о газетѣ. Надо склонять Комитетъ къ мысли, что онъ можетъ дѣйствовать на общественное мнѣніе только этимъ путемъ, то есть, путемъ гласности, а никакихъ другихъ мѣропріятій.

М., кажется, доставитъ мнѣ всего больше хлопотъ: онъ неспособенъ внимать ни голосу разсудка, ни голосу сердца. У него одна мысль въ головѣ—имѣть вліяніе. Другіе два настолько должны быть умны, чтобы понять, что собственныя выгоды ихъ требуютъ не презирать общественное мнѣніе.

Еще надобно доказать имъ, что ихъ честь требуетъ противодѣйствія такимъ людямъ, какъ Чевкинъ, Панинъ и прочіе.

— 13. Пятница. Вечеромъ у графа Блудова. Тамъ встрѣтилъ я Егора Петровича Ковалевскаго. Онъ противъ моего назначенія.

— Въ благихъ намѣреніяхъ вашихъ, сказалъ онъ,—никто не сомнѣвается, но вы ничего не успѣете сдѣлать.

— Если я ничего не въ состояніи буду сдѣлать, такъ оставлю. Зла отъ попытки никакого не будетъ, а добро можетъ быть.

— Нѣтъ! возразилъ онъ,—будетъ зло,

— Какое-же?

— Трудно сказать вдругъ.

— Но было-бы трусостью съ моей стороны не дѣйствовать.

Егоръ Петровичъ умный, благородный человѣкъ, но иппохондрикъ и раздражителенъ.

— 15. Воскресенье. Сегодня былъ у меня Ѳ. И. Тютчевъ. Я прочиталъ ему мою записку. Онъ сильно ее одобрилъ.

Всякій человѣкъ носитъ въ самомъ себѣ или врага, или помощника своимъ цѣлямъ. Онъ долженъ умѣть справляться съ первымъ и вполнѣ пользоваться послѣднимъ. Мой врагъ—слишкомъ

живое воображеніе, которое часто преувеличиваетъ опасности и забѣгаетъ впередъ съ своими мрачными изображеніями. Оттого чувствую по временамъ сильный упадокъ духа. Конечно, это проходитъ, но, тѣмъ не менѣе, такое состояніе и непріятно, и вредно. Съ нимъ надо бороться.

Ни честныя намѣренія, ни добросовѣстный трудъ еще не ручаются за успѣхъ дѣла: для этого нужны еще способность, тактъ.

Я даю большое сраженіе—не знаю, будетъ-ли оно выиграно или проиграно. Но я даю его, во имя чести русскаго ума, за право мысли и просвѣщенія. Упадокъ духа теперь особенно не кстати. Я стараюсь выбиться изъ него всѣми силами. Но надо нѣкоторое время, чтобы равновѣсіе силъ установилось, колеблющійся духъ утвердился снова, и внутри меня водворились спокойствіе и рѣшимость идти своимъ путемъ.

Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что я могу принадлежать къ той или другой литературной котери. Я прежде всего и исключительно принадлежу моему убѣжденію, самому себѣ. Я признаю литературныхъ людей нашихъ за лучшихъ людей Россіи. Въ нихъ больше образованія, а слѣдовательно, должно полагать, и больше, чѣмъ у другихъ, стремленія къ лучшему. Это умъ общества, болѣе развитая часть нашихъ нравственныхъ силъ. Сельскій людъ—это почва, почва сочная, плодообѣщающая. Но настоящіе сѣятели въ ней—это люди мысли, дѣйствующіе печатнымъ словомъ, и мысли ихъ необходимо дать больше простора. Я не отдѣляю отъ литературы на этотъ разъ и въ этомъ смыслѣ ни публицистики, ни науки. Но люди, принадлежащіе къ этому кругу, одержимы своего рода заблужденіями и способны къ важнымъ ошибкамъ. Ни этихъ ошибокъ, ни этихъ заблужденій я не раздѣляю. Люди эти часто забываютъ, что для нѣкоторыхъ реформъ мы еще не созрѣли. Всему есть время, всему должны быть соблюдены постепенность и мѣра. Прогрессъ сломя голову, я убѣжденъ, никуда не годится. Но постепенный, ровный прогрессъ есть цѣль, къ которой необходимо стремиться.

Крайность этихъ людей состоитъ въ томъ, что они хотятъ: все вдругъ, все скорѣе. Сначала сдѣлаемъ, а послѣ будемъ додумывать заднимъ умомъ!

Обойдемся-ли мы безъ революціи? Рѣшеніе этого вопроса при-

надлежитъ исторіи. Но если исторія ничего не даетъ даромъ, то надо стараться купить у нея то, чего она не даетъ даромъ, елико возможно меньшею цѣною.

— 28. Суббота. До сихъ поръ я не вижу въ Комитетѣ по дѣламъ книгопечатанія никакихъ особенно враждебныхъ покушеній. Было у нихъ намѣреніе направлять литературу и располагать цензурою посредствомъ внушеній и страха. Но это, теперь для меня очевидно, было скорѣе слѣдствіемъ непониманія вещей, чѣмъ систематически организованнаго замысла. Что касается до направленія литературы, то мнѣ удалось совсѣмъ уничтожить эту мысль, а теперь удалось уже и сильно поколебать покушеніе на литературу.

Въ послѣднемъ засѣданіи (въ четвергъ) я сильно и много говорилъ членамъ о непрекосновенности цензуры и о необходимости сосредоточить ее въ министерствѣ. Цензора сбиты съ толку, и мы не должны еще больше сбивать ихъ своимъ вмѣшательствомъ. Притомъ, что мы за сыщики, чтобы гоняться за статейками, и пр.? Наше дѣло государственное, задача коего дѣйствовать на общественное мнѣніе и соглашать его стремленія съ видами правительства посредствомъ открытыхъ, разумныхъ и благородныхъ убѣжденій.—Между правительствомъ, сказалъ я,—и расположеніемъ лучшихъ умовъ въ литературѣ есть точки соприкосновенія, есть стороны, гдѣ возможно соглашеніе. На этихъ-то точкахъ и между этими сторонами надо стоять Комитету и приводить ихъ въ гармонію, а не разъединять возбужденіемъ неудовольствій и раздраженій.

Я даже начинаю думать, что Комитетъ можетъ быть обращенъ противъ тѣхъ темныхъ силъ, которыя враждуютъ съ мыслью и образованіемъ. Надъ этимъ я и работаю.

Пріѣхалъ Ребиндеръ, чтобы вступить въ управленіе департаментомъ министерства народнаго просвѣщенія. Я видѣлся съ нимъ и мы много говорили о многомъ. Онъ вздумалъ было меня упрекать за Комитетъ. Но когда я ему объяснилъ ходъ и сущность дѣла, онъ не только примирился со мною, но еще сталъ усердно поддерживать меня въ моихъ намѣреніяхъ.

— 29. Воскресенье. У министра. Ему писали изъ Москвы, что тамъ уже начинаютъ чувствовать хорошія послѣдствія моего участія въ Комитетѣ, что̀, по словамъ Евграфа Петровича, дѣй-

ствительно замѣтно и здѣсь, и тамъ. Такъ это или нѣтъ, но дурнаго, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ ничего не вышло.

Продолжительный разговоръ съ Струговщиковымъ, къ которому я заѣхалъ отъ министра.

Меня упрекаютъ въ одномъ—что я задерживаю кризисъ, ибо, будто-бы, отстраняю тѣ мѣры, которыя сильнѣе всѣхъ доводовъ доказали-бы невозможность ретроградныхъ дѣйствій. Мысль эта, повидимому, не лишена основаній. Но развѣ ретроградная партія уже такъ слаба, что окончательно сдалась бы послѣ одной, другой неудачи? И неужели, съ другой стороны, либеральная партія такъ сильна, что можетъ вѣрно разсчитывать на успѣхъ своего оппозиціоннаго движенія? Вѣдь у первой всетаки въ рукахъ власть, и что, если она вдругъ захочетъ воспользоваться ею и начнетъ прихлопывать то одинъ, то другой органъ мысли?

Неужели настало время совершеннаго разрыва между партіею мысли и движенія и правительствомъ? Неужели нѣтъ выбора, какъ между ультрами? Я не вѣрю этому. А если, какъ говорятъ, я ошибаюсь? Можетъ быть. Но мнѣ надо въ этомъ убѣдиться на самомъ дѣлѣ. Слѣпая ненависть была-бы преступленіемъ. Не должно легкомысленно предаваться гнѣву и рѣшать такіе важные вопросы въ порывахъ страсти или увлеченія.

Я убѣжденъ, что мы еще не созрѣли для кризиса. Зрѣлостью я называю то, когда-бы кризисъ въ состояніи былъ привести вещи къ опредѣленному положенію и ручаться за какую-нибудь благоустроенную будущность. А гдѣ для этого элементы? „Но кризисъ-бы ихъ и произвелъ“.—Нѣтъ! кризисъ произвелъ-бы навѣрно хаосъ и больше ничего. Знаю, что есть люди, разсчитывающіе на хаосъ. Но хаосъ ведетъ непремѣнно или къ анархіи, или къ усиленному деспотизму.

Надо сказать въ Комитетѣ: истинный патріотизмъ и государственный образъ дѣйствій состоятъ въ томъ, чтобы охранять основныя начала нашего общественнаго порядка, а не заниматься мелочами. Вѣрно то, что десятокъ мелочей, какъ-нибудь проскользнувшихъ въ печати, никогда не сдѣлаютъ столько вреда, сколько одно поднятое на нихъ гоненіе. Мелочи эти на минуту заставятъ поговорить и исчезнутъ, тогда какъ всякое гоненіе возбуждаетъ негодованіе и держитъ умы въ постоянномъ раздраженіи.

Министръ мнѣ сказалъ, что М. безпрестанно твердитъ о какой-то борьбѣ сословій.

Несомнѣнно то, что многіе наши, такъ называемые, передовые люди, при всѣхъ благородныхъ своихъ стремленіяхъ, не прочь отъ того, чтобы сдѣлаться настоящими вождями движенія и отодвинуть подальше всѣхъ другихъ отъ арены, если эти другіе не подчинятся безусловно ихъ вліянію или ихъ началамъ.

Стремленіе къ возстановленію національностей, кажется, составляетъ одну изъ задачъ нашего времени. Война съ Австріею можетъ окончиться отторженіемъ отъ нея славянскихъ племенъ. Но что тогда станется съ Польшею? Славянофилы мечтаютъ о федераціи славянъ. Какую-же роль тогда будетъ играть Россія? Откажется-ли она добровольно отъ Польши...

— 30. Понедѣльникъ . . . . Пусть развивается гласность, осуществится публично словесное судопроизводство, устроится кассаціонный судъ,—это, вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ, образуетъ уже значительные начатки новаго порядка вещей. При такомъ ходѣ вещей выработаются не только элементы для новаго порядка вещей, но и люди. . . .

Правительство должно открыто и смѣло удовлетворить нѣкоторымъ желаніямъ образованнаго класса, какъ оно открыто и смѣло удовлетворило нуждамъ низшаго, посредствомъ эмансипаціи.

Апрѣль.—1. Среда. Получилъ изъ совѣта университета бумагу о назначеніи меня исправляющимъ должность декана. Приходится отказаться, хотя я никому и ничему не служу такъ охотно, какъ университету. Но ни силъ, ни времени нѣтъ. Теперь я весь углубился въ проектъ газеты.

Надо привести въ систему либеральныя идеи и высказать прямо: чего должно и можно хотѣть.

— 2. Четвергъ. Правительство никакъ не должно показывать, что оно—врагъ новыхъ идей, если онѣ сдѣлались всеобщими. Его роль въ этомъ случаѣ есть роль согласителя этихъ идей съ общими интересами и съ безопасностью и благомъ государства.

Должно указать настоящій путь либеральному началу, а правительство убѣдить, чтобы оно уважало его.

— 4. Суббота. Вечеромъ былъ у ***. Если онъ не притво-

ряется со мной, то онъ гораздо выше своей репутаціи, т. е. той репутаціи, какою онъ пользуется въ литературномъ кругу, и мнѣ во многомъ приходится смягчить мое первоначальное о немъ мнѣніе. Онъ оказывается либеральнѣе многихъ и многихъ изъ тѣхъ сановниковъ, съ которыми мнѣ случалось разсуждать и имѣть дѣло. Напримѣръ, онъ прямо сказалъ Государю, что правительство его не пользуется довѣріемъ, и что довѣріе это можетъ быть пріобрѣтено уступками общественному мнѣнію, а не насилованіемъ послѣдняго. Онъ читалъ мнѣ свою записку, гдѣ эта мысль выражена. Потомъ онъ вообще показываетъ себя далекимъ отъ крутыхъ мѣръ и совершенно соглашается съ тѣмъ, что надо идти путемъ умѣреннаго и благоразумнаго либерализма. Такимъ образомъ, онъ, повидимому, вовсе не ретроградъ, не реакціонеръ, но не скрываетъ, впрочемъ, что, по его мнѣнію, надо останавливать слишкомъ ярыя стремленія ультра-либераловъ. Словомъ, въ немъ виденъ умный человѣкъ, понимающій потребности времени и сознающій необходимость улучшеній. Онъ говоритъ, что онъ вовсе не противъ гласности, а только противъ ея злоупотребленій.

— 7. Вторникъ. Большой комитетъ у Д*., гдѣ разсуждали объ учрежденіи педагогическихъ курсовъ при университетѣ, взамѣнъ уничтоженнаго Педагогическаго института, и объ открытіи новой, шестой гимназіи. Комитетъ былъ слишкомъ многочисленъ, и потому много было пустыхъ толковъ и споровъ. М. С. Куторга, по обыкновенію, выходилъ изъ себя, доказывая, что учитель исторіи долженъ въ совершенствѣ знать греческій и латинскій языки. Пусть въ этомъ своя доля правды, но способъ какимъ поддерживалъ это Куторга, сильно отзывалъ прѣлымъ самолюбіемъ и педантизмомъ. Онъ по прежнему доказывалъ, что единственный историкъ въ мірѣ Ѳукидидъ, и что всѣ новѣйшіе историки, не исключая и Макколея, въ сравненіи съ нимъ—дѣти. Такая парадоксальность, конечно, никого не могла убѣдить.

— 12. Свѣтлое Христово Воскресенье. Заутреня въ церкви театральной школы. Ужасная духота, и я страшно усталъ, а къ усталости присоединилось еще и неудовольствіе на церковную службу. Какъ они скомкали эту великолѣпную мистерію! Въ пѣніи и во всемъ скачутъ на пропалую, и отъ того все великое, присущее идеи этого торжества изъ торжествъ, пропадаетъ.

Утромъ былъ у министра и графа Блудова. Заѣзжалъ къ Ребиндеру, у котораго просидѣлъ довольно долго, вмѣстѣ съ Струговщиковымъ и Галаганомъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ для присутствованія въ крестьянскомъ комитетѣ. Возвратился домой въ четвертомъ часу, очень усталый.

— 13. Понедѣльникъ. У министра съ поздравленіемъ. Многочисленное собраніе. Я со всѣхъ сторонъ получалъ привѣтстія. Много было тутъ расточено іудиныхъ лобзаній. Министръ былъ очень любезенъ. Въ углу стоялъ блѣдный и злой Кисловскій, которому есть отъ чего блѣднѣть и злиться: дни его въ департаментѣ, гдѣ онъ надѣлалъ столько мерзостей, говорятъ, сочтены. Да и меня видѣть, въ моемъ настоящемъ положеніи, для него скорбь великая. Ну, Богъ съ нимъ! Отъ министра заѣзжалъ къ Блудову и Ростовцеву.

— 16. Четвергъ. Всѣ эти дни занимался проектомъ газеты, и по случаю праздниковъ заѣзжалъ къ нѣкоторымъ изъ моихъ пріятелей. Погода гнуснѣйшая—страшный холодъ и дождь со снѣгомъ.

Отправилъ письмо къ моему старому наставнику, полюбившему и пригрѣвшему меня еще въ бытность мою въ уѣздномъ училищѣ—Александру Ивановичу Морозову. У меня становится тепло на сердцѣ при одномъ имени этого добраго, благороднаго человѣка.

— 19. Воскресенье. Обѣдалъ у Некрасова. Разсказъ Панаева о П., который отдалъ ему и Некрасову въ аренду „Современникъ", когда новые журналы не разрѣшались и получалъ съ нихъ по 3,000 рублей ассигнаціями и по 4% послѣ 1,400 экземпляровъ. Въ дѣлѣ этомъ участвовалъ и я, потому что издателями-хозяевами были Некрасовъ и Панаевъ, а редакторомъ—я. Теперь времена перемѣнились. Право изданія журнала ничего не значитъ, потому что его можетъ получить всякій, а П. всетаки требуетъ съ Некрасова и Панаева денегъ—и теперь уже по 3,000 рублей серебромъ въ годъ. Они старались его усовѣстить тѣмъ, что за тѣнь, за имя журнала—это дорогая плата. Предлагали ему даже 1,000 рублей въ годъ. Онъ не соглашается. Надо знать, что издатели „Современника" ничего, кромѣ имени журнала, въ сущности отъ П. не получили: у него тогда было всего двѣсти подписчиковъ, они-же имѣютъ ихъ теперь (1859 г.)

пять тысячъ пятьсотъ. Но тогда тутъ былъ смыслъ: это было право, а теперь ничто. Это юридическій казусъ. Кто-то совѣтовалъ имъ перемѣнить заглавіе журнала и просить позволенія издавать его какъ новый. Тогда П. пришлось бы ловить дымъ.

Всѣхъ очень обрадовало отрѣшеніе отъ должности Закревскаго. Онъ сдѣлалъ вещь невѣроятную по своей наглости и презрѣнію всѣхъ законовъ . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . Ни одинъ священникъ не хотѣлъ ихъ вѣнчать. Наконецъ, Закревскій нашелъ одного, который, подъ угрозою ссылки въ Сибирь, согласился, наконецъ, ихъ перевѣнчать. Объ этомъ Закревскій имѣлъ дерзость самъ извѣстить Государя. Вслѣдъ за тѣмъ и состоялось его увольненіе.

— 21. Вторникъ. Былъ у министра. Разговоръ о цензурѣ. А. Н. Муравьевъ жаловался на „Современникъ“, (4-я книжка) за рѣзкій разборъ его сочиненія. Вообще объясненія мои съ министромъ доставили мнѣ большое удовольствіе. Онъ выразилъ такъ много благороднаго и сильно поддерживалъ меня въ моемъ образѣ мыслей и дѣйствій по Комитету.

Педанты обыкновенно придаютъ исключительную важность только своему роду занятій, своей наукѣ, своему ремеслу, своему призванію и т. д., ни мало не заботясь объ отношеніи этихъ занятій къ другимъ и общимъ интересамъ людей, или къ другимъ началамъ. Съ забавною чопорностью тѣшатся они формулами и словами, придавая имъ особенный вѣсъ. Педанты не хотятъ вѣрить, что въ мірѣ все имѣетъ свою важность, свой смыслъ и свое ничтожество, и что умъ состоитъ въ томъ, чтобы не считать на землѣ ничего не слишкомъ великимъ, ни слишкомъ малымъ.

Итальянскія дѣла очень всѣхъ занимаютъ. Въ прошедшую пятницу нѣкоторые изъ моихъ посѣтителей сговорились при первой-же неудачѣ австрійцевъ выпить шампанскаго за успѣхи итальянскаго оружія.

Сегодня такая отвратительная погода, какую не часто насы-

лаетъ на людей даже петербургскій климатъ. Холодъ, дождь, снѣгъ, грязь.

Да, народомъ должно управлять посредствомъ его самого.

— 24. Пятница. Заѣхалъ вечеромъ къ графу Блудову. Почтенный старецъ немного живѣе, но вообще нынѣшнюю зиму онъ не такъ бодръ и свѣжъ, какъ былъ еще недавно.

— Куда поѣдете вы на лѣто, спросилъ я его.

— Не знаю, отвѣчалъ,—можетъ быть на Невское.

— Ну, возразилъ я,—если не именно на Невское (кладбище), то въ подобное ему мѣсто намъ всѣмъ предстоитъ путь.

— Только мнѣ раньше всѣхъ васъ, сказалъ онъ.

— 25. Суббота. Что я буду дѣлать съ мелочными умами, которые отцѣживаютъ комара и поглощаютъ верблюда?... Я хочу спасать великую существенную вещь, политическій принципъ общества, дѣлая для этого нообходимыя уступки и полагая, что этимъ упрочится спокойное, ровное развитіе общеста, а они ярятся изъ-за пустяковъ и думаютъ, что спасаютъ общество отъ бурь, когда успѣваютъ потормошить какую-нибудь статейку или фразу.

— 30. Четвергъ. Обѣдалъ у Дюссо вмѣстѣ съ Гончаровымъ, Некрасовымъ, Панаевымъ, Ребиндеромъ и нѣкоторыми другими. Провожали Тургенева за границу.

Май.—1. Пятница. Прекрасный день, а вчера еще я долженъ былъ ѣздить въ шубѣ.

Москва, говорятъ, сильно жалѣетъ объ отставкѣ Закревскаго. Если это правда, то вотъ вамъ и общественное наше мнѣніе! А не она-ли вопила прежде: когда мы отъ него избавимся!

Самое трудное дѣло — переубѣждать людей, зараженныхъ предразсудками, особенно тамъ, гдѣ они лишены того возвышеннаго взгляда на вещи, который въ состояніи былъ-бы измѣрить, не только близкое и настоящее, но и отдаленное, и отношеніе настоящаго къ будущему.

Всѣ требуютъ мѣръ, забывая, что правильная мысль есть тоже мѣра, только внутренняя, безъ которой, однако-жъ, всѣ внѣшнія мѣры ничего не значатъ.

У насъ ужасно привыкли успокоиваться на распоряженіяхъ, комитетахъ, предписаніяхъ. Опредѣленныя начала, убѣжденія, основныя истины мало принимаются въ соображеніе.

Такъ называемый прогрессъ историческій есть не иное что, какъ работа Данаидъ. Едва человѣчество успѣло поднять одну массу усовершенствованій, новыхъ идей, открытій, какъ другая масса готова, и ее также надо поднять и т. д. до безконечности.

Но надо вѣрить въ прогрессъ настолько, насколько нужно, чтобы не дать заснуть себѣ и другимъ.

— 3. Воскресенье. Нѣтъ, это не правда, что Москва сожалѣетъ о Закревскомъ. Напротивъ, она въ восторгѣ отъ его паденія. Сегодня я былъ у Д. П. Хрущова, и онъ читалъ мнѣ письмо одного изъ московскихъ своихъ пріятелей, человѣка правдиваго и серьезнаго. Онъ пишетъ, что радость была всеобщая; многіе обнимались и цѣловались, поздравляя другъ друга съ этимъ событіемъ, и благодарили Государя. Недовольныхъ было только нѣсколько чиновниковъ.

Хорошо, если-бы въ разговорахъ почаще вспоминали изреченіе Фокіона, который сказалъ, что каждое слово, прежде произнесенія его, должно обмакнуть въ умъ.

— 6. Среда. Экзаменъ въ университетѣ. Экзаменовался второй курсъ филологовъ. На этотъ разъ молодые люди очень удовлетворительно разрѣшали трудные вопросы изъ философіи литературы. Это успѣхъ.

— 7. Четвергъ. Экзаменъ нѣкоторыхъ юношей, вступающихъ въ университетъ.

Есть люди, конечно, немногіе, особенно женщины, у которыхъ, несмотря на разныя невзгоды жизни, на бѣдствія и преслѣдованія судьбы, всегда найдется теплое, привѣтливое слово для ближнихъ, улыбка, участіе къ бѣдамъ, и прочія хорошія вещи, доказывающія здоровую, богатую натуру, которую не такъ-то легко сломить и раззорить въ конецъ.

— 8. Пятница. Ѣздилъ въ Царское-Село къ графу А. Много говорилъ съ нимъ о литературѣ и цензурѣ, стараясь разъяснить разныя предубѣжденія, которыхъ довольно. Онъ человѣкъ съ умомъ и благородными наклонностями, насколько онѣ могли сохраниться отъ разсѣянной жизни. Но бѣда съ нашими вліятельными людьми! Они неспособны къ труду мысли, мало образованы и чужды всякой глубины взгляда.

— 10. Воскресенье. Представлялся въ Царскомъ Селѣ Государю, для принесенія благодарности за ленту. Мы поѣхали въ

десять часовъ утра съ Ребиндеромъ, который также долженъ былъ благодарить за чинъ тайнаго совѣтника. У дебаркадера желѣзной дороги въ Царскомъ Селѣ насъ ожидали придворные экипажи. Мнѣ пришлось ѣхать во дворецъ вмѣстѣ съ моимъ почтеннымъ домовладѣльцемъ, барономъ Фридериксомъ, и генераломъ Броневскимъ. Кареты были очень кстати, потому что шелъ сильный дождь, и ѣхать на лирѣ или на гитарѣ значило-бы подвергать крайней опасности отъ грязи бѣлые штаны и съ золотымъ позументомъ шляпу.

Государь принялъ насъ послѣ обѣдни, въ небольшой залѣ, наверху. Была порядочная тѣснота. Меня поставили возлѣ князя С. Н. Урусова, исполняющаго должность оберъ-прокурора синода, и мы тутъ-же познакомились. Невдалекѣ отъ меня стоялъ и Ребиндеръ.

Государь вышелъ въ половинѣ перваго. Онъ былъ въ бѣломъ мундирѣ и въ брюкахъ съ желтыми лампасами. Однихъ онъ удостоилъ улыбкою, другихъ только поклономъ, а съ иными сказалъ нѣсколько словъ. Ребиндеру онъ сказалъ:

— Благодарю за прошедшее и надѣюсь на будущее.

Наконецъ, дошла очередь и до меня.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ и мнѣ съ привѣтливою улыбкою.—Занимаетесь вы вашимъ трудомъ?

— Занимаюсь, ваше величество, отвѣчалъ я.

— Какъ скоро вы надѣетесь кончить?

— Я надѣюсь лѣтними мѣсяцами кончить планъ, а съ новаго года можно будетъ начать самое изданіе.

Онъ съ новою улыбкою поклонился и обратился къ другимъ. Минутъ черезъ пять, Государь обошелъ весь кругъ и раскланялся со всѣми.

Изъ дворца я заѣхалъ къ моему старому знакомому Цылову, который теперь состоитъ полиціймейстеромъ въ Царскомъ Селѣ, а отъ него уже отправился на желѣзную дорогу. Оставалось еще полчаса до отхода машины. Мы соединились съ Ребиндеромъ и поѣхали обратно.

Сегодня былъ большой выходъ и потому во дворцѣ собралась толпа гражданскихъ и военныхъ чиновъ, особенно много военныхъ. Лентами—хоть мостъ мости. Смотря на этихъ людей, я еще разъ пришелъ къ заключенію, какъ трудно въ этихъ голо-

вахъ, подъ этими блестящими мундирами, зародиться мысли объ общественномъ благѣ, о которомъ, если въ эту минуту здѣсь кто-нибудь думалъ, то одинъ только Государь. Имъ некогда заняться серьезно этою мыслью; они всѣ поглощены заботами о выставленіи себя, о представленіяхъ, о своихъ мѣстахъ, лентахъ, мундирахъ и т. д. Нѣтъ! Не отсюда, а изъ нѣдръ народа могутъ вытекать истины о нуждахъ его, и слагаться мысли, какъ удовлетворять этимъ нуждамъ. . . . .
. . . . Но надо, чтобы и народъ созрѣлъ . . . . . Иначе представители чортъ знаетъ чего нагородятъ или перессорятся за то, чье мнѣніе должно быть главнымъ, и все таки кончится тѣмъ, что рѣшить долженъ будетъ одинъ, старшій.

Вечеромъ провожалъ министра, который ѣдетъ осматривать университеты. Онъ былъ очень любезенъ.

— 11. Понедѣльникъ. Французы и сардинцы немножко поколотили австрійцевъ, чему я сердечно радуюсь. Зато мнѣ цѣлую ночь снилась Пруссія, будто она собрала войска свои и Германскаго союза, чтобы двинуться на Рейнъ. А вѣдь это можетъ быть.

Вечеромъ совѣтъ въ университетѣ и комиссіи о приготовленіи въ университетѣ учителей взамѣнъ тѣхъ, какихъ давалъ закрывшійся Педагогическій институтъ. И это собраніе походило на большинство нашихъ собраній, которыя представляютъ изъ себя нѣчто похожее на жидовскій кагалъ. Одинъ хочетъ говорить и не хочетъ позволить этого другому, а какъ этотъ другой того-же хочетъ, и всѣ хотятъ этого-же, то поднимается крикъ, отъ котораго трещатъ уши, болитъ голова и отъ котораго одно средство—бѣжатъ, что я на этотъ разъ и сдѣлалъ.

Въ совѣтѣ былъ споръ между Кавелинымъ и юридическимъ факультетомъ. Кавелину хочется опредѣлить въ университетъ своего пріятеля Б. И. Утина, и для этого онъ предлагаетъ учредить новую каѳедру всеобщей исторіи положительныхъ законовъ. Факультетъ ему доказываетъ, что этой науки нѣтъ, а Кавелинъ утверждаетъ, что хотя и нѣтъ, но ей слѣдуетъ быть. Ему опять возражаютъ, что изъ того, что слѣдуетъ быть, еще не слѣдуетъ то, что она есть. Онъ продолжаетъ свое. Онъ ссылается на нѣмецкихъ и французскихъ авторовъ, благопріятствую

щихъ, по его заявленію, защищаемой имъ каѳедрѣ. Ему доказываютъ, что онъ цитируетъ фальшиво и т. д., и т. д. А совѣтъ долженъ рѣшить кто правъ, кто виноватъ. Надо, однако, сказать, что Кавелинъ какъ-то младенчески утопиченъ и либераленъ. Онъ принадлежитъ, впрочемъ, къ числу тѣхъ либераловъ, которые хлопочутъ о свободѣ съ тѣмъ, чтобы всѣ были свободны отъ деспотизма того, другого, но не отъ деспотизма ихъ самихъ. Этотъ послѣдній они считаютъ вполнѣ законнымъ, и, за свободу повиноваться ему, они на все готовы.

— 14. Четвергъ. Убѣжалъ на дачу въ Павловскъ. Май удивительный! Главное, въ немъ нѣтъ никакого коварства, то есть онъ даетъ избытокъ тепла и свѣта безъ всякаго намека на неожиданныя дуновенія сѣвернаго вѣтра. Прельщенные прелестями дня, вы выходите на прогулку въ легкомъ платьѣ и не подвергаетесь опасности вернуться домой съ насморкомъ или ревматизмомъ.

— 19. Вторникъ. Со среды до понедѣльника провелъ на дачѣ въ объятіяхъ прекраснаго мая, который, если чѣмъ не хорошъ, то только тѣмъ, что слишкомъ жарокъ. Поутру въ тѣни градусовъ за двадцать. Вчера пріѣхалъ я въ городъ. Сегодня здѣсь надо заняться кое-какими служебными дѣлами, или, лучше сказать, дѣлишками. Завтра въ Царское Село и уже оттуда домой въ Павловскъ. Все работаю надъ проектомъ газеты, но въ эти дни мало сдѣлалъ. Приходилъ Гончаровъ проститься. Онъ ѣдетъ за границу на четыре мѣсяца. Счастливецъ. И свобода, и югъ, и горы Шварцвальда, и Рейнъ!

Отъ Дружинина письмо изъ Москвы: тамъ, по его словамъ, всѣ окончательно убѣдились въ пользѣ моего поступленія въ Комитетъ.

Какъ избѣгать колебаній, происходящихъ отъ различныхъ настроеній духа? Держаться крѣпче за основную мысль и не обращать вниманія на приливы и отливы внутреннихъ ощущеній. Крѣпкая воля состоитъ въ томъ, чтобы рѣшительно рѣшить что-либо, а на остальное не обращать вниманія.

Случалось, конечно, что я подавалъ поводъ къ враждѣ. Но чаще случалось, что мнѣ оказывали непріязнь, спѣшили сдѣлать мнѣ гадость безъ всякаго отъ меня повода. Но причина все таки должна быть. Различіе вкусовъ, мнѣній, положеній—вотъ доста-

точныя причины вражды между людьми. Все это, однако, ужасно мелко, ужасно нелѣпо!

Рѣдко въ борьбѣ и враждахъ люди возвышаются до идей общаго добра, а чаще всего они прикрываютъ ими самыя презрѣнныя, эгоистическія побужденія, самыя маленькія страсти. Лицемѣріе и лживость самые обыкновенные, но и самые гнусные пороки человѣческаго сердца.

— 22. Пятница. Послѣ вчерашняго сильнаго дождя и грозы—холодъ. Вчера, во время обѣда, было еще двадцать пять градусовъ тепла, а вечеромъ—восемь. Сегодня пять. Всѣ одѣлись въ теплое, въ комнатахъ топятъ.

— 25. Понедѣльникъ. Всѣ эти дни былъ сильный холодъ. Сегодня опять потеплѣло.

Въ канцеляріи министра финансовъ, куда приходилъ за нѣкоторыми справками, нечаянно встрѣтился съ Катковымъ. Мы не видались года четыре. Онъ ѣдетъ въ Берлинъ, къ знаменитому врачу Греффе, посовѣтоваться насчетъ своихъ глазъ, которые у него очень слабы. Онъ не можетъ читать. Къ сожалѣнію, онъ завтра уже садится на пароходъ и мы могли только вскользь кое о чемъ переговорить, отложивъ все прочее до его возвращенія въ сентябрѣ. Получивъ въ канцеляріи министра бумагу для полученія золота, онъ простился со мною, чтобы отправиться въ казначейство.

Кстати, о золотѣ. Его совсѣмъ нѣтъ въ обращеніи и очень мало въ казнѣ; поэтому его съ большимъ затрудненіемъ выдаютъ ѣдущимъ за границу. Ѣдущихъ же туда нынѣшнее лѣто безчисленное множество. Курсъ на наши деньги за границею страшно упалъ, и здѣсь золотой полуимперіалъ стоитъ 6 рублей 20 коп. и болѣе.

Въ Петербургѣ были рѣзкіе случаи холеры.

— 29. Пятница. То въ городѣ, то въ Павловскѣ. Опять былъ дождь, опять гроза и опять холодъ.

Графъ Кутузовъ умеръ отъ холеры, поѣвъ ботвиньи, когда уже до того былъ нездоровъ.

— 30. Суббота. Странно и справедливо, что ничто столько не вводитъ въ заблужденіе людей, какъ примѣры. „Такъ-то было тогда-то, такъ должно и можетъ быть и теперь", а между тѣмъ, никогда вещи не бываютъ такъ, какъ были прежде. Мы

обольщаемся аналогіею главныхъ обстоятельствъ, а міръ управляется мелочами, и общій законъ есть не иное что, какъ summa summarum этихъ мелочей.

Іюнь.—10. Среда. Лѣто, кажется, небывалое въ Петербургѣ. Роскошная теплота юга, умѣряемая, но не парализуемая частыми дождями, которые сопровождаются довольно сильными, по здѣшнему, грозами; богатая зелень, все прелестно! Я мало, однако, пользуюсь этими прелестями, работая надъ моимъ дѣломъ. Я сижу у себя въ кабинетѣ до самаго обѣда, а вечеромъ чувствую какую-то физическую усталость и не могу наслаждаться прогулкою. Дѣло, впрочемъ, подвигается впередъ. Но сколько предстоитъ еще трудовъ и трудностей! Главное затрудненіе—гдѣ достать людей и довольно талантливыхъ, и довольно благородныхъ, и довольно благоразумныхъ, которые поняли бы, что среди современныхъ стремленій можно и должно, не клонясь ни въ ту, ни въ другую сторону, твердо стоять на почвѣ собственныхъ безкорыстныхъ убѣжденій; что намъ еще рано думать о радикальныхъ переворотахъ; что много хорошаго еще возможно на постепенномъ пути къ нимъ; что наша безалаберность и политическая незрѣлость еще не въ состояніи теперь же, сейчасъ, вынести полнаго разрыва съ сильною, сосредоточенною властью? А не найдя такихъ людей, можно ли выполнить и мой планъ?

Часто одолѣваютъ меня такія сомнѣнія, что я почти готовъ бываю лишиться бодрости. Къ счастью, эти часы искушенія и упадка духа проходятъ, и я снова проникаюсь энергіею, готовый все исполнить, несмотря на шаткость и неувѣренность успѣха.

Не будь пороковъ, страстей, заблужденій и бѣдствій—изъ чего же бы состояла исторія человѣчества.

— 11. Четвергъ. Въ городѣ. Послѣ академическаго засѣданія я остался въ Петербургѣ и часовъ въ шесть отправился на Черную рѣчку, къ Марку Любощинскому. Тамъ нашелъ С. И. Заруднаго и Д. П. Шубина. Отъ нихъ, какъ отъ служащихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, узналъ, что Государь велѣлъ въ нѣсколько дней разсмотрѣть мой цензурный уставъ и не расходиться безъ этого даже для каникулъ. Возможное ли это дѣло? И притомъ безъ министра народнаго просвѣщенія который теперь въ отлучкѣ. Совѣтъ не знаетъ, что ему дѣлать. Мнѣ пришла идея—ѣхать къ Муханову и сказать ему, что уставъ

имѣетъ связь съ нашимъ комитетскимъ дѣломъ, и что, пока не кончено послѣднее, нельзя разсматривать первый. Зарудный и Шубинъ одобрили эту мысль.

Я дѣйствительно былъ у Муханова. Онъ обѣщалъ воспользоваться этою мыслью и, между тѣмъ, напомнить Государю объ обѣщаніи Ковалевскому, когда тотъ уѣзжалъ, до его возвращенія не разсматривать устава.

А что побудило къ такой скорости? Вернадскій, въ своей газетѣ, въ смѣси, между разными слухами, напечаталъ, будто Клейнмихелю хотятъ воздвигнуть памятникъ. Это, говорятъ, взволновало власть. Правду сказать, Вернадскій поступилъ, какъ школьникъ: не слѣдовало дразнить цензуру. Но, въ сущности, что же тутъ ужаснаго и стоило ли изъ-за этого подвергать опасности, скомкать такое важное дѣло, какъ цензурный уставъ.

Я называю мой цензурный уставъ, но такъ-ли это? Онъ проходилъ через многія руки и, между прочимъ, черезъ руки такихъ людей, какъ, напримѣръ, Берте, правитель канцеляріи Главнаго правленія цензуры, — и каждый изъ этихъ господъ считалъ долгомъ своимъ оставить на немъ слѣды своихъ рукъ. Можно себѣ представить какимъ чистымъ въ заключеніе вышелъ онъ! А министръ не имѣлъ, кажется, твердости дѣйствовать какъ должно. Вотъ отъ какихъ людей и обстоятельствъ зависитъ у насъ рѣшеніе важныхъ государственныхъ вопросовъ!

— 12. Пятница. Случайно сегодня на музыкѣ встрѣтился съ Мухановымъ. Онъ мнѣ говорилъ, что сильно хлопочетъ о томъ, чтобы уставъ о цензурѣ не былъ разсмотрѣнъ въ Государственномъ совѣтѣ до возвращенія Ковалевскаго, и что есть надежда успѣть въ этомъ.

Ребиндеръ мнѣ говорилъ, что М. вообще вовсе не такъ дуренъ, какъ о немъ толкуютъ; что онъ доступенъ хорошимъ идеямъ, и хотя не глубоко, но понимаетъ вещи. Иной разъ и мнѣ начинаетъ такъ казаться,

— 15. Получено по телеграфу извѣстіе, что австрійцы снова разбиты, и страшно разбиты въ генеральномъ сраженіи французо-сардинцами. Говорятъ, легло страшное множество людей съ обѣихъ сторонъ.

— 19. Пятница. Засѣданіе въ Комитетѣ въ Царскомъ Селѣ.

Насъ было только трое: графъ А., М. и я. *** въ отпуску. Положено было приступить къ чтенію моего проекта, который почти конченъ. Чтеніе дѣйствительно начато. И вотъ я опять наткнулся на замѣчанія, которыхъ уже больше не ожидалъ, напримѣръ: что общественнаго мнѣнія у насъ нѣтъ, да едва-ли оно и возможно; что толки, какіе мы ежедневно слышимъ и читаемъ въ журналахъ, не составляютъ его, и т. д. Это говорилъ графъ А. Ему возражалъ М. и, надо сказать, довольно умно и удачно. Откуда набрался этихъ понятій графъ—не понимаю. Не въ томъ дѣло, что онъ не высокаго мнѣнія о нашемъ общественномъ мнѣніи, а въ томъ, что онъ въ этотъ разъ вообще обнаружилъ какое-то сопротивленіе, какую-то непріязнь ко всему мыслящему, чего я прежде въ немъ не замѣчалъ. Очевидно, это навѣяно на него какимъ-нибудь недавнимъ событіемъ. Всего важнѣе то, что тутъ надо подразумѣвать...

Мы прочитали немного, а все разсуждали и спорили, такъ что изъ этого засѣданія ничего путнаго не вышло. Для меня, однако, оно было очень важно. Я вижу, что мнѣ надо измѣнить мою тактику. Я думалъ дѣйствовать прямо, силою истины, но мы стоимъ не на одинаковой почвѣ и надо маневрировать. Мнѣ хотѣлось разъяснить имъ вещи, чтобы они пришли сами къ извѣстнымъ убѣжденіямъ,—теперь надо, чтобы они приняли ихъ противъ воли. Они и примутъ ихъ, если не захотятъ опустить руки и предоставить все судьбѣ. Жаль! Они люди недурные, особенно графъ А., но до того замкнутые въ кругу тѣсныхъ идей, что почти совершенно неспособны понимать того, что происходитъ на широкомъ полѣ жизни, вѣка и исторіи. Я, между прочимъ, сказалъ:—Положимъ, что все это такъ, и что вы совершенно правы въ вашемъ недовѣріи къ общественному мнѣнію, но вѣдь то, на что вы теперь нападаете, вѣдь уже не мнѣніе только, не идея, а фактъ. И какъ этотъ фактъ есть сила въ обществѣ и сила значительная, то вопросъ уже не въ томъ, хороша она или дурна, а въ томъ, въ какое отношеніе поставить себя къ ней; какъ сдѣлать, чтобы она была, по возможности, не только безвредна, а и полезна.

Положено завтра продолжать чтеніе.

— 20. Суббота. Прогрессъ, о которомъ нынѣ такъ много хлопочутъ—чистая иллюзія. Но то несомнѣнно, что неперемѣнность

состояній невозможна на землѣ, и люди всегда будутъ стремиться къ чему-то, чего нѣтъ или чего еще не было, думая, что они идутъ впередъ. Въ сущности, такъ называемый, прогрессъ заключается въ перемѣнѣ состояній, въ переходѣ изъ одного изъ нихъ въ другое, какъ скоро въ первомъ истощено все, что въ немъ есть, и, наконецъ, въ извлеченіи изъ множества золъ каждаго изъ состояній немножко добра, которое отличается отъ прежняго не количествомъ, а качествомъ.

Засѣданіе наше сегодня не состоялось, потому что Государь позвалъ къ себѣ графа А. обѣдать.

Іюль.—4. Суббота. Былъ въ Петергофѣ, но засѣданія опять не было. Пробылъ тамъ до половины седьмаго часа. Попробовалъ пообѣдать въ трактирѣ вокзала и получилъ за полтора рубля нѣчто очень плохое. Возвратился въ Павловскъ въ одиннадцать часовъ.

Итакъ, миръ: сѣверная Италія полу-свободна. Наполеонъ заключилъ его, никого не спросясь и безъ всякихъ посредничествъ.

— 12. Воскресенье. Въ Петергофѣ. Читалъ планъ газеты. Одобренъ. Споръ такой-же, какъ и въ прошлое засѣданіе, о революціонномъ направленіи умовъ. Я всѣми силами старался доказать, что такого направленія на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни въ нашей литературѣ, ни въ нашемъ обществѣ; что у насъ нѣтъ элементовъ для революціи—ихъ не выработала исторія; что если намъ чего надо бояться, такъ это полнаго хаоса общественныхъ отношеній и администраціи, и всетаки и это не произведетъ политическаго переворота, а развѣ только такъ, неурядицу, рѣзню безъ опредѣленной цѣли. Но до хаоса слѣдуетъ и должно не допустить.

Обѣдалъ у графа А.

— 17. Пятница. Ѣду въ Москву недѣли на двѣ.

— 18, 19, 20, 21, 22—въ Москвѣ. Въ субботу, 23-го, я возвратился изъ Москвы. Зачѣмъ туда ѣздилъ я? Что тамъ дѣлалъ? Цѣль поѣздки была, во-первыхъ, отдохнуть отъ безпрерывной умственной работы вдали отъ вызывающихъ ее обстоятельствъ. Во-вторыхъ, я имѣлъ тоже намѣреніе проѣхать оттуда въ Муромъ, къ брату, который хотѣлъ пріѣхать за мною въ Москву. Мнѣ очень хотѣлось видѣться съ братомъ. Кромѣ того, я хотѣлъ

посмотрѣть на московскихъ литераторовъ и сдѣлать маленькую рекогносцировку, нельзя-ли кого пріобрѣсти въ сотрудники для будущей газеты. Ничто изъ этого не достигнуто. Братъ въ Москву не пріѣхалъ: вѣроятно, онъ не получилъ моего письма. Литераторовъ лѣтомъ въ Москвѣ мало, а тѣ, которыхъ я видѣлъ случайно, къ дѣлу не относятся. Москва показалась мнѣ какою-то грязноватою, пустынною и скучноватою. Если-бы не мысль, что, авось, подъѣдетъ братъ, я уже на третій день уѣхалъ-бы назадъ. Единственный день, проведенный мною пріятно, былъ съ моимъ милымъ Шоромъ, въ Петровско-Разумовскомъ, куда я ѣздилъ къ нему въ среду.

Ультра-либералы и не подозрѣваютъ, какіе они сами деспоты и тираны. Какъ эти желаютъ, чтобы никто не смѣлъ шагу сдѣлать безъ ихъ вѣдома или противу ихъ воли, такъ и они желаютъ, чтобы никто не осмѣливался думать иначе, чѣмъ они думаютъ. А изъ всѣхъ тираній самая ужасная—тиранія мысли. Почему такой-то господинъ считаетъ себя въ правѣ думать, что только тотъ способъ служитъ дѣлу человѣчества хорошъ, который онъ предлагаетъ, и что всѣ мыслящіе не такъ, какъ онъ, должны быть прокляты.

Я желалъ-бы быть понятъ друзьями нашего, такъ называемаго, прогресса, какъ слѣдуетъ; желалъ-бы, чтобы они отдали и мнѣ справедливость. Но если это невозможно, то мнѣ остается идти своею дорогою, опираясь на свою совѣсть, и въ ней одной искать вознагражденія за мои чистые и безкорыстные труды для той-же великой общественной пользы, къ которой, повидимому, и они стремятся,

„Въ дому Отца моего обители мнози суть".

Я полагаю, что если мысль наша и литература должны по роковой необходимости стать въ открытую вражду съ правительствомъ, то теперь еще не пришло къ тому время.

Между дѣятелями или вождями нашего общества лежитъ бездна, которая всегда будетъ мѣшать ихъ соединенію для общихъ интересовъ. Бездна эта—самолюбіе. Мелочность наша и незрѣлость обнаруживаются и въ томъ, что никто не старается судить другъ друга безпристрастно. Никто не хочетъ признать заслугъ другого, если онѣ состоялись не по той методѣ или не тѣмъ способомъ, какіе онъ считаетъ лучшими.

Каждый изъ, такъ называемыхъ, передовыхъ людей говоритъ другому: „иди по моей дорогѣ и иди за мною. Проклятъ ты, если изберешь другую или пойдешь впереди самъ“.

Если правительство имѣетъ благія намѣренія—помочь ему. Если не имѣетъ—всегда время уйти.

Государь, въ личномъ со мною объясненіи, высказалъ такія благія и прекрасныя намѣренія, что это рѣшительно возбудило во мнѣ надежды. Но если, ... , ... мои ожиданія не осуществятся, то, я, по крайней мѣрѣ, останусь чистъ передъ своею совѣстью. Она не станетъ упрекать меня ни въ малодушіи, ни въ нерадивости. Я до конца пройду путь, который считаю правымъ.

Главное, у меня нѣтъ помощниковъ. Такъ называемые, передовые умы наши до того враждебны правительству, что и на меня даже смотрятъ холодно—не потому, говорятъ они, чтобы сомнѣвались въ чистотѣ моихъ намѣреній, а потому, что я будто-бы содѣйствую задержкѣ кризиса.

Но, конецъ концовъ, господа, чего-же хотите вы достигнуть? Какихъ ближайшихъ результатовъ? Революціи? . . . . : . . . . . . Но такія революціи глупы и безнравственны!

Редакціонный комитетъ изъ нѣсколькихъ литераторовъ и другихъ компетентныхъ лицъ и съ нимъ слить Комитетъ книгопечатанія.

Сентябрь.—27. Переѣхалъ съ дачи 12-го, въ пятницу. Весь августъ прошелъ въ занятіяхъ по Комитету книгопечатанія. Съ той поры, какъ я высказалъ и постоянно поддерживалъ мысль, что Комитетъ есть ошибка, онъ ничего не дѣлалъ. Онъ выслушалъ только часть моего проекта о газетѣ. М. безпрерывно порывался къ проявленію силы Комитета по цензурѣ, которая, по его мнѣнію, допускала и допускаетъ страшныя послабленія въ литературѣ. Но какъ графъ А. и *** отвѣчали на эту рьяность молчаніемъ, а я повторялъ, что намъ тутъ нечего дѣлать, то слова М. пропадали въ воздухѣ безплодно, и онъ обращался къ разсказыванію анекдотовъ и проч. Наконецъ, бездѣйствіе его утомило, и въ одномъ изъ засѣданій онъ горячо выразилъ мысль, что намъ ничего не остается дѣлать, какъ слиться съ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Этого только я и ждалъ. Вся моя стратегія къ этому и вела. Но я не хотѣлъ отъ себя высказывать

этой мысли. Мнѣ хотѣлось, чтобы эту мѣру, вслѣдствіе очевидной необходимости, предложилъ кто-нибудь изъ членовъ. Такъ и случилось. Теперь я употребилъ всю мою діалектику, чтобы поддержать это благое намѣреніе, и въ слѣдующее-же засѣданіе прочиталъ уже приготовленный мною проектъ превращенія Комитета въ Главное управленіе цензуры, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія. Онъ одобренъ, прочитанъ послѣднему, снова одобренъ, и сегодня, 27-го числа, я везу его къ *** для представленія Государю черезъ графа А.

Въ засѣданія Главнаго управленія допущены цензора и литераторы. Я крѣпко боялся, что это встрѣтитъ сопротивленіе, особенно допущеніе литераторовъ. Но я заранѣе мѣру эту оградилъ такими доводами и причинами, что сопротивленія не было.

Весь августъ меня преслѣдовали головныя боли, являвшіяся каждый день послѣ работы. Приходилось, подчасъ, оставлять письменный столъ и ходить: это нѣсколько облегчало тяжесть въ головѣ.

— 28. *** спѣшилъ въ Царское Село, гдѣ Государынѣ долженъ представляться Шамиль, и потому бумагъ мы не отправили Государю.

Былъ у Позена. Туда пріѣзжалъ кіевскій губернскій предводитель дворянства. Оба они въ сильнѣшемъ негодованіи на крестьянскій комитетъ, который отвергаетъ ихъ предложенія. Сколько я могъ понять изъ ихъ разговоровъ, они хотѣли-бы обязать крестьянъ къ большому денежному вознагражденію за землю, чего комитетъ не хочетъ. Они жалуются на то, что въ комитетѣ преобладаетъ элементъ бюрократическій, что ихъ призвали не для того, чтобы выслушивать ихъ мнѣнія и совѣщаться съ ними, а чтобы требовать ихъ безусловнаго согласія на заранѣе заготовленную программу и проч.

Говорятъ, депутаты намекнули на что-то, похожее на конституцію. Но Государь очень спокойно отвѣчалъ, что они собраны для того, чтобы разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ и должны заниматься этимъ, а не посторонними дѣлами, которыя до нихъ не касаются.

Говорятъ также, что въ первомъ совѣщаніи Главнаго крестьянскаго комитета, гдѣ присутствовалъ Государь, князь Орловъ вы-

разилъ свои опасенія. . . . .
. . . .
. . . .

— 29. Можетъ быть на Комитетъ нашъ могутъ быть возложены какія-нибудь другія обязанности—только не въ отношеніи цензуры, потому что его исключительная роль по отношенію къ ней, по смыслу нашего-же проекта, кончилась. Дѣло все въ томъ-то и состояло, чтобы цензуру централизировать и освободить отъ всякаго въ нее вмѣшательства сторонней власти.

Началомъ новаго проекта принято: централизація и сближеніе цензурной власти со своими агентами и литераторами.

Сказать: потребность въ централизаціи была такъ очевидна, что вы сами (М.) первые предложили мысль о соединеніи Комитета съ Главнымъ управленіемъ цензуры.

Согласіе министра на проектъ было необходимо, иначе не могла состояться централизація.

Что Комитетъ лишается всякой возможности дѣйствовать, и что самостоятельно онъ существовать не можетъ—это съ первой до послѣдней строчки говорится въ проектѣ. Въ немъ только нѣтъ фразы: онъ закрывается—и это потому только, что Комитету было неловко ее произнести самому о себѣ. Но больше всякой фразы сущность новой организаціи это говоритъ.

Перемѣна вѣтра. Министръ меня позвалъ и съ великимъ негодованіемъ и прискорбіемъ мнѣ объявилъ, что М. вовсе не думаетъ объ ослабленіи или прекращеніи дѣйствій Комитета.

— 30. Былъ у министра. Есть точка соглашенія: на нее указалъ ***. Министръ ничего противъ этого не имѣетъ. Всю бурю воздвигъ М. Онъ не хочетъ, повидимому, никакъ признаться въ негодности Комитета, который есть отчасти и его созданіе.

Всѣ злоупотребленія нашей печати, вмѣстѣ взятыя, не сдѣлали столько вреда, какъ употребленное противъ нихъ это средство. Лекарство хуже болѣзни.

Я увѣренъ, что М. будетъ настаивать на измѣненіи редакціи проекта, какъ слишкомъ рѣзкой. Въ немъ слишкомъ сильно говорится о невозможности существованія Комитета въ его настоящемъ видѣ, слѣдовательно, онъ оскорбителенъ для его учредителей, между которыми главный, кажется, былъ Горчаковъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, а съ нимъ очень друженъ М.

Причины всякой отмѣны прежняго въ проектѣ должны быть указаны ясно и точно. Иначе почему-же бы предлагать эту отмѣну?

Увѣрены-ли вы, что никто не станетъ возставать противъ новой мѣры, предлагаемой въ проектѣ? А какъ отстранить это возраженіе, не объявивъ, почему настоящій Комитетъ не можетъ существовать.

Не должно принимать такихъ мѣръ: а) которыя поссорили-бы правительство съ общественнымъ мнѣніемъ, б) которыя, вмѣсто здѣшней, усилили-бы печать заграничную.

Октябрь.—1. М. сдѣлался кротокъ, какъ ягненокъ. Онъ теперь не прочь даже и отъ совершеннаго закрытія Комитета. Онъ говорилъ со мною объ этомъ. Странный человѣкъ. Въ немъ ни къ чему нѣтъ ни заклятой ненависти, ни живой любви. Онъ вертится, какъ вѣтреная мельница, по дуновенію въ данную минуту дѣйствующихъ на него мнѣній.

— 8. Я боялся, что захотятъ измѣнить редакцію проекта. Въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось-бы рѣзко воспротивиться. Къ счастью, этого не произошло. Было предложено нѣсколько мелкихъ измѣненій, и на эти я согласился безъ возраженія.

Положено ждать графа А. и, послѣ общаго совѣщанія съ министромъ, придти къ окончательному рѣшенію.

Сегодня вечеромъ читанъ былъ снова проектъ соединенія Комитета съ Главнымъ управленіемъ цензуры. Ему оставлена одна тѣнь значенія, и то, если министръ немного понатужится, то можетъ и совершенно его сломить, въ чемъ, впрочемъ, кажется, нѣтъ особенной надобности: онъ окончательно будетъ обезсиленъ.

М. и *** сильно озлоблены противъ литературы, особенно противъ, такъ называемой, обличительной литературы, послѣдними выходками ея. Они, кажется, расположены къ самымъ жесткимъ мѣрамъ. М., на мои возраженія, замѣтилъ, что во мнѣ виденъ литераторъ—впрочемъ, весьма любезно, шутя. Я отвѣчалъ ему, что я вѣрю въ то, что не Россія для литературы создана, а литература для Россіи, и что такъ какъ это сила, призванная ей на службу, то надо, чтобы она дѣйствовала. Вырывая плевелы, не должно уничтожать пшеницы.

Всякая революція нехороша, но нѣтъ ничего хуже, какъ ре-

волюція ускоренная, преждевременная. Она опасна, какъ преждевременные роды.

У меня, можетъ быть, не меньше ненависти къ деспотизму, безправію и всякому произволу, какъ у любаго изъ красныхъ, но они только ненавидятъ, а этого мало—надо дѣйствовать. Дѣйствовать-же по какому-бы то ни было слѣпому чувству, хотя-бы то по ненависти ко злу, не значитъ дѣйствовать ни разумно, ни справедливо. Жизнь требуетъ управленія, и кто беретъ на себя роль дѣятеля, тотъ принимаетъ на себя и отвѣтственность за послѣдствія.

— 17. Боленъ.

— 23. Пятница. Полегче. Засѣданіе у министра народнаго просвѣщенія по дѣлу о сліяніи Комитета по дѣламъ печати съ Главнымъ управленіемъ цензуры. Присутствовали: министръ, ***, графъ А. и я. Важное дѣло сліянія Комитета по дѣламъ книгопечатанія съ Главнымъ управленіемъ цензуры состоялось. Положено надняхъ поднести о томъ докладъ Государю. Въ запискѣ, писанной для того мною, Комитетъ самъ въ точныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ говоритъ не только о своей безполезности, но и вредности.

Говорено у министра о новой драмѣ Писемскаго, которую пропустилъ было С. Н. Полоузовъ. Драма изъ крестьянскаго быта. Въ ней помѣщикъ соблазняетъ жену крестьянина, и послѣдній, въ порывѣ ярости, убиваетъ перваго. Въ настоящую минуту, когда крестьянскій вопросъ въ самомъ разгарѣ, печатать эту драму найдено неблагоразумнымъ. Но какъ драма дѣйствительно, говорятъ, хороша, то ея не слѣдуетъ запрещать а, только остановить навремя.

Говорятъ, что по крестьянскому дѣлу большія несогласія между комиссіею и депутатами. Послѣдніе, между прочимъ будто-бы, явно стремятся къ конституціи.

— 26. Министръ призывалъ къ себѣ Писемскаго, очень хвалилъ его драму, далъ слово пропустить ее, только спустя нѣкоторое время.

Много толковъ о крестьянскомъ дѣлѣ. Пять депутатовъ подписали на имя Государя бумагу, въ которой просятъ о дарованіи открытаго судопроизводства, о присяжныхъ, о большей свободѣ печати и о правѣ, по которому дворянство могло-бы представлять

Государю о своихъ нуждахъ. Говорятъ, Государь принялъ эту бумагу благосклонно и обѣщалъ передать ее на разсмотрѣніе Государственному Совѣту [1]). Но отчего-же ее подписали пять депутатовъ изъ двадцати?

Ноябрь.—1. Былъ поутру у доктора Здекауера, посовѣтоваться о своемъ здоровьѣ, которое сильно пошаливаетъ...

Сегодня-же собраніе главныхъ учредителей „Общества пособія нуждающимся литераторамъ" у Егора Петровича Ковалевскаго. Тутъ, по свойственной намъ привычкѣ, каждый хотѣлъ быть первымъ со своимъ мнѣніемъ, изъ чего вышло много крику по пустякамъ. Положено всѣмъ собраться для открытія Общества и для выборовъ членовъ комитета 8-го ноября. Мнѣ поручено составить протоколъ этого собранія, чтобы потомъ передать его министру.

— 5. Четвергъ. Въ Царскомъ Селѣ, у графа А. Государь совершенно согласенъ съ нашимъ проектомъ о сліяніи Комитета съ Главнымъ управленіемъ цензуры. Одного онъ не одобрилъ только: чтобы президентъ Академіи наукъ былъ членомъ Главнаго управленія.

— 8. Воскресенье. Открытіе „Общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ" происходило въ квартирѣ министра народнаго просвѣщенія. Въ собраніи было человѣкъ пятьдесятъ. По прочтеніи параграфовъ устава, имѣющихъ отношеніе къ акту открытія и выбора членовъ комитета, общество провозглашено открытымъ и приступлено было къ выбору этихъ членовъ. Выбранъ и я. Мнѣ дали 29 голосовъ. Москва прислала 15, чего я вовсе не ожидалъ.

Потомъ комитетъ выбралъ предсѣдателемъ Ковалевскаго Егора Петровича; помощникомъ его—Кавелина; секретаремъ—Галахова; казначеемъ—Краевскаго. Предложили листъ и затѣмъ было рѣшено поблагодарить министра за его радушное участіе въ нашемъ дѣлѣ. На меня возложили сказать ему привѣтствіе.

Мы, то есть члены комитета, всѣ отправились къ министру, которому я и сказалъ отъ лица всѣхъ небольшое привѣтствіе.

---

[1]) Слухъ невѣренъ—подписавшимъ этотъ адресъ, напротивъ, велѣно сдѣлать строгій выговоръ. (Выноска автора, сдѣланная имъ позже на поляхъ „Дневника").

Поговоривъ немного со всѣми, министръ, при прощаніи, оставилъ меня у себя и здѣсь онъ разсказалъ мнѣ, что происходило въ четверговомъ засѣданіи Совѣта министровъ по поводу цензурнаго проекта. Были сильныя пренія. Впрочемъ, сліяніе бюро де прессъ съ Главнымъ управленіемъ цензуры не встрѣтило сопротивленія. Это дѣло, повидимому, рѣшенное.

Но вообще въ ходѣ цензурно-литературныхъ дѣлъ являются два непріятныя обстоятельства. Во-первыхъ, Государь оказывается сильно нерасположеннымъ къ литературѣ. Всѣ благородные, разумные и справедливые доводы министра въ защиту ея, кажется, не произвели большаго впечатлѣнія на умъ его, предубѣжденный ревнителями молчанія и безмыслія. Во-вторыхъ, цензуру намѣреваются отдѣлить отъ министерства народнаго просвѣщенія. Это будетъ важная мѣра, но едва-ли полезная самому правительству. Тутъ одно изъ двухъ: новая власть должна или прямо пойти противъ всякаго движенія, что опасно; или ничего новаго не сдѣлать—и тогда, гдѣ-же и за кѣмъ останется побѣда?

Хуже всего то, что этимъ правительство совершенно отдѣлится отъ мыслящей и просвѣщенной части общества. Отдавъ интересы ея подъ надзоръ полиціи, какой-бы то ни было, тайной или явной (министерство внутреннихъ дѣлъ), оно тѣмъ прямо противопоставитъ ее себѣ. Тутъ уже не можетъ быть и рѣчи о соглашеніи, о разумномъ уравновѣшеніи. Съ одной стороны лозунгъ: держи, останавливай, съ другой—прорывайся, обходи, ухищряйся, словомъ, дѣйствуй всѣми средствами, позволенными и непозволенными. Это весьма неудачно подражаніе французскому порядку.

Все зависитъ отъ системы, которую правительство изберетъ, и отъ послѣдовательности и умѣнья, съ которыми оно будетъ ей слѣдовать.

Я полагаю возможнымъ соединеніе въ одномъ началѣ здравыхъ и свѣтлыхъ умовъ, откуда бы они ни приходили.

— 15. Воскресенье. Большіе толки объ отдѣленіи цензуры отъ министерства народнаго просвѣщенія. Я говорилъ графу А. мои мысли о политическомъ неудобствѣ этого отдѣленія.

— Впрочемъ, прибавилъ я,—все дѣло въ томъ, чтобы послѣдовательно держаться какихъ-либо началъ, да не пугаться вся-

кой статьи, несогласной съ принятыми и утвердившимися понятіями. Цензура должна оберегать основной принципъ нашего государственнаго строя; прочее принадлежитъ къ обыкновеннымъ процессамъ вырабатывающейся и развивающейся жизни.

— 21. Суббота. Ѣздилъ въ Царское Село къ графу А. Роль моя по Комитету книгопечатанія кончена, и баронъ М. А. Корфъ набираетъ своихъ членовъ въ новый Главный комитетъ.

Корфъ ищетъ популярности. Можетъ быть, не слѣдовало-бы съ этого начинать, чтобы не пришлось потомъ поворотить оглобли.

— 22. Воскресенье. Очень тяжелое состояніе головы. Сегодня мнѣ даже сдѣлалось дурно, Опять былъ за совѣтомъ у Здекауера. Отъ него поѣхалъ къ ***.

*** утвердительно пророчески говоритъ, что управленіе Корфа больше года не просуществуетъ.

Корфъ сдѣлалъ большую ошибку, разгласивъ между литераторами, что онъ будетъ слѣдовать либеральной системѣ. Онъ такимъ образомъ возбудилъ надежды и притязанія, которыхъ самъ не будетъ въ состояніи выполнить. Тогда придется поворотить назадъ. Корфъ слишкомъ поспѣшилъ добиваться популярности, а главная ошибка, что онъ показалъ свое желаніе ея добиваться.

Уже начинается коалиція противъ новаго направленія.

Причина отдѣленія цензуры отъ министерства народнаго просвѣщенія, ходятъ слухи, самъ министръ. А за мѣсяцъ передъ этимъ вотъ что̀ онъ мнѣ говорилъ.

— Какъ Ковалевскій, я могу желать отдѣлаться отъ цензуры, потому что это тяжкое бремя. Но какъ гражданинъ, какъ русскій, я всѣми силами буду противодѣйствовать всякому покущенію отдѣлить ее отъ министерства народнаго просвѣщенія, потому что это можетъ имѣть пагубныя слѣдствія для литературы.

И между тѣмъ, онъ-же первый, говорятъ, въ Совѣтѣ министровъ, и предложилъ эту мѣру.

Дѣло въ томъ, что оторванная отъ министерства народнаго просвѣщенія цензура сдѣлается добычею всякаго искателя власти и вліянія. Теперь уже многіе зарятся на нее и затѣваютъ козни противъ Корфа, и нѣтъ ничего невозможнаго, чтобы пророчество *** оправдалось. Тогда, чего добраго, цензура, пожалуй, угодитъ

и въ III-е отдѣленіе. Вообще, она сдѣлалась, болѣе чѣмъ когда-либо, игралищемъ случайностей. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше нахожу, что нашъ проектъ былъ самый разумный и наиболѣе сообразный съ выгодами литературы и самого правительства.

— 24. Вторникъ. Болѣзнь моя продолжается. Я даже нѣсколько дней не выхожу.

Вчера писалъ ко мнѣ баронъ Корфъ, прося меня къ себѣ по дѣламъ службы. Я отвѣчалъ, что уже пятый день болѣзнь препятствуетъ мнѣ выходить изъ комнаты, но какъ скоро получу облегченіе, буду имѣть честь явиться къ нему.

Министръ зоветъ меня завтра къ себѣ. Докторъ позволяетъ завтра выѣхать.

— 27. Пятница. Все еще дурно идутъ дѣла моего здоровья. Теперь жду доктора, а тамъ пущусь къ министру и къ Корфу.

Зачѣмъ звалъ меня Корфъ? Не понимаю! Не полагалъ-ли онъ, что я буду просить его взять меня въ новый цензурный комитетъ? Въ такомъ случаѣ онъ ошибся. Въ заключеніе онъ просилъ меня повидаться съ Тройницкимъ для объясненій—какихъ, о чемъ? Покрыто мракомъ неизвѣстности.

Отъ Корфа поѣхалъ къ графу А., который все время говорилъ о Корфѣ и его дѣйствіяхъ. Графъ хотѣлъ быть у него.

Министръ объяснилъ мнѣ, какъ произошло отдѣленіе цензуры отъ министерства народнаго просвѣщенія. Это иниціатива самого Государя, а внушеніе графа С. Г. Строгонова.

1860 годъ.

Февраль.—3. Среда. Съ 22 ноября прошлаго года не писалъ я моихъ замѣтокъ. Это одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ моей жизни. Меня посѣтила тяжкая, серьезная болѣзнь. Я былъ подъ гнетомъ такихъ физическихъ страданій, которыя не разъ приводили меня къ мысли, что для меня уже все кончено, что еще одинъ толчекъ, и я буду переброшенъ туда, откуда уже нѣтъ возврата и куда обыкновенно такъ не хочется идти всему живущему. Началось какъ будто съ простуды, но по миновaніи

послѣдней потянулись безконечныя нити, обрывки которыхъ и до сихъ поръ меня опутываютъ. Слабость всего тѣла, соединенная съ невыносимою тоскою, преслѣдовала меня днемъ, а ночью голова осаждалась толчками, какимъ-то страннымъ перебираніемъ, подергиваніемъ, какими-то приливами и отливами... Нравственное мое состояніе доходило то до полнаго упадка воли и характера, то возвышалось до мужественной борьбы съ природою. Мысль о смерти стояла передо мной неотступно. Къ этому присоединялись еще какія-то суевѣрныя примѣты, которыя сильно меня тревожили. Очевидно, вся моя нервная система была потрясена. Такъ говорили и оба доктора—Вальцъ и Здекауеръ, котораго призывали на совѣщаніе. Между тѣмъ, неминуемой опасности въ моемъ положеніи не находили. Однако, полное возстановленіе силъ врачи обѣщаютъ только лѣтомъ, при совершенномъ отсутствіи всякихъ серьезныхъ занятій. Надо ѣхать или за границу, или въ деревню...

— 6. Суббота. Выздоровленіе мое плохо подвигается впередъ. Я, конечно, чувствую себя лучше, чѣмъ мѣсяцъ тому назадъ. Но пароксизмы слабости, особенно тоски и головныя неурядицы почти тѣ-же самыя. Однако, я понемногу приступаю къ занятіямъ.

— 7. Воскресенье. Вчера былъ въ засѣданіи Главнаго управленія цензуры и два часа выдержалъ хорошо. Но въ заключеніе всетаки я попросилъ позволенія удалиться, такъ какъ дѣла было много и засѣданіе обѣщало затянуться. Я ходилъ въ засѣданіе и назадъ пѣшкомъ. Морозъ въ 20°, но день прекрасный—тихій и свѣтлый.

Странный, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ Чевкинъ. Онъ такъ свирѣпствуетъ противъ литературы, что даже Панина далеко оставляетъ за собой. Въ послѣднемъ засѣданіи Главнаго управленія цензуры, напримѣръ, читано было его отношеніе къ министру съ такими замѣчаніями на какую-то статью о желѣзныхъ дорогахъ, которыя—то есть замѣчанія, всѣмъ членамъ до единаго показались противными здравому смыслу—каковы они и есть въ дѣйствительности. Разумѣется, ихъ отвергли и положили представить Государю, такъ какъ въ законѣ сказано, что въ случаѣ разногласія управленія съ какимъ-либо министромъ, оно проситъ разрѣшенія у его величества.

Мое мнѣніе о нераздробимости цензуры положено внести въ общую записку.

Глухой Медемъ что-то толковалъ о неприкосновенности власти. Его никто не слушалъ, такъ какъ онъ не слышалъ никого.

Вообще для литературы настала эпоха весьма неблагопріятная. Главное, Государь сильно противъ нея вооруженъ.

Министръ объяснялся со мной откровенно и выразилъ мысль, что въ Главномъ управленіи литература врядъ-ли найдетъ другихъ защитниковъ, кромѣ него самого, меня и Д*.

Докладъ министра Государю о преобразованіи цензуры съ начала до конца не иное что, какъ умная и благородная апологія литературы. Государь утвердилъ этотъ докладъ, и онъ былъ прочитанъ въ первомъ засѣданіи, какъ выраженіе принципа, которому цензура должна слѣдовать. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что ему не послѣдуютъ.

— 9. Вторникъ. Вотъ и билетъ на похороны Ростовцева, который умеръ въ субботу, въ семь часовъ утра. Сегодня его хоронятъ. Государь самъ закрылъ ему глаза. Онъ, говорятъ, изъявилъ скорбь свою тяжкими рыданіями. Этою смертью глубоко опечалены всѣ, кромѣ враговъ освобожденія крестьянъ. Конечно, это лучшее надгробное слово Ростовцеву.

Жизнь цѣнимъ мы высоко по инстинкту, который питаетъ непреодолимое отвращеніе къ смерти. Но должны ли мы цѣнить жизнь такъ по разуму? Неужели голосъ разума не долженъ имѣть никакой силы въ рѣшеніяхъ, касающихся нашихъ понятій, нашихъ убѣжденій и взглядовъ. Если инстинктъ имѣетъ свои права, то имѣетъ ихъ и разумъ, который также составляетъ часть нашего существа. А что-же говоритъ разумъ? Онъ говоритъ, что вещь, которой мы должны необходимо лишиться и которой можемъ лишиться ежеминутно, вещь столь преходящая и ненадежная—не заслуживаетъ цѣны, какую мы ей даемъ. Люди храбрые такъ обыкновенно о ней и думаютъ. Трусы трепещутъ отъ одной мысли ея лишиться.

Но съ разумомъ сообразно питать высокія вѣрованія въ разумное домостроительство жизни, въ божественное міроуправленіе и мірохраненіе. Въ такомъ случаѣ еще меньше причинъ сокрушаться о жизни.

— 10. Среда. Невыразимо тяжки эти моменты неопредѣленной тоски, которые постоянно посѣщаютъ меня во время моей болѣзни...

— 11. Четвергъ. Дѣйствительно, въ жизни такъ много эфемернаго и разочаровывающаго, что давать ей высокую цѣну становится почти смѣшнымъ въ глазахъ разсудка. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ люди съ высшимъ призваніемъ немного давали ей цѣны, такъ немного, что идею свою всегда ставили выше ея. Не значитъ-ли это, однако, что киселъ виноградъ? Нѣтъ, я, по крайней мѣрѣ, нахожу, что въ ней много прекраснаго, особенно много прекраснаго въ дѣятельности мысли, въ возвышенномъ и свѣтломъ воззрѣніи на природу, въ нѣкоторыхъ привязанностяхъ сердца, въ самомъ сознаніи, что живешь и дѣйствуешь. Но быстрота, съ которой она все приноситъ и уноситъ, зыбкость и ненадежность почвы, на которой она движется, какая-то случайность ея даровъ и ея лишеній—дѣлаютъ ее чѣмъ-то очень похожимъ на мечту, на сновидѣніе, даже на насмѣшку надъ нашими стремленіями, желаніями и надеждами, такъ что слишкомъ серьезная къ ней привязанность, излишнія заботы о ней и страхъ ее потерять становятся, въ свою очередь, чѣмъ-то смѣшнымъ, малодушнымъ, непростительнымъ, по крайней мѣрѣ, для человѣка съ умомъ и характеромъ.

— 11—15. Понедѣльникъ. Сегодня я всталъ съ головною болью, но въ то-же время чувствую какую-то особенную энергію въ душѣ. Можетъ быть и это болѣзненное, нервическое состояніе? Какъ бы то ни было, а это недурно. На зло этимъ преслѣдованіямъ болѣзни, я отправляюсь въ засѣданіе Главнаго управленія цензуры къ 12-ти часамъ. Такъ солдатъ, раненый въ битвѣ, перевязавъ кое-какъ свою рану, снова спѣшитъ на бой.

Всетаки не досидѣлъ до конца. Въ Главномъ управленіи цензуры занимались не важными дѣлами. Мнѣ отдали для прочтенія мнѣніе Пржецлавскаго о гласности, такого свойства, по словамъ Д*, что если ему послѣдовать, сдѣлается рѣшительно невозможнымъ въ литературѣ какое-либо мнѣніе о дѣлахъ общественныхъ. Вообще этотъ господинъ заявляетъ себя отъявленнымъ поборникомъ тьмы и безгласія.

Вечеромъ пришелъ Любощинскій и сообщилъ мнѣ новость, что на мѣсто Ростовцева по крестьянскому дѣлу назначенъ графъ Па-

нинъ. Это назначеніе поразило какъ громомъ всѣхъ друзей свободы и улучшеній. Образъ мыслей графа Панина извѣстенъ. Онъ постоянно противодѣйствовалъ всякому успѣху умственному, вещественному, юридическому и вообще всякому. Его привыкли считать первымъ на поприщѣ тьмы, безгласія, безправія и прочихъ подобныхъ прекрасныхъ дѣлъ. Какъ-же онъ будетъ вести себя там, гдѣ требуется именно все противное его прежнимъ понятіямъ и дѣяніямъ?

Нельзя не признаться, что съ Ростовцевымъ погибло для насъ много прекраснаго. Это общее убѣжденіе. Враги добра и мысли, видимо, поднимаютъ головы. Бѣдное мое отечество! Такъ шатки всѣ благія начинанія въ тебѣ! Стоитъ сойти съ поприща одному человѣку, чтобы все опять отодвинулось назадъ.

— 17. Среда. Опытъ вечерняго выѣзда. Былъ въ засѣданіи „Общества пособія нуждающимся литераторамъ" до 10-ти часовъ. Опытъ почти удался.

— 20. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Я выдержалъ его до конца хорошо и возвратился домой безъ особенной усталости. Говорилъ Пржецлавскому, что я совершенно несогласенъ съ его мнѣніемъ о гласности, которое въ самомъ дѣлѣ считаю неблагороднымъ и не умнымъ. Но написано оно гладко. У меня съ Пржецлавскимъ завязался горячій споръ, въ которомъ принялъ участіе и Д*. разумѣется, поддерживая меня. Но такъ какъ это пока было еще только частное преніе, которое не повело-бы ни къ какому рѣшенію, то я прекратилъ его, объявивъ, однако, всему собранію, что представлю письменное возраженіе.

— 23. Вторникъ. Читалъ въ первый разъ послѣ болѣзни лекцію въ университетѣ, то есть послѣ трехъ мѣсяцевъ, и я съ нѣкоторымъ страхомъ приступилъ къ этому опыту. Дѣло обошлось, однако, хорошо. Я прочелъ лекцію довольно живо и безъ особенной усталости.

Вчера вечеромъ, въ 7 часовъ, былъ на публичной лекціи О. Ѳ. Миллера, которую онъ читалъ о Шиллерѣ. Потомъ я сдѣлалъ Миллеру свои замѣчанія, которыми онъ и обѣщалъ воспользоваться.

— 27. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры отъ 12-ти почти до 4-хъ часовъ. Я храбро высидѣлъ его до кон-

ца, принималъ участіе въ преніяхъ, читалъ свой докладъ, но домой вернулся усталый и съ головною болью.

— 29. Понедѣльникъ. И всетаки я не могу разстаться съ мыслью, что среди всей этой страшной путаницы, неурядицы и безтолковщины человѣческой жизни есть что-то доброе, разумное, примиряющее и покоющееся на прочныхъ основахъ—и что это что-то заключается въ единомъ, всеобъемлющемъ, всесовершенномъ Существѣ, которое имѣетъ и желаніе, и власть исправлять недостатки и несовершенства вещей... Я не могу объяснить себѣ, какъ это возможно; но еще гораздо менѣе могу понять, какъ это можетъ быть невозможнымъ. Это, конечно, не ясное понятіе, не аксіома разумнаго вѣдѣнія—это только вѣрованіе. Но вѣрованіе также нельзя выкинуть изъ экономіи человѣческой природы, какъ и мысли.

Бываютъ состоянія человѣческой жизни, когда человѣкъ совершенно лишается всякой возможности управлять своей судьбой, когда онъ блуждаетъ во мракѣ, не зная куда направить шаги свои и что ожидаетъ его въ двухъ шагахъ отъ него. Тутъ ничего болѣе не остается, какъ отдать всего себя текущему мгновенію, не удручая себя мыслью о будущемъ, которая становится мучительною, когда ее нельзя утвердить на основательномъ предположеніи или вѣрной надеждѣ.

Я теперь нахожусь точно въ такомъ-же положеніи, какъ человѣкъ, попавшій подъ судъ. Дѣло его тянется, а онъ все сидитъ въ тюрьмѣ и не знаетъ, чѣмъ оно кончится, къ чему его приговорятъ, или не простятъ-ли его, вмѣнивъ ему въ наказаніе выдержанное имъ заключеніе и разныя истязанія, имъ уже претерпѣнныя.

Мартъ.—1. Вторникъ. Болѣзни не прекращаются въ моемъ домѣ. Какъ только поправится одинъ членъ семьи, заболѣваетъ другой. Вся нынѣшняя зима досталась намъ на то, чтобы отбиваться ежедневно отъ страданій. Особенно сильно напугалъ меня племянникъ, опасно болѣвшій скарлатиною.

Такъ называемыя радости—суть призраки. Одни страданія серьезны и существенны.

Въ судьбѣ человѣческой такъ много нелѣпаго, или, лучше сказать, такъ все нелѣпо, что разумъ, желающій это объяснить, долженъ придти въ отчаяніе. Вотъ почему необходимы вѣрова-

нія, которыя, конечно, не рѣшаютъ вопроса о человѣкѣ и не разъясняютъ ничего о немъ, но дѣлаютъ ненужнымъ это рѣшеніе и изъясненіе.

Изъ всего смѣшнаго въ человѣкѣ, самое смѣшное—гордость. Положимъ, что въ отношеніи къ способностямъ, онъ превосходитъ всѣ другія существа на землѣ. Но въ отношеніи къ своей судьбѣ, чѣмъ-же онъ выше какого-нибудь комара, котораго каждое дуновеніе вѣтра можетъ обратить въ ничто?

— 3. Четвергъ. Вчера вечеромъ засѣданіе въ комитетѣ „Общества пособія нуждающимся литераторамъ". Споръ съ Кавелинымъ о способѣ выбора въ члены. Я отвергалъ право комитета входить въ разбирательство поведенія и нравственности кандидатовъ, что превращаетъ его въ какую-то цензуру morum. Кавелинъ защищалъ противное. Я требовалъ безмолвной подачи голосовъ. Наконецъ, согласились, чтобы въ случаѣ сомнѣнія отлагать баллотировку на слѣдующее засѣданіе. Такъ какъ мое мнѣніе было такимъ образомъ принято, то я уже не читалъ заготовленной мною записки изъ чувства деликатности, можетъ быть и излишняго. Кавелинъ большой либералъ: онъ допускаетъ и проповѣдуетъ до красна свободу, съ правомъ безприкословнаго повиновенія его мнѣнію.

— 4. Пятница. У Чернышевскаго есть умъ, дарованіе, но, къ сожалѣнію, то и другое затемнено у него крайнею нетерпимостью. Онъ, на бѣду себѣ, считаетъ себя первымъ умникомъ и публицистомъ въ Европѣ.

Не распускайся въ безплодныхъ жалобахъ о томъ, что есть, а лучше думай о томъ, какъ-бы притупить по возможности жало того, что есть. Всетаки это лучше, чѣмъ усиливать зло усиленнымъ ощущеніемъ его.

— 9. Среда. Утромъ былъ у Адлерберга-старика. Говорено было о Театральномъ комитетѣ. Графъ выразилъ сомнѣніе въ его пользѣ, а я защищалъ его, но соглашался съ графомъ въ необходимости произвести нѣкоторыя перемѣны въ его составѣ, а главное—удалить отъ предсѣдательства Жихарева. Комитетъ необходимо отъ него освободить, такъ думаетъ графъ и намѣренъ это сдѣлать. Графъ былъ очень привѣтливъ и дружелюбенъ.

— 10. Четвергъ. Морозъ около 10 градусовъ и сильный вѣтеръ. Вотъ начало нашей весны.

— 11. Пятница. Доктора требуютъ, чтобы я непремѣнно ѣхалъ за границу. Это мнѣ мало улыбается. Я предпочелъ бы ѣхать въ деревню, но врачи и слышать объ этомъ не хотятъ.

— 13. Воскресенье. Подалъ министру просьбу объ увольненіи меня за границу въ отпускъ, на четыре мѣсяца, съ 15-го мая по 15-е сентября.

Министръ былъ очень ласковъ и откровененъ. Жалобы на неблаговидные поступки Пржецлавскаго, который дѣйствуетъ разными интригами въ пользу своей записки противъ гласности, такъ какъ ему становится очевиднымъ, что онъ встрѣтитъ сильную оппозицію въ Главномъ управленіи.

— 14. Понедѣльникъ. Поутру лекція въ университетѣ, вечеромъ засѣданіе въ комитетѣ „Общества для пособія нуждающимся литераторамъ". Предложилъ оказать пособіе семейству Талызина. Мнѣ поручено навести справки.

— 15. Вторникъ. Въ университетѣ читалъ лекцію живо, успѣшно и безъ усталости. Оттуда ѣздилъ навести справки о Талызиныхъ, чтобы въ слѣдующемъ засѣданіи окончательно испросить имъ пѐнсіонъ. Я дѣйствительно нашелъ ихъ вполнѣ заслуживающими покровительства Общества.

— 17. Четвергъ. Вчера простился съ благороднымъ, добрымъ другомъ моимъ В. И. Барановскимъ, который навсегда оставляетъ Петербургъ. Грустная, очень грустная разлука.

Въ молодости человѣкъ живетъ почти исключительно инстинктами, живетъ какъ животное высшаго разряда. Въ возрастѣ зрѣломъ онъ начинаетъ жить больше по разуму, самостоятельнѣе, человѣчнѣе. Но отъ этого онъ не живетъ счастливѣе.

— 19. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. У нѣкоторыхъ господъ есть искусство возбуждать такіе вопросы, которые, не бывъ возбуждены, прошли-бы совершенно незамѣченными, но которые, разъ поднятые, уже требуютъ рѣшенія, а рѣшенія эти часто бываютъ стѣснительными. Вотъ, напримѣръ, въ сегодняшнемъ засѣданіи баронъ Медемъ возбудилъ одинъ изъ такихъ вопросовъ. Между тѣмъ, съ нимъ объясняться нѣтъ никакой возможности: онъ такъ глухъ, что все, что можно, это только

сказать ему нѣсколько словъ въ трубу. И при этомъ онъ очень упрямъ.

Профессоръ Калмыковъ умеръ. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ ученыхъ и благородный человѣкъ! Онъ долго и много страдалъ. Недѣли полторы тому назадъ ему отрѣзали ноги, чтобы остановить распространеніе какого-то сухаго антонова огня. Это не спасло бѣднаго. Онъ и мнѣ былъ добрымъ любящимъ товарищемъ.

— 24. Четвергъ. Съ 12-ти часовъ до 4-хъ на экзаменѣ въ Аудиторскомъ училищѣ. Я не могъ туда не поѣхать по старымъ воспоминаніямъ, хотя всѣ эти дни мнѣ опять сильнѣе нездоровилось.

Умѣть воздерживаться отъ нѣкоторыхъ мыслей столь-же необходимо, какъ умѣть воздерживаться отъ вредныхъ снѣдей и напитковъ.

Меня неотступно преслѣдуетъ мысль о ничтожествѣ человѣческомъ, пропитанная горечью и ироніей. Мысль эта всегда была мнѣ присуща, но во время моей болѣзни особенно развилась. Какъ-бы ни было въ ней много справедливаго, ей, однако, слѣдуетъ положить предѣлъ, потому что и она такое-же ничтожество, какъ и все прочее въ человѣкѣ. Не надо отнимать силы у инстинктовъ жизни.

Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Управленіе сегодня было въ очень суровомъ расположеніи духа. Оно присудило цензора Драшусова къ увольненію отъ должности, а редактора „Свѣточа", Калиновскаго, опредѣлило предать суду. Первый подвергся остракизму по докладу члена Тройницкаго, который открылъ многіе его промахи въ „Московскомъ Вѣстникѣ" и въ „Развлеченіи". Графъ Адлербергъ и Пржецлавскій, особенно послѣдній, требовали, чтобы бѣдный Драшусовъ былъ формально отрѣшенъ. Но я, Мухановъ и министръ воспротивились этому и по нашему настоянію рѣшено было, по крайней мѣрѣ, отнестись къ предсѣдателю московскаго цензурнаго комитета, чтобы онъ посовѣтовалъ Драшусову подать просьбу объ отставкѣ. Я сильно поспорилъ съ Пржецлавскимъ. Этотъ господинъ дышетъ ненавистью ко всякой мысли и вообще къ печати, и онъ предлагалъ самыя жесткія мѣры. Его поддерживалъ ***. Я сказалъ ему:

— Не думайте дѣйствовать терроромъ. Ни правительственный, ни другой какой терроръ никогда не приводили къ добру.

Хуже всѣхъ Пржецлавскій. Онъ, очевидно, добивается какого-то значенія.

— 27. Воскресенье. Въ часъ собраніе „Общества для пособія литераторамъ". Прочитанъ былъ отчетъ, выбрано нѣсколько новыхъ членовъ, а потомъ мы, т. е. члены комитета, пошли къ фотографу Кучаеву, который просилъ у насъ позволенія снять съ насъ портреты въ группѣ. Я противился этому. Мнѣ вообще не нравится какое-бы то ни было добиваніе популярности, показываніе себя, что составляетъ одну изъ болѣзней нашего времени. Но на этотъ разъ я не могъ, безъ обиды товарищамъ, уклониться, какъ я уже не разъ уклонялся въ подобныхъ случаяхъ отъ изображенія меня между академиками, между литераторами, чтобы портретъ мой не торчалъ въ окнахъ магазиновъ.

Вчера былъ публичный диспутъ между профессорами Костомаровымъ и Погодинымъ. Одинъ защищалъ происхожденіе Руси изъ Литвы (Жмуди), другой изъ Скандинавіи. Диспутъ происходилъ въ большой университетской залѣ и народу собралось великое множество. Студенты разражались неистовыми рукоплесканіями, преимущественно въ честь Костомарова.

Какая въ этомъ спорѣ животворная истина? Никакой. Но тутъ было зрѣлище и толпа собралась. Нехорошо, что брали съ нея деньги. Положимъ, что это въ пользу нуждающихся студентовъ. Но, право, не хорошо штуками возбуждать общественную благотворительность въ ихъ пользу, да еще въ стѣнахъ университета. Говорятъ, хорошо, что публика дѣлается участницей умственныхъ интересовъ. Да развѣ это участіе въ умственныхъ интересахъ? Тутъ просто зрѣлище, своего рода упражненіе въ эквилибристикѣ. По поводу этого диспута, князь Вяземскій разрѣшился слѣдующей удачной остротой:—„Прежде мы не знали куда идемъ, а теперь не знаемъ и откуда".

Вчера министръ мнѣ объявилъ, что Государь согласенъ на мой отпускъ. Кромѣ того, министръ хлопочетъ о выдачѣ мнѣ пособія.

— 28. Понедѣльникъ. Засѣданіе въ комитетѣ „Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ". Просилъ о назначеніи пенсіи дочерямъ Талызина въ 250 рублей, не менѣе. Комитетъ утвердилъ это.

Кавелина можно опредѣлить слѣдующими словами: это ми-

лый, способный, но взбалмошный юноша. Странно, какъ распредѣляются природою способности у людей! Кавелинъ, безспорно, очень даровитый человѣкъ, а между тѣмъ въ умѣ его чего-то не хватаетъ. Онъ часто судитъ ни здраво, ни точно. Онъ вѣчно увлекается, но не столько страстностью своей натуры, сколько неспособностью останавливаться и углубляться въ вещи. Онъ гордится, повидимому, тѣмъ, что не отстаетъ отъ времени, а между тѣмъ не замѣчаетъ, что вѣтеръ времени гонитъ его, какъ щепку, и бросаетъ со стороны въ сторону. Ему непремѣнно хочется быть первымъ между, такъ называемыми, передовыми нашими людьми—и онъ готовъ шумѣть, скакать, волноваться и волновать другихъ, чтобы только его замѣтили. Кавелину, подобно многимъ изъ нашихъ передовыхъ людей, кажется, что онъ подвизается единственно за истину, за право, за свободу—а онъ подвизается въ то-же время, и чуть-ли не больше всего, за свою популярность. Мы крайне незрѣлы во многомъ еще—особенно незрѣлы характеромъ. Насъ безпрестанно увлекаютъ чужіе примѣры. Намъ мѣшаютъ спать репутаціи героевъ европейской исторіи. Мы чувствуемъ въ себѣ потребность служить отечеству, но не столько заботимся о томъ, чтобы дѣйствительно для него что-нибудь сдѣлать, сколько о томъ, чтобы казаться сдѣлавшими. Обидно, что на такія размышленія наводятъ даже люди, подобные Кавелину—богато одаренные природой, но не вырабатывающіе въ себѣ характера.

— 30. Среда. Получилъ оффиціальную бумагу отъ министра объ увольненіи меня въ отпускъ за границу на четыре мѣсяца для излеченія болѣзни и съ выдачею мнѣ пособія, взамѣнъ жалованья, вычитаемаго по Главному управленію цензуры и по университету.

— 31. Четвергъ. Справлялся на почтѣ о пароходахъ. Росписаніе рейсовъ еще не сдѣлано—къ 7-му апрѣля оно будетъ готово.

Апрѣль.—3. Воскресенье, день Пасхи. Во всю мою жизнь я, можетъ быть, разъ пять, и то по независящимъ отъ меня причинамъ, не присутствовалъ на заутренѣ и обѣднѣ этого праздника. Я люблю эту величественную драму-мистерію, темою которой служитъ отрадная глубокая идея возрожденія. Самая торжественность и пышность этой драмы, какими облекаетъ ее

наша церковь, вполнѣ соотвѣтствуютъ значенію идеи. Одно меня только часто приводило въ негодованіе—это небрежность, съ какою это богослуженіе большею частью отправляется въ нашихъ церквахъ. Попы, что называется, отхватываютъ заутреню и обѣдню, искажая ее торопливымъ безучастнымъ исполненіемъ. Присутствующіе за одно съ ними не знаютъ, кажется, какъ дождаться конца. Никто не одушевленъ, не проникнутъ истинною, великою поэзіею этого священнодѣйствія, въ которомъ подъ изящными символами духъ человѣческій отыскиваетъ и привѣтствуетъ свою будущность, затерянную въ бурныхъ тревогахъ и превратностяхъ существующаго порядка вещей.

На этотъ разъ я побоялся ѣхать въ церковь. Меня пугала страшная духота въ ней и выходъ на холодъ, гдѣ, еще полубольной, я легко могъ встрѣтиться съ простудой, которая ужъ очень не ладитъ съ идеей жизни, такъ радостно звучащей въ словахъ: „Христосъ Воскресе!“ Моя семья отправилась въ церковь безъ меня, а я остался дома съ Гебгардтомъ старшимъ и встрѣтилъ праздникъ чтеніемъ въ Евангеліи величественно простодушнаго повѣствованія о томъ, какъ воскресъ Христосъ.

— 4. Понедѣльникъ. Нельзя обязывать людей ни къ чему болѣе того, что мы сами въ состояніи сдѣлать.

Никто не бываетъ совершененъ—ни даже тотъ, который требуетъ совершенства отъ другихъ.

— 5. Вторникъ. Былъ кое у кого съ визитами. Вечеромъ въ семь часовъ гулялъ пѣшкомъ около часу. Время превосходное. Весь мартъ былъ довольно хорошъ, а особенно послѣдніе дни его и первые апрѣльскіе залиты сіяніемъ солнца. Тепла отъ 4-хъ до 6°. Я съ трудомъ хожу въ моей шубѣ, которую докторъ не велѣлъ скидывать до вскрытія Невы.

— 7. Четвергъ. День тихій и теплый. Нева прошла. Вечеромъ, около пяти часовъ, была значительная гроза и дождь.

Я записался въ почтамтѣ на пароходъ „Владиміръ“ въ Штетинъ на 14-е мая. Итакъ, это рѣшено: отсюда всѣ колебанія и нерѣшимости прочь.

— 9. Суббота. Мы вздумали перемѣнить 14-е число на 7-е. Я получилъ и билеты, уже только не на „Владиміръ“, а на „Орелъ“. За четыре съ половиною мѣста во второмъ разрядѣ и за одно въ третьемъ я заплатилъ 190 рублей 75 копѣекъ.

— 10. Воскресенье. Отецъ мой обыкновенно говаривалъ при какой-нибудь новой неожиданной бѣдѣ: „это для того, чтобы ни одинъ родъ бѣдствій не оставался для меня чуждымъ". Дѣйствительно, это была какая-то его привилегія. Я могу сказать то же о себѣ, начиная съ прошлаго ноября мѣсяца. Все это время болѣзни, одна тяжелѣе другой, не переводились въ моей семьѣ. Бремя страданій постоянно перекладывалось въ ней съ однихъ плечъ на другія. Разумѣется, глупо говорить тутъ о судьбѣ или о чемъ-нибудь подобномъ. Все это игра случайностей, проистекающая изъ нищеты нашей природы и условій жизни, среди которыхъ она зыблется.

— 13. Среда. Сегодня въ первый разъ вздохнулъ полегче: моимъ больнымъ лучше.

Надо отличать въ людяхъ пороки темперамента отъ пороковъ, проистекающихъ изъ нашего высокаго мнѣнія о самихъ себѣ, отъ пороковъ, порождаемыхъ умственнымъ высокомѣріемъ. Люди, одержимые первыми, заслуживаютъ сожалѣнія; но вторые невольно возбуждаютъ чувство отвращенія или, скорѣе, презрѣнія.

Говорятъ, что энергія всегда совпадаетъ съ самонадѣянностью: силѣ свойственно впадать въ преувеличенія. Неужели энергія должна уменьшаться по мѣрѣ того, какъ человѣкъ начинаетъ пріобрѣтать болѣе зрѣлыя и вѣрныя понятія о самомъ себѣ, о людяхъ, о мірѣ и объ отношеніяхъ своихъ къ нимъ. Неужели же сила исключаетъ истину? Мнѣ кажется, что это скорѣе недостатокъ человѣческаго образованія, чѣмъ законъ.

— 14. Четвергъ. Спектакль въ пользу „Общества для пособія нуждающимся литераторамъ". Игранъ былъ „Ревизоръ". Писемскій игралъ городничаго. Пьеса шла неблистательно, но денегъ собрано много. Всѣ мѣста почти были заняты. Мы, члены комитета, распоряжались спектаклемъ, какъ хозяева. Я пробылъ тамъ до 11-ти часовъ и возвратился домой не почувствовавъ ни мало усталости, несмотря на то, что почти все время пробылъ на ногахъ.

Спектакль посѣтилъ великій князь Константинъ Николаевичъ.

Тамъ встрѣтился со мной Павловъ и разразился въ ужасныхъ жалобахъ на предсѣдателя московской цензуры М. П. Щербинина.

— 16. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. У меня разбаливаться начала отъ него голова, потому что оно продолжалось съ 12-ти часовъ до 4-хъ. Важнаго, впрочемъ, ничего не было. Графъ А. В. Адлербергъ пріѣхалъ поздно, но все-таки нашелъ довольно времени, чтобы напасть съ ожесточеніемъ на нѣкоторыя фразы изъ читаемыхъ статей. Съ нѣкотораго времени онъ выражаетъ самыя претительныя мысли......

— 21. Четвергъ. Вечеромъ у Ребиндера. Тамъ былъ одинъ изъ депутатовъ по крестьянскому дѣлу и С. Первый разсказывалъ странныя вещи о графѣ Панинѣ и его дѣяніяхъ по комитету — между прочимъ о томъ, какъ графъ сдѣлалъ рисунокъ для стола, за которымъ должны засѣдать члены, считая это весьма важнымъ дѣломъ. Съ другимъ у меня завязался споръ о достоинствахъ нѣкотораго лица. С. обыкновенно вдохновляется кѣмъ-нибудь изъ самыхъ ярыхъ либераловъ—въ данную минуту Кокоревымъ, у котораго занимаетъ деньги и, вѣроятно, потому считаетъ его величайшимъ геніемъ русской земли. Я, однакожъ, поступилъ нехорошо, вдаваясь слишкомъ серьезно въ пренія съ человѣкомъ, которому въ сущности нѣтъ дѣла до настоящаго смысла и значенія вещей.

Надо дѣйствовать такъ, чтобы правительство само помогало хорошимъ реформамъ, потому что безъ помощи его мы не можемъ ихъ дѣлать. Но вмѣсто того, мы его дразнимъ—и для чего? Для того, что нашему самолюбію пріятно выставлять себя единственными виновниками всего хорошаго.

— 22. Пятница. Экзаменъ IV курса въ университетѣ. Вечеромъ былъ въ спектаклѣ, который давался въ пользу нашего Общества.

— 23. Суббота. До сегодняшняго дня погода весь апрѣль стояла прекрасная. Вчера еще было свѣтло, хотя довольно холодно, а сегодня мокрый снѣгъ съ дождемъ и всего $3^1/_2°$ тепла.

Большой раутъ у Егора Петровича Ковалевскаго. Тутъ было нѣсколько министровъ: Горчаковъ, министръ народнаго просвѣщенія, министръ финансовъ, нѣсколько литераторовъ, дамъ и пр. Дѣлалось, что обыкновенно дѣлается на этихъ вечерахъ—разговаривали, другъ другу кадили, ѣли сласти, пили чай. Я возвратился домой часовъ въ двѣнадцать, пѣшкомъ. Гончаровъ довелъ меня до Литейной.

Талейранъ говорилъ, что слово дано намъ, чтобы скрывать наши мысли. Къ этому можно прибавить, что умъ данъ намъ, кажется, для того, чтобы насъ обманывать.

Я вышелъ изъ рядовъ народа. Я плебей съ головы до ногъ, но я не допускаю мысли, что хорошо дать народу власть. На землѣ не можетъ быть ни всеобщаго довольства, ни всеобщаго образованія, ни всеобщей добродѣтели. Изъ многихъ всегда будутъ выдѣляться нѣкоторые съ перевѣсомъ того, чего недостаетъ другимъ. Массѣ никогда не будетъ доставать тѣхъ элементовъ, которые дѣлаютъ власть справедливою, мудрою, просвѣщенною— и она по необходимости или употребитъ ее во зло, или передастъ ее въ руки одного и такимъ образомъ неизбѣжно приведетъ къ деспотизму. Народъ долженъ быть управляемъ, а не управлять. Но онъ долженъ имѣть право предъявлять свои нужды, указывать правительству на пороки и злоупотребленія тѣхъ лицъ, которыя поставлены для охраненія и исполненія законовъ. Но изобрѣтать мѣры и постановлять рѣшенія онъ не долженъ: ему для этого не достаетъ ни времени, ни просвѣщенія. Однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ первенство за аристократіей. Не многіе или нѣкоторые, которые занимаются дѣлами управленія, должны получать власть по праву избранія, а не по праву привилегій или какихъ либо другихъ случайностей

. . . .

— 30. Суббота. Взялъ вчера паспорты за границу.

Если вы раздражаетесь, то откажитесь отъ претензій руководить и управлять другими.

Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Жаркія пренія по поводу статьи К. К. Арсеньева о необходимости гласнаго судопроизводства. Пржецлавскій, разумѣется, былъ противъ этой статьи, съ нимъ за одно Берте. Но всѣ прочіе были за напечатаніе статьи, не исключая *** и Муханова.

Май.—1. Воскресенье. Холодъ. Прощальные визиты графу Блудову, Княжевичу, Д* и Муханову.

— 2. Понедѣльникъ. Отвратительный холодъ, такъ что я раскаивался, что не надѣлъ сегодня шубы. Вотъ пріятный спутникъ собирающимся въ путь дорогу, особенно моремъ. Меня пугаютъ холодомъ, совѣтуютъ взять шубы. Поутру экзаменъ въ Римско-Католической академіи. Вечеромъ засѣданіе въ Комитетѣ

для пособія нуждающимся литераторамъ. Бездна хлопотъ передъ отъѣздомъ.

— 6. Пятница. Сборы, суматоха и скука. И все это дѣлается безъ довѣрія къ будущему и съ досадою, зачѣмъ дѣлается. Я предпочелъ бы, напримѣръ, поѣздку въ деревню, что меньше стоило-бы и денегъ, и времени, и усилій.

Но полно. Мужество состоитъ въ томъ, чтобы уже не колебаться, ступивъ на путь. Итакъ—впередъ, по крайней мѣрѣ съ рѣшимостью и свободою духа, если не съ довѣріемъ къ судьбѣ.

Между прочимъ, вчера случилась нѣкоторая непріятность. Изъ мѣшка съ золотомъ, которое приготовлено для дороги и разложено въ пачкахъ, мы не досчитываемся пачки съ 20-ю полуимперіалами. Есть сильный поводъ подозрѣвать лакея Осипа, но настоящихъ уликъ нѣтъ, да и некогда дѣлать разысканія. Приходится забыть эту потерю, хотя 20-ть полуимперіаловъ для меня не пустая вещь. Надо утѣшать себя и тѣмъ, что бездѣльникъ, присвоившій себѣ эту сумму, могъ-бы присвоить и гораздо больше и посадить меня, какъ говорится, совсѣмъ на мель.

А теперь, листки эти ступайте въ портфель до Берлина.

— 7. Суббота. Въ часъ мы на Англійской набережной простились съ провожавшими насъ знакомыми и отправились въ Кронштадтъ, гдѣ на рейдѣ пересѣли на пароходъ „Прусскій Орелъ“, на которомъ и должны были плыть въ Штеттинъ. Въ шесть часовъ вечера пароходъ снялся съ якоря, и мы понеслись по волнамъ Финскаго залива. Погода была прекрасная и сопровождала насъ до самаго Штеттина. На другой день, то есть въ воскресенье, я уже могъ любоваться величественнымъ зрѣлищемъ открытаго безпредѣльнаго моря. Зрѣлище дѣйствительно величественное—безъ всякаго излишества, восторговъ и сентиментальностей. Море слегка рябило волнами и только подъ колесами парохода оно сердито шумѣло, слегка вздувалось и разсыпалось серебристой пѣной. Вѣтеръ былъ противный, и потому мы шли на парахъ. Иногда онъ, повидимому, перемѣнялъ направленіе, и тогда тотчасъ ставили паруса. Я съ семействомъ большею частью сидѣлъ за кормою, гдѣ мы были защищены отъ вѣтра. Съ нами ѣхалъ И. А. Гончаровъ. Вообще общество на пароходѣ было порядочное. Мы не замедлили сблизиться съ генераломъ

Шульманомъ и его женой и съ премилою дамою А. В. Вилламовою.

Пароходъ хорошо устроенъ. Все на немъ опрятно и порядочно. Одно только дурно: на него было принято много сверхкомплектныхъ пассажировъ, и оттого въ общей каютѣ стояла ужасная тѣснота, особенно во время обѣда и ночью, когда всѣ сверхкомплектные собирались сюда. Спать имъ предоставлялось гдѣ попало. Иные успѣвали захватить себѣ мѣсто на диванѣ, остальные располагались на полу, чуть не другъ на другѣ. Койки всѣ до одной были заняты. Мнѣ досталась койка внизу, а семья моя заняла весь небольшой уголокъ на женской половинѣ. Не обходилось и безъ комическихъ сценъ. Одинъ пожилой нѣмецъ никакъ не могъ помириться съ своимъ сверхкомплектнымъ положеніемъ и самымъ безцеремоннымъ образомъ забирался въ первую койку, хозяинъ которой еще не успѣвалъ въ нее улечься. Но вотъ хозяинъ возвращается и, ничего не подозрѣвая, собирается занять свое ложе, а оно уже занято, и на него оттуда выглядываетъ чья-то умильно улыбающаяся рожа и чья-то голова въ ночномъ колпакѣ привѣтливо ему киваетъ. Нѣтъ возможности не разсмѣяться—онъ такъ и дѣлаетъ. А злополучный сверхкомплектный пассажиръ, при первомъ-же требованіи настоящаго хозяина койки безпрекословно, съ изысканною любезностью уступаетъ ему мѣсто и идетъ дальше искать другое, еще незанятое, ложе. Повторяется та-же сцена—и такъ въ теченіе всей ночи. Я прозвалъ этого пассажира кукушкой и съ любопытствомъ слѣдилъ за невозмутимо-добродушнымъ упорствомъ, съ какимъ онъ посягалъ на чужія мѣста и которое не измѣнило ему до самаго Штеттина.

Обѣдъ подавался въ три часа и очень хорошій.

Первыя мѣста отличались отъ нашихъ вторыхъ прекрасно устроенною галлереею на палубѣ, куда сходились обѣдать пассажиры обоихъ классовъ. Сперва тѣснота нашихъ каютъ и койки, висящія по сторонамъ, какъ птичьи гнѣзда, сдѣлали на меня непріятное впечатлѣніе, но я скоро къ этому привыкъ.

Въ понедѣльникъ къ вечеру, когда мы поравнялись съ островомъ Гохландомъ, начало покачивать. Многихъ изъ дамъ и мужчинъ также немедленно укачало. Но мы храбро держались. Я не испытывалъ ни малѣйшаго непріятнаго ощущенія, напро-

тивъ, былъ бодръ, веселъ и такъ здоровъ, какъ уже давно себя не чувствовалъ. Ночь съ понедѣльника я почти всю провелъ на палубѣ, гдѣ трудно было ходить отъ качки.

Въ шесть часовъ утра, во вторникъ, мы были уже въ Свинемюндѣ, а въ девять и въ Штеттинѣ. Въ Свинемюндѣ насъ на пароходѣ осматривали таможенные—весьма учтиво и безъ придирокъ. Мы объявили, что веземъ съ собой нѣсколько фунтовъ чаю, за что и заплатили ничтожную пошлину. Въ Штеттинѣ мы пробыли до двухъ часовъ, а въ четыре пріѣхали въ Берлинъ.

Дорога отъ Штеттина до Берлина по однообразной равнинѣ, но мимо часто мелькаютъ опрятныя деревушки. Переѣздъ изъ Помераніи въ Бранденбургію замѣтенъ тѣмъ, что мѣстность вдругъ становится скучнѣе, песчанѣе и лѣсистѣе.

— 13. Пятница. Ѣздили съ А. В. Вилламовою и Ф. Г. Шульманомъ въ Потсдамъ, гдѣ вторично осматривали то, что видѣли уже въ 1857 году. Въ Сансуси на этотъ разъ успѣли только заглянуть, а во дворцѣ совсѣмъ не были, потому что тамъ живетъ сумасшедшій король.

— 15. Воскресенье. Поутру былъ у Фрерикса, знаменитаго берлинскаго доктора. Онъ прочиталъ исторію моей болѣзни, изложенную Вальцемъ, изслѣдовалъ меня самъ, потомъ сказалъ что болѣзнь моя—разстройство нервной системы и печени. Вальцъ отлично меня пользовалъ, и онъ, Фрериксъ, рѣшительно ничего не имѣетъ прибавить, а совѣтуетъ, какъ и Вальцъ, сначала ѣхать въ Киссингенъ, потомъ отдыхать въ Альпійскихъ горахъ и въ заключеніе купаться въ морѣ.

Вечеромъ—прогулка въ Шарлотенбургъ. Длинная аллея съ хорошенькими домиками въ Тиргартенѣ привела насъ къ дворцу, гдѣ мы немного погуляли въ саду. Былъ сильный холодъ съ дождемъ.

— 16. Понедѣльникъ. Въ семь часовъ утра оставили Берлинъ и въ двѣнадцать прибыли въ Дрезденъ. Остановились въ отелѣ „Франкфуртъ", рекомендованномъ намъ Гончаровымъ, который уже тутъ насъ дожидался. Отель не роскошный, но хозяинъ очень усердный и услужливый. Придется остаться тутъ, пока пріищемъ квартиру для дѣтей.

— 17. Вторникъ. Погода ужасная. Безпрерывный дождь, съ

такимъ холоднымъ, пронзительнымъ вѣтромъ, какой и въ Петербургѣ рѣдко бываетъ въ маѣ.

— 19. Четвергъ. Ѣздили въ Пильницъ къ госпожѣ Бульмерингъ, чтобы посовѣтоваться съ нею насчетъ пребыванія моей семьи въ Дрезденѣ на время моей поѣздки въ Киссингенъ и въ Швейцарію. Туда ѣхали мы по правому берегу Эльбы, среди богатыхъ нивъ, сквозь почти непрерывный рядъ деревенекъ, а оттуда возвращались лѣвымъ подгорнымъ берегомъ. Что за прелестныя мѣста—сады, парки, рощи скаты горъ, деревеньки, дачи! Путь нашъ окончился Шиллеровою улицею съ великолѣпною каштановою аллеею, врѣзывающеюся въ самый городъ. Посреди улицы статуя Шиллера, противъ того домика, гдѣ онъ жилъ со своимъ другомъ Вернеромъ. Тутъ былъ и центръ торжества, происходившаго въ прошломъ году въ честь Шиллера.

— 22. Воскресенье. Дни проводимъ въ прінсканіи квартиры и прогулкахъ по городу съ Гончаровымъ, который одержимъ неистовою страстью бродить по городу и покупать въ магазинахъ разныя ненужныя вещи. Мы перепробовали съ нимъ сигары почти во всѣхъ здѣшнихъ лучшихъ сигарныхъ магазинахъ.

Чаще всего бываемъ мы на Брюлевской террасѣ.

Надняхъ ходили въ галлерею, гдѣ я снова наслаждался созерцаніемъ Сикстинской Мадонны.

Сегодня ѣздили за-городъ въ Вальдшлёсхенъ. Чудесные виды Вездѣ, по случаю праздничнаго дня, толпы гуляющаго и отдыхающаго народа, но все чинно, прилично.

— 23. Понедѣльникъ. Прогулка въ Тарантъ со всей семьей и съ Гончаровымъ въ коляскѣ. Отъ самаго Дрездена начинается рядъ деревень и непрерывно тянется до самаго Таранта. Мѣстность, сперва лишь слегка холмистая, вдругъ принимаетъ видъ горнаго ущелья, напоминающаго виды Саксонской Швейцаріи. Самый Тарантъ прижатъ въ углу къ горамъ. Тутъ-же утесъ, на которомъ съ одной стороны расположена церковь, а съ другой возвышаются развалины какого-то стариннаго зданія—все это чудно, прекрасно! Рѣзвый потокъ огибаетъ съ одной стороны уголокъ, гдѣ пріютилась гостинница, и образуетъ изъ него маленькій полуостровъ. Уголокъ этотъ такъ свѣжъ, уютенъ и милъ, что невольно призываетъ въ немъ отдохнуть. Такъ мы и сдѣлали; спросили земляники, молока. Къ обѣду вернулись въ Дрезденъ.

Недаромъ всѣ путешественники твердятъ о Тараитѣ и ѣздятъ имъ любоваться. Это одна изъ пріятнѣйшихъ прогулокъ въ окрестностяхъ Дрездена. Я, къ сожалѣнію, мало могъ наслаждаться, такъ какъ весь день очень дурно себя чувствовалъ.

Видѣлся съ докторомъ Вальтеромъ—здѣшнимъ медицинскимъ свѣтиломъ. Главная цѣль моего настоящаго свиданія съ нимъ было совѣщаніе о здоровьѣ дѣтей, которыхъ здѣсь оставляю. Мое намѣреніе поселить ихъ въ Пильницѣ Вальтеръ не одобрилъ, говоря, что Эльба тамъ не такъ удобна для купанья, какъ въ Дрезденѣ, пониже или немного повыше моста. Обо мнѣ онъ повторилъ то-же, что говорили Фрериксъ и Вальцъ.

— 26. Четвергъ. Переѣхали на квартиру, которую наняли въ Прагеръ-штрассе для дѣтей на время моего отсутствія изъ Дрездена. Квартира очень миленькая, на концѣ новой улицы, и расположена такъ, что находится недалеко отъ центра города, но въ то-же время, стоитъ только завернуть за уголъ налѣво, какъ выходишь въ поле и въ двадцать минутъ ходьбы достигаешь Гросгартена. Въ квартирѣ три чистенькія свѣтлыя комнатки въ нижнемъ этажѣ—по здѣшнему партеръ—кухня, садикъ. Вся мебель, бѣлье столовое и на четыре постели, вся посуда—хозяйскія. И за все это 25 талеровъ въ мѣсяцъ. Домъ № 16.

— 31. Вторникъ. Выѣхалъ въ Киссингенъ вмѣстѣ съ женою. Гончаровъ ѣхалъ съ нами до Плауена, откуда направился въ Маріенбадъ.

Іюнь.—1. Среда. Черезъ Лейпцигъ и Гофъ доѣхали мы по желѣзной дорогѣ до Швейнфурта. Оттуда въ мальпостѣ продолжали путь до Киссингена. Дорога пролегаетъ по живописной мѣстности. Въ Киссингенъ мы пріѣхали въ семь часовъ вечера и остановились въ отелѣ „Сотье".

— 7. Вторникъ. Киссингенъ прелестное мѣстечко. Сегодня послѣ обѣда ѣздили вмѣстѣ съ Шульманами въ Боклетъ, на разстояніи часа ѣзды отсюда. Тамъ тоже минеральный источникъ, но другого свойства. Мѣсто это очень живописно, хотя уступаетъ Киссингену. А посѣщается оно куда меньше послѣдняго. Въ настоящее время въ немъ пребываютъ и пользуются водами всего семнадцать человѣкъ. Мы погуляли тамъ съ часъ, а на возвратномъ пути насъ застигъ дождь.

Поутру былъ у меня графъ А—нъ и принесъ мнѣ послѣдній

нумеръ „Колокола“. Въ этомъ нумерѣ мало остроумія и правда сильно перемѣшана съ ложью.

— 8. (20). Среда. Передъ обѣдомъ сдѣлали сегодня прелестнѣйшую прогулку къ развалинамъ замка Боденлаубе, на высокой горѣ, вправо отъ Киссингена. Туда ведетъ дорожка, довольно отлогая, по здѣшнему обыкновенію обсаженная грушами и яблонями. На ней мѣстами встрѣчаются скамейки, такъ что можно безъ малѣйшаго утомленія добраться до вершины горы. У подошвы втораго выступа ея стоитъ опрятный домикъ съ садикомъ—это ресторанъ. Обогнувъ его и миновавъ этотъ выступъ, мы скоро взошли на самую вершину горы, гдѣ нѣкогда, говорятъ, красовался величественный замокъ. Но теперь тутъ торчатъ только грубые каменные обломки, по виду которыхъ трудно опредѣлить ихъ первоначальное назначеніе. Но виды отсюда очаровательны. Всѣ противоположныя высоты тутъ передъ вами, какъ на ладони, и между ними чистенькій, миловидный Киссингенъ лежитъ весь на показъ, точно въ корзинѣ зелени и цвѣтовъ. Взоръ далеко обнимаетъ безпредѣльный горизонтъ, испещренный холмами, лѣсами, богатыми нивами, виноградниками. Все здѣсь прекрасно; все производитъ впечатлѣніе довольства и благосостоянія.

День, хотя сѣренькій, но теплый и безъ дождя.

— 12. (24). Воскресенье. Послѣ обѣда гуляли на ближайшей горѣ, гдѣ въ настоящее время на самой вершинѣ, рядомъ съ баварскимъ, развѣвается виртембергскій флагъ, въ честь королевы виртембергской, которая теперь въ Киссингенѣ. Вся эта возвышенность не иное что, какъ прекрасный паркъ, съ отлогими, извилистыми дорожками, бесѣдками и скамьями для отдыха гуляющихъ. Со всѣхъ сторонъ очаровательные виды. Мы обошли всю гору, останавливаясь для отдыха на лучшихъ мѣстахъ и любуясь живописною мѣстностью и прелестнымъ вечеромъ. Въ семь часовъ мы спустились въ кургаузъ, гдѣ еще послушали хорошей музыки. Тутъ было очень тѣсно. Наѣхало много новыхъ лицъ. Вообще здѣсь замѣтенъ постоянный приливъ и отливъ ихъ. Они быстро смѣняются, какъ въ пестромъ калейдоскопѣ. Между прочимъ, познакомился съ очень интереснымъ лицомъ, съ бывшимъ нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ, Бутеневымъ.

— 13 (25). **Понедѣльникъ.** Послѣ обѣда отправились къ развалинамъ замка Боденлаубе. Было еще довольно жарко, и мы съ нѣкоторымъ трудомъ, два раза отдыхая, добрались до ресторана у подошвы скалы съ развалинами. Здѣсь мы отдохнули и отправились обратно по гребню сосѣдней горы къ такъ называемой Голгоѳѣ. Съ этого гребня весь Киссингенъ: долина, по которой извивается шаловливая Саала; каштановая аллея и группы деревьевъ, среди которыхъ она мелькаетъ, окрестныя горы, покрытыя лѣсомъ съ разными оттѣнками зелени—все это составляетъ великолѣпный ландшафтъ, обнимаемый однимъ взглядомъ. Мы углубились въ небольшой сосновый лѣсокъ и намъ представились: налѣво—небольшая часовня, а направо—высокій пьедесталъ съ распятіемъ и скульптурными изображеніями лицъ, присутствовавшихъ при послѣднихъ страданіяхъ и кончинѣ Христа. Отсюда дорожка ведетъ внизъ по крутому скату, и съ одной стороны ея, въ равномъ другъ отъ друга разстояніи, каменныя ниши съ скульптурными изображеніями разныхъ моментовъ скорбнаго пути Іисуса. Надо сказать правду, изображенія эти такъ грубо исполнены, что производятъ очень непріятное впечатлѣніе. Но вотъ и конецъ лѣсу, и послѣдній спускъ въ долину, къ дорогѣ, ведущей въ какую-то деревеньку. Что за восхитительный сельскій видъ открывается здѣсь на поля и золотистыя нивы, съ обѣщаніями богатѣйшей жатвы. Надъ полями тамъ и сямъ взвивались жаворонки и наполняли воздухъ неумолкаемымъ пѣніемъ, а иногда слышался и крикъ моего земляка перепела. Я присѣлъ на камень и долго любовался этою мирною, прекрасною картиною, стараясь, однако, обѣгать взоромъ грубыя изображенія Христовыхъ страстей.

— 15 (27). **Среда.** Читалъ русскія газеты. Мало хорошаго. Плутовство и безтолковость нашихъ акціонерныхъ обществъ; пустота дачныхъ увеселеній и т. д.

Письма изъ Дрездена: слава Богу, тамъ все благополучно. Но дурныя вѣсти оттуда-же отъ Ребиндера. Жена его быстрыми шагами идетъ къ могилѣ. Уже послали за священникомъ въ Берлинъ. Жаль мнѣ бѣднаго Ребиндера! Зло предвидѣно давно, но оно ничѣмъ не лучше неожиданнаго. Это только другая варація на ту-же тему.

— 16 (28). **Четвергъ.** Вечеромъ, часовъ около девяти, иллю-

минація кургауза и фейерверкъ по случаю завтрашнихъ именинъ королевы виртембергской Паулины, которая пользуется здѣшними водами. Иллюминація при тихомъ и хорошемъ вечерѣ была недурна, а фейерверкъ даже очень хорошъ.

— 17 (29). Пятница. Все утро провелъ съ графомъ А—нымъ, съ которымъ мы какъ-то сошлись и часто бываемъ вмѣстѣ. Онъ уменъ, но, по обыкновенію нашихъ аристократовъ, очень легко образованъ, на что и самъ сильно жалуется и ропщетъ. У него было три гувернера одинъ за другимъ, два француза и послѣдній нѣмецъ. Отъ нихъ онъ научился курить, волочиться за женщинами; они не передали ему даже грамматическаго знанія своихъ языковъ. Затѣмъ онъ поступилъ въ Пажескій корпусъ, гдѣ тоже не многому научился. Теперь онъ старается пополнить недостатки своего образованія основательнымъ чтеніемъ; читаетъ много и серьезныя вещи, но чувствуетъ, что подъ нимъ нѣтъ твердой почвы. Жаль! Въ этомъ человѣкѣ много элементовъ, изъ которыхъ могло-бы образоваться что-нибудь очень хорошее. Умъ его наклоненъ къ серьезному, дѣльному, но ему недостаетъ твердыхъ опоръ. Въ немъ много стремленій къ благородной, широкой дѣятельности. Но за что и какъ приняться?—онъ не знаетъ. Его взглядъ на самого себя и на современное поколѣніе довольно вѣренъ, хотя неутѣшителенъ.

Вечеромъ былъ, по обыкновенію, въ кургаузѣ. Завелъ нѣсколько новыхъ знакомствъ, и въ томъ числѣ съ вице-президентомъ с.-петербургской медицинской Академіи, Иваномъ Тимоѳеевичемъ Глѣбовымъ. Все время шелъ дождь. Но показались двѣ радуги и одна такая великолѣпная, какую я рѣдко видѣлъ. Я долго любовался ею на лугу за Саалою, прикрывшись зонтикомъ. Но холодный, сѣверный вѣтеръ, родной сынъ, если не братъ, нашего петербургскаго, прогналъ меня домой.

— 18 (30). Суббота. Въ кургаузѣ видѣлъ замѣчательно непріятную физіономію: она принадлежитъ герцогу Гессенъ-Кассельскому, извѣстному нѣмецкому реакціонеру. На лицѣ его такъ и отпечатаны надутое высокомѣріе, тупость и злость. Отъ него рѣшительно пахнетъ Неаполемъ, Бурбонами и пыткою.

Іюнь.—25 (іюль 7). Суббота. Ѣздили къ развалинамъ замка Тримбергъ, на разстояніи часа съ четвертью ѣзды отъ Киссингена. Развалины замка очень живописны, но еще живописнѣе до-

лина, разстилающаяся у подошвы горъ, на одной изъ которыхъ былъ построенъ замокъ. Мы исходили всѣ углы развалинъ.

Вѣрующая простота невѣжества въ неизбѣжныхъ скорбяхъ находитъ свои утѣшенія. Высшій умъ, можетъ быть, не безъ основанія отрицая ихъ, неужели-же такъ и осужденъ не имѣть ихъ? Нѣтъ, для него также должны быть свои вѣрованія, потому что его логика оказывается безсильною, а нельзя-же, чтобы онъ оставался безъ всего въ самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, оставался съ однимъ мрачнымъ, безвыходнымъ отрицаніемъ, потому что въ концѣ концовъ, и онъ-же что-нибудь значитъ. И если эти вѣрованія не болѣе, какъ инстинкты нашей разумной природы, то слѣдуетъ предаться и имъ. Инстинкты, какъ выраженіе самого закона и силы вещей, благонадежнѣе и жизненнѣе нашихъ умозаключеній.

Іюль.—6 (18). Среда. Собираемся ѣхать изъ Киссингена. Зашелъ поутру въ кургаузъ. Толпа новыхъ лицъ. Новое поколѣніе ищущихъ исцѣленія смѣнило старое. По прежнему доктора, стоя подъ деревьями, исповѣдуютъ подходящихъ къ нимъ по очереди своихъ паціентовъ. По прежнему толпятся сотни людей около источниковъ Ракоци и Пандура, протягивая руки къ стаканамъ съ цѣлебною влагою. По прежнему гремитъ музыка, какъ будто въ знакъ веселья, а въ сущности—это чистая ложь, потому что каждому тутъ не до веселья. Я встрѣтилъ нѣкоторыхъ знакомыхъ: по прежнему тѣ-же разговоры, какъ проведена ночь, сколько кто принялъ ваннъ и сколько еще остается принять, и т. д. По прежнему въ аллеяхъ мелькаютъ женщины въ необъятныхъ кринолинахъ. Тщетно думаете вы уловить на ихъ лицахъ черту дѣйствительной граціи, прелести: это бо́льшею частью или изнуренныя страданіями лица, или съ поддѣльнымъ цвѣтомъ молодости и красоты. Все ложь. Мнѣ стало досадно и грустно. Я поспѣшилъ въ поле и вышелъ на Голгоѳскую дорогу. Вотъ гдѣ прекрасное, истинно прекрасное! Нивы покрыты богатою жатвою; яблони, груши и вишневыя деревья обременены плодами. Вездѣ пестрѣютъ цвѣты, жужжатъ насѣкомыя, перекликаются птички, раздается звонкая пѣснь жаворонка. Крестьянка несетъ въ корзинѣ сочную траву. Волы тянутъ высоко нагруженный сѣномъ возъ. Все здѣсь говоритъ о вѣчной гармоніи природы, о невозмутимой радости, довольствѣ, о благоуспѣш-

номъ, благородномъ трудѣ. Воздухъ тепелъ и чистъ. На горизонтѣ ходятъ тучки, обѣщая дождь, который еще больше все оживотворитъ...

Вотъ я и уѣзжаю изъ Киссингена, а о возстановленіи здоровья еще и помину нѣтъ. Хочу еще остановиться въ Вюрцбургѣ и, по совѣту И. Т. Глѣбова, повидаться съ знаменитымъ тамошнимъ врачемъ Бамбергомъ.

Въ Киссингенѣ мы наняли коляску за семь гульденовъ и въ ней доѣхали до Швейнфурта къ двумъ часамъ, выѣхавъ въ одиннадцать. Дорога пріятная. День теплый, хотя съ маленькимъ дождемъ.

Изъ Швейнфурта до Вюрцбурга всего часъ ѣзды. Остановились въ отелѣ „Кронпринцъ". Вечеромъ видѣлся съ Бамбергомъ. Совѣтуетъ ѣхать не къ морю, купанье въ которомъ онъ полагаетъ для меня слишкомъ сильнымъ, а въ Ишль, и принимать тамъ рѣчныя ванны—салины. Онъ привелъ меня въ колебаніе, но я, по зрѣломъ размышленіи, въ заключеніе рѣшился не измѣнять первоначальному плану.

Ѣздили въ коляскѣ по городу. Онъ тѣсенъ, съ узкими улицами и очень населенъ. Статуи на мосту, исправительное заведеніе для женщинъ, госпиталь, дворецъ съ садомъ, въ которомъ мы прошлись нѣсколько съ попавшимся намъ однимъ русскимъ.

— 7 (19). Четвергъ. Въ половинѣ десятаго выѣхали изъ Вюрцбурга, а въ два часа были во Франкфуртѣ. Остановились въ отелѣ „Англетеръ".

— 8 (20). Пятница. Сегодня ѣздилъ въ Соденъ. Встрѣтился тамъ съ Шульманомъ и съ милымъ С. Съ послѣднимъ мы горячо обнялись. День проведенъ въ прогулкахъ по полямъ и рощамъ Содена. Жена С. очень милая, молоденькая женщина и отличная музыкантша. Живутъ они въ хорошенькомъ, уютномъ домикѣ.

— 9 (21). Суббота. Ночь провели въ Соденѣ, а утромъ, распростившись съ Шульманомъ и С., въ дилижансѣ уѣхали на станцію желѣзной дороги. С. особенно горячо встрѣтилъ и проводилъ меня, и я душою отдохнулъ въ бесѣдѣ съ нимъ.

Возвратясь во Франкфуртъ, мы вечеромъ посѣтили еще зоологическій садъ, гдѣ было гулянье съ весьма порядочною военною музыкою. Садъ очень хорошъ, хотя не великъ. Большое собраніе птицъ, между которыми особенно замѣчательны водяныя

птицы тропическихъ странъ; четыре прекрасныхъ страуса; много крохотныхъ премиленькихъ пичужекъ. Прекрасенъ видъ съ террасы на окрестности города. Гуляющихъ много. Но все просто, прилично, хотя и оживленно. Мы пробыли тамъ до восьми часовъ. Заплатили за входъ по флорину.

Но среди всего этого меня не покидаетъ тоскливое расположеніе духа. Грустное воспоминаніе о дѣтяхъ, почти до слезъ, и горячее желаніе увидѣть ихъ. Опять раздумье: ѣхать-ли въ Швейцарію и не лучше-ли возвратиться въ Дрезденъ? Соблазнъ великъ, и будь я здѣсь теперь одинъ, сейчасъ-бы махнулъ туда. Въ расположеніи духа, въ какомъ я нахожусь, какую занимательность для меня будетъ имѣть Швейцарія и какая будетъ польза для здоровья?

— 10 (22). Воскресенье. Осматривали городъ, заѣзжали въ синагогу: это новое великолѣпное зданіе. Завернули въ гнусную Іуденштрассе, этотъ остатокъ средневѣковыхъ жилищъ евреевъ.

Около шести часовъ выѣхали изъ Франкфурта по пути въ Швейцарію.

— 12 (24). Вторникъ. Миновавъ Дармштадтъ, живописный Гейдельбергъ и патріархальный Оффенбахъ, сегодня прибыли въ Базель.

Мѣстность до Гейдельберга непривлекательна, особенно около Дармштадта. Растительность какая-то хилая. Но отъ Гейдельберга начинаются живописныя мѣста: кудрявыя Шварцвальдскія горы, а внизу долина, простирающаяся далеко до Рейна и вдоль него. Растительность роскошная, сочная, особенно не доѣзжая Апенвейера.

Въ Базелѣ остановились въ „Отель дю-Соважъ", который выбрали по совѣту печатнаго листка. Оказался плохимъ и дорогимъ. Все плохо: комната, обѣдъ, услуга.

Вообще, надо правду сказать, что въ большихъ городахъ Европы часто поступаютъ съ путешественниками не очень-то добросовѣстно. Въ отеляхъ часто берутъ за все въ три-дорога, правда, прикрывая это вѣжливыми словами и улыбками. Вездѣ проглядываетъ сухой эгоизмъ и жадность къ прибыли.

Вообще честность строго соблюдается между согражданами, но о ней не думаютъ въ сношеніяхъ съ иностранцами. Это объясняется очень просто. Тутъ каждый боится закона и обществен-

наго мнѣнія—этихъ двухъ великихъ могуществъ въ западной цивилизаціи. Худо тому, кто въ своемъ городѣ или селѣ изобличитъ себя въ недобросовѣстности: противъ него возстанетъ вся масса. Но за чужеземца не стоитъ ни сила общественнаго мнѣнія, ни сила закона: его можно обмануть, а пожалуй и притѣснить безнаказанно. Значитъ, уваженіе къ правамъ другихъ, честность, столь восхваляемая въ Европѣ, особенно въ Германіи, происходятъ вовсе не отъ той высокой гуманности, которую въ ней видятъ наши ультра-западники, а единственно отъ утвердившихся взаимныхъ отношеній другъ къ другу. Конечно, и это хорошо, потому что членамъ такого общества обезпечивается безопасность. Но той цивилизаціи, гдѣ человѣкъ и все ему принадлежащее уважалось-бы единственно по чувству человѣчности, Европа еще не достигла.

Осматривали городъ. Старинный соборъ съ остатками средневѣковой древности; зала, гдѣ нѣкогда засѣдала духовная конгрегація. За соборомъ, съ террасы, прекраснѣйшій видъ на Рейнъ.

Въ этихъ старинныхъ городахъ чувствуешь себя придавленнымъ и погребеннымъ въ громадахъ камней: такъ тѣсны улицы и сплошны зданія.

— 13 (25). Среда. Въ половинѣ перваго мы были на дебаркадерѣ по пути въ Бернъ. Здѣшній вокзалъ рѣшительно похожъ на сарай. Многочисленная толпа тѣснилась въ немъ и ждала звонка къ отъѣзду въ невыносимой духотѣ. Наконецъ, двери отворились и всѣ побѣжали, сломя голову, занимать мѣста въ вагонахъ, которые оказались гораздо хуже нѣмецкихъ. Вообще Швейцарія, въ отношеніи удобствъ и порядка на желѣзныхъ дорогахъ, далеко уступаетъ Германіи.

Бернъ проѣхали, остановясь въ немъ всего на нѣсколько минутъ. Въ Тунъ прибыли около трехъ часовъ. Изъ Туна на пароходѣ, по Тунскому озеру, плыли часъ до Интерлакена. Озеро со своими зелеными водами, обрамленное громадными горами, великолѣпно. Въ Интерлакенѣ взяли коляску и пріѣхали въ отель „Оберъ“. Намъ отвели премиленькую комнатку, въ хорошенькомъ настоящемъ швейцарскомъ шале, по сосѣдству съ главнымъ зданіемъ отеля, который въ настоящую минуту переполненъ. Прямо передъ моими окнами—покрытая снѣгами Юнгфрау, а по сосѣд-

ству съ ней, налѣво—Шейнблате. Немножко правѣе изъ-за зелени выглядываетъ прелестный домикъ, гдѣ пьютъ сыворотку.

— 14 (26). Четвергъ. Поутру всталъ очень рано. Гулялъ около своего жилища, любуясь величественною Юнгфрау, блиставшею своими снѣгами въ сіяніи утренняго солнца, а на ребрахъ Шейнблате ходили облака. Нѣсколько позже мы поднялись на сосѣднюю высоту и сѣли отдохнуть возлѣ одного голландца, рисовавшаго виды горъ, и съ нимъ немного побесѣдовали. Пошелъ прелестный, тихій, теплый дождикъ, который скоро прошелъ. Мы усѣлись на платформѣ, откуда чудесный видъ на озеро и на деревню Интерлакенъ. Нѣсколько дѣвочекъ предлагали намъ купить у нихъ разныя деревянныя вещицы, но мы попросили ихъ пѣть. Онѣ спѣли намъ премиленькую швейцарскую пѣснь, за что были награждены нѣсколькими мелкими монетами. Мы не замѣтили, какъ подкралась новая туча и разразилась сильнѣйшимъ дождемъ съ грозой. Одинъ ударъ грома былъ особенно силенъ, и величественнымъ грохотомъ прокатился по горамъ. Мы съ грѣхомъ пополамъ пріютились въ какомъ-то пустомъ зданіи, думая переждать дождикъ, долго ждали и всетаки вернулись домой подъ ливнемъ, мокрые и усталые.

— 18 (30). Понедѣльникъ. Невыносимая погода. Небо, какъ въ Петербургѣ, точно завѣшано тряпками. Холодно. Мелкій дождь сѣетъ, какъ сквозь сито—сѣетъ, чтобы вырастить грязь. Горы приняли мрачный, суровый видъ и закутались въ дымчатыя и бѣловатыя облака. Юнгфрау на минуту обнажила свои передніе бѣлоснѣжные члены, и опять, какъ будто застыдясь, прикрыла ихъ непроницаемымъ облакомъ. Наслаждайся тутъ какъ хочешь Швейцаріей!

— 19 (31). Вторникъ. Дождь продолжаетъ лить ливнемъ, холодъ. Альпъ—какъ не бывало за облаками. Точно со всего свѣта сбѣжались сюда тучи, чтобы вылить цѣлое море воды на бѣдный Интерлакенъ. Въ Петербургѣ не бываетъ сквернѣе этого. Двѣ добрыя старушки англичанки, встрѣчающіяся съ нами въ общей залѣ за чаемъ и обѣдомъ, пріѣхавшія сюда, чтобы вздохнуть свободно и отдохнуть отъ лондонскаго дыма,—чуть не плачутъ съ горя.

Подъ вечеръ дождь немного укротился. Стало тихо и не такъ холодно. Мы вышли на дорогу, которая ведетъ въ домикъ, гдѣ

пьютъ сыворотку. Вдали, на противоположной сторонѣ, мелькали огоньки въ домахъ, а въ долинѣ звучали колокола коровъ. Вдругъ на скатѣ одной изъ горъ вспыхнулъ яркій огонь. Это зажгли костеръ, въ честь конституціи Швейцарскаго союза, годовщина которой празднуется перваго августа. Вслѣдъ за первымъ, по ту сторону горы, засверкалъ другой такой-же огонь—и только, на этотъ разъ. Обыкновенно въ этотъ день костры зажигаются въ большомъ количествѣ на разныхъ высотахъ, и это должно производить великолѣпный эффектъ, но въ настоящемъ году дурная погода помѣшала торжеству.

— 20 іюля (1-го августа). Среда. Хорошее утро. Солнце льетъ свой свѣтъ на Юнгфрау, и она блеститъ радостно въ своихъ снѣжныхъ одеждахъ, какъ невѣста, приготовляющаяся къ вѣнцу.

Подъ вечеръ сдѣлали прогулку на гору, сосѣднюю съ Юнгфрау. Дорога, опоясывающая эту гору, широка, удобна, и съ нея во многихъ пунктахъ открываются восхитительные виды. Особенно хороша отсюда Юнгфрау. По направленію къ ней идетъ узкое, невообразимо грозное ущелье, которое вдругъ расползается въ прелестную зеленую долину съ группою домиковъ, и она кажется улыбкою на лицѣ гиганта. На заднемъ планѣ масса снѣжныхъ вершинъ. Намъ повстрѣчалось нѣсколько англичанъ, которые обмѣнялись съ нами вѣжливыми поклонами. Вечеръ былъ тихій и теплый. Порывался идти дождь, но останавливался, не рѣшаясь нарушать прелести настоящей минуты. Еще мгновеніе, и дальнія вершины вспыхнули послѣднимъ сіяніемъ потухающаго дня. Одна цѣпь горъ противъ заходящаго солнца особенно была прекрасна. Она горѣла фіолетовымъ огнемъ съ самыми разнообразными оттѣнками, которые, постепенно погасая, наконецъ слились въ одну синеву надвигающейся ночи. Внизу замелькали огоньки.

— 21 іюля (2 августа). Народонаселеніе въ Интерлакенѣ, повидимому, не пользуется избыткомъ и довольствомъ. Бѣдность повсюду бросается въ глаза. Жилище ихъ—хижины, столь живописныя на картинахъ и въ декораціяхъ, въ дѣйствительности имѣютъ печальный видъ. Лица взрослыхъ изнурены, а у дѣтей почти всѣ съ какимъ-то идіотскимъ выраженіемъ. Одежда мужчинъ и женщинъ состоитъ большею частью изъ тряпья въ заплатахъ. Хотя цирюльникъ, который приходитъ меня брить, и

говоритъ, что это здѣсь такая мода, но это всегдашняя мода нищеты. Вообще, сколько привлекательнаго здѣсь въ природѣ, столько, напротивъ, оскорбительнаго для взгляда и чувства въ массѣ жителей-поселянъ. Что-то тупое, грубое и жалкое на лицахъ большинства изъ нихъ.

— 22 іюля (3 августа). Пятница. Здѣсь завязался процессъ между содержателемъ отеля Фишеромъ и квартировавшими у него тремя русскими—Веревкинымъ и братьями Губаревыми. Этотъ Фишеръ кормилъ ихъ отвратительно и за все дралъ непомѣрныя цѣны. Напримѣръ, онъ взялъ съ нихъ шесть франковъ за переноску ихъ вещей отъ него къ Оберу, что составляетъ полверсты. Когда-же они замѣтили ему о несообразности всего этого, онъ отвѣчалъ имъ очень грубо и, между прочимъ, сказалъ, что „безчестно могутъ поступать только русскіе". За эти-то собственно слова и начался процессъ. Наши молодые люди принесли жалобу въ судъ и взяли адвоката.

Вчера было первое засѣданіе суда по этому дѣлу. Фишеръ долженъ былъ сознаться во всемъ, въ чемъ его обвиняли, хотя долго отпирался и увертывался мошеннически. Я познакомился съ этими молодыми людьми, которые занимаютъ теперь въ отелѣ Обера сосѣднія со мною комнаты: они вполнѣ порядочные люди.

— 23 іюля (4 августа). Суббота. Опять дождь. Опять горы совершенно скрылись въ облакахъ. Одно утѣшеніе остается—полное равнодушіе къ этимъ гадостямъ природы, такъ-же, какъ и къ человѣческимъ.

Но вѣдь природа, какъ прямое несомнѣнное бытіе, какъ истина, всегда изящна, съ какой-бы то ни было стороны и въ какомъ-бы то ни было отношеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, не глупо-ли хмуриться, какъ это небо, на то, что день не прекрасенъ, что Альпы потонули въ облакахъ и что дождь льетъ, какъ будто ему не было начала и не будетъ конца.

Развѣ для того эти величественныя Альпы возносятъ къ небу свои снѣжныя верщины и у подножія ихъ разстилается богатая растительность; для того атмосфера наполняется разными испареніями; для того бѣлая грудь Юнгфрау то сверкаетъ въ яркихъ лучахъ утренняго солнца, то прячется въ облакахъ,—развѣ

это и всѣ другія безчисленныя чудеса и измѣненія природы дѣлаются для того, чтобы человѣкъ находилъ это для себя пріятнымъ, хорошимъ и удобнымъ? Да и самъ онъ развѣ для того существуетъ чтобы существованіе свое находить счастливымъ? Вѣчная дѣятельность силъ, не знающихъ иной цѣли, какъ дѣйствовать; вѣчная производительность, смѣняющая одни явленія другими по однимъ и тѣмъ-же законамъ, но въ безконечно разнообразномъ измѣненіи оттѣнковъ, степеней, частностей—вотъ то, чему быть должно и что влечетъ за собою человѣка неотразимымъ могуществомъ и погружаетъ его въ волны; гдѣ онъ, немного поплескавшись и побарахтавшись, въ силу того-же всеобщаго великаго процесса жизни, исчезаетъ навсегда, какъ капля дождя, какъ атомъ паровъ.

А ты хмуришься, негодуешь: зачѣмъ дурна погода? Зачѣмъ льетъ дождь? Зачѣмъ Альпы прячутся отъ тебя за тучами? Не долженъ-ли ты, напротивъ, какъ мыслящее существо, принимать это за выполненіе всеобщаго закона, за необходимость, за цѣпь явленій, въ которой и ты служишь маленькимъ звеномъ?

Ужасно трудно человѣческому эгоизму примириться съ тѣмъ, что не служитъ прямо къ его выгодамъ и удовольствіямъ. А между тѣмъ, онъ долженъ-же убѣдиться, что ничто такъ мало не входило и не входитъ въ планъ всеобщаго порядка вещей, какъ его выгоды и удовольствія.

Процессъ нашихъ русскихъ съ мошенникомъ трактирщикомъ рѣшенъ не въ ихъ пользу. Они подали на аппеляцію въ Бернскій судъ.

— 24 іюля (5 августа). Воскресенье. Долго любовался сегодня съ Малаго Рюгена чудною Юнгфрау, которая блеститъ по праздничному. Всѣ путешественники за нею волочатся. Обрадовавшись перерыву въ дурной погодѣ, они гурьбою высыпали на нее смотрѣть.

Поразительная противоположность: глубокая зима на вершинѣ Юнгфрау, а по бокамъ ея и по скатамъ другихъ Альпъ роскошная лѣтняя зелень. Снѣга почти врѣзываются въ нее.

Послѣ полудня мы отправились въ Лаутербруненъ, вмѣстѣ съ В. П. Валуа, Н. А. Добролюбовымъ (сотрудникъ „Современника“) и еще однимъ русскимъ гвардейскимъ офицеромъ. Дорога ведетъ въ ущелье между Абенбергомъ и Брейтлау—къ

Юнгфрау, которая изъ моего окна кажется на разстояніи всего двухъ верстъ, не болѣе. На самомъ-же дѣлѣ къ ней надо ѣхать верстъ тридцать. Ущелье извивается между гигантскими гранитными скалами самыхъ разнообразныхъ и величественныхъ формъ. На днѣ его бѣжитъ, яростно скачетъ, шумитъ и пѣнится небольшой потокъ Лучина. Мы вторглись, такъ сказать, въ самую середину Альпъ и наслаждались видами, которыхъ описать, конечно, нѣтъ никакой возможности. Но вотъ издали, вправо, показался Штаубахъ, который съ подъоблачной высоты несется внизъ по черному граниту, и разбиваясь о него, обращается въ одну серебряную пыль. За нимъ другой водопадъ, а прямо впереди бѣлая Юнгфрау, которая, не смотря на проѣханное нами разстояніе, кажется все такою-же отдаленною, какъ изъ моего окна.

Мы оставили коляску у гостинницы, а сами пошли къ Штаубаху. По дорогѣ встрѣчный пастухъ затрубилъ въ исполинскій рогъ, звуки котораго подхватило эхо и въ безконечныхъ перекатахъ разсыпало по горамъ. Это была одна изъ самыхъ пріятныхъ прогулокъ, тѣмъ болѣе, что ей благопріятствовалъ теплый и свѣтлый день.

— 27 іюля (8-го августа). Среда. Прелестная прогулка въ ущелье около хребта Гардерберга. Хорошая проѣзжая дорога ведетъ по узкому карнизу хребта, огибая его все выше и выше. Внизу пропасть, а въ ней кипитъ и бьется сѣдой потокъ. На крутизнахъ противоположнаго хребта кое-гдѣ мелькаютъ хижины на такихъ отвѣсныхъ высотахъ, что кажется туда и козамъ не взобраться, не только что людямъ. Хижины эти имѣютъ убогій видъ, какъ и люди, ихъ обитающіе. Мы встрѣтили одного старика, согбеннаго подъ тяжестью огромной охапки свѣжей травы и зеленыхъ вѣтвей: это онъ несъ продовольствіе своимъ козамъ. Мы обмѣнялись съ нимъ нѣсколькими словами. Я далъ ему двѣ сигары, и широкая улыбка расплылась по его старческому загрубѣлому лицу.

— 28 іюля (9 августа). Четвергъ. Совершенно неожиданно и съ удовольствіемъ встрѣтилъ Срезневскаго, ѣхавшаго съ женой въ Латербруненъ. Онъ возвращается изъ Италіи въ Россію и заѣхалъ сюда только на одинъ день.

Прогулка къ Гисбаху. На пароходѣ часъ туда и столько-же

обратно. Чудесный день, и потому всѣ англичане со своими леди и миссъ бросились на прогулку. Пароходъ былъ переполненъ. Гисбахскій водопадъ принадлежитъ къ тѣмъ чудесамъ природы, которыя можно описывать только статистически или географически—передать-же ихъ красотъ нечего и стараться. Онъ семью уступами низвергается съ страшной высоты и на каждомъ уступѣ образуетъ какъ-бы отдѣльный водопадъ. Мы поднялись очень высоко на платформу, гдѣ расположена гостиница, и откуда лучшій видъ на Гисбахъ, то есть на его пятый уступъ. Мы здѣсь отдохнули, позавтракали и направились къ мостику, переброшенному черезъ пятый уступъ. Дорожка становилась труднѣе и труднѣе, то есть круче, скалистѣе и болѣе скользкою. Однако, мы благополучно добрались до шестаго мостика, но дальше я не пошелъ. Группа дѣвушекъ на прощанье спѣла намъ нѣсколько швейцарскихъ мелодій. Въ три часа мы вернулись на пароходъ и поѣхали обратно въ Интерлакенъ.

— 29 іюля (10 августа). Пятница. Погода устала быть хорошей. Проливной дождь. Все тянетъ къ скукѣ и наводитъ тоску.

— 31 іюля (12 августа). Воскресенье. Сегодня утро ясное. Мы ѣдемъ въ Гринденвальдъ къ глетчерамъ.

Насъ было довольно много и мы размѣстились въ трехъ колясках. Но не успѣли мы двинуться въ путь, какъ клубы зловѣщихъ тучъ стали надвигаться изъ-за горъ и быстро застилать все небо. Полилъ дождь и сопровождалъ насъ до самаго Гринденвальда. Тамъ, однако-же, онъ укротился и далъ намъ время добраться до одного изъ глетчеровъ. Мы шли къ нему долго по тяжелой и грязной тропинкѣ. Насъ сопровождалъ проводникъ. Отъ ледянаго грота вѣяло холодомъ. Здѣсь Альпы принимаютъ какой то особенно грозный, трагическій характеръ. Два глетчера находятся въ ущельяхъ: одинъ между Эгеромъ и Шрекгорномъ, другой между Шрекгорномъ, и Ветергорномъ.

Возвратный путь нашъ совершился тоже подъ проливнымъ дождемъ. На мгновеніе только проглянуло солнце, вспыхнула радуга и перекинулась черезъ Альпы, какъ орденская лента черезъ плечо кавалера.

Августъ.—1 (13). Понедѣльникъ. День ясный и пріятный, хотя съ прохладой. Вечеромъ прогулка къ Бріенскому озеру. Мы

долго сидѣли на платформѣ, любуясь прекраснымъ видомъ на Интерлакенъ, и слушали швейцарскія мелодіи, доносившіяся сюда откуда то издалека. Стало смеркаться. Огоньки засверкали въ домахъ, а надъ Юнгфрау зажглась великолѣпная вечерняя звѣзда. Она горитъ прямо надъ господствующею вершиною этой горы, точно вѣнчаетъ ея дѣвственную красоту. Въ травѣ сверкали свѣтящіеся червячки. Милый, уютный Интерлакенъ былъ какъ яркими точками весь усѣянъ огоньками. Семьи швейцарцевъ сидѣли у порога своихъ жилищъ, отдыхая отъ дневныхъ трудовъ. Въ эту минуту все здѣсь было тихо, мирно, отрадно. А вокругъ, въ дремлющемъ нѣмомъ величіи, стояли грозныя Альпы, какъ-бы оберегая долину отъ тревогъ и бурь всего остальнаго міра.

— 3 (15). Среда. Грустно, очень грустно разставаться съ Интерлакеномъ! Время, проведенное въ немъ, было для меня истиннымъ отдыхомъ, не смотря на часто суровую погоду, которая многому мѣшала. Все сложилось здѣсь такъ, чтобы сдѣлать пребываніе наше особенно пріятнымъ: спокойное, уютное помѣщеніе, честные хозяева, недорогое, но весьма приличное содержаніе, общество людей образованныхъ и, конецъ концовъ, самое важное—природа дивная, великолѣпная, словомъ—Альпы.

— 5 (17). Пятница. Сегодня покидаемъ Интерлакенъ. Прощай прелестная, тихая, гостепріимная долина! Въ тебѣ провелъ я лучшіе до сихъ поръ дни моего заграничнаго скитанія. Ѣдемъ въ два часа по Тунскому озеру въ Тунъ, а тамъ въ Бернъ.

На Тунскомъ озерѣ насъ преслѣдовалъ проливной дождь со свирѣпымъ, холоднымъ вѣтромъ. Мы кое-какъ жались на палубѣ парохода подъ навѣсомъ, прикрываясь сбоку зонтиками. Многіе изъ пассажировъ удалились въ каюту. Но мы храбро выдерживали борьбу со стихіей и прибыли благополучно въ Тунъ, гдѣ сѣли въ поѣздъ, отправляющійся въ Бернъ.

Съ Интерлакеномъ мы простились, какъ нельзя дружелюбнѣе. Отель „Обера" сдѣлался мнѣ какъ своимъ домомъ. Въ оба мои путешествія за границей, я не находилъ убѣжища честнѣе, удобнѣе и пріятнѣе. Самъ Оберъ отличный хозяинъ. Всѣ люди, отъ него зависящіе, благословляютъ его, и съ своей стороны исполняютъ свои обязанности усердно, добросовѣстно. Вниманіе ихъ къ путешественникамъ рѣдкое. Я простился съ Оберомъ, какъ

со старымъ пріятелемъ. Потомъ мы подъ проливнымъ дождемъ заѣхали проститься съ нѣкоторыми изъ нашихъ здѣшнихъ добрыхъ знакомцевъ. Я съ грустью еще взглянулъ на Юнгфрау, на Рюгенъ, на крутизны котораго я еще вчера съ такимъ удовольствіемъ взбирался; на домикъ, гдѣ пьютъ сыворотку; на свой чистенькій и миловидный шале; посмотрѣлъ еще разъ на долину, которую въ мрачномъ величіи окружаютъ исполинскія Альпы, въ этотъ день закутавшіяся въ облака—и потомъ, сѣвъ въ коляску, сложилъ въ сердцѣ моемъ всѣ воспоминанія объ этомъ очаровательномъ мѣстѣ, чтобы питаться ими въ скучные дни на нашемъ унылом и безотрадномъ сѣверѣ.

Около пяти мы были въ Бернѣ и остановились въ отелѣ „Корона".

Послѣ обѣда мы пошли въ соборъ слушать органъ, который считался наравнѣ съ Фрейбургскимъ. Дѣйствительно, этотъ органъ чудо искусства. Между прочимъ, была сыграна ораторія: „Страшный судъ" съ такою силою и выразительностью, что невольный трепетъ пробѣгалъ по членамъ. Я въ первую минуту былъ убѣжденъ, что слышу человѣческіе голоса великихъ артистовъ. Ничего не бывало: все это не иное что, какъ дудки, трубы, валы и валики, сдѣланные руками человѣческими.

За обѣдомъ въ Бернѣ радъ былъ неожиданно встрѣтить П. Г. Рѣдкина съ семействомъ. Онъ ѣдетъ въ Интерлакенъ дня на три, побывавъ уже въ Люцернѣ и на Риги.

— 6 (18). Суббота. Въ Бернѣ. Поѣхали осматривать городъ. Отдали визитъ представителямъ Бернскаго кантона—медвѣдямъ: ихъ четыре. Республика содержитъ ихъ на свой счетъ, и очень хорошо.

Зашли на эспланаду возлѣ собора. Удивительный видъ на снѣжныя Альпы, которыя полукругомъ раскидываются на огромное пространство. Между ними красуется наша старая знакомка Юнгфрау. Вообще, съ этого пункта весь Бернъ и окрестности его видны отлично, и онѣ прекрасны. Внизу эспланады въ живописныхъ берегахъ кипитъ рѣчка.

Выѣхали изъ Берна около полудня, взявъ билеты до Біеля. Въ Герцогенбушѣ перемѣнили вагоны и миновали Золотурнъ. Слѣва тянутся Фрейбургскія Альпы.

Въ Біелѣ насъ пересадили на пароходъ, и мы по Невшатель-

скому озеру плыли до Ланскроны, а оттуда опять въ вагонахъ до Невшателя. Съ нами ѣхалъ премилый и препочтенный старикъ, полковникъ швейцарской арміи. Онъ намъ сообщалъ разныя свѣдѣнія о мѣстахъ, которыя мы проѣзжали. Его имя Бонтонъ.

Съ озера чудесный видъ на Фрейбургскія Альпы слѣва, а направо, на Юрскія, обращенныя къ Франціи.

Богатые виноградники по берегу Невшательскаго озера и по горнымъ скатамъ.

Недалеко отъ Грансона знаменитое мѣсто, гдѣ Карлъ Смѣлый былъ разбитъ и убитъ швейцарцами въ сраженіи, которое и названо Грансонскимъ. Я очень хорошо замѣтилъ неровную покатость на берегу озера, гдѣ происходило сраженіе.

По пріѣздѣ въ Невштатель оказалось, что по милости безтолковыхъ распоряженій на швейцарскихъ дорогахъ нашъ чемоданъ и саквояжъ остались въ Біелѣ. Мы объявили объ этомъ начальнику бюро и теперь ѣдемъ совершенно налегкѣ въ Лозанну. Однимъ словомъ, съ нами повторилась та-же исторія, что въ Интерлакенѣ съ Шульманами. Миновавъ Ивердонъ и достигнувъ Лозанны, мы немедленно телеграфировали въ Біель о высылкѣ намъ сюда нашихъ вещей. Остановились здѣсь въ отелѣ „Гиббонъ". Очень хорошій и честный отель.

— 7 (19). Воскресенье. Вещей нашихъ все еще нѣтъ. Боюсь, чтобы намъ не пришлось изъ-за нихъ пробыть здѣсь лишній день, другой, а надо спѣшить къ морю. Утромъ посѣтили соборъ, побродили по городу, который богатъ очаровательными видами.

— 8 (20). Понедѣльникъ. Сегодня мы цѣлый день провели въ плаваніи по Женевскому озеру на пароходѣ „Орелъ". Отъ самаго Вильнёва и до Женевы чудныя, восхитительныя мѣста. Справа—цѣпь горъ, за которыми выглядываютъ громадныя снѣжныя Альпы, и между ними всѣхъ выше сѣдоголовый Монбланъ. Слѣва — отлогіе берега, слегка холмистые, усѣянные прелестными домиками и виноградниками, а позади опять-таки горы, обращенныя къ Франціи, но уже гораздо ниже. День былъ прекрасный, и голубое. Женевское озеро покоилось въ невозмутимой тишинѣ.

Мимо безпрестанно мелькали прелестные городки, изъ которыхъ иные точно выходятъ прямо изъ водъ озера. Вотъ Моржъ:

противъ него снѣжныя Альпы и между ними особонно Монбланъ. Далѣе—Ролль, противъ котораго, на небольшомъ острeвкѣ, воздвигнутъ нашимъ императоромъ Александромъ Первымъ памятникъ Лагарпу. Ніонъ, потомъ Коппетъ съ замкомъ почти на берегу озера, гдѣ жила Сталь. Замокъ старый, съ круглыми башнями по угламъ, обветшалый, закоптѣлый. Онъ кажется необитаемъ.

Немного за Коппетомъ, на противоположномъ берегу озера, видна колокольня: отсюда, отъ Женевы налѣво, уже Савойя.

Въ Женеву мы пріѣхали около восьми часовъ вечера. Было уже темно. Мы остановились въ „Отель де-Постъ“.

— 9 (21). Вторникъ. День прегнусный, холодъ и дождь. Мы взяли фіакръ, чтобы поѣздить по городу. Заѣхали въ церковь, гдѣ памятникъ Рогану; побывали въ музеѣ, не стоющемъ впрочемъ того, чтобы въ немъ быть. Хорошаго тамъ только бюсты Руссо и Боннета. Посмотрѣли еще памятникъ Руссо на островѣ у моста и панораму Шамуни. Потомъ поѣхали за городъ къ тому мѣсту, гдѣ Рона сливается съ другою рѣкою и обѣ нѣкоторое время текутъ далѣе въ одномъ руслѣ, но не сливая своихъ водъ. День скучный. Женева мнѣ не нравится. Въ ней что-то сухое и холодное.

— 10 (22). Среда. Переѣздъ изъ Женевы во Францію. Не доѣзжая Бельгарда, гдѣ таможня, три туннеля. Третій передъ самымъ Бельгардомъ: ѣдутъ семь минутъ.

На таможнѣ съ нами обошлись очень любезно. Насъ почти не осматривали: едва открыли сундукъ и мѣшокъ и не обратили никакого вниманія на мои сорокъ сигаръ.

За Бельгардомъ идутъ Юрскія Альпы. Отъ Кюлоза и особенно у Россильена онѣ становятся страшно угрюмы и дики, принимаютъ самыя разнообразныя, фантастическія формы. Передъ вами вдругъ выростаютъ, точно замки, цѣлые города со стѣнами и башнями. Глазъ до того обманутъ, что даже видитъ ворота и окна и готовъ принять всѣ эти то безпорядочно нагроможденныя, то правильно сложенныя громады за настоящія зданія или за развалины ихъ. Юры, въ своемъ родѣ, тоже чудесныя явленія природы. Проѣхавъ мимо Буржа, мы, наконецъ, достигли Макона, гдѣ ночуемъ.

— 11 (23). Четвергъ. Отъ Макона до Парижа еще далеко—

часовъ шестнадцать ѣзды. Но мы рѣшились все это разстояніе сразу проѣхать.

Передъ Дижономъ насъ встрѣтилъ настоящій содомъ. Толпы народа валили туда навстрѣчу Наполеону, который ѣдетъ обозрѣвать Савойю и Алжиръ. На пути его повсюду, особенно въ Дижонѣ, дѣлались великолѣпныя приготовленія къ его пріему. Вагоны, слѣдующіе къ Дижону, гдѣ готовилось главное торжество, были набиты людьми, какъ боченки сельдями. Въ нашъ вагонъ, никого не спросясь и безъ билета, сверхъ комплекта, ворвался какой-то блузникъ съ женой и шести-недѣльнымъ ребенкомъ, и безцеремонно расположился у окна, чуть не на колѣнахъ у молодой и хорошенькой француженки. Было невыносимо тѣсно и душно. Пытка наша, однако, мгновенно прекратилась, лишь только мы миновали Дижонъ. Кромѣ насъ, въ нашемъ вагонѣ остались еще только двое: чрезвычайно приличный, благообразный итальянецъ и миловидная француженка, все время безъ умолку болтавшая. На разстояніи двухъ часовъ отъ Дижона мимо насъ промчался, какъ вихрь, вагонъ, несшій въ себѣ цезаря и его счастье. Разумѣется, мы не могли его увидѣть. Около полуночи пріѣхали въ Парижъ и остановились въ улицѣ Vivienne, въ „Hôtel des Etrangers“.

— 13 (25). Суббота. Вчера мы только промелькнули въ Парижѣ и сегодня уже прибыли въ Булонь, то есть къ цѣли моихъ настоящихъ стремленій.

Въ Булонь мы прибыли въ пять часовъ. На станціи желѣзной дороги насъ очень радушно встрѣтили И. А. Гончаровъ и Я. К. Гротъ. Они вмѣстѣ съ нами отправились въ отель, гдѣ квартируютъ. Мы тоже тамъ помѣстились въ двухъ небольшихъ комнаткахъ.

— 14 (26). Воскресенье. Дождь. Тѣмъ не менѣе мы вмѣстѣ съ Гончаровымъ и Гротомъ отправились къ океану. Это достойное дополненіе къ Альпамъ. Я, такимъ образомъ, видѣлъ два могущественнѣйшія созданія природы. Прекрасно, величественно, грозно-прекрасно! Тамъ направо чуть, чуть бѣлѣютъ мѣловые берега Англіи, а лѣвѣе—путь въ другую часть свѣта. Право, хорошо побывать здѣсь!

И. А. Гончаровъ взялъ на себя въ Булонѣ, которая ему уже издавна знакома, роль церемоніймейстера по отношенію ко мнѣ.

Онъ свелъ меня къ океану и, какъ самъ выражается, „представилъ ему". Онъ-же руководилъ мною въ устройствѣ дѣлъ моего купанья и рекомендовалъ мнѣ своего собственнаго купальщика: это бравый, сильный молодецъ, по имени Паранти.

Послѣ мы все съ тѣмъ-же Гончаровымъ бродили по городу—старинному, съ узкими улицами и высокими домами. Были въ крѣпости и на крѣпостныхъ бульварахъ, откуда широкій видъ на зарѣчную часть города и на океанъ.

— 18 (30). Четвергъ. Ходилъ утромъ на jetée любоваться моремъ, которое великолѣпно послѣ прошедшей ночи. Въ эту ночь оно сильно бушевало. Гулъ и ревъ его тревожили нашъ сонъ. Теперь оно сильно волновалось и волны его, грозно вздымаясь, преслѣдовали одна другую, сталкивались и разсыпались у берега серебристой пѣной, а подальше ударялись объ утесъ и влажнымъ столпомъ, точно фонтаномъ, поднимались вверхъ. Не смотря на бурную погоду, множество миссъ и леди (большая часть здѣшнихъ посѣтителей—англичане), въ черныхъ костюмахъ, полоскались въ волнахъ, какъ морскія птицы. Весело было смотрѣть на ихъ рѣзвыя, смѣлыя движенія, а океанъ все шумѣлъ и стоналъ.

— 19 (31). Пятница. Въ полдень отправился на jetée. Есть въ морскомъ воздухѣ что-то особенно легкое и живительное. Самый вѣтеръ, какъ-бы силенъ онъ ни былъ, охватываетъ васъ со всѣхъ сторонъ, какъ вода въ морѣ, но не проникаетъ въ ваши жилы и кости, не остужаетъ крови и не леденитъ сердца. И странно, что при этомъ обиліи воды, вы, даже скоро послѣ дождя, не ощущаете сырости. Цѣлое лѣто почти я не выходилъ изъ теплаго пальто, а здѣсь, несмотря на сильные вѣтры и даже при отсутствіи солнца, я хожу въ лѣтнемъ легкомъ пальто и надѣваю свое любимое ватное только въ девять часовъ вечера, когда иду съ Гончаровымъ бродить по городу. Почти совсѣмъ отвыкъ я и отъ калошъ, за которыя мнѣ всегда такъ много достается отъ моихъ домашнихъ и пріятелей.

— 20 августа (1 сентября). Суббота. Опять на jetée поздно вечеромъ. Ночь прекрасна въ лунномъ сіяніи, океанъ великолѣпенъ въ совершенномъ спокойствіи. Было много гуляющихъ леди и миссъ, которыя, очевидно, отличаются большимъ пристрастіемъ къ морю. Вдали блеститъ маякъ. Передъ нами безпредѣльное

пространство, волна за волной, дальше, все дальше, до самой Америки. Вотъ изъ гавани выходитъ пароходъ—не туда-ли ужъ въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, въ Англію, куда черезъ два часа и прибудетъ.

Я ставлю гораздо выше честнаго и знающаго свое дѣло ремесленника, который, изготовляя заказанную ему вещь, не думаетъ, что онъ одолжаетъ вселенную, нежели какого-нибудь другого дѣятеля въ сферѣ, будто-бы, болѣе высокой, но одержимаго великими претензіями безъ великаго характера. Вѣдь великій характеръ тѣмъ-то и великъ, что не имѣетъ претензій. Надо прежде всего быть человѣкомъ, а потомъ уже чѣмъ угодно, или чѣмъ должно, возможно и нужно для всякаго и всѣхъ.

— 26 августа (7 сентября). Пятница. День свѣтлый и мягкій. Море тихо въ своихъ берегахъ, какъ младенецъ въ колыбели. По лону его пробѣгаютъ едва замѣтныя струйки: это оно дышетъ.

Ѣздили осматривать Наполеоновскую колонну, воздвигнутую верстахъ въ четырехъ отъ города, на томъ мѣстѣ, гдѣ Наполеонъ I, снаряжая свою Булонскую экспедицію въ Англію, раздавалъ войску почетные легіоны. Окруженный блескомъ императорскаго величія и озаренный славой недавнихъ побѣдъ, онъ хотѣлъ поразить умы французовъ и воспламенить въ нихъ энтузіазмъ такъ, чтобы они, какъ потокъ раскаленной лавы, ринулись на ненавистныхъ ему островитянъ. Колонна красива. Она возвышается на 150 футовъ. Императоръ изображенъ на ней въ порфирѣ со скипетромъ въ одной рукѣ, съ короною въ другой, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Вокругъ колонны посажены кедры и разведенъ садъ, содержимый въ большомъ порядкѣ и чистотѣ. Путь туда по холмамъ, съ которыхъ открывается видъ на чуть-чуть бѣлѣющіе вдали берега Англіи.

Одна изъ невыгодъ короткихъ отношеній съ людьми въ томъ, что они порождаютъ необходимость или потворствовать ихъ слабостямъ, недостаткамъ и страстямъ, или, противясь этому, навлекать на себя ихъ непріязнь. Лучше всего избѣгать этой короткости. Но не всегда можно успѣть въ этомъ. Часто обстоятельства ставятъ людей другъ къ другу такъ, что сближеніе между ними дѣлается неизбѣжнымъ, и вотъ между ними устанавливаются отношенія, повидимому, дружескія. Но тутъ-то и

зацѣпка. Близость производитъ то, что они трутся взаимно о шероховатости одинъ другого, которыя на дальномъ разстояніи незамѣтны—и не только трутся, но натираютъ одинъ другому мозоли.

— 29 августа (10 сентября). Понедѣльникъ. Каждое утро ходимъ мы на станцію желѣзной дороги и запасаемся тамъ въ книжномъ ларѣ свѣжей газетой—то „Constitutionnel'омъ", то „Patrie". Сегодня тоже мы взяли послѣдній номеръ перваго. Меня сильно занимаютъ дѣла Италіи. Народъ тамъ, очевидно, готовъ къ новому устройству, къ единству. Вездѣ возстаніе въ пользу этого единства, и съ каждыхъ днемъ все умаляется значеніе жалкаго остатка Бурбонской династіи Неаполитанскаго короля. Онъ не умѣлъ понять важной и простой политической истины, что народами нельзя управлять только по своимъ желаніямъ, а надо нѣсколько уважать и ихъ желанія. Каковы-бы ни были потребности времени, имъ необходимо въ извѣстныхъ предѣлахъ уступать. И потому нѣтъ ничего несообразнѣе того консерватизма, который хочетъ не сдерживать только и умѣрять излишества въ порывахъ новыхъ идей, а уничтожать ихъ и поворачивать вещи назадъ, или удерживать ихъ въ одномъ и томъ-же положеніи. Не нелѣпо-ли думать, что можно навсегда установить такой-то порядокъ вещей, когда навсегда, кромѣ смерти, ничего нѣтъ на свѣтѣ.

Гарибальди — славный человѣкъ! Это не геній, это нѣчто больше и выше того—это человѣкъ добра, герой человѣчества въ самомъ разумномъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Пребываніе мое въ Булони приходитъ къ концу. Что принесло оно мнѣ для моего здоровья? Подвожу итоги: они мало утѣшительны. Я все время чувствовалъ себя здѣсь гораздо хуже, чѣмъ въ Интерлакенѣ. Говорятъ, благотворное дѣйствіе морскихъ купаній послѣ отзовется. Будемъ надѣяться, а пока по прежнему одно остается—мужаться.

Останавливать бѣгъ собственныхъ мыслей, давать имъ должное направленіе—требуетъ такой-же силы воли, если не больше еще, чѣмъ управлять ходомъ общественныхъ дѣлъ. Вообще, имѣть дѣло съ самимъ собою, безъ эгоизма, малодушія и обольщенія разными приманками жизни—чуть-ли не гораздо труднѣе, чѣмъ имѣть дѣло съ другими. Всего труднѣе прямо смотрѣть въ глаза

истинѣ, когда она приходитъ разрушать наши иллюзіи или противорѣчить нашимъ наклонностямъ, принятымъ понятіямъ и самолюбію. А между тѣмъ, какъ ни увертывайся отъ истины, какъ не усиливайся заглушить ея голосъ или обмануть софизмами, она возьметъ свое на дѣлѣ. Она сдѣлаетъ такъ, что дѣйствительность устроится совсѣмъ иначе, чѣмъ ты воображалъ или хотѣлъ—и вотъ, ты останешься пораженнымъ въ самомъ существенномъ, чего ты добивался и чего должно добиваться—въ результатѣ.

— 30 августа (11 сентября). Вторникъ. День моихъ именинъ. Это первый разъ, что я провожу его не въ кругу моихъ дѣтей. Бѣдные! Они тоскуютъ безъ меня въ этотъ день, а я посылаю имъ мой привѣтъ однѣми грустными мыслями.

Завтра ѣдемъ въ Парижъ. А тамъ—къ дѣтямъ: пора, пора! Обнять ихъ становится вопіющею потребностью моего сердца. Грустно только, что возвратъ мой мало порадуетъ ихъ: я принесу имъ больное тѣло и тревожный духъ.

Прощай, Boulogne sur mer!

Сентябрь.—1 (13). Четвергъ. Вчера утромъ уѣхали изъ Булони. Насъ провожали на желѣзную дорогу хозяинъ нашего пансіона и двѣ милыя англичанки, съ которыми мы въ послѣднее время близко сошлись. Въ Парижъ пріѣхали подъ вечеръ и остановились въ улицѣ Ришелье, въ отелѣ „Альпы“.

Сегодня я долго сидѣлъ въ Пале-Роялѣ, любуясь дѣтьми, которыхъ нянюшки приводятъ туда играть. Премилыя дѣти эти французята: рѣзвыя, живыя, какъ котята, исполненныя дѣтской граціи, и такія свѣженькія, какъ будто они растутъ гдѣ-нибудь въ деревнѣ, а не въ тѣсномъ и душномъ Парижѣ. И игры ихъ совершенно приличны, безъ натяжки и буйства, хотя это дѣти, судя по ихъ платью, большею частью небогатыхъ родителей.

Вообще во французахъ есть что-то привлекательное. Въ нихъ нѣтъ той угловатости и аляповатости, какую видишь въ массѣ нѣмцевъ, ни той демократической грубости, какая замѣтна въ швейцарцахъ. Ихъ живость имѣетъ какую-то свою грацію, доказывающую эстетическое превосходство этой расы.

Я прожилъ въ Булони около трехъ недѣль. Тамъ въ небольшомъ городѣ тѣснится много людей, не могущихъ похвастаться особеннымъ образованіемъ: это торговцы, рабочіе, матросы, ры-

баки. Можетъ быть, то была случайность, но во все время моего пребыванія тамъ не произошло ни одной суматохи въ самыхъ людныхъ мѣстахъ, ссоры, шума и т. п. Все дѣлается у нихъ живо, быстро, никакой толкотни или замѣшательства. Я заходилъ часто въ таверну Мартена или, какъ мы его прозвали съ Гончаровымъ,—Мартыныча. Тамъ, между прочимъ, собираются и люди простаго званія. Они тамъ пьютъ, ѣдятъ, курятъ, читаютъ газеты, но все это совершенно прилично. Пьяныхъ я видѣлъ всего только разъ—двухъ мастеровыхъ. Солдаты—люди молодые, бравые, развязные, но тоже показались мнѣ скромными для своего званія. Смотря на нихъ такъ, со стороны и въ спокойное время, трудно себѣ представить, что французы — это люди, надѣлавшіе столько революцій.

— 3 (15). Суббота. Маленькая непріятность по части житейскихъ дѣлъ. По рекомендаціи одной француженки, въ свою очередь рекомендованной намъ однимъ русскимъ, мы заказали портному пальто для меня за 150 франковъ (35 рублей). Сегодня онъ принесъ его. Не разсмотрѣвъ хорошенько, мы заплатили за него деньги, но, впрочемъ, тутъ-же замѣтили на немъ пятна, какъ будто оно было чѣмъ-то облито или запачкано. Показали портнюму. Онъ очень развязно объявилъ, что такъ всегда бываетъ отъ смочки сукна, и что стоитъ мнѣ только надѣть сегодня пальто и поносить его часа два, какъ всѣ пятна исчезнутъ. Вотъ я ходилъ въ моей обновкѣ съ десяти часовъ утра до вечера, а пятна и не думаютъ исчезать. Очевидно, что портной насъ надулъ, поставивъ залежалый матеріалъ. Теперь дѣла не поправишь: деньги заплачены. Надо помириться съ потерею 35-ти рублей. Но у меня могли-бы украсть и гораздо больше, всего меня обокрасть. Этимъ и надо утѣшиться. Видно моему попорченному тѣлу прилично и платье носить испорченное.

Три дѣйствія моей лечебной драмы исполнены: Киссингенскія воды, швейцарскій отдыхъ и морское купанье. Остается четвертое и послѣднее: совѣщаніе съ Вальтеромъ въ Дрезденѣ. Кажется, и съ тѣломъ моимъ происходитъ такое-же надувательство, какъ и съ палъто, долженствующимъ его прикрывать. Медицина не отстаетъ отъ портняжнаго искусства въ способносли обманывать.

А конецъ концовъ тотъ, что я возвращаюсь домой всетаки больнымъ. Нечѣмъ мнѣ порадовать мою семью. Выходитъ, что

жизнь моя парализована, на долго-ли—Богу одному извѣстно. А изъ всего этого слѣдуетъ, что я крѣпче, чѣмъ, когда-либо долженъ держаться своего девиза: терпѣніе и мужество.

— 5 (17). Понедѣльникъ. Бродилъ по Итальянскому бульвару. Все то-же: толпа и магазины. Побылъ немножко въ Пале-Роялѣ. И тамъ все то-же: подъ арками торгуютъ, подъ деревьями рѣзвятся дѣти и сплетничаютъ няньки. Днемъ Пале-Рояль вообще бѣденъ посѣтителями. Онъ, кажется, тогда поступаетъ почти въ исключительное владѣніе дѣтей и нянекъ. Лишь изрѣдка попадается какой-нибудь праздный человѣкъ, который бродитъ подъ арками и заглядываетъ въ окна магазиновъ, или въ небрежной позѣ сидитъ на скамьѣ и читаетъ, или дремлетъ надъ газетой.

— 6 (18). Вторникъ. Бродилъ по набережной Сены, останавливаясь передъ выставками гравюръ и старыхъ книгъ. Осматривали церковь св. Клотильды за Сенъ-Жерменскимъ предмѣстьемъ. Ѣздили въ Père Lachaise, но все это довольно вяло, чему, можетъ быть, способствовалъ и сумрачный день.

Наполеонъ царствуетъ съ полнымъ авторитетомъ самодержавнаго государя: на уста французовъ онъ наложилъ печать молчанія; мысли ихъ предписалъ границы; дѣятельности ихъ указалъ матеріальныя цѣли, а изъ всѣхъ атрибутовъ свободы оставилъ имъ только одно трехцвѣтное знамя.

Французскій народъ едва-ли способенъ возвыситься до истиннаго нравственнаго достоинства. Онъ мало уважаетъ то, что не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ его интересамъ и страстямъ. Онъ любитъ шумъ, блескъ, гоняется за отличіями чести и славы, но, кажется, лишенъ чутья къ тому доброму и доблестному, которое хорошо само по себѣ и которое за это именно должно быть уважаемо человѣкомъ.

Французы пріобрѣли всемірную извѣстность своею любезностью и вѣжливостью. Но они могутъ быть ужасно невѣжливы и грубы, какъ скоро не чувствуютъ необходимости или расположенія быть вѣжливыми и любезными. Говоря извѣстныя учтивыя слова, расточая улыбки, они гораздо болѣе слѣдуютъ привычкѣ, чѣмъ благородному, гуманному стремленію не дѣлать и не говорить ничего такого другимъ, что могло-бы быть имъ непріятно или огорчить ихъ. Французъ по природѣ своей сухъ и фальшивъ.

Онъ искрененъ только въ своихъ усиліяхъ выказать свое превосходство и когда бросается въ наружный блескъ.

Но надо отдать справедливость французскому народу: онъ одаренъ удивительно привлекательною внѣшностью. Французы очень хороши въ извѣстномъ разстояніи—издали. Но очарованіе исчезаетъ, какъ скоро вы подходите къ нимъ ближе и начинаете всматриваться въ ихъ физіономію. Съ удивленіемъ и нѣкоторымъ ужасомъ вы видите тогда, вмѣсто яркихъ, пріятныхъ чертъ, плѣнявшихъ васъ издали—маску, жалкую поддѣлку подъ жизнь.

— 8 (20). Четвергъ. Въ семь часовъ утра, выѣхали мы изъ Парижа на Кёльнъ. До Компьена все лѣса, и самъ Компьенъ тоже тонетъ въ нихъ. Почва ровная, лишь мѣстами слегка волнистая. Населеніе довольно жидкое. Деревень встрѣчается мало. Вогъ и Намюръ. Здѣсь разносчикъ газетъ прокричалъ о разбитіи пьемонцами генерала Ламорисьера. Я встрепенулся и поспѣшилъ купить нумеръ „Indépendance Belge“, въ которомъ помѣщено это извѣстіе.

Все пространство отъ Намюра до Вервье очень красиво. Съ переѣздомъ въ Бельгію мѣстность немедленно дѣлается гористою. По обѣимъ сторонамъ тянется цѣпь невысокихъ, но чрезвычайно живописныхъ горъ. Мы ѣхали очаровательною долиною, которая причудливо извивается по берегу рѣки. Мимо мелькаютъ рощи, рощицы, группы деревъ, аллеи,—это одинъ нескончаемый паркъ. Но у этого парка своя поразительная особенность: онъ до такой степени заселенъ, что все пространство отъ Намюра до Вервье представляетъ какъ-бы одну непрерывную улицу фабрикъ и жилищъ—улицу оригинальную, извилистую, не правильную, а раскидывающуюся въ разныхъ направленіяхъ, то группами зданій, то цѣлыми селеніями и городами. Вездѣ кипитъ промышленная и фабричная дѣятельность, которая какимъ-то чудеснымъ образомъ сливается здѣсь съ нетронутыми искусствомъ красотами природы и производитъ на путешественника очень пріятное впечатлѣніе. Это Бельгія. Вездѣ довольство и трудъ. Деревни и города смотрятъ весело, точно улыбаются и говорятъ: „въ насъ дружно обитаютъ свобода и благосостояніе“. Какая разница съ Наполеоновскою Франціею! По крайней мѣрѣ, все это мнѣ такъ показалось изъ окна вагона.

Промелькнулъ мимо Льежъ. Перемѣна вагоновъ въ Вервье. Ахенъ. Послѣдній—большой городъ, какъ-то неправильно раскинувшійся среди весьма живописнаго мѣстоположенія.

Наконецъ, вотъ и Кёльнъ. Здѣсь прусская таможня. Но мы раздѣлались съ ней очень просто. Одинъ изъ таможенныхъ служителей объявилъ намъ безъ церемоніи, что если мы дадимъ хорошій тринкгельдъ, то дѣло у насъ сладится въ минуту безъ всякихъ хлопотъ. У насъ не случилось монеты меньше десяти франковъ и, чтобы не терять времени и избѣжать всякой суматохи, мы рѣшились ими пожертвовать. Дѣло, въ самомъ дѣлѣ, было кончено въ минуту. У насъ только спросили: не имѣемъ-ли мы чего запрещеннаго въ сундукѣ? И даже не открыли его. Сверхъ того, таможенные уже взяли на себя и всѣ распоряженія относительно перемѣщенія нашего багажа изъ таможни въ вагоны на завтрашній поѣздъ, такъ что мы уже не имѣли никакихъ заботъ и немедленно отправились въ гостиницу „Голландеръ", на берегу Рейна. Мы рѣшились въ Кёльнѣ переночевать. Намъ хотѣлось осмотрѣть городъ, особенно знаменитый соборъ, и мы положили остаться тутъ до слѣдующаго вечерняго поѣзда. Намъ отвели хорошо убранную, но очень низенькую комнату, окнами на Рейнъ.

— 9 (21). Пятница. Утромъ, взявъ комиссіонера (за $2^1/_2$ франка на четыре часа), мы сѣли въ фіакръ и отправились обозрѣвать городъ. Разумѣется, мы прежде всего поѣхали къ собору. Онъ дѣйствительно одно изъ чудесъ искусства и, по справедливости, считается великолѣпнымъ памятникомъ готической архитектуры. Его грандіозные размѣры, легкость, съ какою онъ стремится вверхъ, и неподражаемая отдѣлка во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, точно кружевныхъ орнаментовъ—все это изумительно изящно, величественно, тонко. Внутренность церкви вполнѣ соотвѣтствуетъ ея внѣшности. Мы обошли ее во всѣхъ направленіяхъ. Замѣчательны гробницы архіепископовъ и перваго изъ нихъ, основателя собора. Любопытные по своей древности барельефы (XI и XII вѣковъ) съ нѣкоторыхъ изъ нихъ сорваны французами, и гробницы эти такъ и остаются обнаженными. Въ готическихъ окнахъ разноцвѣтныя стекла, украшенныя старинною живописью: на лѣвой сторонѣ церкви она вся принадлежитъ знаменитому Альбрехту Дюреру.

Церковь еще не достроена. Ее продолжают воздвигать или, вѣрнѣе, отдѣлывать по первоначальнымъ рисункамъ, но намъ говорили, что она вполнѣ будетъ окончена еще не прежде, какъ черезъ восемнадцать лѣтъ. Мы видѣли около наваленныя громады камней; изъ нихъ нѣкоторые уже обдѣланы для орнаментовъ и превосходно выполированы.

Изъ собора мы поѣхали въ церковь Св. Петра взглянуть на картину Рубенса, изображающую пригвожденіе къ кресту Св. Петра. Картина эта одна изъ лучшихъ произведеній Рубенса. Предсмертныя муки на лицѣ Петра, движеніе мускуловъ и выраженіе на лицахъ палачей изумительны по живописи и вѣрности природѣ. Картина эта тоже была взята французами, но, по заключеніи міра, возвращена. Тутъ-же копія съ нея, какъ-бы въ доказательство того, какъ подражанія геніальнымъ произведеніямъ могутъ быть ниже своихъ образцовъ.

Далѣе, мы поѣхали по городу, къ Рейну и т. д. Но кромѣ собора и этой картины Рубенса, въ Кёльнѣ рѣшительно нѣтъ ничего замѣчательнаго. Это одинъ изъ скучнѣйшихъ, да, пожалуй, и грязнѣйшихъ городовъ въ Европѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Германіи. Въ немъ даже нѣтъ тротуаровъ и ни одной порядочной улицы. Нѣтъ мѣста для прогулокъ, ни сада публичнаго, ни театра. Театръ когда то былъ, да сгорѣлъ, и теперь никто не думаетъ объ его возобновленіи. Словомъ, это ультра-нѣмецкій городъ, крайность безвкусія и равнодушія ко всему, кромѣ денегъ и торговыхъ расчетовъ. Даже благородный, величественный Рейнъ, добѣжавъ до Кёльна, принимаетъ какой-то пошло дѣловитый видъ и лежитъ въ плоскихъ неопрятныхъ берегахъ. Его ярко изумрудный цвѣтъ превращается здѣсь въ какой-то мутный, грязный.

Возвратясь въ гостиницу, мы не знали какъ убить остальное время до семи часовъ вечера, когда отходитъ поѣздъ въ Дрезденъ. У насъ оставалось на рукахъ еще часовъ пять. Я радъ былъ даже обѣду въ часъ: всетаки хоть какое-нибудь занятіе. Впрочемъ, обѣдъ былъ очень хорошъ и недорогъ. Наконецъ мы дождались шести часовъ и бросились на желѣзную дорогу. Въ 20 минутъ восьмаго мы, наконецъ, пустились въ путь, очень довольные, что разстались съ непріютнымъ Кёльномъ, и пріятно волнуемые ожиданіемъ предстоящаго соединенія съ дѣтьми. Мы

взяли, однако, съ Кёльна дань—разумѣется, за свои деньги—купили видъ собора, да склянку знаменитаго одеколона.

— 10 (22). Суббота. Ночью проѣхали и Дюссельдорфъ и Ганноверъ, не видавъ ихъ. Въ пять часовъ утра въ Магдебургѣ мѣняли вагоны. Отсюда до Лейпцига гладкая, безпредѣльная равнина. Отъ Лейпцига до Дрездена уже рукой подать. И дѣйствительно, вотъ онъ, Дрезденъ! На станціи насъ ожидали мои милыя дѣти и И. А. Гончаровъ также. Радость и восторги неописанные. Мы были въ разлукѣ три мѣсяца и десять дней. Такой продолжительной разлуки ни я, ни дѣти мои еще никогда не испытывали. Благодаря Бога, я нашелъ ихъ здоровыми и веселыми. Мы уже всѣ вмѣстѣ примчались въ Прагерштрассе.

— 14 (26). Среда. Въ Дрезденѣ я стараюсь жить по возможности беззаботно, и еще хоть въ теченіе нѣсколькихъ дней не думать объ ожидающихъ меня въ Петербургѣ всяческихъ заботахъ и трудахъ. Да и погода сильно къ тому располагаетъ. Дни свѣтлые, теплые, какихъ вообще не много въ нынѣшній годъ выпало на нашу долю за границей. Усердно гуляемъ то въ Гросгартенѣ, то на Брюлевской террасѣ; то я безцѣльно брожу по городу съ И. А. Гончаровымъ, который продолжаетъ неистово заниматься покупками—въ настоящее время особенно сигаръ и стереоскопныхъ картинокъ съ видами. Сегодня были, между прочимъ, въ звѣринцѣ, который, впрочемъ, очень малъ. Оттуда, по мосту, перешли черезъ Эльбу, обогнули Японскій садъ и вернулись по другому мосту. Уже смеркалось. Луна сіяла во всемъ своемъ блескѣ, и видъ съ мостовъ на Дрезденъ былъ прекрасенъ.

— 15 (27). Четвергъ. Писалъ въ Варшаву къ тамошнему начальнику мальпостнаго движенія между Варшавой и Петербургомъ Ѳ. Ѳ. Кобержскому о заготовленіи намъ мѣстъ.

Въ каталогѣ человѣческихъ бѣдствій, который, какъ извѣстно, толстъ не меньше нашего академическаго словаря, право не послѣднее мѣсто должно быть отведено толчкамъ въ голову, продолжающимъ меня преслѣдовать по ночамъ. А въ самомъ дѣлѣ, любопытно-бы составить словарь человѣческихъ бѣдствій. Вѣдь сюда, чего добраго, пожалуй вошли-бы такія слова, какъ напримѣръ: другъ, проекты, то есть проекты о доставленіи человѣческому роду всевозможныхъ благъ, и т. д.

— 16 (28). Пятница. Теперь, когда я приближаюсь къ аренѣ моей дѣятельности, къ отечеству, въ душѣ моей возстаютъ вопросы, одинъ другого важнѣе, о характерѣ и способахъ этой дѣятельности. По настроенію моихъ нравственныхъ силъ, по основнымъ принципамъ моимъ, по тому, чѣмъ я обязанъ обществу и самому себѣ—я не могу дѣйствовать иначе, какъ съ достоинствомъ и энергіей. Наша эпоха, какъ и всякая другая, впрочемъ, возлагаетъ на каждаго честнаго человѣка, на дѣятеля, и долгъ и отвѣтственность. Кто не чувствуетъ себя существомъ совсѣмъ ничтожнымъ, тотъ долженъ стараться выполнить ея требованія. Но не измѣнятъ-ли мнѣ мои физическія силы? Сомнѣнія терзаютъ меня.

Университетскія лекціи, публичныя лекціи о Пушкинѣ, работы по Главному управленію цензуры. Надо также что-нибудь бросить и въ академическую кошницу, пустота которой давно уже поднимаетъ на насъ справедливыя жалобы.

Вечеромъ Гончаровъ читалъ мнѣ новую, написанную имъ въ Дрезденѣ, главу своего романа. Онъ передъ тѣмъ уже читалъ мнѣ кое-что изъ него. Мѣста, мнѣ прочитанныя до сихъ поръ, очень хороши. Главная черта его таланта—это искусная тушевка, умѣнье оттѣнять вѣрно каждую подробность, давать ей значеніе, соотвѣтственное характеру всей картины. Притомъ, у него особенная мягкость кисти, и языкъ легкій, гибкій. Въ новой, сегодня читанной главѣ, начинаетъ развертываться характеръ Вѣры. На этотъ разъ я остался не безусловно доволенъ. Мнѣ показалось, что характеръ этотъ созданъ на воздухѣ, гдѣ-то въ другой атмосферѣ, и принесенъ на свѣтъ сюда къ намъ, а не выдвинутъ здѣсь-же изъ нашей почвы, на которой мы живемъ и движемся. Между тѣмъ, на него потрачено много изящнаго. Онъ блестящъ и ярокъ. Я тутъ-же подѣлился съ авторомъ моимъ мнѣніемъ и сомнѣніемъ.

— 17 (29). Суббота. Странное противорѣчіе въ вещахъ человѣческихъ! Счастіемъ мы рѣдко обязаны самимъ себѣ, но несчастій нашихъ мы всегда строители сами. Что ни дѣлай для перваго, рѣдко удается намъ достигнуть цѣли, но второе получается легко, часто вовсе незамѣтными ошибками, крайностями, увлеченіями.

Располагаться въ жизни и на землѣ слишкомъ широко и

осѣдло, съ различными предосторожностями и заботами объ упроченіи своего положенія и доли, право, нелѣпо и смѣшно.

Разбирая строго, но правдиво свою жизнь, я нахожу, что наслаждался очень мало и также мало сдѣлалъ хорошаго. Первому препятствовали обстоятельства, собственное неблагоразуміе и необузданное стремленіе къ какому-то недосягаемому идеалу, препятствовавшее мнѣ всегда сознавать цѣну настоящаго и парализовавшее во мнѣ самую способность наслаждаться, а второму—несовершенства и недостатки моей воли.

Во мнѣ, однако, есть какая-то упругость, благодаря которой во мнѣ крѣпко держатся однимъ разъ укоренившіеся во мнѣ вѣрованія, убѣжденія, взгляды на вещи, несмотря на скептическія колебанія моего ума и недостатки моей воли.

Познай самого себя—какая это безконечная наука! Равная ей по своей нескончаемости—наука усовершенствованія самого себя.

Постоянный контроль надъ самимъ собой имѣетъ свою выгоду и невыгоду—выгоду ту, что мѣшаетъ укорененію и осуществленію многаго дурнаго; невыгоду ту, что держитъ волю въ постоянномъ колебаніи и нерѣшительности, дѣлаетъ насъ мнительными и ослабляетъ способность быстрыхъ, энергическихъ рѣшеній и дѣлъ.

Всѣ люди, изъ какихъ-бы расъ они ни происходили, подъ какими-бы законами жизни, какою-бы исторіею ни были воспитаны, одинаково расположены къ эгоизму. Различаются-же они способностью страстей. Отъ того происходитъ, что эгоизмъ однихъ умѣряется расчетливостью и благоразуміемъ, другихъ—прямѣе и открытѣе идетъ къ цѣли. Тамъ хладнокровіе и умѣренность, здѣсь пылкость и крайности...

Неохотно я разстаюсь съ Дрезденомъ. Мнѣ хотѣлось-бы въ немъ провести еще нѣсколько дней въ беззаботномъ отдыхѣ, котораго я не много имѣлъ въ моихъ безпрестанныхъ переѣздахъ въ погонѣ за здоровьемъ, постоянно отъ меня убѣгавшимъ. Словомъ, мнѣ хотѣлось-бы допить послѣднія капли немногихъ ясныхъ и нетревожныхъ минутъ—ну, да надо ѣхать! А вѣдь въ Варшавѣ, пожалуй, придется проскучать недѣлю, можетъ быть и больше, вслѣдствіе трудности, съ какою получаются мѣста въ мальпостѣ.

— 18 (30). Воскресенье. Пришло письмо отъ Кобержскаго, начальника мальпостовъ варшавскихъ. Онъ увѣдомляетъ меня, что мѣста въ экипажахъ до Острова могутъ быть для насъ готовы не прежде пятаго октября. Итакъ, пришлось-бы недѣли двѣ сидѣть въ Варшавѣ. Мы рѣшаемся лучше провести это время въ Дрезденѣ, гдѣ жизнь дешевле и пріятнѣе. Пришелъ Гончаровъ. Онъ сегодня ѣдетъ и обѣщаетъ еще переговорить съ Кобержскимъ, а о послѣдствіяхъ меня увѣдомить.

— 21 сентября (3 октября). Среда. Истинно благородное сердце, ясный, высокій умъ, истинная честность, истинное просвѣщеніе, чуждое предразсудковъ, но не чуждающееся благихъ, возвышающихъ душу, вѣрованій,—вездѣ составляютъ исключеніе.

Погода мѣняется. Холодный вѣтеръ, сумрачно. Но видъ полей, по которымъ я сегодня много бродилъ, еще сохраняетъ слѣды роскошнаго плодоноснаго лѣта.

Однако, меня начинаетъ сильно позывать къ работѣ. Да и совѣстно уже становится, что я такъ долго ничѣмъ не занимался. Заботы о здоровьѣ поглощали исключительно мое время. Теперь хотѣлось-бы вознаградить потерянное, но благоразуміе и медицина велятъ трудиться осторожнѣе.

Обдумываю публичныя лекціи о Пушкинѣ и бросаю на бумагу разныя замѣтки и главныя черты плана.

О великихъ дѣятеляхъ въ обществѣ, какъ о великихъ явленіяхъ природы, никогда нельзя сказать, что они изучены окончательно, и что, разъ описавъ, объяснивъ ихъ, уже возвращаться къ нимъ не для чего. Богатство въ нихъ жизни таково, что понять, объяснить, опредѣлить ихъ сразу нѣтъ никакой возможности. Значеніе и дѣйствіе ихъ къ тому-же никогда не раскрываются вдругъ. Они, какъ все живое, одарены способностью развиваться и развивать заключающееся въ нихъ содержаніе, такъ что то, что вы узнали въ нихъ сегодня, часто служитъ только предисловіемъ или указаніемъ того, что узнаете завтра или позднѣе.

— 24 (6). Суббота. Какихъ послѣдствій отъ жизни хочешь ты серьезнѣе тѣхъ, какія есть? Цѣль жизни не есть-ли самая жизнь? Какое дѣло природѣ до того, живешь-ли ты, живутъ-ли или бу-

дутъ жить Иванъ и Сидоръ, жукъ или слонъ—лишь-бы потокъ жизни не изсякалъ и не прерывался.

— 28 сентября (10 октября). Среда. Дождь, холодъ. Вѣтеръ сегодня, вооруженный ножами, такъ и ходитъ по улицамъ и рѣжетъ людей. Въ комнатахъ страшно холодно, а топить—боимся угара. Печи у нѣмцевъ устроены не по нашему. Онѣ не способны ни дать, ни удержать тепла. Это нѣчто въ родѣ чортъ знаетъ чего. Безтолковые нѣмцы, написавшіе тысячи умныхъ и глупыхъ книгъ, не постигли премудрости, какъ зимой согрѣвать свои жилища. У нихъ нѣтъ вьюшекъ въ печахъ, да и самыя печи устроены, кажется, такъ, чтобы служить только пугаломъ холоду, а не серьезно съ нимъ бороться и его изгонять. Безтолковые нѣмцы!

Я читаю переводъ Библіи, издаваемый въ Лондонѣ, и котораго до сихъ поръ вышло еще только одно „Пятикнижіе". Подъ переводомъ подписано имя Вадима, и онъ печатается въ Герценовской типографіи. Переводъ дѣлается съ еврейскаго подлинника, при пособіи перевода на англійскій языкъ еврея, доктора Бениша. Буквальная точность—главная задача переводчика. Поэтому переводъ является освобожденнымъ отъ всякой славянской высокопарности и темноты. Онъ читается, какъ Гомерова Иліада. Не знаю, какое дѣйствіе произвелъ-бы онъ въ Россіи своей патріархальной простотой и разговорнымъ житейскимъ тономъ. Думаю, однако, что идея о Божественности и классическомъ величіи Библіи сильно поколебалась-бы. Въ сущности, это есть исторія и законодательство народа, управляемаго теократіей, и въ этомъ смыслѣ Библія понятна и естественна. Но божественный характеръ ея плохо вяжется съ нашими христіанскими понятіями. Богъ тутъ является въ слишкомъ человѣческомъ и страстномъ видѣ. Моисей (или Моше), конечно, имѣлъ причины представить его такимъ для евреевъ. Они нуждались въ правителѣ строгомъ, всегда готовомъ на казни, не щадившемъ никого и ничего въ порывахъ гнѣва—и Богъ дѣйствительно, по Моисею, былъ для нихъ такимъ правителемъ. Но мы, христіане, не можемъ понять такого Бога и въ такомъ правителѣ не имѣемъ нужды.

Хотѣлъ было прогуляться по городу, но подлецъ нѣмецкій вѣтеръ по прежнему ходитъ по улицамъ съ ножами и пыряетъ

ими въ усъ и въ рыло, говоря краснорѣчивой русской поговоркой. Зашелъ къ прелестной кондитершѣ и взялъ у нея для дѣтей разнаго сладкаго хлама. Въ самомъ дѣлѣ, эта кондитерша красавица. Достанься это чудное личико француженкѣ, что-бы она съ нимъ надѣлала! А эта нѣмка неподвижно стоитъ себѣ у прилавка и только невозмутимо опускаетъ себѣ въ карманъ ваши зильбергроши.

— 29 сентября (11 октября). Четвергъ. Сегодня открытіе памятника Веберу на театральной площади. Жаль, что скверная погода—холодъ и дождь. Открытіе состоится въ десять часовъ.

Всякій живетъ своей мѣрой мыслей, знаній, вѣрованій, чувствъ и убѣжденій. Кто богаче ими, тотъ живетъ лучше. У каждаго есть свой источникъ, изъ котораго онъ можетъ добывать всѣ эти сокровища.

Литература воспитываетъ поколѣніе, и потому писатели должны помнить, что на нихъ лежитъ отвѣтственность въ томъ, сколько они могутъ внушить ему добрыхъ стремленій и благородныхъ чувствъ, и сколько могутъ ослабить или укрѣпить въ немъ все честное, вмѣстѣ съ образованіемъ эстетическаго чувства.

Ошибка литературныхъ критиковъ и историковъ въ томъ, что они смотрятъ на литературу односторонне. Они видятъ въ ней силу или возвышающуюся надъ обществомъ и притягивающую его къ себѣ, или исключительно преданную общественнымъ интересамъ и зависящую отъ нихъ. Поэтому, одни впадаютъ въ отвлеченный и мечтательный идеализмъ, другіе въ крайній реализмъ. Между тѣмъ, у литературы двоякое призваніе. Она въ одно и то-же время служитъ и идеаламъ, и дѣйствительности. Тѣ только произведенія вполнѣ соотвѣтствуютъ истинному назначенію литературы, въ которыхъ идеальное не противно дѣйствительному, и дѣйствительное не уничтожаетъ идеальнаго. Таковы у насъ произведенія Пушкина.

Всякій писатель, сильно дѣйствовавшій на свое общество, пробуждаетъ въ немъ или утверждаетъ и извѣстные нравственные и соціальные принципы, открываетъ новые виды умственной дѣятельности, склоняетъ умъ и сердце къ извѣстнаго рода понятіямъ, убѣжденіямъ. Этимъ отличается писатель-дѣятель

отъ писателя съ обыкновеннымъ художественнымъ смысломъ, который изящными образами и картинами доставляетъ пищу одному только эстетическому чувству.

За Пушкинымъ мы признаемъ два значенія: 1) значеніе какъ художника, образователя эстетическаго чувства въ своемъ обществѣ, и 2) какъ общественнаго дѣятеля, развивавшаго въ обществѣ извѣстные нравственные принципы, склонявшаго общество къ извѣстнымъ задачамъ и вопросамъ жизни, дававшаго направленіе мыслямъ и чувствамъ своего поколѣнія.

Прежде у насъ какъ-бы играли въ высшіе интересы жизни. Передъ умами мелькали высшіе идеалы, но они не подвергались анализу и ихъ не сближали съ жизнью. Они и въ литературѣ, и въ дѣйствительности оставались отвлеченными въ области фантазіи. Пушкинъ первый смотритъ на нихъ съ серьезной стороны, первый учитъ сочетать лучшія стремленія духа, идеалы, съ дѣйствительностью на почвѣ нашей общественной и исторической жизни.

Въ послѣднее время Пушкину ставили въ укоръ, что онъ лишенъ соціальнаго значенія. Я глубоко уважаю то соціальное направленіе, о которомъ такъ много заботится наша современная литература. Я вполнѣ признаю въ ней дѣятеля въ этомъ смыслѣ и слишкомъ далекъ отъ того, чтобы навязывать ей исключительно такъ называемый художественный характеръ. Но понятію соціальный—я даю болѣе широкое значеніе, чѣмъ въ послѣднее время принято ему давать. Я вижу въ немъ не только текущіе общественные интересы, какъ-бы они ни были важны, не только указаніе на текущія нужды, на разные недуги и злоупотребленія, но и все, что заключается въ основныхъ вѣрованіяхъ и стремленіяхъ народнаго духа, все, что входитъ въ цѣли и способы его развитія, словомъ—весь нравственный порядокъ вещей, всю сферу понятій эпохи. Такимъ образомъ, мы считаемъ писателемъ соціальнымъ не только того, который намъ указываетъ на разладицу общественныхъ нравовъ и общественной жизни съ идеаломъ человѣчности и народности, но и того, который эти идеалы возвышаетъ, очищая ихъ отъ всѣхъ временныхъ искаженій и извращеній. Дѣло только въ томъ, чтобы этотъ послѣдній не выставлялъ намъ идеаловъ отвлеченныхъ или такихъ, которые чужды нашей народности и общественности.

Пусть идеалъ его будетъ въ высшей степени человѣченъ, но пусть онъ въ то-же время вращается въ сферѣ нашихъ національныхъ и общественныхъ понятій. Пусть между нимъ и этими послѣдними существуетъ связь, хотя-бы то основанная на темныхъ гаданіяхъ только или предчувствіяхъ людей, на стремленіи ихъ къ лучшему или даже не къ лучшему, а къ извѣстному, опредѣленному міросозерцанію.

Въ Пушкинѣ мы это находимъ, и потому вполнѣ считаемъ его писателемъ соціальнымъ.

Надо только, чтобы писатель такого рода имѣлъ достаточно генія или таланта, чтобы быть въ состояніи предчувствія, гаданія, стремленія общественныя облечь въ образы вѣрные, живые, могущіе неотразимо дѣйствовать на общество. Это послѣднее уже зависитъ, конечно, отъ степени его эстетическаго или художественнаго дарованія. А у Пушкина оно было велико.

— 30 сентября (12 октября). Пятница. Отправляемся сегодня въ Россію черезъ Бреславль и Варшаву, въ одиннадцать часовъ вечера, то есть съ ночнымъ поѣздомъ.

Въ полдень ходилъ смотрѣть памятникъ Вебера, открытый третьяго дня. Въ этотъ день готовилось большое торжество, но оно сократилось по причинѣ дурной погоды. Памятникъ не грандіозенъ, но очень хорошъ. Это бронзовая статуя Вебера на гранитномъ пьедесталѣ. Онъ стоитъ опершись локтемъ одной руки на ноты, которыя поддерживаетъ муза, а въ другой рукѣ держитъ лавровую вѣтвь. Поза его благородна и проста. На лицѣ выражено вниманіе: онъ какъ будто прислушивается къ какой-то гармоніи. Отдѣлка памятника отчетлива и изящна; пьедесталъ отшлифованъ превосходно: драпировка легка. На пьедесталѣ простая надпись: Карлъ-Марія Веберъ. Мнѣ очень хотѣлось быть на торжествѣ открытія, но въ этотъ день былъ такой холодъ съ пронзительнымъ вѣтромъ и дождемъ, что я побоялся довѣрить ему мое бѣдное тѣло и лишился нѣсколькихъ пріятныхъ впечатлѣній.

Не выходятъ у меня изъ головы французы, какими я ихъ видѣлъ теперь, подъ режимомъ Наполеона III. Они какъ-бы созданы для того, чтобы любить зрѣлища и дѣлать ихъ—они созданы для спектакля. Они играютъ въ чувства, въ правила, въ честь, въ революціи. И надо отдать имъ справедливость, все, что отно-

сится къ представленію, у нихъ превосходно: знаніе ролей, мимика, декламація, декораціи, вся обстановка. Въ нихъ, если можно такъ сказать, нѣтъ того, чтобы быть, но природа одарила ихъ богатыми средствами для того, чтобы казаться и производить эффектъ: воинъ, заговорщикъ, любовникъ, фанатикъ, либералъ, рабъ—все это является у нихъ на сценѣ, все это роли, выполненныя съ блескомъ и искусствомъ. Они обладаютъ такимъ умѣньемъ переселяться въ каждое лицо, усвоивать себѣ, по крайней мѣрѣ, наружныя свойства его, что нерѣдко обманываютъ неопытныхъ. Съ перваго взгляда ихъ, пожалуй, и примешь не за актеровъ, а за настоящихъ людей, но пойдите за кулисы, всмотритесь поближе: вы во всемъ увидите румяна, мишуру, гримировку.

Французы своими революціями окончательно достигли того, къ чему вели ихъ національные инстинкты—они достигли равенства. Далѣе они не пойдутъ. Свобода, о которой мечтали ихъ утописты, не по нимъ и не для нихъ. Они могутъ снести какое угодно угнетеніе, лишь бы они были угнетены всѣ одинаково и никто не былъ изъятъ изъ общаго порядка вещей, никто не стоялъ выше другого. Прочная республика врядъ-ли возможна во Франціи уже потому одному, что она даетъ возможность выдвинуться впередъ таланту и уму; что она допускаетъ извѣстныя личности до превосходства, недоступнаго для другихъ. Они не хотѣли-бы никакого олицетворенія власти—не потому, что власть сама по себѣ имъ ненавистна, но потому, что она украшается и возвеличивается ненавистными аттрибутами личнаго превосходства. Но какъ совсѣмъ безъ власти жить нельзя, то они охотно съ нею примиряются, лишь-бы она была сосредоточена и поставлена такъ высоко, что уравняться съ ней ни для кого нѣтъ никакой возможности. Таковы, по крайней мѣрѣ, французы настоящей эпохи. Наполеонъ III постигъ это вполнѣ. Онъ одинъ, и совершенно одинъ стоитъ на уединенной высотѣ, не какъ французскій гражданинъ, не какъ членъ общества, а какъ ни для кого недоступное могущество, олицетворенное человѣческимъ именемъ. Онъ ни съ кѣмъ не раздѣляетъ своей власти, но покажи только, что раздѣляетъ—обаяніе его мгновенно исчезнетъ.

Французы неспособны также никому дать надъ собой власти

безъ того, чтобы не пожелать скоро взять ее назадъ. Но кто самъ возьметъ эту власть и съумѣетъ поддержать ее, бросая имъ пыль въ глаза, тому они повинуются безпрекословно.

Октябрь.—1 (13). Суббота. Вчера, въ одиннадцать часовъ вечера, выѣхали мы изъ Дрездена, а сегодня въ полдень были на таможнѣ въ Сосновицахъ. Тутъ съ нами обошлись учтиво, безъ всякихъ придирокъ. Но когда мы въ десять часовъ вечера прибыли въ Варшаву, тамъ опять хотѣли насъ осматривать. Когда-же я спросилъ у чиновника, занимавшагося пріемомъ паспортовъ, законно-ли это, онъ приказалъ оставить и насъ и другихъ пассажировъ въ покоѣ. Явился комиссіонеръ изъ отеля „Европа", куда мы скоро и прибыли въ омнибусѣ.

— 2 (14). Воскресенье. День тихій и свѣтлый. Гулялъ въ Саксонскомъ саду, который невеликъ, но для городскаго сада хорошъ. Заходилъ справиться о мѣстахъ въ мальпостѣ: они будутъ для меня готовы въ четвергъ.

Каждый городъ, селеніе, мѣстность, какъ и человѣкъ, имѣетъ въ общемъ своемъ видѣ свою физіономію, эту неуловимую особенность, которая возбуждаетъ въ наблюдателѣ извѣстнаго рода впечатлѣніе. Варшава, по крайней мѣрѣ, на меня, не производитъ пріятнаго впечатлѣнія. Она вообще, какъ-то грязна и жестка... Площадь противъ Саксонскаго сада могла-бы быть хороша, если-бы ее не портили зданія безобразнаго и мрачнаго вида—съ одной стороны гауптвахта, съ другой—конюшни и казармы. Но всего некрасивѣе памятникъ посреди нея... Между тѣмъ, собственно польская физіономія города не лишена интереса. Тутъ слѣды исторіи, свидѣтельствующіе о самобытной жизни народа. Народонаселеніе въ массѣ представляетъ черты оригинальности и не лишено граціи своего рода. Въ лицахъ, въ движеніяхъ много жизни. Физіономіи подвижныя и красивыя...

— 4 (16). Вторникъ. Письмо отъ Гончарова уже изъ Петербурга, куда онъ прибылъ 26 сентября. Онъ описываетъ бѣдствія, которыя претерпѣлъ въ дорогѣ, вслѣдствіе всякаго рода лишеній, проистекающихъ изъ нашей всероссійской дикости и неустроенности. Гончаровъ предостерегаетъ меня отъ того, чему самъ подвергся.

Человѣчеству въ теченіе вѣковъ удалось сдѣлать много заслуживающаго удивленія. Но каждый человѣкъ въ отдѣльности

чрезвычайно мелокъ и ничтоженъ. Онъ бываетъ даже очень смѣшонъ, когда гордится своими личными преимуществами, своимъ умомъ, своими знаніями, своими доблестями, забывая, что всѣмъ этимъ онъ обязанъ или случайности природы и судьбы, или наслѣдству, полученному имъ отъ совокупныхъ усилій всего человѣчества.

Заходилъ къ С. А. Старыникевичу и въ разговорѣ съ нимъ узналъ о разныхъ нестроеніяхъ нашей цензуры. Въ „Русскомъ Словѣ" была напечатана статья о Гоголѣ, въ которой говорится, что тотъ пользовался уваженіемъ публики до тѣхъ поръ, пока не началъ „воскурять ѳиміама Царю небесному и царю земному". Государь, говорятъ, призывалъ по этому случаю министра, которому сказалъ:

— Что обо мнѣ говорятъ, я на то не обращаю вниманія. Нельзя всѣми быть любиму: одни любятъ, другіе нѣтъ. Цари земные бываютъ съ ошибками. Но о Царѣ небесномъ нельзя такъ отзываться.

Хорошія слова, и въ самомъ дѣлѣ жаль, что литература наша говоритъ такія безтактныя вещи. Она не понимаетъ ни своего положенія, ни своей задачи въ настоящую минуту. И ея дѣло не дразнить и не тревожить умы, а руководить ихъ и просвѣщать. Это прекрасная роль, и ея нельзя выполнять, неистовымъ образомъ все ругая, какъ это, напримѣръ, теперь дѣлаетъ Герценъ. Герценъ имѣетъ свою неотъемлемую заслугу, но и онъ гораздо лучше сдѣлалъ-бы, еслибъ воздерживался отъ ругательствъ.

Однако, онъ въ другомъ положеніи, чѣмъ всѣ прочіе наши писатели. Онъ открыто взялъ на себя роль не руководителя, а возбудителя... Герценъ не участвуетъ непосредственно въ дѣлахъ нашихъ. Ему можетъ не быть вовсе дѣла до соблюденія разныхъ условій, которыми не долженъ пренебрегать ни одинъ писатель, если онъ желаетъ успѣшно и благотворно дѣйствовать на общество, гдѣ живетъ.

По моей совѣсти и по моему разумѣнію, надо сдерживать слѣпое стремленіе, вызывающее изъ мрака духа бури, котораго труднѣе остановить въ его разрушительномъ теченіи, чѣмъ вызвать. Я родился, выросъ, возмужалъ и теперь старѣюсь въ отвращеніи и враждѣ ко всякому игу, ко всякому притѣсненію. Лич-

ное мое чувство, всѣ привязанности моего сердца на сторонѣ свободы и права. Но я никогда въ моихъ идеяхъ не игралъ легкомысленно жребіемъ людей для осуществленія какихъ-бы то ни было утопій свободы и права. Я не считалъ и не считаю ихъ возможными безъ опоры закона. Мнѣ извѣстно, какъ и всякому, что блага эти покупаются жертвами, что безъ кризисовъ нельзя обойтись въ переходахъ общества, отъ одного порядка вещей къ другому. Но ускорять или возбуждать насильственно эти кризисы—не мое дѣло. Напротивъ, я полагаю, что честный человѣкъ обязанъ смягчать ихъ и содѣйствовать тому, чтобы новый порядокъ вещей состоялся сколь возможно съ меньшими пожертвованіями. Если исторія ничего даромъ не даетъ, то надобно, по крайней мѣрѣ, заплатить за добро, которое она обѣщаетъ, или даетъ, сколь возможно дешевле. Сорить идеями на счетъ человѣческой крови и мира общественнаго есть великое преступленіе. Тѣ, которымъ суждено быть участниками и дѣятелями въ этой сдѣлкѣ, обязаны быть мудрыми, а не рваться слѣпо къ безднѣ вмѣстѣ съ толпой, которая не думаетъ о томъ, что она оттуда вынесетъ.

Вечеромъ въ театрѣ. Давали маленькую оперетку и балетъ: „Два злодѣя". Балетъ шелъ прекрасно. Вообще эта часть спектакля въ Варшавѣ, кажется, въ цвѣтущемъ состояніи. Но я обманулся, ожидая увидѣть мазурку, настоящую польскую мазурку, полную страсти, бѣшенства и граціи. Мазурку, точно, танцовали, но въ бальныхъ платьяхъ, а не національныхъ костюмахъ, и такъ вяло и безжизненно, какъ бы это было въ петербургскихъ гостинныхъ.

— 13. Четвергъ. Въ Петербургѣ. Въ четвергъ на прошедшей недѣлѣ, шестаго, поутру, въ девять часовъ, выѣхали мы изъ Варшавы въ экипажѣ съ экстра-почтой, гдѣ мы заняли четыре мѣста внутри и пятое снаружи. Ѣхали мы очень скоро, останавливались только для перемѣны лошадей и для обѣда не болѣе получаса. Первые два дня погода была сносная. Но потомъ началъ свирѣпствовать сильный холодный вѣтеръ съ дождемъ, особенно по ночамъ. Однако мы благополучно доѣхали до Острова, куда и прибыли ночью, около двухъ часовъ, средн бури и ливня. Тутъ въ первую минуту мы были сильно озадачены. По причинѣ большаго скопленія народа нигдѣ не оставалось пустаго помѣще-

нія. Но насъ вывело изъ бѣды распоряженіе добраго Кобержскаго. Благодаря его заботамъ, для насъ заранѣе была удержана комната на почтовой станціи. Было уже три часа ночи, когда мы ее заняли и расположились на кратковременный отдыхъ. Въ шесть часовъ утра уже надо было спѣшить на станцію желѣзной дороги. Новое затрудненіе. До станціи надо было ѣхать еще версты три по скверной, грязной дорогѣ и подъ проливнымъ дождемъ съ вѣтромъ. Экипажей, кромѣ простыхъ телѣгъ, здѣсь нѣтъ. Но опять тотъ-же Кобержскій вывелъ насъ изъ этой новой бѣды. Оказалось, что онъ заранѣе написалъ островскому почтмейстеру, чтобы тотъ, въ случаѣ дурной погоды, далъ намъ мальпостъ для доставленія насъ на желѣзную дорогу. Здѣсь мы нашли сущій содомъ, неописанную тѣсноту, шумъ, гамъ, толкотню. Но все, наконецъ, уладилось, мы заняли наши мѣста въ вагонахъ и безъ дальнѣйшихъ неудобствъ прибыли въ Петербургъ десятаго числа, въ понедѣльникъ, въ пять часовъ вечера. На другой день, во вторникъ, ко мнѣ уже начали являться разныя лица. Въ среду представлялся министру, попечителю; заѣзжалъ въ Римско-Католическую академію; былъ у доктора Вальца и у моего милаго Ребиндера.

— 15. Суббота. Засѣданіе въ Академіи, первое послѣ моего возвращенія въ Петербургъ. Та же мелочь, пустота и скука.

— 21. Пятница. Умерла императрица Александра Ѳеодоровна. По этому случаю отложено засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры.

— 29. Суббота. Похороны императрицы Александры Ѳеодоровны. Процессія пойдетъ мимо моей квартиры. На улицѣ уже съ половины десятаго началось движеніе: сходятся толпы народа, войска. Полиція суетится.

Въ 45 минутъ перваго двинулась по нашей улицѣ процессія похоронъ императрицы Александры Ѳеодоровны. Вездѣ соблюдались чинность и порядокъ. Толпа безмолствовала. Сама процессія развертывалась мѣрно, величественно. Государь шелъ за гробомъ, блѣдный и печальный. Шествіе тянулось мимо насъ цѣлый часъ.

Ноябрь.—2. Среда. Вечеромъ была у меня графиня Т. съ женихомъ своимъ просить меня быть ея опекуномъ, или, лучше сказать, опекуномъ имѣнія, состоящаго въ тяжбѣ. Ея отецъ при

смерти. Я обѣщался на время, пока они пріищутъ другого, болѣе способнаго.

— 5. Суббота. Въ Главномъ управленіи цензуры я по возвращеніи засталъ еще болѣе раздраженное отношеніе къ литературѣ, чѣмъ прежде. Хотятъ, кажется, слѣдовать системѣ притѣсненія. И все это надѣлала особенно одна статья въ „Русскомъ Словѣ“ или, лучше сказать, одна фраза, что „Гоголь былъ уважаемъ русской публикой до тѣхъ поръ, пока не началъ воскурять рабски ѳиміама царю земному и Царю небесному“. За эту фразу отрѣшили отъ должности цензора Ярославцева и сдѣлали строжайшій выговоръ издателю, графу Кушелеву-Безбородко.

— 9. Среда. Нѣкоторыя чувства требуютъ того, чтобы ихъ превозмогать и покорять какому-нибудь высшему началу. Таково, напримѣръ, отвращеніе мое къ ложному, шаткому, сбивчивому шатанію умовъ нашего времени и къ эгоизму и мелочному самолюбію нѣкоторыхъ изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей. Я съ величайшимъ трудомъ принуждаю себя встрѣчаться съ ними—а встрѣчаться съ ними я долженъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я былъ связанъ разными отношеніями. Теперь мнѣ претитъ поддерживать эти отношенія. Не хорошо. Но какъ этому помочь? Какъ расположить свое сердце къ большой терпимости, не подрывая основаній своего характера и своего достоинства?

Въ судьбѣ человѣческаго разумѣнія заключается судьба всего живущаго. Нѣтъ твердой мысли въ человѣкѣ—и цѣлый міръ превращается въ хаосъ.

— 10. Четвергъ. Ученіе матерьялистовъ, чувствуя невозможность достигнуть знанія вѣчной и высочайшей истины, обходитъ ее и говоритъ, что она и не нужна; что можно безъ нея обойтись для исполненія не только обыкновенной общественной обязанности, но и высшихъ задачъ человѣческаго существованія. Безъ знанія этой истины можно обойтись—съ этимъ спорить нельзя: родъ человѣческій и до сихъ поръ безъ него обходится. Но безъ вѣрованія въ нее можно-ли обойтись—это другой вопросъ. До сихъ поръ родъ человѣческій еще не открылъ возможности обойтись безъ этого вѣрованія. На немъ покоятся всѣ наши нравственныя отношенія, всѣ стремленія къ лучшему, все, чѣмъ человѣкъ укрощаетъ свои страсти и возвышается до

самообладанія, самоуправленія, до высшаго пониманія себя и своей жизни.

Философія матерьялизма есть философія отчаянія. Ее можно формулировать слѣдующимъ образомъ: „такъ какъ высшее знаніе, истина для человѣка не достижимы, то откажемся отъ нихъ и постараемся убѣдить себя и другихъ, что можно устроить наилучшій нравственный порядокъ вещей на землѣ, ни мало не нуждаясь въ основаніяхъ нравственности, слѣдуя единственно за физіологическими отправленіями нашего тѣла".

Дѣло не въ началахъ, а въ силѣ. Нынѣшніе утописты—матерьялисты, соціалисты, приверженцы такъ называемой положительной философіи—думаютъ, что они огромную услугу оказываютъ человѣчеству, толкуя о незаконности собственности, о злоупотребленіяхъ власти и пр. и о средствахъ поправить зло, излагая теорію человѣческихъ обществъ, раздѣленіе собственности и труда. Они не видятъ, что всѣ ихъ понятія, начиная съ Платона, очень стары. Но дѣло, очевидно, не въ понятіяхъ, не въ началахъ, а въ силѣ осуществлять понятія, начала...

Нравственный порядокъ вещей невозможенъ, когда въ томъ, что мы о немъ знаемъ и должны знать, не допустимъ связи съ тѣмъ, чего мы не знаемъ и не можемъ знать.

Незнаемое есть верховный двигатель всякаго стремленія къ совершенствованію. Законъ развитія есть не иное что, какъ побужденіе изъ неизвѣстнаго перейти въ извѣстное.

— 11. Пятница. Это безпрерывное колебаніе здоровья, уже годъ продолжающееся, и необходимость слѣдить за нимъ съ вниманіемъ зайца, преслѣдуемаго собаками—все это сильно угнетаетъ меня. Въ этомъ есть что-то жалкое и унизительное. Неужели такъ пойдетъ надолго? Отпуститъ-ли мнѣ природа еще нѣсколько лѣтъ жизни или она этими тревогами приготовляетъ меня къ окончательной и немедленной развязкѣ. Тяжело ходить между этими пропастями сомнѣній, опасеній, физическихъ заботъ и прочее. Между тѣмъ, хотѣлось-бы еще и дѣйствовать.

Любовь къ своему *я* и къ жизни, какъ и всякое чувство, можетъ доходить до болѣзненной раздражительности, исключающей всѣ другіе чувства и интересы. Избави Боже до этого дойти!

— 12. Суббота. Въ полдень засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Исторія З., по случаю фельетонной статьи о

магазинѣ, въ воскресномъ номерѣ „Спб. Вѣдомостей". Онъ проситъ защиты противъ печати, чѣмъ и изобличаетъ, что лицо, выставленное въ фельетонѣ, дѣйствительно онъ и жена его. Хороши нравы общества, гдѣ возможны вещи, подобныя тѣмъ, какія описаны въ фельетонѣ!

Отвергнуть идеалы значитъ уничтожить въ человѣкѣ всякое стремленіе къ прогрессу.

Безконечный анализъ, которымъ вооружилась нынѣшняя наука, разсматривающая природу и человѣка, есть, конечно, также громадный шагъ человѣческаго разума на пути его развитія. Нынѣшніе выводы изъ него неутѣшительны. Но таковы-ли будутъ и послѣдующіе? Можетъ быть, именно отсюда возникнутъ новые идеи и принципы, какихъ матерьялистическій анализъ не ожидаетъ—идеи и принципы, укрѣпляющіе высшія вѣрованія. Вѣдь анализомъ всего исчерпать нельзя. Но онъ можетъ привести насъ къ такимъ рубежамъ и точкамъ зрѣнія, откуда взоръ обниметъ пространство, еще безконечнѣе, еще таинственнѣе того, какое нынѣ намъ представляется—и человѣкъ, въ священномъ ужасѣ и великомъ предчувствіи, воскликнетъ: „тамъ, въ этомъ глубокомъ безотвѣтномъ неизвѣстномъ лежитъ что-то выше, святѣе, достовѣрнѣе всего, что я до сихъ поръ узналъ и прочувствовалъ.

Первое правило нашихъ ультра-либераловъ въ томъ, чтобы воспрещать свободу мнѣній всѣмъ, кромѣ самихъ себя.

— 26. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Пренія о стихотвореніяхъ Некрасова, которыя авторъ хочетъ печатать новымъ изданіемъ. Изданіе это было запрещено еще Норовымъ. Теперь я подалъ письменное мое мнѣніе о томъ, чтобы пропустить эту книгу, за исключеніемъ развѣ немногихъ строкъ. Прочіе члены возстали противъ этого, находя, что стихотворенія Некрасова носятъ черезчуръ демократическій характеръ. Трудно вразумить такихъ господъ, какъ напримѣръ, Пржецлавскій, Берте. Однако положено отправить стихотворенія въ цензурный комитетъ и вновь разсмотрѣть.

Декабрь.—1. Четвергъ. Факультетское собраніе въ университетѣ. Толки о конкурсѣ на каѳедру философіи. Нѣкоторые прочатъ на нее Петра Лавровича Лаврова. Я противъ этого. Лавровъ способенъ не просвѣщать, а помрачать умы.

— 3. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Берте докладывалъ, что въ „Сѣверной Пчелѣ", въ статьѣ о Сѣверо-Американскихъ штатахъ, слишкомъ распространяются о правѣ народа контролировать злоупотребленія администраціи и измѣнять формы ея. Я защищалъ газету тѣмъ, что вѣдь это не ея разсужденія, а выписки изъ сѣверо-американскихъ оффиціальныхъ статей.

— Это факты, прибавилъ я,—и факты, то и дѣло совершающіеся въ Европѣ и въ Америкѣ. Намъ, значитъ, ничего не оставалось бы, какъ воспретить газетамъ упоминать о самыхъ фактахъ этого рода, то есть, мы должны закрыть глаза и уши наши на зрѣлище мірскихъ дѣлъ.

Министръ согласился съ этимъ. Д* и Тройницкій поддержали меня. Положено бросить это дѣло.

— 6. Вторникъ. Когда тебѣ въ жизни приходится случайно наткнуться на добро, ты въ опасности лишиться его каждую минуту. Но когда постигаетъ тебя зло, оно крѣпко цѣпляется за тебя руками и зубами, и нѣтъ никакой возможности отдѣлаться отъ него скоро. Однимъ словомъ, добро шатко, неблагонадежно и случайно. Зло-же крѣпко, постоянно и неизбѣжно.

Былъ у меня мой благородный Шульманъ! Ему, также какъ и мнѣ, заграничное леченіе принесло немного пользы. Мы говорили съ нимъ о нынѣшнемъ направленіи умовъ и о томъ, какъ на нихъ хотятъ дѣйствовать сверху. Много печальнаго во всемъ этомъ.

— 8. Четвергъ. У нашихъ писателей, при началѣ нынѣшняго царствованія, не достало такта, чтобы воспользоваться дарованною печати бо́льшею долею свободы. Они много моглибы сдѣлать для упроченія нѣкоторыхъ началъ въ обществѣ и для склоненія правительства къ разнымъ либеральнымъ мѣрамъ. Но они ударились въ крайности и испортили дѣло. Возгордившись первыми успѣхами, они потеряли мѣру, сдѣлались черезчуръ требовательными, забывъ, что, годъ или два тому назадъ, имъ едва позволили-бы держать перо въ рукахъ. Имъ захотѣлось вдругъ всего—и они начали сплошь на все нападать, какъ люди рьяные, но неспособные руководить общественнымъ мнѣніемъ. Они употребили во зло печатное слово, вмѣсто того, чтобы воспользоваться имъ. Тщетно старался я стать прими-

рительнымъ лицомъ между литературой и правительствомъ. Первая такъ далеко занеслась, что вдругъ встала въ открытую и жестокую оппозицію съ послѣднимъ. Послѣднее встрепенулось и стало усерднѣе подтягивать вожжи. Такіе господа, какъ Чернышевскій, Бовъ (Добролюбовъ) и прочіе, вообразили себѣ, что они могутъ взять силой право, на которое они еще не пріобрѣли права. Они взяли на себя задачу несвоевременную и непосильную, и вмѣсто того, чтобы двигать дѣло впередъ, только тормозятъ его.

Считая себя передовыми людьми, руководителями общественнаго мнѣнія, они дѣйствовали какъ зажигатели, какъ демагоги, чѣмъ и доказали свою незрѣлость и неспособность управлять общественнымъ движеніемъ. Передъ ними была роль дѣйствительно прекрасная: быть именно руководителями умовъ тамъ, гдѣ все такъ шатко, незрѣло, неразвито. Но они не поняли ея и, увлекаясь лирическими порывами, упали сами въ толпу тѣхъ, которымъ нужно вразумленіе и руководство. Они какъ будто захотѣли бросить перчатку правительству, вызвать его на бой, вмѣсто того, чтобы соединить свои прогрессивныя стремленія съ лучшими его видами—въ которыхъ нельзя ему отказать . . . . — и такимъ образомъ, сдѣлать его, такъ сказать, своимъ помощникомъ, съ своей стороны помогая ему во всемъ благомъ и не стараясь вдругъ, однимъ ударомъ, сломить его ошибки и старыя преданія.

Они, притомъ, смѣшали людей, стоящихъ около центра, съ самимъ центромъ и то, что въ отсталыхъ прежнихъ правителяхъ было дурнаго, они отнесли къ самой идеѣ правительства. Словомъ, это были люди, жаждавшіе отличія, желавшіе, во чтобы то ни стало, сдѣлаться популярными и, по примѣру западныхъ корифеевъ публицистовъ, быть политическими дѣятелями, вмѣсто того, чтобы быть только общественными, предоставивъ времени и постепеннымъ успѣхамъ нашего развитія дѣлать свое дѣло.

— 10. Суббота. У графа Адлерберга. Разговоръ о литературѣ. Я старался примирить его съ ней и много говорилъ въ этомъ духѣ.

— 11. Воскресенье. Поутру у Ребиндера и у Д*. Все по вопросу о каѳедрѣ философіи въ университетѣ. Я настоятельно

представлялъ тому и другому о необходимости поступить какъ можно осторожнѣе въ этомъ дѣлѣ. Всего лучше-бы самою программою конкурса отстранить домогательство нѣкоторыхъ господъ искателей, которыхъ суетъ къ намъ въ университетъ партія великихъ ультра-прогрессистовъ, не заботясь о томъ, что эти философы перевернутъ къ верху ногами мозгъ въ головахъ нашихъ юношей. Таковы, напримѣръ, Лавровъ и Б. Послѣдній обладаетъ весьма небольшими способностями, но большими претензіями на популярность, которую расчитываетъ пріобрѣсти распространеніемъ новѣйшей философіи нѣмецкихъ матерьялистовъ, но конечно въ непереваренномъ видѣ. Первый человѣкъ не безъ ума и дарованій, но съ головы до ногъ матерьялистъ, необузданный гонитель всего, что было, есть и даже будетъ завтра. Краснымъ сильно хочется, чтобы онъ занялъ у насъ каѳедру философіи, но этого не слѣдуетъ допустить. Я предложилъ Д* мысль, чтобы въ программѣ конкурса было прямо объявлено, ссылаясь на законъ, чтобы ищущій профессуры имѣлъ степень магистра или доктора. А если никто изъ таковыхъ не явится? Ужъ лучше мы года четыре пробудемъ безъ философіи, пока не приготовимъ кого нибудь изъ студентовъ заграничнымъ образованіемъ. Это зло меньше, чѣмъ то, если преподаваніе столь важнаго предмета попадетъ въ руки ненадежныя или недобросовѣстныя.

— 17. Суббота. Вечеромъ засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Пришлось долго сидѣть и говорить съ напряженіемъ, отчего у меня жестоко разболѣлась голова. Шли ожесточенныя пренія. Съ великимъ прискорбіемъ слушалъ я мнѣніе графа Адлерберга по поводу одной статьи, доложенной Тройницкимъ. Графъ А. В. обнаружилъ невообразимое незнаніе и непониманіе самыхъ простыхъ вещей въ умственной и государственной жизни. Неужели многіе такъ думаютъ и столько-же знаютъ? Это невѣроятно, невозможно!

Мысль была слѣдующая: не должно ничего дозволять писать о предметахъ финансовыхъ, политико-экономическихъ, судебныхъ, административныхъ, потому что все это означаетъ посягательство на права самодержавія и тогда даже, когда въ сочиненіяхъ этого рода вопросы разсматриваются съ общей точки зрѣнія и притомъ не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на

желательность какихъ бы-то ни было измѣненій. Если же у кого зародится мысль объ улучшеніяхъ по разнымъ общественнымъ и государственнымъ предметамъ, тотъ можетъ отъ себя писать въ то вѣдомство, котораго касаются эти улучшенія. Словомъ, въ печати нельзя обсуждать ни одного вопроса общественнаго.

Тройницкій справедливо замѣтилъ, что это значитъ возвращаться къ прошедшему времени. Напрасно онъ, я и Д* доказывали невозможность такой системы, представляли, что правительство само, для своей собственной пользы, должно желать гласнаго обсуживанія разныхъ общественныхъ и административныхъ предметовъ.

Я тщетно старался растолковать также разницу между неприкосновенностью политическаго принципа въ государствѣ и неприкосновенностью какой-нибудь мѣстной власти и т. п. Графъ упорно стоялъ на своемъ.

— Къ чему было поднимать вопросъ о статьѣ Ржевскаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, совершенно невинной, сказалъ я Тройницкому:—вы видите, куда это ведетъ.

Н. А. Мухановъ велъ себя очень осторожно. Онъ и предсѣдательствовалъ за отсутствіемъ министра. Кончилось однако тѣмъ, что все осталось попрежнему.

— 19. Понедѣльникъ. Сильная наклонность въ нынѣшнемъ молодомъ поколѣніи къ непослушанію и дерзости. Безпрестанно слышишь о какомъ-нибудь скандалѣ то въ такомъ-то университетѣ, то въ другомъ заведеніи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти печальныя явленія прямое слѣдствіе подавленія въ прошлое время всякой мысли, подчиненія ея дисциплинѣ, простиравшейся до совершеннаго пренебреженія высшими началами нравственности —словомъ, слѣдствіе суроваго, всеподавляющаго деспотизма. Теперь всѣ, особенно юношество, проникнуты какимъ то озлобленіемъ не только противъ всякаго стѣсненія, но даже и противъ законнаго ограниченія.

—23. Пятница. Гоненіе на воскресныя школы. Князь В. А. Долгоруковъ подалъ Государю записку, направленную противъ нихъ, внушенную ему графомъ С. Г. Строгоновымъ. За три или четыре дня министръ нашъ дѣлалъ Государю представленіе о безвредности этого народнаго дѣла и о необходимости не стѣснять его. Государь согласился съ нимъ. А теперь опять хотятъ начать

преслѣдованіе грамотности, которая, конечно, не составляетъ еще образованія, но даетъ народу ключъ къ нему. Развѣ хотятъ осудить народъ на вѣчную закоснѣлость, и когда-же?—когда ему даютъ свободу. Логично-ли это? Но у нашихъ обскурантовъ все рано и эмансипація рано. Если ихъ слушать, они будутъ повторять это вѣчно. Между тѣмъ, сила вещей и событій требуетъ измѣненій и нововведеній. Министръ имѣлъ жаркое объясненіе съ княземъ Долгорукимъ.

Передъ тѣмъ гонителемъ воскресныхъ школъ уже былъ генералъ-губернаторъ П. Н. Игнатьевъ.

Конечно, дѣло не въ воскресныхъ школахъ, а въ народномъ движеніи, которое ими выражается. Такъ что-же? Повторяю: развѣ народъ нашъ осужденъ навсегда пребывать въ стоячемъ болотѣ! И не лучше-ли управлять этимъ движеніемъ, чѣмъ уничтожать его, чтобы, взамѣнъ него, возбудилось движеніе, болѣе вредное и опасное. Какъ близоруки наши государственные люди!

— 30. Пятница. Вечеромъ читалъ у меня Майковъ свое новое произведеніе: „Испанская инквизиція". Это, безспорно, одно изъ лучшихъ его стихотвореній. Духъ времени—Изабелла, католичество и іезуитство—переданъ имъ превосходно. Разговоръ Изабеллы съ духовникомъ веденъ мастерски: въ немъ изображеніе и женщины, и государыни, и католички блеститъ первоклассными поэтическими красотами. При томъ все произведеніе въ сложности своей таково, что въ немъ нельзя ни убавить, ни прибавить ни одного слова—такъ все точно, полно и строго обдумано.

Еще были у меня въ этотъ вечеръ Ребиндеръ, Гончаровъ и Чевилевъ. Кстати о Чевилевѣ. Онъ назначенъ воспитателемъ великихъ князей на мѣсто Гримма. Въ императрицѣ Маріи Александровнѣ Чевилевъ нашелъ прекрасную женщину съ добрымъ, любящимъ сердцемъ и возвышенными понятіями. Чевилевъ совѣтовался со мною насчетъ нѣкоторыхъ преподавателей. Я совѣтовалъ ему пригласить для русскаго языка Ореста Миллера.

Ребиндеръ тоже просилъ моего совѣта, кого бы опредѣлить на мѣсто Пирогова, котораго рѣшительно не хочетъ Государь. Я никого не могъ ему указать. Былъ призванъ на помощь Чевилевъ, и онъ указалъ Загорскаго.

1861 годъ.

Январь.—4. Среда. Нынѣшняя зима очень постоянна въ холодахъ. Почти каждый день не меньше 15° мороза, а сегодня, напримѣръ, такъ и 23°.

Обѣдъ у графа Блудова. Тамъ былъ между прочимъ Кудрявцевъ, назначенный преподавателемъ философіи Наслѣднику, Онъ изъ Троицко-Сергіевской лавры. Говорилъ онъ такъ мало, что я не могъ составить себѣ о немъ никакого понятія.

— 5. **Четвергъ.** Толки о воскресныхъ школахъ...

Но, конечно, это одна сторона дѣла, и воскресныя школы съ своей стороны не безупречны и даютъ нѣкоторый поводъ правительству къ нападкамъ на нихъ. Но въ такомъ случаѣ пусть правительство возьметъ на себя руководство ими, но отнюдь не закрываетъ ихъ.

— 6. **Пятница.** Видѣлся съ Владиславомъ Максимовичемъ **Княжевичемъ.** Очень обрадовались другъ другу. Я искренно люблю и уважаю этого благороднаго и просвѣщеннаго человѣка. Онъ, между прочимъ, разсказалъ мнѣ о процедурѣ выселенія татаръ изъ Крыма. Выселеніе было допущено въ широкихъ размѣрахъ и вдругъ, безъ всякой постепенности. Въ заключеніе, Крымъ остался безъ рукъ, а теперь хотятъ возвращать ушедшихъ. Замѣчательная дальновидность.

Побѣда за воскресными школами. Вчера было преніе о нихъ въ Совѣтѣ министровъ, Нашъ министръ, говорятъ, горячо и прекрасно защищалъ школы. Главнымъ виновникомъ ихъ гоненія былъ не графъ Строгоновъ, какъ въ публикѣ ходили слухи, а Игнатьевъ.

Да, побѣда за воскресными школами: на этотъ разъ ихъ отстоялъ министръ, но сами-то онѣ постоятъ-ли за себя и на долголи удержатся на высотѣ своего призванія? Или, какъ большинство всѣхъ благихъ начинаній въ настоящее время, вмѣстѣ съ добрыми сѣменами начнутъ сѣять и плевелы?

— 7. **Суббота.** Всего важнѣе для человѣка не быть жертвой **уклоненій,** какія уже искажали человѣчество, или какія возможны для него по его природѣ. Въ этомъ настоящая нравственность. Невѣдѣніе зла и лицемѣріе равно противны ея требова-

ніямъ, а большею частью только объ этомъ и думаютъ нынѣшніе воспитатели и охранители общественной нравственности.

— 8. Воскресенье. Утромъ былъ у Буслаева, который очень доволенъ своими лекціями у Наслѣдника. Потомъ зашелъ къ Д. П. Хрущову, а въ заключеніе къ Гончарову. У послѣдняго встрѣтилъ Боткина старшаго, который пріѣхалъ изъ Парижа недѣли полторы тому назадъ. Онъ говорилъ о страшныхъ холодахъ вездѣ заграницею: въ Парижѣ 18°, въ Кельнѣ 12°, въ Берлинѣ 18°—и о всеобщихъ приготовленіяхъ къ войнѣ.

— 10. Вторникъ. Въ самомъ дѣлѣ, это истина, неопровержимая какъ аксіома: наибольшаго недоброжелательства можно ожидать отъ тѣхъ людей, кому оказывалъ наибольше пріязни и услугъ.

— 12. Четвергъ. Написалъ и отправилъ письмо К. И. Морозову, моему доброму старому учителю.

Нѣкоторымъ изъ нашихъ дѣятелей пріятнѣе слышать то, что они молоды, чѣмъ то, что они разсудительны.

— 14. Суббота. Ужаснѣйшіе холода. Морозъ за двадцать градусовъ, со свирѣпымъ вѣтромъ.

Былъ въ засѣданіи Академіи. Разсуждали о спряженіяхъ и ничего не разсудили.

Вечеромъ засѣданіе въ „Обществѣ пособія нуждающимся литераторамъ“. Происходили перемѣны въ составѣ правленія Общества: четыре члена должны были по жребію выбыть, а четыре новые избраны. Я очень желалъ быть въ числѣ первыхъ: силы мои все плохи, и всякое лишнее дѣло на нихъ отзывается, о чемъ я и говорилъ уже Ковалевскому и другимъ. Желаніе мое исполнилось. Первый-же вынутый номеръ былъ съ моимъ именемъ. Потомъ вышли имена Кавелина, Краевскаго, Галахова. Правленіе много потерпитъ, лишась двухъ послѣднихъ. Краевскій прекрасно исполнялъ должность казначея, а Галаховъ—секретаря. Не скоро найдешь такихъ усердныхъ и порядочныхъ дѣятелей въ этомъ кругу.

— 17. Вторникъ. Поутру въ католической церкви реквіемъ, по случаю кончины Ганки. Было довольно студентовъ. Изъ профессоровъ, кромѣ меня, были, кажется, только Срезневскій, Костомаровъ, Мухлинскій. Однако и я не дослушалъ всего реквіема до конца. Въ церкви было холодно, а мнѣ очень не по себѣ.

— 19. Четвергъ. Юбилей министра финансовъ А. М. Княжевича, по поводу пятидесятилѣтія его службы. Шумъ, толпа, музыка, тосты съ криками ура, рѣчь Греча, стихотвореніе Бенедиктова, которыхъ никто не слыхалъ, обильная ѣда и обильное питье. Въ этомъ прошло нѣсколько часовъ. Усердія въ словахъ было много. Впрочемъ, Княжевичъ дѣйствительно человѣкъ очень хорошій и добрый, и кто такъ о немъ думалъ и говорилъ сегодня, тотъ не лгалъ, какъ лгутъ обыкновенно на оффиціальныхъ обѣдахъ. Государь пожаловалъ ему Владиміра первой степени.

— 21. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Продолжалось очень долго, почти до четырехъ часовъ, и это сильно отозвалось на моей бѣдной головѣ. Гоненіе со стороны московскаго комитета или, вѣрнѣе, его предсѣдателя, на Павлова, редактора газеты „Новое Время“. На меня возложено щекотливое порученіе разсмотрѣть это дѣло.

Баронъ Медемъ говорилъ мнѣ о своемъ проектѣ газеты, подобной той, о которой у меня уже было дѣло. Онъ передалъ мнѣ, что говорилъ объ этомъ съ Государемъ, и его величество отвѣтилъ, что о газетѣ уже дѣлаются соображенія. Тутъ разумѣлся мой планъ. Итакъ, дѣло о газетѣ, значитъ, опять думаютъ поднять. Я сказалъ Медему, что переговорю съ графомъ Адлербергомъ и сообщу ему о послѣдующемъ.

Обѣдалъ у Александра Максимовича по случаю дня рожденія его брата, Владислава Максимовича. Министръ доволенъ своимъ юбилеемъ. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ было много для него лестнаго. Государь сказалъ ему, что съ большимъ удовольствіемъ видитъ общее къ нему расположеніе.

— 22. Воскресенье. Утро у князя В. Ѳ. Одоевскаго. Я давно съ нимъ не видался. Княгиня была чрезвычайно любезна. У нихъ по средамъ вечеромъ собирается общество, и я далъ слово бывать у нихъ.

— 23. Понедѣльникъ. Такіе головные толчки, какъ въ нынѣшнюю ночь, невольно наталкиваютъ на мысль, что въ одну непрекрасную ночь случится толчекъ, который столкнетъ меня въ пропасть, гдѣ уже никакіе толчки невозможны. До сихъ поръ всѣ усилія медицины противъ моей болѣзни безсильны. Мой добрый, почтенный Вальцъ отдѣлывается общими мѣстами: „это ничего, будьте спокойны“, съ примѣсью маленькихъ добродуш-

ныхъ шуточекъ. Очевидно, онъ ничего не знаетъ или ничего не можетъ. Я и не виню его. Нельзя-же винить человѣка за то, чего онъ не знаетъ и чего не можетъ. А между тѣмъ Дневнику моему грозитъ опасность превратиться въ одинъ нескончаемый скорбный листъ.

— 27. Пятница. Въ Римско-Католической академіи. Распутица. Отъ высокаго до смѣшнаго одинъ шагъ. О нашемъ климатѣ можно сказать, что у него отъ двадцатипяти, двадцати семи градуснаго мороза до оттепели одинъ прыжокъ.

— 28. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Въ первомъ или во второмъ номерѣ „Искры" напечатана шутка: „Слышно, будто въ нынѣшнемъ году явится новая планетная система въ млечномъ пути—новое солнце съ 14-ю спутниками главными и 208-ю малыми; что въ теченіе десяти лѣтъ, оттуда каждый мѣсяцъ по четыре раза будетъ падать на землю, и именно на Россію, такое огромное количество печатныхъ листовъ, что они покроютъ все наше отечество" и т. д. и т. д. Эти слова истолковали невозможнымъ образомъ. Объясняютъ: 14 главныхъ спутниковъ — это члены высокопоставленной семьи, 208 малыхъ—столько-же генераловъ и флигель-адъютантовъ; печатные листы—это кредитные билеты. Въ обществѣ разнеслись даже слухи, будто цензоръ, пропустившій это, посаженъ на гауптвахту.

Въ Главномъ управленіи цензуры тоже была объ этомъ рѣчь. Нѣкоторые члены готовы были сами сдѣлать такое точно примѣненіе статьи. Я постарался объяснить, что въ ней и тѣни ничего подобнаго, и что все это относится къ изданію „Энциклопедическаго Лексикона", гдѣ: главное лицо солнце—Краевскій; у него 14 редакторовъ и 208 сотрудниковъ; 10 лѣтъ—срокъ изданія, которое въ теченіе этого времени будетъ выходить выпусками—по четыре ежемѣсячно. Съ этимъ объясненіемъ согласились. Не знаю удовлетворится-ли имъ также князь Долгорукій. Этотъ фактъ любопытенъ тѣмъ, что показываетъ, какъ настроено наше общество и чего оно ищетъ въ современной литературѣ

Затѣмъ пошли нападки на разные журналы, доказывающіе одно—что нѣкоторые господа страшно боятся печати и готовы изъ каждой мухи дѣлать слона.

— 29. Воскресенье. Важный для всей Россіи день. Дѣло объ освобожденіи крестьянъ внесено въ Государственный совѣтъ.

Въ засѣданіи присутствовалъ самъ Государь. Оно длилось отъ часу до $^1/_2$ или до $^1/_4$ седьмаго. Государь, говорятъ, сказалъ прекрасную рѣчь, въ которой, между прочимъ, произнесъ слова: „самодержавная власть утвердила крѣпостное право въ Россіи, она-же должна и прекратить его“. Онъ съ большою твердостью выразилъ непремѣнную державную волю свою о томъ. Нѣкоторые члены протестовали противъ главныхъ основаній свободы и между ними, говорятъ, жалко отличился одинъ, который выразилъ скорбь о прекращеніи нѣжныхъ патріархальныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Клейнмихель, обратясь къ Государю, сказалъ:—Ваше величество изволили обѣщать предоставить помѣщикамъ полицейскую вотчинную власть надъ крестьянами.

Проектъ правительства сильно поддерживали великій князь Константинъ Николаевичъ, графъ Панинъ и Чевкинъ. На противной сторонѣ, между прочимъ, былъ и просвѣщенный, либеральный графъ Строгановъ. Видно, не далеко ушли его либерализмъ и просвѣщеніе.

Партія противниковъ свободы, кажется, готова въ своемъ безсиліи на всякія гадости. Она выдумываетъ и распускаетъ по городу разные нелѣпые слухи, въ расчетѣ напугать правительство. Теперь, напримѣръ, пущена въ ходъ глупая выдумка о явленіи Путятину тѣни Якова Ивановича Ростовцева и пр. Изъ рукъ вонъ пошло и достойно только мельчайшихъ сердецъ и умовъ.

— 30. Понедѣльникъ. Все утро занимался приготовленіемъ доклада о спорѣ московскаго цензурнаго комитета съ Павловымъ.

Февраль.—2. Четвергъ. Годичное собраніе „Общества для пособія нуждающимся литераторамъ“. Ковалевскій прочиталъ отчетъ или рѣчь, которую онъ только одинъ, кажется, и слышалъ. Надо отдать ему справедливость, онъ удивительный мастеръ читать себѣ подъ носъ.

— 5. Воскресенье. На дняхъ прочелъ я въ первомъ номерѣ „Отечественныхъ Записокъ“ статью Лаврова: „Три бесѣды о философіи“. Это тѣ самыя лекціи, которыя были читаны въ пассажѣ. Боже мой! и это философія! Я не говорю уже о томъ, что тутъ все одинъ матерьялизмъ. Но что за путаница! Что за хаосъ мы-

слей! Что за безтолковое изложеніе! Развѣ только на Сандвичевыхъ островахъ можно признать за философію весь этотъ бредъ, все это шатаніе неустановившейся мысли. И этого Лаврова хотятъ навязать намъ въ университетъ въ профессоры. Меня особенно огорчаетъ то, что его, между прочимъ, поддерживаетъ Кавелинъ.

— 8. Среда. Актъ въ университетѣ, неожиданно окончившійся большой демонстраціей со стороны студентовъ. Костомаровъ долженъ былъ читать рѣчь. Онъ написалъ родъ біографіи Аксакова. Министръ отмѣнилъ чтеніе этой рѣчи. И вотъ теперь, по окончаніи акта, въ залѣ вдругъ раздались крики: „Рѣчь, рѣчь Костомарова!" Крики сопровождались топаньемъ, стучаньемъ и скоро превратились въ дикій ревъ. Начальство скрылось. Одинъ инспекторъ, какъ тѣнь, бродилъ по корридору. Ко мнѣ обратилось нѣсколько благоразумныхъ студентовъ съ просьбою, чтобы я уговорилъ ректора придти и образумить какъ нибудь расходившуюся толпу. Я пошелъ къ ректору и засталъ его встревоженнаго, но онъ тотчасъ-же согласился идти. Я отправился вслѣдъ за нимъ, видѣлъ какъ онъ вошелъ въ толпу, но за шумомъ ничего не могъ слышать. Между тѣмъ я увидѣлъ жену его, блѣдную, испуганную, въ сопровожденіи двухъ студентовъ. Я предложилъ ей руку и увелъ ее. Немного спустя къ намъ вернулся ректоръ, и я уѣхалъ домой. Прескверное дѣло! Молодежь теряетъ всякій смыслъ...

— 9. Четвергъ. Не будемъ слишкомъ сѣтовать на тѣ нелѣпыя стремленія, которыми волнуются люди нашего времени. Это безуміе, но только однимъ безуміемъ люди вразумляются въ чемъ-нибудь умномъ. Надо противодѣйствовать безобразнымъ порывамъ, исполняя требованія разума, даже и не питая надежды на успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, ты, можетъ быть, сможешь хоть сколько-нибудь умѣрить послѣдствія зла, если не силу самаго зла.

— 11. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Читалъ мое мнѣніе по дѣлу о Павловѣ. Одобрено и положено считать его руководствомъ для цензоровъ. Дѣло о фразѣ Лаврова въ „Отечественныхъ Запискахъ" (№ 1) обошлось, сверхъ моего чаянія, совсѣмъ хорошо.

Разговоръ съ графомъ Адлербергомъ о томъ, что произошло

на университетскомъ актѣ. Защищать поступки студентовъ я по совѣсти не могъ, но сказалъ, что здѣсь, во всякомъ случаѣ, нужна умѣренная строгость. Главная причина всему—неразвитость нашего юношества, которому поэтому и надо больше учиться и пр.

— 12. Воскресенье. У Кавелина сынъ умеръ, мальчикъ четырнадцати лѣтъ, прекрасно одаренный, отрада и гордость родителей. Ужасное несчастіе! Я хотѣлъ сегодня поѣхать къ нему, чтобы раздѣлить его великое горе. Но, говорятъ, бѣдное дитя умерло отъ скарлатины, и я долженъ отказаться отъ моего намѣренія, изъ опасенія за моихъ собственныхъ дѣтей.

Вечеромъ былъ у Княжевича. Длинная дружеская бесѣда съ Владиславомъ Максимовичемъ. Министръ входилъ къ намъ только на минуту. Онъ собирался на балъ къ Штиглицу.

— 15. Среда. Какъ спасти наши университеты отъ грозящей имъ полной деморализаціи? Вѣдь въ нихъ вся наша сила, всѣ наши надежды на будущее!

Сегодня въ сборномъ университетскомъ залѣ были разные толки о происшествіи на актѣ. Я высказалъ нѣкоторыя истины начальству, но, къ сожалѣнію, оно лишено возможности дѣйствовать съ энергіей и съ достоинствомъ. Да и министръ не лучше въ этомъ отношеніи. Нѣкоторые готовы даже защищать поступки студентовъ. Я сильно сегодня спорилъ. Ахъ, господа! нѣтъ, не любовь и къ наукѣ говоритъ въ васъ, а только стремленіе къ популярности. Вмѣсто того, чтобы читать науку, вы пускаетесь въ политическое заигрываніе. . . . . . Это нравится неразумной молодежи, которая, наконецъ, начинаетъ не на шутку думать, что она сила, которая можетъ предлагать правительству запросы и контролировать его дѣйствія. . . .
. . . .

И чего хотите вы, господа красные—если только вы имѣете опредѣленныя цѣли? Вы хотѣли-бы уничтожить настоящее правительство. Но кого-же поставите на мѣсто его? Разумѣется, вы не затруднитесь поставить себя. Но другіе могутъ не захотѣть этого. Тогда что: борьба, война? „Конечно, пусть повоюютъ, порѣжутся маленько—это полезно для человѣчества“. Но кто-же далъ вамъ право распоряжаться чужими жизнями и человѣческую кровь считать за воду...

— 18. Суббота. Умы въ сильномъ напряженіи по случаю крестьянскаго дѣла. Всѣ ожидали манифеста о свободѣ 19-го числа. Потомъ начали ходить слухи, что онъ на время отлагается. Въ народѣ возбудилась мысль, что его обманываютъ. Вчера генералъ-губернаторъ пустилъ черезъ газеты объявленіе, что, несмотря на разнесшіеся слухи, „никакихъ правительственныхъ распоряженій по крестьянскому дѣлу объявлено не будетъ“. Это странное объявленіе, безъ всякихъ объясненій, что дѣло отлагается только на короткое время, приводитъ въ раздраженіе умы. Опасаются тревогъ и вспышекъ.

Въ сегодняшней газетѣ пишутъ о покушеніи на бунтъ въ Варшавѣ.

Что-то зловѣщее чуется въ атмосферѣ. Дай Богъ, чтобы все прошло благополучно.

— 20. Понедѣльникъ. Баронъ Медемъ написалъ инструкцію цензорамъ. Сегодня прислана она мнѣ для прочтенія. Говорятъ, Тунисскій бей вводитъ нѣкоторыя либеральныя реформы въ своемъ государствѣ. Безъ сомнѣнія, однако, реформы эти составляютъ смѣшную каррикатуру на свободныя учрежденія. Вотъ такую-то либеральную реформу предлагаетъ въ своей инструкціи баронъ. Сегодняшній день я занимался проектомъ опроверженія этой инструкціи. Ее всячески надо отвергнуть. Главное, я буду доказывать, что подобныя правила для цензуры невозможны. Когда это удастся доказать, инструкція сама собой падетъ.

— 22. Среда. Заѣзжалъ утромъ къ Д* поговорить съ нимъ о проектѣ инструкціи цензорамъ барона Медема. Онъ также, какъ и я, находитъ ее невозможною. Вотъ уже одинъ голосъ въ мою пользу при будущихъ преніяхъ.

— 23. Четвергъ. Наше дворянство должно съ освобожденіемъ крестьянъ стать въ новое отношеніе къ правительству. Оно должно пріобрѣсти новый нравственный и политическій авторитетъ. Первый зависитъ отъ него самого, отъ степени его ума, образованія и нравственной силы: ему предстоитъ теперь опереться на нихъ и на нихъ однихъ. Авторитетъ политическій возникаетъ самъ собой изъ новыхъ обстоятельствъ, въ которыя дворянство вовлечено реформой. Правительство, освобождая крестьянъ, не могло не совѣщаться объ этомъ съ дворянствомъ,

не могло не призвать его къ участію въ своихъ предначертаніяхъ. Это зародышъ, изъ котораго могутъ развиться болѣе обширныя права дворянства, разумѣется, если оно съумѣетъ воспользоваться этимъ первымъ выпавшимъ ему на долю моментомъ участія въ дѣлахъ правительственныхъ, но съумѣетъ не иначе, какъ опираясь на нравственный авторитетъ. Тогда оно получить политическое значеніе, собственно не какъ дворянство—пдля этого у него нѣтъ достаточной юридической и историче ской почвы,—но какъ лучшая часть народа, болѣе образованная, болѣе развитая, болѣе способная понять какое-бы то ни было право и поддержать его передъ авторитетомъ верховной власти.

— 24. Пятница. Занимался проектомъ объ уничтоженіи посторонниxъ цензоровъ. Дѣло это поручено комиссіи, состоящей изъ меня, Тройницкаго и Берте.

— 25. Суббота. Засѣданіе Главнаго управленія цензуры отъ 12-ти до четверти 5-го часа. Много текущихъ дѣлъ. Нѣсколько просьбъ о разрѣшеніи изданій новыхъ журналовъ, которые теперь возникаютъ въ безчисленномъ множествѣ въ Россіи. Вернадскій, по словамъ члена барона Бюлера, неистовствуя въ своемъ „Указателѣ" противъ правилъ цензуры, дошелъ наконецъ, до того, что началъ ясно говорить о необходимости конституціи въ Россіи. Рѣшено: призвать его въ слѣдующее засѣданіе Главнаго управленія цензуры и объявить, что такъ какъ онъ уже неоднократно доказалъ, что не заслуживаетъ довѣрія правительства, то ему, при первой новой выходкѣ, запрещено будетъ издавать журналъ. Нѣкоторые изъ членовъ требовали немедленнаго запрещенія, но я уговорилъ ***, сидѣвшаго возлѣ меня, удовольствоваться на этотъ разъ выговоромъ. Съ нами согласились и другіе.

— 26. Воскресенье. Всѣ эти господа добиваются вліянія. Дѣло не въ томъ, чтобы устранять ихъ—если только они не стремятся прямо ко злу,—а въ томъ, чтобы не допускать ихъ до исключительнаго перевѣса, ибо это значило-бы порождать деспотизмъ.

Мартъ.—2. Четвергъ. Не то худо, когда говорятъ что-нибудь наперекоръ кому-нибудь и чему-нибудь, а когда говорятъ ложь, когда ничего не говорятъ или мѣшаютъ другъ другу говорить.

Обѣдъ, данный Академіею, нѣкоторыми литераторами и знакомыми князю П. А. Вяземскому, который пріобрѣлъ литературную извѣстность и всеобщую любовь и уваженіе. Я охотно согласился принять участіе въ этой оваціи и даже приготовилъ маленькую рѣчь, но не сказалъ ея, потому что и безъ нея было много рѣчей и стиховъ. Лучшее изъ всего читаннаго здѣсь были стихи Бенедиктова. Но еще лучше было благодарственное слово самого князя, проникнутое чувствомъ и искрящееся остроуміемъ. Стиховъ Тютчева я не разслышалъ, но ихъ многіе хвалили. Праздникъ вообще былъ довольно оживленъ. Я встрѣтилъ много знакомыхъ. На эстрадѣ, огороженной великолѣпными растеніями и цвѣтами, зрительницами сидѣли дамы.

— 5. Воскресенье. Великій день: манифестъ о свободѣ крестьянъ. Мнѣ принесли его около полудня. Съ невыразимо отраднымъ чувствомъ прочелъ я этотъ драгоцѣнный актъ, важнѣе котораго врядъ-ли что есть въ тысячелѣтней исторіи русскаго народа. Я прочелъ его вслухъ женѣ моей, дѣтямъ и одной нашей пріятельницѣ въ кабинетѣ передъ портретомъ Александра II, на который мы всѣ взглянули съ глубокимъ благоговѣніемъ и благодарностью. Моему десятилѣтнему сыну я старался объяснить, какъ можно понятнѣе, сущность манифеста и велѣлъ затвердить ему навѣки въ своемъ сердцѣ 5-е марта и имя Александра II Освободителя.

Я не могъ усидѣть дома. Мнѣ захотѣлось выйдти побродить по улицамъ и, такъ сказать, слиться съ обновленнымъ народомъ. На перекресткахъ наклеены были объявленія отъ генералъ-губернатора, и возлѣ каждаго толпились кучки народа: одинъ читалъ, другіе слушали. Вездѣ встрѣчались лица довольныя, но спокойныя. Въ разныхъ мѣстахъ читали манифестъ. До слуха безпрестанно долетали слова: „Указъ о вольности—свобода". Одинъ, читая объявленіе и дочитавъ до мѣста, гдѣ говорится, что два года дворовые должны еще оставаться въ повиновеніи у господъ, съ негодованіемъ воскликнулъ:—Чортъ дери эту бумагу! Два года—какъ бы не такъ, стану я повиноваться! Другіе молчали.

Изъ знакомыхъ я встрѣтился съ Галаховымъ.—Христосъ воскресе! сказалъ я ему.—Воистину воскресе! отвѣчалъ онъ, и мы взаимно передали другъ другу нашу радость.

Потомъ я зашелъ къ Ребиндеру. Онъ велѣлъ подать шампанскаго и мы выпили по бокалу, въ честь Александра II.

— 7. Вторникъ. Въ Россіи не служить—значитъ не родиться. Оставить службу—значитъ умереть.

— 11. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Выговоръ Вернадскому, издателю „Экономическаго Указателя", съ угрозой прекратить его журналъ, если онъ не будетъ осторожнѣе. Вернадскій былъ смущенъ и оправдывался довольно неловко.

— 13. Понедѣльникъ. Засѣданіе въ факультетѣ. Дѣло о судѣ надъ студентами, о которомъ мнѣ уже говорилъ Д*, принимаетъ нехорошій видъ. А все профессора, добивающіеся у студентовъ популярности и не руководящіе, а подстрекающіе ихъ.

Всякій деспотизмъ скверенъ. Но деспотизмъ анархическій еще несравненно хуже монархическаго.

— 16. Четвергъ. Судьба нашихъ университетовъ должна-бы обратить на себя вниманіе нашихъ мыслящихъ людей и общества, если-бы они способны были заниматься такими бездѣлицами. Университеты наши, очевидно, клонятся къ упадку. Юношество въ нихъ деморализовано; профессора лишены всякаго значенія... Многія каѳедры пусты, другія скоро будутъ пусты и некѣмъ ихъ замѣстить, потому что молодые даровитые люди службѣ университета предпочитаютъ другія карьеры—однимъ словомъ, полное оскудѣніе. Право, никогда еще, кажется, даже при Николаѣ I, въ 1848 году, университеты наши не были въ такомъ критическомъ положеніи, какъ теперь.

Читалъ сегодня въ Академіи мои замѣтки „О преподаваніи философіи въ нашихъ университетахъ". Особенное сочувствіе выразилъ мнѣ Билярскій. Ему, какъ онъ говоритъ, очень нравятся мягкость, ясность и осязательность, съ какими выражены у меня самые отвлеченные предметы.

— 18. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Мнѣ поручено написать родъ наказа цензорамъ по нѣкоторымъ текущимъ вопросамъ щекотливаго свойства. Дѣлу этому угрожало попасть въ руки великаго инструкмейстера барона Медема или канцеляриста Берте, этого великаго возбуждателя вопросовъ, о которыхъ само правительство охотно забываетъ. О послѣднемъ уже говорить нечего, а первый думаетъ, что можно

подвести подъ цензурныя правила всѣ отправленія ума человѣческаго, и такимъ образомъ разомъ освободить человѣчество отъ всякихъ нехорошихъ мыслей. Пришлось взять это дѣло на себя.

Вечеромъ у Шульмана. Тутъ было безчисленное множество артиллерійскихъ офицеровъ, много генераловъ и нашъ министръ, тесть Шульмана. Вечеръ давался по случаю именинъ Александры Евграфовны, жены Шульмана. Я много говорилъ съ министромъ объ университетскихъ скандалахъ, о литературѣ, о князѣ Щербатовѣ. Министръ считаетъ его человѣкомъ недальнимъ и называетъ первымъ виновникомъ безпорядковъ въ нашемъ университетѣ.

Въ засѣданіи Главнаго управленія цензуры сдѣлано „Современнику" предостереженіе, что если онъ не перемѣнитъ направленія, то будетъ запрещенъ. Это по докладу Берте.

— 21. Вторникъ. То, что касается устройства вещей на землѣ, превосходно. Но нельзя того-же сказать о судьбѣ живущихъ на ней. Природѣ совершенно все равно, страдаетъ-ли какое-либо созданіе или не страдаетъ. Все это немножко похоже на наши казенныя заведенія. Во внѣшнемъ устройствѣ послѣднихъ все чисто, порядочно, безукоризненно, но то, для чего именно учреждено заведеніе, не достигается. Снаружи—благочиніе и благолѣпіе, внутри—смятеніе, безпорядокъ и всякаго рода крадства. Если это больница, то тамъ больныхъ не лечатъ или дурно лечатъ. Если это школа, то въ ней никто не заботится о воспитаніи.

— 22. Среда. Вечеромъ былъ у Ребиндера. Занимались проектомъ о раздѣленіи факультетовъ. Много толковали о министрѣ Ковалевскій послѣднее время оказывается не на высотѣ своего положенія. У него способности рутинера, человѣка, приспособленнаго къ внѣшнему устройству вещей и къ благоразумному веденію текущихъ дѣлъ, но у него не оказывается способностей быть человѣкомъ государственнымъ и особенно министромъ народнаго просвѣщенія.

— 28. Вторникъ. Былъ у Д*, чтобы удостовѣриться въ томъ, справедливъ-ли разнесшійся слухъ, будто онъ подаетъ въ отставку. Слухъ оказался невѣрнымъ. Толковали о введеніи новаго управленія въ университетъ.

— 30. Четвергъ. Сегодня моя послѣдняя лекція въ универ-

ситетѣ. Съ перваго апрѣля начинаются экзамены. Я простился со студентами, сказавъ имъ нѣсколько привѣтливыхъ, искреннихъ словъ. Они выслушали меня внимательно и учтиво—и этого довольно, такъ какъ въ моихъ словахъ не было ни лести, ни одобренія ихъ дѣйствіямъ.

— 31. Пятница. Обѣдалъ у графа Блудова. Тамъ были, между прочимъ, Тютчевъ, Ковалевскій Егоръ, Анненковъ съ молодой женой. Графиня восхищалась стихами Хомякова, а Анненковъ не находилъ въ нихъ ничего хорошаго. Графъ нападалъ на нынѣшнихъ писателей за то, что они не умѣютъ писать, и въ сотый разъ повторялъ свою любимую фразу:—Они, то есть нынѣшніе писатели, не понимаютъ, что есть на свѣтѣ нѣчто, называемое искусствомъ писать. Ковалевскій и я молчали. Оспаривали графа Анненковъ, впрочемъ очень слабо, и Тютчевъ. Тутъ встрѣтилъ я также К. К. Грота, бывшаго губернатора самарскаго, а нынѣ директора департамента податей и сборовъ.

Вечеромъ были у меня Вороновъ, Семевскій, Тимоѳеевъ Константинъ Акимовичъ. Семевскій передавалъ намъ свои прелюбопытныя изысканія въ архивѣ Петровскаго времени. Выходитъ, что Устряловъ упустилъ множество чрезвычайно важныхъ источниковъ въ „Исторіи Петра“, отчего исторія эта не представляетъ ни Петра, ни вѣка его въ настоящемъ свѣтѣ.

Говорили еще о лекціяхъ Л. Онъ читаетъ о Ломоносовѣ. Я ожидалъ отъ него чего-нибудь новаго, дѣльнаго. Между тѣмъ, онъ главнымъ образомъ потѣшается надъ нѣмцами-академиками и доказываетъ, что Ломоносовъ, ссорясь съ ними, хорошо дѣлалъ. Интересна также мысль, что дѣтство и юность Ломоносова прошли въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для развитія его генія, потому что живущій на Двинѣ народъ очень смышленъ и т. д.

Апрѣль.—1. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Министру сегодня точно хотѣлось выставить себя передъ графомъ Адлербергомъ строгимъ и бдительнымъ стражемъ литературы. Напримѣръ, онъ усиливался опять запретить Некрасова, хотя всѣ, кромѣ Пржецлавскаго, готовы были пропустить его, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ. Наконецъ, уже и графъ Адлербергъ заступился за него.

— 4. Вторникъ. Вечеръ у Льховскаго, сдѣлавшаго кругосвѣтное путешествіе и побывавшаго въ Японіи съ нашимъ по-

сольствомъ. У него цѣлый музей японскихъ вещей и вещицъ. Механическія искусства, какъ видно, находятся въ Японіи на высокой степени развитія. Но сами японцы, тѣмъ не менѣе, стоятъ еще на очень низкой степени умственнаго развитія и образованія. У нихъ почти до совершенства доведена спеціальность рукъ, глазъ и навыка. Эстетическаго-же чувства, идеала—у нихъ нечего и спрашивать.

Майковъ прочелъ намъ свое новое стихотвореніе: „Бабушка". Хорошо!

— 7. Пятница. Недѣли двѣ уже длится коварнѣйшая погода. Солнце свѣтитъ ярко, какъ лѣтомъ, а между тѣмъ стоитъ страшный холодъ съ пронзительнымъ вѣтромъ. Постоянно три, четыре градуса мороза.

Вчера занимался цѣлый день проектомъ циркуляра цензорамъ, которымъ желалъ-бы вытѣснить знаменитую инструкцію, барона Медема. У нея есть сторонники, а между тѣмъ она крайне запретительна. Должно быть отъ усиленнаго, напряженнаго состоянія головы весь день, ночью налетѣлъ на меня такой сильный шквалъ. Вся ночь была преисполнена страшныхъ мерзостей: стукотня въ головѣ страшная, какой давно уже не было; а толчковъ пять или шесть. Едва поуспокоюсь и задремлю—толчокъ; изъ нихъ три—точно обухомъ въ голову. Сегодня отправляюсь къ Вальцу за совѣтомъ—конечно безполезнымъ.

— 8. Суббота. Весьма замѣчательное для меня засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Я одержалъ побѣду. Дѣло въ томъ состояло, чтобы отклонить инструкцію барона Медема, и для этого я написалъ циркуляръ цензорамъ, въ духѣ противоположномъ медемовской инструкціи. Онъ стоилъ мнѣ много размышленій и времени. Я опасался, что мнѣ придется много бороться съ нѣкоторыми изъ членовъ. Однако побѣда была полная. Циркуляръ мой былъ выслушанъ со вниманіемъ и въ заключеніе былъ всѣми одобренъ, даже Пржецлавскимъ—чего я уже никакъ не ожидалъ.

Министръ сильно промахнулся. Онъ прямо отъ себя, помимо Главнаго управленія цензуры и помимо III-го отдѣленія, исходатайствовалъ у Государя дозволеніе Аксакову издавать журналъ. Объ этомъ намъ было объявлено въ прошломъ засѣданіи съ указаніемъ того, какимъ образомъ было испрошено согласіе

Государя. Это сильно оскорбило ***, а слѣдовательно и князя Долгорукова: они успѣли переубѣдить Государя. Когда Ковалевскій сегодня явился къ нему съ докладомъ, между прочимъ и по дѣлу Аксакова, Государь уже другимъ тономъ началъ о немъ говорить и велѣлъ, чтобы оно—это дѣло—было разсмотрѣно въ Главномъ управленіи цензуры на законномъ основаніи. Министръ говорилъ мнѣ объ этомъ съ прискорбіемъ. Но дѣло всетаки, кажется, не проиграно: большинство голосовъ было за Аксакова.

Обѣдалъ у Д*. Тамъ были Погодинъ, Костомаровъ, Спасовичъ. Послѣ обѣда явились Плетневъ и Тютчевъ.

— 9. Воскресенье. Поутру, между прочимъ, заходилъ къ Дружинину. Бѣдный боленъ и нехорошо боленъ. У него, кажется, развивается чахотка. Вечеромъ пріѣзжалъ ко мнѣ В. М. Княжевичъ. Мы съ нимъ хорошо побесѣдовали.

— 10. Понедѣльникъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, въ разныхъ уѣздахъ, уже произошли волненія среди крестьянъ, которые отказываются отъ выполненія всякихъ повинностей въ отношеніи къ помѣщикамъ. Помѣщики, въ свою очередь, сильно раздражаются. Надо опасаться столкновеній при надѣлѣ землей. Между тѣмъ, такъ называемый, образованный классъ и передовые—какъ они сами себя называютъ—люди бредятъ конституціей, соціализмомъ и проч. Юношество въ полной деморализаціи. Польша кипитъ—и не одно Царство Польское, но и Литва. Все это угрожаетъ чѣмъ-то зловѣщимъ...

— 12. Среда. Экзаменъ въ университетѣ изъ русской исторіи. Надо отдать справедливость этимъ юношамъ: они прескверно экзаменовались. Они совсѣмъ не знаютъ—и чего не знаютъ?—исторіи своего отечества. Въ какое время?—когда толкуютъ и умствуютъ о разныхъ государственныхъ реформахъ. У какого профессора не знаютъ?—у наиболѣе популярнаго и котораго они награждаютъ одобрительными криками и аплодисментами. Кто не знаетъ?—историко-филологи, у которыхъ наука считается всетаки въ наибольшемъ почетѣ и которые слывутъ лучшими студентами, не знаю, впрочемъ, почему. Невѣжество ихъ, вялость, отсутствіе логики въ ихъ рѣчахъ, неясность изложенія превзошли мои худшія ожиданія.

Вечеромъ у Ребиндера. Государь призывалъ къ себѣ мини-

стра и объявилъ ему, что такіе безпорядки, какіе нынѣ волнуютъ университеты, не могутъ быть долѣе терпимы, и что онъ намѣренъ приступить къ рѣшительной мѣрѣ—закрыть нѣкоторые университеты. Министръ на это представилъ, что такая мѣра произведетъ всеобщее неудовольствіе, и просилъ не прибѣгать къ ней.

— Такъ придумайте-же сами что̀ дѣлать, сказалъ Государь:— но предупреждаю васъ, что долѣе терпѣть такіе безпорядки нельзя, и я рѣшился на строгія мѣры.

Министръ растерялся совсѣмъ: онъ ни о какихъ мѣрахъ до сихъ поръ и не думалъ, какъ будто все обстоитъ благополучно. Не счастливится въ выборѣ людей нашему доброму, хорошему Государю. Три года ежедневно на глазахъ у Ковалевскаго совершаются вопіющія скверности—и онъ до сихъ поръ не могъ себѣ представить, что тутъ надо что-нибудь предпринять.

— 13. Четвергъ. Если искусство зависитъ отъ окружающей его природы и среды, то каково должно быть наше? Ему остается одно изъ двухъ: или постоянно воспроизводя пошлыя и грязныя явленія, самому стать пошлымъ и грязнымъ, или удариться въ отчаянный идеализмъ.

— 14. Пятница. Вечеромъ, между прочимъ, пріѣзжали дѣвицы Старынкевичъ. Ихъ три. Онѣ миловидныя и очень хорошо образованныя; разсуждаютъ о предметахъ серьезныхъ, много читаютъ на пяти языкахъ, но вовсе не педантки. Мои дочери съ ними очень сошлись.

— 15. Суббота. Въ четвергъ, въ совѣтѣ министровъ происходили пренія объ университетахъ. Министръ нашъ встрѣтилъ страшные нападки на безпорядки, производимые студентами. Онъ ссылался на духъ времени, но это не помогло. Государь назначилъ графа Строгонова, Панина и князя Долгорукова разсмотрѣть записку министра о мѣрахъ, которыя онъ предлагаетъ. Собственно говоря, это значитъ подвергнуть министерство контролю и ввѣрить попеченіе о дѣлахъ его постороннимъ силамъ . . . .

Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Страшная путаница въ понятіяхъ нашихъ главъ цензуры. Мнѣ удалось однако помочь графинѣ Сальясъ. Зотову только уже никакъ не могъ помочь: ему, кажется, придется оставить редакцію „Иллюстра-

ціи". Да правду сказать, онъ таки безпрестанно ссорился съ цензорами.

— 16. Воскресенье. *** говорилъ мнѣ, что вчера получена телеграфическая депеша изъ Казанской губерніи, извѣщающая о бунтѣ тамъ крестьянъ. Кто-то увѣрилъ ихъ, что читанный ими манифестъ о свободѣ—не настоящій, и что есть другой, предоставляющій имъ гораздо больше правъ и выгодъ, напримѣръ, отдающій имъ всю помѣщичью землю. На этомъ основаніи крестьяне отказались отъ повиновенія не только помѣщикамъ, но и властямъ. Была употреблена военная сила. Шестьдесятъ человѣкъ крестьянъ убито.

Вообще ходятъ слухи о вспышкахъ въ разныхъ губерніяхъ.

Поутру былъ у меня Погодинъ. Жалобы на министра, распустившаго студентовъ. Вечеръ просидѣлъ у меня Сафоновичъ, Валерьянъ Ивановичъ, бывшій орловскій губернаторъ, человѣкъ умный и образованный. Отъ него я получилъ любопытныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и о состояніи умовъ въ провинціи.

— 17. Понедѣльникъ. Мой старый пріятель, сенаторъ Хрущовъ сошелъ съ ума. Его уже отвезли въ домъ умалишенныхъ къ Штейну. Вслѣдъ за нимъ сошла съума и жена его. Еще одно лишнее доказательство шаткости и несообразности въ дѣлахъ человѣческихъ. Хрущовъ былъ честный, умный и просвѣщенный человѣкъ, какихъ не много у насъ. Послѣдніе два—три года его преслѣдовали постоянныя неудачи по службѣ. За нѣкоторыя смѣлыя мнѣнія его, особенно противъ Игнатьева и Муравьева, кое-кто сталъ прославлять его крайнимъ либераломъ, даже краснымъ—какъ онъ однажды самъ мнѣ это говорилъ. Это сильно и гибельно подѣйствовало на его воспріимчивую, честолюбивую душу, особенно, когда онъ увидѣлъ, что ему преградили путь къ широкой дѣятельности, на который онъ уже было вступилъ.

— 23. Воскресенье. День Пасхи. У заутрени былъ въ министерской церкви. Послѣ обѣдни министръ позвалъ меня къ себѣ разговляться. И мы отправились къ нему вмѣстѣ съ Гончаровымъ.

Министръ подалъ въ отставку, но Государь пожелалъ, чтобы онъ остался пока пріищетъ ему преемника. Ковалевскій говорилъ мнѣ, что оставляетъ свой постъ съ огорченіемъ, но не можетъ не оставить его, такъ какъ отъ него требуютъ, чтобы онъ

приводилъ въ исполненіе чужіе планы. Валуевъ сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ; Ланской — графомъ и оберъ-камергеромъ; Чевкину и Панину пожалованы Андреевскія ленты; графу Блудову аренда въ двѣнадцать тысячъ на двѣнадцать лѣтъ. Вообще, наградъ бездна.

— 24. Понедѣльникъ. Нѣкоторые визиты: у Княжевича, у Муханова и пр. У Муханова встрѣтилъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, который былъ лучезаренъ, какъ восходящее свѣтило. Онъ наговорилъ мнѣ кучу любезностей.

Вечеръ у Егора Петровича Ковалевскаго. Это были его именины, на которыя онъ обыкновенно сзываетъ самое пестрое общество—отъ Чернышевскаго до министра иностранныхъ дѣлъ. Я нашелъ тамъ много знакомыхъ и такихъ, которыхъ не видалъ лѣтъ двадцать, напримѣръ, Мухина, долго жившаго на Востокѣ, то въ Каирѣ, то въ Константинополѣ. Много толковъ о предстоящемъ кризисѣ въ нашемъ министерствѣ. Д* тоже подалъ въ отставку. Лавровъ благосклонно кивнулъ мнѣ головой и поговорилъ о равнодушіи публики къ „Энциклопедическому Лексикону".

Когда большинство гостей разъѣхалось, нѣсколько человѣкъ пріютились въ кабинетѣ хозяина и тутъ еще проболтали до часу. Панаевъ, по обыкновенію съ кокетливыми ужимками, разсказывалъ анекдоты объ извѣстныхъ лицахъ. Чернышевскій, тоже по обыкновенію, смотрѣлъ великимъ мыслителемъ, публицистомъ, философомъ.

— 25. Вторникъ. Пріемъ у министра. Безконечные толки о кризисѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Тутъ всѣ видятъ торжество реакціонной партіи, и Ковалевскій мало по малу выростаетъ въ общественномъ мнѣніи. Онъ не только оскорбленъ, но озлобленъ. Я, однако, полагаю, что онъ не совсѣмъ правъ. Ему давно и серьезно слѣдовало бы подумать объ университетскихъ безпорядкахъ. Теперь же, когда для разсмотрѣнія его предположеній назначенъ тріумвиратъ, ему, конечно, ничего больше не остается, какъ выйти въ отставку. Ковалевскій человѣкъ не довольно сильной воли и не довольно, по настоящимъ временамъ, смѣлаго и обширнаго ума. Но всетаки онъ уменъ, а главное честенъ — и этого уже много. Прочіе далеко не такъ умны, а о добросовѣстности уже и говорить не-

чего. Каково, однако, положеніе Государя: не имѣть возможности положиться ни на умъ, ни на честность окружающихъ его.

Говорятъ, Строгонову предложено было министерство: онъ отказался. Говорятъ также, что онъ очень силенъ при дворѣ и что его интрига произвела нынѣшній кризисъ. Сюда пріѣзжалъ московскій попечитель Исаковъ. Государь далъ ему прочитать предположеніе Ковалевскаго и спросилъ его мнѣніе. Исаковъ отвѣчалъ, что онъ слово отъ слова раздѣляетъ его.—Поѣзжай же, скажи это графу Строгонову, сказалъ Государь.

Но въ чемъ состоятъ эти предположенія? Главная мысль ихъ, какъ говорятъ, въ томъ, что никакія репрессивныя мѣры, никакія строгости не приведутъ къ добру, но что надобно усовершенствовать университеты въ финансовомъ отношеніи и дать имъ возможность дѣйствовать въ наукѣ, соотвѣтственно потребностямъ времени и успѣхамъ ея въ Европѣ. Но это все общія положенія, а гдѣ же мѣры, которыя должны и могли бы осуществить ихъ?

— 26. Среда. Вчера узналъ я, что бѣдный Куторга (старшій) умеръ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ. Два года уже, какъ онъ быстро падалъ умственно и физически. Онъ какъ-то очень невыгодно купилъ имѣніе, запутался въ долгахъ, и это потрясло его духъ и тѣло. Послѣ него осталось семеро дѣтей. Онъ былъ три раза женатъ.

Смотря на страданія, глупости человѣческія, на всю эту жалкую процедуру жизни, оканчивающуюся смертью, невольно спрашиваешь себя—съ какою цѣлью все это сдѣлано или сдѣлалось. Въ отчаяніи, право, иногда кажется, что это дѣйствительно сдѣлалось, а не сдѣлано, а потому тутъ о цѣли и спрашивать нечего.

Май.—1. Понедѣльникъ. Весь апрѣль былъ очень холоденъ. Стояли ясные, но крайне суровые дни. Вообще и признаковъ весны нѣтъ.

Въ Казанской губерніи, какъ извѣстно, крестьяне забунтовали. Тамъ объявился самозванецъ. Кто-то назвался однимъ изъ великихъ князей и распространилъ въ народѣ манифестъ своего издѣлія, предоставляющій крестьянамъ неслыханныя льготы, а именно, что вся помѣщичья земля—ихъ, что они не обязаны ни платить помѣщикамъ оброка, ни работать на нихъ. Принуждены

были прибѣгнуть къ военной силѣ. Человѣкъ пятьдесятъ убито. Это не осталось безъ отраженія и на университетъ. Студенты отправили по убитымъ панихиду. Во главѣ ихъ былъ какой-то профессоръ. Другой профессоръ, Щаповъ, сказалъ рѣчь.

Безчисленные толки о назначеніи министра народнаго просвѣщенія. Теперь бродятъ по городу имена Литке и Корфа.

— 3. Среда. Однако добродушный русскій народъ, который, по словамъ Погодина, встрѣтилъ свободу съ умиленіемъ сердца, кротко и благодарно, начинаетъ въ разныхъ мѣстахъ проявлять свое вѣковое невѣжество и грубое непониманіе закона и права. Вчера опять тамбовскій помѣщикъ разсказывалъ мнѣ, что у него въ имѣніи тоже были сцены неповиновенія властямъ: „не хотимъ работать и дай намъ земли сколько хотимъ". Опять принуждены были призвать солдатъ для растолкованія имъ, что работать должно и что земля не вся ихъ. Въ другомъ имѣніи крестьяне бросились съ топорами въ барскій лѣсъ и еще до раздѣла весь вырубили.

— 4. Четвергъ. А болѣзненные симптомы у меня не прекращаются. Опять возникаютъ толки о необходимости повторить морскія купанья. На этотъ разъ доктора соглашаются ограничиться Либавой, такъ какъ я наотрѣзъ отказался отъ болѣе далекаго путешествія.

— 5. Пятница. Пріемный экзаменъ въ университетѣ. Экзаменовались въ русскомъ языкѣ гимназисты. Нельзя сказать, чтобы блистательно.

Вечеромъ были Гончаровъ, Краевскій, Льховскій и другіе. Краевскій вчера пріѣхалъ изъ Москвы. Тамъ студенты, по его словамъ, распущены еще хуже, чѣмъ въ Петербургѣ. Они явно, требуютъ смѣны такихъ-то лицъ, чтобы начальство не мѣшалось въ ихъ дѣла, а главное—совершенно не хотятъ ничему учиться. Дворянство въ Москвѣ—все по словамъ Краевскаго—сильно негодуетъ на нынѣшнее положеніе вещей. Словомъ, все приходитъ въ разладицу и безобразіе.

— 6. Суббота. Прелестные майскіе дни, нечего сказать. Три градуса тепла, пронизывающіе до мозга костей зефиры, грязь, а сегодня ночью даже выпалъ снѣгъ. Надѣвай опять шубу.

Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Пропасть дѣла, просидѣли до четырехъ часовъ. Пренія о Зотовѣ, которыя я

опять возбудилъ, стараясь доказать, что нельзя такъ легко лишать писателя права быть редакторомъ журнала. Берте, главный виновникъ этого рѣшенія, утверждалъ, что Зотовъ его заслужилъ, нарушивъ цензурныя правила. Я возразилъ, что все-таки не слѣдовало постановлять такого суроваго рѣшенія, не истощивъ прежде болѣе умѣренныхъ средствъ. Кончилось тѣмъ, что, не отмѣняя уже постановленнаго рѣшенія, согласились дать Зотову возможность оставаться редакторомъ „Иллюстраціи“ неопредѣленное время, въ которое онъ можетъ поправить свою ошибку.

— 8. Понедѣльникъ. Экзаменъ въ университетѣ изъ русской словесности. Экзаменовался IV курсъ. Отвѣчали хорошо.

— 10. Среда. Ночь, какой давно не бывало. На этотъ разъ уже совсѣмъ не знаю, чѣмъ заслужилъ я такую немилость природы.

Мы всѣ готовы быть благоразумны, трудолюбивы, честны при благопріятныхъ условіяхъ и всегда ссылаемся на неблагопріятныя при недостаткѣ въ насъ вышеупомянутыхъ качествъ.

— 12. Пятница. Вчера рѣшалась въ совѣтѣ министровъ судьба университетовъ. Графъ Строгоновъ читалъ свой проектъ. Въ чемъ именно состоитъ этотъ проектъ—я въ точности не знаю. Но говорятъ, что онъ клонился къ тому, чтобы сдѣлать университеты доступными только дворянству и имущимъ классамъ. Ковалевскій, разумѣется, сильно опровергалъ проектъ. Его поддержали рѣшительно всѣ члены совѣта. Особенно много возражалъ графу Строгонову—Чевкинъ. Проектъ съ шумомъ провалился.

— 16. Вторникъ. Май, наконецъ, смилостивился: вотъ уже четвертый день тепло, деревья быстро распускаются.

Въ сегодняшнемъ номерѣ „Спб. Вѣдомостей“, наконецъ, напечатаны извѣстія о казанскихъ безпорядкахъ среди крестьянъ. Убито пятьдесятъ пять человѣкъ, раненыхъ семьдесятъ одинъ. Да, въ исторіи человѣчества ничто не дается даромъ. Людямъ за все приходится платить цѣною пота и крови своей.

Окончательно утверждаютъ, что министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ графъ Путятинъ, а товарищемъ его—Танѣевъ.

— 19. Пятница. Вечеромъ были Щебальскій, Струговщи-

ковъ, Тимковскій и пр. Толки о новомъ министрѣ, впрочемъ еще не утвержденномъ, графѣ Путятинѣ. Никакой возможности по этимъ толкамъ составить себѣ какое нибудь опредѣленное понятіе объ этомъ человѣкѣ: такъ разнорѣчивы сужденія о немъ. У насъ въ обществѣ вообще рѣдко являются съ явственно очерченною физіономіею. Репутаціи, большею частью устанавливаются на лживыхъ данныхъ—возвышаются, падаютъ безъ достаточныхъ причинъ или, по крайней мѣрѣ, безъ причинъ основательныхъ и справедливыхъ. Никто, кажется, не заботится объ истинѣ и всякій хочетъ только, во что-бы то ни стало, пустить въ оборотъ и свое слово. Проклятая наша привычка во всемъ видѣть поводъ къ выставкѣ себя, къ показу.

Ковалевскаго всѣ восхваляютъ за то, что онъ оставляетъ министерство съ такимъ блескомъ, поддержавъ въ совѣтѣ министровъ принципъ прогресса, и пр. Я не совсѣмъ раздѣляю это мнѣніе. На меня это производитъ впечатлѣніе, какъ будто онъ пожертвовалъ Государемъ за добрую молву, за лестный отзывъ со стороны людей извѣстнаго лагеря. Слѣдовало-ли ему въ такую серьезную минуту покидать добраго, честнаго, благонамѣреннаго Государя, вся вина котораго въ томъ, что вокругъ него нѣтъ людей достойныхъ. Но, возражаютъ мнѣ, что-же было дѣлать Ковалевскому, если Государь не приглашалъ его остаться и видимо склонялся на сторону противной партіи? Такъ, но Ковалевскій еще раньше, послѣ Аксаковскаго дѣла, самъ оттолкнулъ его отъ себя. Да и въ университетскомъ вопросѣ онъ дѣйствовалъ, по меньшей мѣрѣ, нерадиво. Университеты уже года три видимо падали въ экономическомъ, учебномъ и нравственномъ отношеніи. Предпринялъ-ли Ковалевскій что-нибудь для ихъ улучшенія? Ковалевскій точно боялся приняться за это дѣло, какъ-бы изъ боязни нареканія, что онъ противится либеральному движенію, если бы ему пришлось прибѣгнуть къ какой-нибудь ограничительной мѣрѣ въ отношеніи студентовъ. Онъ, если можно такъ сказать, поставилъ себя въ положеніе нейтральное, заботясь только о томъ, чтобы въ публикѣ его бездѣйстіе не было приписано его винѣ. Не знаю, но на мой взглядъ онъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ не какъ государственный человѣкъ, который долженъ бороться съ трудностями, а какъ человѣкъ ожидающій благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы дѣ-

лать что-нибудь хорошее. Теперь онъ попалъ въ мученики за правое дѣло. Но что скажетъ объ этомъ будущее?..

— 22. Понедѣльникъ. Подалъ просьбу объ увольненіи меня въ отпускъ на два мѣсяца. Здоровье мое въ теченіе всей зимы стояло на одной и той же точкѣ плохаго состоянія и ночныхъ страданій. Врачи предписываютъ новый походъ къ морю.

Новый министръ, графъ Путятинъ еще не вступилъ въ должность. Онъ сперва ѣдетъ въ Англію за своимъ семействомъ.

Обѣдалъ у графа Блудова. Толки о Ковалевскомъ, что онъ слабъ характеромъ, что оставилъ по себѣ зародышъ язвы, который можетъ отравить все управленіе новаго министра — Кисловскаго, будто теперь мѣтящаго въ директоры департамента министерства народнаго просвѣщенія. Я молчалъ. На душѣ уныло, мрачно, безнадежно.

— 23. Вторникъ. Вечеромъ былъ у меня профессоръ Соловьевъ, и мы съ нимъ долго бесѣдовали о современныхъ дѣлахъ, о новомъ министрѣ и пр. Онъ принесъ мнѣ два послѣднихъ тома своей исторіи, X и XI.

— 25. Четвергъ. Ѣздилъ на Каменный островъ къ Княжевичу. Александра Максимовича видѣлъ только мелькомъ. Онъ готовилъ докладъ Государю.

Май изумительно хорошъ. Но что за пыль, за смрадъ и духота въ Петербургѣ! Дышешь не воздухомъ, а мерзостью, которой и имени нѣтъ.

— 27. Суббота. Поутру былъ у Муханова проститься передъ отъѣздомъ. Онъ не остается товарищемъ министра. Потомъ зашелъ къ министру тоже проститься. Та же пѣсня, что онъ жалѣетъ о томъ, чего онъ не успѣлъ сдѣлать или докончить для министерства и пр.

Іюнь.—3. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Я сильно поспорилъ съ Пржецлавскимъ по поводу его проекта объ инструкціяхъ цензорамъ, который онъ называетъ „философіей цензуры". Въ сущности это самыя ретроградныя идеи. Меня поддерживали Д* и Троицкій. Мухановъ предсѣдательствовалъ и велъ себя очень хорошо. Онъ предполагаетъ употребить проектъ какъ матерьялъ при составленіи новаго устава, если таковой будетъ составляться. Этого мнѣ и надо было. Я рѣшительно объявилъ что буду возражать письменно

на проектъ Пржецлавскаго. Проектъ этотъ положено отложить.

Сегодня болѣзненный пароксизмъ незаконно вторгся въ непринадлежащій ему день и сильно таки помучилъ меня.

— 7. Среда. Со вчерашняго дня погода перемѣнилась и отъ неестественныхъ жаровъ вдругъ перешла къ неестественному холоду, дождю, а сегодня былъ градъ.

Ѣздилъ на Каменный островъ къ Княжевичу проститься. Министръ и за чаемъ все подписывалъ бумаги. Я по обыкновенію много бесѣдовалъ съ Владиславомъ Максимовичемъ и съ дамами. Немного погуляли. Вечеръ былъ тихій и безоблачный съ чудеснымъ луннымъ свѣтомъ, но очень холодный.

— 8. Четвергъ. Сегодня весь день ушелъ на укладку. Бумаги въ портфель и всякая умственная работа должна прекратиться. По крайней мѣрѣ—я такъ обѣщался доктору, моей семьѣ и самому себѣ.

Прощай на три мѣсяца мой милый кабинетъ.

— 9. Пятница. Около полудня я съ дочерью отправился въ Либаву на пароходѣ „Леандръ". Пассажировъ множество. Пароходъ хорошъ на ходу. Каюты опрятны, койки просторны. Зато кормятъ на немъ прегнусно и прислуга груба и неповоротлива. За все берутъ страшныя цѣны. Даже стакана чистой воды нельзя достать: вмѣсто нея даютъ морскую воду. Разумѣется для того, чтобы брали вино или пиво. Къ ночи море разыгралось. Начались сцены укачиванія. Почти всѣхъ укачало. Осталось очень немного привиллегированныхъ, и въ томъ числѣ мы. Мы долго сидѣли на палубѣ—ходить отъ качки нельзя было, потомъ рѣзкій вѣтеръ прогналъ насъ въ каюту, гдѣ я повергся на койку и заснулъ спокойно безъ всякихъ толчковъ и томленій.

— 10. Суббота. Въ половинѣ пятаго утра мы вошли въ Ревельскую гавань. Нѣкоторые изъ пассажировъ тутъ совсѣмъ покинули пароходъ, другіе съѣхали на берегъ погулять. Мы не захотѣли. Дулъ рѣзкій вѣтеръ. Небо было сумрачно, и Ревель, едва проснувшійся, смотрѣлъ непривѣтливо. Часа черезъ четыре мы опять очутились въ морѣ. Теперь оно было довольно спокойно, а къ вечеру совсѣмъ стихло. Волны улеглись, зайчики скрылись и тихая зыбь едва рябила широкое пространство.

Въ пятомъ часу пароходъ опять остановился, чтобы выса-

дить пассажировъ въ Гапсаль и сложить часть груза въ прибывшія за нимъ лодки. Мы простояли тутъ часа три. Былъ чудный вечеръ. Солнце на дальнемъ горизонтѣ огненнымъ шаромъ величественно погружалось въ волны. Съ другой стороны на чистомъ небѣ выплывала полная серебристая луна, какою рисуютъ ее живописцы и поэты. Передъ Аренсбургомъ новая остановка и высадка пассажировъ, но это было уже ночью, когда мы спали.

— 11. Воскресенье. Мы въ Ригѣ, куда прибыли часовъ около двѣнадцати. Остановились въ гостинницѣ „Du Nord". Насъ еще на пароходѣ встрѣтилъ служивый Бубновъ, приставленный къ намъ для услугъ, на все время нашего пребыванія въ Ригѣ, моимъ старымъ пріятелемъ К. И. Рудницкимъ, который самъ въ это время отсутствовалъ. Бубновъ доставилъ наши вещи въ гостиницу и ухаживалъ за ними такъ толково и добродушно, какъ умѣютъ только старые солдаты. Съ нами вмѣстѣ остановилась одна молоденькая дама, ѣхавшая на свиданіе съ родными въ Митаву—настоящій ребенокъ и по наружности и по понятіямъ. Она еще на пароходѣ примкнула къ намъ и просила не оставлять ее одну.

Гуляли въ саду Верманъ, гдѣ была музыка, а потомъ въ Кейзергартенѣ. Съ этой стороны Риги вообще много зелени, садовъ съ прекрасными аллеями, и разводится еще новый обширный паркъ. Рига въ общемъ производитъ пріятное впечатлѣніе. Но это совершенно иностранный городъ.

— 12. Понедѣльникъ. День въ Ригѣ. Намъ хотѣлось отдохнуть. Вечеромъ заходили въ католическую церковь, противъ нашихъ оконъ, отъ нечего дѣлать поглазѣть на свадьбу. Оказалось совсѣмъ не интересно. Невѣста была стара и очень неизящна.

— 13. Вторникъ. Въ восемь часовъ утра отправились въ дилижансѣ въ Митаву. Дорога непривлекатальная. Кругомъ то песокъ, то болото и мѣстами лѣсъ.

Въ Митаву прибыли въ полдень—и очень неудачно. Попали въ самый разгаръ ярмарочной сутолки. Гостиницы всѣ биткомъ набиты. Нигдѣ ни щели пустой. Мы въ уныніи бродили по городу, не зная буквально гдѣ преклонить голову. Но вотъ, пытливо всматриваясь въ насъ, подходитъ къ намъ какой-то человѣкъ—очевидно жидъ—и предлагаетъ указать намъ удобное

помѣщеніе. Идемъ за нимъ. Онъ дѣйствительно указываетъ намъ двѣ сносныя комнаты и требуетъ за ночлегъ пять рублей. Что дѣлать? Конечно, согласились. Черезъ минуту является солдатъ, тоже изъ жидовъ, съ плутѣйшею изъ плутовскихъ рожъ, и предлагаетъ: не надо-ли чего сдѣлать, куда сбѣгать, чего добыть? Я послалъ его въ гимназію къ Траутфетеру, который не замедлилъ явиться къ моему великому удовольствію и облегченію. Онъ уже нанялъ для насъ коляску въ Либаву и обратно за десять рублей. Я осмотрѣлъ ее, и она оказалась удовлетворительной. Потомъ онъ водилъ меня въ казначейство, гдѣ я взялъ подорожную.

Вечеръ я провелъ у окошка, изъ котораго наблюдалъ ярморочное движеніе. Тутъ сидѣли торговки съ копченою рыбой, а вокругъ нихъ сновали покупатели. Купля производилась, вмѣсто звонкой монеты, посредствомъ какихъ-то бумажонокъ, которыя вызывали безконечные и громкіе споры. Очевидно, не всѣ эти бумажки пользуются здѣсь одинаковымъ кредитомъ. Вообще, картина передъ глазами была оживленная, но нельзя сказать, чтобы привлекательная, и воздухъ далеко не благоухалъ.

Митава не интересна, грязна и скучна. Но среди женскихъ еврейскихъ лицъ много красивыхъ и промелькнуло два, три даже прекрасныхъ.

— 14. Среда. Рано утромъ и не безъ удовольствія выѣхали изъ Митавы. Ночевали въ Фрауенбургѣ, въ грязной почтовой гостиницѣ, сильно смахивающей на жидовскую корчму.

— 15. Четвергъ. Пріѣхали въ Либаву въ восемь часовъ вечера. У заставы, при въѣздѣ въ городъ, намъ подали записку отъ господина Ш. съ адресомъ нанятой для насъ квартиры, но увы! насъ тамъ ожидало сильное разочарованіе. Квартира оказалась нелѣпою, въ скверной улицѣ, на грязномъ дворѣ, съ неопрятной обстановкою и съ какимъ-то невыносимымъ затхлымъ запахомъ. Насъ это очень огорчило. Мы провели ночь, кое-какъ размѣстившись на стульяхъ: кровати смотрѣли слишкомъ непривлекательно. На слѣдующее утро рѣшились искать другую квартиру. Непріятныя объясненія съ хозяйкой. Она сильно разворчалась, говоря, что нашъ переѣздъ отъ нея обезчеститъ ея домъ, и требовала всей уплаты сполна за ея квартиру. Я не отказывался отъ выдачи ей неустойки, но такое требованіе на-

шелъ чрезмѣрнымъ. Она настаивала. Я предложилъ обратиться за разрѣшеніемъ нашего дѣла къ бургомистру, обѣщаясь со своей стороны безусловно покориться его рѣшенію. Но хозяйка на это не согласилась и поспѣшила понизить свои претензіи до болѣе скромной суммы, а именно до пятнадцати рублей. Я больше не спорилъ. Послѣ непродолжительныхъ поисковъ, мы нашли премилую, пречистую и преудобную квартирку у доктора Іогансена, къ которому у меня было рекомендательное письмо отъ Вальца. Съ какой радостью перебрались мы сюда изъ сырой, мрачной, вонючей конуры, которую намъ было приготовили. Теперь лучшаго и желать нельзя. Три вполнѣ приличныя комнатки съ зеленью, которая просится въ окна, съ бѣльемъ и всякою посудою—за шестьдесятъ рублей за шесть недѣль. Цѣна та же, что и за прежнюю квартиру.

Іюль.—10. Понедѣльникъ. А въ концѣ концовъ Либава очень миленькій, чистенькій городокъ. Въ немъ десять тысячъ жителей, и онъ, очевидно, принадлежитъ къ весьма достаточнымъ городамъ. Тѣмъ не менѣе, жители нынѣ жалуются на упадокъ торговли, которая, по ихъ словамъ, до послѣдней войны была гораздо дѣятельнѣе. Настоящій упадокъ торговли они приписываютъ англичанамъ, которые захватили здѣсь нѣсколько кораблей и въ томъ числѣ восемнадцати-пушечные. Захватъ этотъ происходилъ на глазахъ у жителей, но они не могли противиться. У нихъ не было другого войска, кромѣ ихъ такъ называемой національной гвардіи, состоявшей всего изъ нѣсколькихъ десятковъ людей—да и тѣ едва умѣли владѣть ружьемъ.

Крестьяне, являющіеся сюда на рынокъ, имѣютъ зажиточный видъ. Да и сосѣдніе деревни, въ которыя случается заглядывать, тоже производятъ скорѣй пріятное впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ, нищета не бьетъ здѣсь въ глаза, и мало видно пьяныхъ. Замѣтилъ я еще одну особенность: здѣшній народъ кажется, очень любитъ пѣть. Возвращаясь съ работы группами, люди эти почти всегда поютъ, и, право, не дурно.

На улицахъ Либавы полная тишина и спокойствіе. Даже присутствіе въ ней жидовъ не портитъ ее. Сами они и жилища ихъ какъ-то здѣсь опрятнѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ городахъ нашихъ западныхъ губерній.

Въ Либавѣ есть музыкальная городская капелла. Она по три

раза въ недѣлю даетъ концерты въ паркѣ; въ нарочно воздвигнутомъ для того павильонѣ, за что беретъ съ пріѣзжихъ по четыре рубля съ мужчинъ и по два съ дамъ.

Кстати о паркѣ. Онъ не великъ, но очень не дуренъ, съ тѣнистыми каштановыми и липовыми аллеями, съ бесѣдкой изъ зелени и съ насыпной горкой по серединѣ. На одной изъ прогулокъ въ паркѣ я встрѣтился съ моимъ университетскимъ товарищемъ, профессоромъ турецкаго языка, Березинымъ, и съ тѣхъ поръ мы часто гуляемъ вмѣстѣ. Онъ пріѣхалъ сюда тоже купаться въ морѣ.

Морское купанье здѣсь очень хорошее, но, къ сожалѣнію, только плохо, или, лучше сказать, вовсе не устроено, особенно для дамъ. Мужчинамъ всетаки лучше, потому что имъ открытъ доступъ въ павильонъ, гдѣ въ прошломъ году купался Наслѣдникъ. Этимъ павильономъ пользуюсь и я за три рубля въ сезонъ.

Но у Либавы есть и оборотная сторона. Она мила, но крайне прожорлива и глотаетъ рубли такъ быстро, что вы едва успѣваете вынимать ихъ изъ кармана.

— 14. Пятница. Вечеръ въ гостяхъ у доктора. Тутъ собралось нѣсколько почтенныхъ либавскихъ гражданъ. Мнѣ понравилось это простое и не лишенное образованія общество, которое къ тому же держало себя съ достоинствомъ. Ко мнѣ всѣ они были очень внимательны и вѣжливы, но съ тактомъ, безъ навязчивости и излишней предупредительности. Нѣкоторые порядочно говорятъ по русски и я съ ними бесѣдовалъ о дѣлахъ городскихъ, о торговлѣ, промышленности, но больше всего говорилъ объ учебной части съ учителемъ здѣшней гимназіи, гдѣ онъ преподаетъ древніе языки.

Въ этой маленькой Либавѣ есть все, что характеризуетъ цивилизованныя мѣстности: школы, пріютъ для сиротъ, заведеніе для призрѣнія дряхлыхъ и убогихъ, больница, клубъ—все это незатѣйливое, нероскошное, но содержится въ порядкѣ и въ довольствѣ. Есть двѣ книжныя лавки.

Горожане очень не расположены къ курляндскому дворянству. Они обвиняютъ его въ духѣ касты, въ надменности, въ эгоизмѣ и въ готовности всегда и вездѣ притѣснять слабыхъ. Либавцы очень довольны статьей, которая недавно напечатана въ рижской газетѣ, и гдѣ доказывается, что курляндское дво-

рянство незаконно завладѣло землей и незаконно пользуется разными привиллегіями. Авторъ статьи все это подтверждаетъ фактами.

— 15. Суббота. Въ воспитаніи мы больше всего должны думать о томъ, о чемъ у насъ вовсе не думаютъ—объ образованіи характеровъ. Этого, конечно нельзя достигнуть нравоученіями или дидактикою, но всякій преподаватель и наставникъ можетъ этому косвенно содѣйствовать, и наука, болѣе чѣмъ когда-либо, должна быть призвана здѣсь на помощь. Вотъ хоть бы преподаватель русской словесности можетъ, со своей стороны, много сдѣлать если захочетъ. Пусть онъ задаетъ учащимся сочиненія и настаиваетъ на томъ, чтобы учащіеся выражали свои мысли съ строгою точностью и логическою послѣдовательностью. Прочь всякое щегольство фразою, всякое пусторѣчіе. Это можетъ постепенно отучить учащихся отъ неопредѣленнаго шатанія мысли и направить умъ ихъ къ сосредоточенности въ самихъ себѣ. При разборѣ писателей тоже много можно содѣйствовать правильному, строгому развитію мысли, а это несомнѣнно можетъ отразиться и на общемъ складѣ ума и характера учащихся. Въ этомъ духѣ должны-бы дѣйствовать и другіе преподаватели.

— 17. Понедѣльникъ. Сегодня ночью разразилась велико лѣпная гроза. Недалеко отъ нашей квартиры упала молнія и произвела такой трескъ, что моментально подняла на ноги весь домъ. Докторъ говорилъ намъ, что въ два прошедшіе дня, когда тоже были сильныя грозы, въ окрестныхъ деревняхъ произошло много пожаровъ отъ молніи.

Августъ.—1. Вторникъ. Вчера было послѣднее мое купанье. Завтра уѣзжаю изъ Либавы. Этимъ кончается и мое лѣтнее леченіе. Что оно принесетъ мнѣ впереди—не знаю. А пока пароксизмы, меня преслѣдующіе, сдѣлались только сильнѣе. Я было зашалился, зазнался, возложилъ слишкомъ большія надежды на море и это на время ослабило мои худшія опасенія. Докторъ увѣряетъ, что настоящее ухудшеніе есть совершенно естественное послѣдствіе отъ возбужденія, какое всегда производитъ морское купанье на организмъ человѣка. Но дѣло въ томъ, что я большой скептикъ. Я мало вѣрю въ какое-нибудь положительное знаніе. Судьба человѣческая для меня запечат-

лѣна семью апокалипсическими печатями. Что-же могу я знать изъ того, что мнѣ благотворитъ или угрожаетъ въ этой безконечной игрѣ явленій, которыя, если и не случайны, если и основаны на законахъ, то законы эти опять-таки для меня тайна, запечатлѣнная семью апокалипсическими печатями. Мы знаемъ гораздо болѣе о губительныхъ силахъ, которыя на насъ дѣйствуютъ разрушительно, чѣмъ о средствахъ, какъ помочь себѣ въ горѣ. Одно вѣрно: надо прямо въ глаза смотрѣть бѣдѣ и не смущаться духомъ, а для этого надо быть всегда на сторожѣ, всегда вооруженнымъ съ ногъ до головы и не давать воли пустымъ надеждамъ. Или, лучше сказать, надо не считать слишкомъ важнымъ ни жизни, ни своей особы. Въ этомъ настоящая мудрость человѣческая.

— 2. Среда. Сегодня получилъ множество писемъ, между прочимъ отъ Воронова. Онъ сообщаетъ мнѣ неутѣшительныя вѣсти о нашемъ новомъ министрѣ Путятинѣ. Во первыхъ, Кисловскій опять входитъ въ силу и готовится играть роль, какую игралъ при взбалмошномъ и ребячливомъНоровѣ. Во вторыхъ, у министра бродятъ странныя идеи, напримѣръ: что преподаваніе въ нашихъ училищахъ надо подчинить духовенству; что въ университетахъ слѣдуетъ отдѣлить вольно-слушающихъ отъ студентовъ. Первое показываетъ человѣка, который не знаетъ нашего духовенства, второе—просто нелѣпость. Хуже всего, что онъ щетинится на такихъ людей, какъ Ребиндеръ и Вороновъ, и обнаруживаетъ наклонность къ Кисловскому. Это значитъ, что онъ не понимаетъ своего положенія и думаетъ, что министерство должно опираться не на идеи и разумъ государственный, а на бюрократію. Изъ этого, повидимому, слѣдуетъ, что онъ въ нынѣшнемъ движеніи умовъ видитъ только пошлый либерализмъ, а не видитъ въ немъ настоящихъ потребностей народа и времени, и что онъ хочетъ стать въ упоръ этому движенію. Очень жаль, если это правда, потому что настоящее призваніе министра народнаго просвѣщенія въ нынѣшнее время именно въ томъ и состоитъ, чтобы отдѣлять плевелы отъ пшеницы и не только не мѣшать расти послѣдней, но всячески воздѣлывать ее—и на этомъ основать систему народнаго образованія. Ковалевскій послѣднее время добивался популярности въ кругу либераловъ, не твердо понималъ дѣло отдѣленія

плевелъ отъ пшеницы и дѣйствовалъ слабо, боясь съ одной стороны нарѣканія отъ крикуновъ и не стораясь съ другой послѣдовательно и мужественно выдвигать лучшіе элементы развитія — словомъ, онъ былъ слабъ съ обѣихъ сторонъ. Опять повторяю: дѣло въ томъ, чтобы сдерживать крайнихъ разнузданныхъ прогрессистовъ, но стоятъ во главѣ умѣренныхъ и благоразумно руководить послѣдними, не допуская ихъ до отчаянія и до того, чтобы они, отказавшись отъ дѣла, въ силу обстоятельствъ, не примкнули также къ крайнимъ. Дѣло управленія въ наши дни становится сложнѣе, чѣмъ прежде, когда слѣдовали одной системѣ: руби съ плеча.

Я весь принадлежу принципу нашего политическаго возрожденія, но съ тѣмъ, чтобы оно шло рука объ руку съ нравственнымъ. Первое не бываетъ прочно безъ втораго.

Нація не можетъ оставаться въ застоѣ, въ неподвижности. Настоящее движеніе есть движеніе естественное. Его принципъ: развиваться въ нравственномъ, умственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, согласно духу и способностямъ національнымъ. Это движеніе началось съ Петра, но настоящій сознательный и опредѣленный характеръ его наступаетъ только теперь. Нынѣшній Государь далъ ему санкцію освобожденіемъ крестьянъ. Естественно, что съ этимъ событіемъ національное движеніе становится и неизбѣжнымъ и вопіющею потребностью. Но въ этомъ движеніи надо отличать два элемента или двѣ стороны—искуственную, проистекающую изъ духа подражанія и поверхностнаго образованія, что доселѣ было нашимъ удѣломъ, и истинную—ту, о которой я сказалъ выше. Искуственный элементъ породилъ у насъ стремленіе къ такъ называемому прогрессу съ девизомъ: впередъ очертя и сломя голову. Другой элементъ породилъ тоже стремленіе къ прогрессу, но умѣренному, постепенному и потому самому—болѣе прочному и плодовитому благими послѣдствіями. Задача правительства—отличить одно направленіе отъ другого; одно ограничивать, другому содѣйствовать и направлять его, чтобы оно съ отчаянія тоже не впало въ крайность.

Государственный человѣкъ не долженъ пугаться каждаго симптома, которымъ проявляется искуственный утопическій прогресъ, и не считать его поводомъ къ принятію репрессив-

ныхъ мѣръ противъ прогресса вообще—противъ прогресса въ лучшемъ и истинномъ смыслѣ.

Завтра уѣзжаемъ изъ Либавы. Итакъ,

Прощай-же море!...
Я долго, долго помнить буду
Твой шумъ въ купальные часы!

и помяну тебя благодарнымъ словомъ, если наши здоровья получатъ отъ тебя хоть малую толику пользы.

— 3. Четвергъ. Выѣхали изъ Либавы утромъ по страшно бурной погодѣ. Море провожало насъ громкимъ гуломъ и точно пушечными выстрѣлами. У павильона насъ ожидалъ Березинъ. Мы простились съ нимъ и на прощаніи выпили по рюмкѣ вина. Со всѣми либавскими мы разстались очень дружелюбно, оставивъ, кажется, всѣхъ довольными—по крайней мѣрѣ, я всегда стараюсь, чтобы такъ было.

На первой-же станціи отъ Либавы произошла остановка изъ-за лошадей. Между тѣмъ, либавскій вѣтеръ превратился въ настоящую бурю, которая буквально подталкивала нашъ экипажъ, пока мы стояли на мѣстѣ. Въ Газенпортѣ, въ пять часовъ, обѣдъ на грязной почтовой станціи. Обѣдъ состоялъ изъ яичницы и какой-то маринованной рыбы, до которой мы не рѣшились дотронуться, хотя намъ ее подавала поразительной красоты златокудрая молоденькая хозяйская дочка, но—увы! до крайности неопрятная, какъ и всѣ здѣшнія жидовки. Ночевали, но не спали въ Шрунденѣ, въ гнуснѣйшей корчмѣ, гдѣ чувствовали себя не спокойно и даже, какъ будто, не совсѣмъ безопасно.

Сегодня днемъ въ Добленѣ. Здѣсь развалины замка, построеннаго въ XIV вѣкѣ начальникомъ ордена Меченосцевъ Монгеймомъ. Развалины и самое мѣстечко Добленъ живописны. Прекрасная станція, чистенькая — что большая рѣдкость въ здѣшнемъ краѣ—даже съ комфортомъ и чрезвычайно пріятнымъ ласковымъ смотрителемъ.

Въ Митаву пріѣхали въ семь часовъ вечера. На заставѣ намъ подали письмо отъ добраго Траутфетера, который убѣдительно просилъ остановиться у него въ домѣ, гдѣ предлагалъ двѣ комнаты. Но мы намѣревались только переночевать въ Митавѣ и не рѣшились на такое короткое время безпокоить добрыхъ людей. Итакъ мы остановились въ гостиницѣ „Курляндъ“ и тотчасъ

отправились къ Траутфетеру. Онъ ужасно сѣтовалъ, что мы не у него остановились, угостилъ насъ чаемъ и какой-то очень хорошей освѣжительной шипучкой изъ березовыхъ почекъ. Все семейство Траутфетеръ премилое, не исключая и четырехъ крошечныхъ удивительно красивыхъ малютокъ.

— 4. Пятница. Вчера Траутфетеръ прочиталъ мнѣ изъ „Аугсбургской газеты" статью объ открытомъ будто бы заговорѣ въ Петербургѣ съ конституціонными тенденціями и пр. Это должно быть какой-нибудь вздоръ.

Въ Ригу мы отправились въ дилижансѣ, но изъ Риги уже надѣялись ѣхать по желѣзной дорогѣ до Динабурга. Путь этотъ еще не открытъ, но по немъ ходятъ какіе-то поѣзда, и въ одномъ изъ нихъ мнѣ были обѣщаны мѣста.

Это, однако, не удалось. Поѣзда пришлось бы ждать до понедѣльника и я предпочитаю безъ дальнѣйшихъ ухищреній ѣхать, какъ прежде, по торному пути на лошадяхъ.

— 10. Четвергъ. Добравшись до Пскова съ грѣхомъ пополамъ, по плохой дорогѣ и въ тряскомъ экипажѣ, мы по желѣзной дорогѣ продолжали путь до Острова, а тамъ поплелись опять на лошадяхъ до Витебска, куда и прибыли вчера поздно вечеромъ. Отсюда осталось еще тридцать верстъ до нашего деревенскаго уголка. Рано утромъ отправились мы туда на почтовыхъ. Не доѣзжая станціи Ганобки, мы встрѣтили Марка Любощинскаго съ племянницей Генріеттой [1]). Они возвращались отъ моихъ, у которыхъ нѣсколько дней гостили.

[1]) Уроженка Витебской губерніи, дочь одного изъ тамошнихъ помѣщиковъ, Генріетта Казиміровна Жудро, по мужу Салозъ, въ настоящее время занимаетъ мѣсто среди самыхъ выдающихся женщинъ врачей. Это одна изъ тѣхъ отважныхъ и благородныхъ піонерокъ, которыя, горячо любя людей, рѣшились отдаться служенію имъ на поприщѣ, дѣйствовать на которомъ онѣ, вопреки установившимся предразсудкамъ, сознаютъ въ себѣ достаточно мужества и силъ. Къ сожалѣнію, разныя усложненія въ ея судьбѣ, и между прочимъ семейныя обстоятельства, помѣшали ей посвятить себя Россіи—русской деревнѣ, куда она особенно стремилась. Тогда она, скрѣпя сердце, перенесла свою дѣятельность въ Женеву, въ самый дорогой для нея послѣ родины городъ: въ немъ она училась, стала на ноги и пріобрѣла право на самостоятельную дѣятельность. Съ тѣхъ поръ—а тому уже лѣтъ четырнадцать—имя госпожи Жудро-Салозъ пользуется въ Женевѣ завидною извѣстностью, особенно среди бѣднѣйшаго

Въ полдень я, наконецъ, въѣхалъ въ мои такъ называемыя владѣнія. На опушкѣ березовой рощи встрѣтили насъ остальные члены моей семьи. Всеобщая радость, объятія, шумныя восклицанія и разспросы. Мы всѣ пѣшкомъ отправились къ дому, который я теперь уже могу назвать вполнѣ нашимъ. Домикъ оказался небольшой, но очень миленькій, уютный, удобный. Мой кабинетъ чистенькій, свѣтлый—прелесть. Во всемъ видна заботливость милой жены моей, которая употребила всѣ усилія, чтобы сдѣлать жилище мое пріятнымъ. И все это съ ничтожными средствами.

— 11. Пятница. Вчерашній день заключился шумно и очень оригинально. Подъ вечеръ, на площадкѣ передъ нашимъ домомъ, собрались крестьяне и крестьянки въ праздничныхъ одеждахъ, которыя, впрочемъ, очень незатѣйливы. Онѣ состоятъ почти исключительно изъ длинныхъ бѣлыхъ кафтановъ. Одна молоденькая дѣвушка принесла огромный вѣнокъ изъ колосьевъ и, при громкомъ пѣніи подругъ, подала его мнѣ. Это ихъ обычный способъ праздновать конецъ жатвы. Началось угощеніе виномъ и яблоками, явилась скрипка, и пошли танцы, которые продолжались до поздней ночи. Я говорилъ съ нѣкоторыми крестьянами, которые подходили ко мнѣ и благодарили за хорошее съ ними обращеніе. Ну, этого я ужъ никакъ не могу принять на свой счетъ и долженъ вполнѣ отнести на умное и доброе управленіе арендатора. Въ заключеніе были зажжены два большихъ костра, и крестьяне разошлись при ихъ яркомъ дрожащемъ пламени.

Сегодня вечеромъ я ходилъ на деревню. Оттуда прехорошенькій видъ на нашу усадьбу, которая граціозно выглядываетъ изъ зелени.

— 13. Воскресенье. У обѣдни. Наша церковь каменная, но очень обветшалая и требуетъ большихъ поправокъ. Утвари церковной, однако, вполнѣ достаточно. Нѣкоторые предметы, какъ-то: ризы, хоругви, два-три образа, паникадила, священные сосуды

населенія города. Мы сами, въ нашу бытность тамъ, могли наглядно убѣдиться во всеобщей къ ней любви и уваженіи. Разъ какъ-то намъ пришлось идти съ ней по одной изъ улицъ рабочаго квартала города: почти не было прохожаго—мужчины, женщины, ребенка—которые не привѣтствовали-бы ее поклономъ или улыбкою. *Ред.*

были-бы хороши даже и не для маленькой деревушки. Служба, пѣніе за-то какъ-то безжизненны и неосмысленны. Священникъ первый, кажется, совсѣмъ не сочувствуетъ тому, что дѣлаетъ и что читаетъ. Особенно дурно читано было Евангеліе, хотя дикція и голосъ читающаго не представляютъ ничего непріятнаго. Главная вина въ полной безучастности священнослужителя и въ тупомъ равнодушіи прихожанъ. Но внѣшнія приличія были тутъ всѣ на лицо. Ими даже какъ будто старались щегольнуть передъ нами. Не было забыто и поученіе къ народу, заимствованное изъ какой-то книги, но произнесенное безъ малѣйшаго приспособленія къ слушателямъ и такъ вяло, что оно не могло возбудить ничего, кромѣ скуки. Жалко и досадно! Священника тутъ нельзя винить: онъ такъ воспитанъ, такъ направленъ, такъ руководимъ... Слава Богу еще, что онъ не пьяница. Вопросъ о жалкомъ состояніи нашего сельскаго духовенства поистинѣ вопіющій вопросъ.

Послѣ обѣдни я пошелъ въ алтарь. Бѣдный священникъ видимо смутился. Я старался его обласкать и ободрить, выразивъ все мое уваженіе къ его сану, и пригласилъ его къ себѣ вечеромъ на чай. Въ свое время онъ явился. Сначала онъ очень конфузился, но потомъ, какъ говорится, обошелся и разговаривалъ очень толково. Я завелъ рѣчь о необходимости поучать народъ простымъ и удобопонятнымъ внушеніемъ ему вѣры и христіанской нравственности. Онъ жаловался на то, что крестьяне очень неохотно посѣщаютъ церковь и вообще крайне неразвиты.

Одновременно была у насъ родственница моей жены, госпожа Быковская, сосѣдняя помѣщица, владѣлица трехсотъ пятидесяти душъ и огромнаго количества земли. Она, какъ и большинство здѣшнихъ дворянъ, очень недовольна настоящимъ положеніемъ вещей. По мнѣнію ея и многихъ другихъ помѣщиковъ, слѣдовало-бы дать крестьянамъ свободу безъ земли. Я пробовалъ доказывать ей противное съ точки зрѣнія нравственной и государственной, но безуспѣшно. Утѣшалъ ее тѣмъ, что все со временемъ уладится, и выгоды будутъ обоюдныя—но также тщетно. Помѣщикамъ въ настоящую минуту, конечно, приходится круто, но такая огромная реформа не могла быть совершена иначе, а они не хотятъ этого понять и сильно негодуютъ на правительство.

— 16. Среда. Можно надѣвать на себя личину какого угодно

свойства, какой угодно добродѣтели. Но подъ любовь и подъ умъ никакъ нельзя поддѣлаться. Чтобы заставить повѣрить нашей любви, надо имѣть въ сердцѣ хоть сколько-нибудь этого чувства; чтобы прикидываться умнымъ, надо имѣть хоть малую толику ума.

Я всегда былъ того мнѣнія, что не должно ни въ чью голову вбивать убѣжденій и идей или заставлять людей насильственно идти по извѣстному пути. Образуйте ихъ умы, сдѣлайте ихъ способными къ разумной и правильной дѣятельности и пусть они сами устанавливаютъ себѣ свои нравственныя убѣжденія, идеи, цѣли. Пусть сами избираютъ себѣ дорогу для выполненія своего назначенія въ жизни, потому что въ человѣкѣ лишь то существенно и плодотворно, что онъ дѣлаетъ самъ и по собственному своему выбору, согласно своимъ природнымъ наклонностямъ и дарованіямъ. Но если онъ неспособенъ къ самостоятельной выработкѣ въ себѣ основныхъ, такъ называемыхъ высшихъ понятій дѣятельности, то вы ничего путнаго, ничего хорошаго не достигнете вбиваніемъ ему ихъ въ голову и въ сердце. Пусть онъ останется при своемъ ограниченномъ образѣ мыслей и заботится только о томъ, чтобы быть честнымъ человѣкомъ: это лучше всякихъ фальшивыхъ высокостей.

Оттого у меня не было ни своей партіи, ни своей школы, несмотря на то, что я могъ имѣть ихъ, потому что нерѣдко дѣйствовалъ на умы сильно и увлекалъ ихъ съ одною цѣлью: чтобы возбуждать ихъ нравственныя силы и устремлять ихъ ко всему благородному, правдивому и прекрасному, не предписывая имъ никакого опредѣленнаго круга дѣйствій, не внушая имъ догматовъ и заботясь только о томъ, чтобы сдѣлать ихъ по возможности вообще способными къ лучшему, а не о томъ, чтобы формулировать это лучшее и заставлять ихъ думать, что внѣ круга такихъ-то понятій или внѣ такого-то образа мыслей ничто лучшее невозможно. У кого были дѣйствительныя, а не мнимыя силы, тотъ возбуждался и находилъ себѣ дорогу. У кого ихъ не было, тотъ и не лѣзъ въ гору, чтобы на ней спотыкаться и падать.

Я питалъ всегда и питаю глубокое, непреодолимое отвращеніе ко всякой лжи и особенно къ лживымъ, лицемѣрнымъ нравственнымъ ухищреніямъ. Мнѣ всегда казался лучшимъ самый

грубый и невоздѣланный умъ и простое сердце безъ претензій, чѣмъ умъ поверхностно или фальшиво образованный и сердце, изнѣженное разными сентиментальными утонченностями—то есть, умъ и сердце, полные высокомѣрныхъ притязаній безъ всякихъ правъ и заслугъ, и я сильно боялся распложать такія личности, что, какъ извѣстно, такъ легко при нашемъ поверхностномъ и шаткомъ образованіи.

— 17. Четвергъ. Ходилъ въ деревню съ карманами, полными пряниковъ для ребятишекъ и для того, чтобы навѣстить больнаго крестьянина Тереху. Этотъ Тереха замѣчателенъ тѣмъ, что, прописанное ему докторомъ на три дня лекарство, онъ выпилъ вчера въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, думая ускорить этимъ свое выздоровленіе. Мы ужаснулись, узнавъ объ этомъ. Бѣдный Тереха очень ослабѣлъ. Не знаемъ, останется-ли онъ живъ. Послали опять за докторомъ. Что касается ребятишекъ, которые сбѣжались ко мнѣ за пряниками, то никакое воображеніе не можетъ представить себѣ ничего грязнѣе ихъ. Миловидныя мордочки нѣкоторыхъ изъ нихъ почти совсѣмъ исчезали подъ слоями грязи. Но всѣхъ ихъ превзошелъ нѣкій Титъ, который представляетъ изъ себя классическій образецъ мальчика-пачкуна. Я роздалъ имъ пряники, сѣлъ на бревно и разговорился съ ними. Только не многіе знаютъ по одной или по двѣ молитвы, большинство же едва, едва слышало о Богѣ. Всѣ они совершенные дикаренки. Вь деревняхъ нашихъ еще долго будетъ царить непроницаемый мракъ, если правительство не озаботится открытіемъ тамъ школъ и не обяжетъ родителей посылать въ нихъ дѣтей, да священники не будутъ лучше подготовляться для деревенскихъ приходовъ и не будутъ поставлены въ другія отношенія къ прихожанамъ.

— 18. Пятница. Сегодня я говорилъ со старостой о тѣхъ важныхъ выгодахъ, которыя дарованы нынѣ крестьянамъ вмѣстѣ со свободой. Я не убѣдилъ его. Онъ слушалъ меня, повѣсивъ голову, и твердилъ, что до сихъ поръ имъ было хорошо, а теперь еще Богъ знаетъ, что̀ съ ними будетъ. Я указывалъ ему на одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ новаго порядка вещей—что у нихъ будутъ свои суды, что они сами будутъ выбирать свое начальство и не будутъ зависѣть ни отъ чьего произвола. На это староста мой возражалъ одно, что все это поведетъ только къ

обремененію ихъ, что до сихъ поръ они благодарили Бога за свое житье и молили за свою помѣщицу. Въ заключеніе онъ сослался на казенныхъ крестьянъ, и тутъ-то я понялъ причину его страха. Здѣшніе крестьяне думаютъ, что отнынѣ у нихъ все будетъ такъ, какъ у казенныхъ, слѣдовательно, они отъ сносной, въ данномъ случаѣ, зависимости отъ помѣщика перейдутъ къ гораздо болѣе тяжкой зависимости отъ чиновниковъ. Вотъ что наводитъ на нихъ паническій страхъ.

Русскій чиновникъ—ужасная личность. Что будетъ впереди—еще неизвѣстно, а до сихъ поръ онъ былъ естественный злѣйшій врагъ народнаго благосостоянія.

— 19. Суббота. Человѣкъ, подобно пауку, извлекаетъ и выводитъ изъ самого себя нити, сплетаетъ изъ нихъ множество различныхъ отношеній, чувствованій, идей и пр. и пребываетъ въ средѣ ихъ благополучно, пока толчокъ дѣйствительности не разорветъ его хитросплетенія и не докажетъ ему, что все это—только паутина.

— 20. Воскресенье. Человѣка не удовлетворяетъ земной порядокъ вещей. Въ немъ неотразимо живетъ и господствуетъ мысль о лучшемъ, совершеннѣйшемъ. Для возможнаго удовлетворенія этой потребности ему даны религія и поэзія. Одна переноситъ его идеалы въ будущее и тамъ полагаетъ залоги ихъ осуществленія. Другая стремится поставить ихъ лицомъ къ лицу съ человѣкомъ въ настоящемъ.

Прекрасное или изящное есть не иное что, какъ гармоническое соотвѣтственное воплощеніе идеала въ формахъ жизни.

— 25. Пятница. Холодно, мрачно. Небо сѣетъ дождемъ. Деревня принимаетъ осенній видъ.

Вчера получилъ премилое письмо отъ Д*, который сдѣланъ директоромъ департамента народнаго просвѣщенія.

— 30. Среда. Сегодня послѣ обѣдни на нашемъ дворѣ были разставлены столы, а на нихъ пироги, вино и разныя сласти, и все это предложено крестьянамъ. Послѣ обѣда запиликала скрипка и начались танцы, которые продолжались до пяти часовъ вечера. День благопріятствовалъ веселью. Было довольно свѣжо, но ясно и тихо. Въ началѣ обѣда я подошелъ къ одному изъ столовъ, налилъ рюмку вина и провозгласилъ тостъ за Государя Императора, нашего общаго отца и освободителя кре-

стьянъ. „Дай Богъ ему долго жить и царствовать“, сказалъ я. Но увы, и эта моя попытка вызвать въ этихъ добрыхъ людяхъ сочувствіе къ новому порядку вещей ни къ чему не привела. Они все вертѣлись около меня и ко мнѣ одному обращали свои пожеланія и свою благодарность. Мужички были очень довольны угощеніемъ, вели себя пристойно и твердили одно: что Богъ знаетъ еще каково имъ будетъ отъ новыхъ порядковъ и что лучшаго житья, какимъ они пользовались за послѣднія десять лѣтъ, то есть, время, когда имѣніе поступило въ настоящее владѣніе моей жены, они не желали бы и впереди. Очевидно, желанія ихъ не простирались и не простираются далѣе нѣкотораго матеріальнаго довольства, да безобиднаго обращенія со стороны начальства. Понятія ихъ о свободѣ, политической или какой-бы то ни было, очень смутны. Женщинамъ были розданы подарки: чепцы, передники и ленты, а дѣтей я взялъ на свое попеченіе и угощалъ ихъ яблоками и пряниками, а когда вышли тѣ и другіе, то сахаромъ, который они принимали не съ меньшимъ удовольствіемъ.

— 31. Четвергъ. Сегодня посѣтилъ здѣшняго посредника Рафаила Осиповича Богдановича. Весь разговоръ мой съ нимъ, разумѣется, относился къ крестьянскому дѣлу. Посреднику много заботъ, особенно въ истолкованіи разныхъ вопросовъ крестьянамъ, которые, кромѣ своихъ насущныхъ матерьяльныхъ выгодъ, ничего рѣшительно не понимаютъ въ новомъ порядкѣ вещей, въ чемъ, впрочемъ, я и самъ успѣлъ увѣриться. Затрудненія также въ нѣкоторыхъ окрестныхъ помѣстьяхъ по урочному положенію, которое крестьянамъ не кажется обязательнымъ закономъ, потому что находится не въ книгѣ, а напечатано отдѣльнымъ листкомъ. Впрочемъ, какихъ нибудь серьезныхъ усложненій нѣтъ. Все пока ограничивается нѣкоторымъ нерадѣніемъ въ господскихъ работахъ.

Сентябрь.—1. Пятница. Осень окончательно вступаетъ въ свои права. Все вокругъ уныло, мрачно, безнадежно. Пора въ Петербургъ.

— 7. Четвергъ. Сегодня въ пять часовъ утра пріѣхали въ Петербургъ. Весь день никуда не выходилъ и занимался приведеніемъ въ порядокъ моего кабинета. Но кое-кто уже узналъ о моемъ пріѣздѣ, и было не мало посѣтителей.

— 8. Пятница. Представлялся новому министру Путятину. Онъ не сдѣлалъ на меня пріятнаго впечатлѣнія. Какая-то сухая, холодная сдержанность съ учтивостью тоже холодною, сухою— вотъ все, что я успѣлъ замѣтить въ двѣ, три минуты, что продолжался мой визитъ. Правда и то, что у него передо мною былъ съ докладомъ Кисловскій. Отъ министра я отправился къ Д*, но не засталъ его дома, а отъ него поѣхалъ къ нашему новому попечителю Филипсону, карточку котораго я нашелъ у себя по пріѣздѣ. Вотъ совсѣмъ другой человѣкъ. Отъ него такъ и вѣетъ добротой и человѣчностью. Два эти визита показались мнѣ похожими на то, какъ если-бы я побывалъ въ темномъ погребѣ и оттуда вышелъ на теплый Божій свѣтъ. Прозябнувъ до костей у Путятина, я отогрѣлся у Филипсона.

— 10. Воскресенье. Визиты Д*, Княжевичу. Съ Д* разговоръ объ университетскихъ дѣлахъ. Мнѣ показалось страннымъ, почему университетъ не хочетъ избирать проректора или, что все равно, никто не хочетъ быть избраннымъ, взамѣнъ нынѣ существующаго инспектора. По моему мнѣнію, это значитъ отказываться отъ самоуправленія. Д* не объяснилъ мнѣ всего, а объяснилъ уже Ребиндеръ, къ которому я поѣхалъ отъ него . . .
. . . . [1]).

...Странную вещь сообщилъ мнѣ кіевскій ученый, когда я заговорилъ съ нимъ о Пироговѣ. Послѣднему, какъ извѣстно, тамъ дѣлали всевозможныя оваціи, а тѣмъ не менѣе студенты, польскаго происхожденія, готовили ему крупную непріятность, и это не состоялось единственно потому только, что Юзефовичъ, узнавъ какъ-то о томъ, что грозило Пирогову, предупредилъ его...

— 12. Среда. Роль честнаго, зрѣлаго человѣка въ этой сумятицѣ: стоять посреди крайностей, стараясь умѣрять то ту, то другую, соблюдать законъ равновѣсія между тѣмъ, что слишкомъ слѣпо и неразумно рвется впередъ, и тѣмъ, что тянетъ назадъ. Неуклонный, но разумный либерализмъ, не разрушающій, а созидающій—вотъ мой девизъ, вытекающій прямо изъ моихъ убѣжденій и моего характера и на мой взглядъ всего

[1]) Здѣсь и въ разныхъ мѣстахъ дальнѣйшаго изложенія „Дневника" за 1861 г. сдѣланы значительные пропуски. *Ред.*

болѣе соотвѣтствующій существеннымъ, не выдуманнымъ и не экзальтированнымъ потребностямъ моихъ согражданъ. Ничего слишкомъ—по выраженію одного изъ древнихъ мудрецовъ...

Вечеромъ пріѣзжалъ ко мнѣ проститься мой старый и одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ друзей моихъ Ребиндеръ, который ѣдетъ въ Москву сенаторствовать. Грустно мнѣ разстаться съ нимъ! Многое дѣлили мы съ нимъ по-поламъ, и горе и радости—конечно больше первое—особенно нашей общественной жизни. Къ нему, обыкновенно, обращался я, когда душа переполнится впечатлѣніями отъ какого-нибудь событія, отъ какой-нибудь идеи, а иногда и такъ просто, когда душѣ захочется отдохнуть отъ житейскаго треволненія. Какъ я ни привыкъ погружаться въ самого себя, питаться самимъ собою, не бросаясь на чужой хлѣбъ мысли и сердца, однако съ Ребиндеромъ мы часто ѣли этотъ хлѣбъ—той мой, то его. И такъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

— 16. Суббота. Всѣми силами надо спасти университетъ отъ такого философа, какъ Лавровъ, котораго извѣстная партія всячески старается провести въ профессора философіи.

Продлись долго такое направленіе въ нашемъ юношествѣ, наша молодая наука быстро станетъ увядать, и мы рѣшительными шагами пойдемъ къ варварству.

— 18. Понедѣльникъ. Вечеромъ у попечителя. Искренно и откровенно объяснялся я съ нимъ объ университетскихъ дѣлахъ и нашелъ въ немъ человѣка, вполнѣ сочувствующаго, благороднаго, разсудительнаго, горячо любящаго и юношество и науку. Особенно много говорили мы о каѳедрѣ философіи. Онъ вполнѣ вошелъ въ мои мысли и также серьезно смотритъ на это дѣло. На эту каѳедру, болѣе чѣмъ на всякую другую, требуется ученый съ установившимся образомъ мыслей и глубоко, всесторонне изучившій свой предметъ.

. . . .

— 20. Среда. Моя первая лекція въ университетѣ. Набралось много слушателей, которые казались внимательными и хорошо настроенными. Я чувствовалъ себя воодушевленнымъ.

Былъ у меня главный распорядитель „Энциклопедическаго Лексикона“ Гершельманъ, съ просьбою содѣйствовать выдачѣ двадцати пяти тысячъ рублей серебромъ, о которыхъ я уже ходатайствовалъ въ бывшемъ комитетѣ по дѣламъ печати, и на

что тогда было изъявлено высочайшее соизволеніе съ тѣмъ, чтобы это пособіе было выдано редакціи по выходѣ первыхъ томовъ изданія,

Засѣданіе у министра изъ попечителя, Д* и профессоровъ: Ленца, Срезневскаго, Воскресенскаго, Горлова и меня. Дѣло шло о нѣкоторыхъ вопросахъ, касающихся измѣненія университетскаго устава: опредѣленія доцентовъ, учрежденія новыхъ каѳедръ и проч. Министръ, между прочимъ, предложилъ странную мѣру: установить жалованье профессорамъ по часамъ, на подобіе того, какъ это существуетъ въ корпусахъ и другихъ заведеніяхъ—ибо профессора читаютъ розно: одинъ можетъ преподавать восемь, а другой только пять часовъ. Всѣ члены нашей комиссіи возстали единодушно, не исключая и попечителя. Такое распредѣленіе жалованья должно подѣйствовать очень вредно на духъ сословія. Съ одной стороны, оно будетъ поводомъ для каждаго добиваться большаго числа часовъ, и это непремѣнно возбудитъ антагонизмъ между профессорами, зависть, распри; съ другой, превратитъ профессоровъ въ поденщиковъ, получающихъ опредѣленную плату за извѣстную долю труда, а не вознагражденіе за всю сложную, обширную и тяжелую дѣятельность, посвященную наукѣ и образованію гражданъ. Тогда на какомъ основаніи отказать профессору въ особой платѣ за всякое занятіе по университету—за засѣданіе въ совѣтѣ и въ факультетѣ, за экзамены, за разсмотрѣніе разныхъ сочиненій и диссертацій и пр.

. . . .

— 21. Четвергъ. Вторая лекція въ университетѣ. Хотя я самъ менѣе доволенъ ею, чѣмъ первою,—она имѣла большой успѣхъ. Слушателей набралось такое множество, что многимъ не хватило мѣста и иные сидѣли даже на окнахъ.

— 22. Пятница. Студентамъ запрещены сходки, но они сегодня опять устроили одну и сильно нашумѣли. Что-то сдѣлаетъ начальство? Удивительно, какъ нѣкоторые становятся на сторону безчинствующихъ студентовъ и готовы не только защищать, но и поощрять подобныя продѣлки...

— 23. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры. Новый министръ въ большомъ затрудненіи относительно цензуры. Онъ не имѣетъ никакого установившагося взгляда на нее.

Главнымъ предметомъ нынѣшняго засѣданія былъ вопросъ о „Современникѣ", возбужденный Берте. По его словамъ, журналъ этотъ проповѣдуетъ революціонныя идеи. Положено, чтобы всѣ члены прочли страницы и статьи, указанныя Берте, и выразали свое мнѣніе...

....24. Воскресенье.—Печальный день! У министра. Онъ обратился къ намъ съ маленькою рѣчью, въ которой приглашалъ содѣйствовать ему въ водвореніи порядка. Затѣмъ онъ толковалъ о необходимости и справедливости установленія платы со студентовъ за слушаніе лекцій. Но это мимоходомъ. А главное, намъ тутъ же сдѣлалось извѣстнымъ, что, вслѣдствіе безпорядковъ, произведенныхъ вчера студентами, университетъ закрывается на нѣкоторое время. . . . .

— 28. Четвергъ. Засѣданіе въ Академіи.

. . . .

. . . .

Октябрь.—2. Понедѣльникъ. Вчера я былъ у вице-президента Медико-хирургической академіи Глѣбова. Онъ мнѣ говорилъ, что ихъ студенты, хотя и не отличались открытыми подвигами, какъ наши, но внутренно за одно съ послѣдними. Въ четвергъ предполагалась у нихъ союзная сходка во дворѣ академіи. Но мѣры были приняты: академическій дворъ заперли и не велѣли пускать никого изъ постороннихъ. Нѣсколько каретъ, колясокъ, дрожекъ подъѣзжало къ воротамъ, изъ нихъ выскакивали юноши, направлялись къ воротамъ, но тѣ оставались глухи и нѣмы. Непрошенные посѣтители принуждены были удалиться.

Я предполагалъ бы: 1) разъ что университетъ закрытъ—не открыватъ его нѣкоторое время; 2) тѣмъ временемъ составить комиссію изъ людей истинно просвѣщенныхъ; пригласить туда въ видѣ экспертовъ—ну хоть двухъ профессоровъ и двухъ академиковъ и возложить на эту комиссію изысканіе средствъ къ лучшему устройству нашихъ университетовъ, сообразно требованіямъ времени и состоянію государства, и начертать правила новаго устава, и 3) тогда начать, благословясь, дѣло новое.

Есть одно обстоятельство, которое производитъ страшную путаницу въ умахъ: это страшныя лжи, которыя разносятся по городу недобросовѣстными прогрессистами о всякомъ происшестіи, о всякой мѣрѣ правительства. Все это до такой степени

искажается, что и людей умѣренныхъ невольно вовлекаетъ въ усиленную оппозицію. Я безпрестанно принужденъ бываю опровергать нелѣпѣйшіе вымыслы этого рода передъ людьми, которые готовы повѣрить имъ. Такъ, напримѣръ, распространенъ слухъ, что у студентовъ начальство насильно отняло ихъ кассу, которую они собрали для пособія нуждающимся своимъ товарищамъ; что имъ запрещено посѣщать лекціи другихъ профессоровъ, кромѣ своихъ факультетовъ; что во время смятенія двадцать пятаго сентября солдаты били студентовъ прикладами, а жандармы преслѣдовали ихъ съ обнаженными палашами и пр. Право, правительству слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы закрыть уста клеветѣ. Для этого одно средство—гласность. Пусть бы правительство о всякомъ необыкновенномъ происшествіи печатало небольшія извѣщенія безъ дальнихъ разсужденій, но съ точностью излагая факты и опровергая ложные слухи. Для этого можно бы избрать хоть академическія вѣдомости.

Около университета опять толпятся студенты и собираются массы всякаго народа. Приведены въ движеніе войска. Въ зданіе университета никого не пускаютъ.

Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что студенты ягнята, которыхъ направляютъ стороннія силы—не настоящіе пастухи, а волки въ пастушьемъ платьѣ.

Главная трудность въ настоящихъ обстоятельствахъ—добиться истины фактовъ. Чего самъ не видѣлъ или въ чемъ самъ не участвовалъ, того никакъ нельзя считать не только за достовѣрное, но даже и за полудостовѣрное. А между тѣмъ на истинѣ фактовъ должна опираться истина мнѣній и дѣйствій.

Былъ у меня епископъ католическій, ректоръ академіи Берестневичъ. Рѣчь шла, разумѣется, о настоящихъ событіяхъ. Онъ разсуждалъ съ большою терпимостью, вовсе не какъ католикъ-консерваторъ.

— 3. Вторникъ. Обѣдалъ у графа Блудова. Тамъ были: Ковалевскій, сенаторъ недавно пожалованный, и Костомаровъ. Рѣчь вертѣлась около городскихъ событій. Графъ судилъ вяло—ему, очевидно, нездоровилось. Графиня, по обыкновенію, замыкалась въ славянство. Она была обложена вся газетами чешскими, галиційскими и пр. Костомаровъ молчалъ. Мнѣ тоже не хотѣлось говорить. Разговоръ вообще плохо клеился. Всѣ были

какъ-то удручены . . . .
. . . .

— 4. Среда. Встрѣтилъ И. А., который совѣтовалъ быть осторожнымъ. Вчера онъ обѣдалъ въ клубѣ и слышалъ какъ нѣкоторые порицали меня за то, что я не одобряю студентовъ.—А вы ихъ одобряете? спросилъ я его.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—Значитъ, и васъ порицали? Онъ замялся.

Совѣтъ университета. Происходилъ выборъ членовъ университетскаго суда. Я получилъ только два голоса. Видимое неблаговоленіе ко мнѣ большинства. Но это меня не удивляетъ и больше ужъ не огорчаетъ: я прямо заявилъ себя противъ этого большинства въ студенческихъ безпорядкахъ — слѣдовательно вполнѣ естественно, что они со своей стороны противъ меня. Но гнусное лицемѣріе иныхъ способно было бы меня раздражить, если бы я менѣе зналъ, а подчасъ и презиралъ человѣка. Эти люди съ вами за одно на словахъ, вмѣстѣ съ вами порицаютъ демагогическіе порывы и замашки противной партіи и въ то-же время склоняются передъ ней, готовые покинуть васъ одного среди самаго жаркаго боя и обратить тылъ, да еще выдать васъ головою—и все это изъ подлой трусости, готовности служить вашимъ и нашимъ . . . .

. . . Филипсонъ передалъ мнѣ просьбу министра составить записку о преобразованіи университетовъ. Я передалъ Филипсону свои соображенія по этому поводу и обѣщался изложить ихъ въ особой запискѣ.

— 8. Воскресенье. Въ двѣнадцать часовъ попечитель собралъ совѣтъ университета. На обсужденіи предложенъ былъ вопросъ: какія мѣры принять, чтобы при предстоящемъ открытіи университета не повторились скандалы, подобные бывшимъ. Послѣдовали нескончаемыя словопренія о томъ, что правила матрикулъ требуютъ измѣненій, и что только подъ условіемъ этихъ измѣненій можно ожидать, что въ университетѣ все будетъ мирно и тихо. На это попечитель, разумѣется, не могъ согласиться. Наговорено было много всего. Иные, какъ напримѣръ N., пускались въ юридическую схоластику и даже прибѣгали къ юридически крючковатымъ придиркамъ. . . . .
. . . . Словомъ, дѣло, которое попечитель хотѣлъ уладить или устроить, взы-

вая къ благородному содѣйствію членовъ университета, не только не уладилось и не устроилось, но запуталось больше и затянулось въ узелъ, который развязать теперь нѣтъ возможности, и впереди предстоитъ уже развѣ только разсѣчь авторитетомъ власти. К. предложилъ слѣдующій компромиссъ: объявить, что студенты получатъ желаемое не сейчасъ, а когда заслужатъ это хорошимъ поведеніемъ. Я согласенъ, чтобы было объявлено, но не это, а то, что университеты вообще будутъ преобразованы, и тогда многое, безъ сомнѣнія измѣнится. Особенно удивительно велъ себя П. Во-первыхъ онъ ни къ селу ни къ городу сказалъ длинную рѣчь о любви: ему, видимо, хотѣлось угодить большинству, чтобы и волки были сыты, и козы цѣлы. Но вотъ что просто непостижимо: онъ упомянулъ про скандалъ на актѣ. Казалось-бы, это не слишкомъ говоритъ въ пользу сходокъ и вообще поведенія студентовъ. Но умыселъ тутъ былъ другой. Ему хотѣлось показать, что онъ любовью смирилъ въ тотъ день студентовъ и велѣлъ имъ разойтись. Но какъ онъ усмирилъ студентовъ? Объявивъ имъ, что рѣчь всетаки будетъ прочитана въ собраніи студентовъ, то есть, сдѣлавъ именно то, что они дерзко требовали.

Засѣданіе совѣта продолжалось два часа и, разумѣется, кончилось ничѣмъ.

— 11. Среда. Сегодня открытъ университетъ. Караулъ въ швейцарской снятъ . . . .

. . . . Студентовъ собралось очень не много. У меня на лекціи было четыре человѣка, у Благовѣщенскаго два, у Ленца тоже человѣка три, у Косовича ни одного. Я прочиталъ лекцію съ жаромъ и одушевленіемъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Мои немногочисленные слушатели слѣдили за ней съ обыкновеннымъ своимъ вниманіемъ. Я ими былъ совершенно доволенъ, да и они, кажется, мною.

Между тѣмъ небольшія толпы студентовъ скитались то у главнаго входа, то у малаго съ Невы, какъ души грѣшниковъ у порога рая, въ который имъ воспрещенъ входъ. Это, кажется, были тѣ, которые не подали просьбъ и не приняли матрикулъ. Говорятъ, что они похаживали тутъ съ умысломъ затѣять опять какую-нибудь демонстрацію.

Итакъ, первый день открытія университета, котораго такъ

боялось начальство наше, прошелъ благополучно. Каковы-то будутъ послѣдующіе? . . . . , .

.... На лекціи явилось очень немного студентовъ. Большая часть изъ нихъ, предвидя скандалъ, не пошла на лекціи, изъ опасенія подвергнуться непріятностямъ отъ товарищей противной партіи. У меня было однако болѣе, чѣмъ вчера, и лекція состоялась безъ малѣйшаго нарушенія порядка, какъ всегда.

— 14. Суббота. Не тѣ виноваты, у которыхъ едва начинаетъ пробиваться пухъ на верхней губѣ, а тѣ, у которыхъ уже начинаетъ сѣдѣть щетина на бородѣ.

Какъ ни нелѣпы эти безпорядки, которые вотъ уже три недѣли держатъ въ тревогѣ весь городъ, однако и пренебрегать ими нельзя. Вѣдь сколько пожаровъ случается отъ того, что какому-нибудь мальчишкѣ вздумается для своей потѣхи подбросить зажженныя спички подъ заборъ или сарай.

Въ Главномъ управленіи цензуры. Министръ не предсѣдательствовалъ. Онъ былъ въ Совѣтѣ министровъ, и его замѣнилъ Д*.

Въ „Русскомъ Словѣ" появился новый пророкъ въ модномъ направленіи—Писаревъ. Онъ въ прошедшемъ году кончилъ курсъ въ нашемъ университетѣ, и теперь помѣстилъ въ „Русскомъ Словѣ" статью: „Схоластика XIX вѣка и процессы жизни". Прочитавъ ее, признаюсь, я даже раздражился и въ этомъ расположеніи духа я говорилъ слишкомъ горячо, дѣлая мой докладъ, за что подлежу сильному упреку отъ самого себя. Не должно въ важныхъ случаяхъ отдаваться увлеченію, хотя-бы источникъ его былъ благородный. Правда, уже болѣе двухъ недѣль, какъ я принужденъ бороться съ пошлымъ и грубымъ стремленіемъ, которое, какъ мутныя волны, все больше и больше насъ охватываетъ со всѣхъ сторонъ и которое угрожаетъ намъ въ будущемъ потопомъ. Немудрено въ такомъ положеніи вещей придти въ нехорошее расположеніе духа. Я не могу не бороться съ этимъ духомъ разрушенія и, сложа руки, сидѣть и только смотрѣть на этотъ бурный потокъ. Но конецъ концовъ, каково-бы ни было положеніе вещей, дурному настроенію не слѣдуетъ давать ходу. Не надо допустить его перейдти въ постоянное, ни даже повторяющееся разстройство. Самообладаніе, самообладаніе!

— 15. Воскресенье. Надо не имѣть ни малѣйшаго понятія о Россіи, чтобы сломя голову добиваться радикальныхъ перево-

ротовъ. Стоитъ только послушать какъ разсуждаютъ о современныхъ происшествіяхъ люди, даже пожилые, чтобы убѣдиться, что тутъ нѣтъ ни опытности лѣтъ, ни здраваго смысла, ни образованія. Сужденія совершенно дѣтскія! И имъ нѣтъ ни малѣйшей нужды, что факты, о которыхъ они судятъ и изъ которыхъ выводятъ свои умозаключенія, искажены нелѣпѣйшимъ образомъ, до невозможности вѣрить имъ хоть на іоту. Они произносятъ рѣшительные приговоры о дѣлахъ и лицахъ, о которыхъ ничего никогда не думали. И это люди, мѣтящіе въ избиратели и представители наши! „Ничего", говорятъ красные, „выучатся на практикѣ". Да вѣдь я сапогъ не дамъ сшить человѣку, который ничего не смыслитъ въ этомъ ремеслѣ и съ моихъ ногъ начинаетъ свое ученье, а здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы создавать законы для государства, направлять политику—словомъ управлять народомъ. Для всего этого общество должно быть воспитано, подготовлено. Не мѣшайте же, господа, учиться тѣмъ, которые еще могутъ и должны учиться.

Корфъ написалъ книгу: „Жизнь Сперанскаго". Сегодня я слышалъ отъ одного умнаго человѣка такое о ней сужденіе:— Подлая, скверная книга.—Отчего, спросилъ я,—такое немилостивое сужденіе? Строгій судья рѣшительно ни одного слова дѣльнаго не сказалъ о ея недостаткахъ, а только общія мѣста, что книга не полна, что Сперанскій былъ величайшій человѣкъ и пр.—Книга, конечно, сказалъ я, — имѣетъ и даже значительные недостатки. Но чтобы назвать ее подлою и скверною, надо было прочесть ее съ предвзятымъ намѣреніемъ найти ее такою.

Бѣда! У насъ кто получилъ отъ природы ума на 10%, тотъ думаетъ, что ему отпущено его на 100%, а всѣмъ другимъ на 1 или на 0. Нѣтъ никакой правильной мѣры въ сужденіяхъ о самихъ себѣ и о другихъ; ни малѣйшей заботливости быть справедливымъ. Кричать, чтобы перекричать другихъ и сдѣлать свою мыслишку господствующей надъ мыслями своихъ знакомыхъ, пріятелей, незнакомыхъ и непріятелей—въ этомъ главная цѣль наша, а тамъ хоть трава не рости. Чортъ съ ней съ правдой: вѣдь отъ нея я не покажусь геніемъ ни въ собственныхъ своихъ глазахъ, ни въ глазахъ другихъ. Правда слишкомъ проста. У геніевъ все не такъ, какъ у обыкновенныхъ смертныхъ— а мы геніи!

— 16. **Понедѣльникъ.** Не Россія для университета, а университеты для Россіи.

— 17. **Вторникъ.** Поутру сильно нездоровится. Я не поѣхалъ въ Римско-Католическую академію: это очень далеко, да и въ корридорахъ и въ залѣ тамъ бываетъ очень холодно . . . .

...Вы говорите, что надо разрушать все старое, все, все, чтобы потомъ создалось новое. Но развѣ это возможно? Старое въ человѣчествѣ: и наука, и искусство, и всякіе опыты и открытія вѣковъ. Старое все то, откуда, изъ чего вытекаетъ новое. Разрушить все старое значитъ уничтожить исторію, образованіе, начать съ Адама и Евы, съ звѣриной шкуры, съ дубины дикаря, съ грубой физической силы.

Въ общественномъ порядкѣ бываютъ перестройки, а не постройки съизнова всего такъ, какъ будто ничего не было прежде. А когда перестраиваютъ, то иное оставляютъ, другое исправляютъ, а до кое-чегѳ даже вовсе не дотрогиваются, потому именно, чтобы не разрушить всего. Тутъ нужны разсудокъ, осмотрительность, а не безуміе, страсти, попыхи и скачка сломя голову........

Говорить дурно о правительствѣ, обвинять его во всемъ сдѣлалось нынѣ модою. А я думаю, что если бы правительство показало, что съ нимъ шутить нельзя—мода эта быстро прошла бы.

Въ сегодняшнихъ „Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ изложены университетскія событія. Описаніе сдѣлано въ очень умѣренномъ духѣ. Нѣкоторыя обстоятельства не въ пользу студентовъ смягчены, другія совсѣмъ выпущены, напримѣръ, то, что депутаты требовали отмѣны матрикулъ отъ имени всѣхъ своихъ товарищей, и что большинство положило не исполнять честнаго слова относительно исполненія правилъ матрикулъ— хотя-бы и давъ его. Всему этому я самъ былъ свидѣтель.

Вечеромъ были Маркъ и Гончаровъ. Тѣ-же безконечные разговоры о современныхъ происшествіяхъ. Впрочемъ, эти судили о нихъ какъ зрѣлые люди, а не какъ студенты.

— 18. **Среда.** Отнимая у человѣка религію, нравственность, идеалы и оставляя за нимъ только эгоизмъ съ расчетливостью бобра, да натуральныя влеченія къ матеріальнымъ благамъ, вы низводите его рѣшительно до скота. Но если по вашему это истина, хотя и прискорбная, то почему-же не истина то отрадное чувство, которое человѣкъ почерпаетъ въ высшихъ вѣрова-

ніяхъ и стремленіяхъ? Вы требуете вездѣ фактовъ: но развѣ не фактъ это чувство, съ его благими послѣдствіями? Ваши ученія развѣ дѣлаютъ возможнымъ довѣріе къ какой-нибудь изъ вашихъ истинъ? Ежели по вашему существенно одно тѣло, то какже вы хотите, чтобы я призналъ къ чему-нибудь годнымъ хоть одно понятіе, сотканное головой человѣческой, хотя-бы то эта голова принадлежала Молешоту, Фохту, а наипаче Лаврову, столь краснорѣчиво читавшему лекціи о философіи въ Пассажѣ, а не то Писареву, знаменитому философу „Русскаго Слова".

Говорятъ, что во время студенческихъ демонстрацій въ Москвѣ, студенты были побиты чернью, которая сочла ихъ бунтующими противъ начальства. Если это правда, то это фактъ очень знаменательный . . . .

На лекціи сегодня у меня было человѣкъ шесть слушателей. Въ другихъ аудиторіяхъ еще меньше. Нѣкоторые профессора совсѣмъ не читаютъ лекцій, потому что не для кого читать. . .

.... Былъ у Д*. Онъ сообщилъ мнѣ, что, подъ предсѣдательствомъ министра, назначается изъ нѣсколькихъ профессоровъ комиссія для обсужденія вопросовъ о преобразованіи университетовъ и что я назначенъ членомъ ея. Итакъ, вотъ опять вторая комиссія, гдѣ мнѣ приходится работать. Первая касается преобразованія Ришельёвскаго лицея въ университетъ. . . . .

....—21. Суббота. При отсутствіи у насъ самостоятельности, намъ, кажется, слѣдовало-бы особенно уважать другъ въ другѣ его свое, свою мысль, свое мнѣніе и помогать такимъ образомъ вырабатываться опредѣленному, своеобразному характеру. Но этого-то намъ и недостаетъ. Мы готовы съ яростью преслѣдовать каждаго, кто захочетъ думать и поступать независимо. Духъ нетерпимости и страсть къ умственному и нравственному деспотизму составляютъ язву нашего такъ называемаго передоваго общества. . . . .

Вечеромъ засѣданіе у министра. Совѣщались о преобразованіи университетовъ на основаніи проекта барона М. А. Корфа. Онъ предлагаетъ сдѣлать университеты совершенно открытыми для всѣхъ и каждаго, черезъ что уничтожается самое имя студентовъ и такимъ образомъ прекращается ихъ корпоративное значеніе. Не будетъ переводныхъ экзаменовъ и курсовъ—словомъ, университеты лишаются своего школьнаго характера. Я

подалъ голось въ пользу этого проекта, полагая, что въ настоящее время это чуть-ли не единственное средство борьбы съ корпоративнымъ духомъ молодыхъ людей въ университетахъ. Духъ этотъ въ своемъ настоящемъ видѣ такое глубокое и опасное зло, что я не считаю излишними никакія жертвы для его ослабленія. Плетневъ говорилъ въ такомъ-же духѣ, а больше и сильнѣе всѣхъ Савичъ. Министръ возражалъ, что онъ сомнѣвается въ дѣйствительности этихъ средствъ и защищалъ переводные экзамены. Но всѣ остальные были рѣшительно въ пользу проекта, предложеннаго барономъ Корфомъ. Д* тоже сильно поддерживалъ насъ. Министру, видимо, не хотѣлось согласиться съ Корфомъ

Въ четвергъ будутъ объ этомъ пренія въ Совѣтѣ министровъ.

— 24. Вторникъ. Къ чему можетъ привести идея безусловной личной свободы, составляющая одинъ изъ основныхъ догматовъ новѣйшихъ политическихъ ученій? . . . .

— 25. Среда. Лекція въ университетѣ. Слушателей человѣкъ двѣнадцать.....

....Кавелинъ подалъ въ отставку. Это, по крайней мѣрѣ, честнѣе, чѣмъ не читать лекцій.

Д* говорилъ мнѣ, что министръ не склоняется на мѣру, предложенную нѣкоторыми членами университета въ засѣданіи у него въ понедѣльникъ.....

Положено быть у министра въ слѣдующую субботу.

Откровенно спросить у Валуева: увѣренъ-ли онъ въ томъ, что самъ не встрѣтитъ противодѣйствія въ либеральныхъ видахъ, въ которыхъ должна издаваться газета.

— 26. Четвергъ. Лекція въ университетѣ. Слушателей меньше, чѣмъ вчера. Засѣданіе въ Академіи. Дубровскій читалъ мало интересную для меня статью о переводахъ Библіи на польскій языкъ.

— 28. Суббота. Обѣдъ у Д*. Тамъ, между прочимъ, былъ Павловъ. Онъ торжествуетъ: по ходатайству министра внутреннихъ дѣлъ, Валуева, Государь дозволилъ ему издаваемую имъ еженедѣльную газету „Новое Время“ превратить въ ежедневную, съ политикою—чего такъ трудно теперь добиться и чего, вѣроятно, онъ не достигъ-бы, если-бы дѣло шло черезъ Главное управленіе цензуры. Кажется, газета будетъ полуофиціальная.

Послѣ обѣда я отправился къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Онъ предложилъ мнѣ быть редакторомъ газеты, которую министерство рѣшило издавать съ новаго года. Я высказалъ ему мое мнѣніе, что газета должна, прежде всего, имѣть свой опредѣленный характеръ, должна выражать какое-нибудь направленіе. А направленіе это, я полагаю, не можетъ быть иное, какъ умѣренно-либеральное. Если я возьму на себя редакцію газеты, буду-ли я въ состояніи поддерживать это направленіе въ видахъ самого правительства? Министръ отвѣчалъ, что тутъ надо будетъ дѣйствовать осторожно.—Вы знаете, прибавилъ онъ,— что само правительство не уяснило себѣ своихъ видовъ.

Послѣ довольно продолжительнаго разговора, министръ далъ мнѣ на размышленіе сорокъ восемь часовъ. Въ понедѣльникъ надо будетъ дать рѣшительный отвѣтъ.

— 29. Воскресенье. Утромъ я просидѣлъ часа три у Павлова. Что-бы тамъ ни было, а умный человѣкъ этотъ Павловъ. Онъ очень вѣрно судилъ о нынѣшнемъ направленіи умовъ, о студенческихъ агитаціяхъ, о неразуміи тѣхъ профессоровъ, которые выступили на защиту претензій студентовъ и пр. Сверхъ того, Павловъ и пріятный человѣкъ: тонъ разговора, манеры, языкъ, все показываетъ въ немъ человѣка образованнаго.

Сильный морозъ. Пронзительный сѣверо-восточный вѣтеръ. Скверно—холодно. У меня еще не готова шуба, и я принужденъ былъ ѣздить въ ватной шинели поверхъ теплаго пальто, что дѣлало изъ меня толстяка, въ родѣ моего пріятеля Ивана Карловича Гебгардта.

— 30. Понедѣльникъ. У министра внутреннихъ дѣлъ. Я отдалъ ему записку, заключающую въ себѣ родъ условій, на которыхъ можетъ быть предпринято изданіе газеты. Онъ прочиталъ ее при мнѣ и на все согласился. Итакъ, жребій брошенъ. Я буду редакторомъ этой газеты и наконецъ попытаюсь осуществить мою завѣтную мысль о проведеніи въ обществѣ примирительныхъ началъ. Въ пятницу министръ доложитъ обо мнѣ Государю.

Ноябрь.—1. Среда. На лекцію не явилось ни одного студента. Такъ какъ съ самаго открытія университета студенты-филологи постоянно посѣщали аудиторіи то въ бо̀льшемъ, то въ меньшемъ количествѣ, то ихъ отсутствіе въ настоящемъ случаѣ не является-ли демонстраціей, уже лично противъ меня напра-

вленной. Въ продолженіе всей моей университетской дѣятельности это былъ-бы рѣшительно первый случай. Но не надо ни этому удивляться, ни этимъ огорчаться. Деморализація въ нашемъ университетѣ такъ велика, что всего можно ожидать. Однако, кажется, и у другихъ профессоровъ нашего факультета тоже никого сегодня не было.

— 2. Четвергъ. Сегодня студенты опять не явились на лекцію ни ко мнѣ, ни къ другимъ профессорамъ нашего факультета.

Отправилъ къ Валуеву проектъ объявленія объ изданіи газеты и получилъ отъ него записку съ приглашеніемъ явиться къ нему завтра, въ половинѣ восьмаго часа вечера.

— 3. Пятница. Вечеромъ у Валуева. Онъ сказалъ мнѣ, что докладывалъ Государю о назначеніи меня главнымъ редакторомъ газеты, и Государь „съ особеннымъ удовольствіемъ“ на это согласился.

Совершенно неожиданно явился В. И. Барановскій, который сегодня же пріѣхалъ изъ Крыма. Очень отрадно было увидѣться съ тридцатилѣтнимъ добрымъ другомъ.

— 5. Воскресенье. Утромъ у Филипсона. Разговоръ о министрѣ, то есть о трудностяхъ вести съ нимъ дѣло.

Потомъ у графини Блудовой.

Тамъ былъ, между прочимъ, бывшій губернаторъ самарскій, а нынѣ директоръ департамента податей и сборовъ К. К. Гротъ. Умный и благомыслящій человѣкъ. Продолжительный разговоръ объ университетахъ. Общія мысли о неспособности Путятина. Графъ Строгановъ вмѣшивается во все. Онъ же вытѣснилъ изъ головы Путятина мысль о созваніи профессоровъ изъ всѣхъ университетовъ для разсужденія объ устройствѣ послѣднихъ.

Толкуютъ о назначеніи В. П. Титова на его мѣсто.

Князь Суворовъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Петербургѣ на мѣсто П. Н. Игнатьева. Въ публикѣ одобряютъ этотъ выборъ.

Получилъ онъ министра Валуева оффиціальную бумагу о назначеніи меня главнымъ редакторомъ газеты: „Сѣверная Почта“.

— 8. Среда. Невоздержанность мысли такъ-же вредна, какъ невоздержанность тѣла. Воздерживаться отъ нѣкоторыхъ мыслей все равно, что воздерживаться отъ пьянства.

Ограниченные умы часто обольщаются вѣрностью исходной точки и логичностью прямыхъ изъ нея выводовъ. Отправляясь отъ начала справедливаго, они идутъ послѣдовательно все по одной линіи—и приходятъ наконецъ—къ пропасти. Надо умѣть стать на другую точку зрѣнія и не терять изъ виду другихъ линій. Тогда увидишь ихъ множество, увидишь, что онѣ то сходятся, то пересѣкаютъ одна другую, и такимъ образомъ, умѣряя и ограничивая себя, взаимно мѣшаютъ заключеніямъ быть крайними и односторонними. Нѣтъ истины въ одномъ опредѣленіи: она состоитъ въ совокупности многихъ опредѣленій.

Вечеромъ совѣщаніе съ Варадиновымъ, который данъ мнѣ въ помощники по редакціи. Хлопотъ предстоитъ многое множество.

— 9. Четвергъ. Въ университетѣ лекцій не было: студентовъ въ приходѣ не оказалось.

Заѣхалъ къ Краевскому. У него сборище литераторовъ. Мнѣ стало страшно. Все такія знаменитости или смотрятъ знаменитостями. Просто я попалъ въ Пантеонъ великихъ людей и мнѣ стало совѣстно, зачѣмъ я такой маленькій. Поговоривъ немного съ Краевскимъ о новой газетѣ, я скоро ушелъ.

— 10. Пятница. Вечеромъ въ шесть часовъ засѣданіе у министра народнаго просвѣщенія. Совѣщанія объ открытіи университета въ Одессѣ. Университету тамъ положено быть изъ двухъ факультетовъ: историко-филологическаго и физико-математическаго. Дворянство того края просило объ открытіи отдѣленія наукъ сельско-хозяйственныхъ. Долго спорили о томъ: должно-ли преподавать агрономію практически и для этого устроить нѣчто въ родѣ фермы, хутора—или нѣтъ? Совѣтовъ, Ильенко и нѣкоторые другіе высказались противъ этого. Только зачѣмъ же эти профессора не сами отъ себя выражали свое мнѣніе, а все прятались за Либиха.

— 11. Суббота. Засѣданіе въ Главномъ управленіи цензуры въ восемь часовъ вечера. Представленіе о „Русскомъ Словѣ". Министръ настаивалъ на запрещеніи этого журнала. Другіе члены и я полагали ограничиться предостереженіемъ. На этомъ и порѣшили.

— 12. Воскресенье. Являлся кое-кто предлагать свои услуги по газетѣ.

— 13. Понедѣльникъ. Вечеромъ совѣтъ университета. Министръ поднялъ вопросъ о доцентахъ: не слѣдуетъ-ли подчинить ихъ профессорамъ? Совѣтъ отвѣчалъ, что это противно духу университетскаго преподаванія. Другой вопросъ: объ учрежденіи особой экзаменаціонной комиссіи, которая-бы объѣзжала университеты въ періодъ экзаменовъ и подвергала студентовъ испытанію вмѣсто самихъ профессоровъ. Тоже отвергнуто.

— 15. Среда. Сказать министру Валуеву: мы стоимъ на пути широкомъ—на пути чести и опасностей. Предстоитъ пріобрѣсти общественное довѣріе—но пріобрѣсти его можно только правдивостью.

— 16. Четвергъ. Д* подалъ въ отставку. Онъ сегодня самъ разсказывалъ мнѣ о своей стычкѣ съ графомъ Путятинымъ, по поводу которой выходъ его въ отставку сдѣлался неизбѣжнымъ. Путятину не понравился вице-директоръ А. С. Вороновъ, который нѣсколько разъ высказывалъ мысли, противныя мыслямъ министра объ устройствѣ гимназій. И вотъ онъ рѣшился сдѣлать его помощникомъ попечителя въ Вильно, о чемъ и объявилъ Д*. Послѣдній воспротивился такому назначенію, о которомъ даже не спросили Воронова, хочетъ-ли онъ этого. Путятинъ, повидимому, уступилъ, но затѣмъ тайкомъ сдѣлалъ докладъ Государю, и Вороновъ былъ назначенъ въ Вильно. Это, разумѣется, привело въ негодованіе честнаго и прямодушнаго Д*. Онъ горячо объяснился съ министромъ и, несмотря ни на какія его убѣжденія, просьбы, даже слезы, остался вѣренъ своему рѣшенію объ отставкѣ.

Вечеромъ кн. Путятинъ присылалъ за мной. Онъ просилъ меня изложить ему письменно главные вопросы, касающіеся существенныхъ потребностей университетовъ и требующіе немедленнаго обсужденія и рѣшенія. Очевидно, онъ не въ состояніи самъ обнять ни задачъ университетовъ, ни нуждъ ихъ, ни средствъ какъ ихъ преобразовать и улучшить. Я обѣщалъ ему сдѣлать это.

— 17. Пятница. Утромъ занимался окончаніемъ статьи объ университетахъ, которую хочу напечатать въ „Спб. Вѣдомостяхъ“.

— 18. Суббота. Ультра-либералы надѣлали и, вѣроятно, надѣлаютъ еще много вреда дѣлу свободы. Вмѣсто того, чтобы

дѣйствовать благоразумно въ развитіи принциповъ, идей законности, права, честной свободы, они начали угрожать...

Докладъ министру внутреннихъ дѣлъ о газетѣ. Разрѣшены нѣкоторые вопросы. Главное, мнѣ хотѣлось еще объясниться насчетъ направленія. Я рѣшительно и опредѣлительно высказалъ мои мысли относительно правдивости. Мнѣ сказано, что это быть иначе не можетъ и дано торжественное увѣреніе, что министерство ничего противнаго этому не потребуетъ. Я замѣтилъ, что „кромѣ убѣжденій вашего высокопревосходительства и моихъ, того требуютъ и выгоды самого дѣла".

Мнѣ поручено снестись съ Тройницкимъ, который назначенъ товарищемъ Валуева.

— 19. Воскресенье. Просидѣлъ цѣлое утро у Д*. Туда пріѣзжалъ и назначенный на его мѣсто управляющимъ департаментомъ народнаго просвѣщенія графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой, мнѣ коротко знакомый человѣкъ. Разговоръ былъ о Путятинѣ. Его не щадили. Графъ Толстой защищалъ его со стороны честности. Потомъ рѣчь склонилась къ нынѣшнему состоянію Россіи, которое представляется въ самомъ неутѣшительномъ свѣтѣ. Графъ лѣтомъ жилъ въ деревнѣ, ѣздилъ по разнымъ губерніямъ и наблюдалъ состояніе вещей и умовъ...

... Не есть-ли все это процессъ перерожденія—и это всеобщее шатаніе умовъ, и быстрая, тревожная разладица общественныхъ отношеній, деморализація, безтолковое увлеченіе молодыхъ умовъ, тупое бездѣйствіе зрѣлыхъ и возмужалыхъ—это всеобщее броженіе, лихорадка честолюбій безъ всякихъ правъ на отличіе, бредъ умовъ такими теоріями, которыя едва коснулись ихъ мысли, но не выдержали ни анализа, ни испытанія. Не есть-ли это тяжелый и тревожный процессъ перерожденія народа, который не жилъ до сихъ поръ жизнью естественнаго и здороваго развитія—народа, котораго исторія мучила, а не воспитывала?..

Тутъ не должно волноваться ни страхомъ, ни негодованіемъ, тутъ надо отбросить обыкновенныя предубѣжденія. Тутъ должно мужественно мыслить, мужественно хотѣть и дѣйствовать.

Но все это невольно надламываетъ во мнѣ вѣру въ нашу національную способность самимъ устраивать свою судьбу. Невольно приходитъ на умъ, что русскій народъ въ самомъ существѣ своемъ носитъ невозможность самообладанія, невозможность

нравственной и политической самозиждительности. Не общее-ли это на всѣхъ славянахъ проклятіе? Спаси, Боже!

— 20. Понедѣльникъ. А личныя мои дѣла куда какъ нехороши. Все одно и то-же. Мнѣ кажется, что уже и самъ Вальцъ перестаетъ вѣрить своимъ ободрительнымъ рѣчамъ. Хочу посовѣтоваться еще съ Эккомъ, который пользуется большою извѣстностью. Можетъ быть, наука тутъ и ничего не можетъ сдѣлать, но утопающій хватается за соломинку. Никто, утопая, не опускается прямо на дно, не барахтаясь. Вѣдь это инстинктъ живаго существа.

— 21. Вторникъ. Поутру былъ у Тройницкаго, съ которымъ мнѣ приходится часто имѣть дѣло по газетѣ. Мы, засѣдая съ нимъ въ Главномъ управленіи цензуры, были хороши, и теперь почти во всемъ согласились. Какъ товарищъ министра, онъ будетъ содѣйствовать доставленію намъ изъ министерства матеріаловъ для газеты, будетъ посредникомъ между нимъ и редакціей.....

Отъ Тройницкаго отправился я къ Муханову, у котораго довольно долго просидѣлъ. Онъ далъ мнѣ прочитать отъ кого-то письмо изъ Москвы къ кн. Горчакову о нынѣшнемъ хаотическомъ состояніи Россіи и о средствахъ выйти изъ него. Средства эти: власть и либерализмъ, то есть правительство должно стать на сторону умѣреннаго либерализма, но дѣйствовать съ силою и властью. Тутъ говорится также о платѣ со студентовъ: мѣра эта признается вредною и не политичною. Письмо написано хорошо. Въ немъ много правды...

.... Но кто займетъ мѣсто кн. Путятина? Толкуютъ объ А. В. Головинѣ. Будетъ-ли это находка?

— 22. Среда. Поутру былъ у Краевскаго. Совѣтовался съ нимъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ изданія газеты. Онъ человѣкъ очень опытный по этой части. Я получилъ отъ него много полезныхъ указаній.

Оставилъ у него для помѣщенія въ „Спб. Вѣдомостяхъ" мою статью объ университетахъ.

Многимъ журналамъ и газетамъ на будущій годъ угрожаетъ банкротство. Такъ плохо идетъ подписка. Ни у кого нѣтъ денегъ...

Тройницкій сообщилъ мнѣ, когда я былъ у него въ воскре-

сенье, любопытный статистическій фактъ, извлеченный имъ изъ оффиціальнаго источника: что изъ 80,000 чиновниковъ имперіи ежегодно открывается вакантныхъ мѣстъ 3,000. Въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ съ 1857 года изъ всѣхъ университетовъ, лицеевъ и школы правовѣдѣнія выпускалось ежегодно 400 человѣкъ, кромѣ медиковъ. Выводъ изъ этого: какъ невелико у насъ число образованныхъ людей для занятія мѣстъ въ государственной службѣ. Я былъ пораженъ.

Отправилъ письмо къ Глѣбову, прося его предупредить доктора Экка о моемъ желаніи съ нимъ посовѣтоваться...

Удивительно-ли, что мы не обладаемъ правдою въ судахъ, когда вовсе не заботимся о ней въ нашихъ сужденіяхъ и рѣчахъ.

Обѣдалъ у министра финансовъ А. М. Княжевича: онъ сегодня именинникъ. Тутъ увидѣлся съ бывшимъ министромъ Ковалевскимъ, который упрекнулъ меня, что я у него не бываю. Но у меня точно что-то оторвалось отъ сердца въ отношеніи этого человѣка. Изъ мелкаго-ли желанія быть популярнымъ или просто вслѣдствіе органической неспособности къ смѣлому самостоятельному образу дѣйствія—только въ немъ нельзя не видѣть одной изъ главныхъ причинъ того печальнаго состоянія, до котораго доведены наши университеты. Говорилъ, между прочимъ, съ Гречемъ и очень много съ другимъ Ковалевскимъ, братомъ бывшаго министра. Тутъ встрѣтился также съ Бутовскимъ, съ которымъ не видѣлся лѣтъ десять. Онъ теперь великъ и силенъ: онъ директоръ департамента мануфактуръ.

— 25. Суббота. Продолжительный разговоръ съ графомъ Д. А. Толстымъ.

— 28. Вторникъ. Вы говорите, что надо до тла разрушить все старое, чтобы построить лучшее новое. Но кто-же будетъ строить? Люди? И вы думаете, что они не внесутъ въ новое зданіе своихъ страстей, предразсудковъ, заблужденій. Зло перемѣнитъ только кожу и останется тою-же змѣею.

— 29. Среда. Видѣлся съ Ребиндеромъ, который дня на два пріѣхалъ сюда изъ Москвы. Къ нему зашелъ тоже Языковъ. Разговоръ о современномъ положеніи вещей. Увѣренность въ неизбѣжности (смуты)...

Декабрь.—1. Пятница. За мною присылалъ министръ народнаго просвѣщенія. Я отправился къ нему. Онъ просилъ меня

доставить ему программу потребностей университетскихъ, о чемъ онъ уже и прежде просилъ. Между прочимъ, онъ много говорилъ о печальномъ состояніи университетовъ. Говорилъ, что одною изъ главныхъ причинъ неустройства онъ считаетъ соглашеніе нѣсколькихъ профессоровъ, чтобы поставить правительство въ затрудненіе. Они препятствуютъ даже новымъ лицамъ поступать въ юридическій факультетъ, въ примѣръ чему приводилъ Р., который сначала вызвался быть у министра, назначилъ день и часъ и не явился, объявивъ, что онъ никакого дѣла не хочетъ имѣть... Это самъ графъ Путятинъ мнѣ и пересказалъ.

— 2. Суббота. Заднія мысли ужасно вредятъ всякому дѣлу.

Люди гораздо рѣже пользуются поводами къ одобренію или похвалѣ другихъ, чѣмъ поводами къ ихъ осужденію и порицанію, и какъ въ послѣднихъ никогда не бываетъ недостатка, то, раздувая и преувеличивая ихъ, они могутъ представить чуть не чудовищемъ того, кто въ сущности человѣкъ очень почтенный и порядочный...

— 3. Воскресенье. Нѣтъ бóльшихъ враговъ у свободы, какъ яростные и неразумные ея глашатаи и защитники... Свободы никто не даритъ, а она заслуживается и пріобрѣтается тѣми самими, кто ее хочетъ и достоинъ.

Есть отважныя мысли разнаго рода: по влеченію однѣхъ идутъ и открываютъ Америку, по влеченію другихъ попадаютъ въ домъ сумасшедшихъ.

— 4. Понедѣльникъ. Отдалъ министру записку объ университетахъ. Я радъ, что спустилъ съ рукъ эту безплодную работу. Между тѣмъ, мнѣ хотѣлось сдѣлать дѣло, полезное для Гончарова. Я предложилъ министру назначить его членомъ Главнаго управленія цензурою на мѣсто Тройницкаго, который сдѣланъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и потому выбылъ изъ управленія. Конечно, лучшаго выбора сдѣлать невозможно. Но что-же отвѣчалъ мнѣ министръ, который самъ хорошо знаетъ Гончарова.

— Я уже назначилъ, сказалъ онъ.

— Кого-же? спросилъ я.

— Кисловскаго.

Кисловскій способенъ судить о литературныхъ дѣлахъ— этотъ человѣкъ, никогда не выходившій изъ канцелярской ру-

тины! Министръ вытѣсняетъ Д* и Воронова и даетъ ходъ Кисловскому!..

— 5. Вторникъ. Въ восьмомъ часу утра получилъ записку отъ Филипсона съ просьбою въ девять часовъ быть у него. Дѣло состоитъ въ томъ, что меня просятъ быть членомъ комиссіи, назначенной для пересмотра университетскаго устава. Порученіе это такъ важно, что я не могу отъ него отказаться, несмотря на множество теперешнихъ моихъ занятій. Дай Богъ силъ!

Былъ у Брадке, у котораго нашелъ попечителя казанскаго университета, князя Вяземскаго, съ великолѣпными волосами и оригинальнымъ бульдогообразнымъ лицомъ. Брадке съ виду кажется развалиною. Онъ сидѣлъ, или, лучше сказать, лежалъ, съ обернутыми фланелью ногами. Но онъ удивилъ меня бодростью, силою и ясностью своихъ сужденій. Видно, что духъ его бодръ, хотя плоть немощна. Онъ принялъ меня очень любезно, вспомнилъ наше прежнее знакомство при Норовѣ. Все, что онъ говорилъ о предстоявшемъ намъ дѣлѣ, отличалось опытностью, знаніемъ и умомъ. Позже къ намъ присоединился Фойхтъ, назначенный отъ Харькова присутствовать въ комиссіи.

— 7. Четвергъ. Первое засѣданіе комиссіи. Брадке началъ очень умнымъ и яснымъ изложеніемъ задачи ея. Филипсонъ немножко неловко и слишкомъ горячо распространился о преимуществахъ открытыхъ университетовъ передъ другими, въ томъ смыслѣ, какъ я писалъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ". Но я писалъ, желая противодѣйствовать корпоративному духу студентовъ въ его настоящемъ видѣ. Между тѣмъ, есть другія не менѣе важныя условія, которыя должны быть приняты въ соображеніе при устройствѣ университетовъ. Депутаты отъ московскаго университета, Соловьевъ и Бабстъ, явились въ засѣданіе довольно поздно: они только что пріѣхали изъ Москвы. Въ этомъ засѣданіи, послѣ довольно продолжительныхъ преній между предсѣдателемъ и Филипсономъ, принято было приступить къ пересмотру устава 1835 года и проектовъ нашего университета, кіевскаго, московскаго, исправляя и измѣняя уставъ, сообразно новымъ потребностямъ.

Былъ Ржевскій, будущій редакторъ отдѣла внутренней лѣтописи (въ „Сѣверной Почтѣ"). Человѣкъ бойкій.

— 8. Пятница. Въ 10 часовъ засѣданіе комиссіи для уст-

ройства университетовъ. Еще до этого я долженъ былъ написать и разослать нѣсколько писемъ. Въ комиссіи, идя шагъ за шагомъ по параграфамъ устава 1835 г., причемъ цитировался и проектъ устава петербургскаго университета, мало измѣнили первый изъ нихъ. Но главное—установленіе каѳедръ по университетамъ. Намъ объявили, чтобы мы были не слишкомъ щедры на новыя каѳедры, такъ какъ правительство всего можетъ дать на университеты только 500,000 рублей. Положено въ каждомъ къ нынѣ существующимъ каѳедрамъ прибавить по одной. Мы долго работали надъ приведеніемъ въ согласіе каѳедръ по каждому факультету съ будущими штатами, и всетаки вышло, что денегъ потребуется больше, несмотря на нашу скромность.

Еще важная вещь: признана полная автономія университетовъ относительно распредѣленія наукъ по разрядамъ и проч.—словомъ все, относящееся къ свободному и широкому ходу науки. Не требуется даже разрѣшенія начальства, а только заявляется ему.

После труднаго и продолжительнаго, до трехъ часовъ засѣданія въ комиссіи, мнѣ тотчасъ послѣ обѣда предстояло ѣхать въ университетъ, гдѣ попечитель назначилъ собраніе для совѣщанія по поводу преобразованія университета. Филипсонъ таки охотникъ совѣтываться—даже тамъ, гдѣ долженъ бы рѣшать авторитетъ его собственнаго убѣжденія или власти. Филипсонъ заболѣлъ, и я долженъ одинъ переговариваться съ профессорами. Часа два прошло въ толкахъ и преніяхъ. Оттуда забѣжалъ домой, выпилъ чашку чаю—и къ министру внутреннихъ дѣлъ въ десять часовъ вечера. Тамъ собраны были частные редакторы, и происходили совѣщанія до половины перваго ночи.

— 9. Суббота. Третье засѣданіе въ комиссіи. Большія пренія по вопросу: нужно-ли доцентовъ назначать общимъ числомъ для университетовъ, или распредѣлить ихъ по факультетамъ и вакантныя мѣста одного факультета не предоставлять другимъ? Былъ также возбужденъ Бабстомъ вопросъ: подлежатъ-ли сочиненія студентовъ общей цензурѣ или могутъ печататься съ разрѣшенія факультетовъ? Московскіе депутаты сильно настаивали на послѣднемъ. Собрали голоса. Большинство осталось за ними. Я былъ противъ; предсѣдатель также. Положено разно-

гласіе это внести въ протоколъ. Князь Вяземскій поспорилъ съ председателемъ.

Тутъ я познакомился съ барономъ А. П. Николаи, попечителемъ кіевскаго университета.

Я заявилъ въ комиссіи желаніе восточнаго факультета имѣть особаго профессора исторіи востока.

Вечеромъ явился ко мнѣ И. А. Арсеньевъ отъ министра въ сотрудники газеты. Онъ будетъ сдѣланъ редакторомъ политическаго отдѣла.

— 10. Воскресенье. Утромъ писаніе отчета. Вечеромъ на раутѣ у министра внутреннихъ дѣлъ. Множество всякаго народа. Видѣлся со многими изъ старыхъ моихъ знакомыхъ.

— 11. Понедѣльникъ. Не помню, чтобы я былъ когда-нибудь такъ занятъ.

Комиссія. Сегодня довольно подвинулись впередъ. Министръ сказалъ намъ, что милліона прибавки на министерство народнаго просвѣщенія не будетъ, но Брадке противнаго мнѣнія. Послѣдній сообщилъ намъ виды относительно дисциплинарной части. Университетскіе студенты, гдѣ есть генералъ-губернаторы, то есть въ большихъ городахъ—въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ, будутъ подчинены генералъ-губернаторамъ, при которыхъ, для надзора за ними, будутъ особые чиновники. Харьковскіе и казанскіе депутаты объявили, что они сами справятся со студентами и отвѣчаютъ за порядокъ въ университетахъ. Это замѣчательно!

— 12. Вторникъ. Засѣданіе комиссіи. Рѣшенъ важный вопросъ объ ограниченіи власти попечителя. Брадке самъ возбудилъ его. Баронъ А. П. Николаи противился и говорилъ умно и основательно съ своей точки зрѣнія. Съ его мнѣніемъ согласился и Н. В. Исаковъ. Остальные приняли мысль председателя.

— 13. Среда. Утро съ десяти до половины третьяго, по обыкновенію, работалъ въ комиссіи. Вотъ, какъ говорится, духа перевести некогда. Много было преній, но дѣла сдѣлали не много.

Вечеромъ рѣшился послушать музыки и хоть немного дать отдыха головѣ. Поѣхалъ въ оперу. Давали „Маскарадъ" Верди. Въ театрѣ былъ онъ самъ. Его вызывали въ третьемъ актѣ и по окончаніи спектакля.

— 14. Четвергъ. Комиссія. Пренія о доцентахъ. Вечеромъ у меня собраніе частныхъ редакторовъ газеты до 12-ти часовъ. Бездна разныхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ иныя должно объяснить, по другимъ самому дать рѣшеніе, а по третьимъ испросить его у министра. Многое однако кажется, слажено.

— 15. Пятница. Въ комиссіи сильныя пренія по поводу двухъ вопросовъ: 1) допустить-ли женщинъ къ слушанію лекцій или нѣтъ, и 2) о платѣ за студентовъ. Первый вопросъ большинство рѣшило отрицательно. О второмъ пренія еще не кончились. Мало, однако, какъ-то сочувствія облегченію платы. Я стоялъ за смягченіе, особенно въ отношеніи къ способнымъ бѣднымъ людямъ.

У графа Адлерберга (А. В.). Передалъ ему докладъ о пособіи „Энциклопедическому Лексикону".

— 16. Суббота. Въ комиссіи. Окончательно рѣшенъ вопросъ о платѣ со студентовъ.

Въ редакціи отъ трехъ до пяти часовъ. Бездна разныхъ затрудненій, которыя предстоитъ уладить. Терпѣнія и мужества.

Засѣданіе въ комиссіи отъ десяти часовъ до трехъ, потомъ отъ трехъ до пяти въ редакціи сильно утомило меня. Вечеромъ обычный пароксизмъ, а ночью толчки, толчки, толчки.

— 17. Воскресенье. Говорятъ о назначеніи министромъ на мѣсто графа Путятина Александра Васильевича Головнина. Въ публикѣ общее къ нему нерасположеніе. Всѣ считаютъ его умомъ довольно мелкимъ и фальшивымъ.

Вечеромъ у Валуева. Многое множество звѣздоносцевъ. Сегодня я уже не сдѣлалъ ошибки, какъ прошлый разъ—пріѣхалъ въ бѣломъ, а не въ черномъ галстукѣ. Масса знакомыхъ.

— 18. Понедѣльникъ. Мой академическій отчетъ приведенъ къ концу.

Засѣданіе въ комиссіи. Сильнѣйшія пренія о томъ: избирать-ли изъ профессоровъ проректора для наблюденія надъ студентами въ стѣнахъ университета или опредѣлять для этого инспектора изъ постороннихъ лицъ? Московскіе и я настаивали на послѣднемъ. Прочіе желали перваго. Большинство осталось за послѣдними. Но мы намѣрены еще поднять этотъ вопросъ, ибо дѣло весьма важное.

Вечеромъ у меня собраніе изъ депутатовъ и двухъ лицъ на-

шего университета. Толки шли о проректорѣ и инспекторѣ. Положено приступить къ соглашенію. Бабстъ заготовилъ редакцію параграфовъ къ завтрашнему засѣданію.

—19. Вторникъ. Сегодня довольно много пройдено параграфовъ устава безъ особенныхъ преній.

— 20. Среда. Въ комиссіи. Дѣло шло о штатахъ, къ которымъ надо было приспособить уставъ. На университеты ассигновано правительствомъ 500 т. р., въ чемъ, впрочемъ, иные сомнѣваются. Цифра эта, однако, намъ сообщена оффиціально. Изъ комиссіи въ два часа отправился въ редакцію и тамъ до пяти часовъ. Тутъ набралзя всякихъ хлопотъ, крупныхъ и мелкихъ. Всѣ идутъ ко мнѣ за разрѣшеніями, что, разумѣется, меня чрезвычайно затрудняетъ, особенно матеріальная часть.

— 21. Четвергъ. Дописалъ, наконецъ, отчетъ по Академіи. Итакъ, хоть эта ноша съ плечъ долой. Отчетъ писалъ я урывками, минутами.

Въ комиссіи читана общая редакція устава.

Высочайшее повелѣніе о закрытіи спб. университета. Фактически онъ былъ уже закрытъ самими студентами, которые не посѣщали лекцій.

— 22. Пятница. Въ комиссіи. Начало подходить уже къ тремъ часамъ. Я не выдержалъ, почувствовалъ себя дурно. Трудно таки въ теченіе вотъ уже тринадцати дней каждое утро засѣдать въ комиссіи отъ десяти до трехъ часовъ—не считая массы другихъ дѣлъ.

Вечеромъ къ Плетневу. Читалъ ему академическій отчетъ. Онъ одобрилъ и весьма похвалилъ. Итакъ, это великолѣпное разглагольствіе о томъ, что въ сущности очень мало стоитъ, эта фальшь, облеченная въ одежду пышныхъ словъ—все это, наконецъ, кончено. Ахъ нѣтъ! не кончено. Еще надо прочитать президенту, графу Блудову, который, вѣроятно, найдетъ что-нибудь поправить въ слогѣ: онъ это любитъ, такъ какъ считаетъ себя прямымъ наслѣдникомъ Карамзина.

— 23. Суббота. Сегодня засѣданія въ комиссіи не было, но не смотря на это бездна выдалась хлопотъ, особенно по редакціи.

— 24. Воскресенье. Заѣзжалъ ко мнѣ Фуксъ, редакторъ по отдѣлу „Разныхъ извѣстій“. Вышелъ безпорядокъ: Ржевскій врѣ-

зался въ его отдѣлъ и распорядился самовольно. Надо принять мѣры на будущее время.

— 25. Понедѣльникъ. Праздникъ Рождества Христова. Маленькій отдыхъ. Впрочемъ, нельзя этого назвать настоящимъ отдыхомъ, потому что отъ меня безпрестанно требуютъ объясненій и разныхъ разрѣшеній по редакціи. Между прочимъ, между частными редакторами начинаютъ возникать несогласія и споры о предѣлахъ ихъ редакцій. Иные врѣзываются въ непринадлежащіе имъ отдѣлы и захватываютъ чужой матеріалъ. Всѣ эти дрязги надо разбирать и улаживать.

— 27. Среда. Министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ Головнинъ.

Газета крайне меня безпокоитъ. Тамъ чортъ знаетъ что напутали, и придется многое передѣлывать, а 1-е января уже у порога.

Засѣданіе въ комиссіи. Филипсонъ поспорилъ съ предсѣдателемъ и довольно неловко. Онъ читалъ свое мнѣніе, въ которомъ защищалъ совершенно открытые университеты на основаніи журнальныхъ толковъ. Видно по всему, что тутъ нѣтъ своего цѣльнаго, строго обдуманнаго мнѣнія. Здѣсь и я грѣшенъ. Филипсонъ взялъ нѣсколько и моихъ мнѣній, выраженныхъ въ печати, которыя впрочемъ очень далеки отъ его крайней теоріи и которыя я примѣнялъ совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ, въ нашихъ комиссіонныхъ засѣдательныхъ совѣщаніяхъ. Филипсонъ не понимаетъ разницы между истиною, логически вытекающею изъ извѣстнаго принятаго начала, и истиною, примѣняемою къ различнымъ условіямъ и требованіямъ жизни. Впрочемъ, въ изъясненіи причинъ студенческихъ волненій у него сказано много вѣрнаго и справедливаго. Нехорошо, однако, то, что онъ своей бумагѣ далъ характеръ полемическій или, лучше сказать, обвинительный противъ дѣйствій комиссіи, которую онъ упрекаетъ въ отступленіи отъ высочайшихъ повелѣній и пр. Предсѣдатель объявилъ, что онъ напишетъ на это свое возраженіе.

Затѣмъ въ комиссіи не происходило ничего особенно важнаго, и мы разошлись въ половинѣ втораго, такъ что я могъ сдѣлать еще кое-что по редакціи—побывать въ типографіи и пр.

— 28. Четвергъ. Изъ комиссіи ушелъ въ двѣнадцать часовъ,

Собраніе редакторовъ, съ которыми протолковалъ до пяти часовъ. Газета настраивается къ первому января. Но бездна еще мелочей, которыя надобно уладить.

— 29. Пятница. Актъ въ Академіи наукъ. Я читалъ отчетъ.

Вечеромъ у министра Валуева съ докладомъ, потомъ въ типографіи. Пріѣхалъ домой поздно, но еще засталъ у себя нѣсколько знакомыхъ.

— 30. Суббота. Комиссія. Потомъ цѣлый день въ хлопотахъ и вознѣ съ газетой.

— 31. Воскресенье. Несмотря на воскресенье, получилъ повѣстку, что и сегодня засѣданіе въ коммисіи, только не въ десять, а въ одиннадцать часовъ. Ужасный, неугомонный человѣкъ этотъ Брадке! Это, конечно, ничего для тѣхъ, у кого только одно это дѣло на рукахъ, а у меня завтра должна выйти газета. Можетъ быть, придется немного опоздать въ комиссію.

Обдѣлалъ дѣла по редакціи, кажется, удачно. Былъ у Фукса, потомъ поѣхалъ въ засѣданіе комиссіи. Сегодня послѣднее засѣданіе. Въ пятницу подпишемъ новый уставъ. Всего было семнадцать засѣданій.

1862 годъ.

Январь.—1. Понедѣльникъ. До половины третьяго ночи въ типографіи, гдѣ и принялъ новорожденнаго младенца „Сѣверную Почту“. Вмѣстѣ со мною работали и частные редакторы. Выходъ изъ-подъ пресса перваго листа мы привѣтствовали бокаломъ шампанскаго въ подвалахъ типографіи, гдѣ начальникъ типографіи представилъ мнѣ этотъ листъ во второмъ часу. Домой вернулся къ тремъ.

Въ десять часовъ утра былъ уже у министра внутреннихъ дѣлъ и представилъ ему первый номеръ газеты.

Я недоволенъ этимъ номеромъ. Чтò въ немъ лучшаго, то не наше: это объявленіе о предпринимаемыхъ правительствомъ реформахъ. Оно прислано въ редакцію отъ государственнаго секретаря.

— 2. Вторникъ. Сдѣлалъ наскоро нѣсколько визитовъ, по-

томъ въ типографіи и редакціи провелъ до пяти часовъ, подготовляя слѣдующій номеръ газеты.

Пріѣхалъ домой около шести, а въ девять снова отправился въ типографію, гдѣ и оставался до двухъ часовъ ночи.

— 3. Среда. Чортъ знаетъ что напутано въ сегодняшнемъ номерѣ газеты. Страшная неисправность корректуры. Мы положили съ товарищемъ министра перестроить совсѣмъ типографію, усилить корректуру и проч.

Отвратительный пароксизмный день. Въ типографіи до часу ночи. Ждалъ заграничныхъ депешъ: ихъ еще не было въ часъ. Велѣлъ безъ нихъ верстать, а когда онѣ придутъ—тиснуть особое прибавленіе.

— 5. Пятница. Все съ газетой. Страшное неустройство во всемъ. Изъ этого хаоса надо образовать порядокъ и стройность. Типографія особенно отличается классической неурядицей. Я призывалъ Нагеля, чтобы онъ помогъ добрѣйшему и усерднѣйшему Петру Ермолаевичу устроить порядокъ техническій, а товарищъ министра—надо отдать ему справедливость—помогаетъ всѣмъ со стороны министерства. Бездна всякихъ хлопотъ и мелкихъ и важныхъ. На меня со всѣхъ сторонъ летятъ упреки за всякую ошибку, опечатку. Но я не унываю, зная, что всякое дѣло вначалѣ представляетъ большія трудности и неустройства.

— 6. Суббота. Въ Россіи бездна способностей, но людей, приспособленныхъ къ дѣлу, очень мало. Отчего это?

Вечеромъ съ докладомъ у министра внутреннихъ дѣлъ.

— 7. Воскресенье. Получилъ вечеромъ отъ Валуева любопытное письмо, которое можетъ меня съ нимъ поссорить... Нужно отвѣчать, и я намѣренъ отвѣчать сильно.

— 10. Среда. Утромъ письмо отъ Валуева умное и совершенно примирительное. Вечеромъ у него. Объясненія. Дѣло кончилось удовлетворительно.

Позже въ типографіи. Засталъ тамъ Тройницкаго и Ржевскаго. Съ новымъ метранпажемъ дѣло, кажется, идетъ лучше.

— 13. Суббота. Въ восемь часовъ вечера засѣданіе Главнаго управленія цензуры—первое подъ предсѣдательствомъ новаго министра Головнина. На первый разъ достоинства министра выразились въ быстротѣ, съ какою онъ велъ и, кажется, намѣренъ вести наши засѣданія. Прежде три четверти времени ухо-

дило на болтовню и пустыя словопренія. Теперь-же читается бумага, приводится справка и если всѣ мнѣнія согласны, то дѣлу и конецъ; если же не согласны, то собираются голоса. Что требуетъ разсужденія, о томъ разсуждается, но безъ уклоненій и обращеній къ такимъ-то примѣрамъ и воспоминаніямъ изъ своей собственной жизни, безъ умозрѣній, въ которыхъ и ума-то никакого нѣтъ, и т. д. Мы въ два часа бездну дѣлъ пересмотрѣли и произнесли рѣшеній. Въ заключеніе министръ объявилъ, что Государю угодно, чтобы цензура усилила свою бдительность и строгость противъ періодической литературы. Въ этомъ смыслѣ уже даны цензорамъ циркуляры. Что скажете вы, господа красные: на чьей душѣ грѣхъ?

Замѣчены въ „Днѣ" особенно статьи: о самоуничтоженіи дворянъ и о земскихъ соборахъ.

Въ одиннадцать часовъ заѣзжалъ въ типографію. Тамъ все обстояло благополучно.

— 16. Вторникъ. Ѣздилъ въ Римско-Католическую академію объясняться по поводу того, что я за это послѣднее время въ ней часто не бывалъ. Сегодня я просилъ епископа и ректора уволить меня, такъ какъ я не выполняю какъ слѣдуетъ моихъ обязанностей. Но онъ объ этомъ и слышать не хочетъ, и вся академія волнуется при одной мысли, что я хочу оставить ее. Кажется, меня тамъ дѣйствительно любятъ, можетъ быть, и не безъ примѣси своихъ расчетовъ—по крайней мѣрѣ, со стороны начальства—но и за то спасибо. Тутъ я наткнулся на приготовленія къ поздравленію новаго варшавскаго митрополита: онъ изъ нашихъ воспитанниковъ и на-дняхъ возведенъ въ этотъ санъ. Это неслыханное возвышеніе. Онъ всего шесть лѣтъ какъ священствуетъ и былъ духовникомъ академіи. Я вмѣстѣ съ другими пошелъ его поздравить, какъ моего бывшаго ученика. Такого умнаго, кроткаго, плѣнительнаго лица я между мужчинами, кажется, никогда не видалъ. Имя его Феликсъ Фелинскій. Онъ наговорилъ мнѣ очень много любезностей—какъ меня любятъ всѣ мои слушатели и проч.

— 17. Среда. День безъ особенныхъ заботъ и приключеній по редакціи. Однако, я всетаки пріѣхалъ домой лишь послѣ полуночи. Хлопочу, чтобы мнѣ дали помощника по матеріальной части.

— 18. Четвергъ. Большая суматоха въ редакціи по поводу замѣченныхъ опечатокъ и проч.

— 20. Суббота. Вечеромъ докладъ у министра Валуева. Выхлопоталъ себѣ помощника по матеріальной части, Артемьева, человѣка очень дѣльнаго. Повидимому, Валуевъ все сердится на меня за мое письмо. Но я отъ этого не унываю. Онъ, несмотря на наши предварительные разговоры, кажется, хотѣлъ видѣть во мнѣ чиновника, а я этого не хотѣлъ и не хочу—вотъ и все. А если я въ письмѣ говорилъ отъ сердца и высказался съ нѣкоторою твердостью и независимостью духа, то—какъ-же иначе? Я иначе не говорю.

— 21. Воскресенье. Я радъ воскресенью какъ школьникъ. Не ѣхать ни въ редакцію, ни въ типографію и вечеръ могу остаться дома. Словомъ, воскресенье для меня настоящій день седьмой—субботній.

Въ жизни выдаются особенно трудные и трудовые моменты. Одинъ изъ такихъ переживаю я теперь. Вокругъ все бурлитъ и клокочетъ. Я похожъ на кормчаго, который долженъ вести свой корабль среди мелей и подводныхъ камней. Неурядицы по изданію газеты, съ которыми я долженъ ежедневно бороться; недостатокъ въ честныхъ сотрудникахъ; бѣдность матеріала, способнаго оживить газету и придать ей литературное значеніе; безконечныя стѣсненія со стороны министерства; взыскательность публики, требующей, чтобы вдругъ все было сдѣлано, что дѣлается мѣсяцами и годами; непріязненные крики крайнихъ партій; надломленное здоровье—и посреди всего этого хаоса я одинъ, безъ всякой другой опоры, кромѣ чистоты моихъ намѣреній... Вотъ нѣкоторыя, но далеко не всѣ прелести моего нынѣшняго положенія.

Да, у меня есть враги, которые всячески стараются мнѣ вредить. Лучше, конечно, если-бы этого не было. Однако, я надѣюсь, что во мнѣ найдется довольно нравственной силы, чтобы побороть это зло, не уступивъ ни на шагъ изъ того, что я считаю честнымъ и справедливымъ.

— 22. Понедѣльникъ. Въ Думѣ нѣкоторые профессора собираются читать лекціи, говорятъ, по желанію бывшихъ студентовъ. На это уже получено разрѣшеніе.

— 23. Вторникъ. Обнародованіе въ „Сѣверной Почтѣ“ госу-

20*

дарственнаго бюджета, и потому я пробылъ въ типографіи до часу ночи.

Разнеслись слухи, что министръ финансовъ вышелъ въ отставку, и на мѣсто его назначенъ М. Х. Рейтернъ.

— 24. Среда. Сегодня получилъ отъ государственнаго секретаря для напечатанія въ „Сѣверной Почтѣ“ указъ объ увольненіи Княжевича отъ должности министра финансовъ и о назначеніи на его мѣсто Рейтерна.

— 28. Воскресенье. Парадное представленіе министру. Вотъ мое опредѣленіе Головнина: сухъ, холоденъ, уменъ, изворотливъ. Вотъ и все пока.

— 29. Понедѣльникъ. Борьба и все только борьба: борьба съ недугомъ, съ безконечными затрудненіями въ дѣлахъ, по службѣ, съ человѣческими мерзостями. Вотъ что называется жизнь боевая. Да гдѣ-же лавры? Кромѣ сосновыхъ иглъ ничего не растетъ на нашемъ болотѣ. Но всетаки надо крѣпиться и мужаться изъ уваженія къ самому себѣ.

Жестоко былъ истязуемъ все утро: налетѣлъ особенно сильный пароксизмъ. Поѣхалъ въ типографію. Тамъ въ хлопотахъ какъ будто стало полегче. Въ три часа поѣхалъ въ университетъ; изъ университета домой пѣшкомъ—немного расходился. Припадки теперь приняли точно лихорадочный характеръ: они аккуратно посѣщаютъ меня черезъ день.

Сегодня былъ въ историко-филологическомъ факультетѣ выборъ трехъ членовъ въ правительственную комиссію университета до его открытія. Я получилъ изъ шести—два шара. Итакъ у меня есть два благопріятеля. Чудо! Вѣдь противъ меня всѣ красные и всѣ пестрые...

Февраль.—2. Пятница. Сегодня было у меня особенно много посѣтителей. Разошлись въ три часа.

— 3. Суббота. Вечеръ въ типографіи.

— 5. Понедѣльникъ. Непріятное, о какое непріятное дѣло! Министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ циркуляръ губернаторамъ, чтобы тѣ, посредствомъ полиціи, заставляли подписываться на „Сѣверную Почту“, такъ какъ эта газета правительственная и должна противодѣйствовать русской прессѣ! Такъ сказано въ циркулярѣ. Это меня глубоко огорчило. Надо принять противъ этого мѣры.

— 6. Вторникъ. Я прочиталъ сегодня двумъ моимъ главнымъ сотрудникамъ, Ржевскому и Арсеньеву, проектъ моего письма къ министру съ изложеніемъ нашего протеста противъ принудительной подписки на газету и особенно противъ того, какъ въ его циркулярахъ мотивирована эта нелѣпая мѣра. Они безъ малѣйшаго колебанія согласились подписать мое письмо. Завтра оно будетъ отправлено по назначенію.

— 7. Среда. Отправилъ письмо къ Валуеву за подписями: моею, Ржевскаго и Арсеньева. Письмо, мнѣ кажется, написано убѣдительно и сильно. По крайней мѣрѣ, я не стѣснялся.

Письмо было отправлено около четырехъ часовъ, а отвѣтъ я получилъ въ шесть. Отвѣтъ показываетъ, что министръ почувствовалъ неприличіе своего поступка, но, какъ поправить его трудно, то онъ кое-какъ изворачивается. Впрочемъ, онъ обѣщается дать циркуляру поясненіе, благопріятное для нашихъ идей.

— 8. Четвергъ. Мои товарищи очень благодарили меня за оборотъ, какой я далъ дѣлу о министерскихъ циркулярахъ.

— 11. Воскресенье. Вечеромъ у министра Валуева. Говорено было о нашемъ протестѣ. Валуевъ выражался очень любезно и еще разъ подтвердилъ свои обѣщанія.

— 13. Вторникъ. Нельзя сказать, чтобы я принадлежалъ къ смертнымъ слишкомъ облагодѣтельствованнымъ судьбою. Тяжкій безпрерывный трудъ, болѣзнь, враги, изъ которыхъ каждый ежеминутно готовъ бросить въ тебя грязью, необезпеченная будущность—право, все это вмѣстѣ взятое и еще въ прибавку кое-что другое составляетъ ношу жизни довольно порядочной тяжести. Да какъ быть? Надо нести. Да и почему бы жизни быть лучше здѣсь, когда она скверна, очень скверна въ тысячи другихъ мѣстахъ? Всѣ эти послѣдніе дни я ношу внутри себя какую-то пустоту и глубокое презрѣніе ко всему окружающему. Чувство это впрочемъ становится у меня почти хроническимъ, какъ и мои болѣзненные припадки. Кстати о послѣднихъ. Вальцъ, въ сущности такъ же мало знающій, какъ и всѣ его собраты, все хочетъ увѣрить меня, что это такъ, нервное состояніе, даже не болѣзнь, а слегка непріятное препровожденіе времени.

— 14. Среда. Боже мой, что это за люди! Какъ шакалы такъ около тебя и шныряютъ, чтобы поживиться, оторвать отъ тебя

клочекъ или твоего спокойствія, или твоей репутаціи. Кажется, на что бы имъ это нужно было?

— 15. Четвергъ. Даже некогда хорошенько побесѣдовать съ самимъ собою въ этомъ Дневникѣ.

— 16. Пятница. Въ Твери, говорятъ, произошло какое-то волненіе среди дворянства. Туда послали для изслѣдованія и для водворенія порядка Анненкова, нѣсколько жандармскихъ офицеровъ, оберъ-прокурора сената. Тверь городъ либеральный. Онъ со времени крестьянскаго дѣла не разъ уже выражалъ требованія довольно смѣлыя.

— 18. Воскресенье. Холоду 13°. Походилъ, погулялъ передъ обѣдомъ по вьюгѣ. Встрѣтилъ Панаева, который очень похудѣлъ. Жалуется на своихъ сотоварищей-литераторовъ и журналистовъ, на тѣхъ передовыхъ людей, которые такъ много вредятъ дѣлу настоящей свободы. Вотъ теперь начинаетъ убѣждаться въ этомъ Панаевъ. Между прочимъ, новый министръ Головнинъ требовалъ отъ нихъ мнѣнія по цензурнымъ дѣламъ, а они такъ этимъ вознеслись, что начали разглашать, что и цензура, и самъ министръ теперь у нихъ въ рукахъ.

— 19. Понедѣльникъ. Сію минуту, около четырехъ часовъ, узналъ я, что Иванъ Ивановичъ Панаевъ умеръ. Вчера въ это самое время я встрѣтилъ его на Невскомъ проспектѣ и гулялъ съ нимъ болѣе получаса. Онъ показался мнѣ похудѣвшимъ и я замѣтилъ ему это.—„Да я чуть было не умеръ недавно“, сказалъ онъ мнѣ,—„въ груди у меня что-то такое сдѣлалось, что чуть было не задушило меня. И это продолжалось часа три“. Затѣмъ онъ говорилъ со мною о тверскомъ происшествіи, о литературѣ и литераторахъ, которыхъ онъ укорялъ за ихъ безалаберность и крайній образъ мыслей. Я подивился такой скромности и умѣренности сужденій. И вотъ, бѣднаго Панаева уже нѣтъ на свѣтѣ!

Сегодня также получилъ приглашеніе на похороны А. П. Алимпіева, одного изъ моихъ самыхъ давнишнихъ пріятелей и доброжелателей. Грустно!

Былъ у доктора Экка, съ которымъ совѣтовался о моемъ здоровьѣ...

— 20. Вторникъ. Кончилъ статью о прогрессѣ для „Сѣверной Почты“. Она очень меня занимала. Вся она написалась легко, но конецъ сильно затруднилъ меня тамъ, гдѣ приходи-

лось говорить о нашихъ крайнихъ прогрессистахъ, и выходило очень рѣзко. А я врагъ всякихъ рѣзкостей и личностей въ печати. Я рѣшился это оставить и заключилъ статью только легкимъ о нихъ упоминаніемъ.

Прислалъ министръ для напечатанія въ газетѣ объявленія о тверскомъ дѣлѣ. Дѣло нехорошее. Тринадцать человѣкъ дворянъ вздумали выразить протестъ противъ „Положенія о крестьянахъ 19-го февраля". Ихъ привезли, посадили въ крѣпость и предали суду сената.

— 21. Среда. Переговоры съ товарищемъ министра Тройницкимъ. Тутъ какая-то интрига. Кому-то хочется опрокинуть Ротчева, который составляетъ намъ и переводитъ телеграфическія депеши, и посадить на его мѣсто другого. Между тѣмъ, я не имѣю никакой причины быть недовольнымъ Ротчевымъ. Кромѣ того, я рѣшился сильно воспротивиться этимъ набѣгамъ на редакцію и сегодня вечеромъ серьезно объяснилъ товарищу министра, что я и мои товарищи очень недовольны такимъ вмѣшательствомъ въ наше дѣло; что газета начинаетъ пріобрѣтать авторитетъ; что мы и безъ того заняты очень много, чтобы еще хлопотать о пустякахъ, которыми намъ надоѣдаютъ и пр. Съ товарищемъ министра мнѣ вскорѣ удалось договориться такъ, что, когда явился Арсеньевъ, котораго депеши преимущественно и касаются, никакихъ компликацій уже не могло послѣдовать. Все уладилось, и всѣ остались довольны.

— 22. Четвергъ. На похоронахъ Панаева. Его отпѣвали въ церкви Спаса Преображенія. Я однако не достоялъ обѣдни. Народу было много, и въ церкви духота. Тутъ между прочимъ я встрѣтилъ государственнаго секретаря Буткова.

Засѣданіе вечеромъ въ Главномъ управленіи цензуры. Давно уже его не было. Тутъ, между прочимъ, очень смѣшнымъ образомъ выказалъ себя Кисловскій, мой старый недругъ, который вообразилъ себѣ, что онъ можетъ и здѣсь подставлять мнѣ ногу. Подъ его наблюденіемъ находится „Сѣверная Почта". Кисловскій не понялъ, что это только соблюденіе формы и что газета, издаваемая министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ сущности не подлежитъ его контролю. Объявивъ, что подвѣдомственные ему журналы и газеты неукоризненны, онъ прибавилъ, что вотъ только развѣ „Сѣверная Почта" подлежитъ его замѣчаніямъ—и

за что-же? За статьи объ архіепископѣ Фелинскомъ. Онъ не могъ догадаться, что такія статьи иначе не печатаются, какъ по распоряженію высшаго правительства. Я выслушалъ это спокойно и, не обращаясь къ Кисловскому, объяснилъ только съ улыбкою министру Головнину какого рода эти статьи. Министръ тоже улыбнулся и, сказавъ, что до газеты „Сѣверная Почта“ касаться нечего: это газета оффиціальная—тотчасъ всталъ съ мѣста и засѣданіе кончилось. Кисловскій остался не при чемъ.

— 24. Суббота. Надобно достигнуть того состоянія духа, въ которомъ бы всѣ неизбѣжныя превратности жизни принимались не только безъ ропота и унынія, но и съ нѣкоторымъ внутреннимъ довольствомъ. Вѣдь ежели человѣкъ существо, способное къ усовершенствованію, то почему не достигнуть ему этой степени нравственнаго совершенства? Бываютъ высшіе умы, почему-же не быть характерамъ высшимъ?

— 28. Среда. Стычка съ Ржевскимъ. Онъ безжалостно засыпаетъ редакцію своими статьями, которыя далеко не всѣ хороши, да къ тому-же еще и не подписываетъ подъ ними своего имени. Мало того, онъ вздумалъ самовольно распоряжаться въ типографіи, приказывая метранпажу набирать и печатать свои статьи, не заботясь, достанетъ-ли для нихъ мѣста, не пострадаютъ-ли отъ того другіе отдѣлы и въ состояніи-ли типографія дѣлать это съ такою быстротою, какъ ему хочется. Объ этомъ доложено было мнѣ, и я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы безъ моего вѣдома и согласія никакая статья не набиралась.

Во вчерашнемъ номерѣ Ржевскій напечаталъ въ фельетонѣ статью: „Обозрѣніе русскихъ журналовъ за январь мѣсяцъ“. Статья наполнена ругательствами на Чернышевскаго, шутками дубоваго свойства и вообще плоха. Сильно не по душѣ мнѣ всѣ эти ругательства и плоскости!.. Сегодня Ржевскій принесъ продолженіе съ тѣмъ, чтобы оно было набрано и напечатано въ завтрашнемъ номерѣ. Было уже три часа. Метранпажъ пришелъ въ отчаяніе и явился со мною объясняться. Ржевскій разгнѣвался, не допуская, чтобы его статья, даже не подписанная, могла подвинуться, уступить мѣсто другой, каковы-бы ни были соображенія общей или главной редакціи. Онъ ушелъ въ крайнемъ раздраженіи.

Мораль этого факта: у насъ невозможно соединеніе людей

для какого-нибудь общаго дѣла, потому что каждый изъ участниковъ считаетъ для себя закономъ не интересы дѣла, а свои собственныя выгоды, свое *я*, свое самолюбіе. Впрочемъ, о Ржевскомъ меня предупреждалъ Валуевъ.—„Имѣйте въ виду, съ этимъ человѣкомъ", сказалъ онъ мнѣ,—„что онъ охотникъ запускать лапу въ чужія дѣла".

Мартъ.—1. Четвергъ. Многое приходится сносить тому, кто хочетъ быть вполнѣ честнымъ человѣкомъ. Стоитъ только немного изучить и узнать людей, чтобы почувствовать глубокое презрѣніе къ тому, что въ большинствѣ случаевъ отнимаетъ у васъ или даетъ вамъ ихъ сердце.

— 2. Пятница. Вечеромъ приходилъ ко мнѣ Арсеньевъ. Онъ очень испуганъ. Ему кто-то сказалъ, что противъ меня и противъ него существуетъ заговоръ. Хотятъ свергнуть меня съ редакторства, а на мое мѣсто посадить Артемьева. Арсеньева тоже хотятъ удалить. За себя мнѣ нечего бояться. Я, со времени извѣстнаго циркуляра объ обязательной подпискѣ на газету, только одною ногою стою въ редакціи. Мой выходъ изъ нея только вопросъ вермени. Впрочемъ, слухи, переданные мнѣ Арсеньевымъ, на этотъ разъ кажутся мнѣ просто грубою шуткою, которою хотѣли напугать его, зная его легковѣріе и тревожный нравъ. Я ему это такъ и растолковалъ и успокоилъ его.

— 3. Суббота. Въ мыслящемъ существѣ жизнь безъ мысли есть нелѣпость. Жизнь въ мысли значитъ жизнь по законамъ, по идеямъ цѣлаго, добра, порядка. Жизнь не въ мысли значитъ жизнь по слѣпымъ влеченіямъ матеріи, природы. Эгоизмъ есть безсмысліе, потому что онъ удаляется отъ главныхъ основаній и атрибутовъ мысли—отъ общаго. Права жизни велики, стольже велики въ глазахъ человѣка должны быть и права мысли. Три элемента образуютъ характеръ: природа (природныя предрасположенія, наклонности), воля и среда.

— 5. Понедѣльникъ. Если правительство само себѣ не помогаетъ, ободряя честный либерализмъ и направляя умы къ разумнымъ и полезнымъ реформамъ, то кто-же можетъ ему помочь?..

Профессоръ Павловъ за рѣчь свою на публичномъ чтеніи, бывшемъ въ пятницу въ пользу литераторовъ, высланъ въ отдаленный уѣздный городъ подъ надзоръ полиціи.

Арсеньевъ продолжаетъ волноваться. Онъ утверждаетъ, что дѣйствительно существуетъ заговоръ о низверженіи всѣхъ нынѣшнихъ редакторовъ „Сѣверной Почты“ и что главное дѣйствующе лицо здѣсь Мельниковъ, Павелъ Ивановичъ.—

— 6. Вторникъ. У Валуева. Интересный разговоръ. Я мало вѣрю тому, что передавалъ мнѣ Арсеньевъ о подкопѣ подъ весь составъ нашей редакціи, но опасеніе его и страхъ за самого себя могутъ быть и основательны. Притомъ надо также взять въ расчетъ и слова товарища министра о дороговизнѣ изданія газеты и о дефицитѣ, который ожидаетъ министерство. Все это заставило меня поѣхать къ министру. Онъ былъ очень любезенъ, говорилъ, что доволенъ газетою, но что его тоже смущаетъ будущій дефицитъ и что онъ желалъ-бы, чтобы мы соблюдали побольше экономіи въ гонорарахъ, особенно по политическому отдѣлу. Я воспользовался этимъ, чтобы заговорить объ Арсеньевѣ и засвидѣтельствовать объ его усердіи, трудолюбіи и искусствѣ, съ какимъ онъ ведетъ отдѣлъ. Министръ съ этимъ совершенно согласился. Что-же касается вообще до дефицита, то я замѣтилъ, что его надо было предвидѣть и что изданіе газеты съ такою цѣлью и въ такихъ размѣрахъ не можетъ обойтись безъ значительныхъ издержекъ и пожертвованій. Затѣмъ министръ объявилъ, что намѣренъ похѣрить Варадинова: это дастъ намъ экономію въ 4,000 рублей. Рѣчь перешла на цензуру, то есть на превращеніе ея изъ предупредительной въ карательную. Онъ, кажется, доволенъ тѣмъ, что она перейдетъ въ его руки.

Если похѣреніе Варадинова состоится, то надо будетъ просить, чтобы его не оставили и безъ должности, и безъ средствъ къ существованію. Надо также будетъ заявить и о Богушевичѣ, который работаетъ очень толково и усердно.

— 7. Среда. Академическая газета „С.-Петербургскія Вѣдомости“ стоила въ прошедшемъ году 184,000 рублей. Обыкновенно расходъ ея простирался отъ 140 до 150 тысячъ рублей: печатаніе стоило 32 тыс., бумага нѣсколько больше. Корреспонденты заграничные получаютъ въ годъ тысячи полторы; гонораръ за переводъ въ политическомъ отдѣлѣ $1^1/_2$ копейки со строки; за оригинальныя статьи—отъ 4-хъ до 6-ти копеекъ. Въ прошедшемъ году академическая газета расходилась въ числѣ 9,600 экземпляровъ.

Опять возня со шрифтомъ. Министръ объявилъ Петру Ермолаевичу, что онъ недоволенъ шрифтомъ и проч. Непріятная забота о сокращеніи гонораровъ.

Мнѣ кажется, Головнинъ сдѣлалъ большую ошибку, открывъ университетъ въ Думѣ. Онъ этимъ только какъ-бы утвердилъ въ юношахъ мысль, что учиться можно налегкѣ, на бѣгу, въ публичныхъ собраніяхъ, а не въ школѣ, не въ университетѣ. Это опасный шагъ по направленію къ легкому, поверхностному знанію, вмѣсто серьезной науки, въ которой мы чувствуемъ такую настоятельную потребность.

— 10. Суббота. Толки о происшествіи въ думской залѣ на лекціи Костомарова. Вотъ что случилось. Послѣ высылки Павлова въ Ветлугу, между профессорами, читавшими лекціи въ Думѣ, и бывшими студентами послѣдовало соглашеніе о прекращеніи лекцій. Съ этимъ не согласились Благовѣщенскій и Костомаровъ. Послѣдній явился въ положенный часъ на лекцію. Его приняли дурно. Онъ сказалъ рѣчь къ собравшейся толпѣ, гдѣ объявилъ, что онъ не намѣренъ быть гладіаторомъ въ потѣху тѣмъ, которые собираются для зрѣлища и демонстрацій, а не для науки; что онъ не намѣренъ угождать ихъ пустому либеральничанью. Вслѣдъ за этимъ раздались крики, свистки, ругательства. Но Костомаровъ удалился, не очень трогаясь этими выраженіями уличнаго негодованія. Только уходя, Костомаровъ еще сказалъ:

— Вы, господа, начинаете свое поприще Репетиловыми, а окончите его Расплюевыми.

Вотъ теперь уже и въ публикѣ начинаютъ толковать, что во всѣхъ продѣлкахъ молодыхъ людей не столько виноваты они, сколько наставники и руководители, возбуждающіе въ нихъ преждевременное либеральное движеніе, вмѣсто того, чтобы сообщать здоровыя и точныя идеи науки. Давно пора-бы.

— 11. Воскресенье. Главное управленіе цензуры уничтожено. Цензура окончательно переходитъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и устанавливается на особыхъ началахъ.

Вечеръ у Валуева. Ничего, кромѣ скуки и духоты.

— 12. Понедѣльникъ. Вчера гнусный холодъ до десяти градусовъ съ пронзительнѣйшимъ вѣтромъ. Сегодня выпалъ снѣгъ, какъ въ декабрѣ или въ январѣ.

Одиннадцатый часъ вечера. Сейчасъ отъ Головнина. Разговоръ о цензурѣ. Просилъ меня помочь ему въ томъ, чтобы „Географическое Общество" было изъято изъ цензуры.

— 14. Среда. Одинъ хозяинъ у насъ въ Малороссіи послалъ двухъ парней (хлопцевъ) на бакчу принести пару большихъ арбузовъ къ обѣду. Хлопцы сорвали и несутъ каждый по арбузу въ полѣ своей свитки. Дорогой они заспорили: кто сорвалъ и несетъ лучшій арбузъ? Отъ спора они перешли къ ссорѣ, а отъ ссоры къ дракѣ. Арбузы были выложены на землю, а хлопцы вцѣпились другъ другу въ чубъ. Пока происходила эта битва, прибѣжала свинья и съѣла оба арбуза.

— 15. Четвергъ. Опять возня съ Ржевскимъ. Теперь онъ письменно жалуется мнѣ на одного изъ чиновниковъ редакціи, который сдѣлалъ ему грубость. Ѣздилъ къ нему, толковалъ, объяснялся, и дѣло, кажется, по крайней мѣрѣ повидимому, уладилось.

— 16. Пятница. Надъ способностью хорошо мыслить и хорошо чувствовать есть еще высшая способность или сила организовывать эти мысли и чувства, сосредоточивать ихъ, возводить въ творческій актъ постоянной, систематически развивающейся, рѣшимости дѣйствовать въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Это характеръ, всегда вѣрный самому себѣ и всегда готовый господствовать и надъ понятіями, и надъ чувствами во имя одной глубоко запечатлѣнной въ душѣ идеи. Вотъ этой-то силы, этого характера можетъ недоставать цѣлымъ націямъ, какъ и отдѣльнымъ лицамъ. Движеніе, волненіе тогда хороши, когда въ потокѣ ихъ вырабатываются твердыя и опредѣленныя начала, на которыхъ впослѣдствіи можетъ построиться новое лучшее положеніе вещей. Настоящее поколѣніе признаетъ одно начало—оппозицію противъ всякой руководящей власти, всякаго нравственнаго авторитета. Оно признаетъ за собою—и только за самимъ собою—безусловную свободу. Есть-ли это начало плодотворное? Тутъ только одно отрицаніе, а зиждительнаго ничего нѣтъ. Пусть-бы оно, это поколѣніе, рвалось впередъ. Но пусть-же оно несло-бы съ собой и какіе-нибудь зачатки новаго, лучшаго порядка вещей. Быть способнымъ къ одному отрицанію значитъ быть ни къ чему неспособнымъ. Но, возразятъ мнѣ, отрицаніе только первый шагъ: изъ него само собою выра-

ботается положеніе. Нѣтъ! сперва надо быть чѣмъ-нибудь, чтобы внести что-нибудь и поставить на мѣсто отринутаго. Пустота родитъ пустоту, изъ ничего—ничего не бываетъ.

— 17. Суббота. Есть умы до того крѣпкіе, что могутъ переваривать огромную массу принятаго ими знанія, не впадая отъ того въ замѣшательство, въ судороги или опьяненіе. Но, наоборотъ, есть такія слабыя головы, которыя не переносятъ и самаго слабаго пріема знанія. Они пьянѣютъ отъ него, какъ дѣти отъ нѣсколькихъ капель вина, путаются, впадаютъ въ хаосъ, но полные надменности несутъ вздоръ, считая его за великія, будто-бы ими открытыя, истины.

— 18. Воскресенье. Сейчасъ (двѣнадцать часовъ ночи) съ раута отъ Валуева. Собраніе было огромное. Наслушался разныхъ новостей. Утѣшительнаго ничего. Хаосъ въ понятіяхъ усиливается. Валуеву, кажется, не долго оставаться на своемъ посту...

— 19. Понедѣльникъ. Впереди перспектива становится все мрачнѣе и мрачнѣе. Если извѣстная партія одолѣетъ, тогда всѣмъ разумно-либеральнымъ, умѣреннымъ началамъ конецъ, и представители этихъ началъ будутъ смяты скачущею сломя голову и ломящею все толпою. А затѣмъ что?—новый гнетъ, новый деспотизмъ?..

Головнинъ тоже, кажется, хочетъ больше думать о своей популярности, чѣмъ о правильномъ направленіи дѣлъ. Не для этого-ли, между прочимъ, онъ спихнулъ со своихъ рукъ цензуру на руки министра внутреннихъ дѣлъ? Открылъ университетъ въ Думѣ?...

— 20. Вторникъ. У министра Валуева, вечеромъ съ докладомъ. Утвердили корреспондента въ Лондонъ по случаю всемірной выставки—московскаго профессора Китара.

Правительство правительствомъ, да хороши и мы! Развѣ не случается сплошь и рядомъ: человѣкъ учится гдѣ-нибудь въ университетѣ или въ какомъ-нибудь другомъ высшемъ учебномъ заведеніи; какъ говорится у насъ—прекрасно образованъ; толкуетъ горячо о высшихъ истинахъ, о свободѣ, о честности и чести и пр. Получаетъ онъ видное мѣсто—смотришь, сдѣлался деспотомъ и воромъ. Изъ кого же все вырабатывается, какъ не изъ народа, не изъ общества? Не есть ли оно плоть отъ плоти ихъ и кость отъ костей ихъ?

— 22. Четвергъ. Зима въ настоящемъ смыслѣ слова. Опять санная дорога.

Вчера было собраніе у товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Собраніе состояло изъ членовъ бывшаго Главнаго управленія цензуры и чиновниковъ онаго. Странное положеніе нынѣ цензуры. Она какъ-то раздвоилась: одною ногою стоитъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, а другою въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. За первымъ собственно остается власть предваряющая, цензирующая; другому принадлежитъ наблюдательная, контролирующая и, какъ говорятъ, впослѣдствіи будетъ принадлежать и карательная.

На дняхъ три самоубійства: какой-то сотрудникъ журнальный Піотровскій застрѣлился, какой-то бывшій студентъ зарѣзался и профессоръ Медицинской академіи Беккеръ отравился.

Курочкинъ, издатель „Искры", вызвалъ на дуэль Писемскаго. Они сильно обругали другъ друга и теперь хотятъ драться—по крайней мѣрѣ первый.

Ко мнѣ обращался Вейнбергъ, бывшій редакторъ „Вѣка", съ просьбою принять его въ сотрудники газеты.

— 25. Воскресенье. Возвышенныя умозрѣнія необходимы для человѣка, какъ пища для его духа, какъ сила, возносящая его надъ треволненіемъ дня, какъ просвѣтленіе ума, которому безъ нихъ все кажется какъ-то туманно, тѣсно и безжизненно—именно, даже безжизненно, хотя, повидимому, какая жизнь въ идеяхъ? Я не принимаю въ этихъ умозрѣніяхъ ничего за догматъ: я только питаюсь ими какъ укрѣпляющею и оживляющею меня пищею. Надо добросовѣстно и строго отдѣлить въ современныхъ стремленіяхъ истинныя потребности отъ мнимыхъ или мечтательныхъ и преувеличенныхъ—отдѣлить возможное къ осуществленію отъ утопическаго и возможное къ осуществленію безъ проволочки отъ того, что исторія по необходимости откладываетъ на будущее время.

— 26. Понедѣльникъ. Въ нравственно-психологическомъ внутреннемъ мірѣ человѣка одни только тѣ явленія заслуживаютъ вниманія, значеніе которыхъ опредѣляется разумнымъ сознаніемъ и воспринимается волею. Все прочее похоже на облака, гонимыя и разгоняемыя вѣтромъ, или на пѣну, мгновенно воз-

никающую и исчезающую въ волнахъ потока. Радость-ли, горе-ли приносятъ такія явленія, они не заслуживаютъ вниманія мужественнаго человѣка или заслуживаютъ на столько, насколько они представляютъ эстетическаго интереса, подобно явленіямъ внѣшней природы.

— 27. Вторникъ. Вечеръ у Арсеньева. Кажется, мнѣ и его надо остерегаться, какъ и Ржевскаго. Эти господа, какъ большинство людей, способны одинаково нагадить человѣку отчасти изъ-за дрянной какой-нибудь выгоды, отчасти такъ, оттого что пріятно искусно нагадить: этимъ выказывается умъ, ловкость.

— 30. Пятница. Почему школа отрицанія находитъ такъ много послѣдователей? Потому что она льститъ самолюбію людей легкаго ума, ничему основательно не учившихся. Они не хотятъ подчиниться авторитету, который всегда выказывается въ положительныхъ принципахъ, тогда какъ отрицая, они имѣютъ право думать, что они сами господа своихъ мнѣній. Имъ кажется, что они выше всѣхъ тѣхъ, кого не признаютъ, а въ самомъ дѣлѣ они похожи на тѣхъ нищихъ, которые ни во что цѣнятъ всякое пріобрѣтеніе, потому что имъ собственно нечего терять.

Былъ у меня Чижовъ. Посѣдѣлъ, но бодръ и свѣжъ, съ тѣми же добрыми качествами и слабостями, какъ и прежде. Онъ ни крошки не подвинулся впередъ и не ушелъ назадъ. То-же самодовольство своею гордостью, та-же вѣра въ тонкость своего ума, способнаго всѣхъ провести; то-же умѣнье, когда нужно притвориться.

Вотъ уже дня три или четыре, что я, кромѣ обычныхъ припадковъ, испытываю какую-то вялость, тяжесть въ тѣлѣ и въ головѣ, крайнюю усталость, однимъ словомъ, чувствую себя довольно нелѣпо.

— 31. Суббота. У товарища министра. Объясненіе по поводу замѣчанія министра о томъ, что въ газетѣ нашей неосторожно будто-бы говорено о нынѣшнемъ положеніи Пруссіи. На самомъ дѣлѣ у насъ рѣшительно ничего не сказано, чего не было бы въ другихъ газетахъ. Товарищъ самъ несогласенъ съ замѣчаніемъ министра.

Апрѣль.—2. Понедѣльникъ. Былъ въ редакціи товарищъ

министра и объявилъ мнѣ, что „Сѣверная Почта“ не будетъ имѣть особаго цензора.

— 6. Пятница. Вчера и сегодня свирѣпый холодъ. Опять за шубы.

Вечеромъ были у меня Чевилевъ и Гончаровъ. Первый уже началъ преподаваніе политической экономіи Наслѣднику. Онъ весьма утѣшительныя вещи о немъ разсказываетъ. Молодой человѣкъ этотъ уменъ, добръ и, что очень важно, не гнушается труда мысли.

— 8. Воскресенье. День Пасхи. У заутрени въ церкви Удѣловъ. Очень недоволенъ службой. Быстрота этой службы доведена здѣсь до nec plus ultra. Все кончилось не болѣе какъ въ полтора часа. Въ церкви было много разряженныхъ дамъ и щеголеватыхъ кавалеровъ, которые все время службы вели между собой оживленную бесѣду. Мы вернулись домой съ Гончаровымъ и проболтали за куличемъ и ветчиной до трехъ часовъ утра.

— 9. Понедѣльникъ. Снаряжая корабль въ плаваніе, никто не валитъ груза на одинъ бортъ его. Необходимо сохранить равновѣсіе, иначе корабль потонетъ.

— 11. Среда. Работалъ въ редакціи: завтра снова выходитъ газета.

— 12. Четвергъ. Опятъ обругали „Сѣверную Почту“. Я былъ-бы совершенно равнодушенъ къ этимъ грубымъ нападкамъ, еслибы, къ сожалѣнію, не нужно было отвѣчать на нихъ. Это скучная и неблагодарная трата времени. Надѣюсь, однако, что этимъ кончится. Во всякомъ случаѣ, нашъ отвѣтъ не долженъ выходить изъ границъ строгаго приличія.

— 13. Пятница. Кажется, окончательный конецъ зимѣ. Идетъ сильный и теплый дождь.

Министръ внутреннихъ дѣлъ собралъ сегодня въ два часа всѣхъ, принадлежащихъ къ наблюдательному вѣдомству по дѣламъ книгопечатанія. Ну, право же, большая нелѣпость и весь этотъ наблюдательный синклитъ, и самая идея наблюденія, и все это нынѣшнее состояніе цензуры. Вотъ Валуевъ какъ попался со своими проектами преобразованія цензуры! Онъ хотѣлъ установитъ карательную цензуру, взялся за это, не съумѣлъ сдѣлать и проволочилъ дѣло до появленія на сцену Головнина: этотъ его теперь и обошелъ. Сущность цензуры Головнинъ забралъ

себѣ, а ея темную, невыгодную сторону оставилъ Валуеву. Вышла совершенно басня „Ворона и лисица“.

— 14. Суббота. Страшную будущность готовятъ Россіи всѣ эти ультра-прогрессисты. И чего хотятъ они? Вмѣсто постепенныхъ, конечно безотлагательныхъ, реформъ, вмѣсто разумнаго движенія впередъ, они хотятъ крутого переворота, хотятъ революціи и пытаются произвести ее искуственнымъ образомъ. Безумные слѣпцы! Имъ хочется порисоваться на сценѣ, хочется поиграть въ исторію: исторія ихъ первыхъ смелетъ, какъ мельничный жерновъ дрянное жито или овесъ, и унесетъ въ своемъ водоворотѣ. Развѣ Россіи необходимо то, что они замышляютъ?

Ржевскій получилъ по городской почтѣ анонимное письмо, полное ироническихъ похвалъ его либеральному образу мыслей въ статьяхъ „Сѣверной Почты“. Къ письму приложена возмутительная прокламація..., съ просьбою напечатать ее съ его, Ржевскаго, комментаріями.

— 15. Воскресенье. Свобода и законъ—вотъ что должно-бы составлять исключительную основу управленія человѣческими обществами. Но какъ въ этихъ обществахъ всегда будутъ злоупотребленія первою и нарушенія второй, то къ нимъ надобно присоединять еще и охранительную силу власти. У насъ особенно трудно устроиться правильному общественному порядку самому, безъ участія внѣшней руководящей силы. Патріотизма у насъ очень мало, а самолюбіе, вмѣстѣ съ кровью, наполняетъ всѣ жилы и жилки нашего организма.

— 18. Среда. Валуеву дали Владиміра 2-й степени. Онъ, говорятъ, огорченъ. Министру и въ самомъ дѣлѣ это какъ будто не по чину.

— 20. Пятница. Великолѣпная погода. Парадъ на Царицыномъ лугу. Мы смотрѣли на него съ типографскаго балкона. Искусство убивать людей не лишено своего рода поэзіи: ея много въ стройномъ движеніи этихъ огромныхъ массъ. Особенно хороши артиллерія и кавалерія.

— 21. Суббота. Славянофильство начинаетъ принимать характеръ не простой школы или ученія, а настоящей секты, со всѣми правами и обязанностями истыхъ фанатиковъ.

— 22. Воскресенье. Боже сохрани насъ испытать деспо-

тизмъ толпы, массы—деспотизмъ полудикой, варварской демократіи.

— 27. Пятница. Всѣ послѣдніе дни сіяющіе, но прехолодные.

Нерѣдко чувствуется сильная неурядица въ душѣ—недостатокъ въ увѣренности во всемъ: въ человѣчествѣ, въ жизни, въ самомъ себѣ и въ своей судьбѣ. Большей частью, конечно, это есть слѣдствіе слишкомъ эгоистической заботливости о самомъ себѣ, о своей будущности, а кажется пора утвердиться въ мысли, что чѣмъ больше ты погружаешься въ личные интересы своего маленькаго *я*, каковы бы они ни были, тѣмъ духъ твой болѣе стѣсняется, мельчаетъ, ослабѣваетъ въ силѣ и мужествѣ.

— 28. Суббота. Сегодня, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, были собраны профессора не существующаго университета для обсужденія вопроса: можетъ-ли и на какихъ основаніяхъ можетъ быть открытъ университетъ? Въ собраніи поднялся страшный шумъ. Наконецъ, кое-какъ, среди нестерпимаго гвалта, добрались до самаго вопроса, который кое-какъ былъ поставленъ Ленцомъ. Вѣдь и споръ-то весь былъ изъ-за того, что не знали о чемъ разсуждать и какъ взяться за вопросъ. Но тутъ всѣ единогласно согласились съ тѣмъ, что „при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нельзя открывать университета до изданія новаго устава".—А можно-ли открыть университетъ съ принятіемъ только нѣкоторыхъ измѣненій въ нѣкоторыхъ правилахъ? Противъ этого оказалось четыре или пять голосовъ и въ томъ числѣ мой. Я ушелъ тотчасъ послѣ этого, но шумные толки, кажется, еще долго продолжались.

Что у насъ за странный министръ! Онъ рѣшительно не приходитъ ни къ какому опредѣленному результату, а все вертится на одномъ мѣстѣ: то одну ногу подниметъ, то другую, сдѣлаетъ движеніе рукой, сладко улыбнется—вотъ и все.

— 29. Воскресенье. Вотъ между прочимъ, какую хитрость употребилъ министръ. Ему хочется открыть университетъ. Но самому взять инициативу въ этомъ опасномъ дѣлѣ не хочется. Вотъ онъ всячески вертится около университета, побуждая его самого дать голосъ въ пользу открытія. Между прочимъ вотъ еще что приписываютъ (одному лицу): онъ внушилъ сперва нѣ-

мецкимъ, а потомъ, говорятъ, и русскимъ „Спб. Вѣдомостямъ", напечатать, что въ публикѣ очень желаютъ открытія университета и, что послѣднему нечего ужъ больше бояться студентовъ, такъ какъ они переводятъ свои сходки изъ стѣнъ университета въ „Общество пособія нуждающимся литераторамъ". Вѣдь если это правда, то это верхъ самаго низкаго угодничества толпѣ...

** вчера требовалъ, чтобы университетъ самъ составилъ себѣ новыя правила—и такъ, чтобы министерство не имѣло на это никакого вліянія: не нужно даже и санкціи послѣдняго для этихъ правилъ. На это кто-то возразилъ:—„Такъ вы университету хотите присвоить диктатуру?—Да, отвѣчалъ онъ.—Ну, замѣтилъ я Куторгѣ, сидѣвшему противъ меня, — этотъ далеко идетъ; уйдетъ ли только далеко—не знаю". А когда я сказалъ, что всякія правила, какія мы ни составимъ, будутъ сочтены за произволъ и что лучше подождать новаго устава, который всетаки будетъ закономъ органическимъ и, такъ сказать, законнымъ закономъ, то Б. на это возразилъ:—„Да развѣ теперь кто-нибудь уважаетъ законъ?—Ну, такъ нечего и открывать университетовъ", отвѣчалъ я.

... Надо, однако-жъ, понять значеніе всего этого и не быть трусомъ.

Если предполагаемыя временныя правила будутъ составлены въ духѣ ограничивающемъ произволъ студентовъ, то студентамъ это не понравится и они опять набуянятъ. Если правила эти будутъ слабыя и потворствующія, то они понравятся студентамъ и они опять-таки будутъ дѣлать все, что угодно, только не учиться.

Былъ у Д*. Разговоръ объ открытіи университета и о вчерашнемъ собраніи. Д* прекрасный человѣкъ, но колеблется.

Май.—1. Вторникъ. Объясненіе съ министромъ Валуевымъ. Онъ принялся сокращать расходы по газетѣ. Съ этою цѣлью уволены редакторы Ржевскій и Варадиновъ. Это сохраняетъ 7,500 рублей. Безъ Ржевскаго, пожалуй, можно обойтись, но гдѣ границы этихъ сокращеній? Министръ можетъ не остановиться на этомъ и простереть свои урѣзки на гонораръ сотрудниковъ, а это неизбѣжно парализировало-бы литературную сторону газеты. Вслѣдствіе этого я рѣшился всѣми силами сопротивляться

новымъ урѣзкамъ; въ случаѣ-же неудачи, подать въ отставку. Министръ нападалъ на расширеніе политическаго отдѣла; я защищалъ его. Положено уничтожить въ газетѣ петитъ. Впрочемъ, мы пока разстались довольно дружелюбно.

Мнѣ въ подмогу данъ Богушевичъ для отдѣла, которымъ завѣдывалъ Ржевскій.

— 3. Четвергъ. Вчера, третьяго дня и сегодня свѣтло, тепло, словомъ, похоже на весну.

Вчера прощанье съ графомъ Блудовымъ. Собрались почти всѣ академики. Старикъ все еще вспыхиваетъ и оживляется, хотя уже слабъ. Онъ ѣдетъ за границу.

— 7. Понедѣльникъ. Съ Валуевымъ сильно не ладится. Если я со времени знаменитаго циркуляра губернаторамъ объ обязательной подпискѣ только одною ногою стоялъ въ редакціи, то теперь вишу въ ней на волоскѣ, который самъ ежеминутно готовъ подрѣзать. Валуевъ все сердится на дефицитъ газеты, точно онъ при самомъ началѣ дѣла не говорилъ сто разъ мнѣ и другимъ, что онъ этимъ не будетъ стѣсняться, что нужны пожертвованія и т. д. Вчера онъ призывалъ Волькенштейна и сурово напалъ на него опять за шрифтъ.

Это меня сильно разстраиваетъ. Я подозрѣваю, что, нападая на типографію, министръ косвенно бросаетъ стрѣлы въ меня. Ему не нравится мое желаніе удержать за редакціею извѣстную степень самостоятельности, безъ которой, однако, нельзя дать газетѣ сколько-нибудь характеръ, заслуживающій вниманія и довѣрія общества. Были у меня съ нимъ и нѣкоторыя столкновенія. Онъ все жалуется, что его не слушаютъ. Да, становится очевидно, что министръ, послѣ всѣхъ благихъ намѣреній и разглагольствованій о широкихъ взглядахъ и задачахъ, хочетъ въ конецъ съузить первоначальный планъ газеты. Если онъ дѣйствительно такой вѣтренникъ, то я ему больше не помощникъ.

— 9. Среда. Нѣтъ! Всѣ наши государственные люди рѣшительно ниже посредственности; люди бездарные, неспособные ни къ какой свѣтлой, широкой мысли, ни къ какому благородному усилію воли. Какая нравственная сила въ состояніи поддержать администрацію, состоящую изъ такихъ гнилыхъ элементовъ, изъ этихъ бюрократическихъ ничтожествъ.

— 10. Четвергъ. Размысливъ хорошенько, я рѣшился написать Валуеву письмо съ объясненіемъ, что при такихъ порядкахъ или, лучше сказать, безпорядкахъ и постоянныхъ тревогахъ и перемѣнахъ газета не можетъ идти честно и успѣшно. Я хочу еще предложить ему, не согласится-ли онъ опредѣлить цифру, ниже которой въ расходахъ по содержанію газеты идти нельзя, не уронивъ газеты, а если онъ на это не согласится—подать въ отставку.

— 13. Воскресенье. Поутру отослалъ письмо къ Валуеву.

— 15. Вторникъ. Драка Писарева съ Гарднеромъ на желѣзной дорогѣ недѣли полторы тому назадъ.

Время беретъ свое, время дѣлаетъ свое. Люди совершаютъ неподобныя дѣла, а время употребляетъ эти дѣла, какъ умный пахарь навозъ, и взращаетъ изъ нихъ добрые плоды! Значитъ, не люди заслуживаютъ уваженія, а время и принципъ, который вырабатывается временемъ.

Собраніе совѣта или профессоровъ, потому что собственно совѣта нѣтъ, подъ предсѣдательствомъ попечителя Д*. Предложенъ былъ вопросъ: когда долженъ быть открытъ университетъ? Положено: открыть совѣтъ въ августѣ, а университетъ къ первому октября приблизительно.

Къ концу произошла сцена. Костомаровъ подалъ въ отставку и сегодня полученъ уже приказъ о его увольненіи. Нѣкоторые изъ профессоровъ захотѣли сдѣлать ему овацію. Поднялся Горловъ и началъ упрашивать его остаться въ университетѣ. За Горловымъ поднялись и другіе и тоже начали упрашивать. Костомаровъ всталъ и какъ-то несвязно заговорилъ о своемъ разстроенномъ здоровьѣ, потомъ перешелъ въ откровенности.— „Я, сказалъ онъ,—получилъ болѣе двадцати ругательныхъ писемъ отъ студентовъ; мнѣ угрожаютъ побить меня, если я останусь въ университетѣ: что-же мнѣ дѣлать?“ Наконецъ, онъ склонился на убѣжденія, чтобы ему, по крайней мѣрѣ, числиться на своей каѳедрѣ, авось студенты отдумаютъ и не захотятъ его больше ругать. Я ушелъ: мнѣ было и жалко, и стыдно.

— 16. Среда. Бо́льшую часть жизни мы проводимъ въ томъ, что собираемся жить—и наконецъ рѣшаемся жить, когда уже поздно, и для жизни остается не больше времени, какъ сколько нужно, чтобы проститься съ ней.

Объясненіе съ Тройницкимъ по газетѣ, вслѣдствіе моего письма къ Валуеву. Валуевъ сердитъ на меня за письмо. Онъ говоритъ, что я будто лишаю его права заниматься интеллектуальною стороною газеты. Это несправедливо. Я только стою за то, чтобы не отступать отъ первоначальнаго плана газеты и отъ тѣхъ задачъ, держаться которыхъ мнѣ было торжественно обѣщано. Тройницкій прочиталъ мнѣ предлагаемыя цифры. Можетъ быть, онѣ и окажутся удовлетворительными, но я просилъ сначала допустить ихъ въ видѣ опыта.

— 17. Четвергъ. Наконецъ совершенно лѣтній день, а мы еще не на дачѣ. Впрочемъ, нынѣшній годъ мы не далеко ѣдемъ: перебираемся всего только на Черную рѣчку.

Въ человѣкѣ и въ человѣческой жизни очень мало счастья, еще меньше мудрости и очень много необходимостей, изъ которыхъ вытекаютъ то бѣдствія, то пороки.

— 22. Вторникъ. На дачѣ. Вчера переѣхали. Домикъ такъ себѣ, какъ говорится, ни то, ни сё—ни дуренъ, ни хорошъ. Я пріѣхалъ въ шесть часовъ. Меня задержали въ редакціи корректуры статьи Ржевскаго и Леонтьевъ, который пріѣхалъ изъ Москвы. Онъ очень жалуется на тамошнюю цензуру, которая совершенно сбита и съ послѣдняго толка. Валуевъ дѣлаетъ замѣчанія, а Головнинъ пишетъ отношенія.

Сегодня обѣдалъ у меня Маркъ Любощинскій. Онъ ѣдетъ въ четвергъ за границу на воды лѣчиться послѣ тяжкой болѣзни, которую вынесъ недавно по милости тетеревей. Вечеромъ мы пошли гулять: скверно—холодно. Въ Строгановомъ саду однако пѣлъ какой-то дуракъ соловей, какъ будто можно здѣсь что-нибудь дѣлать другое, какъ не каркать по-вороньи.

— 23. Среда. Поутру. Уфъ, какъ холодно! Я сижу за письменнымъ столомъ въ тепломъ пальто и въ калошахъ. Передъ глазами у меня торчитъ нѣсколько березокъ, изъ которыхъ нехотя тянется тощая зелень. Немноге далѣе лугъ, на которомъ всѣми неправдами кое-какъ пробивается изъ полумерзлой земли травка. Гдѣ-то вдали каркаетъ ворона. По небу бродятъ тучи, изъ которыхъ такъ и ожидаешь, что посыплетъ снѣгъ. Вотъ и прелести здѣшней майской природы. Я, какъ Ричардъ III-й, ходя по комнатамъ, кричу: „дровъ, дровъ—всю дачу за дрова!“ Топите печи!

Люди бываютъ вообще чрезвычайно щедры на одолженія, которыя имъ ничего не стоятъ.

— 24. Четвергъ. Вчерашній день къ вечеру потеплѣлъ. Сегодня тоже тринадцать градусовъ поутру: и за то спасибо.

Вчера въ Петербургѣ было разомъ четыре пожара въ разныхъ частяхъ города. Одинъ, и всѣхъ сильнѣе, недалеко отъ меня, около Лиговки. Толкуютъ о поджогахъ...

— 27. Воскресенье. А пароксизмы своимъ чередомъ продолжаютъ преизрядно трепать меня, особенно по ночамъ.

Моя статья о прогрессѣ перепечатывается въ разныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Есть же, значитъ, люди, раздѣляющіе мой образъ мыслей. Впрочемъ, знаетъ-ли бóльшая часть нашихъ, такъ называемыхъ мыслящихъ людей, чего они хотятъ и къ чему стремятся? Въ этой анархіи идей нѣтъ ничего опредѣленнаго.

— 28. Понедѣльникъ. День, полный тревогъ и страха для всего Петербурга.

Послѣдніе четыре или пять дней подъ рядъ въ городѣ были пожары, а иногда и по нѣскольку разомъ. Въ пятницу, напримѣръ, ихъ было одновременно шесть въ разныхъ мѣстахъ. Носились слухи, что поджигаютъ. Меня даже увѣряли, что поймано нѣсколько разбойниковъ-поджигателей.

Сегодня часу въ первомъ поѣхалъ я въ городъ на свою квартиру. Тамъ швейцаръ разсказалъ мнѣ, что вчера на углу Владимірской и Стремянной поймали кого-то съ горючими и зажигательными снарядами въ карманахъ. Онъ самъ видѣлъ всю суматоху этой ловли. Удивительная безпечность полиціи. Городъ въ очевидной опасности... Вóйска у насъ, слава Богу, довольно. Не слѣдовало-ли бы учредить усиленные патрули и даже оцѣпить болѣе опасныя и подозрительныя мѣста? Ничего этого нѣтъ. Я не встрѣтилъ даже обыкновенныхъ казачьихъ разъѣздовъ. При такой слабости власти, разумѣется, слѣдовало опасаться еще бóльшихъ несчастій. Такъ и случилось.

Я вернулся домой, то есть на дачу, часовъ около четырехъ. Въ шесть разнесся слухъ, что Петербургъ жгутъ, что пожаръ вспыхнулъ въ лучшей части его, около Невскаго проспекта. Я вышелъ на Строгоновъ мостъ. Надъ Петербургомъ висѣла огромная туча дыма. Пріѣхала дочь моя, которая гостила у своей по-

други, и сообщила, что все около нашей квартиры, Щукинъ и Апраксинъ дворы въ огнѣ. Я съ женой тотчасъ-же отправился въ городъ. У меня въ квартирѣ лежала тысяча рублей денегъ, все мое богатство, и нѣкоторые документы. Мы были въ большой тревогѣ, пока доѣхали до Владимірской. На улицахъ вездѣ стояла сумятица, но о грабежахъ не было нигдѣ слышно. Домъ Фридрихса атакованъ былъ огнемъ съ двухъ сторонъ: со стороны Щербакова переулка, который, казалось весь пылалъ, и со стороны Троицкаго переулка, гдѣ тоже горѣло. Щукинъ дворъ и Апраксинъ уже не существовали. Было въ огнѣ и министерство внутреннихъ дѣлъ. Сила пожара напирала на министерство просвѣщенія и на Пажескій корпусъ. Ихъ всячески старались отстоять. Изъ нашего дома почти всѣ выносили свои пожитки. Что̀ намъ дѣлать? Спасать больше всего надо было мой кабинетъ—но какъ? Насъ съ женой было только двое. Рабочіе люди разбирались на расхватъ. Мы собрали мои бумаги, да кое-какой скарбъ и связали въ узлы, но вынести ихъ было некому. Ко мнѣ зашли князь Волконскій, Капнистъ, и Струговщиковъ. Всѣ они предлагали свои услуги. Но домъ Фридрихса такъ геройски сопротивлялся напору двухъ огней, что мы рѣшились быть на готовѣ, но не торопиться съ выноской вещей. Послѣ полуночи, когда опасность для нашей квартиры нѣсколько уменьшилась, я, оставивъ жену вмѣстѣ съ подошедшимъ тѣмъ временемъ Целинскимъ, поѣхалъ на дачу, чтобы успокоить дѣтей и прислать оттуда Иванова и няню—что и было сдѣлано. Лишь подъ утро, не раздѣваясь, бросился я на диванъ и кое-какъ заснулъ.

Весь день прескверно себя чувствовалъ; сильный пароксизмъ и головная боль.

— 29. Вторникъ. Пожаръ произвелъ страшное опустошеніе. Въ Чернышевомъ переулкѣ и въ Троицкомъ еще догораютъ дровяные дворы, и домъ Фридрихса еще не въ безопасности. Общее мнѣніе, что поджигаютъ. Разсказываютъ, что въ разныхъ мѣстахъ задержаны люди съ горючими веществами.

Часть моихъ вещей перевезена въ редакцію и сложена въ кладовую. Серебро, котораго впрочемъ у меня немного, я взялъ къ себѣ на дачу. Библіотеку-же и часть бумагъ пришлось оставить въ кабинетѣ запертыми.

— 30. Среда. Пожаръ на Пескахъ. Я поѣхалъ въ городъ въ 11 часовъ утра. На Царицыномъ лугу были войска и Государь. Городъ въ большомъ волненіи. Въ поджигательствѣ никто не сомнѣвается. Разсказамъ, слухамъ, толкамъ нѣтъ конца.

Вчера и сегодня вѣтеръ ревѣлъ и по временамъ превращался въ бурю. Сильно холодно.

— 31. Четвергъ. Несомнѣнно, кажется, что пожары въ связи съ послѣдними прокламаціями. Еслибы поджоги производились простыми мошенниками, то были-бы покушенія къ грабежу. Ихъ нигдѣ не оказалось...

Объявлено отъ полиціи, что по высочайшему повелѣнію составлена комиссія для оказанія пособія пострадавшимъ отъ пожара. Многіе совершенно все потеряли. Между такими находится и добрый мой благородный Вороновъ. Семейство его отправилось на лѣто въ Псковъ. Самъ онъ тоже ѣздилъ туда на Троицынъ день и когда вернулся, въ понедѣльникъ вечеромъ, то засталъ квартиру свою въ пламени. Уже ничего нельзя было спасти.

Объявлено отъ правительства, что всѣхъ, кто будетъ взятъ съ поджигательными снарядами и веществами или задержанъ по подозрѣнію въ поджигательствѣ, а равно и подстрекателей къ безпорядкамъ судить будутъ военнымъ судомъ въ двадцать четыре часа.

Приняты мѣры: всѣ дворы заперты; у воротъ сидятъ дворники, которые обязаны смотрѣть, чтобы во дворъ не проходили люди подозрительные. Усилены патрули. Вечеромъ былъ на дачѣ у министра Валуева. Однако, объясненія по дѣламъ редакціи не состоялись. Министръ готовился къ докладу Государю.

Іюнь.—2. Суббота. Ужасно холодно въ комнатахъ; на воздухѣ семь градусовъ. Пожары укротились. Въ восемь часовъ вечера получилъ отъ товарища министра статью для завтрашняго номера объ открытіи въ Сампсоніевскомъ и въ Введенскомъ училищахъ злоумышленническаго преподаванія о томъ, что надо Петербургъ жечь и проч. Это проповѣдывалось въ воскресныхъ школахъ, заведенныхъ въ этихъ училищахъ для рабочаго класса. Наряжена комиссія для изслѣдованія. Я поѣхалъ тотчасъ въ типографію, и при мнѣ набрали статью.

Разговоръ съ радикаломъ.

— Надо все разрушить: бей направо и налѣво.

— Для чего же?

— Разумѣется, чтобы истребить все накопившееся зло и достигнуть чего-нибудь лучшаго.

— Но кто же построитъ на мѣсто разрушеннаго это лучшее?

— Сама жизнь.

— Хорошо, но, во-первыхъ, кто же вамъ далъ право насильственно вести людей къ этому лучшему? Они не хотятъ имѣть васъ своими вождями: васъ никто къ тому не уполномочивалъ. Кто вы? Гдѣ ваши кредитивы? А во-вторыхъ, гдѣ гарантіи, что это лучшее, ради котораго вы требуете столько жертвъ, будетъ дѣйствительно достигнуто?

— 3. Воскресенье. Утромъ у товарища министра. Объяснялся о кое-какихъ дѣлахъ по редакціи. Просилъ и его доставить кое-какіе факты о пожарѣ: иначе мы не можемъ ничего напечатать. Обѣщалъ.

Пойманы и признались двое поджигателей: мужикъ и баба, которымъ кто-то далъ по 25 рублей за это ужасное дѣло. Но этого кто-то или этихъ не могутъ отыскать. А въ нихъ-то и вся сила.

Государь не соглашается на смертную казнь. Народъ все думаетъ, что поджигаютъ студенты. Головнинъ писалъ Валуеву, чтобы тотъ сдѣлалъ объявленіе въ томъ смыслѣ, что напрасно обвиняютъ студентовъ. Валуевъ отвѣчалъ отказомъ.

Очевидно, существуетъ какой-то заговоръ, вѣтви котораго распространены далеко. Бѣдная Россія! Какимъ хаосомъ тебѣ угрожаютъ!

— 5. Вторникъ. Разумѣется, ультра-прогрессисты хотятъ сломить все старое: тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Но разумѣется также и то, что они должны встрѣчать противодѣйствіе со стороны умѣренныхъ. Двѣ силы должны уравновѣшивать себя взаимно. Смерть безъ жизни была бы только смерть; жизнь безъ смерти лишилась бы обновленія, оцѣпенѣла бы, сдѣлалась бы минераломъ, не болѣе. Во всемъ этомъ есть своя логика, своя правильность.

Виновныхъ въ поджогѣ велѣно судить полевымъ уголовнымъ уложеніемъ, а право конфирмаціи Государь предоставилъ военному генералъ-губернатору.

— 9. Суббота. Бѣдное мое отечество! Видно придется тебѣ сильно пострадать. Темныя силы становятся въ тебѣ все отважнѣе, а честные люди все трусливѣе... Передо мной программа двухъ лекцій изъ нравственной философіи, которыя намѣренъ читать публично Лавровъ. Программу эту я взялъ, какъ членъ факультета, для того, чтобы представить на нее свои замѣчанія. Боже мой! что за философія... Я написалъ протестъ и послалъ его въ факультетъ.

Вы хотите кровавыми буквами написать на вашихъ знаменахъ: свобода и анархія. Мы напишемъ на своихъ: свобода, законъ и власть, охраняющая свободу и законъ.

...Умъ и трудъ—вотъ въ чемъ состоитъ гарантія человѣческаго существованія и самое право на него человѣка. Потому-то, если вы не развили своего ума, если вамъ недостаетъ знанія, которое, какъ извѣстно, есть сила, и если вы не трудитесь—вы непремѣнно должны впасть въ зависимость или отъ природы, или отъ подобнаго себѣ, болѣе знающаго и болѣе трудящагося. Что̀ не уступаетъ уму и труду, то уже выходитъ изъ-подъ власти человѣка; тутъ остается только терпѣть.

— 10. Воскресенье. Былъ у Плетнева на дачѣ за Лѣснымъ корпусомъ. Онъ все еще боленъ. Рана на груди его до сихъ поръ не закрывается. Онъ очень измѣнился. Ужъ не начало-ли это конца? Мнѣ стало грустно...

Погулялъ немного по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ лѣтъ пятнадцать мирно протекали наши дачные дни. Еще грустнѣе стало. Вечеръ очень холодный. Когда вернулся домой, было всего восемь градусовъ. Ночь исполнена всякихъ мерзостей. Заснулъ только подъ утро.

— 11. Понедѣльникъ. Извѣстны слова Шварценберга: „Мы (то-есть, австрійцы) удивимъ міръ нашею неблагодарностью". Не пришлось-бы намъ удивить міръ безсмысліемъ нашихъ дракъ, нашихъ пожаровъ, нашего поклоненія бѣглому апостолу революціи Герцену, изъ Лондона, изъ безопаснаго пріюта командующаго!

Находятъ сходство между временемъ Людовика XIV и Николая I, между временемъ Людовика XVI и нашимъ временемъ....

...Ложь, ложь и ложь—даже не заблужденіе, а ложь. Позна-

комился въ редакціи съ Китара, нашимъ будущимъ корреспондентомъ съ Лондонской выставки.

Еще прекрасная новость: говорятъ о подметныхъ письмахъ, въ которыхъ обѣщаютъ отравлять пищу и питье жителей.

— 12. Вторникъ. Вотъ она и реакція, какъ и слѣдуетъ быть послѣ такихъ безсмысленныхъ и гадкихъ дѣлъ, какія надѣлали наши красные. Воскресныя школы велѣно закрыть; женскій пансіонъ въ Вильнѣ также. Школы будутъ преобразованы и подчинены строгому правительственному контролю. Журналы „Современникъ“ и „Русское Слово“ закрыты на восемь мѣсяцевъ. Но главное неудобство всякой реакціи, а особенно нашей, будетъ въ томъ, что тутъ правое потерпитъ наравнѣ съ виноватымъ. Мысли грозитъ опять застой и угнетеніе, а мыслящимъ людямъ, писателямъ, ученымъ—непріязненныя нападки невѣждъ и ретроградовъ.

Вечеромъ у товарища министра. Комиссія для открытія поджоговъ дѣйствуетъ плохо. Она очень мало до сихъ поръ открыла.

Программа Лаврова—это верхъ безстыдства и шарлатанства Я написалъ мои замѣчанія и отправилъ въ факультетъ.

— 13. Среда. Въ „Нашемъ Времени“, въ 122-мъ номерѣ, напечатана довольно откровенная статья о пожарахъ. Тамъ, между прочими о нихъ толками въ обществѣ, говорится о пыткѣ, будто-бы предложенной однимъ изъ членовъ слѣдственной комиссіи.

Скверно, сумрачно, холодно, сыро.

— 14. Четвергъ. Лѣто и для Петербурга даже изумительное. Отвратительный холодъ и дождь. Температура колеблется между шестью, семью градусами тепла. Живущіе на дачахъ особенно терпятъ. На этотъ разъ и намъ попался прескверный домъ, хотя и съ печами, но очень ветхій. Топимъ каждый день и притомъ березовыми дровами, какъ зимою, а тепло не держится. Ко всѣмъ прелестямъ еще сильный вѣтеръ, насквозь пронизывающій.

Дурное свойство реакціи то, что она, какъ коса, проходитъ полосами и срѣзываетъ все—и дурныя травы и хорошія.

Въ массѣ надолго подорвано уваженіе къ именамъ ученаго, литератора, студента.

— 15. Пятница. Болѣе тридцати лѣтъ я въ Петербургѣ и ничего подобнаго не помню: весь почти іюнь свирѣпствуетъ холодъ и такіе переходы, напримѣръ, какъ отъ тринадцати градусовъ вдругъ въ нѣсколько часовъ до девяти, восьми, семи и шести. Сегодня съ самаго утра буря, дождь, а тепла только на пять градусовъ. Невыносимая мерзость. Мы топимъ по два раза въ день. Я работаю въ калошахъ, въ сюртукѣ и въ тепломъ пальто.

Приказано въ сентябрѣ открыть физико-математическій факультетъ при здѣшнемъ университетѣ. А черезъ годъ и остальные.

Ну право-же это просто общественное бѣдствіе вродѣ пожаровъ: теперь уже только 4° на воздухѣ, а у меня въ кабинетѣ послѣ вторичной топки едва дотягиваетъ до 8°.

— 16. Суббота. Есть одна истина—Богъ. Все прочее или полуистины, истины относительныя, или чистая ложь.

Въ литературѣ у насъ привыкаютъ всякую умную статью или сужденіе называть безцвѣтными, если въ нихъ нѣтъ рѣзкаго тона и выраженій радикальнаго свойства. Такъ пріучаютъ общество къ спирту и мѣшаютъ ему находить вкусъ въ томъ, что не опьяняетъ сразу.

Ну право-же, главный редакторъ оффиціальной газеты сильно смахиваетъ на каторжника. Онъ отвѣчаетъ за каждую букву, за каждую запятую, которыя поставлены или выпущены. Пока не вышелъ номеръ, онъ въ тревогѣ; вышелъ номеръ—онъ еще въ бóльшей тревогѣ. Тамъ можетъ быть сдѣлана ошибка, здѣсь она уже сдѣлана и поправить ее нельзя. Публика недовольна тѣмъ, что номеръ не весь по ея вкусу; начальство тѣмъ, что вы литераторъ или ученый, а не чиновникъ. Словомъ, надо имѣть большой запасъ мужества и еще бóльшій запасъ той философіи, которая учитъ многое презирать... Я разумѣю, конечно, редактора, который хочетъ добросовѣстно вести дѣло, который имѣетъ свои опредѣленные виды и не хочетъ, не можетъ отступать отъ однажды признанныхъ за нимъ полномочій...

— 19. Вторникъ. Эти мнимые народные учителя вмѣсто того, чтобы учить народъ—навязываютъ ему свои мысли. Для сѣянія нѣкоторыхъ истинъ, надо прежде удобрить, подготовить почву ума. И потому эти пресловутые учителя наши

очень похожи на пустыхъ болтуновъ, которые заботятся не о томъ, чтобы сдѣлать дѣло, а о томъ, чтобы поскорѣе выболтать то, чего они начитались или наслышались.

Я забылъ отмѣтить въ моемъ Дневникѣ, что я въ субботу поздно вечеромъ получилъ для напечатанія въ „Сѣверной Почтѣ" депешу о томъ, что Лидерсъ раненъ пулею въ Саксонскомъ саду въ Варшавѣ на минеральныхъ водахъ. Мѣстность, гдѣ это произошло, и обстановка заставляютъ думать, что выстрѣлъ сдѣланъ не изъ личныхъ видовъ, но что онъ слѣдствіе какого-нибудь заговора. Преступникъ не схваченъ. Значитъ, ему среди бѣла дня дали способъ уйти.

Сегодня въ половинѣ двѣнадцатаго получилъ депешу, что Лидерсу хуже.

— 22. Пятница. Депеша утромъ изъ Варшавы, что въ Е. И. В. великаго князя Константина Николаевича сдѣланъ выстрѣлъ изъ пистолета при выходѣ его изъ театра. Пуля пробила мундиръ на груди, однако до тѣла едва коснулась. Виновникъ схваченъ на мѣстѣ . . . . Однако, что-же такое будетъ съ обществомъ, если всякій присвоитъ себѣ право осуществлять свои политическія идеи, свои проекты о благѣ народовъ и человѣчества посредствомъ пистолета, пожаровъ и т. п.?

...Онъ пріѣхалъ, чтобы постучаться въ двери службы, но нашелъ, что двери эти для него заперты на замокъ. Посмотрѣлъ въ щелочку замка: видитъ, что хозяева дома, значитъ не хотятъ принять. Съ тѣмъ онъ и уѣхалъ опять за границу.

— 23. Суббота. Человѣкъ гадокъ, жизнь гадка, а еще гаже, зная это, не умѣть сносить ихъ такими, каковы они есть.

Выстрѣлившій въ великаго князя какой-то подмастерье, портной Ярошинскій.

— 26. Вторникъ. Вчера выдался день порядочный, безъ вѣтра, безъ дождя и съ 13° тепла. Сегодня опять заворотило на прежнее. Вѣтеръ, дождь и холодъ.

Опять неурядица въ типографіи, впрочемъ все по части корректуры. Сдѣлана ошибка въ поправкѣ ошибки по поводу запрещенія Аксакову издавать газету „День". Министръ придалъ этому чрезмѣрное значеніе и сдѣлалъ типографіи и редакціи несоотвѣтственно строгій выговоръ. Это съ нѣкоторыхъ поръ

его обыкновенный способъ выражать лично мнѣ свое нерасположеніе. Нѣтъ, рѣшительно надо подавать въ отставку. Всякое живое слово въ газетѣ вызываетъ въ немъ досаду, которую онъ срываетъ на опечаткахъ и тому подобныхъ мелочахъ. Газетѣ грозитъ ограничиваться простою перепечаткою его циркуляровъ и другихъ официальностей.

Третьяго дня я перемѣнилъ главнаго корректора. Первый вздумалъ было по своему усмотрѣнію исправлять статьи газеты. Въ одномъ номерѣ онъ не напечаталъ нѣсколькихъ строкъ, говоря, что такъ лучше. Теперь я опредѣлилъ кандидата нашего университета.

— 27. Среда. Поутру предварительно объяснялся съ Тройницкимъ. Онъ подтверждаетъ, что министръ недоволенъ газетою, придирается ко всему и придаетъ особенную важность бездѣлицамъ, вродѣ опечатокъ, упуская изъ виду главное или не желая на немъ останавливаться. Я объявилъ Тройницкому о своемъ рѣшеніи подать въ отставку, Онъ не отговаривалъ меня отъ этого, соглашаясь, что такъ дѣло дольше вести нельзя.

Пріѣхавъ домой, я написалъ просьбу объ увольненіи и коротенькое письмо къ министру съ изъясненіемъ причинъ, заставляющихъ меня отказаться отъ должности главнаго редактора. Былъ уже часъ, когда я поѣхалъ въ редакцію и оттуда послалъ просьбу и письмо къ Валуеву.

Оказывается, что у Валуева гораздо болѣе бюрократическій складъ ума и гораздо болѣе узкій взглядъ на вещи, чѣмъ онъ заставилъ меня думать сначала. На нашу газету, о которой вначалѣ онъ такъ много и высокопарно толковалъ, онъ, въ концѣ концовъ, смотритъ какъ на вмѣстилище только циркуляровъ и указовъ. Онъ вовсе перестал говорить о существенныхъ интересахъ или задачахъ ея.

Кромѣ того, онъ хотѣлъ-бы, чтобы газета сразу пріобрѣла чуть не десять тысячъ подписчиковъ. Онъ не понялъ, что довѣріе общества можетъ быть заслужено только постепенно.

Когда-же мнѣ случалось напирать на важность дѣла и ссылаться на его собственныя первоначальныя намѣренія, онъ сердился, жаловался, что я его учу.

Что-же въ самомъ дѣлѣ мы, люди пожившіе, благомыслящіе,

друзья прогресса, въ состоянiи сказать по совѣсти молодому, нетерпѣливому, волнующемуся поколѣнiю—что можемъ мы сказать ему о нашихъ дѣятеляхъ?

— 28. Четвергъ. Выходитъ старая пѣснь: что честный и прямодушный образъ дѣйствiй почти всегда обращается въ невыгоду тѣхъ, которые такъ дѣйствуютъ.

— 29. Пятиица. Поутру у Тройницкаго. Продолжительный разговоръ о дѣлахъ „Сѣверной Почты" и о моей отставкѣ. Выходитъ все то-же: министръ желаетъ дать газетѣ такой оборотъ, что мнѣ рѣшительно въ ней нечего дѣлать.

Министръ повезъ сегодня докладъ Государю о моемъ увольненiи.

— 30. Суббота. Получилъ письмо отъ министра Валуева объ увольненiи меня отъ званiя главнаго редактора „Сѣверной Почты". Письмо исполнено самыхъ лестныхъ для меня вещей. Мы разстаемся съ нимъ „въ самыхъ дружественныхъ отношенiяхъ". Да, а дѣла всетаки не могли вмѣстѣ дѣлать!

А врачи опять гонятъ меня къ морю. Теперь, пожалуй, это и можетъ состояться.

Вечеромъ многiе съѣхались ко мнѣ, въ томъ числѣ Тройницкiй и Небольсинъ. Мы пили чай на балконѣ, а вокругъ насъ шумѣли великолѣпная гроза и дождь. Было очень тепло—необычайно для нынѣшняго лѣта.

Iюль.—1. Воскресенье. Былъ у Валуева. Принятъ очень хорошо. Просилъ объ отпускѣ. Онъ согласенъ.

4. Среда. Вчера былъ у Д* Разговоръ о Головнинѣ. Дурно идетъ управленiе министерствомъ: шаткость, вмѣшательство постороннихъ лицъ, незнакомыхъ съ дѣломъ, исканiе популярности. Баронъ Николаи, какъ человѣкъ благородный и способный, былъ-бы, полагаютъ многiе, лучшимъ министромъ въ настоящее время.

Сегодня не безъ грустнаго чувства передалъ я мои обязанности новому редактору. Дѣло это было мнѣ дорого; я многаго отъ него ожидалъ, какъ оказывается, напрасно. Я не могъ продолжать его долѣе, не утративъ моей самостоятельности.

Страшная сырость на этой Черной Рѣчкѣ! Да и дожди-же одолѣли.

— 5. Четвергъ. Странные и страшные слухи ходятъ по го-

роду... Разумѣется, имъ не вѣрю, но распусканіе подобныхъ слуховъ уже имѣетъ свое значеніе.

— 7. Суббота. Поздно вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ Арсеньевъ, и мы вмѣстѣ составили телеграфическую депешу къ Гончарову въ Москву, приглашая его скорѣе вернуться въ Петербургъ. У Валуева есть намѣреніе поручить ему главную редакцію „Сѣверной Почты".

— 8. Воскресенье. Ѣздилъ навѣщать Плетнева. Здоровье его не улучшается: все та же рана на груди. Это очень его ослабляетъ; при этомъ ноги плохо служатъ. Я посидѣлъ у него часа два. На возвратномъ пути меня преслѣдовалъ сильный дождь, а вѣтромъ сломало зонтикъ, такъ что я съ трудомъ укрывался его лоскутьями. Къ счастью, было тепло.

Плетневъ мнѣ разсказывалъ о томъ, какой радушный пріемъ сдѣлала императрица Марія Александровна—писательницѣ Кохановской: послѣдняя была восхищена ея добротой. Прощаясь, императрица сказала ей:

— Желаю вамъ всего лучшаго на свѣтѣ.

— Такъ позвольте же, Государыня, просить у вашего величества теперь же исполненія этого желанія: благословите меня, сказала Кохановская, тронутая ласковымъ обращеніемъ всего царскаго семейства.

Удивительно, какъ при видѣ приближенія къ роковой развязкѣ близко стоявшаго къ вамъ человѣка, въ памяти вашей отчетливо возникаетъ ваше общее съ нимъ прошлое, и какъ при томъ жало зла притупляется, все темное стушевывается, а свѣтлое выступаетъ и осѣняетъ васъ отраднымъ чувствомъ примиренія.

— 10. Вторникъ. Холодно, сыро, бурно. Въ сердцѣ тоска.

Говорятъ, арестовали Серно-Соловьевича, Чернышевскаго и Писарева.

— 11. Среда. Создать вѣрованія мы не въ силахъ, а потрясти ихъ можемъ.

— 13. Пятница. Приготовленія къ отъѣзду. Опять новый походъ къ морю. Не скажу, чтобы мнѣ улыбалась эта, третій разъ предпринимаемая, погоня за призракомъ здоровья. Но врачи требуютъ, мои настаиваютъ и упрашиваютъ—ѣдемъ.

— 14. Суббота. Сегодня выѣзжаю по желѣзной дорогѣ на Эйдкуненъ въ Булонь.

За границей. . . . . .

— 19. Четвергъ. Еще въ Берлинѣ встрѣтились мы со Страховымъ и до сихъ поръ все бродимъ вмѣстѣ и по Дрездену. До наивности добрый, мягкій и умный—онъ очень пріятный спутникъ. Сегодня мы вмѣстѣ посѣтили картинную галлерею. Вотъ опять божественная Мадонна Рафаэля. Нынѣшній разъ она мнѣ показалась еще совершеннѣе. Я около часу смотрѣлъ на нее, разбирая каждую черту картины отдѣльно и потомъ снова соединяя ихъ. Нѣтъ! ничего подобнаго еще не производило искусство, да врядъ-ли въ состояніи произвести еще когда-нибудь. Для созданія такого лика нужна дѣтская беззавѣтная вѣра, время для которой навсегда миновало. Я было всталъ, чтобы идти смотрѣть на другія картины, и опять вернулся къ Мадоннѣ, да такъ и просидѣлъ передъ ней все время, что пробылъ въ галлереѣ. Затѣмъ только мелькомъ взглянулъ на Мадонну Гольбейна, на Корреджіеву ночь, на бракъ въ Канѣ Галилейской Веронеза, на Мадонну Мурильо.

Здѣсь же въ Дрезденѣ встрѣтилъ я князя Г. П. Волконскаго съ сыномъ его, юношею двадцати лѣтъ, который ѣдетъ продолжать ученіе въ Боннскій университетъ. Онъ уже пять лѣтъ учился въ Веве и сдалъ въ Женевѣ пріемный экзаменъ въ университетъ. Молодой человѣкъ произвелъ на меня хорошее впечатлѣніе. Князь-отецъ возлагаетъ на него большія надежды.

— 20. Пятница. Остроуміе такой спиртъ, который очень скоро выдыхается, если его часто откупориваютъ.

Поутру у Вольфсона. Онъ принялъ меня дружески. Жаловался, что ему не высылаютъ изъ Петербурга субсидій, книгъ, журналовъ. Разсказалъ мнѣ анекдотъ о Бакунинѣ, когда тотъ бушевалъ въ Лейпцигѣ, въ 1848 году. Бакунинъ находился въ большой опасности; его преслѣдовали, и если-бъ онъ былъ пойманъ, то его разстрѣляли-бы. Спасаясь отъ преслѣдователей, Бакунинъ явился къ Вольфсону и просилъ у него убѣжища на ночь. Вольфсонъ скрылъ его у себя. Въ слѣдующее утро, на прощанье, Бакунинъ сказалъ ему:

— Ты оказалъ мнѣ услугу, потому предупреждаю тебя: если

наша возьметъ верхъ, не попадайся мнѣ: повѣшу или разстрѣляю.

Во время рѣзни въ Дрезденѣ, въ томъ же году, Бакунинъ, по юсловамъ того-же Вольфсона, направлялъ пушки на картинну галлерею.

Вечеромъ заѣзжалъ за мной князь Волконскій, и мы вмѣстѣ отправились за городъ на народный праздникъ и немного побродили тамъ въ толпѣ, среди ярмарочныхъ палатокъ и столовъ съ пряниками и разными другими сластями. Затѣмъ проѣхали на Брюлевскую террасу, посидѣли тамъ, а въ заключеніе и на террасѣ отеля „Бельвю", и въ ночномъ полумракѣ любовались Дрезденомъ, усѣяннымъ сверкающими огоньками.

— 22. Воскресенье. Вечеръ у Вольфсона, гдѣ познакомился съ актрисою Янаушекъ. Она чешка и, по словамъ Вольфсона, великая артистка. Наружность у нея изящная и эффектная. Она собирается въ Петербургъ.

— 25. Среда. Въ Брюсселѣ. Вечеромъ успѣли еще побывать въ саду, который не лучше и не больше нашего Лѣтняго, но содержится гораздо менѣе чисто. а между тѣмъ, оттуда уже съ десяти часовъ вечера изгоняется публика: это въ іюнѣ и въ іюлѣ, а въ августѣ и въ сентябрѣ съ девяти часовъ. Кромѣ того, по саду и среди бѣла дня запрещается ходить съ узлами и пакетами. Мы несли съ собой бумажный мѣшечекъ съ двумя фунтами вишенъ. Къ намъ подошелъ блюститель порядка въ форменной одеждѣ и учтиво, но внушительно попросилъ насъ удалиться, такъ какъ въ городской садъ не допускаютъ никого съ „ношею".—Дворецъ противъ сада ни величественъ, ни богатъ.

Впрочемъ, вообще Брюссель на видъ прекрасный—одинъ изъ лучшихъ въ Европѣ городовъ. Общая его физіономія сильно напоминаетъ Парижъ. Но окрестности его мало привлекательны: страна кругомъ плоская и мѣстами болотистая. Бельгійцы тоже напоминаютъ собой французовъ: та-же живость въ языкѣ и въ движеніяхъ.

— 26. Четвергъ. Ровно въ полночь пріѣхали въ Булонь Благодаря позднему часу, у станціи желѣзной дороги не оказалось экипажей, и мы, взявъ носильщика, пѣшкомъ отправились въ отель „Брайтонъ". Бушевала страшная буря. Вѣтеръ безжалостно рвалъ и трепалъ насъ. Но мнѣ было хорошо. Я съ жад-

ностью глоталъ влажный, іодистый, бодрящій воздухъ. Съ океана, среди рева волнъ, иногда раздавались пушечные выстрѣлы.

— 27. Пятница. Въ отелѣ такая дороговизна, что нѣтъ возможности оставаться въ немъ. Я рѣшился отправиться въ пансіонъ госпожи Вильбенъ, гдѣ останавливался въ первый разъ. Мадамъ Вильбенъ меня тотчасъ признала и выразила большую радость: я чуть не задохся въ благоуханной атмосферѣ розовыхъ улыбокъ, которыхъ она напустила на меня цѣлый рой. Но главное оказалось, что у нея есть двѣ свободныя комнаты и тѣ самыя именно, которыя мы занимали прежде. Прекрасно! Мы тотчасъ ихъ взяли и сладили дѣло по прежней цѣнѣ, то-есть за восемьдесятъ франковъ съ двоихъ въ недѣлю, что ровно въ половину дешевле, чѣмъ въ отелѣ.

Какъ-то странно и грустно видѣть себя въ томъ-же жилищѣ, гдѣ жилъ два года тому назадъ, но при другихъ условіяхъ. Здѣсь все по-старому: та же мебель, тѣ-же постели, вся прежняя обстановка. Такъ и кажется, вотъ войдетъ жена со своей добродушной и нѣжной заботливостью обо мнѣ и спроситъ: не идти-ли намъ на жете, или погулять по городу, или на рынокъ за плодами?

— 29. Воскресенье. Мы провели препріятный вечеръ на жете. Было тихо; луна выплыла изъ-за тучъ и бросала свой серебристый свѣтъ на городъ и океанъ. Вдали мелькали огоньки маяка. Пришелъ слѣпой пѣвецъ съ гитарою и, подъ акомпаниментъ ея и шума волнъ, звучнымъ и пріятнымъ голосомъ пропѣлъ прощаніе матроса съ сушею. Все это было чрезвычайно эффектно, и для довершенія живости впечатлѣнія мимо насъ пронесся англійскій пароходъ въ даль океана, а навстрѣчу ему плылъ другой изъ Англіи.

Августъ.—3 (15). Пятница. Ровно въ шесть часовъ утра пушечные выстрѣлы возвѣстили о сегодняшнемъ праздникѣ—именины Наполеона. У домовъ вывѣшены трехцвѣтные флаги. Увидимъ, что̀ будетъ далѣе. Но празднику, кажется, угрожаетъ дождь, хотя очень тепло. Да вотъ ужъ и пошелъ—теперь 9 часовъ.

Вечеромъ всѣ казенные дома были иллюминованы. Особенно хорошо былъ иллюминованъ домъ супрефекта. Флаги пестрѣли

у всѣхъ домовъ. Толпы народа весело, живо волновались по улицамъ. Мы отправились къ верхнему городу, гдѣ и безъ того теперь довольно шумно, потому что тутъ ярмарка. Но сегодня стеклись сюда, кажется, тысячи народа—и старъ и младъ, мужчины и женщины. Тутъ въ балаганахъ даютъ разныя представленія. Музыка въ разныхъ мѣстахъ то реветъ съ барабаннымъ стукомъ и трубами, то дребезжитъ и гудитъ какъ-то дико и нелѣпо; крикъ, гамъ, пискъ, пѣніе, говоръ, пусканье ракетъ—словомъ, какъ говорится у насъ, свѣтопреставленіе. Самое большое и пестрое сборище и хаосъ лицъ, словъ, движеній—у карусели. Вечеръ былъ тихій и теплый, слѣдовательно, какъ нельзя болѣе благопріятствовалъ веселью. Да и мастера-же французы веселиться! На одной площадкѣ заиграли польку. Нѣсколько рыбачекъ и горничныхъ, охвативъ другъ друга за талію, вдругъ выскочили изъ толпы и, прыгая подъ тактъ музыки, живо завертѣлись вокругъ водоема. Это было очень оригинально, весело и живо. Здѣшнія француженки изъ простаго класса особенно цвѣтущи и красивы. Лица ихъ чисты и какъ-будто отчеканены легкимъ, деликатнымъ рѣзцомъ. Черные оживленные, влажные глаза, черные волосы, необыкновенная живость и грація движеній—все это очень привлекательно, даже почти во всякой дѣвочкѣ-замарашкѣ.

— 4. Суббота. Я встрѣтился въ Дрезденѣ съ княземъ Юсуповымъ. Рѣчь у насъ зашла о Герценѣ и его революціонныхъ листкахъ, которыми онъ наводняетъ Россію. Вотъ что онъ разсказалъ мнѣ по этому случаю.

— Въ Берлинѣ покупалъ я въ книжномъ магазинѣ кое-какія нѣмецкія книги. „А не хотите-ли вы русскихъ?“ спросилъ у меня услужливый книгопродавецъ.—Какихъ-же? „Да вотъ, напримѣръ, герценовскихъ; у меня есть всевозможныя его сочиненія: и прежнія и самыя новыя“.—Нѣтъ, отвѣчалъ я,—у насъ нынѣ очень строго преслѣдуются эти вещи, и я боюсь, что не довезу ихъ до Петербурга: у меня отберутъ на границѣ. „Вотъ пустяки! я вамъ доставлю въ Петербургъ сколько угодно, прямо въ вашъ домъ, въ вашъ кабинетъ“.—Это удивительно. Но если я вздумаю задержать того, кто мнѣ ихъ принесетъ? „Не безпокойтесь! вы не въ состояніи будете этого сдѣлать: вы и не увидите того, кто вамъ принесетъ ихъ“.

— 5. Воскресенье. Вопросъ: общество-ли дѣлаетъ человѣка негоднымъ или человѣкъ общество?

Въ четыре часа пошли смотрѣть церковную процессію. Нѣсколько дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ покрывалахъ и съ бѣлыми вѣнками на головѣ держали голубой покровъ и сопровождали огромную корзину съ цвѣтами. Впереди несли хоругви, позади ихъ отрядъ зуавовъ—музыкантовъ. У нѣкоторыхъ домовъ, особенно у казенныхъ, были вывѣшены флаги—бѣлые съ голубымъ. Процессія эта вошла въ церковь въ Готевилѣ, гдѣ и началась служба. Служилъ епископъ. Мы вошли въ церковь, но не дождались конца. Между тѣмъ пошелъ дождь и испортилъ процессію.

— 8. Среда. Надобно вездѣ являться на помощь и всегда, сколько есть нашихъ силъ, поддерживать все честное, истинное и справедливое. Вотъ мой девизъ, и я во всю мою жизнь старался слѣдовать ему, и по влеченію моихъ нравственныхъ инстинктовъ, и сознательно. Ибо мы можемъ только помогать созиданію, а не созидать.

Человѣкъ ничуть не лучше животнаго, когда онъ ѣстъ, пьетъ, спитъ, размножаетъ родъ свой; онъ становится немного лучшимъ, когда мозгъ его вырабатываетъ цѣпь понятій и занимается отправленіями мысли. Но онъ становится положительно выше животнаго — существомъ особаго рода, когда рѣшается на одно истинное, честное и справедливое.

Послѣ обѣда мы отправились въ концертъ. Зала была биткомъ набита. Пѣла какая-то Луиджи—ученица, какъ сказано на афишѣ, Россини. Это и видно было: она уже очень немолода. Пѣла она усердно и, какъ кажется, по хорошей методѣ, но голосъ ея уже потерялъ свѣжесть и чистоту. Тальбергъ игралъ на фортепіано, по выраженію сидѣвшаго возлѣ меня француза, какъ принцъ искусства, и на скрипкѣ игралъ какой-то неслыханный еще скрипачъ Сидичелли—и игралъ превосходно.

— 9. Четвергъ. Каждый день процессіи въ честь Божіей Матери. Вотъ сейчасъ прошли съ хоругвью женщины, повидимому, рыбачки, въ черныхъ платьяхъ и бѣлыхъ чепцахъ.

— 10. Пятница. Здоровье здоровьемъ, а дѣло дѣломъ. Сіе должно дѣлать и онаго не оставлять, какъ очень умно сказано въ весьма умной книгѣ. Меня сильно занимаетъ мысль написать

сочиненіе въ видѣ письма изъ за границы о нынѣшнихъ нашихъ дѣлахъ и послать для напечатанія въ „Сѣверную Почту“. Я накидалъ уже на бумагу нѣсколько идей и продолжаю каждое утро заниматься этимъ. Лучше что-нибудь, чѣмъ ничего. Голосъ честнаго человѣка можетъ что-нибудь значить въ настоящее время, когда такъ сильно кричатъ демагоги и друзья Герцена.

Сильно надоѣдаютъ эти частые трубные звуки, которые раздаются по городу отъ марширующихъ зуавовъ. Вѣроятно, это исполненіе какихъ-нибудь служебныхъ требованій; но къ чему же это безпрерывное хожденіе по улицамъ и трубленіе? А вотъ также и духовныя процессіи. Говорятъ, что они обыкновенно продолжаются здѣсь недѣли три сряду.

— 12. Воскресенье. Великолѣпная религіозная процессія. Изъ собора въ Готевиль въ четыре часа потянулись ряды дѣвицъ — маленькихъ, среднихъ и большихъ, одѣтыхъ въ бѣлыя платья, съ вѣнками изъ бѣлыхъ розъ на головѣ. Ихъ было не менѣе, а можетъ быть и болѣе, тысячи. Онѣ шли отрядами. Каждый отрядъ сопровождалъ какой-нибудь символъ, относящійся къ Божіей Матери, или-же ея изображеніе на хоругви. Нѣкоторые отряды состояли изъ мальчиковъ, старухъ убогихъ, призрѣваемыхъ какимъ-то обществомъ, монахинь, матросовъ, несшихъ модель лодки и посреди нея маленькую статую Божіей Матери, духовенства, а въ заключеніе—епископъ, который нарочно сюда пріѣхалъ для этого праздника. Нѣкоторые отряды дѣвицъ пѣли гимны, а сверхъ того, процессію сопровождали два оркестра военной музыки. Шествіе началось ровно въ четыре часа, обошло главныя улицы, набережную и опять возвратилось въ соборъ. Мы съ двухъ пунктовъ видѣли эту процессію— на площади противъ крѣпости, когда она только-что показалась изъ воротъ послѣдней, и на набережной, возлѣ нашей квартиры. Все это великолѣпно, даже во многомъ изящно, но не величественно. Это больше зрѣлище для развлеченія, на что французы такъ жадны, чѣмъ религіозное торжество для возбужденія благочестія. Все это слишкомъ обременено символами, слишкомъ нарядно, слишкомъ внѣшне, дѣйствуетъ гораздо больше на внѣшнія чувства, чѣмъ на сердце. Католическое духовенство не знаетъ, кажется, мѣры въ обрядности. Стеченіе народа здѣсь

было огромное, но толпа вела себя такъ чинно, что тремъ полицейскимъ сержантамъ, которыхъ я замѣтилъ, казалось, вовсе нечего было дѣлать.

— 13. Понедѣльникъ. Сегодня опять процессія. Вотъ раздаются свѣжіе женскіе голоса и ревъ вчерашняго какого-то попа, у котораго неслыханной свирѣпости голосъ. Я выглянулъ въ окно: вотъ опять повалили толпы отъ желѣзной дороги къ Готевилю.

— 15. Среда. Вотъ что важно въ этихъ странахъ: всякій человѣкъ сознаетъ здѣсь свое достоинство и послѣдній поденщикъ, подметающій соръ на улицѣ, также мало способенъ допустить, чтобы его оскорбили, поступили съ нимъ несправедливо и незаконно, какъ и какой-нибудь депутатъ, засѣдающій въ законодательномъ собраніи.

— 17. Пятница. Въ Петербургѣ у насъ все кажется порядочно и тихо. Я заключаю это изъ того, что въ здѣшнихъ газетахъ рѣшительно ни слова о Россіи, кромѣ телеграфическихъ депешъ о смутахъ въ Варшавѣ, какъ будто она не существуетъ на европейской картѣ. Дай Богъ, чтобы она меньше подавала и повода говорить о себѣ въ газетахъ, ибо для газетныхъ рѣчей нужны пожары, рѣзня, висѣлицы и тому подобныя возбудительныя вещи. Теперь довольно и одной Италіи. Бѣдный Гарибальди, кажется, сдѣлалъ фальшивый шагъ. Не попасть бы Италіи прямо въ руки Наполеону III-му! Вотъ ужъ здѣсь, говорятъ, изъ Шалонскаго лагеря зуавы двигаются къ Ниццѣ.

— 19. Воскресенье. Сегодня въ „Constitutionnel“ я прочиталъ, что Гарибальди взятъ въ плѣнъ войсками Виктора Эммануила. Гарибальди по всѣмъ законамъ долженъ быть осужденъ на смерть. Но, само собой разумѣется, что его предшествовавшія заслуги, весь характеръ его дѣятельности ставятъ его внѣ закона, то-есть выше закона. Онъ, конечно, будетъ помилованъ.

— 29. Среда. Человѣкъ—первый виновникъ всѣхъ своихъ бѣдъ, хотя всегда готовъ обвинять въ нихъ судьбу или кого угодно, хоть папу Римскаго, только не себя.

Сентябрь.—1. Суббота. Вечеръ проведенъ въ семействѣ лондонскаго русскаго священника Попова, Евгенія Ивановича. Это весьма образованный человѣкъ. У него двѣ милыя дочери. Но странно какъ-то, зная, что онѣ русскія, слышать въ разго-

ворѣ ихъ иностранный выговоръ. Онѣ родились и воспитывались въ Лондонѣ.

— 5. Среда. Сборы въ дорогу. Довольно подличать съ океаномъ. Каждый день по нѣскольку разъ ходилъ я къ нему на поклонъ, восхищался имъ во всякое время и во всѣхъ его видахъ—въ грозномъ величіи и въ безмятежномъ покоѣ, довѣрчиво погружался въ его волны: чѣмъ-то онъ мнѣ за все это воздастъ?

— 7. Пятница. (Въ Парижѣ.) Заѣзжалъ сегодня въ канцелярію нашего посольства узнать, не будетъ-ли завтра какого-нибудь торжества у живущихъ здѣсь русскихъ, по случаю празднованія завтра тысячелѣтія Россіи. Не будетъ ничего, кромѣ обѣдни и молебна.

— 8. Суббота. Поутру въ церкви. Нашелъ тамъ не такъ много русскихъ, какъ ожидалъ. Киселевъ былъ въ парадной формѣ, также, какъ и члены посольства. Здѣсь я неожиданно встрѣтилъ графа Блудова, съ графиней Антониной Дмитріевной, Батюшкова, графа Апраксина, доктора Каталинскаго.

Церковь наша, дѣйствительно, очень хороша, особенно внѣшній видъ. Внутри она расписана въ византійскомъ стилѣ. Французскіе пѣвчіе пѣли хорошо и только немногіе слова выговаривали, нѣсколько смягчая ихъ.

Послѣ обѣда былъ у меня Франчески, которому обо мнѣ писали. Онъ мнѣ очень любезно предложилъ разныя услуги въ путешествіи по Парижу и хотѣлъ доставить мнѣ билеты въ нѣкоторыя общественныя учрежденія. Разговоръ о политикѣ въ весьма умѣренномъ тонѣ. Франчески очень щеголеватый французъ, съ изысканными манерами и нѣсколько приторною любезностью. Сегодня же были въ саду акклиматизаціи. Тутъ много любопытнаго—между прочимъ, такіе громадные страусы, какихъ можно видѣть развѣ только въ Африкѣ. Ихъ семь штукъ; они, какъ чопорныя дамы, расхаживали въ своемъ отдѣленіи.

— 9. Воскресенье. Во всякомъ французѣ первая мысль при встрѣчѣ съ вами—сдѣлать впечатлѣніе, произвести эффектъ.

Если подумаешь, что въ милліонахъ этихъ улыбокъ, этихъ обязательныхъ пожеланій и увѣреній, расточаемыхъ съ такою роскошью, въ этихъ горячихъ, дружескихъ рукопожатіяхъ нѣтъ ни капли правды; что во всемъ этомъ скрывается затаенное: „чортъ тебя возьми, мнѣ нѣтъ до тебя никакого дѣла“; или: „сколько

я могу содрать съ тебя денегъ?"—когда все это сообразишь, тогда естественно приходишь къ мысли, что человѣкъ получаетъ отъ цивилизаціи все: богатство, комфортъ, внѣшній лоскъ, блескъ и пр. и пр., кромѣ одного: кромѣ возможности быть лучшимъ.

— 11. Вторникъ. Получилъ отъ Франчески кучу билетовъ въ тѣ мѣста, куда безъ билетовъ не пускаютъ. Были въ Люксенбургѣ. Осматривали комнаты и картины, изображающія подвиги Наполеоновъ I-го и III-го, напримѣръ, когда послѣдній принимаетъ императорскій титулъ, вѣнчается съ Евгеніей, посѣщаетъ рабочихъ и т. д. Внизу любопытна комната Маріи Медичи, сохраненная въ томъ видѣ, какъ была при ней. Но самое любопытное въ Люксенбургскомъ дворцѣ—это зало засѣданій сената. Она, дѣйствительно, великолѣпна и достойна хоть-бы не нынѣшнихъ холопствующихъ французскихъ сенаторовъ.

— 13. Четвергъ. Обозрѣвали въ Луврѣ музей. Въ галлереѣ антиковъ мы, само-собой разумѣется, больше всего времени посвятили Венерѣ Милосской. Но то, чего я не видалъ прошедшій разъ въ Луврѣ—это чрезвычайно интересное собраніе историческихъ вещей. Тутъ: мечъ и скипетръ Карла Великаго, кресло Дагоберта, нѣкоторыя туалетныя принадлежности и даже поношенный башмакъ Маріи Антуанетты. Очень интересны еще вещи, находившіяся въ употребленіи у Наполеона I, именно: его кресло, довольно потертое; походный столикъ, чрезвычайно простой, со складнымъ стуломъ; бюро, походная кровать съ пологомъ, тюфякомъ и одѣяломъ; знаменитый его сѣрый сюртукъ и треугольная шляпа, которую онъ носилъ на островѣ Святой Елены; туника и мантія, въ которой онъ короновался; колыбель короля Римскаго и пр. Все это осматривалъ съ двѣнадцати до трехъ и порядочно усталъ, такъ что не могъ уже ѣхать въ Клюни, какъ предполагалъ было. На сегодня довольно.

— 14. Пятница. Я познакомился съ нашимъ умнымъ священникомъ отцомъ Іосифомъ Васильевымъ. Засталъ у него нѣсколько русскихъ: Бутурлина, Малоземова, Евреинова. Въ часъ въ Тюльерійскій дворецъ. Входъ дозволенъ только въ парадныя комнаты. Все это, разумѣется, великолѣпно. Но всего лучше видъ изъ Маршальской залы на площадь Конкордъ и на Тріумфальную арку. Да и само зало Маршаловъ очень хорошо.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ на дощечкахъ надпись, что строго воспрещается давать деньги служителямъ. Но должно быть имъ запрещено и говорить: иные изъ посѣтителей обращались къ нимъ съ вопросами о нѣкоторыхъ предметахъ, но служители были глухи и нѣмы. Отчего не пускаютъ въ жилыя комнаты Наполеона? Говорятъ, что тамъ что-то передѣлываютъ. Но я подозрѣваю другую причину: можетъ быть, Наполеонъ не хочетъ, чтобы всякому было извѣстно, гдѣ его можно найти. Потомъ осматривали Клюни. Всего интереснѣе само зданіе Клюни по своей древности, которая восходитъ до временъ римлянъ. Много барельефовъ, статуй, разныхъ обломковъ XI и XII вѣковъ. Намъ, русскимъ, интересны еще: образъ Божіей Матери, взятый при разрушеніи Бомарзунда—складной, старинной суздальской живописи въ мѣдной оправѣ. Потомъ въ саду, какъ трофей, чугунный крестъ изъ Севастополя, попорченный видно ядрами и снятый съ церкви.

Пасмурно, но тихо и тепло какъ въ іюнѣ или іюлѣ. А у насъ въ Петербургѣ, кому-то писали оттуда, десятаго выпалъ снѣгъ.

— 15. Суббота. Въ одиннадцать часовъ въ Сенклу. День очаровательный, только жарко. Въ Сенклу мы походили въ паркѣ, дошли по аллеѣ до башни и оттуда любовались Парижемъ, который тутъ почти также виденъ, какъ съ Бельвю или съ Медонской террасы. Затѣмъ мы отправились въ Севръ, въ сопровожденіи какого-то увріе, шедшаго съ боченкомъ за пивомъ по одной съ нами дорогѣ. Въ Севрѣ осмотрѣли знаменитую фабрику фарфоровую и видѣли почти всѣ ея сокровища, кромѣ тѣхъ, которыя увезены на лондонскую выставку—слѣдовательно главныхъ-то и не видѣли. Но и видѣннаго довольно, чтобы составить себѣ понятіе о совершенствѣ, до котораго доведена здѣсь отдѣлка матеріала и живопись. Но и дороги же всѣ эти вещи. Одна тарелка столовая—350 франковъ. Есть вазы по 30, 20 и 18 тысячъ франковъ.

Изъ Севра въ Бельвю, гдѣ мы посидѣли на скамейкѣ и посмотрѣли на Парижъ, оттуда представляющійся океаномъ зданій, береговъ котораго не видно, и среди котораго съ лѣвой стороны, зеленѣетъ только одинъ островъ—Булонскій лѣсъ.

Вотъ, наконецъ, и Медонская терраса, которая мнѣ нравится

больше всѣхъ другихъ пунктовъ, откуда можно наслаждаться великолѣпнымъ зрѣлищемъ города, незнающаго, повидимому, границъ своему объему, своей производительной мелкой и крупной дѣятельности, кипучести своихъ страстей, города, поставившаго себя такъ высоко въ исторіи и спустившагося въ настоящее время такъ низко къ подножію Наполеонова трона—словомъ, города, который и видѣть и узнать необходимо для полноты знанія человѣка, то-есть того, какъ онъ можетъ возвыситься и пасть, какихъ мерзостей и ужасовъ онъ можетъ надѣлать и до какой нравственной оцѣпенѣлости можетъ дойти.

— 17. Понедѣльникъ. Jardin des Plantes. Здѣсь особенно насъ заняли: самый садъ, который мы весь обходили, прогулка въ лабиринтѣ, съ восхожденіемъ на башню, откуда видна значительная часть Парижа. Далѣе, дромадеры, тигръ огромнаго роста и свирѣпѣйшаго вида, которому, кажется, не нравилось, что онъ былъ предметомъ общаго любопытства, тогда какъ онъ не имѣлъ возможности употребить въ дѣло надъ любопытными своихъ зубовъ и когтей; левъ который въ это время покоился сномъ невинности; слонъ, весьма граціозно обращавшій свой хоботъ къ зрителямъ за подачками хлѣба; морда гиппопотама, высунувшаяся изъ воды,—самъ же онъ весь былъ въ нее погруженъ, а другой изъ сарая показывалъ свой огромный задъ, и пр. Обезьянъ мы пропустили, спѣша къ теплицамъ. Здѣсь особенно привлекла наше вниманіе Victoria regina, только своими листьями, потому что въ нынѣшнемъ году она не цвѣла; огромныя пальмы. Впрочемъ, у насъ въ Ботаническомъ саду не меньше замѣчательныхъ экзотическихъ растеній. Въ теплицѣ одинъ изъ рабочихъ обратился къ намъ съ русскою рѣчью. Оказалось, что онъ воспитанникъ одесскаго училища садоводства, изъ евреевъ, и здѣсь учится. Изъ сада въ фіакрѣ поѣхали въ Sainte-Chapelle въ Palais de Justice. Это замѣчательное зданіе готической архитектуры, построенное Людовикомъ Святымъ. Внутренность вся изъ разноцвѣтныхъ стеколъ; линіи легки и граціозны. Намъ показывали на правой сторонѣ въ стѣнѣ окошечко: тамъ, никѣмъ не видѣнный и самъ ничѣмъ земнымъ неразвлекаемый, молился и слушалъ обѣдню святой король. Изъ Sainte-Chapelle мы отправились пѣшкомъ и осмотрѣли дорогой одно изъ полезнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ зданій Парижа—рынокъ. Говорю „прекрас-

нѣйшихъ“ не напрасно." Оно легко, величественно. Древніе непремѣнно сдѣлали-бы изъ него храмъ и посвятили его Помонѣ, потому что большая часть лавокъ, по крайней мѣрѣ намъ такъ показалось, была наполнена овощами и плодами. Мы также принесли нашу жертву въ этомъ храмѣ, оставивъ въ немъ около двухъ франковъ и взамѣнъ ихъ получивъ отъ царствующаго тамъ божества три великолѣпнѣйшія груши—дюшесы и полтора фунта фонтенеблосскаго винограду. Затѣмъ по улицѣ Монмартръ мы вышли на бульваръ того-же имени и усталые сильно возвратились домой уже въ три часа.

— 18. Вторникъ. Версаль, въ половинѣ перваго. Два часа безъ отдыха ходили по комнатамъ и осмотрѣли весь дворецъ. Всего интереснѣе та часть его, гдѣ жилъ Людовикъ XIV: его спальня съ кроватью въ томъ видѣ, какъ при немъ; двѣ комнаты по бокамъ, сообщающіяся съ Геркулесовою залою, комнаты наверху, съ портретами знаменитостей вѣка Людовиковъ XIV и XV — королей, министровъ, принцевъ, принцессъ, писателей, красавицъ и другихъ чѣмъ-либо замѣчательныхъ женщинъ. Тутъ нашелъ я и нашу Екатерину II, и Софью Алексѣевну. Не знаю почему послѣдняя представлена красавицей. Есть также портретъ Петра III и картина смотра войскъ въ Парижѣ съ изображеніемъ Петра Великаго. Большинство залъ въ первомъ и во второмъ этажахъ—кромѣ тѣхъ, гдѣ жилъ Людовикъ XIV—составляютъ родъ картинной галлереи съ изображеніемъ подвиговъ французскихъ войскъ. Всего больше картинъ приходится, разумѣется, на долю Наполеона I-го. Изъ царствованія нынѣшняго Наполеона здѣсь есть и Альмская битва, и сраженіе при Аккерманѣ, и осада и взятіе Севастополя, и Сольферино, и Мадженто. Очень интересны еще залы съ изображеніями крестовыхъ походовъ со взятіемъ Іерусалима и съ портретами рыцарей того времени. Впрочемъ, осматривать Версаль не два часа надо, а развѣ двѣ недѣли. Къ тому же въ залахъ было ужасно душно, и я съ радостью вышелъ въ садъ. Обойдя цвѣтникъ, мы спустились вправо съ террасы и пріютились на скамейкѣ передъ бассейномъ, достали маленькій, взятый изъ Парижа, паштетъ, да пару дюшессъ, и позавтракали. Потомъ опять поднялись на террасу и оттуда любовались садомъ. Внизу играла военная музыка и пестрѣли толпы народа. Между тѣмъ съ запада надвигались

живописныя и грозныя тучи. Все это вмѣстѣ было дѣйствительно полно поэзіи. Солнце скрылось. Мрачная тѣнь повисла надъ паркомъ и дворцомъ и заслонила собою еще такъ недавно лучезарную даль. Не также-ли точно померкли передъ кровавымъ образомъ революціи и слава и блескъ царившаго здѣсь двора?.. Однако, пора подумать и о возвращеніи: тучи медленно, но вѣрно надвигались на насъ. Да вотъ уже и упало нѣсколько тяжелыхъ капель дождя, сверкнула молнія. Всѣ бросились изъ сада. Къ счастію мы у самаго дворца нашли фіакръ и сухіе добрались до желѣзной дороги.

— 19. Среда. Вотъ уже, кажется, и здѣсь водворяется осень. Цѣлую ночь лилъ дождь и теперь утромъ продолжаетъ свое дѣло, превращая улицы Парижа въ мутные потоки жидкой грязи.

Позднѣе посѣтили фабрику гобеленовъ. Мы осмотрѣли и готовые уже ковры и обои и видѣли приготовленіе ихъ въ мастерскихъ. Удивительныя произведенія прихотливаго искусства! Ткань имѣетъ всю правильность и экспрессію, всю свѣжесть колорита и тончайшія видоизмѣненія тѣней какъ въ картинахъ лучшихъ мастеровъ. Вотъ, напримѣръ, семейство Дарія у ногъ Александра или Преображеніе Рафаэля и его Мадонна. Это воплощеніе идеаловъ въ шерстяныя нитки, посредствомъ механическаго перебрасыванія коклюшекъ на туго натянутой основѣ. Мы видѣли самое производство работъ. Я полагалъ, что это дѣло женскихъ рукъ, а между тѣмъ тутъ работаютъ все мужчины.

Отсюда мы отправились въ Пантеонъ и ѣхали туда по той части Парижа, которую можно назвать изнанкою его, то-есть по крайне непривлекательнымъ, грязнымъ и вонючимъ улицамъ. Тутъ обитаютъ рабочіе и вообще недостаточный людъ. Это, кажется, все пещеры, гдѣ зарождаются и откуда вырываются революціонныя бури. Но вотъ императорскій лицей, а возлѣ него Пантеонъ. Чудное, величественное зданіе, на фронтонѣ котораго еще красуются слова: „великимъ мужамъ благодарное отечество“, хотя теперь оно посвящено не великимъ мужамъ, а высшему существу.

— 20. Четвергъ. Можетъ-ли существовать хорошее, благоустроенное, истинно человѣческое общество безъ вѣрованій?

— 22. Суббота. Приготовленія къ отъѣзду. Нетерпѣніе скорѣе увидѣть своихъ все ростетъ. Да и цѣли нѣтъ дольше оста-

ваться въ Парижѣ. Къ тому-же и погода, кажется, окончательно повернула на осень, а бульвары совсѣмъ обезобразились: на нихъ роютъ какія-то канавы, для газа что-ли, а въ иныхъ мѣстахъ поливаютъ какимъ-то гнуснымъ смраднымъ составомъ. Особенно пострадалъ отъ всего этого ближайшій къ намъ Итальянскій бульваръ.

— 27. Четвергъ. (Въ Берлинѣ). Прочиталъ брошюру Александра Ивановича Кошелева: „Конституція, самодержавіе и земская дума“, которую купилъ въ здѣшнемъ магазинѣ . . . . .

Прочиталъ также послѣдній номеръ „Колокола“. Герценъ называетъ Мадзини и Гарибальди „святыми Донъ-Кихотами“. Бакунинъ лжетъ о Польшѣ. Напечатано приглашеніе о пособіи Михайлову, съ увѣреніемъ, что оно непремѣнно дойдетъ до него.

— 30. Воскресенье. Ровно въ одиннадцать часовъ ночи прибыли мы въ Петербургъ, гдѣ были встрѣчены всѣми остальными членами моей семьи. Черезъ полчаса я былъ дома—и съ удовольствіемъ. Безъ меня случилась бѣда: насъ жестоко обокрали. Исчезло все платье, а у меня изъ кабинета все сколько-нибудь цѣнное. И это случилось среди бѣла дня. Тринадцать замковъ взломано. Полиція дѣйствовала гнусно. Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Октябрь.—1. Понедѣльникъ. Съ великою радостью чувствую я себя дома, посреди своей милой семьи, любящей и любимой. Надоѣло скитаться по чужимъ мѣстамъ, среди чужихъ людей. Надо однако замѣтить, что путешествіе оказало мнѣ пользу. Отдыхъ и море сдѣлали свое и вотъ уже нѣсколько времени я не испытываю обыкновенныхъ припадковъ. Я второй день дома и мнѣ тоже хорошо.

Воровство на моей квартирѣ произошло при такихъ условіяхъ, а полиція при изслѣдованіи его вела себя такъ гнусно, что я не могу оставить этого дѣла безъ послѣдствій. Да и самыя потери наши гораздо больше, чѣмъ я понялъ сперва. У насъ изъ квартиры вынесено все платье, все бѣлье, всѣ вещи, какія только можно было унести. Изъ кабинета у меня пропали разныя серебряныя и золотыя вещи: двѣ табакерки, медали, старинныя монеты, даже ордена мои и шифръ моей дочери. Бумаги приведены въ хаосъ: воры вездѣ искали чего-нибудь цѣннаго или денегъ,

— 5. Пятница. Всѣ эти дни занимался приведеніемъ въ порядокъ моего кабинета и нѣкоторыми визитами. Сегодня ѣздилъ къ оберъ-полиціймейстеру съ жалобой на неправильныя дѣйствія полиціи въ разслѣдованіи совершеннаго у меня въ отсутствіе воровства—и особенно на слѣдственнаго пристава Купріянова, который, вмѣсто оказанія законной помощи и содѣйствія моей женѣ, дѣлалъ ей всевозможныя затрудненія и требовалъ ее для показаній въ участокъ.

— 10. Среда. Прочиталъ высочайше утвержденный проектъ новаго судопроизводства и судоустройства. Какіе невѣроятные успѣхи сдѣлала Россія въ нынѣшнее царствованіе. Если-бы въ прежнія времена кто-нибудь вздумалъ бы только помечтать о подобныхъ вещахъ и мечта его какъ-нибудь вылетѣла-бы изъ его устъ—тотъ былъ-бы сочтенъ за сумасшедшаго или за государственнаго преступника. А тутъ вотъ публичное судопроизводство, гласность, присяжные, адвокатура, освобожденіе суда отъ (вліянія) администраціи, и все это созданіе того Государя, котораго упрекаютъ въ слабости... Нѣтъ, господа красные, послѣдователи Герцена, вы не поняли этого человѣка и въ васъ нѣтъ ничего, кромѣ желанія играть роль и рисоваться передъ толпой, чтобы она рукоплескала Вамъ. Нѣтъ, вы не двигатели Россіи на ея пути къ успѣху, а тормазы ея!

Въ трудахъ по новому судопроизводству преобладала и преобладаетъ здравая либеральная партія.

— 11. Четвергъ. Мужественное помышленіе о жизни, мужественное помышленіе о смерти.

Въ засѣданіи Академіи.

— 15. Понедѣльникъ. Безчисленные толки объ адресѣ, поданномъ Государю подольскимъ дворянствомъ.

— 17. Среда. Тиранія свободы не менѣе опасна и пагубна, какъ и тиранія деспотизма.

Насчетъ безсмертія души въ нынѣшней наукѣ ходятъ дурные слухи.

А вотъ и мои старые враги опять начинаютъ понемножку подкрадываться ко мнѣ, особенно въ ночной тишинѣ. Ночью и теперь пароксизмъ со всѣми его забытыми прелестями.

Да, мужество въ помышленіи о жизни, мужество въ помышленіи о смерти.

— 21. Воскресенье. Я ненавижу всякій деспотизмъ— столько-же черни, сколько и одного; деспотизмъ мнѣнія, какъ и грубой физической силы; деспотизмъ, превращающій меня въ рабочую машину посреди какой-нибудь мастерской для выгодъ коммуны, какъ и деспотизмъ богача, который думаетъ овладѣть мною, моимъ трудомъ и знаніемъ, потому что у него много денегъ.

Живутъ *я, ты, онъ*—то есть живутъ индивидуальныя личности. Общество—отвлеченное понятіе, а соціалисты и коммунисты хотятъ, чтобы общество состояло изъ индивидуальностей, изъ которыхъ каждая была-бы порабощена ему и жила въ немъ и только для него. Не наоборотъ-ли? Не должно-ли общество быть устроено такъ, чтобы каждый могъ жить свободно, свободно располагать собой, а общество только охраняло бы эту возможность?

— 22. Понедѣльникъ. У заблужденія есть своя логика.

У насъ рѣдко кто разсуждаетъ, рѣдко кто имѣетъ терпѣніе разсуждать и терпѣніе выслушивать разсужденія другихъ. У насъ хотятъ только рѣшать.

** давалъ обѣдъ у Дюссо нѣкоторымъ изъ своихъ пріятелей. Обѣдъ хорошъ, но приправленный плохими разговорами и остротами безъ соли. Удивительно, какъ люди, слывущіе умными, да и дѣйствительно умные, могутъ находить удовольствіе въ такихъ пустякахъ и — гнусностяхъ.

— 27. Суббота. Иной считаетъ себя чрезвычайно умнымъ человѣкомъ потому только, что, ни во что не мѣшаясь и ничего не дѣлая, онъ умѣлъ избѣжать ошибокъ и столкновеній съ людьми.

— 29. Понедѣльникъ. Вчера былъ у Д*. Онъ разсказалъ мнѣ слѣдующую вещь. Когда недавно онъ представлялся Государю, то рѣчь коснулась безпорядковъ въ университетѣ и либераловъ вообще.

— Нельзя отвергать, сказалъ Д*,—что существуетъ партія съ самыми разрушительными демагогическими стремленіями.

— Никто, отвѣчалъ на это Государь, — подробнѣе и точнѣе меня не знаетъ этого.

Наши ультра-либералы готовы Стеньку Разина и Емельку

Пугачева счесть за глубокомысленныхъ политиковъ и народныхъ героевъ.

— 30. Вторникъ. Большая ошибка со стороны государственнаго человѣка ставить зависящихъ отъ него людей въ такое положеніе, что они или должны измѣнить своимъ правиламъ и убѣжденіямъ или отказаться отъ дѣятельности подъ его управленіемъ.

— 31. Среда. Человѣкъ безъ нѣкоторыхъ добрыхъ свойствъ со всѣмъ своимъ умомъ никуда негоденъ. Онъ это чувствуетъ и, не имѣя этихъ свойствъ, всячески старается показаться имѣющимъ ихъ. Смѣшно въ такихъ случаяхъ видѣть какъ это ему не удается и какъ всѣ его усилія проходятъ мимо цѣли. Онъ точно, подобно извѣстному греку, упражняется въ бросаніи горошиной въ цѣль, съ тою только разницею, что грекъ былъ счастливѣе его и попадалъ, куда мѣтилъ, за что и получилъ отъ Александра въ награду цѣлую мѣру гороху.

Вечеромъ въ театрѣ на представленіи новой оперы Верди: „Силы судьбы". Сюжетъ смахиваетъ на плохую мелодраму, но въ музыкѣ много блеску и энергіи. Барбо и Граціани, кажется, превзошли самихъ себя. Со времени Віардо и Рубини музыка не производила на меня такого дѣйствія. Особенно Граціани: иные звуки его голоса точно шелестъ крыльевъ въ полетѣ души, когда она возносится въ горьнія къ своимъ идеаламъ.

Ноябрь.—1. Четвергъ. Когда люди въ массѣ не знаютъ куда идти и почему они идутъ туда, а не въ другое мѣсто, и между тѣмъ чувствуютъ, что идти необходимо,—тогда они называютъ такое влеченіе духомъ времени. Духъ времени есть повелительная сила исторіи, влекущая людей къ разрѣшенію задачи, основанія которой положены въ предшествовавшемъ ходѣ вещей.

Одни только страданія и бѣдствія имѣютъ способность придавать жизни серьезный характеръ. Безъ нихъ жизнь была-бы какая-то шутовская процессія или, какъ говоритъ Шекспиръ, сказка, разсказываемая старухой у очага.

Шумите, спорьте, сочиняйте теоріи, какія угодно, только не запутывайте народъ во все это. Вѣдь ему-то приходится расплачиваться за все слезами, кровью, а онъ, несчастный, даже не

имѣетъ удовольствія сказать, что понимаетъ что-нибудь въ вашихъ воззваніяхъ и ученіяхъ. Поучите его, просвѣтите, пусть онъ самъ скажетъ за себя слово. Чтобы имѣть удовольствіе управлять имъ и вести его куда вамъ угодно, вы готовы перерѣзать его.....

Толчки нужны, только безъ ломанія костей.

Общее засѣданіе въ Академіи наукъ. Объявлено о Берѣ, что онъ увольняется, по просьбѣ, отъ званія ординарнаго академика, съ 3.000 рублей пенсіона, единовременною выдачею 1.000 рублей и съ чиномъ тайнаго совѣтника. Потомъ Беръ избранъ въ почетные члены почти единогласно, кромѣ одного голоса. Былъ прочтенъ списокъ сочиненій, поступившихъ на Демидовскую премію. Ихъ всего тридцать.

— 3. Суббота. Мужественное помышленіе о жизни, мужественное помышленіе о смерти.

— 4. Воскресенье. Наклонность къ ничегонедѣланію, вмѣстѣ съ празднымъ безрезультатнымъ разгуломъ мысли и фантазіи, кажется, лежитъ въ натурѣ нашей. Удивительнѣе всего, что эти стремленія къ пустотѣ, прикрываемыя вычурнымъ умозрѣніемъ или умничаньемъ, мы готовы вмѣнить себѣ въ достоинство и восхищаться этимъ, какъ истинно самородною чертою нашей широкой, цѣльной натуры. Въ самомъ дѣлѣ: великая, широкая натура! Англичанинъ что-нибудь сдѣлалъ и дѣлаетъ, французъ что-нибудь сдѣлалъ и дѣлаетъ, нѣмецъ тоже, а мы создаемъ свою исторію изъ ничегонедѣланія, или преслѣдуемъ такія отчаянныя фантастическія задачи дѣланія, что дѣланіе по нимъ опять-таки превращается въ ничего.

Освященіе читальной залы въ Императорской Публичной библіотекѣ. Тутъ было много посѣтителей, между которыми много и моихъ знакомыхъ. Д* прочиталъ небольшой, умно составленный отчетъ о постройкѣ залы, потомъ былъ отслуженъ молебенъ. Зала, да и все внѣшнее устройство библіотеки дѣйствительно превосходно. Всѣмъ этимъ обязаны бывшему директору барону Корфу.

— 9. Пятница. Мужественное помышленіе о жизни, мужественное помышленіе о смерти.

Теоріи, навязывающія государству свои идеи о благосостояніи его, забываютъ одно весьма важное обстоятельство, что госу-

дарство должно-бы для осуществленія этихъ идей вдругъ пріостановить всю текущую дѣятельность народа.

Что учрежденія нынѣшнія должны носить на себѣ либеральный характеръ—въ томъ никто не сомнѣвается. Но либерализмъ министра долженъ быть государственный, а не журнальный.

— 11. Воскресенье. Поутру былъ у Шульмана.

— 12. Понедѣльникъ. Мужественное помышленіе о жизни, мужественное помышленіе о смерти.

— 14. Среда. Сегодня утромъ всталъ совсѣмъ больной. Къ обычнымъ параксизмамъ присоединилась еще довольно сильная простуда: флюсъ, лихорадка и тому подобныя прелести.

Въ человѣкѣ существуетъ множество неопредѣленныхъ инстинктовъ, которые готовы сдѣлать изъ него самое жалкое игралище своихъ стремленій. Но въ немъ-же есть сила, способная ихъ сдерживать, обуздывать и ограничивать, если не совсѣмъ уничтожать. То, что моралисты называютъ внутреннею борьбою, вовсе не есть вымыселъ: эта борьба не иное что, какъ актъ самоуправленія, которымъ приводятся къ единству, обуздываются и устраиваются различныя силы и влеченія нашей натуры, нашего темперамента, нашихъ естественныхъ наклонностей.

Вся задача образованія должна состоять въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка способнымъ къ самообладанію. Природа снабжаетъ насъ расположеніемъ, наклонностями, силами, образованіе научаетъ насъ извлекать изъ нихъ истинно человѣческую личность. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ есть творецъ самого себя. Ему даны матеріалы, стихіи. Образъ-же, въ которомъ они должны сосредоточиться и проявить себя, есть плодъ его художественной дѣятельности. Воздѣлывай разумно самого себя—вотъ истинная задача духа.

— 15. Четвергъ. Нѣтъ позорнѣе вещи какъ то, когда человѣкъ, уступая натиску партіи или желая понравиться толпѣ, дѣлаетъ не то, что признаетъ за лучшее и справедливое. Всякая партія безсильна, когда она не имѣетъ корней въ народѣ, который-бы ей сочувствовалъ и поддерживалъ ее, и когда она расчитываетъ только на возбужденіе дикихъ и неистовыхъ страстей. Всякая партія должна опираться хоть на частичку истины.

— 16. Пятница. Всѣ добродѣтели человѣческія чрезвычайно способны прокиснуть, испортиться и сдѣлаться ни къ чему не-

годными. Чтобы уберечь ихъ отъ этой порчи, ихъ нужно какъ можно чаще просаливать солью разума и совѣсти или хорошаго религіознаго чувства.

— 17. Суббота. Нѣтъ ничего лживѣе, неосновательнѣе, несправедливѣе и поверхностнѣе сужденія одного человѣка о другомъ. Человѣкъ принадлежитъ къ породѣ существъ разумныхъ, но безнравственныхъ.

— 19. Понедѣльникъ. Весь ноябрь мѣсяцъ постоянно сухо и не очень холодно: градусовъ пять, шесть. Были и прекрасные свѣтлые дни, но снѣгу нѣтъ.

....NN. рудникъ, въ который также трудно проникнуть, какъ и разработать его. А тамъ не одно олово и камни — есть и золото.

— 24. Суббота. Вчера вечеръ просидѣлъ у меня Вороновъ и разсказывалъ о разныхъ постановленіяхъ по цензурѣ; о предполагаемомъ сліяніи школъ военнаго вѣдомства съ гражданскими; объ уставѣ университета, который обѣщалъ мнѣ прислать въ новой исправленной редакціи.

— 25. Воскресенье. Главная ошибка нашихъ демагоговъ въ томъ, что они всѣ наши безпорядки и бѣдствія приписываютъ одному правительству и ничего не оставляютъ на долю исторіи и самой испорченности общества, которое есть естественное послѣдствіе хода нашей жизни и невѣжества.

— 26. Понедѣльникъ. Честный трудъ и независимость—вотъ единственное благо, если на землѣ что-нибудь можно назвать благомъ.

— 27. Вторникъ. Деньги не должны быть цѣнимы ни слишкомъ высоко, ни слишкомъ низко. Первое приводитъ къ гнусному корыстолюбію, къ скупости; второе часто ставитъ въ такія затрудненія, которыя проводятъ не только къ нищетѣ, но и къ пороку—къ низости, плутовству и пр. Я увѣренъ, что у насъ въ Россіи большая часть казенныхъ крадетвъ и разныхъ мошенничествъ происходитъ оттого, что: „все трынъ трава и послѣдняя копейка ребромъ“.

Такъ какъ человѣкъ уже не можетъ быть скотомъ, то надо ему стараться сдѣлаться человѣкомъ.

Декабрь.—1. Суббота. Сильные морозы, а снѣгу все нѣтъ.

Я не перестану повторять, что всякій деспотизмъ гадокъ,

но хуже всего деспотизмъ такъ называемаго крайняго либерализма. Послѣдній уже оковываетъ не тѣло, не внѣшнюю жизнь, но силится проникнуть внутрь васъ и наложить цѣпи на ваше убѣжденіе, на мысль вашу и совѣсть.

— 4. Вторникъ. Небо разступилось и уронило нѣсколько пушинокъ снѣгу. Всѣ обрадовались — поѣхали на саняхъ, но нельзя сказать, чтобы ѣздить было пріятно.

Обѣдалъ у графа Блудова. Никого не было кромѣ А. А. Воейковой. Старикъ былъ удивительно бодръ и, по обыкновенію, говорливъ, читалъ наизустъ отрывки изъ „Вадима" Княжнина и разсказывалъ литературныя преданія Екатерининскаго времени.

— 7. Пятница. Общее засѣданіе въ Академіи наукъ. Потомъ экзаменъ кандидату Бильбасову на степень магистра изъ всеобщей исторіи. Экзаменовалъ Куторга.

— 8. Суббота. Безсмысленное управленіе—вотъ тема, которую варьируютъ на разные лады всѣ министры народнаго просвѣщенія послѣ Уварова, до Головнина включительно.

Вечеромъ у Чевилева. Тамъ были Гончаровъ и Соловьевъ (профессоръ). Разговоръ, между прочимъ, о Головнинѣ. Всѣ одного мнѣнія о немъ, какъ о человѣкѣ, который помѣшанъ на тонкостяхъ...

— 9. Воскресенье. Здоровье и силы ума его не таковы, чтобы онъ въ состояніи былъ вынести этотъ пріемъ истины.

Написалъ къ Тройницкому письмо съ вопросомъ: могу ли я, какъ ex-редакторъ „Сѣверной Почты", ходатайствовать о награжденіи къ празднику бывшихъ при мнѣ участниковъ въ редакціи.

— 10. Понедѣльникъ. Не будь человѣкъ способенъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь хорошимъ, онъ не былъ-бы такъ гадокъ. Званіе человѣка ко многому обязываетъ.

— 11. Вторникъ. Когда на поверхности человѣческихъ дѣяній вамъ все представляется такъ гладко, прилично, изящно; когда передъ вами возникаютъ и рисуются изящные образы и такія привлекательныя слова, какъ, напримѣръ, дружба, искренность, преданность, безкорыстіе и пр.—вѣрьте, что тамъ, внутри этой поверхности, движутся и работаютъ тайныя силы; всевозможные ненависти, эгоизмы клокочутъ и потрясаютъ цвѣтущую поверхность, какъ вулканическіе смертоносные газы въ

нѣдрахъ земли колеблютъ ея кору и готовятъ цѣлые потоки лавы и грязи.

Опять моментъ внутренняго безпокойства и недовольства духа. Этотъ моментъ уже продолжается нѣсколько дней. Я самъ себѣ кажусь ужасною гадостью, а жизнь моя безсвязнымъ, пустымъ, безплоднымъ сновидѣніемъ, облакомъ благородныхъ, возвышенныхъ замысловъ, которые вѣтеръ обстоятельствъ и собственное безсиліе уносятъ, вотъ и теперь, въ безконечное пространство. И внѣшнія мои обстоятельства таковы, что я остаюсь какимъ-то нелѣпымъ обрывкомъ, какъ-бы случайно попавшимъ въ ходъ общественныхъ дѣяній. Всякій можетъ похвастаться, что онъ что-нибудь значитъ, что-нибудь дѣлаетъ вмѣстѣ съ другими; а вотъ я съ моими честными намѣреніями и поступками выхожу совершенно безплоднымъ и ни къ чему негоднымъ идеалогомъ. Выходитъ, что сказано въ малороссійской пѣснѣ:

А вже сусидъ жито сіе,
А въ сусида зеленіе—
А у мене не орано и не сіяно.

Правду сказать, орано-то много и сѣяно не мало, только ничего не выросло—сѣяно должно быть на вѣтеръ или самое сѣмя такое, что изъ него ничего вырости не можетъ.

А всетаки не могу я не питать глубокаго презрѣнія къ современнымъ мнѣ людямъ. Они чуть-ли еще не хуже меня. Я, по крайней мѣрѣ, рѣшительно неспособенъ желать или дѣлать кому-нибудь изъ нихъ зло, уважаю честность и справедливость.

— 13. Четвергъ. Во всей нашей администраціи есть только одинъ человѣкъ, честности и патріотизму котораго можно довѣрять—это Александръ Николаевичъ.

— 24. Понедѣльникъ. Когда человѣкъ стремится къ какой-нибудь цѣли, онъ считаетъ важнымъ все, что имѣетъ отношеніе къ этой цѣли. Но когда цѣль не существуетъ или уже достигнута, тогда онъ вдругъ видитъ себя какъ бы перенесеннымъ въ какую-то безпредѣльную сферу, гдѣ все исчезаетъ и жизнь перестаетъ имѣть значеніе.

Считать слишкомъ важнымъ дѣло, которымъ вы занимаетесь, значитъ подвергаться опасности или никогда его не сдѣлать, или сдѣлать дурно.

Нѣкоторая доля легкомыслія необходима для того, чтобы часто не впадать въ отчаяніе.

Когда все проходитъ, то почти не о чемъ жалѣть.

— 26. Среда. Я имѣю несчастную слабость—вѣрить въ доброту и пользу нравственныхъ принциповъ даже тогда, когда почти никто имъ не вѣритъ.

По заведенному обычаю, надо было предварительно прочитать президенту отчетъ, который долженъ быть читанъ на актѣ въ Академіи 29 декабря. Онъ назначилъ мнѣ сегодняшній вечеръ, въ восемь часовъ. Только я развернулъ тетрадь и едва успѣлъ прочесть нѣсколько строкъ, почтенный старикъ заснулъ. Что мнѣ было дѣлать? Прекратить чтеніе неловко. Я продолжалъ, будто не замѣчая, скомкалъ все кое-какъ и въ десять минутъ кончилъ чтеніе.—Хорошо, сказалъ графъ, проснувшись,—очень хорошо. Поговоривъ съ нимъ еще кое о чемъ, я и ушелъ.

— 28. Пятница. Мы должны противодѣйствовать напору новыхъ разрушительныхъ идей, стремящихся ниспровергнуть все старое, не для того, чтобы остановить этотъ потокъ или обратить его вспять—что и невозможно и было-бы противно закону вещей—но для того, чтобы умѣрить его сокрушительное дѣйствіе и спасти для человѣчества то, что можетъ и заслуживаетъ быть спасеннымъ. Уже одно то полезно, что, задерживая умы въ ихъ бурныхъ порывахъ, мы ихъ самихъ нѣсколько отрезвляемъ, заставляемъ одумываться, не считать себя во всемъ непогрѣшимыми и смирять свои деспотическія покушенія.

Я не могу никакъ понять, какое мы право имѣемъ обрекать гибели и бѣдствіямъ настоящее поколѣніе во имя блага и усовершенствованія будущихъ.

Комиссія, учрежденная Головнинымъ, подъ предсѣдательствомъ князя Д. А. Оболенскаго, для устройства цензуры и цензурнаго устава, кончила свои работы и представила министру свой проектъ. Баронъ Александръ Павловичъ Николаи раскритиковалъ его въ пухъ. Увидя изъ этого, что проектъ не пройдетъ въ Государственномъ совѣтѣ, Головнинъ опрокинулся на него самъ и нашелъ его невозможнымъ по чрезмѣрной строгости. Между тѣмъ князь Оболенскій имѣетъ у себя кучу записокъ отъ него, въ которыхъ онъ одобряетъ идеи комиссіи, такъ что очевидно, что проектъ весь развивался подъ его руководствомъ и

вліяніемъ. Что-жъ это значитъ? То, что въ случаѣ утвержденія проекта, Головнинъ передъ ультра-либералами умываетъ руки: вотъ, дескать, несмотря на мое противодѣйствіе, ретроградный законъ постановленъ; въ случаѣ-же неутвержденія, онъ припишетъ себѣ заслугу, что успѣлъ остановить такое зловредное дѣло.

Бѣдная Россія! Оболенскій, бывшій другомъ Головнина и отчасти его твореніе, теперь бранитъ его вездѣ.

Актъ въ Академіи наукъ. Я прочиталъ мой отчетъ въ 20 минутъ—весь актъ кончился часовъ около двухъ, начавшись въ двѣнадцать.

— 31. Понедѣльникъ. 1862-й годъ конченъ.

1863 годъ.

Январь.—1. Вторникъ. Новый годъ. Всѣ какъ будто вдругъ обезумѣли: такая бѣготня и суматоха! Что-же это такое? Въ природѣ-ли произошла какая-нибудь радикальная перемѣна или въ людяхъ? Вѣдь въ сущности ни малѣйшаго намека на то, что случилось что-нибудь новое, что образовывало-бы рубежъ между 1862-мъ и 1863-мъ годами. Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ сыпятся поздравленія, всѣ поддаются какимъ-то надеждамъ, вѣроятно и въ этомъ году такимъ-же несбыточнымъ, какъ и въ прошломъ. А впрочемъ не худо, что такой обычай существуетъ. За недостаткомъ истинныхъ благъ, человѣку нуженъ хоть призракъ хорошаго лучшаго. И вся эта бѣготня—своего рода занятіе, которое разнообразитъ обыкновенную прозу жизни.

— 3. Четвергъ. На балѣ во дворцѣ. Съѣздъ начался около девяти часовъ. Я пріѣхалъ къ Іорданскому подъѣзду. Входъ въ зало великолѣпный, освѣщеніе блистательное. Помпеевская галлерея уставлена растеніями и превращена въ роскошную садовую аллею, которая примыкаетъ дѣйствительно къ саду, освѣщенному сверху огнями, сверкающими какъ брильянты. Приглашенные сперва толпились въ двухъ большихъ залахъ въ ожиданіи выхода Государя и царскаго семейства. Тутъ было таки порядочно душно. Около десяти часовъ отворились двери

внутреннихъ покоевъ, загремѣла музыка и потянулся польскій съ Государемъ во главѣ, съ Государыней, членами императорскаго дома и разными дамами и кавалерами. Потомъ всѣ смѣшались и разбрелись по разнымъ комнатамъ. Число гостей, говорятъ, простиралось, до тысячи двухсотъ, но тѣсно было только около танцующихъ. Въ одной залѣ играли въ карты и тамъ-же представлялись Государынѣ многія дамы и новопожалованные камеръ-юнкеры и камергеры. Съ каждою и съ каждымъ она говорила по нѣсколько словъ. Государь ходилъ по всѣмъ заламъ и кое съ кѣмъ разговаривалъ. Все было чинно. Но когда пошли къ ужину, то при входѣ въ залы, гдѣ были накрыты столы, вдругъ поднялась страшная суматоха, толкотня и давка. Можно было подумать, что всѣ эти звѣздо-и лентоносцы выдержали жестокій постъ—съ такою неудержимою алчностью спѣшили они, толкая другъ друга, занять мѣста за роскошно сервированными столами... Государь ходилъ вокругъ столовъ, просилъ не вставать при его приближеніи, а когда его не послушались, то возвысивъ голосъ, съ неудовольствіемъ почти крикнулъ: да сидите-же! Я пріѣхалъ домой около двухъ часовъ ночи.

— 7. Понедѣльникъ. Неожиданно предсталъ передо мною изъ Москвы Николай Романовичъ Ребиндеръ, съ которымъ мы не видѣлись уже около двухъ лѣтъ. Странная перемѣна въ немъ произошла: онъ сдѣлался мистикомъ, вѣритъ въ пророчества какого-то московскаго ясновидящаго.

— 8. Вторникъ. Въ эту зиму у меня дома не переводятся больные: вотъ теперь захворалъ коклюшемъ мой мальчикъ....

Жалко мнѣ было вчера слушать, какъ Ребиндеръ разсказывалъ о своемъ свиданіи и бесѣдѣ съ московскимъ ясновидящимъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Оказывается, что Провидѣніе съ особенною заботливостью слѣдило и слѣдитъ за обстоятельствами Николая Романовича; что оно знаетъ, какой онъ отличный человѣкъ, какъ много страдалъ и страдаетъ (его обсчиталъ плутъ-управляющій) и какъ эти страданія безпримѣрны; что теперь оно положило непремѣнно устроить дѣла его лучше и не будетъ болѣе искушать его неслыханное мужество и добродѣтель и пр. Вотъ какого тумана напустилъ себѣ въ голову мой бѣдный Ребиндеръ. А все отъ того, что каждый изъ насъ считаетъ себя чѣмъ-то весьма важнымъ во вселенной и что мы и наши житей-

скія дрязги должны обращать на себя особенное вниманіе Бога и людей. А вѣдь, кажется, Николай Романовичъ умный человѣкъ. Но мнимый пророкъ очень ловко льстилъ ему, поддѣвалъ его на общемъ человѣческомъ самолюбіи. Извѣстно, какъ легко человѣкъ ловится на эту лакомую приманку.

— 9. Среда. Поѣхалъ вечеромъ разсѣять тяжесть въ головѣ и на сердцѣ въ оперу. Давали „Пророка" Мейербера, переименованнаго у насъ въ „Осаду Гента". Музыка серьезная и строгая.

— 10. Четвергъ. Одна только крайняя непослѣдовательность дѣлаетъ умнаго человѣка способнымъ принимать участіе въ судьбѣ людей, наперекоръ его знанію человѣческой жизни и сердца.

Сдержанность, мужество, самообладаніе. Не вызывай на бой судьбы, не рисуйся передъ ней своею храбростью—это глупо, а покоряйся и терпи съ достоинствомъ мужа и человѣка и съ увѣренностью философа, что жизнь вовсе не заслуживаетъ той важности, какую мы ей даемъ.

По закону ограниченія каждаго явленія, каждой силы въ природѣ и исторіи, ни одно изъ этихъ явленій и ни одна изъ этихъ силъ не могутъ развиваться въ безконечности. Одно ограничивается другимъ, и въ этомъ ограниченіи добро находитъ свой предѣлъ во злѣ, зло въ добрѣ. Все нейтрализуется одно въ другомъ. Волна вздымается, растетъ, доходитъ до громадной высоты и исчезаетъ, чтобы уступить мѣсто другой. Есть-ли тутъ какой нибудь предначертанный планъ, какая-нибудь цѣль? И тотъ, и другая заключаются въ самой природѣ явленій и силъ, въ ихъ ограниченіи другъ другомъ, въ невозможности простираться въ безконечность.

— 13. Воскресенье. Философскія ученія о добродѣтели были всегда не иное что, какъ ученія о владычествѣ разума надъ пожеланіями и влеченіями чувственной природы. А ученія о счастіи не иное что, какъ ученія о довольствѣ человѣка самимъ собою, проистекающемъ изъ полнаго владычества разума надъ внутреннимъ міромъ. Одно есть необходимое слѣдствіе другого.

Такъ называемымъ передовымъ умамъ нашимъ недостаетъ двухъ качествъ: глубины сужденія и осмотрительности въ видахъ. Они, отъ поверхностно понятаго, столь-же поверхностно

спѣшать къ крайнимъ выводамъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на посредствующія звенья мысли, которыя должны-бы были останавливать ихъ на ближайшихъ послѣдствіяхъ и такимъ образомъ придавать ихъ идеямъ характеръ существенный и строго послѣдовательный.

Вотъ характеристика разныхъ министерствованій министерства народнаго просвѣщенія послѣ Уварова: министерствованіе Шихматова—помрачающее; Норова—разслабляющее; Ковалевскаго—засыпающее; Путятина—отупляющее...

Эти ужасные припадки коклюша! Бѣдное дитя мучится ими каждую ночь.

— 14. Понедѣльникъ. Какъ-бы я желалъ всегда пользоваться такимъ прекраснымъ настроеніемъ духа, какъ теперь: равнодушіе къ жизни и смерти полное, безъ утраты энергіи къ тому, что изъ презрѣнной жизни дѣлаетъ ее менѣе презрѣнною.

— 15. Вторникъ. Въ воскресенье получена депеша о возстаніи въ Польшѣ. Какая гнусность: убивать солдатъ, ночью, безоружныхъ—спящихъ!...

Современная распутица. Снѣгъ почти весь стаялъ, а ночью свирѣпствовала буря. Были сигналы изъ пушекъ

Сегодня напечатана рѣчь Государя, произнесенная имъ на разводѣ и обращенная къ Измайловскому полку. Рѣчь благородная и умѣренная. Говорятъ, однако, что онъ произнесъ ее съ особенной энергіей и употребилъ нѣсколько выраженій относительно людей неблагонамѣренныхъ....

— 16. Среда. Вчера весь день шелъ сильнѣйшій дождь, ночью бушевала буря и съ крѣпости раздавались выстрѣлы, служащіе сигналомъ для галерныхъ жителей, что вода прибываетъ.

— 18. Пятница. Опять морозъ до 9-ти градусовъ.

Гадко вокругъ, гадко въ себѣ. Однако, еще гаже находить все это слишкомъ гадкимъ.

Вечеромъ были Данилевскій, пріѣхавшій недавно изъ Малороссіи, и Тимоѳеевъ—оба пока вѣрные мнѣ.

— 20. Воскресенье. Не думалъ я, что Валуевъ будетъ мнѣ мстить за то, что я, человѣкъ мысли и науки, осмѣлился не быть мелкимъ чиновникомъ въ его прихожей. Право-же, это вовсе недостойно не только государственнаго человѣка, но даже

умнаго человѣка. Странно, что при всей моей опытности и при всемъ моемъ знаніи человѣческихъ гадостей меня часто обманывало и обманываетъ довѣріе то къ ихъ уму, то къ ихъ сердцу.

— 21. Понедѣльникъ. Русскій человѣкъ не выноситъ трехъ вещей: труда, порядка и своего величія.

Ночь. Вокругъ тишина, періодически нарушаемая припадками коклюшнаго кашля бѣднаго мальчика. Сонъ бѣжитъ. Въ голову лѣзетъ всякая дичь.

— 22. Вторникъ. Изъ телеграфическихъ депешъ видно, что одни изъ самыхъ дѣятельныхъ двигателей польскаго возстанія— католическіе попы. Мы, мнѣ кажется, вовсе не умно ведемъ себя въ этомъ возстаніи. Мы разбросали войска на огромномъ пространствѣ и расположились тамъ небольшими отрядами, какъ дома, забывъ, что мы хуже, чѣмъ въ землѣ непріятелей — въ землѣ домашнихъ враговъ. Оттого солдатъ нашихъ рѣзали даже сонныхъ въ постели.

Каждая эпоха обязана быть честною, справедливою и не покидать здраваго разсудка.

Большія тяжести не поднимаются безъ участія многихъ и различныхъ силъ. Такъ и разныя реформы и улучшенія въ государствѣ, о которыхъ хлопочутъ наши передовые люди, не могутъ совершиться безъ содѣйствія образованія, а образованіе предполагаетъ науку, нравственность, искусство. Недостатокъ одного изъ этихъ факторовъ производитъ уже дѣло не полное, уродливое.

Французскіе реформаторы первой революціи положили пріостановить правосудіе, науку, промышленность, религію, пока не устроится новый порядокъ вещей и не преобразуется общество. Что изъ этого вышло—мы знаемъ.

Человѣкъ долженъ дѣйствовать всѣми своими органами, а не одною только рукою или ногою.

— 23. Среда. Вышло то, что могло бы не быть и чего не желали, а не произошло много такого, что могло бы произойти и чего желали.

„Энциклопедическій Лексиконъ“ Гершельмана падаетъ. Его вышло пять томовъ, продолжать далѣе не на что: подписка идетъ очень плохо. На дняхъ былъ у меня Гершельманъ. Головнинъ обѣщалъ ему взять значительное число экземпляровъ для

учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Я обѣщалъ Гершельману по просьбѣ его походатайствовать за него у Воронова, котораго я уже и просилъ. Надежды однако не много, а жаль! Лексиконъ началъ издаваться добросовѣстно и хорошо. Во всякомъ случаѣ это лучше многихъ изъ нашихъ журналовъ.

Обѣдъ у Дюссо, который давалъ нѣкоторымъ изъ своихъ знакомыхъ и членамъ редакціи „Сѣверной Почты“ Клевановъ. Всѣ участники газеты сѣтуютъ на то, что она теперь пошла по стезѣ полицейской газеты и упрекаютъ Валуева за то, что, намѣреваясь сначала создать въ ней органъ правительства съ вліяніемъ на общественное мнѣніе, онъ потомъ спустилъ ее такъ низко.

— 25. Пятница. Какая и кому польза отъ „Сѣверной Почты“ въ томъ видѣ, въ какомъ она нынѣ издается? Ни правительству, ни обществу. Служитъ-ли она органомъ перваго? Нѣтъ! Она не содержитъ въ себѣ ни разъясненій видовъ правительства, ни даже фактовъ—хотя и то, и другое предполагалось при ея основаніи. По моему плану она должна была быть соединеніемъ лучшихъ правительственныхъ идей съ идеями разумнаго прогресса, которыя правительству предстоитъ не только признать, но и выполнять. Ея направленіе и содержаніе должны бы быть таковы, чтобы лучшая часть публики ее поддерживала, а она въ свою очередъ на нее вліяла бы. Сознавая за собой независимый образъ мыслей, не принадлежа ни къ какой литературной партіи, не раздѣляя крайнихъ увлеченій общества, но всей душой преданный дѣлу разумнаго прогресса и предстоящихъ необходимыхъ преобразованій, я съ радостью взялся за дѣло, которое казалось мнѣ такимъ многообѣщающимъ. Всѣ предварительныя совѣщанія мои съ Валуевымъ о первоначальномъ планѣ газеты подкрѣпляли во мнѣ и поддерживали мои надежды. Валуевъ, казалось, сочувствовалъ моимъ намѣреніямъ и изъявлялъ на все свое полное одобреніе. Но потомъ, когда я началъ дѣло въ духѣ нашего обоюднаго рѣшенія, онъ вдругъ чего-то забоялся, ему стало мерещиться, что я учу его, что я намѣренъ отложиться отъ него, что газета будетъ дорого стоить, хотя онъ самъ установлялъ и бюджетъ ея и безпрестанно твердилъ сначала, что при основаніи такого обширнаго предпріятія нечего стѣсняться

копеечными расчетами. Словомъ, онъ въ заключеніе далъ ходъ назадъ и выказалъ полную неспособность стать надъ бюрократическою рутиною. Мнѣ тутъ уже ничего не оставалось какъ выйти изъ редакціи.

Вчера напечатанъ указъ о передачѣ цензуры министерству внутреннихъ дѣлъ (указъ 14 января 1863 г., № 20 „Сѣверной Почты").

— 26. Суббота. Вечеромъ у Чевилева. Онъ разсказывалъ мнѣ кое-какія черты изъ семейнаго быта Государя Александра Николаевича. Все это семейство предоброе, прекрасное. Наслѣдникъ в. кн. Николай Александровичъ уменъ, способенъ къ труду мысли и сочувствуетъ всѣмъ высшимъ ея интересамъ, но слишкомъ мягокъ сердцемъ. Можетъ быть, съ лѣтами и опытомъ онъ немного окрѣпнетъ, что ему необходимо: ибо его ожидаетъ бурная будущность.

— 27. Воскресенье. Въ самыхъ силахъ, составляющихъ основаніе и верховный законъ жизни, заключается безконечное разнообразіе, по которому каждая сила стремится быть безпрепятственно всѣмъ тѣмъ, чѣмъ, по натурѣ своей, она способна быть. И какъ натуры эти не одинаковы, то естественно, что одна хочетъ или стремится быть тѣмъ, чѣмъ другая не можетъ и не стремится быть. Отсюда возникаетъ вѣчный антагонизмъ силъ, неравенство ихъ, столкновеніе, расхожденіе, новое столкновеніе, группировка, словомъ тѣ безчисленныя модуляціи, та игра жизни, которая въ природѣ и въ исторіи производитъ все, что въ нихъ есть и бываетъ. Строители соціальныхъ утопій хотятъ все уравнять, замкнуть силы въ опредѣленныя границы, тамъ урѣзать, здѣсь удлинить—словомъ сдѣлать людей, эти живыя, безконечно разнообразныя по своей натурѣ силы тѣмъ, чѣмъ онѣ не могутъ и не должны быть. Утопистъ насилуетъ исторію и природу человѣческую, вынуждая у нихъ результаты, лежащіе внѣ ихъ способовъ. Общество человѣческое старается уравновѣсить силы, оставляя для дѣятельности ихъ наибольшій просторъ, и урѣзываетъ ихъ только тогда, когда онѣ стремятся въ безконечность. Оно дѣйствуетъ здѣсь принудительно, но съ благою цѣлью спасти всѣхъ отъ одного и каждаго отъ всѣхъ, тогда какъ утописты просто хотятъ парализировать силы, уничтожая въ нихъ самую возможность расширенія и свободной дѣятельности.

— 28. Понедѣльникъ. Главная трудность для цензурной администраціи будетъ состоять въ томъ, какъ формулировать тѣ уклоненія печати, которыя подлежать будутъ разсмотрѣнію судовъ. Уклоненія эти часто ускользаютъ отъ яснаго опредѣленія ихъ смысла.

Трудиться и бороться — вотъ задача жизни. Это я безпрестанно повторяю моему сыну.

Достигать закона беззаконіемъ—едва-ли это здравая и разумная мѣра.

У Валуева. Меня ожидаютъ новыя занятія по цензурной комиссіи, да еще какое-то дѣло, о которомъ онъ скажетъ послѣ. Я нашелъ его въ кабинетѣ среди кучи бумагъ, не бритаго, усталаго, но, по обыкновенію, любезнаго и привлекательнаго.

— 29. Вторникъ. Получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ предписаніе о назначеніи меня членомъ въ Высочайше учрежденную комиссію для разсмотрѣнія законовъ о печати, подъ предсѣдательствомъ князя Дмитрія Александровича Оболенскаго.

— 30. Среда. Есть что-то очень юное въ нашей литературѣ: крайняя заносчивость, всезнаніе и духъ нетерпимости.

У князя Оболенскаго. Предварительныя объясненія касательно законовъ о печати. Взгляды его, кажется, обѣщаютъ быть основательными и справедливыми. Во всякомъ случаѣ, видно, что онъ предметъ этотъ изучилъ широко, какъ въ теоріи, такъ и въ положительныхъ законодательствахъ. Онъ показывалъ мнѣ массу книгъ, которыми запасся для справокъ, а отчасти и прочелъ въ продолженіе своего предсѣдательствованія въ прежней комиссіи. Тутъ собрано почти все, что было писано по поводу цензуры въ Германіи, Франціи, Англіи, Бельгіи, равно какъ и всѣ законодательства по этой части. У него также находится множество бумагъ, сообщенныхъ изъ министерства народнаго просвѣщенія по дѣламъ цензуры. Тутъ много и моихъ прежнихъ работъ.

Мнѣ кажется, съ княземъ Оболенскимъ можно будетъ ладить. Онъ, повидимому, человѣкъ разсудительный, умный, образованный и чуждый всякихъ крайнихъ увлеченій. Со мною вмѣстѣ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ назначены Ржевскій и Тютчевъ.

Вечеромъ въ оперѣ. Давали „Фиделіо". Барбо пѣла превосходно.

— 31. Четвергъ. Замѣчательные скачки въ нынѣшней зимѣ. Вчера, когда мы ѣхали въ театръ, шелъ дождь, а когда возвращались домой—уже довольно сильно морозило.

Февраль.—5. Вторникъ. . . Принципъ правительства дорогъ и нуженъ. У насъ господствуетъ полная анархія понятій.

— 6. Среда. Послѣдніе дни никакъ не могу наладить себя на серьезную работу. Голова какъ-то особенно тяжела. У меня лежитъ неоконченная статья объ университетахъ. Вчера и сегодня нѣсколько разъ присаживался за нее, но сильный приливъ къ головѣ даже туманилъ глаза.

— 7. Четвергъ. Молодые умы не значитъ лучшіе умы, а только болѣе энергическіе. Но энергія столько-же можетъ быть направлена къ худому, какъ и къ хорошему. Молодые умы способнѣе къ дѣлу. Но дѣлаютъ-ли они его какъ должно? По крайней мѣрѣ, у насъ можно сильно усумниться въ этомъ. Способность къ дѣлу узнается не только изъ желанія, изъ стремленія дѣлать, но и изъ стремленія дѣлать хорошо. Хорошо-же дѣлать: во первыхъ, составить хорошій планъ дѣла, основанный на знаніи, слѣдовательно, на изученіи вещей; во вторыхъ, имѣть сколь возможно больше основательныхъ удостовѣреній въ осуществимости плана и, наконецъ, въ третьихъ, имѣть цѣль плана столько-же справедливую, какъ и разумную. Если хорошенько всмотрѣться въ молодые умы нашего времени, то окажется, что всѣхъ этихъ условій имъ рѣшительно недостаетъ. Имъ недостаетъ главнаго—знанія и изученія. Недостаетъ также удостовѣреній въ осуществимости плана. Положимъ, что у нихъ цѣли хорошія, но, при недостаткѣ этихъ качествъ, хорошими цѣлями, какъ говоритъ пословица, мостятъ адъ.

— 8. Пятница. Каждому человѣку отпущена отъ природы извѣстная мѣра силъ и извѣстный ихъ образъ. Кто не пришелъ къ сознанію ихъ, тотъ направляется этими силами слѣпо и самъ не иное что, какъ природа. Но человѣкъ, стоящій на высшей степени духа или которому достался большій запасъ силъ, добирается, рано или поздно, до ихъ сознанія и полагаетъ здѣсь основаніе своей нравственной конституціи. Сознать свои силы и образъ ихъ—вотъ высшая задача мыслящаго духа.

Управлять этими силами и пускать ихъ ходъ для дальнѣйшаго развитія—вотъ настоящая практическая задача дѣятельности. Никто не въ состояніи сдѣлать изъ себя ничего болѣе того, на что даютъ ему способы его силы. Но каждый обязанъ сдѣлать изъ нихъ все возможное. Довольство самимъ собой есть сознаніе, что мы сдѣлали и дѣлаемъ всевозможное изъ силъ, дарованныхъ намъ природою; что мы издерживаемъ и упогребляемъ отпущенный намъ природою капиталъ разумно, то есть бережно и достаточно, безъ расточительности и скупости. Въ силу этого нравственнаго закона никто не долженъ порываться стать ни выше себя, ни ниже себя. Мы не иное что, какъ арендаторы, которые должны честно и выгодно воздѣлать поле, взятое нами на время у общаго госиодина, а плата за него—продукты, которые мы должны внести въ общую сокровищницу блага и успѣха человѣчества.

Съ горы легче спускаться, чѣмъ всходить на нее.

— 10. Воскресенье. Положеніе вещей у насъ въ обществѣ крайне неудовлетворительно. Правительство съ каждымъ днемъ теряетъ свой авторитетъ. Конечно, глава находитъ сочувствіе и пользуется расположеніемъ массъ. Но въ мыслящей части общества—одни по принципу ультра-либеральныхъ идей питаютъ къ нему ненависть; другіе, готовые всячески примкнуть къ нему, раздражаются многими мѣрами, изобличающими или неспособность, или слабость правительства; самые лучшіе питаютъ скорбь въ глубинѣ своей души.

. . . .

— 11. Понедѣльникъ. Дѣло честнаго человѣка въ томъ, чтобы дѣлать честное дѣло, несмотря на то, какія послѣдствія могутъ изъ того выйти для него самого.

У князя Оболенскаго. Я представилъ ему нѣсколько возраженій на нѣкоторыя статьи проекта законовъ о печати, особенно на главу объ организаціи управленія по этой части. Лицо начальника цензурнаго управленія мнѣ кажется лишнимъ, да и самое названіе начальника неумѣстнымъ, такъ какъ отнынѣ начальникъ цензуры есть министръ внутреннихъ дѣлъ. Совѣтъ очень ослабленъ и за нимъ не остается почти ничего, кромѣ роли сыщика. Князь Оболенскій возразилъ мнѣ, что это не такъ, потому что только административная часть ввѣряется началь-

нику, а цензурная, заключающая въ себѣ важныя части, отнесена къ совѣту.—Но въ такомъ случаѣ, замѣтилъ я, —почему-же эти цензурные предметы не поименованы въ статьѣ, гдѣ исчисляются обязанности совѣта, а въ исчисленіи административныхъ предметовъ, заключающихся въ кругу дѣятельности начальника, поименованы составленіе инструкцій и пр.—часть чисто законодательная. Князь согласился, что это надо будетъ исправить. Вообще я думаю, что слово начальникъ надо устранить и самыя права его ограничить, предоставивъ ихъ совѣту. За первымъ останется еще довольно много, какъ за предсѣдателемъ послѣдняго. Такимъ образомъ не будетъ дано простора произволу одного. Оболенскій съ этимъ согласился.

Князь разсказалъ мнѣ всю процедуру дѣла цензурнаго законодательства, какъ оно было поведено Головнинымъ, и показалъ мнѣ всю переписку его съ нимъ..... Всему этому трудно было-бы повѣрить безъ свидѣтельства собственныхъ его писемъ. Боже мой!...

— 14. Четвергъ. Говорятъ, Викторъ Гюго написалъ прокламацію къ полякамъ. Что-же дѣлать другого, какъ не возмущать общество этому высокопарному пустомелѣ, который, проповѣдуя равенство, такъ хорошо умѣетъ обдѣлывать свои собственныя дѣла. Вотъ онъ и сейчасъ преподнесъ Европѣ, продавъ ей за 400 т. франковъ новый геніальный продуктъ своего уродливаго воображенія.

Вообще, странна ненависть европейской печати къ Россіи и радость ея при видѣ замѣшательствъ въ ней. Неужели она боится тѣни ....? Но справедливо-ли, разумно-ли смѣшивать (прежнее) время съ нынѣшнимъ и мстить цѣлому народу за ошибки или вину одного человѣка? Это-то прославленная гуманность Европы!

— 15. Пятница. У попечителя былъ собранъ историко-филологическій факультетъ для совѣщаній о назначеніи профессоровъ въ университетъ, который предположено открыть въ будущемъ августѣ, такъ какъ уставъ уже разсмотрѣнъ и исправленъ Строгоновскою комиссіею. Тутъ коснулось дѣло меня. Я объявилъ, что мое пятилѣтіе уже кончилось, и прошу меня уволить. Факультетъ, не знаю искренно или притворно, просилъ меня остаться. Особенно настаивали Срезневскій и Куторга. Они

просили, чтобы я остался, по крайней мѣрѣ, для начала возрожденія университета, чтобы не вдругъ его покинулъ. На это я слегка согласился, не давъ рѣшительнаго отвѣта даже самому себѣ. Я не имѣю чести нравиться Головнину, да и въ товарищахъ не совсѣмъ увѣренъ.

Хочу поговорить съ Д* о томъ, какъ онъ думаетъ, но въ концѣ концовъ я всетаки полагаю просить объ отставкѣ.

Мы богаты великими публицистами, великими мыслителями въ газетахъ и фельетонахъ. Но вотъ, когда дѣло дошло до прінскиванія профессоровъ, то пришлось почти надъ каждою каѳедрою задумываться: кого?

— 16. Суббота. Объяснялся съ Д* по поводу вчерашняго засѣданія и назначенія профессоровъ въ университетъ. Меня факультетъ просилъ остаться. Я уступилъ только на короткое время—пока университетъ не переправится черезъ Чермное море и не станетъ снова на твердую почву. И то потому, что всѣ согласились въ необходимости не устранять при этой переправѣ людей надежныхъ, то есть искренно и издавна преданныхъ университету. Впрочемъ, Головнинъ, можетъ быть, захочетъ поступить иначе.

— 17. Воскресенье...... Что-бы ни было, я пойду открытою, прямою дорогою. Для меня столько-же ненавистны притязанія крайнихъ, какъ и закоснѣлость консерваторовъ, и хотя говорятъ, что умѣренный образъ мыслей не есть самый блестящій, но онъ есть самый справедливый, единственный, которымъ можетъ и долженъ руководствоваться человѣкъ съ сердцемъ и здравымъ умомъ. И онъ требуетъ также мужества, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы противостоять страстямъ и увлеченіямъ партій. Наши газеты и журналы жестоко ошибаются, думая, что они располагаютъ общественнымъ мнѣніемъ и направляютъ его. Правда, они дѣйствуютъ на него—но чѣмъ? Изображеніемъ скандаловъ или мелкихъ житейскихъ дрязгъ, чиновничьихъ продѣлокъ и пр. Но созидать партіи, какъ они думаютъ, установлять принципы, приводить въ движеніе политическія пружины и пр.—это чистѣйшая мечта и обольщеніе самолюбія. Но есть другое неоспоримое вліяніе нашихъ газетъ и журналовъ—это вліяніе на молодое поколѣніе...

— 19. Вторникъ. Былъ Гиляровъ, вызванный сюда для при-

сутствія въ цензурной комиссіи. Съ кѣмъ изъ умныхъ и честныхъ людей ни говори, все слышишь одно и то-же: ужасное время переживаетъ Россія. По дѣламъ польскимъ намъ угрожаетъ вмѣшательство Европы, которая съ чудовищною непонятною ненавистью, кажется, готова растерзать въ клочки Россію. А что имъ сдѣлала Россія? Они забыли 1812-й годъ. Но человѣкъ видно вездѣ готовъ болѣе на зло, чѣмъ на добро. Что-же это за цивилизація, которая не дѣлаетъ людей ни великодушнѣе, ни справедливѣе?..

...Боже мой! при такихъ государственныхъ людяхъ, какими теперь мы богаты, немудрено и пасть Россіи. Ни сильной мысли, ни твердой воли, ни живого патріотическаго чувства, которыя-бы сообщались другимъ!

— 21. Четвергъ. Есть люди, которые, въ силу укоренившагося обычая, исполняютъ нѣкоторыя добрыя дѣла точно такъ, какъ въ извѣстное время они обѣдаютъ, пьютъ чай и т. д.

Не постигнетъ-ли варварство еще разъ человѣческія общества, когда нравственная сила и сила этой силы—вѣрованіе — совершенно угаснутъ въ сердцахъ людей?

Бокль думаетъ всѣ принципы общества подчинить одному знанію. Для него нѣтъ нравственныхъ убѣжденій, нѣтъ вѣрованій или всѣ убѣжденія и вѣрованія онъ старается установить на знаніи.

Польское возстаніе, безъ сомнѣнія, есть не иное что, какъ симптомъ общаго революціоннаго соціалистическаго движенія; Европа должна перестроиться и обновиться, по мнѣнію вождей этого движенія; но обновленію долженъ предшествовать духъ бури и всеобщаго разрушенія. Изъ праха и развалинъ самъ собою долженъ возникнуть новый міръ, въ которомъ водворится золотой вѣкъ. Что это: сумасшедшіе или апостолы новой религіи безъ вѣры, новаго откровенія безъ чудесъ, новой нравственности безъ добродѣтелей, общества безъ законовъ и власти, полнаго владычества разума безъ страстей, безъ науки, искусства и поэзіи, новаго особеннаго христіанства безъ Бога, Христа и церкви; наконецъ, жизни безъ страданій и смерти?

. . . . . Сколько здѣсь лжи и безумія! Предпринимать дѣло человѣчества съ такимъ рискомъ для него, безъ особеннаго яснаго на то полномочія, котораго и быть ни отъ кого не можетъ,

есть уже безуміе или злодѣйство. Можно-ли позволить себѣ во имя какой-бы то ни было системы играть такъ жребіями человѣческими, и, хотя-бы то съ наилучшими намѣреніями, увлекать людей въ пропасть, если нѣтъ никакой достовѣрности въ томъ, что пропасть эта превратится въ жилище блаженства?

Засѣданія въ Академіи наукъ и въ факультетскомъ собраніи, гдѣ производился экзаменъ В. А. Бильбасову на званіе магистра.

Въ Академію была прислана бумага за подписью министра двора съ изъявленіемъ отъ Государя императора неудовольствія за громогласные разговоры и шумъ въ придворной церкви среди посѣтителей, приглашенныхъ присутствовать при обрядѣ вѣнчанія великой княжны съ Баденскимъ принцемъ. Всѣ четырехклассныя особы, имѣющія пріѣздъ ко двору, должны росписаться на этой бумагѣ, что читали ее. Возможно-ли, что наше общество, высшее, образованное, до того забыло самыя обыкновенныя приличія и вынудило Государя сдѣлать себѣ наставленіе и замѣчаніе, какъ самому пошлому школьнику? Однако-же, это случилось. Обстоятельство это въ настоящее время имѣетъ важный смыслъ.

Иностранныя газеты продолжаютъ выражать намъ свою непріязнь за Польшу, особенно по поводу заключенія съ Пруссіей конвенціи.

— 26. Вторникъ. Эти ночные толчки, которые я такъ часто терплю ночью—Дамокловъ мечъ, подъ которымъ я нахожусь постоянно съ 1858 года.

— 28. Четвергъ. Соціалисты хотятъ, чтобы народы жили безъ правительствъ... Надобно совершенно не знать людей или питать слѣпую вѣру въ самыя фантастическія утопіи, чтобы повѣрить, что человѣкъ способенъ обойтись безъ внѣшней силы, которая-бы его обуздывала и направляла. Если не случится силы, которая-бы хитростью или насиліемъ взяла его въ свои руки, такъ онъ создастъ ее самъ. Она падетъ или онъ ниспровергнетъ ее за злоупотребленія, но она будетъ создана вновь. Перемѣниться могутъ формы отношеній этой силы и ея проявленія, но отмѣнить ее нельзя, пока на землѣ будутъ страсти, неравенство способностей, пока одинъ будетъ способенъ властвовать и другой будетъ имѣть больше выгоды повиноваться и быть спокойнымъ, чѣмъ вѣчно стоять настороже.

Мартъ.—1. Пятница. Бокль излагаетъ исторію по-своему,

Макколей по своему, Шлоссеръ и Гервинусъ по-своему. Историкъ не долженъ-бы быть политикомъ, а прежде всего умнымъ человѣкомъ и критикомъ. Страшно надоѣли всѣ эти перетолковыванія дѣяній и событій, которыя каждый старается изъяснить въ духѣ своихъ идей, привязанностей своей партіи.

Между всѣми этими великодушными партіями, препирающимися за права и благо человѣчества, въ сущности дѣло идетъ о томъ, кому изъ нихъ властвовать въ мірѣ. Человѣчество есть добыча, которая должна быть наградою побѣдителя.

— 2. Суббота. Въ Казанскомъ университетѣ произошелъ скандалъ. Профессора пересcорились до такой степени, что для умиротворенія ихъ посланъ Д*. Избирали кого-то въ профессора по медицинскому факультету и избрали большинствомъ голосовъ въ совѣтѣ. Казалось-бы, и дѣлу конецъ. По всѣмъ законодательствамъ въ мірѣ большинство рѣшаетъ дѣло. Но нашимъ ультра-либераламъ какое дѣло до закона? Меньшинство не только вздумало не уважить рѣшенія совѣта, но формально воспротивилось ему и объявило письменно, что оно не хочетъ принять въ свои сочлены такого-то.

— 14. Четвергъ. Засѣданіе въ Академіи. Новый членъ Пекарскій. Онъ показался мнѣ весьма благовиднымъ и приличнымъ.

— 18. Понедѣльникъ. У Державина было три орудія письма: перо золотое, перо гусиное, прескверно очиненное, и нѣчто въ родѣ помела.

Ужасное кровопролитіе въ Польшѣ продолжается. Сколько погибаетъ несчастныхъ, которые думаютъ, что они рѣжутся за отчизну и добросовѣстно подставляютъ грудь свою подъ русскія пули, а между тѣмъ служатъ только орудіемъ или несбыточныхъ, или честолюбивыхъ стремленій нѣсколькихъ коноводовъ. Кровь этихъ несчастныхъ должна пасть на послѣднихъ. Но что толку въ этомъ? По ночамъ худо спится: атакуютъ безпокойныя и тревожныя мысли о Россіи. Вѣдь это наступилъ роковой кризисъ для нея—почти быть или не быть—едва-ли не важнѣе 1812 г.

— 19. Вторникъ. Холода продолжаются. Ужасный, ножами рѣжущій, сѣверо-восточный вѣтеръ при ослѣпительномъ сіяніи солнца. Сегодня, по крайней мѣрѣ, погода не подличаетъ—пасмурно, прямо скверный день, безъ фальшивыхъ обѣщаній.

Враги готовы кинуться на насъ со всѣхъ сторонъ, какъ звѣри, то есть какъ собаки, а не какъ львы, потому что львы, говорятъ, великодушны и благородны. А что дѣлаетъ наше правительство—покрыто глубокою тайною. Знаешь только, что тамъ въ разныхъ мѣстахъ дерутся, что наши рѣжутъ напропалую поляковъ, вотъ и все. А вотъ тутъ возлѣ враги хуже—наши ультра-либералы.

. . . .

Горько, что такъ мало чувствуешь въ себѣ силъ, чтобы работать для бѣднаго отечества!

— 21. Четвергъ. Засѣданіе въ Академіи и дѣвичій экзаменъ въ университетѣ.

— 23. Суббота. На похоронахъ старушки Михайловой, которая умерла 79 лѣтъ. Это была женщина замѣчательнаго ума и силы характера. Я очень уважалъ ее. Умерла она съ полнымъ спокойствіемъ духа и сохранила до конца свой піитистически христіанскій образъ мыслей. Она была лютеранка.

— 26. Вторникъ. Болѣе всего надо опасаться вѣрить тому, что намъ пріятно.

— 30. Суббота. Заутреня и обѣдня въ университетской церкви. Видѣлся съ Костомаровымъ, Устряловымъ и проч. Горячо похристосовался съ нашимъ добрымъ и умнымъ швейцаромъ Савельичемъ, видѣвшимъ день рожденія университета.

— 31. Воскресенье. Праздникъ Пасхи. День неслыханно прекрасный—9 град. тепла съ девяти часовъ утра. Солнце сіяетъ какъ на итальянскомъ небѣ.

Апрѣль.—1. Понедѣльникъ. Читалъ манифестъ объ амнистіи полякамъ. Манифестъ могъ-бы быть лучше написанъ.

Слухи ходятъ, что Европа принимаетъ въ отношеніи къ намъ видъ все грознѣе и грознѣе. Власть въ дѣлахъ міра принадлежитъ хитрѣйшему и безстыднѣйшему. Теперь она за Людовикомъ-Наполеономъ, и онъ, кажется, намѣренъ воспользоваться ею, увѣривъ всѣхъ, что Россію надобно уничтожить для безопасности Европы, которой угрожаетъ-то собственно онъ.

Какой мы слѣдуемъ политикѣ—покрыто мракомъ неизвѣстности. Но, кажется, едва-ли мы не избрали несчастную систему уступокъ и мира во что-бы то ни стало. Ничто не можетъ быть плачевнѣе этой системы, если мы ее приняли. Ею не только нельзя избѣжать войны, но она прямо ведетъ къ ней. Един-

ственный способъ избѣжать ее—это показать Европѣ, что мы не боимся войны. Но непремѣнно показать, дать ей почувствовать это.

— 7. Воскресенье. Говорятъ, ноты или такъ называемыя депеши трехъ державъ получены. Что-то рѣшитъ наше правительство? Горе, если оно окажетъ слабость. Это будетъ первый шагъ къ низведенію Россіи съ ея политической степени. Правительство лишится послѣдняго престижа, и тогда трудно рѣшить, къ какому хаосу внутреннему можемъ мы придти. Разумѣется, врагамъ нашимъ этого и хочется.

— 8. Понедѣльникъ. Въ университетѣ засѣданіе въ факультетѣ по поводу диссертаціи Бильбасова.

Насъ собралось человѣкъ восемь. Толки на тему: будетъ-ли у насъ война? Я развилъ ту мысль, что это совершенно зависитъ отъ нашего поведенія: если мы съ твердостью покажемъ Европѣ, что не желаемъ, но и не боимся войны, и выразимъ полную къ ней готовность, то Европа не начнетъ ее.

Боже сохрани правительство отъ уступокъ, противныхъ чести и безопасности Россіи. Національное чувство начинаетъ повсюду, здѣсь и въ губерніяхъ, сильно возбуждаться. Если . . . . Наполеонъ высказался такъ, что подъ гнетомъ общественнаго мнѣнія онъ можетъ нарушить союзъ дружбы съ Россіею, то Александръ можетъ ему отвѣтить, что подъ гнетомъ всеобщей ненависти и негодованія своего народа къ чужому вмѣшательству, онъ не ручается за то, чтò этотъ народъ въ состояніи надѣлать. Европа не можетъ желать такой войны, какая грозитъ возникнуть изъ за вмѣшательства Наполеона, и потому легко можетъ случиться, что то общественное мнѣніе, на которое Наполеонъ опирается, не будетъ за него, а противъ него. Имперія—это война, безпощадная вѣчная война. Наполеонова династія можетъ какъ червь жить и питаться только трупами. Вотъ десять лѣтъ—съ тѣхъ поръ, какъ этотъ узурпаторъ распоряжается въ Европѣ—она не слагаетъ съ себя оружія. Это не можетъ-же продолжаться всегда. Можетъ быть, въ случаѣ войны, племяннику, какъ и дядѣ, придется разбиться въ дребезги объ этотъ колоссъ, который они называютъ варварскимъ народомъ.

— 9. Вторникъ. Похороны корнета Ремера, убитаго въ

сраженіи съ мятежниками недалеко отъ Варшавы 2-го апрѣля. Выносъ былъ изъ церкви Симеона. Стеченіе народа огромное. Изъ императорской фамиліи присутствовали тутъ Наслѣдникъ и великій князь Николай Николаевичъ. Вообще оказаны достойныя почести этому молодому храброму офицеру, положившему животъ свой за родину.

Въ воскресенье на площади у Зимняго дворца была огромная манифестація. Несмѣтныя толпы народа собрались передъ балкономъ, выходящимъ къ Адмиралтейству, и подняли страшное „ура", такъ что Государь показался, наконецъ, на балконѣ. Толпы встрѣтили его съ неописаннымъ восторгомъ. Народъ просилъ показаться также царицу. Она явилась на балконѣ— тотъ-же восторгъ и радостные клики.

Во время концерта въ пользу инвалидовъ Государь былъ принятъ также съ необыкновеннымъ восторгомъ. Музыканты, между прочимъ, принуждены были четыре раза повторить гимнъ „Боже, Царя храни".

— 10. Среда. Если уже пошло на то, такъ Россія нужнѣе для человѣчества, чѣмъ Польша. Одни тѣ народы могутъ служить человѣчеству, которое еще не прожили всего капитала своихъ нравственныхъ силъ, а Польша, кажется, уже это сдѣлала. У Россіи-же есть будущность. Мы воспитаны въ суровой школѣ. Но за то мы и способны что нибудь сдѣлать. Насъ упрекаютъ могуществомъ нашимъ какъ преступленіемъ. Но развѣ мы украли наше могущество? Мы добыли его терпѣніемъ и кровію нашею.

— 12. Пятница. Неумѣренное чтеніе пустыхъ книгъ, какъ, напримѣръ, романовъ, имѣетъ разслабляющее свойство. Дѣйствіе его то-же, какъ дѣйствіе питья, лѣниваго лежанья на диванѣ или празднаго шатанья по улицамъ.

— 13. Суббота. Грозныя и зловѣщія предзнаменованія становятся все сильнѣе и сильнѣе. Всѣ почти увѣрены въ неизбѣжности войны. Между тѣмъ въ правительственныхъ сферахъ, повидимому, все спокойно, незамѣтно никакого особеннаго движенія. Что это—инерція или увѣренность въ своихъ силахъ? Послѣднее-то едва-ли умѣстно. Нѣтъ сомнѣнія, что мы въ большой опасности. Мы недостаточно вооружены. У насъ нѣтъ ни способныхъ генераловъ, ни способныхъ государственныхъ людей.

— 14. Воскресенье. Мрачнѣе и мрачнѣе. Многіе находятъ, что наше положеніе очень опасно. Въ народѣ, правда, пробуждается сильный потріотизмъ, но средства наши слабы въ сравненіи со средствами непріятеля или непріятелей. Войско наше храбро, но такъ-ли хорошо оно вооружено и обучено, какъ войско, напримѣръ, французское? Кронштадтъ худо укрѣпленъ. У насъ нѣтъ панцырныхъ судовъ. Есть-ли у насъ нарѣзныя пушки и много-ли ихъ? Финансы наши въ крайнемъ упадкѣ.

— 15. Понедѣльникъ. Толки, безконечные толки о томъ: будетъ-ли или не будетъ война? Я постоянно повторяю одну мысль, что возможность войны много зависитъ отъ нашего поведенія, то есть отъ той энергіи, съ какою мы будемъ показывать, что мы войны не желаемъ, но и не боимся ея. Впрочемъ, не слишкомъ-ли далеко зашелъ Наполеонъ, чтобы возвратиться назадъ? И не слишкомъ-ли велики интересы Англіи и другихъ державъ, чтобы втянуть его въ войну, которая можетъ кончиться однимъ изъ двухъ: ослабленіемъ его или Россіи. Въ такомъ случаѣ, разумѣется, война неизбѣжна.

Настроеніе умовъ у насъ, мнѣ кажется, хорошо: нѣтъ самохвальства, которымъ мы часто отличались, но нѣтъ и унынія, хотя всѣ сознаютъ, что война предстоитъ трудная и намъ угрожаютъ большія опасности. Какъ-то всѣ понимаютъ, что здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы быть или не быть.

— 16. Вторникъ. Второй разъ получилъ отъ инспектора Римско-Католической академіи извѣщеніе, что лекціи по моему предмету въ ней не будетъ...

— 17. Среда. Восемъ часовъ вечера. Сейчасъ принесли указъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Это составитъ эпоху въ исторіи рускаго народа.

Вечеромъ иллюминація. Невскій проспектъ почти буквально былъ залитъ народомъ и экипажами. Я дошелъ кое-какъ или, лучше сказать, донесенъ былъ толпою до Думы; далѣе идти было невозможно: сплошная стѣна народа, еле-еле подвигавшаяся впередъ, и страшная тѣснота вокругъ заставили меня рѣшительно возвратиться вспять. Я все думалъ, не поѣдетъ-ли Государь—мнѣ хотѣлось дождаться его. Но было уже 10 часовъ, а его не было.

Иллюминація была блистательная. Особенно хорошо были

иллюминованы дома Бернардаки, Кокорева, Гостинный дворъ, Дума и проч. Въ трехъ мѣстахъ гремѣла музыка. Въ народѣ соблюдался удивительный порядокъ и благопристойность. Вмѣшательства полиціи ни малѣйшаго. Пьяныхъ я не видалъ ни одного.

— 18. Четвергъ. Множество адресовъ отъ разныхъ сословій съ изъявленіемъ патріотическихъ чувствъ. Замѣчателенъ адресъ старообрядцевъ. Слава Богу! Рѣчь Государя къ депутаціямъ превосходна: спокойствіе, умѣренность и твердость. Въ Европѣ увидятъ, что новая война съ Россіей не будетъ похожа на Крымскую.

Говорили объ адресѣ финляндцевъ, но въ печати его нѣтъ. Жаль, если это только слухъ. Швеція вооружается не на шутку, грозя отнять у насъ Финляндію и чуть-ли не Петербургъ.

— 19. Пятница. Изъ адресовъ едва-ли не самый лучшій—старообрядцевъ и самый неудачный—московскаго университета.

Въ Москвѣ 17-го апрѣля былъ невыразимый народный энтузіазмъ. Народъ потребовалъ, чтобы молебенъ былъ отслуженъ на площади противъ оконъ тѣхъ комнатъ дворца, гдѣ родился Государь. Народъ палъ на колѣни и молился за Россію и Государя съ глубокимъ чувствомъ. Очевидцы говорятъ, что это было зрѣлище великолѣпное и трогательное.

Вечеромъ 17-го здѣсь въ театрѣ происходила также манифестація. Играли: „Жизнь за Царя". Тутъ не было конца восторженнымъ кликамъ, рукоплесканіямъ. Въ театрѣ, между прочимъ, былъ англійскій курьеръ, наканунѣ пріѣхавшій съ депешами къ своему послу. Онъ былъ изумленъ выраженіемъ всеобщаго восторга, который не долженъ-бы удивить англичанина, и сказалъ, что онъ будетъ бояться разсказывать объ этомъ въ Лондонѣ, потому что тамъ этому не повѣрятъ.

— 20. Суббота. Засѣданіе въ Академіи... Въ Академіи то-же и то-же: ловля мухъ и комаровъ.

Адресъ здѣшнихъ старообрядцевъ очень хорошъ. Зато московскій университетъ отличился какимъ-то школярнымъ витійствомъ.

— 22. Понедѣльникъ. Поутру ѣздилъ въ Смольный монастырь поздравить Леонтьеву съ ея 25-ти-лѣтіемъ службы. Она была тронута этою вѣжливостью и просила меня на вечеръ. Вечеръ былъ очень оживленъ. Тутъ встрѣтилъ я многихъ изъ мо-

ихъ Смольныхъ слушательницъ, отъ которыхъ наслушался множество любезностей и воспоминаній. Вѣдь то была, въ самомъ дѣлѣ, моя лирическая эпоха и промелькнуло много пріятныхъ дней въ кругу этихъ развитыхъ, милыхъ, неиспорченныхъ женскихъ существъ. Я воротился домой во второмъ часу.

— 23. Вторникъ. Отъ 7-ми градусовъ тепла погода перешла къ жару. Въ Лѣтнемъ саду земля опушается травкою, на кустарникахъ начинаютъ пробиваться листья, но большія деревья, какъ опытнѣйшія, стоятъ угрюмо, обнаженныя, какъ-бы боясь довѣриться ненадежной здѣшней веснѣ.

Возрождаются нѣкоторыя надежды на миръ. Замѣчательна, между прочимъ, сегодняшняя телеграмма, извѣщающая, что шведскій сеймъ рѣшительно отвергнулъ всякую мысль о помощи Польшѣ.

— 25. Четвергъ. Всеобщее недовольство на слабость нашего управленія въ Варшавѣ. Въ самомъ дѣлѣ, городъ на военномъ положеніи, а тамъ, какъ и во всей Польшѣ, главная правительственная власть въ рукахъ революціоннаго комитета. Полиція состоитъ изъ поляковъ. Русскій элементъ совершенно подавленъ. Русскіе терпятъ оскорбленія... А главное, по причинѣ совершеннаго безсилія нашего правительства, возстаніе затягивается болѣе и болѣе и даетъ Европѣ поводъ вмѣшиваться.

Крестьяне въ Динабургскомъ уѣздѣ сами рѣшились расправиться съ бунтующими помѣщиками. Въ имѣніи Платера они надѣлали пропасть безпорядковъ. Тѣ-же стремленія обнаруживаются и въ другихъ западныхъ губерніяхъ. Да что-же и дѣлать крестьянамъ? Ихъ душитъ революціонный комитетъ, а имъ не оказываютъ защиты.

Самарское дворянство постановило приговоръ: вызвать изъ за границы, и особенно изъ Парижа, нашихъ путешественниковъ, которые терпятъ тамъ всяческія оскорбленія русскаго имени и всетаки продолжаютъ тамъ жить.

Встрѣтилъ у католической церкви похороны митрополита Жилинскаго, который надняхъ умеръ.

Вечеромъ былъ С., который ѣдетъ въ Малороссію по порученію министра собирать какія-то свѣдѣнія.

— 26. Пятница. Польскіе студенты и гимназисты сожгли

Горыгорѣцкое училище, перерѣзавъ прежде инвалидную команду.

Въ Варшавѣ царствуетъ совершенная анархія. Полиція тамъ состоитъ изъ поляковъ.

Теперь знакомые не спрашиваютъ при встрѣчѣ другъ друга: здоровы-ли вы? а—война или миръ?

Назимова, говорятъ, замѣняютъ Муравьевымъ-Карскимъ.

— 27. Суббота. Претензіи человѣка—претензіи полубога, если не бога, а судьба ихъ такая-же, какъ послѣдняго червя: не странно-ли это?

Засѣданія въ Академіи и факультетскомъ собраніи.

Говорятъ о странномъ адресѣ войска Донскаго. Они собрались въ числѣ сорока полковъ, снарядились совершенно на бой и выступили къ предѣламъ своей земли, пославъ всеподданнѣйше представить Государю, что они готовы: куда онъ повелитъ имъ идти?

— 28. Воскресенье. Зашелъ къ Княжевичу. Тамъ услышалъ весьма непріятную новость, что нашихъ на голову разбили поляки. Нашими начальствовалъ Витгенштейнъ.

О сожженіи Горыгорѣцка и тамошняго училища получены подтвердительныя извѣстія.

Въ Витебской губерніи разграблена казенная почта.

— 30. Вторникъ. Разрѣшилъ давно и непріятно занимавшее меня недоумѣніе. Пребываніе мое въ Римско-Католической академіи, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, съ каждымъ днемъ становилось для меня тяжелѣе, фальшивѣе. Не то, чтобы въ слушателяхъ или начальствѣ я встрѣтилъ что-нибудь непріязненное себѣ или русскому элементу. Напротивъ, я лично продолжалъ пользоваться, какъ и во все время моей службы, отличнымъ расположеніемъ тѣхъ и другого. Что касается до русскаго элемента, то, по крайней мѣрѣ, наружно ни однимъ словомъ, ни мановеніемъ, такъ сказать, никто изъ нихъ тоже не выразилъ ничего враждебнаго. Что-же тамъ происходитъ у нихъ въ сердцахъ—я не имѣю ни права, ни возможности знать этого и допытываться. Но всетаки отношенія наши не могли не быть странными, тѣмъ болѣе, что по конкордату ни одинъ православный преподаватель не долженъ быть въ академіи. Я оставался тамъ одинъ, и былъ удерживаемъ, такъ сказать, насильно самими

академистами, которые не разъ, на мои просьбы уволить меня, отвѣчали мнѣ самыми жаркими просьбами не оставлять ихъ. Между тѣмъ надняхъ я два раза получилъ отъ инспектора извѣщеніе, что лекцій моихъ въ такой-то день не будетъ. Потомъ я раза три самъ не пошелъ на лекцію. Я хотѣлъ спросить совѣта у директора департамента иностранныхъ исповѣданій графа Сиверса. Но этотъ не захотѣлъ меня принять, когда я два раза къ нему приходилъ. Что мнѣ оставалось дѣлать?... Подать прямо въ отставку я считалъ неловкимъ. Я придумалъ написать инспектору слѣдующее письмо: „По независящимъ отъ меня причинамъ, я, къ сожалѣнію моему, не могъ читать уже нѣсколько разъ лекцій въ Р.-К. академіи. Наступившіе за симъ экзамены въ университетѣ для студентовъ, допущенныхъ къ нимъ по закрытіи послѣдняго, и усиленіе испытаній для домашнихъ учителей и учительницъ дѣлаютъ для меня совершенно невозможнымъ въ настоящее время посвящать труды мои академіи. Дабы такая остановка не причинила для послѣдней какого-либо неудобства, я честь имѣю увѣдомить васъ, м. г., о вышесказанномъ съ тѣмъ, что не признаетъ-ли начальство академіи полезнымъ возложить преподаваніе русской словесности вмѣсто меня на кого либо другого“. Это письмо я сегодня и отправилъ къ инспектору Вожинскому.

Май.—1. Среда. Весь почти апрѣль былъ очень хорошъ: тепло и солнце. Вотъ и май—и начало его также хорошо. Деревья видимо начинаютъ опушаться молодою зеленью, даже большія начинаютъ понемножку выходить изъ скептическаго положенія и больше довѣрять ласковой улыбкѣ солнца. Что будетъ дальше, и не заплатится-ли намъ за это въ концѣ мая или въ іюнѣ чѣмъ-нибудь вродѣ 8-ми, 7-ми град. тепла или страшнаго сѣверо-восточнаго дуновенія—это мы послѣ узнаемъ, а теперь, что хорошо, то хорошо. А у насъ еще нѣтъ и помина о дачѣ.

— 2. Четвергъ. Засѣданіе въ Академіи, экзамены гувернантокъ. Вечеромъ засѣданіе факультета у попечителя для извѣщенія о предстоящемъ открытіи университета. Я, кажется, пока остаюсь.

Вѣсы, повидимому, склоняются на миръ. Англія и Франція, особенно послѣдняя, сильно смягчили тонъ своихъ настояній.

Россель объявилъ въ парламентѣ, что войны не будетъ. Швеція, получивъ отъ Финляндіи объявленіе, что та вовсе не желаетъ отложенія отъ Россіи, дала знать, что она не имѣетъ повода къ войнѣ.

— 3. Пятница. Засѣданіе въ Академіи наукъ. Тутъ-же засѣданіе въ комиссіи для присужденія уваровскихъ премій. Я читалъ мой отчетъ о двухъ комедіяхъ, изъ которыхъ присуживалъ премію комедіи Островскаго „Грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ". Другіе члены комиссіи, не знаю почему, кажется, не хотѣли дать ему преміи.

Майковъ вечеромъ читалъ у меня свою пьесу: „Смерть Люція". Вещь истинно прекрасная.

— 4. Суббота. Что-же такое жизнь, когда лучшая изъ добродѣтелей есть презрѣніе жизни, а ученіе, проповѣдующее презрѣніе это, есть высшая степень мудрости.

Я не знаю, въ жизни и судьбѣ человѣческой есть что-то столь непрочное, что кажется невозможнымъ считать ихъ за что-нибудь серьезное. Право, все похоже на обманъ, иллюзію, на фантасмагорію. Существенная сторона жизни даетъ себя чувствовать только страданіями, и потому-то первый законъ для всего живущаго и самое рѣшительное изъ его стремленій есть— избѣгать страданій.

Человѣкъ постоянно опасается человѣка. Между умными людьми эти опасенія особенно обыкновенны. Каждый изъ нихъ очень хорошо знаетъ и лживость другаго, и способность его вредить или гадить ближнему. Обмануть вовсе не считается стыднымъ: стыдно быть обманутымъ. Первое всегда считается признакомъ ума, ловкости; второе означаетъ воронью простоту, тупость, слабоуміе. Сколько разъ я былъ наказанъ за пренебреженіе предосторожностей въ обращеніи съ людьми!...

Человѣкъ одаренъ особенною способностью запутывать и усложнять самыя простыя вещи. Иному хочется показаться, во что-бы то ни было, умнѣе другихъ и онъ, какъ говорится, изъ кожи лѣзетъ въ изобрѣтеніи разныхъ утонченностей, соображеній, воззрѣній и проч.

— 5. Воскресенье. Главное, многому, что считается важнымъ, не должно придавать важности.

У ректора Римско-Католической академіи епископа Берес-

невича, который на-дняхъ пріѣзжалъ ко мнѣ и не засталъ меня дома. Онъ самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ меня не покидать Академіи.

Все еще колеблются политическія дѣла между миромъ и войною. Возстаніе не только не прекращается, но фанатизмъ поляковъ, кажется, возрастаетъ. Многаго публика ожидаетъ отъ Муравьева, назначеннаго на мѣсто Назимова.

— 6. Понедѣльникъ. Опять тревоги, сомнѣнія, безпокойства. Меньше и меньше обращать вниманія на весь этотъ вздоръ, которому значеніе дается единственно нашимъ малодушіемъ въ подрывъ нравственной свободѣ.

— 10. Пятница. Николай Николаевичъ Кологривовъ— неожиданно изъ Парижа. Онъ говоритъ, что тамъ вовсе нѣтъ никакихъ оскорбленій русскимъ, что журналы ругаютъ насъ, но живущіе въ Парижѣ не терпятъ ничего похожаго на оскорбленіе. Въ обществѣ тамъ сочувствуютъ полякамъ, о которыхъ они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, равно какъ и о Россіи, и только.

— 13. Понедѣльникъ. Къ какому-то отставному дѣйствительному статскому совѣтнику Гордіенко ночью на дачѣ за Лѣснымъ Корпусомъ въ окошко влѣзъ кто-то съ кинжаломъ и съ пистолетомъ въ рукахъ и, когда хозяинъ проснулся и бросился на разбойника, то послѣдній нанесъ ему 11 ранъ кинжаломъ; пистолетъ бѣдный успѣлъ выбить у него изъ рукъ. Умы въ настоящую минуту такъ настроены противъ поляковъ, что и въ этомъ ночномъ разбоѣ многіе видятъ дѣло рукъ польскихъ повстанцевъ.

Ѣздилъ смотрѣть дачу на Аптекарскомъ островѣ, въ Аптекарской улицѣ, домъ Миллера. Дача недурна и окрестности чисты и зелены, хотя довольно пустынны. Все-бы ничего, да дорого—300 рублей. Но придется нанять. У меня, собственно, какъ-то очень охладѣло влеченіе къ здѣшней такъ называемой природѣ, такъ называемому лѣту и къ такъ называемымъ дачамъ; но пусть семья не лишается нѣкотораго удобства и удовольствія, пока я въ силахъ имъ доставить это.

— 14. Вторникъ. Нестроеніе, путаница, всеобщая тревожность усиливается день ото дня. Въ Москвѣ, говорятъ, сильное волненіе по случаю какихъ-то манифестацій со стороны револю-

ціоннаго варшавскаго комитета. По всей Россіи возмутительныя прокламаціи летаютъ тучами, и иногда производятъ даже желаемое дѣйствіе, какъ, напримѣръ, въ Пензенской губерніи, откуда на-дняхъ князю Оболенскому писали, что крестьяне, прочитавъ прокламацію о какой-то новой неслыханной, обѣщаемой имъ волѣ, объ отдачѣ имъ всей земли и проч., отказались платить оброкъ, работать на помѣщика и даже на себя. Въ Казани какой-то бѣжавшій..... произвелъ настоящій бунтъ между студентами и другими отчаянными, и проч., и проч. Въ Петербургѣ тоже никто не надѣется на безопасность въ теченіе лѣта.

— 15. Среда. Сильное раздумье насчетъ дачи. Хорошо-ли, благоразумно-ли при этой сумятицѣ и отсутствіи безопасности разбиваться на два жилища. Здѣсь могутъ обокрасть, а тамъ могутъ на безлюдьи, особенно въ августѣ, забраться въ комнаты.

— 16. Четвергъ. Въ 103-мъ № „Московскихъ Вѣдомостей" помѣщена весьма сильная статья объ униженіи, которое терпитъ Россія со стороны европейскихъ державъ, и о томъ, какъ ей необходимы дѣйствительныя и неотлагательныя мѣры усиленія и организованія своихъ защитительныхъ силъ. Приводится мысль, возбужденная въ Москвѣ, объ образованіи городоваго ополченія для охраненія внутренней безопасности. Надобно всячески будить правительство и пользоваться одушевленіемъ народа.

— 17. Пятница. Конецъ концовъ, однако, въ этомъ хаосѣ мнѣній и понятій надобно мужественно и твердо держаться начала, которое корнями вросло въ твое сердце и съ которымъ согласны всѣ выводы твоего ума. А тамъ пусть будетъ что будетъ. Говорятъ, мы живемъ въ переходное время. Каждый вѣкъ есть переходное время. Дѣло въ томъ, чтобы жить и дѣйствовать—результаты же складываются всегда не такъ, какъ думаютъ живущіе и дѣйствующіе.

Идти слѣпо за потокомъ времени также глупо, какъ и противодѣйствовать ему во всемъ.

Всему существующему грозитъ разрушеніе. Но существующее не должно уступать своихъ правъ безъ боя. Его права состоятъ въ томъ, что оно существуетъ. Это я и хотѣлъ, между прочимъ, выразить въ статьѣ моей: „Молодое поколѣніе".

— 18. Суббота. У графа Сиверса. О Римско-Католической академіи. Графъ просилъ меня не оставлять академіи, что, впрочемъ, и было уже мною рѣшено послѣ объясненія съ епископомъ ректоромъ. Я долгомъ счелъ засвидѣтельствовать, что, въ продолженіе моей 22-хъ лѣтней службы въ этой академіи, я не замѣтилъ ни въ воспитанникахъ, ни въ служащихъ ничего враждебнаго противъ Россіи. Мои личныя отношенія съ ними были всегда самыя лучшія.

— 19. Воскресенье. Диспутъ Василія Алексѣевича Бильбасова на магистерскую степень. Магистрантъ защищался очень хорошо. Посѣтители все почти были студенты. Стороннихъ очень мало.

— 21. Вторникъ. Засѣданіе въ факультетѣ. Принято пока мнѣніе Куторги о нераздѣленіи факультета и другомъ способѣ спеціализированія учебныхъ занятій—говорю пока, потому что окончательное обсужденіе этого вопроса еще будетъ.

Встрѣтился съ Ѳ. И. Тютчевымъ.

— Война или миръ?

— Война, безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ онъ.

А онъ имѣетъ случаи кое-что знать о подобныхъ вещахъ и при дворѣ, и въ министерствѣ.

Встрѣтилъ также Малеина, нынѣ управляющаго департаментомъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

— Война или миръ? спросилъ я.

— Война, безъ малѣйшаго сомнѣнія, отвѣчалъ онъ.

— 22. Среда. Мы имѣемъ весьма важное преимущество передъ нападающими на насъ—преимущество обороны. Намъ не нужно одерживать побѣдъ; намъ надобно только стойко и успѣшно обороняться. Отбить врага, оттолкнуть его отъ себя и удержаться въ своей позиціи—будетъ великою для насъ побѣдою.

Пока ты не пріобрѣтешь достаточно силы, чтобы довольствоваться самимъ собою, во всемъ опираться только на самого себя, до тѣхъ поръ ты совершенно ничего не сдѣлалъ для своей нравственной безопасности, свободы и чести.

Все имѣющее на насъ извнѣ вліяніе получаетъ значеніе и силу только отъ нашей нравственной слабости.

Привычка предполагать изъ возможнаго всегда худшее до того сраслась со мною, что она даже не безпокоитъ меня. Иногда

мнѣ случалось счастливо въ этомъ и обманываться. Но тогда эту случайность я принималъ какъ сюрпризъ, какъ подарокъ, и оттого мнѣ не было хуже. Если-же мои опасенія сбывались, то я имѣлъ ту выгоду, что не былъ застигнутъ врасплохъ, и хотя зло отъ того не переставало быть зломъ, но какъ-то утѣшительно для самолюбія видѣть, что насъ не поймали на легковѣріи, что насъ, какъ говорится, не успѣли надуть.

— 23. Четвергъ. Чему научаетъ знаніе жизни?—не слишкомъ довѣрять жизни. Чему научаетъ знаніе людей?—не слишкомъ довѣрять людямъ. Чему научаетъ вообще знаніе?—не слишкомъ довѣрять знанію.

Экзаменъ изъ философіи въ университетѣ. Жалчайшая философія, то есть логика и психологія. Жалчайшій экзаменъ. Студенты ничего не смыслятъ. Профессоръ притворяется, будто онъ что-нибудь знаетъ, и ставитъ имъ четыре, чѣмъ они очень недовольны и просятъ о пяти. Послѣ я экзаменовалъ дѣвицъ.

Вечеромъ былъ французъ изъ Саверна. Онъ третьяго дня пріѣхалъ сюда. Онъ увѣренъ, что войны не будетъ. Не знаю, на чемъ онъ это основываетъ. Онъ, впрочемъ, не любитель Польши и революціи, любитъ Россію, говоритъ, и хорошо знаетъ русскій языкъ. Зовутъ его Сеговицъ.

— 26. Воскресенье. Какой звѣрь можетъ сравниться съ человѣкомъ въ изобрѣтеніи зла и мерзостей!

Слабость характера вызываетъ и поощряетъ насиліе.

Самообладаніе, укрощеніе себя.

— 27. Понедѣльникъ. Разладъ между мыслію и жизнію—вотъ откуда происходитъ большая часть нашихъ бѣдствій и всяческихъ нестроеній. Мысль всегда стремится къ идеалу—не къ тому, что есть, а къ тому, что можетъ и что должно быть; дѣйствительность никакъ этому не покоряется. Мысль, насилующая дѣйствительность, возбуждаетъ борьбу. Чѣмъ мысль отважнѣе, идеальнѣе, непокорнѣе, тѣмъ неизбѣжнѣе побѣда надъ ней дѣйствительности. Зло, которое отъ того происходитъ, падаетъ всей своею тяжестью на насъ, не умѣвшихъ примирить мысли съ дѣйствительностью.

— 28. Вторникъ. Языкъ до Кіева доводитъ, а усиліе или твердая воля—до цѣли.

Переѣхали на дачу на Аптекарскій островъ, въ Аптекарскій

переулокъ, домъ Миллеръ. Вечеромъ, въ восемь часовъ, я пріѣхалъ на дачу. Былъ сильный, но лѣтній прекрасный, теплый дождь. Я очень доволенъ моей дачей. Помѣщеніе удобно. Кругомъ сады, къ ней принадлежащіе, гдѣ свободно и уединенно можно гулять, сколько душѣ угодно. Рядомъ, въ другомъ домѣ той-же хозяйки, живетъ нашъ добрый старинный другъ Рудницкій.

— 29. Среда. Утромъ обошелъ садъ. Всмотрѣлся еще больше въ свою дачу и еще больше нашелъ причинъ быть ею довольнымъ.

Обѣдалъ у Д*, гдѣ, между прочимъ, были Погодинъ, Павловъ, Кояловичъ. Разумѣется, разговоръ все обращался къ одному предмету—къ польскимъ дѣламъ. Кояловичъ былъ недавно въ Вильно и разсказываетъ удивительныя вещи про управленіе Назимова. . . . . . Вообще видно, что мы отлично содѣйствовали развитію возстанія въ Польшѣ. . . . . Немудрено, что народъ потерялъ, наконецъ, надежду на защиту, началъ полагаться больше самъ на себя и даже расправляться съ бунтовщиками по-своему.

— 30. Четвергъ. Муравьевъ распоряжается рѣшительно. Три ксендза разстрѣляны въ Вильно. Въ Динабургѣ также разстрѣлянъ графъ Платеръ, въ Ковно—Моль.

Толки о войнѣ какъ-то затихли, между тѣмъ всѣ увѣрены въ ея неизбѣжности.

Іюнь.—1. Суббота. Засѣданіе въ Академіи наукъ. Споръ Погодина съ Срезневскимъ. Первый доказывалъ, по общепринятому мнѣнію, что Кириллъ и Меѳодій—настоящіе изобрѣтатели славянскаго письма и переводчики Св. Писанія. Второй, основываясь на сказаніи черноризца Храбра, утверждалъ, что славяне до Кирилла и Меѳодія, по принятіи христіанства, писали уже греческими буквами и имѣли Евангеліе и Псалтырь въ переводѣ на славянскомъ языкѣ. Оба, какъ обыкновенно, остались при своихъ мнѣніяхъ.

— 6. Четвергъ. Засѣданіе въ Академіи. Диспутъ Майкова на степень магистра. Я былъ оппонентомъ вмѣстѣ съ Срезневскимъ.

Вечеромъ заѣхалъ Гончаровъ. Онъ слагаетъ съ себя редакторство „Сѣверной Почты" и дѣлается членомъ совѣта по дѣламъ

печати. Редакторомъ на мѣсто его назначаютъ Каменскаго. Итакъ, въ теченіе года перемѣнилось уже три редактора.

— 7. Пятница. Долго бесѣдовалъ съ Погодинымъ, заѣхавъ къ нему поутру. По порученію Государя, онъ написалъ статью въ отвѣтъ на наглую какую-то и грубую клевету на Россію, напечатанную въ французскомъ журналѣ. Завтра онъ покажетъ ее князю Горчакову. Онъ написалъ также письмо къ Гарибальди, которое мнѣ прочиталъ. Письмо очень умно и благородно написано. Въ немъ Погодинъ увѣщеваетъ Гарибальди не смѣшивать своего чистаго и прекраснаго имени съ такимъ дѣломъ, какъ польское возстаніе, причемъ объясняетъ ему кратко всю лживость распущенныхъ по Европѣ слуховъ о полякахъ и о Россіи.

Засѣданіе въ Академіи наукъ.

Въ польскомъ банкѣ въ Варшавѣ украдено 3.000,700 рублей, въ числѣ которыхъ золотомъ триста тысячъ.

Въ Казанскомъ университетѣ открыто настоящее скопище революціонеровъ. Тамъ производилась, говорятъ, фабрикація всѣхъ прокламацій и проч. Туда для изслѣдованія посланы *** и Ждановъ.

. . . . . Фелинскій, варшавскій архіепископъ, привезенъ сюда и находится въ Гатчинѣ. Въ Р.-К. академіи мнѣ говорили, что онъ за то вызванъ сюда, что не послушался великаго князя, который требовалъ отъ него не дѣлать уличныхъ процессій въ праздникъ Христова тѣла, такъ какъ городъ находится на военномъ положеніи, и при скопленія народа могло произойти столкновеніи и многіе могли пострадать.

Мѣры Муравьева начинаютъ приносить плоды: возстаніе въ губерніяхъ, ему ввѣренныхъ, почти прекращено.....

Все показываетъ, что Государь твердо рѣшился на войну. Пора, пора дѣйствовать въ духѣ одной системы, не сворачивая въ сторону ни на одну линію.

— 9. Воскресенье. Муравьевъ писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, что хотя дѣла въ западныхъ губерніяхъ пошли очень хорошо, но полнаго прекращенія смуты нельзя ожидать, пока въ Царствѣ Польскомъ все идетъ такъ, какъ нынѣ.

Фелинскій привезенъ сюда не за процессіи, а за то, что онъ обнародовалъ извѣстное письмо свое къ Государю. Въ Le Nord'ѣ

пишутъ, что за то, что онъ требовалъ тѣло Канарскаго для совершенія надъ нимъ почестей погребенія.

— 11. Вторникъ. Заѣзжалъ къ Погодину. Тамъ нашелъ Д* и Кокорева, съ которымъ и познакомился. Ничего! мужикъ ражій съ очень широкою и окладистою бородою. Извѣстно, что Кокоревъ очень умный человѣкъ, который пріобрѣлъ огромное состояніе..... Погодинъ большой пріятель Кокорева.....

Погодинъ возилъ къ Горчакову свою статью, написанную въ отвѣтъ на французскія клеветы. Князь одобрилъ ее и рѣшилъ напечатать сначала по-русски въ „Русскомъ Инвалидѣ“ или въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, а потомъ перевести на французскій языкъ и тиснуть въ „Journal de St. Pétersbourg“. О письмѣ къ Гарибальди онъ сказалъ, что надобно немного смягчить въ немъ похвалы ему.

Кн. Горчаковъ говорилъ Тютчеву, что великій князь дѣйствуетъ въ Варшавѣ по инструкціямъ, отсюда посылаемымъ, которыя велятъ ничего не предпринимать крутого, ибо это можетъ произвести какой-нибудь рѣшительный взрывъ въ Варшавѣ и тѣмъ побудить европейскія державы двинуться тотчасъ въ Польшу, а мы должны всячески выиграть передъ войной время, необходимое намъ для окончательныхъ приготовленій.

— 13. Четвергъ. Есть разныя боязни у человѣка, потому что ему угрожаютъ многія невзгоды. Но самая главная боязнь есть боязнь смерти. Кто побѣдитъ это—тому не страшны уже никакія боязни.

Засѣданіе въ Академіи. Погодинъ читалъ свой отвѣтъ на французскую статью, помѣщенную въ „Revue des Deux Mondes“. Отсюда мы пошли съ нимъ ко мнѣ, гдѣ онъ посидѣлъ немного и взялъ у меня свои бумаги.

— 16. Воскресенье. Современная цивилизація есть искусство, посредствомъ котораго люди могутъ жить вмѣстѣ, не впуская когтей другъ въ друга, а только держа ихъ наготовѣ въ мягкой шерсти.

Человѣкъ по своей натурѣ есть врагъ другого человѣка. Но онъ, какъ разумное существо, понимаетъ, что безпрерывно нападать на другого, значило-бы въ то-же время безпрерывно терпѣть нападеніе, что, конечно, очень непріятно, и потому онъ

старается или скрыть свою вражду, или ослабить ее такъ, чтобы не было безпрерывнаго нападенія.

По современнымъ ученіямъ знаніе должно замѣнять вѣрованіе. Но можно-ли вполнѣ довѣрять знанію? Можно, говорятъ матерьялисты, если вы ограничите знаніе предѣлами видимости, предѣлами опыта. Но въ состояніи-ли человѣкъ удовольствоваться этимъ ограниченнымъ знаніемъ?

Поутру заходилъ къ Рѣдкину, который живетъ отъ меня черезъ домъ. Проговорили часа съ полтора. Вспоминали о Печеринѣ, Герценѣ и пр.

Къ обѣду пріѣхали: мой вѣрный, добрый Тимоѳеевъ и художникъ Крамской.

— 19. Среда. Вечеромъ былъ Рѣдкинъ, а послѣ подошелъ Вессель, редакторъ „Учителя". Онъ дня три какъ пріѣхалъ изъ Астрахани по Волгѣ и заѣзжалъ по пути въ нѣкоторые города. Онъ разсказывалъ, что народъ въ деревняхъ страшнымъ образомъ расправляется съ лицами, которыхъ подозрѣваетъ въ полонизмѣ. Недавно около Симбирска гдѣ-то крестьяне избили и и изуродовали пятерыхъ чиновниковъ, посланныхъ зачѣмъ-то изъ Петербурга, о которыхъ они почему-то вообразили, что они поляки.

Семейство великаго князя Константина Николаевича выѣхало изъ Варшавы за границу и самъ великій князь собирается тоже...

— 28. Пятница. Зашелъ къ Тройницкому. Тѣ-же толки о войнѣ, которая кажется неизбѣжной, и тѣ-же всеобщія жалобы...

Іюль.—2. Вторникъ. Слухи о войнѣ болѣе и болѣе усиливаются. Мы дали уже отвѣтъ на предложеніе трехъ державъ и, какъ говорятъ, въ отрицательномъ смыслѣ, чего и ожидать надобно было.

Революціонеры варшавскіе запретили своимъ дамамъ носить кринолины, но когда дамы не послушались, тогда явилось на улицахъ человѣкъ тридцать, носящихъ званіе революціонныхъ полиціановъ, и начали срывать съ женщинъ кринолины.

Умъ человѣческій любитъ рыться въ самомъ себѣ. Онъ все вытаскиваетъ оттуда на свѣтъ Божій: и чистое золото, и грязь, съ которою оно смѣшано. Надобно еще приложить много ума, чтобы переработать эту смѣсь и отдѣлить годное къ чему-нибудь отъ негоднаго.

невича, который на-дняхъ пріѣзжалъ ко мнѣ и не засталъ меня дома. Онъ самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ меня не покидать Академіи.

Все еще колеблются политическія дѣла между миромъ и войною. Возстаніе не только не прекращается, но фанатизмъ поляковъ, кажется, возрастаетъ. Многаго публика ожидаетъ отъ Муравьева, назначеннаго на мѣсто Назимова.

— 6. Понедѣльникъ. Опять тревоги, сомнѣнія, безпокойства. Меньше и меньше обращать вниманія на весь этотъ вздоръ, которому значеніе дается единственно нашимъ малодушіемъ въ подрывъ нравственной свободѣ.

— 10. Пятница. Николай Николаевичъ Кологривовъ— неожиданно изъ Парижа. Онъ говоритъ, что тамъ вовсе нѣтъ никакихъ оскорбленій русскимъ, что журналы ругаютъ насъ, но живущіе въ Парижѣ не терпятъ ничего похожаго на оскорбленіе. Въ обществѣ тамъ сочувствуютъ полякамъ, о которыхъ они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, равно какъ и о Россіи, и только.

— 13. Понедѣльникъ. Къ какому-то отставному дѣйствительному статскому совѣтнику Гордіенко ночью на дачѣ за Лѣснымъ Корпусомъ въ окошко влѣзъ кто-то съ кинжаломъ и съ пистолетомъ въ рукахъ и, когда хозяинъ проснулся и бросился на разбойника, то послѣдній нанесъ ему 11 ранъ кинжаломъ; пистолетъ бѣдный успѣлъ выбить у него изъ рукъ. Умы въ настоящую минуту такъ настроены противъ поляковъ, что и въ этомъ ночномъ разбоѣ многіе видятъ дѣло рукъ польскихъ повстанцевъ.

Ѣздилъ смотрѣть дачу на Аптекарскомъ островѣ, въ Аптекарской улицѣ, домъ Миллера. Дача недурна и окрестности чисты и зелены, хотя довольно пустынны. Все-бы ничего, да дорого—300 рублей. Но придется нанять. У меня, собственно, какъ-то очень охладѣло влеченіе къ здѣшней такъ называемой природѣ, такъ называемому лѣту и къ такъ называемымъ дачамъ; но пусть семья не лишается нѣкотораго удобства и удовольствія, пока я въ силахъ имъ доставить это.

— 14. Вторникъ. Нестроеніе, путаница, всеобщая тревожность усиливается день ото дня. Въ Москвѣ, говорятъ, сильное волненіе по случаю какихъ-то манифестацій со стороны револю-

нибудь значитъ, а не по результатамъ, какіе изъ нея добываются.

Сегодня я, между прочимъ, былъ свидѣтелемъ зрѣлища, которое вызвало во мнѣ самыя живыя ощущенія. Отправляясь на засѣданіе въ совѣтъ, я увидѣлъ на Царицыномъ лугу большое сборище народа, столы, нагруженные хлѣбомъ и водкою, полковые повозки и ящики прямо противъ Павловскихъ казармъ.— Что это такое? спросилъ я у извозчика.—Это встрѣча павловскимъ солдатамъ, возвратившимся изъ похода. Мнѣ ужасно хотѣлось остаться здѣсь и посмотрѣть на нашихъ храбрыхъ солдатъ. Но служба и дѣла влекли меня дальше. Однако, подъѣзжая къ Большой Морской, я прямо наткнулся на батальоны павловцевъ. Впереди гремѣла музыка, а передъ вторымъ батальономъ звучали удалыя пѣсни; впереди солдатикъ отхватывалъ удалую пляску. Видъ солдатъ мнѣ понравился: простыя добродушныя, бодрыя лица.—Что, ребята, изъ похода? спросилъ я одного усача съ простодушнѣйшею физіономіею.—Изъ похода, ваше благородіе, ласково взглянувъ на меня, подтвердилъ онъ. Музыка, пѣсни, развѣвающіяся знамена, загорѣлыя и окуренныя порохомъ лица нашихъ солдатъ, все это произвело на меня сильное впечатлѣніе. Я рѣшился до засѣданія отложить свои дѣла и, сколько позволитъ время, побыть на площади. Я сѣлъ на перваго попавшагося извозчика и велѣлъ везти себя къ Царицыну лугу, куда и прибылъ въ ту самую минуту, когда батальоны вступали на площадь. Тутъ возвышался алтарь. Войско сдѣлало полу-карре. Знамена осѣнили аналой съ Евангеліемъ, и полукружіемъ встали, сдѣлавъ ограду изъ штыковъ, вновь пожалованные георгіевскіе кавалеры. Пришелъ священникъ, сѣдовласый старикъ, и началось молебствіе подъ открытымъ небомъ, при стеченіи многочисленнаго народа. День былъ хотя сѣренькій, но тихій и теплый. Я дождался до конца молебна. Мнѣ крайне хотѣлось еще присутствовать при обѣдѣ или закускѣ солдатъ, прислушаться къ ихъ рѣчамъ и самому поговорить съ ними—но служба. До засѣданія оставалось менѣе получаса. Нечего дѣлать, надо было ѣхать.

— 12. Пятница. Вчера напечатаны отвѣтныя ноты наши Англіи, Франціи и Австріи. Онѣ сдѣлали очень хорошее впечатлѣніе на публику. Въ самомъ дѣлѣ, все въ нихъ скромно,

правдиво и твердо. Всѣ продолжаютъ быть увѣрены въ войнѣ, но ожидаютъ ее спокойно, хотя знаютъ, что если война будетъ, то она будетъ тяжелая.

— 13. Суббота. Такъ называемые друзья содержатъ въ себѣ прекрасный матерьялъ для составленія отличнаго врага.

Вечеромъ пріѣзжали Пинто, лекторъ итальянскаго языка при университетѣ, Владиміръ Михайловъ и Маркъ Любощинскій и просидѣли далеко за полночь. Потомъ пошелъ проливной дождь, который вмѣстѣ съ сильнымъ вѣтромъ свирѣпствовалъ всю ночь. Я слышалъ сигнальные выстрѣлы о прибытіи воды.

— 16. Вторникъ. Новый романъ Писемскаго „Взбаломученное море", двѣ части котораго напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Онъ содержитъ въ себѣ обрывки тряпья, въ которыя завернута русская народность и изъ котораго уже нашито множество товара на нашемъ литературномъ рынкѣ.

Вчера былъ у Д*. Я внесенъ въ списокъ профессоровъ, принятыхъ въ университетъ при открытіи его. Въ спискѣ юридическаго факультета не оказалось С., который все время считался профессоромъ и дѣйствовалъ въ разныхъ комиссіяхъ. . . . . . Между тѣмъ, онъ человѣкъ очень способный. Не оказалось также К., С. и У..., но они прежде подали въ отставку

— 17. Среда. Въ Европѣ всѣ опять пустились ругать насъ, какъ говорится, на пропалую. Ноты наши очень не понравились. Право, въ Европѣ умныхъ людей меньше, чѣмъ кажется. Тамъ какъ будто не шутя думали, что Россія согласится на всѣ шесть пунктовъ, что только стоитъ пригрозить ей и пр. Но какъ могли зародиться подобныя надежды? Европа хочетъ отнять у Россіи право развитія самостоятельности, право великой державы, добытое ею цѣною огромныхъ пожертвованій и крови— и Россія должна уступить, отдать себя на поруганіе всему міру и исторіи и пр., и пр. Это доказываетъ развѣ только одно, что Европа привыкла уступать грубому и наглому насилію. Но мы не хотимъ къ этому привыкать.....

Россія и Польша: это понятно и естественно. Но Россія или Польша, а также: не Россія, а Польша—это и несправедливо, и противоестественно.

— 18. Четвергъ. Если бы ложь не облекалась въ одежду истины, то на свѣтѣ не было бы обманутыхъ.

Россель объявилъ въ парламентѣ, что войны не будетъ. Швеція, получивъ отъ Финляндіи объявленіе, что та вовсе не желаетъ отложенія отъ Россіи, дала знать, что она не имѣетъ повода къ войнѣ.

— 3. Пятница. Засѣданіе въ Академіи наукъ. Тутъ-же засѣданіе въ комиссіи для присужденія уваровскихъ премій. Я читалъ мой отчетъ о двухъ комедіяхъ, изъ которыхъ присуживалъ премію комедіи Островскаго „Грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ". Другіе члены комиссіи, не знаю почему, кажется, не хотѣли дать ему преміи.

Майковъ вечеромъ читалъ у меня свою пьесу: „Смерть Люція". Вещь истинно прекрасная.

— 4. Суббота. Что-же такое жизнь, когда лучшая изъ добродѣтелей есть презрѣніе жизни, а ученіе, проповѣдующее презрѣніе это, есть высшая степень мудрости.

Я не знаю, въ жизни и судьбѣ человѣческой есть что-то столь непрочное, что кажется невозможнымъ считать ихъ за что-нибудь серьезное. Право, все похоже на обманъ, иллюзію, на фантасмагорію. Существенная сторона жизни даетъ себя чувствовать только страданіями, и потому-то первый законъ для всего живущаго и самое рѣшительное изъ его стремленій есть— избѣгать страданій.

Человѣкъ постоянно опасается человѣка. Между умными людьми эти опасенія особенно обыкновенны. Каждый изъ нихъ очень хорошо знаетъ и лживость другаго, и способность его вредить или гадить ближнему. Обмануть вовсе не считается стыднымъ: стыдно быть обманутымъ. Первое всегда считается признакомъ ума, ловкости; второе означаетъ воронью простоту, тупость, слабоуміе. Сколько разъ я былъ наказанъ за пренебреженіе предосторожностей въ обращеніи съ людьми!...

Человѣкъ одаренъ особенною способностью запутывать и усложнять самыя простыя вещи. Иному хочется показаться, во что-бы то ни было, умнѣе другихъ и онъ, какъ говорится, изъ кожи лѣзетъ въ изобрѣтеніи разныхъ утонченностей, соображеній, воззрѣній и проч.

— 5. Воскресенье. Главное, многому, что считается важнымъ, не должно придавать важности.

У ректора Римско-Католической академіи епископа Берес-

въ саду, который обыкновенно не открытъ для публики и только теперь по случаю выставки сдѣлался доступенъ. Два очень хорошіе оркестра военной музыки не мало содѣйствовали прелести прогулки. Посѣтителей однако было очень мало.

— 23. Вторникъ. Знаніе движется. Слѣдовательно перемѣняется? Нѣтъ! Оно развивается, какъ все живое. Вчерашнее не дѣлается ложнымъ отъ того, что сегодня наступило новое. Но оно уже не удовлетворяетъ духа, перешедшаго отъ низшей ступени къ высшей. Въ развитіи нѣтъ ничего не нужнаго, но за то никакая часть развивающагося организма не исчерпываетъ его цѣлости. Организмъ знанія безконеченъ, а потому нѣтъ абсолютной полноты знанія, а только относительное, то есть, настоящее полнѣе прошедшаго, новая вѣтвь знанія только пополняетъ цѣлую систему его, не дѣлая ея совершенно полною.

Истина не есть что-либо познанное, а познаваемое.

— 25. Четвергъ.... Глупо и гнусно въ исполненіи своего долга руководствоваться мнѣніями другихъ или тѣмъ, что о насъ скажутъ.

Краевскому сдѣланъ выговоръ за статью противъ Каткова, напечатанную въ „Голосѣ". Его призывали къ министру....

— 26. Пятница. Вечеромъ опять на цвѣточной выставкѣ. Пріятная прогулка. Встрѣтилъ много знакомыхъ, между прочимъ Павлова, который дня на три пріѣхалъ сюда изъ Москвы. Онъ выразилъ желаніе переговорить со мной насчетъ моего участія въ его газетѣ, которую онъ будетъ издавать съ будущаго сентября. Мы условились сойтись съ нимъ завтра.

— 27. Суббота. Переговоры съ Павловымъ о моемъ участіи въ его газетѣ „Русскія Вѣдомости". Я обѣщалъ ему статью: „Чего хочетъ отъ насъ Европа и чего должны хотѣть мы". Статья почти уже окончена. Была рѣчь о Катковѣ....

— 29. Понедѣльникъ. Ѣздилъ въ городъ. Заѣзжалъ къ Гончарову. Встрѣтилъ похороны лейбъ-медика Енохина, на отпѣваніи котораго въ церкви былъ Государь.

— 30. Вторникъ. Прогулка на цвѣточной выставкѣ въ Елагинскомъ саду, который мнѣ очень приглянулся.

Августъ.—1. Четвергъ. „Московскія Вѣдомости" иногда со своими совѣтами народу и правительству заходятъ слишкомъ далеко, и какъ онѣ имѣютъ привычку говорить обо всемъ дик-

таторскимъ тономъ, то это становится нестерпимымъ. Имъ, по извѣстнымъ причинамъ, даютъ больше воли, чѣмъ другимъ газетамъ.

— 2. Пятница. Человѣкъ одинаковую кару несетъ за свою оплошность или глупость, какъ и за злоумышленность.

Три засѣданія одно за другимъ въ Академіи наукъ: одно общее, гдѣ избрали въ экстра-ординарные академики Овсянникова по физіологіи и Шренка по зоологіи: второе въ нашемъ словесномъ отдѣленіи и третье въ комиссіи объ уваровскихъ преміяхъ. Въ послѣднемъ у меня произошло преніе съ Срезневскимъ. Я присудилъ премію Островскому за его комедію „Грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ“. Срезневскій энергически возсталъ противъ этого. Драма ему не понравилась и онъ считалъ ее недостойною преміи. Конечно, произведеніе Островскаго не геніальное; но если намъ дожидаться шекспировскихъ и мольеровскихъ драмъ и комедій, то преміи наши могутъ десятками лѣтъ оставаться безъ употребленія, да такія пьесы и не нуждаются въ преміи. Островскій у насъ одинъ поддерживаетъ драматическую литературу, и драма его „Грѣхъ да бѣда“ не только лучшая у насъ въ настоящее время, но и безотносительно отличается замѣчательными драматическими достоинствами. Меня сильно поддерживалъ Гротъ. Получилось шесть голосовъ въ пользу моего предложенія и два противъ, считая въ томъ числѣ и голосъ Срезневскаго.

Адресъ виленскаго дворянства Государю о помилованіи напечатанъ. Но предводителю дворянства Домейкѣ онъ дорого обошелся: Домейко получилъ два удара кинжаломъ отъ имени варшавскаго революціоннагó комитета. Однако, онъ остался живъ и даже внѣ опасности.

Весьма непріятная телеграмма: революціонеры захватили у насъ транспортъ съ деньгами вмѣстѣ съ двумя прикрывавшими его ротами и двумя пушками. Подробностей нѣтъ, но тутъ должна быть или измѣна, или непростительная оплошность командира. Начальникъ отряда поручикъ Лявданскій: что-то польское.

— 3. Суббота. Утро холодное и пасмурное съ кратковременными проблесками солнца. Августъ рѣшительно вступаетъ въ свои права.

Ни къ чорту не годится тотъ, кто, одолживъ васъ въ нуждѣ, крадетъ у своего сосѣда платокъ.

— 6. Вторникъ. Справедливые упреки самому себѣ за слова, которыя не съумѣлъ удержать на языкѣ.

Увѣренность въ своемъ совершенствѣ нисколько не содѣйствуетъ нашему усовершенствованію.

— 10. Суббота. Поѣхалъ въ Павловскъ погулять и навѣстить нѣкоторыхъ знакомыхъ. Съ удовольствіемъ побродилъ я по городу и по парку, гдѣ не былъ уже года два. Павловскъ премиленькій, чистенькій городокъ, весь въ садахъ и въ паркахъ. Вокзалъ расширился и украсился. Нѣкоторые знакомые звали меня къ себѣ обѣдать, особенно Дудышкинъ. Но мнѣ хотѣлось полнаго отдыха, и потому я наскоро пообѣдалъ въ вокзалѣ и—опять въ паркъ. Вечеромъ былъ концертъ съ участіемъ артистовъ русской оперы. Пѣли вообще плохо, за исключеніемъ тенора Никольскаго, у котораго чудесный голосъ.

— 12. Понедѣльникъ. Нынѣшній августъ хотя и прохладный, но даритъ насъ особенно прекрасными утрами. Острова наши сіяютъ красотой. Я долго гулялъ сегодня на Каменномъ и Елагиномъ. Зелень вездѣ еще удивительно свѣжа. Кое-гдѣ только на липахъ пробивается желтизна—первыя сѣдины отцвѣтающей природы.

Что невозможно, то едва-ли можетъ быть справедливо.

— 17. Суббота. Великій князь Константинъ Николаевичъ третьяго дня пріѣхалъ изъ Варшавы.

— 20. Вторникъ. Удивительные дни: не только свѣтлые, но и жаркіе. Ѣздилъ въ городъ за жалованьемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и получилъ его, хотя могъ и не получить, по крайней мѣрѣ, теперь-же. Казначей департамента исполнительной полиціи Соколовъ заворовался и пропало, говорятъ, довольно много казенныхъ денегъ.

Въ Варшавѣ ужасы усиливаются. Каждый день, среди бѣла дня, совершаются тамъ по нѣскольку убійствъ....

— 22. Четвергъ. Вчера вечеромъ встрѣтился съ Павловымъ, который только что пріѣхалъ изъ Москвы. Онъ черезъ секретаря Каткова старался добиться у послѣдняго возвращенія моей рукописи, но покуда не добился. Трудно имѣть дѣло съ людьми, находящимися въ ненормальномъ состояніи, а Катковъ до того

упился самолюбіемъ отъ газетнаго своего успѣха, что съ нимъ уже нельзя вести себя какъ съ человѣкомъ въ здравомъ умѣ.

Засѣданіе совѣта университета—первое съ его открытія. Впрочемъ, настоящаго открытія еще не послѣдовало. Происходили приготовительныя совѣщанія о новомъ устройствѣ университета и введеніи новаго устава. Выборъ ректора, инспектора и проч. назначенъ на второе сентября. Заявлено также о баллотировкѣ тѣхъ профессоровъ, которые выслужили 25 лѣтъ, или 5 лѣтъ сверхъ этого срока. Къ послѣднимъ принадлежу я. Я объявилъ, что баллотироваться не буду и подамъ письменный мой отзывъ. Противъ меня сильная партія, которая была-бы очень довольна подвергнуть меня непріятности неизбранія.... Жаль мнѣ разставаться такъ съ университетомъ, который всю жизнь я такъ горячо любилъ, которому принесъ много жертвъ и для котораго трудился такъ добросовѣстно. Но, по совѣсти говоря, почему такое ко мнѣ недоброжелательство? Многимъ я былъ полезенъ: нѣтъ почти ни одного изъ нихъ, который-бы чѣмъ-нибудь не былъ мною одолженъ во время оно, когда я въ министерствѣ былъ силенъ. А съ другой стороны, я могу сказать торжественно, съ глубокимъ убѣжденіемъ совѣсти, что никогда никому изъ нихъ не былъ вреденъ.... Я не довольно либераленъ для такого университета, какимъ сдѣлался въ послѣднее время петербургскій. Но это еще вопросъ, на чью душу падетъ грѣхъ за нынѣшнія, да еще и за многія будущія ограниченія свободы и независимости моего возлюбленнаго университета.

— 24. Суббота. Мнѣ чрезвычайно нравится изреченіе Веспасіана: „Императоръ долженъ умирать стоя". Почему-же не примѣнить этого ко всякому сколько-нибудь мужественному и честному человѣку.

— 31. Суббота. Засѣданіе въ факультетѣ. Я объявилъ, что баллотироваться не намѣренъ. Но, по наведеніи справки, оказалось, что баллотировка не нужна. Мнѣ остается еще нѣсколько мѣсяцевъ дослужить до втораго пятилѣтія.

Сентябрь.—1.Воскресенье. Каковы-бы ни были проекты общественныхъ преобразованій и усовершенствованій, ни одинъ изъ нихъ не устоитъ передъ голосомъ разума, если не признаетъ

главными руководящими началами —начало нравственности и справедливости.

— 2. Понедѣльникъ. Въ собраніи факультета было положено, чтобы каждый профессоръ опредѣлилъ сколько онъ будетъ читать лекцій. Такъ какъ теперь будутъ открыты только первые курсы, то каждый профессоръ долженъ ограничиться двумя, не больше. Я намѣренъ прочитать моимъ слушателямъ въ первый семестръ—который для меня собственно одинъ и есть, потому что въ январѣ 1864 года я выслуживаю уже второе пятилѣтіе—„Введеніе въ литературу и въ исторію ея", что будетъ заключать въ себѣ основныя идеи литературы и исторіи ея вообще и русской въ особенности. Въ этомъ смыслѣ надо булетъ приготовить и планъ этого чтенія. Это послѣдній мой трудъ для университета.

Былъ назначенъ совѣтъ для выбора ректора, но не знаю почему-то отмѣненъ, и я даромъ проѣздился въ университетъ. Поговариваютъ о выборѣ въ ректоры Ленца.

— 5. Четвергъ. Въ совѣтѣ университета наконецъ состоялся сегодня выборъ ректора. Выбрали Ленца 22-мя голосами противъ 3-хъ.

— 8. Воскресенье. Получена изъ Варшавы телеграмма, сообщающая, что во время проѣзда по какой-то улицѣ Берга, подъ карету его брошена начиненная порохомъ граната, при разрывѣ которой убито и ранено восемь казаковъ.

— 12. Четвергъ. Новыя свѣдѣнія изъ Варшавы сообщаютъ, что Бергъ не раненъ и что казаки не убиты, но двое или трое ранены и лошади также. Тамъ, впрочемъ, начинаютъ принимать энергическія мѣры для прекращенія убійствъ и подавленія революціи.

Напечатаны ноты трехъ державъ и наши отвѣты, къ которымъ приложенъ особый меморандумъ. Какъ первые пошлы, безцвѣтны и фальшивы, такъ наши отвѣты благородны, умны и дышатъ правдою. Меморандумъ особенно написанъ превосходно. Право, старая европейская дипломатія блѣднѣетъ передъ нашею молодою. Да и то сказать, за насъ право и правда, за нихъ— покушеніе къ насилію и ложь.

— 16. Понедѣльникъ. Переѣздъ съ дачи. Вечеромъ засѣданіе въ совѣтѣ университета. Очень много дѣла. Между прочимъ

выбирали декана филологическаго факультета. Выбрали опять Срезневскаго. Я охотно положилъ бѣлый шаръ. И тутъ выразилось недоброжелательство ко мнѣ. Изъ четырехъ голосовъ я получилъ одинъ, и то этотъ данъ былъ мнѣ Срезневскимъ. Прочіе получили по два утвердительныхъ и по два отрицательныхъ.

Въ это засѣданіе я долженъ былъ также поднять сильную борьбу съ совѣтомъ. Въ восточномъ факультетѣ есть нѣсколько профессоровъ, исполняющихъ должность ординарныхъ. Настоящими-же ординарными они не могутъ быть, потому что не доктора. Еще при открытіи университета получено Высочайшее повелѣніе, чтобы не имѣющіе докторской степени профессора непремѣнно озаботились пріобрѣтеніемъ ея. Восточный факультетъ на это представилъ, что такъ какъ въ Россіи вся восточная наука сосредоточивается въ спб. университетѣ и именно въ тѣхъ профессорахъ, которые не имѣютъ степени доктора, то этимъ послѣднимъ приходится совсѣмъ не быть ординарными профессорами, такъ какъ имъ и экзаменоваться было-бы не у кого. А потому факультетъ проситъ, въ уваженіе такого исключительнаго положенія профессоровъ не докторовъ, исходатайствовать имъ на этотъ разъ утвержденіе въ ординарное профессорство и помимо докторства. Тутъ есть смыслъ, и я охотно подалъ мой голосъ въ пользу этого ходатайства. Но далѣе вдругъ читаютъ новое представленіе того-же факультета, чтобы четыремъ или, кажется, пяти его профессорамъ дать докторскія степени по причинѣ ихъ знаменитости въ ученомъ свѣтѣ. Надобно знать, что новый уставъ даетъ университетамъ право возводить знаменитыхъ ученыхъ, пріобрѣтшихъ всеобщую извѣстность своими учеными трудами прямо въ степень доктора безъ испытанія. Вотъ университетъ вдругъ открылъ въ своемъ сословіи пять знаменитостей разомъ, о которыхъ никто, кромѣ него, не знаетъ. Вѣдь этимъ, очевидно, подрывается сила закона. Я сильно возсталъ противъ такого злоупотребленія, замѣтивъ, что это и на публику должно произвести самое невыгодное впечатлѣніе. Завязались горячія пренія. Совѣтъ по слабости, по кумовству и проч. видимо склонялся въ пользу предложенія факультета. Нѣкоторые, хотя и слабо, однако, поддерживали мою мысль. Рѣшили отложить это дѣло до слѣдующаго засѣданія. Я твердо рѣшился не уступать

и даже подать письменное мнѣніе. Тутъ надо дѣйствовать энергически: тутъ можетъ пострадать честь университета.

Я выбранъ въ члены совѣта при попечителѣ.

— 23. Понедѣльникъ. У нѣмцевъ наука часто превращается въ ремесло. Они изъ себя выходятъ, приправляя извѣстныя истины новыми комбинаціями, стараясь представить ихъ въ новой формѣ, разжижить или сгустить ихъ въ своемъ умѣ, хотя отъ этого ни наука, ни образованіе не подвигаются впередъ ни на шагъ. И все это дѣлается для того, чтобы въ огромной конкуренціи ученыхъ удержать за собой такое-то мѣсто или добиться новаго. Истины науки у нихъ подчасъ фабрикуются точно также, какъ сукно, сапоги и пр.

— 24. Вторникъ. Бурное засѣданіе въ совѣтѣ университета. По выслушаніи нѣкоторыхъ дѣлъ и предложеній опять выступилъ на сцену вопросъ, поднятый восточнымъ факультетомъ въ прошедшее засѣданіе о производствѣ за знаменитость вдругъ четырехъ докторовъ изъ его членовъ. Закипѣла страшная битва. Главными дѣйствующими лицами тутъ были: Срезневскій, я, Казембекъ и сами проектируемые доктора, которые сами защищали свою знаменитость и предъявляли свои права на докторство— Березинъ, впрочемъ меньше всѣхъ, профессоръ еврейскаго языка Хвольсонъ и другіе. Видя, что партія докторантовъ усиливается, я рѣшился прочитать заготовленную мною по этому случаю записку, къ чему послужили какъ-бы введеніемъ слова **, который, какъ маленькій куличекъ, обыкновенно бѣгаетъ отъ одного убѣжденія къ другому и суетъ свой носикъ во всѣ мнѣнія, добывая оттуда то, что ему нужно. Слова его относились къ поддержанію чести университета и слѣдовательно клонились въ пользу моего предложенія. Записка моя была выслушана съ большимъ вниманіемъ и вызвала страшнѣйшую бурю со стороны Срезневскаго. Впрочемъ, несмотря на энергію защиты своей факультетскаго предложенія, Срезневскій не вышелъ изъ предѣловъ приличія. Онъ началъ съ сожалѣнія, что долженъ поддерживать мнѣніе, противное моему, и настаивалъ на знаменитости предлагаемыхъ докторантовъ. Я, съ своей стороны, продолжалъ настаивать, что не намъ самимъ слѣдуетъ признавать знаменитость своихъ сочленовъ, а надо, чтобъ это сдѣлалъ ученый свѣтъ.

Но вотъ поднялся Казембекъ и прочиталъ свою записку, ум-

ную и остроумную и въ конецъ добилъ восточный факультетъ. Слова его, какъ оріенталиста, имѣли особенный вѣсъ. Рѣшено было спросить начальство: можно-ли разумѣть законъ такимъ образомъ, что университетъ властенъ признавать знаменитости и на одномъ этомъ основаніи давать докторство своимъ собственнымъ сочленамъ. Вопросъ, въ сущности, смѣшной, но такъ какъ факультетъ всетаки не достигалъ своей цѣли, то ни Казембекъ, ни я не противорѣчили этому рѣшенію. Срезневскій, видимо, утихъ и смирился. Вообще споръ, хотя былъ жаркій, много кричали и шумѣли, однако, ни дерзостей не было, ни скандала, кромѣ одного того, что лица, служившія поводомъ къ пренію, принимали въ немъ сами участіе, разумѣется, въ свою пользу. Я возвратился домой около одиннадцати часовъ.

— 25. Среда. Прелестнѣйшій день, какой и въ іюлѣ рѣдко встрѣчается: 150 тепла. Да почти и весь сентябрь таковъ.

Хотѣлъ я оставить разумъ съ его безпощадной логикой, съ его суровыми истинами и прилѣпиться къ чувству, чтобы жизнь не казалась такою страшною махинацієй съ столь-же страшнымъ выполненіемъ законовъ необходимости. Но чувство, обѣщающее такъ много, само утомляется, колеблется и требуетъ опоры въ той-же самой мысли, которая ничего слышать не хочетъ о чьихъ-бы то ни было правахъ, кромѣ своихъ собственныхъ. Прибѣгалъ я къ фантазіи, но фантазія, обольщая на минуту своими блестящими миражами, сама преклоняется передъ всесильною дѣйствительностью, которая не знаетъ компромиса: она или отправляетъ васъ съ грезами вашей фантазіи въ домъ сумасшедшихъ, или заставляетъ покоряться своимъ превратностямъ. Какъ примирить разумъ, чувство и фантазію?

Засѣданіе въ Академіи по случаю уваровской преміи. Я читалъ отчетъ о присужденіи награды Островскому за его драму „Грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ". Отчетъ мой могъ-бы быть покороче и меньше ударять на теорію драмы.

— 26. Четвергъ. Дай Богъ, чтобъ я ошибся, но мнѣ все еще кажется, что намъ не миновать войны. Война за Польшу задумана Наполеономъ уже во время итальянской войны, а можетъ быть и раньше. Успѣхъ въ Италіи могъ только поощрить его въ этихъ планахъ, которые, какъ-бы ихъ ни старались возвеличить приверженцы имперіи, въ сущности не иное что, какъ кровавый

эгоизмъ Наполеоновской династіи. Освободитель Италіи и Польши, организаторъ Мексики долженъ, безъ сомнѣнія, властвовать надъ Европою. Это та-же завоевательная теорія Наполеона I, только въ другой формѣ. Отъ Наполеоновъ не будетъ покоя Европѣ, пока она не сокрушитъ ихъ въ конецъ. Нынѣшній Наполеонъ считаетъ себя прямымъ наслѣдникомъ и исполнителемъ замысловъ перваго. Онъ льститъ массамъ демократическими тенденціями; льститъ народностямъ покровительствомъ ихъ независимости, а между тѣмъ становится страшнымъ деспотомъ всякаго образованнаго либерализма. Онъ считаетъ себя избраннымъ орудіемъ для совершенія революцій соціальными реформами, которыя какимъ-то чудеснымъ образомъ должны произойти отъ него и черезъ него.

— 27. Пятница. На выставкѣ въ Академіи художествъ. Очень хвалили картину Ге „Тайная Вечеря". Картина эта сдѣлала на меня непріятное впечатлѣніе. Христосъ похожъ на какого-то молодаго парня, который о чемъ-то кручинится. Это называется простотою въ духѣ новѣйшаго искусства. Вѣдь идеаловъ положено нынче не имѣть ни въ поэзіи, ни въ живописи, хотя не извѣстно, какъ человѣкъ можетъ безъ нихъ обойтись, потому что синтезисъ, идеализація въ его природѣ. Если простота есть естественность, отсутствіе преувеличеній и лжи, то кто будетъ спорить противъ нея? Но если видѣть въ ней только одностороннее отношеніе къ натурѣ, обнаженность отъ всѣхъ возвышенныхъ стремленій и проявленій духа, то что-же она какъ не пошлость, жалкое отраженіе нашихъ ежедневныхъ жалчайшимъ сплетней, интересовъ и пр. Мало того, такая простота—ложь и фальшь какъ все, что односторонне—она клевета на человѣка и природу.

Хороши двѣ картины Айвазовскаго, особенно „Вечеръ въ Малороссіи". Объ ученическихъ работахъ можно сказать только то, что онѣ ученическія.

— 28. Суббота. Разговоръ съ Ѳ. И. Тютчевымъ. Онъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Горчакову и ко двору. Прежде онъ вполнѣ раздѣлялъ мои опасенія о войнѣ. Теперь онъ ихъ больше не раздѣляетъ, полагая, что Наполеонъ не начнетъ войны безъ Англіи, а Англія къ ней нерасположена. Потомъ я спросилъ его, какое положеніе Австрія принимаетъ въ отношеніи къ намъ?

Она, разумѣется, не выражаетъ никакихъ опредѣленныхъ видовъ. Она боится Россіи, но не хочетъ отстать и отъ запада; боится также Франціи. А Пруссія? Пруссія тяготѣетъ къ намъ, это натурально. Но настоящее правленіе въ ней тоже пока не даетъ никакого ключа къ будущему. Германское единство, можетъ быть, великая идея, а можетъ быть и пустая фантазія.

Но я всетаки еще не спокоенъ насчетъ войны. Наполеонъ можетъ ринуться на насъ съ Италіей и еще съ кѣмъ-нибудь. Можетъ быть, этого и добивается Англія „по дружбѣ“ своей къ Наполеону. Какъ-бы то ни было, а намъ не слѣдуетъ, считая войну невозможною, вслѣдствіе этого опять, какъ говорится, спустить рукава.

— 29. Воскресенье. Въ сердцѣ человѣческомъ иногда возникаютъ хорошія и благія стремленія. Ты въ радости спѣшишь, такъ сказать, протянуть къ нимъ руки и—хватаешь воздухъ. Стремленія эти, едва родясь, уже улетѣли или тутъ-же были поглощены другими, болѣе сильными эгоистическими стремленіями—какъ маленькія пѣвчія птички поглощаются какимъ-нибудь коршуномъ.

Вечеромъ посѣтилъ меня старинный мой университетскій товарищъ, бывшій профессоръ политической экономіи Викторъ Степановичъ Порошинъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, получивъ по наслѣдству богатое имѣніе въ Каменецъ-Подольской губерніи, онъ продалъ его и съ тѣхъ поръ уже постоянно жилъ въ Парижѣ. Онъ женатъ на гувернанткѣ француженкѣ. Сюда онъ пріѣхалъ поискать какихъ-нибудь занятій, если не въ университетѣ, то въ археографической комиссіи или въ статистическомъ нашемъ бюро при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Онъ теперь преимущественно занимается исторіей Россіи, особенно въ соприкосновеніи ея съ Польшею. Онъ являлся къ разнымъ здѣшнимъ высокостямъ и знаменитостямъ и получилъ вездѣ тощіе и неопредѣленные отвѣты. Валуевъ принялъ его, по своему обыкновенію, живописно, поговорилъ съ нимъ на четырехъ языкахъ и обѣщалъ подумать. Мы просидѣли и протолковали съ Порошинымъ до часу ночи.

Октябрь—1. Вторникъ. Былъ у Вальца. Кромѣ объясненій о здоровьѣ, разговоръ о заграничныхъ толкахъ о насъ, такъ какъ Вальцъ надняхъ только вернулся изъ-за границы. На основаніи

этихъ толковъ вотъ какія соображенія высказалъ онъ. Первое, что мы непремѣнно должны дѣйствовать на общественное мнѣніе Европы посредствомъ прессы: до сихъ поръ мы не умѣли обратить ее въ свою пользу. Тутъ нужны и деньги. Второе, что было-бы чрезвычайно полезно открыть Петербургъ для нѣкоторыхъ ученыхъ съѣздовъ. Это дало-бы возможность пріѣзжающимъ на нихъ иностранцамъ собственными глазами видѣть, что у насъ дѣлается, и, конечно, это содѣйствовало-бы къ уменьшенію распространяемыхъ о насъ въ Европѣ лжей.

— 2. Среда. Опера „Любовный напитокъ"—оченъ милое, граціозное произведеніе Доницетти, сыгранное и спѣтое итальянскими артистами, съ обыкновеннымъ искусствомъ и прелестными голосами. Съ удовольствіемъ просидѣлъ часа три въ театрѣ.

— 6. Воскресенье. Сегодня молебенъ въ университетѣ, по случаю открытія въ немъ лекцій. Я опоздалъ, хотя явился къ назначенному въ повѣсткѣ часу. Затѣмъ былъ назначенъ диспутъ Бауера на степень доктора. Дѣло происходило въ большой залѣ, которая не была еще ни разу нынѣшнею осенью топлена, и въ ней стоялъ страшный холодъ. Я помню, какъ однажды жестоко простудился въ нетопленной аудиторіи университета, и потому, боясь того-же теперь, постыдно предался бѣгству. Вышелъ пренелѣпый день.

— 7. Понедѣльникъ. Совѣтъ университета. Возвращался оттуда около десяти часовъ вечера. Ужасная буря, дождь, мракъ и ни одного извозчика до Полицейскаго моста. Тутъ попался намъ одинъ, и мы вмѣстѣ со Срезневскимъ уже доѣхали до Аничкова моста. Ночью пальба съ крѣпости; видно, жителямъ взморья приходилось плохо.

— 8. Вторникъ. Начало лекцій въ Римско-Католической академіи. Тамъ давно меня ожидали.

— 9. Среда. Первая моя лекція въ университетѣ. Большая аудиторія была буквально биткомъ набита. Лекція была выслушана съ большимъ вниманіемъ.

Одно только дурно: въ университетскихъ залахъ до сихъ поръ не топятъ.

— 11. Пятница. Вѣкъ хочетъ радикально измѣнить бытъ человѣчества. Онъ стремится разрушить старый нравственный и общественный порядокъ. Въ первомъ онъ уничтожаетъ вѣро-

ванія и духовность, противопоставляя имъ знаніе и матерію. Во второмъ онъ видитъ повсемѣстное рабство и противопоставляетъ ему безусловную свободу и общество безъ власти, существующее и поддерживающееся единственно устройствомъ отношеній.

О людяхъ надобно жалѣть: они очень немощны—немощны, чтобы восторжествовать надъ своею слабостью, немощны, чтобы воспротивиться своей силѣ, которая влечетъ ихъ далѣе возможности и разума.

Вечеромъ засѣданіе въ совѣтѣ попечителя, гдѣ, между прочимъ, было разсуждаемо о дозволеніи такъ называемыхъ „учительскихъ съѣздовъ", на подобіе германскихъ. Вѣдь у насъ безъ подражанія нельзя: хорошо еще, когда подражаемъ хорошему или безвредному, какъ въ настоящемъ случаѣ. Я выразилъ мнѣніе, что этому препятствовать никоимъ образомъ не слѣдуетъ. Бѣда, однако, въ томъ, что тутъ потребуются деньги отъ казны.

Безъ меня были у меня Щебальскій, Вороновъ и Майковъ. Послѣдняго я еще засталъ. Былъ также Крамской, съ которымъ я имѣлъ преніе о картинѣ Ге. Крамской находитъ, что картина эта удивительная вещь, и я нахожу, что она удивительная по изображенію Христа, который представленъ въ видѣ здороваго парня, кручинящагося о какой-то неудачѣ. Майковъ согласенъ со мною, хотя находитъ, что картина во многомъ очень хороша. Да я о прочемъ не говорю—но Христосъ, Христосъ! Главное, она меня возмущаетъ не сама собою, а тѣмъ, что служитъ выраженіемъ того грубаго матеріализма, который хочетъ завладѣть и искусствомъ также, какъ нравственнымъ порядкомъ вещей.

— 16. Среда. Что вводитъ въ заблужденіе матеріалистовъ? Новѣйшія открытія въ области физіологіи и психологіи дѣйствительно показали, что всѣ наши способности дѣйствуютъ по законамъ. И если на этомъ остановиться, то можно придти къ результатамъ не очень утѣшительнымъ для человѣка. Но въ томъ-то и дѣло, что на этомъ остановиться нельзя. Всѣ отправленія нашихъ способностей съ ихъ закономъ не иное что, какъ подготовка для чего-то другаго—„и надъ этой бездной ношашеся духъ": этого-то духа ни матеріалисты, никто, никогда разгадать не могутъ.

— 17. Четвергъ. Я все еще думаю, что война неизбѣжна

Мысль объ ослабленіи Россіи и объ отстраненіи ея отъ участія въ дѣлахъ востока, повидимому, слишкомъ крѣпко засѣла въ головѣ Наполеона и другихъ, чтобы они могли отъ нея отказаться. Да и Польшу они слишкомъ начинили горючими веществами, изъ которыхъ не извлечешь ни примиренія, ни тишины.

Надняхъ напечатано распоряженіе военнаго министерства объ усиленномъ комплектованіи арміи офицерами.

— 18. Пятница. Въ понедѣльникъ въ совѣтѣ университета было читано любопытное отношеніе Потапова къ министру. Въ этомъ отношеніи передается показаніе одного польскаго юноши въ Вильнѣ, какимъ образомъ онъ находился въ нашемъ университетѣ и что происходило тамъ у студентовъ. Студенты раздѣлялись на три партіи: на красныхъ, отчаянныхъ революціонеровъ, на либераловъ, которые въ крайнемъ случаѣ не прочь отъ революціи, и на умѣренныхъ, которые науку считали единственною цѣлью своего пребыванія въ университетѣ. Остальные называли послѣднихъ въ насмѣшку матрикулистами. Всѣ три партіи собирались въ студенческой библіотекѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ и толковали тамъ о матеріяхъ важныхъ, политическихъ, соціальныхъ. Отсюда-то и возникли извѣстные университетскіе безпорядки.

Вечеромъ неожиданно явился Ребиндеръ изъ Москвы. Мы очень обрадовались другъ другу. Онъ вообще въ хорошемъ состояніи, и нравственно, и физически. Мистическое расположеніе исчезло. Пробылъ у меня часа два. Послѣзавтра обратно въ Москву.

Когда съ Валуевымъ кто-то завелъ рѣчь о губернаторахъ, онъ сказалъ:—У меня нѣтъ губернаторовъ, а есть агенты . . . .

— 20. Воскресенье. Поутру у Воронова. Головнинъ не хочетъ, чтобы Каткову отвѣчали съ нѣкоторою силою на его нападки на министерство народнаго просвѣщенія, противъ котораго онъ ратуетъ свирѣпо и ругательно.....

— 21. Понедѣльникъ. Правда-ли, что уже прожито все, чѣмъ обыкновенно живутъ? Нѣтъ! Кажется, еще есть кое-какіе остатки капитала: надо только благоразумно ихъ употреблять.

Рѣдко сыновья наслѣдуютъ таланты своихъ отцовъ, но пороки очень часто.

— 26. Суббота. Всякій фанатизмъ подозрителенъ: въ немъ

непремѣнно есть нѣчто искусственное, насильственное, экзальтированное.

— 28. Понедѣльникъ. . . . . . . Оно-бы ничего, да только они забыли про способность юношества считать себя готовымъ во всякое время. Да притомъ настоящая подготовка состоитъ въ строгомъ и основательномъ изученіи науки. Оттого и вышло, что юноши начали было дѣйствовать, когда совсѣмъ не были готовы, да и надѣлали чепухи.

Тронная рѣчь Наполеона, по обыкновенію его, ничего опредѣленнаго не выражающая. Тутъ, впрочемъ, есть все: и миръ, и война, и комплименты Александру II, и угроза, и мнимая скромность, и наглое хвастовство, что Европа не можетъ не принять его высочайшей воли за законъ. Это должно и отуманить французовъ и понравиться имъ. Судя по нашимъ теперешнимъ приготовленіямъ, война у насъ, кажется, дѣйствительно на носу.

— 29. Вторникъ. Надобно стараться дѣлать хорошо вещи изъ такого матеріала, какой намъ достался: ежели простой камень—изъ простого камня; ежели мраморъ—такъ изъ мрамора и проч. Можно одинаково прочно сидѣть на стулѣ и изъ березоваго и изъ краснаго дерева, хотя нѣтъ сомнѣнія, что красное дерево наряднѣе.

— 30. Среда. Какая нелѣпая басня ходитъ по городу! Будто сосланный въ Ярославль варшавскій епископъ Фелинскій вступилъ въ заговоръ съ живущими тамъ поляками; будто они заказали въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ огромное количество полушубковъ для повстанцевъ; будто-бы полушубки эти были охотно сшиты нашими мастерами и т. д. Государь будто-бы за это велѣлъ Ярославскую губернію переименовать въ Новопсковскую и съ ярославцевъ взять рекрутъ, вмѣсто 10-ти съ тысячи по 20-ти.

Ноябрь.—1. Пятница. Пушкинъ, восхищаясь Баратынскимъ, изощрялъ на немъ свое безпристрастіе: онъ зналъ, что онъ тутъ ничего не потерпитъ. Такъ Петръ Великій украшалъ князя Ромодановскаго аттрибутами своей царской власти и никто, конечно, отъ этого не могъ вмѣсто настоящаго царя въ самомъ дѣлѣ считать царемъ Ромодановскаго.

Вчера во II-мъ отдѣленіи Академіи разсуждали объ отчетѣ къ 29-му декабря и снова возложили составленіе его на меня. Четвертый годъ подъ-рядъ исполняю я эту работу.

— 3. Воскресенье. Утромъ у Б-ге Побесѣдовалъ съ нимъ около часа. Потомъ отправился къ графу Блудову, котораго не засталъ дома: онъ поѣхалъ въ Царское Село.

— 4. Понедѣльникъ. Совѣтъ въ университетѣ. Произвели въ доктора оріенталиста Григорьева и выбрали въ профессора физіологіи Овсянникова; онъ получилъ 19 избирательныхъ и 2 отрицательныхъ.

— 7. Четвергъ. Безъ полной нравственной независимости отъ людскаго мнѣнія не бываетъ ни истинно хорошаго характера, ни истинно хорошаго дѣла.

.....Въ совѣтѣ попечителя разсматривали вопросъ, дозволять-ли раскольникамъ заводить школы, такъ какъ они о томъ просятъ? Положено дозволить, не препятствуя имъ въ то-же время отдавать дѣтей своихъ и въ общія училища, и не обязывая тѣхъ учиться Закону Божію у православныхъ священниковъ. Въ своихъ-же школахъ дѣти—могутъ ему учиться у своихъ поповъ или учителей.

— 14. Четвергъ. Въ университетѣ пока тихо. Юноши повидимому хотятъ заниматься, по крайней мѣрѣ они усердно посѣщаютъ лекціи и ничего буйнаго не предпринимаютъ. Они только поворчали на запрещеніе курить папиросы, но, какъ имъ извѣстно, что никакой законъ у насъ не крѣпокъ, то они просто безъ шума и агитаціи начали курить сначала на улицѣ около университета, а потомъ и въ разныхъ уголкахъ самаго университета. Разумѣется, начальство смотритъ на это сквозь пальцы. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ-же было запрещать? Впрочемъ, совѣтъ и хотѣлъ позволить, да министръ не согласился, а теперь вотъ и выходитъ опять нарушеніе закона. . . . .

— 15. Пятница. Извѣстная доля легкомыслія необходима, чтобы не дать намъ слишкомъ погрузиться въ тревожныя и мрачныя думы.

— 16. Суббота. Напечатаны имена лицъ, участвовавшихъ въ поднесеніи образа М. Н. Муравьеву въ его именины. Тутъ все аристократическія имена, начиная графомъ Блудовымъ и оканчивая Помпеемъ Батюшковымъ. Генералъ-губернатору Суворову было предложено также участвовать въ этомъ поднесеніи. Онъ отказался, сказавъ, что не можетъ оказать этой чести такому людоѣду, какъ Муравьевъ.

Тютчевъ, говорятъ, написалъ стихи по поводу этого отказа. Мнѣ обѣщали ихъ прислать.

— 17. Воскресенье. Стоитъ-ли польская независимость того, чтобы сама Польша такъ дорого за нее платила?

Какъ ужиться польскому элементу съ русскимъ—вотъ вопросъ. А они обречены судьбами исторіи и территорій своихъ жить вмѣстѣ, слѣдовательно уживаться. По закону вещей сильнѣйшій элементъ долженъ быть преобладающимъ—а сильнѣйшій здѣсь является русскій. Вотъ чего поляки ни понять, ни снести не могутъ. Слиться совсѣмъ поляки съ русскими врядъ-ли могутъ уже по однимъ религіознымъ причинамъ, но они могутъ соединиться. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что этому соединенію могутъ много или, лучше сказать, должны исключительно содѣйствовать русскіе. Однѣми административными мѣрами достигнуть этого нельзя. Надо, чтобы нашъ общественный духъ стремился къ этому соединенію превосходствомъ нравственнымъ, превосходствомъ своего образованія и уравненіемъ правъ. Мысль о мщеніи должна быть выкинута изъ умовъ нашихъ, какъ преступная. Но въ состояніи-ли нашъ общественный духъ исполнить эту задачу?...

— 18. Понедѣльникъ. Во времена софистовъ гуманитарный элементъ началъ вытѣснять у грековъ ихъ національный элементъ. Греки въ понятіяхъ много выигрывали, зато столько-же или еще больше теряли въ нравахъ, которые опирались на ихъ національность. Эта послѣдняя, разлагаясь, терялась въ общечеловѣческомъ, какъ всякая индивидуальность, умирая, теряется въ безбрежномъ океанѣ и движеніи всеобщей жизни. Все исходитъ отъ общаго и исчезаетъ въ общемъ.

Новое и старое. Новое или развивается органически изъ стараго, или прививается къ нему. Во всякомъ случаѣ, несправедлива мысль слишкомъ жаркихъ поборниковъ новаго, что все старое сгнило и что надобно радикально его отбросить, чтобы насадить на мѣсто его это новое. Если-бы дѣйствительно все старое сгнило, то на чемъ-же утвердили-бы новое? Послѣдняго не къ чему было-бы даже привить. Если народъ не имѣетъ ни преданій, ни стремленій къ лучшему, то какимъ образомъ вы приложите къ нему ваши идеи этого лучшаго?

На обѣдѣ у вице-президента Медицинской академіи И. Т.

Глѣбова. Лукулловскій обѣдъ. Онъ такъ плѣнилъ физіолога Якубовича, что тотъ, выйдя изъ-за стола послѣ обѣда, обратился къ толстяку повару и обнялъ его. Поваръ этотъ изъ англійскаго клуба, который особенно славится своимъ столомъ.

На обѣдѣ у Ивана Тимоѳеевича Глѣбова были всѣ медицинскія знаменитости, между прочими, Дубовицкій, Цыцуринъ, Кабатъ, Якубовичъ и пр. — всѣ изукрашены генеральскими эполетами и звѣздами. Я одинъ былъ безъ украшеній, потому что никакъ не предполагалъ у скромнаго Ивана Тимоѳеевича такого помпезнаго собранія и обѣда. Однако, всѣ эти почтенные люди настолько были учтивы, что притворились, будто знаютъ меня по имени и были ко мнѣ любезны, какъ нельзя болѣе. Я особенно познакомился съ Дубовицкимъ и Якубовичемъ. Члены этого медицинскаго общества, повидимому, очень дружны между собой. Праздникъ этотъ былъ данъ по случаю именинъ маленькаго двухлѣтняго сына—теперь единственнаго ребенка Ивана Тимоѳеевича, въ которомъ онъ и жена его души не чаютъ.

— 20. Среда. Поутру у ректора Ленца. Очень добрый, честный, благородный человѣкъ, но несмѣлый и нераспорядительный, такъ что онъ непремѣнно долженъ будетъ зависѣть отъ другихъ.

Если я имѣлъ какія-нибудь успѣхи въ жизни, то обязанъ за нихъ ни уму своему, ни способностямъ, ни характеру, ни какимъ-либо соображеніямъ и планамъ, а чистой случайности.

— 21. Четвергъ. Маленькія обиды чувствуются иногда сильнѣе большихъ.

Умеръ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ въ Москвѣ, 15-го ноября.

— 22. Пятница. Вотъ уже болѣе двухъ недѣль, какъ продолжаются прискорбные толки о прекращеніи въ государственномъ банкѣ платежей звонкою монетою. Это взволновало весь городъ или, лучше сказать, всю Россію. Винятъ министерство финансовъ: Рейтерна, Ламанскаго, Штиглица, который теперь уѣхалъ за границу для какихъ-то финансовыхъ операцій, а о немъ говорятъ, что онъ бѣжалъ. Носятся даже слухи, будто Рейтернъ увольняется. Одна газета даже совѣтуетъ ему застрѣлиться. Словомъ, въ денежномъ и промышленномъ мірѣ страшная суматоха.

— 23. Суббота. Обѣдалъ у графа Блудова. Я давно не ви-

далъ старика, кажется, съ того времени, какъ видѣлся съ нимъ въ нашей церкви въ Парижѣ. Онъ дряхлѣетъ. Прежде, послѣ обѣда онъ обыкновенно разливался рѣчами, а теперь поговорилъ немножко со мною, съ Кояловичемъ, да и заснулъ въ креслахъ. Антонину Дмитріевну въ креслахъ принесли въ гостиную: она почти совсѣмъ не владѣетъ ногами, хотя во всемъ прочемъ здорова.

— 24. Воскресенье. Поутру у Д* и Тютчева. У послѣдняго встрѣтилъ Жандра, недавно пріѣхавшаго изъ Кіева. Онъ говоритъ, что Анненковъ сначала хотѣлъ тамъ дѣйствовать въ примирительномъ духѣ, но теперь перешелъ къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій. По мнѣнію Жандра, который говоритъ, что хорошо знаетъ край, потому что много лѣтъ служитъ тамъ, единственный способъ умиротворить страну—это до тла истребить польскій элементъ. Поляки непримиримы во враждѣ къ намъ и тверды въ увѣренности, что Польша должна и можетъ существовать въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ существовала до раздѣла. Массу русскаго и малороссійскаго населенія въ тѣхъ губерніяхъ поляки считаютъ за ничто и что Польша вся въ шляхетствѣ. Между тѣмъ, народъ ихъ страшно ненавидитъ, и еслибы ему дать волю, то при первомъ-же взрывѣ возстанія онъ растерзалъ-бы каждаго поляка. Жандръ еще много говорилъ въ этомъ духѣ.

— 27. Среда. Вечеромъ въ оперѣ. Давали прелестную граціозную „Ченерентолу“ и пѣли прекрасно, какъ всегда: Кальцолари, Нантье-Дидье и проч.

Декабрь.—1. Воскресенье. Занятъ академическимъ отчетомъ.

Вотъ И. И. Давыдовъ, скончавшись, какую нехорошую память по себѣ оставилъ: вчера члены Академіи нашего отдѣленія просили меня вовсе не говорить о немъ въ отчетѣ, такъ какъ дурно, т. е. правдиво, о немъ что-нибудь сказать, особенно съ каѳедры, не приходится, а хорошее все было-бы сочтено за ложь и никто-бы этому не повѣрилъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ-ли виноватъ Иванъ Ивановичъ? Разумѣется, онъ былъ не лучше, да и не хуже другихъ. Хуже другихъ онъ былъ только тѣмъ, что былъ невоздержнѣе въ господствующихъ или главныхъ своихъ порокахъ, корыстолюбіи и мелкомъ честолюбіи. А невоз-

держность эта не то, чтобы заставляла его дѣлать зло другимъ— онъ вовсе не былъ золъ по природѣ своей —а побуждала унижать себя пресмыкательствомъ и исканіями передъ сильными. Я всегда называлъ его ловцомъ передъ Господомъ житейскихъ благъ. Но онъ готовъ былъ при случаѣ даже услуживать другимъ и дѣлать нѣчто въ родѣ добра имъ, конечно, если это не было противно его выгодамъ. Да вѣдь почти никто и не поступаетъ иначе. Повторяю, онъ превосходилъ другихъ невоздержностью своихъ пороковъ, а не самыми пороками. Умѣй онъ немножко себя обуздывать, онъ оставался-бы тѣмъ, чѣмъ былъ, не казавшись таковымъ, и оставилъ-бы по себѣ память человѣка даровитаго и почтеннаго, потому что онъ былъ очень даровитъ. Многіе были лучше его единственно потому, что были скрытнѣе его.

Человѣкъ бываетъ хорошъ, и то не надолго, разъ въ жизни— въ юности. Потомъ онъ становится все хуже и хуже, портится—и если его не просолить всего насквозь, до костей, высшими вѣрованіями, идеями, то онъ еще задолго до смерти начнетъ разлагаться.

— 2. Понедѣльникъ. Я не знаю, почему хуже оказывать какія-нибудь услуги, съ намѣреніемъ получить за нихъ извѣстную сумму денегъ, нежели тѣмъ-же путемъ снискать протекцію, получить мѣсто, орденъ и т. п.

Въ умѣ у насъ нѣтъ недостатка, но величайшій недостатокъ въ характерѣ и честности.

Статья Прюдона о трактатахъ 1815 года, разразившаяся грозою надъ поляками, производитъ большое впечатлѣніе.

Вчера поутру былъ у меня Ѳ. И. Тютчевъ и подтвердилъ извѣстіе, что недалеко отъ Варшавы, на желѣзной дорогѣ, Треповъ накрылъ четырнадцать человѣкъ главнаго революціоннаго правленія.

Былъ Ѳ. В. Чижовъ, на нѣсколько дней пріѣхавшій изъ Москвы. Онъ сдѣлался совершенно промышленнымъ человѣкомъ. У него небольшая сѣденькая бородка клиномъ.

Вечеромъ у А. Тутъ были два брата *** —одинъ съ огромною бородою и огромнѣйшимъ чувствомъ самодовольства на добродушномъ лицѣ, другой поскромнѣе и съ меньшею бородою. Встрѣтился я тутъ еще съ К., съ которымъ на этотъ разъ можно

было вести бесѣду, ибо онъ какъ-то менѣе обыкновеннаго былъ уменъ и важенъ.

— 5. Четвергъ. Надо очень любить Россію, чтобы не чувствовать отвращенія ко всей безалаберности нашей, къ умственному и нравственному разврату нашего такъ называемаго образованнаго общества, къ глубокому невѣжеству и дикости массъ и къ отсутствію вообще законности и честности. По глубокому сознанію могу сказать, что я горячо люблю отечество и сколько могъ служилъ ему честно. Но сколько разъ эта любовь была оскорблена тысячью безчестныхъ или безтолковыхъ явленій нашей общественной жизни! Сколько разъ приходилось скорбѣть о недостойныхъ поступкахъ моихъ соотчичей, особенно отъ ихъ грубаго нарушенія правилъ самой обыкновенной общественной честности. Когда и какъ мы изъ этого выйдемъ?

Въ политической атмосферѣ такъ сперся воздухъ, такъ много накопилось всякихъ испареній, что непремѣнно должно разразиться грозѣ. Съ самаго начала возстанія Польши мнѣ все мерещится война.

Что такое наука? Опытъ, наблюденіе, система и выводъ.

Несмотря на прославленную гуманность вѣка, вражда и разъединеніе между людьми, кажется, никогда не доходили до такой степени, какъ нынѣ. Чѣмъ это объяснить?

Можно-ли исключительно на принципѣ взаимной выгоды основать союзъ общественный, миръ и порядокъ между людьми— на что такъ сильно уповаютъ соціалисты? Во-первыхъ, понятіе о выгодѣ очень неопредѣленно и широко, такъ что, идя отъ него, можно легко перешагнуть рубежъ. Во-вторыхъ, выгоды такъ измѣнчивы и разнообразны, что чрезвычайно трудно установить для нихъ какое-нибудь общее мѣрило, которое заставило-бы одного уважать въ другомъ, то, что ему принадлежитъ и прилично. То, что я считаю для другаго неважнымъ, въ сущности можетъ быть очень важно для него, и наоборотъ.

Гдѣ неодинаковы силы, тамъ неодинаковы и права.

— 9. Понедѣльникъ. Въ совѣтѣ университета. Выбрали въ ординарные профессора исторіи востока Григорьева, а въ профессора ботаники Бекетова. Я, разумѣется, положилъ обоимъ бѣлые шары. Но въ факультетѣ я возразилъ противъ проекта сдѣлать вдругъ нѣсколько докторовъ. Зачѣмъ, сказалъ я, такъ

опрометчиво и такъ нескромно пользоваться правомъ, которое ввѣрено намъ для серьезнаго и справедливаго пользованія? Будемъ немножко умѣреннѣе, чтобы не уронить самаго принципа. Соблюдемъ, по крайней мѣрѣ, постепенность. Благовѣщенскій сильно настаивалъ на произведеніи въ доктора Костомарова. Этому я не противорѣчилъ.

Еще выбрали архитектора Харламова. Было шесть кандидатовъ, и одинъ, за котораго стоялъ ректоръ.

— 10. Вторникъ. Говорятъ о Кербицѣ и его сильномъ участіи въ возстаніи польскомъ и арестованіи.

— 12. Четвергъ. Президентъ Академіи наукъ навязываетъ намъ въ члены-корреспонденты отдѣленія Каткова и Аксакова. Сверхъ того, графу Блудову хочется, чтобы мы избрали въ почетные члены Рейтерна и Буткова. Отдѣленіе, какъ и вся Академія, сильно на это негодуютъ. Въ сегодняшнемъ засѣданіи отдѣленія были объ этомъ толки. Веселовскій и Гротъ поѣхали къ графу Блудову попытаться, нельзя-ли отклонить его отъ несчастной мысли выбрать Каткова. Противъ Аксакова не возстаютъ. Разумѣется, я тоже не могу быть въ пользу Каткова. Вообще странное положеніе Академіи, что она должна расточать знаки своего уваженія по приказанію начальства. Но эти-ли однѣ странности у насъ?

Говорятъ, что Россія страна чиновниковъ безъ правосудія и хорошаго управленія. Теперь надо будетъ сказать, что она и страна докторовъ и членовъ ученыхъ обществъ безъ науки.

Жаль, что корреспонденты отдѣленій не баллотируются въ общемъ собраніи Академіи. Въ этомъ случаѣ можно было-бы навѣрное предположить, что нѣкоторые изъ такихъ членовъ, предслагаемыхъ начальствомъ, прогулялись-бы на вороныхъ. У міра шея толста: ее не такъ легко перерубить, какъ у одного или двухъ человѣкъ.

Достиженіе счастья, поставляемаго главною цѣлью послѣдователями школы утилитаристовъ, необходимо требуетъ извѣстныхъ ограниченій, которыя невозможны безъ свободнаго рѣшенія воли. Нерѣдко нужно отказаться отъ удовольствія не ради высшаго или другаго удовольствія, а ради исполненія долга или содѣйствія благу другихъ и т. д. Слѣдовательно, счастье здѣсь

отодвигается на второй планъ и мѣсто его заступаетъ другое начало.

Есть поступки, которыхъ нельзя назвать ни воровствомъ, ни подлостью, ни какимъ другимъ унизительнымъ именемъ—поступки, которыхъ нельзя предать ни общественному позору, ни правосудію, но которые, тѣмъ не менѣе, заставляютъ сомнѣваться въ благоустроенности души того, кто ихъ себѣ позволяетъ, такъ что вы невольно теряете довѣріе или къ уму, или къ характеру его, или къ тому и другому вмѣстѣ.

— 14. Суббота. Читаю, между прочимъ, „Записки Ермолова". Онѣ ничего не прибавляютъ къ его славѣ. Языкъ чрезвычайно напыщенный, и рѣзкіе приговоры о всѣхъ дѣятеляхъ 1812 года не возбуждаютъ особеннаго довѣрія.

Вчера въ засѣданіи Академіи, по предложенію графа Блудова, выбрали въ почетные члены Буткова и Рейтерна, а сама Академія—Даля. Стыдно президенту, что онъ навязалъ намъ такого господина, какъ Бутковъ. Это . . . . . для Академіи. Ужъ если предлагать, то предложилъ-бы князя А. М. Горчакова: это было-бы теперь кстати.

Отъ Каткова мы кое-какъ отдѣлались, представивъ причину, что комплектъ членовъ-корреспондентовъ уже полонъ и нѣтъ вакансій, хотя, собственно говоря, это не причина. Выбрали А. Н. Островскаго, Н. С. Тихонравова и Данишича въ Бѣлградѣ.

Знаніе, право, законность: отсюда нравственное уваженіе самихъ себя и всѣхъ принциповъ человѣчества. Вотъ что прежде и болѣе всего намъ нужно, а не демократическія, аристократическія или соціальныя тенденціи.

Вечеромъ литературное чтеніе у Фукса. Читалъ романъ свой Жандръ. Этотъ Жандръ, лѣтъ тому семь или восемь назадъ, уже читалъ мнѣ отрывки его. Онъ сочинялъ его лѣтъ восемнадцать, и бѣдный, пришелъ къ убѣжденію, что произведеніе его составитъ эпоху въ русской литературѣ. Три часа онъ морилъ насъ плохими стихами и избитымъ сюжетомъ о томъ, какъ княжна Алина сначала любила нѣкоего Сергѣя, какъ потомъ влюбилась въ другого нѣкоего графа, какъ этотъ графъ оказался бездѣльникомъ и какъ эта глупая женщина была наказана за свою вѣтренность тѣмъ, что принуждена была умереть отъ чахотки; какъ Сергѣй, тоже больной, очутился у ея смертнаго одра и т. д. Сначала мнѣ

было жаль чтеца-автора, какъ жаль всякаго человѣка, который напрашивается на публичное осрамленіе. Потомъ меня одолѣли скука и досада и мнѣ стало жаль самого себя.

Тутъ я познакомился съ Скарятинымъ. Одно могу сказать, что онъ красивъ.

Диспутъ въ университетѣ на докторскую степень Березина и Васильева. Оба меня упрекнули, что это я заставилъ ихъ держать диспутъ.

— Ничего, господа, отвѣчалъ я,—вы возьмете свое въ честномъ бою и намъ доставите удовольствіе васъ послушать.

Дѣйствительно, диспутъ былъ очень занимательный, хотя касался слишкомъ спеціальныхъ предметовъ. Березинъ защищалъ свои тезы съ достоинствомъ, выказывая въ себѣ человѣка съ глубокимъ знаніемъ своего предмета и даже съ внѣшнимъ образованіемъ. Васильевъ защищался немножко дубовато, но видно, что онъ тоже обладаетъ всестороннимъ знаніемъ своего предмета, т. е. китайскаго языка. Кромѣ того, онъ горячо любитъ свой предметъ, что менѣе замѣтно въ Березинѣ. Разумѣется, они оба были удостоены степени доктора восточныхъ языковъ, и я искренно поздравилъ ихъ.

— 18. Среда. Въ оперѣ. Давали „Риголетто" Верди. Если шумъ, трескъ, крики составляютъ хорошую оперу, то „Риголетто", безъ сомнѣнія, опера очень хорошая.

— 19. Четвергъ. Неумолкаемые слухи о Кербицѣ: иные говорятъ, что онъ уже въ здѣшней крѣпости; другіе, что онъ арестованъ и находится въ Варшавѣ; третьи, что онъ тамъ только подъ строгимъ наблюденіемъ полиціи; а есть и такіе, которые увѣряютъ, что онъ уже казненъ. Попробуйте повѣрить чему-нибудь изъ этихъ разсказовъ, гдѣ каждый разсказчикъ увѣряетъ, что онъ все это слышалъ отъ достовѣрнѣйшихъ людей, чуть не отъ самого Кербица, который ему одному пересказалъ даже, какъ его повѣсили—попробуйте хоть чему-нибудь тутъ повѣрить и вы останетесь въ дуракахъ.

— 20. Пятница. Гречъ написалъ ко мнѣ письмо, прося моего содѣйствія для избранія его въ члены Академіи. Какъ тутъ содѣйствовать, когда большая часть членовъ противъ него и помнитъ его дѣйствительные и вымышленные грѣхи. Да и во мнѣ самомъ не много симпатіи къ нему. Я прочелъ его письмо въ

отдѣленіи и, разумѣется, встрѣтилъ сильное противодѣйствіе, такъ что о предложеніи его въ члены и думать нечего. Все это старику надо передать какъ-нибудь помягче.

Лекція въ университетѣ и, кажется, послѣдняя. Праздниками я долженъ буду подать просьбу объ увольненіи меня, такъ какъ баллотироваться я не намѣренъ.

— 23. Понедѣльникъ. Къ чему приведетъ насъ эта страшная деморализація сверху до самаго низу? Внизу, конечно, ея меньше, но тамъ глубина невѣжества, совершенно варварское состояніе, полное отсутствіе всякихъ понятій о долгѣ, справедливости и законѣ—особенно о законѣ.

— 26. Четвергъ. Всѣ эти дни возился съ несноснѣйшей простудой. Вальцъ посадилъ меня на гомеопатическія капли: мало вѣрю я и имъ, и ему. Къ тому-же, онъ теперь больше занятъ торговыми спекуляціями, чѣмъ своими больными.

— 29. Воскресенье. Жизнь! Какая страшная бездна! Какъ не закружиться головѣ, заглядывая въ нее!

Актъ въ Академіи наукъ. Я пріѣхалъ въ половинѣ перваго, вмѣстѣ съ Тимоѳеевымъ, который зашелъ ко мнѣ. Черезъ нѣсколько минутъ объявили, что пріѣхалъ и президентъ нашъ, графъ Блудовъ. Я вышелъ въ сѣни и нашелъ его, бѣднаго, сидящимъ на стулѣ, съ своей голубой лентой и въ полномъ изнеможеніи. Онъ имѣлъ видъ умирающаго, такъ тяжело дышалъ онъ и стоналъ. Его утомилъ всходъ на лѣстницу. Когда онъ немножко оправился, я сказалъ ему, что какъ ни пріятно намъ видѣть его въ средѣ нашей, но онъ лучше сдѣлалъ-бы, еслибы поберегся и остался дома.

— Что-жъ, вѣдь и вы тоже приносите жертву: вы тоже больны, а пріѣхали.

Отдохнувъ, онъ отправился въ залу. Вскорѣ онъ почти совсѣмъ оправился, слушалъ наши рѣчи и храбро высидѣлъ все время. Иногда онъ даже обращался ко мнѣ, съ шутливыми замѣчаніями: я сидѣлъ возлѣ него на эстрадѣ по лѣвую руку, а вице-президентъ Буняковскій по правую

Со мной тоже было не совсѣмъ благополучно. Сначала я чувствовалъ себя сносно, но потомъ въ головѣ поднялось броженіе, и я боялся, чтобы со мной не сдѣлалось совсѣмъ дурно. Я сталъ бояться, что не смогу выполнить своего дѣла. Но вотъ дошла

очередь до меня. Рѣчь мою, надо сказать правду, я прочелъ прескверно. Кромѣ того, что у меня не хватило голоса отъ моего проклятаго гриппа, я безпрестанно спотыкался и путался отъ головокруженія. Чтобы не мучить себя и другихъ, я пропускалъ многія мѣста. Возвратился домой около трехъ часовъ усталый и совсѣмъ больной.

— 31. Вторникъ. Плохо заключаю старый и встрѣчаю новый годъ.—Конецъ 1863 года.

1864 годъ.

Январь.—1. Среда. За необходимостью вслѣдствіе простуды сидѣть дома, принялся убирать свой кабинетъ и приводить въ нѣкоторый порядокъ книги, находящіяся у меня въ ужаснѣйшемъ хаосѣ. Къ сожалѣнію, мѣсто въ кабинетѣ моемъ не допускаетъ расположить мою библіотеку такъ, чтобы я могъ свободно пользоваться ею. Теперь иную нужную книгу ищешь, ищешь, да такъ и не найдешь совсѣмъ: все свалено въ шкафахъ въ кучу. Хочу хоть одинъ шкафъ очистить и собрать въ немъ тѣ книги, которыя всего необходимѣе имѣть подъ рукою. Непріятная работа, сильно меня утомившая. Затѣмъ кое-кто приходилъ: Барановскій, дядя Маркъ Любощинскій, Глѣбовъ.

— 2. Четвергъ. Иногда мысль должна быть обставлена иглами, чтобы она отбивала охоту нападать на нее.

— 3. Пятница. Гриппъ проходитъ. Гулялъ передъ обѣдомъ около часа, но за работою голова опять сильно отяжелѣла.

Что ты не очень умный человѣкъ, я узнаю это изъ того, что ты считаешь себя очень умнымъ.

— 6. Понедѣльникъ. Никогда, кажется, въ Петербургѣ не совершалось столько безпорядковъ, какъ нынѣ, въ управленіе гуманнѣйшаго генералъ-губернатора Суворова. Воровство дневное и ночное, разбой, пьянство. Пьяные бродятъ по улицамъ, валяются гдѣ попало и часто даже въ такомъ видѣ умираютъ. Между пьяными встрѣчаются мальчики лѣтъ пятнадцати-шестнадцати. А сегодня извозчикъ разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ недавно четырехлѣтняго ребенка, опоеннаго своими родите-

лями. На улицахъ всевозможные безпорядки: скорая ѣзда, сломя голову, вслѣдствіе которой безпрестанно случаются несчастія, стаи собакъ, какъ въ Константинополѣ и проч., и проч. Полиція распущена и обезсилена, или ничего не дѣлаетъ, или никто ее не слушается. Не разъ случалось видѣть, какъ извозчикъ или какой-нибудь мужикъ барахтается и отпихивается отъ городоваго, который за какое-нибудь безчинство хочетъ вести его въ часть. Воровъ, которые уже раза по три сидѣли за воровство въ тюрьмахъ, по приказанію генералъ-губернатора отпускаютъ немедленно, хотя-бы они были пойманы съ поличнымъ. Недавно И. И. Д. самъ слышалъ отъ городоваго и другихъ полицейскихъ служителей, что воровъ и поджигателей не стоитъ и ловить, потому что начальство ихъ выпускаетъ. Одни и тѣ-же лица по нѣсколько разъ попадаются въ однихъ и тѣхъ-же преступленіяхъ—и это на самомъ короткомъ разстояніи времени. Полиціймейстеръ Банашъ, мнѣ знакомый, говоритъ, что у него руки опускаются что-нибудь дѣлать, потому что генералъ-губернаторъ явно поддерживаетъ воровъ и мошенниковъ, разумѣется, изъ гуманныхъ видовъ. Вотъ какъ у насъ передѣлываютъ и примѣняютъ на свой ладъ высокіе европейскіе принципы.

— 7. Вторникъ. Для человѣка мужественнаго и съ характеромъ нѣтъ въ жизни эпохи, когда-бы онъ могъ сказать: теперь я уже ничего не могу дѣлать.

Одна изъ самыхъ трудныхъ для меня вещей—это сражаться съ иными антипатіями, съ внутреннимъ нерасположеніемъ къ тому или другому дѣлу. Однако, надо не только сражаться съ этимъ, но и побѣждать это.

Отвезъ письмо къ Срезневскому объ увольненіи меня изъ университета, такъ какъ 17-го числа нынѣшняго мѣсяца оканчивается мое пятилѣтіе. У Срезневскаго просидѣлъ часа два. Не знаю, искренно или нѣтъ, но онъ очень жалѣлъ, что я выхожу изъ университета. Впрочемъ, я не знаю, почему-бы ему не быть искреннимъ въ настоящемъ случаѣ. Я видѣлся также съ ректоромъ по тому-же поводу: тѣ же сожалѣнія.

— 8. Среда. Не ѣздилъ уже въ университетъ. Не стоитъ начинать новый семестръ.

— 9. Четвергъ. Правительству въ извѣстныхъ обстоятель-

ствахъ бываютъ нужны цѣпныя . . . . . (М., К.) Оно и спускаетъ ихъ съ цѣпи, а потомъ не знаетъ, какъ ихъ унять. Сегодня въ засѣданіи совѣта по дѣламъ печати, между прочимъ, была доложена ругательнѣйшая статья „Московскихъ Вѣдомостей" на Петербургъ. Я при этомъ случаѣ сказалъ, что о Катковѣ совѣтъ ничего не можетъ постановлять: пусть министръ вѣдается съ нимъ какъ считаетъ за удобнѣйшее, а совѣтъ былъ-бы только смѣшонъ, выслушивая и безплодно занося въ свои протоколы то, противъ чего онъ возстаетъ, но чего остановить не въ силахъ. Предсѣдатель объявилъ, что министръ, дѣйствительно, сдѣлалъ свое распоряженіе. Ну и ладно! Хотя я увѣренъ, что это вздоръ и что изъ этого ничего не выйдетъ.

Сегодня я долго разговаривалъ съ товарищемъ министра, и онъ, между прочимъ, сказалъ, что милютинская партія начинаетъ сильно рости.

— 10. Пятница. Бѣда намъ съ нашими доморощенными доктринерами. Россія могла-бы легко еще, по крайней-мѣрѣ теперь обойтись безъ примѣненія этихъ ученій, которыя на западѣ выдвинуты исторіей. Намъ не нужно преобладанія ни аристократовъ, ни демократовъ. Намъ нужно одно: расширять и усиливать права класса образованнаго, не держась никакихъ сословныхъ принциповъ. Но мы искусственно и насильственно возбуждаемъ антагонизмъ сословій, и, гладя по головѣ и возвышая грубую полуварварскую массу, не видимъ какое опасное и дикое господство въ ней приготовляемъ. Не слѣдуетъ-ли прежде позаботиться о воспитаніи этой массы—воспитаніи, которое, умѣривъ ея дикіе инстинкты, сдѣлало бы ее способною ко всему тому, что теперь ей навязываютъ, не имѣя никакого обезпеченія, что она это не употребитъ во зло? Мнѣ кажется, что господство у насъ массы можетъ отозваться только великою бѣдою для Россіи.

— 12. Воскресенье. Подписался на „Голосъ".

На-дняхъ разнесся слухъ, что Герценъ умеръ, а теперь говорятъ, что это ложь. Умеръ-ли, живъ-ли онъ, впрочемъ, теперь, на мой взглядъ, рѣшительно все равно для Россіи. Врядъ-ли отнынѣ отъ него можетъ быть для нея польза или вредъ. Съ польскаго возстанія онъ такъ упалъ въ общественномъ мнѣніи, что о его существованіи можно почти и позабыть.

— 13. **Понедѣльникъ.** Отдалъ мою статью „Молодое поколѣніе“ для напечатанія редактору “Сѣверной Почты“.

— 15. **Среда.** Природа сильно мститъ за обиды, наносимыя ей или неразуміемъ нашимъ, или страстями. Но что всего хуже: она мститъ дѣтямъ за проступки отцовъ.

„Взбаломученное море“ Писемскаго—это море безвкусія, въ немъ-же нѣсть числа гадовъ.

Герценъ, говорятъ, не умеръ, но здравствуетъ и благоденствуетъ. Будь онъ дѣйствительно полезный человѣкъ и живи въ своемъ отечествѣ, онъ былъ-бы давно тѣмъ или другимъ способомъ затертъ, а то и совсѣмъ пропалъ-бы.

Вывѣской честнаго человѣка служатъ: бѣдность и ограниченный кругъ дѣйствій.

— 16. **Четвергъ.** Жизнь—тревога; моя—архитревога. Былъ-ли въ жизни моей случай, которому бы я имѣлъ право серьезно порадоваться, который бы, сначала, повидимому, благопріятствуя мнѣ, не обратился потомъ въ горе, или по крайней-мѣрѣ, не умалилъ бы значительной части своего благопріятства. Жаловаться на это, конечно, и глупо, и малодушно. Это значило-бы жаловаться на самого себя, потому что человѣкъ въ большей части своихъ неудачъ и несчастій виноватъ самъ. Я и не жалуюсь, а только, бесѣдуя съ самимъ собою, говорю о фактѣ...

У насъ въ гимназіяхъ прескверно учатъ (1864 г.). Всего больше хотятъ взять не **качествомъ** ученія, а **количествомъ**. Въ низшихъ классахъ, напримѣръ, въ головы десяти и двѣнадцатилѣтнихъ мальчиковъ ежедневно вкачиваютъ по пяти предметовъ, и, какъ каждый учитель заботится о томъ, чтобы пройти больше, а не о томъ, чтобы пройти лучше, то дѣти ходятъ отуманенные словами безъ настоящаго уразумѣнія ихъ смысла и не въ состояніи ничего порядочнаго себѣ усвоить.

— 17. **Пятница.** Надняхъ встрѣтилъ Тургенева, недавно пріѣхавшаго сюда изъ Парижа по вызову правительства для очной ставки съ нѣкоторыми заключенными въ крѣпости. Тургеневъ долго не ѣхалъ, ссылаясь то на свою болѣзнь, то на болѣзнь своей дочери. Главная же причина была въ опасеніяхъ, чтобы его какъ нибудь не сопричислили къ бунтовщикамъ. Сенаторъ **Пинскій**, наконецъ, написалъ ему, что его присутствіе здѣсь необходимо для рѣшенія дѣла и что ему совершенно не-

чего опасаться: онъ дастъ только два, три показанія—и все. Такъ, дѣйствительно, и было. Мнѣ Тургеневъ сказалъ, что послѣ двухъ призывовъ въ Сенатъ ему объявили, что онъ теперь можетъ отправляться куда угодно.

— 18. Суббота. Факультетъ изъявилъ желаніе, чтобы я остался, по крайней мѣрѣ, на этотъ академическій годъ въ университетѣ, и просилъ меня продолжать лекціи. Объ этомъ пойдетъ представленіе къ министру.

Вечеръ у Клеванова. Тамъ были, между прочимъ, одинъ рязанскій помѣщикъ и одинъ тамошній же посредникъ. Послѣдній очень порядочный и образованный молодой человѣкъ. Онъ учился въ московскомъ университетѣ. Разговоръ касался преимущественно нашихъ нынѣшнихъ финансовыхъ затрудненій, отъ которыхъ сильно терпитъ провинція. Денегъ нигдѣ нѣтъ; сбыта сельскихъ продуктовъ также нѣтъ. Цѣны на хлѣбъ такъ низки, что его не стоитъ сбывать, и т. д.

— 20. Понедѣльникъ. Совершенная оттепель, дождь.

Умеръ 19-го числа А. В. Дружининъ, который уже давно былъ боленъ чахоткой.

— 21. Вторникъ Распутица продолжается.

Засѣданіе въ совѣтѣ попечителя. Пренія о разныхъ спеціальныхъ вопросахъ гимназической администраціи. Я въ нихъ не участвовалъ.

Любопытно въ этомъ засѣданіи было только то, что начинаютъ чувствовать необходимость въ возстановленіи Педагогическаго института. Хотя теперь по спб. округу существуетъ болѣе двадцати человѣкъ готовящихся къ учительскому званію, но никто ими не занимается. Руководители ихъ—университетскіе профессора, которые для того получаютъ дополнительное жалованье. Но они даже въ глаза не видали никого изъ этихъ молодыхъ людей, а тѣ, ничѣмъ незанятые, находятъ для себя очень пріятною эту милую праздность на иждивеніи правительства. Когда одного изъ нихъ спросили, подъ чьимъ руководствомъ онъ занимается? Онъ отвѣчалъ: подъ руководствомъ профессора Куторги. А Куторги и въ Петербургѣ съ мая мѣсяца совсѣмъ нѣтъ. Удивительно, какъ мы, русскіе люди, равнодушны ко всякому общественному дѣлу и какъ насъ нужно принуждать что- нибудь дѣлать.

— 22. Среда. По желанію факультета я продолжаю лекціи въ университетѣ.

У Марка Николаевича Любощинскаго сгорѣлъ новый домъ въ его витебскомъ имѣніи Лосведо—и сгорѣлъ до тла. Не крестьяне-ли это пошаливаютъ? При нынѣшнихъ обстоятельствахъ не мудрено, если демократическая дикость у насъ такъ разгуливается. И въ Петербургѣ безнаказанность производитъ много печальныхъ явленій.

— 24. Пятница. Статья моя „Молодое поколѣніе" напечатана въ № 20 „Сѣверной Почты".

Итакъ, война началась съ Даніей. Едва-ли она сдѣлаетъ честь Германіи. Это война слона противъ мыши.

— 25. Суббота. Засѣданіе въ факультетѣ. Сегодня состоялся выборъ въ доценты Астафьева, Бауера и Люгибеля. Избраны единогласно. Потомъ я прочелъ мое предложеніе объ избраніи въ почетные члены доктора Сидонскаго. Записка моя возбудила такое громкое одобреніе, что въ факультетѣ положено изъявить мнѣ благодарность. Раздались такія выраженія: что это мастерское изложеніе, что это не только вѣрная, но и художественная характеристика. Вотъ не ожидалъ! Посмотримъ, что скажетъ совѣтъ.

Въ засѣданіи былъ и Куторга, который недавно пріѣхалъ. Онъ рѣшился подвергнуться баллотировкѣ.

Признаюсь, грустно мнѣ оставить университетъ! Большая и лучшая часть моей жизни посвящена была ему. Но, можетъ быть, я, дѣйствительно, не въ состояніи буду дальше приносить той пользы слушателямъ, какую можетъ принести имъ новое лицо со свѣжими силами? Настоящее мое значеніе въ нашей университетской наукѣ было нравственно-философское, а теперь требуютъ преимущественно фактовъ. Фактами по русской словесности и я, конечно, могу быть не бѣденъ. Но мнѣ не достаетъ возможности сравнительнаго способа, по незнанію моему иностранныхъ языковъ. Вотъ гдѣ настоящій для меня камень преткновенія. Я чувствую мои силы въ философской и эстетической сферѣ; знаю, что мои слушатели могутъ получить отъ меня, можетъ быть, вѣрныя основныя начала, могутъ развиться подъ моимъ руководствомъ въ высшихъ соображеніяхъ по литературѣ и особенно утвердиться въ сочувствіи къ вели-

кимъ истинамъ науки и жизни, потому что я самъ этимъ глубоко проникнутъ, имѣю для подобнаго руководства достаточный запасъ опытности, пожалуй, и способностей. Но этого недостаточно при нынѣшнихъ требованiяхъ науки. На это было время, и я могу безъ всякаго глупаго жеманства и мелочнаго самолюбiя по совѣсти сказать, что тогда приносилъ и принесъ свою долю пользы. На этомъ я и долженъ успокоиться. Истинно честный дѣятель не только честно служитъ своему дѣлу, но еще и умѣетъ, ради пользы этого любимаго своего дѣла, своевременно и добровольно отъ него отказаться и передать его въ болѣе сильныя руки.

Все это взвѣсивъ и искренно разобравшись въ самомъ себѣ, я окончательно отказываюсь отъ баллотировки для выбора меня на новое пятилѣтiе, даже если-бъ я былъ увѣренъ въ большинствѣ голосовъ за меня моихъ товарищей, чего, конечно, нѣтъ: почему?—не берусь рѣшать. Впрочемъ, теперь это для меня уже второстепенный вопросъ.

— 26. Воскресенье. Если вамъ случилось оказать мнѣ услугу, то не дерите-же съ меня процентовъ сто на сто, какъ какой-нибудь жидъ-ростовщикъ! Вотъ, напримѣръ, господинъ Катковъ сдѣлалъ нѣчто хорошее своей газетой и теперь считаетъ, что онъ купилъ этимъ право дѣлать всевозможныя гадости. Съ неслыханною дерзостью онъ всякаго несогласнаго или хоть сколько нибудь расходящагося съ его мнѣнiемъ клеймитъ названiемъ измѣнника, врага отечества, невѣжды и пр., и пр. Но вѣдь это значитъ имѣть слабую голову, чтобы такъ скоро опьянѣть отъ успѣха и надуться такимъ непомѣрнымъ количествомъ спѣси и самохвальства.

Утромъ у Левотовой. Она предложила мнѣ быть членомъ учреждающагося „Общества женскаго труда“. Я согласился не прежде, однако, какъ разсмотрѣвъ проектъ устава, который тутъ-же и былъ данъ мнѣ.

Не порывайтесь казацкой удалью овладѣть истиною въ укрѣпленiяхъ, доступныхъ только натиску тяжелыхъ и побѣдоносныхъ орудiй артиллерiи науки.

То выраженiе особенно хорошо, которое, съ точностью передавая опредѣленную мысль, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ вамъ чувствовать и отношенiе ея къ другимъ мыслямъ, болѣе или менѣе

къ ней близкимъ или отдаленнымъ, но которыя не входятъ непосредственно въ цѣпь излагаемыхъ вами понятій.

— 27. Понедѣльникъ. Записка моя о Сидонскомъ была читана въ совѣтѣ университета. Я никакъ не ожидалъ такого блистательнаго успѣха: онъ былъ избранъ двадцатью тремя голосами противъ трехъ. Многіе изъ членовъ совѣта мнѣ лично выразили самыя любезныя привѣтствія по поводу моего изложенія и пр. Я, мимо ѣдучи изъ совѣта, заѣхалъ къ Сидонскому поздравить его. Старикъ былъ очень доволенъ.

Въ доценты гражданскаго права избранъ Вицынъ. Варадиновъ выбирался въ профессора и получилъ хорошіе баллы: семнадцать противъ десяти. Но Вицынъ былъ избранъ двадцатью четырьмя противъ двухъ.

Бѣдный Куторга (Михаилъ) потерпѣлъ пораженіе. Нужно было двѣ трети голосовъ, чтобы избрать его на пятилѣтіе: ему недодано было двухъ. Люгибель и Бауеръ избраны въ доценты.

— 29. Среда. Какая-то сплетня была причиною, что Куторга не выбранъ. Кто-то распространилъ между членами совѣта мнѣніе, что Куторга не будетъ читать лекціи, о чемъ будто-бы онъ объявилъ въ факультетскомъ собраніи въ субботу. Тамъ, правда, была рѣчь о нечтеніи лекцій, но только до того дня когда рѣшится вопросъ объ его избраніи. Словомъ, сплетня—и такъ-то рѣшаются у насъ дѣла. Теперь нѣкоторые изъ членовъ совѣта и говорятъ, что, вѣроятно, законное большинство осталось-бы за Куторгою—если-бы то и то. Все ложь и пустяки. Приходится только повторять старые стихи Карамзина изъ Экклезіаста:

„Не судитъ ни о комъ разсудокъ безпристрастный,
„Лишь страсти говорятъ...

— 30. Четвергъ. Засѣданіе въ Академіи—ничего; въ факультетѣ—дѣло о Куторгѣ. Положено просить о томъ, чтобы его сдѣлали почетнымъ членомъ университета и оставили еще хоть на нѣсколько времени преподавателемъ исторіи за неимѣніемъ для этого предмета надлежащаго опытнаго лица. Остался одинъ начинающій доцентъ Бауеръ.

Февраль.—Суббота. Кажется, слѣдующее опредѣленіе человѣка будетъ довольно вѣрно: человѣкъ есть существо физическое, разумное и гадящее своему ближнему.

Какой злой духъ надоумилъ Пирогова оставить науку, гдѣ онъ завоевалъ себѣ такое прекрасное мѣсто, и прилѣпиться къ отверженному племени бюрократовъ, гдѣ онъ едва можетъ пріобрѣсти посредственное значеніе и принести весьма мало существенной пользы!

— 2. Воскресенье. Подражательность и воспріимчивость составляютъ два различные и послѣдовательные фазиса въ исторіи нашего умственнаго развитія. Сначала, съ легкой руки Петра Великаго, мы подражали, т. е. становились передъ предметами, заносимыми къ намъ съ запада, и, какъ неподвижное зеркало, механически или, если угодно, оптически отражали ихъ въ себѣ безъ малѣйшаго принятія ихъ внутрь, безъ всякаго измѣненія, кромѣ того, что предметъ былъ существенъ, а отраженіе призрачно. Съ теченіемъ времени до нѣкоторой степени начали мы не только отражать, но и усвоивать себѣ чужія понятія, воспринимать ихъ внутрь, но не перерабатывая, не анализируя, оставляя ихъ почти такими, какими они приняты, и въ этомъ видѣ мы стремимся распространять ихъ, не заботясь о томъ, должны-ли они быть распространяемы и могутъ-ли они ужиться въ нашемъ русскомъ мірѣ. Въ обоихъ случаяхъ немного самостоятельности, но во второмъ, конечно, больше движенія, больше жизни. Видно, что мы стараемся напитать себи принятымъ матеріаломъ. Но такъ какъ мы не думаемъ ни о доброкачественности принятой пищи, ни о томъ, въ какой мѣрѣ она свойственна нашему организму и нашему возрасту, то нерѣдко пища эта производитъ въ насъ тошноту и вмѣсто того, чтобы дѣйствительно насъ питать, она намъ вредитъ и отравляетъ насъ. Мы похожи на богача, который вмѣсто того, чтобы употреблять свой капиталъ на удобреніе и обработку своей собственной земли или на заведеніе у себя для собственнаго потребленія полезныхъ фабрикъ, тратитъ этотъ капиталъ на добываніе изъ чужихъ рукъ того, что ему нужно и что не нужно, и такимъ образомъ, непроизводительно проматываетъ свое достояніе. Немудрено, что послѣ перваго удовлетворенія своимъ нуждамъ и прихотямъ, мы раззоряемся и становимся нищими.

Годичное собраніе въ „Обществѣ пособія нуждающимся литераторамъ“. Была прочитана небольшая статья Тургенева въ

память Дружинина. Избранъ президентомъ баронъ М. А. Корфъ.

Я предложилъ старшую пенсію, выдаваемую Обществомъ, назвать въ память Дружинина — дружининскою. Всѣ единогласно одобрили это и согласились.

А нѣкоторые изъ членовъ явились, чтобы насолить Корфу, снабдивъ его отрицательными голосами. Но это не удалось.

Тутъ я побесѣдовалъ съ княземъ Щербатовымъ, Тургеневымъ, Некрасовымъ и проч. Въ пять часовъ мы сошлись на тризну по Дружининѣ въ Hôtel de France. Тутъ были кромѣ меня: Тургеневъ, Анненковъ, Гончаровъ, Ковалевскій (Егоръ), Григоровичъ, Гаевскій, Боткинъ и братъ Дружинина. Послѣдній очень благодарилъ меня за поданную въ Обществѣ мысль о дружининской пенсіи. Обѣдъ былъ роскошный, но бесѣда за обѣдомъ совершенно пустая. Къ концу обѣда собесѣдники ударились даже въ разные скандальные разговоры. Неужели наши передовые умы не умѣютъ найти лучшихъ предметовъ для дружеской бесѣды?

— 3. Понедѣльникъ. Что такое, наконецъ, это волнующееся общество и что изъ него должно выйти?

Всякій непремѣнно хочетъ составить около себя особый кружокъ, чтобы первенствовать въ немъ.

Все надо сводить къ одному центру—къ самоукрѣпленію, къ самоусовершенствованію, къ самообладанію.

— 6. Четвергъ. Вьюга. То, что человѣкъ самъ собою и для себя, дѣлаетъ, ровно ничего не значитъ. Тутъ онъ наравнѣ со всякимъ животнымъ: онъ ѣстъ, пьетъ, плодится, заботится о свемъ благосостояніи, наслаждается болѣе или менѣе, страдаетъ и умираетъ. Важно только то, что онъ вноситъ въ общую сокровищницу человѣческаго развитія и образованія, чѣмъ онъ содѣйствуетъ построенію общаго зданія человѣчности.

Вотъ такъ мнѣ достанется и умереть, не только не выполнивъ моей задачи, занимавшей меня со дней отрочества, но и никакой. Главный недостатокъ и бѣдствіе моего существованія въ томъ, что я задалъ себѣ задачу слишкомъ большихъ размѣровъ. Я не съумѣлъ остановиться на одномъ предметѣ, я не съумѣлъ быть спеціальнымъ. Каждый отдѣльный предметъ казался мнѣ слишкомъ ничтожнымъ, чтобы я могъ всего себя

ему обречь. Цѣлое, общее, человѣческое—вотъ что меня занимало, что влекло меня къ себѣ. Правда, я не пренебрегалъ ни однимъ, сколько нибудь важнымъ, предметомъ, но я не хотѣлъ заняться имъ исключительно. Правда, во всѣхъ моихъ стремленіяхъ проглядывала наклонность къ политической дѣятельности; но какъ у насъ она была невозможна, то я ничего и не достигалъ и не могъ достигнуть въ этой сферѣ. И вотъ каждая крыса изъ спеціалистовъ, грызущая свой лоскутикъ полусгнившаго, стараго пергамента или засушенный стебель какого-нибудь растенія, можетъ съ гордостью встать передо мною и спросить: „Вотъ ты мыслитель и краснорѣчивый вѣщатель, а ничего не сдѣлалъ. Посмотри, вотъ я сколько нагрызъ сору—какъ ты это называешь, но этотъ соръ пойдетъ хоть на замазку чего-нибудь, а ты и самъ-то врядъ-ли на нее годишься“.

Управлять людьми самое скучное и неблагодарное ремесло, и одни только сентиментальные мечтатели или рьяные честолюбцы способны добровольно обречь ему себя на жертву. Если вы не чувствуете призванія ни быть жертвою, ни дѣлать другихъ жертвами, то заботьтесь единственно о первомъ, а другихъ людей оставьте быть тѣмъ, чѣмъ они хотятъ и могутъ сдѣлаться.

Засѣданіе въ совѣтѣ по дѣламъ печати. Пржецлавскій читалъ свою записку о сильномъ распространеніи у насъ матеріализма и полагалъ, что достаточно выбрать хорошихъ цензоровъ, чтобы остановить этотъ пагубный потокъ. Я испросилъ у предсѣдателя разрѣшенія говорить. Прежде всего я похвалилъ записку г-на Пржецлавскаго, назвавъ ее трактатомъ, что, однако, кажется, не понравилось ея сочинителю, который видитъ въ ней оффиціальный документъ. Потомъ я обратился къ вопросу: какія же мѣры думаетъ авторъ принять противъ этого зла, ибо нельзя же серьезно думать, чтобы выборъ нѣсколькихъ хорошихъ цензоровъ былъ достаточною для этого мѣрою? Да и самый этотъ выборъ вещь не легкая. Матеріалистическое настроеніе есть настроеніе времени. Оно не только врывается въ печать, оно сидитъ на каѳедрахъ университетскихъ, проникаетъ въ воспитаніе. Естественная наука овладѣла духомъ времени и вмѣстѣ съ утилитарнымъ направленіемъ образуетъ нравы нашего времени. Если это зло, то противъ него надо ополчиться силами

равными. Сюда надо призвать на помощь ужъ, конечно, не одну полицію, т. е. цензуру, а все, что есть лучшаго въ вѣрованіяхъ человѣческихъ, въ разумѣ, въ воспитаніи. Но какъ это сдѣлать? Въ заключеніе я показалъ, что записка г. Пржецлавскаго есть весьма почтенный трактатъ, но не ведущій ни къ какимъ практическимъ результатамъ въ административномъ отношеніи. Въ такомъ же духѣ оспаривали Пржецлавскаго председатель, Гончаровъ и Туруновъ. Прочіе молчали. Авторъ записки защищался съ своимъ обычнымъ неумѣніемъ. Чтобы, однако, нѣсколько его утѣшить, да и не оставить безъ вниманія такого важнаго дѣла, какъ матеріализмъ, председатель предложилъ отправить записку въ спб. цензурный комитетъ для прочтенія. Тѣмъ и кончилось длинное преніе.

Въ „Днѣ“ учинены сильные нападки на управленіе въ Кіевѣ. Въ томъ краѣ готовятся ужасы по милости неспособности и крайней слабости нашей тамошней администраціи. Совѣтъ не призналъ нужнымъ принять какую-нибудь мѣру противъ „Дня“. А. Г. Тройницкій, между прочимъ, сказалъ, что все излагаемое въ „Днѣ“, къ сожалѣнію, совершенно справедливо. Это ему, какъ товарищу министра, очень хорошо извѣстно.

Есть-ли у насъ патріотизмъ? Въ такъ называемомъ образованномъ классѣ его нѣтъ.

— 7. Пятница. Обѣдъ у Григорія Васильевича Дружинина, брата умершаго недавно Александра Васильевича. Обѣдъ черезчуръ роскошный. Я пробылъ часовъ до девяти вечера въ бесѣдѣ съ нѣкоторыми литераторами: Тургеневымъ, Гончаровымъ, Анненковымъ, Григоровичемъ и пр. Интересенъ былъ особенно Тургеневъ. Онъ разсказывалъ много любопытнаго о сношеніяхъ своихъ съ заграничными писателями, между прочимъ съ Диккенсомъ.

Вообще разговоръ за нынѣшнимъ обѣдомъ и послѣ обѣда былъ и занимательнѣе, и приличнѣе. Можетъ быть, оттого, что съ нами были неразлучны дамы—старушка мать Дружинина и жена его. Да и дѣти тутъ безпрестанно вертѣлись.

Тургеневъ держитъ себя, какъ настоящій джентльменъ. Онъ пріятенъ безъ усилій, простъ и благороденъ. Съ нимъ пріятно быть и говорить.

— 9. Воскресенье. Я говорю: какое право имѣетъ общество

(клубъ), избирая кого-либо въ свои члены, контролировать его убѣжденія? Оно не можетъ и не должно принять безчестнаго человѣка—на это оно имѣетъ право, но на большее не должно претендовать. Есть двѣ нравственности у человѣка: нравственность общественная и нравственность совѣсти. Пусть общество осуждаетъ поступки, противные первой—но опять-таки не на основаніи страстныхъ партійныхъ порывовъ, а на твердыхъ основахъ безпристрастныхъ законовъ чести. Но кто судьи вторыхъ? Богъ и развѣ.... третье отдѣленіе.

— 10. Понедѣльникъ. Въ субботу 8-го умеръ Востоковъ, на восемьдесятъ третьемъ году жизни.

Да и президентъ нашъ, графъ Блудовъ, тоже плохъ. Онъ, кажется, тѣхъ-же лѣтъ. Я вчера заходилъ справиться о его здоровьѣ. Мнѣ сказали, что ему стало хуже.

— 11. Вторникъ. Смерть собственно не есть зло—она ничего. Зло—умираніе и предумираніе.

Медики утверждаютъ, что каждая эпоха, кромѣ общихъ обыкновенныхъ недуговъ, имѣетъ еще свои собственные, проистекающіе изъ обстоятельствъ времени. Таковы нынѣ нервныя болѣзни и размягченіе мозга. Любопытно было-бы изслѣдовать психологическія причины этихъ болѣзней, сдѣлавшихся нынѣ столь обыкновенными. Мнѣ кажется, это есть слѣдствіе—по крайней мѣрѣ отчасти, плохо перевареннаго образованія и происходящаго отсюда страшнаго усиленія честолюбія, которое напрягаетъ душевныя силы каждаго въ замыслахъ и предпріятіяхъ, выходящихъ изъ предѣловъ его силъ и возможности. Въ самомъ дѣлѣ, кто нынѣ не честолюбивъ? Кто не желаетъ отличиться, обратить на себя общее вниманіе, сдѣлаться популярнымъ? Стремленіе къ популярности уже само по себѣ является болѣзнью нашего времени. Желаніе пріобрѣсти ее напрягаетъ мозгъ свыше мѣры, а отсюда и до размягченія мозга недалеко.

Самое важное въ Востоковѣ—пожалуй, даже важнѣе его науки—это то, что онъ былъ истинно честный человѣкъ.

— 12. Среда. Похороны Востокова. Изъ Петропавловской лютеранской церкви мы проводили его на Волково кладбище, гдѣ намъ предложенъ былъ завтракъ, до котораго я, впрочемъ, не дотронулся. Изъ церкви гробъ вынесли и поставили на дроги мы, академики. Провожавшихъ до могилы было довольно много. На

могилѣ Срезневскій сказалъ коротенькую, но весьма приличную рѣчь въ честь покойнаго, который, дѣйствительно, былъ одинъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ и одинъ изъ честнѣйшихъ людей. Я, правду сказать, не питаю очень большой вѣры въ такъ называемую славянскую науку, но Востокова нельзя было не цѣнить, не уважать, не любить за его сердце. За завтракомъ сказано было еще маленькое слово Билярскимъ. Борисъ Ѳедоровъ, бывшій членъ бывшей Россійской академіи, прочиталъ старые стихи Востокова въ доказательство, что онъ былъ не только ученый, но и поэтъ. Вдругъ изъ среды провожавшихъ исторгся редакторъ одного педагогическаго журнала „Учитель" и съ достаточною яростью произнесъ нѣсколько словъ въ укоризну чиновникамъ и литераторамъ, изъ которыхъ никто не захотѣлъ отдать послѣдней почести знаменитому ученому. Это и правда.

— 13. Четвергъ. Зэсѣданіе въ факультетѣ. Окончательный экзаменъ на магистра Янсону, который во всѣхъ предметахъ оказалъ превосходныя знанія и умѣніе излагать. Главный его предметъ—политическая экономія.

— 15. Суббота. Засѣданіе въ Академіи. Читаны были записки покойнаго Востокова. Ихъ не много. Онѣ заключаютъ въ себѣ только дѣтство академика и его воспитаніе сперва въ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ въ Академіи художествъ. Записки эти очень любопытны и отличаются тою искренностью и простотою, какія вообще были свойственны характеру этого почтеннаго и благороднаго академика. Срезневскій, по своему обыкновенію, какъ пѣвчая птичка разливался въ преувеличеніяхъ объ ученыхъ достоинствахъ Востокова. По его словамъ, Востоковъ не уступаетъ Гумбольдту, Ньютону; онъ нашъ Яковъ Гриммъ и пр. Востоковъ былъ, неоспоримо, очень достойный ученый и достойнѣйшій человѣкъ. Но зачѣмъ-же стулья-то ломать? Похвалы черезъ край всегда только вредятъ дѣлу. Тутъ, между прочимъ, досталось всѣмъ, кто не былъ на похоронахъ. Дѣйствительно, странно было-бы, что для отданія послѣдняго долга знаменитому ученому не явился ни одинъ литераторъ, если-бы мы не знали, что наши литераторы не только не учены, но и невѣжды. Гораздо страннѣе, что московскій университетъ не отвѣчалъ на посланную ему телеграмму о смерти Востокова. Харьковскій отвѣчалъ очень любезно.

— 16. Воскресенье. Спектакль въ театрѣ Пассажа. Здѣшніе малороссіяне рѣшились сыграть на своемъ языкѣ двѣ пьесы Основьяненко „Щыра любовъ“ и „Сватанне на Гончаривцѣ“. Игра была очень недурна, особенно отличилась г-жа Гудима-Левковичъ. Она прекрасно изобразила малороссійскую влюбленную дивчину. Все въ ней: манеры, произношеніе, игра ея пріятной, умной и одушевленной физіономіи—все было чисто народное. И при всемъ этомъ въ игрѣ ея не было недостатка и въ художественной отдѣлкѣ. Другая дѣвица Квитченко тоже весьма недурно сыграла ея подругу. Жаль только, что пьеса „Щыра любовъ“ плоховата: въ ней пропасть несообразностей и перехитренная сентиментальность, какъ вообще у Основьяненко. Театръ былъ довольно полонъ. Спектакль этотъ вообще удался. Онъ былъ данъ въ пользу семействъ, пострадавшихъ отъ войны. Въ антрактахъ нѣкто Майскій говорилъ свои разсказы недурно, хотя самые разсказы довольно пусты.

— 17. Понедѣльникъ. Дрянное расположеніе духа. Во всѣ эти дни одинъ пароксизмъ слѣдуетъ за другимъ.

Зачѣмъ, срѣзая мнѣ на носу бородавку, вы хотите отрѣзать мнѣ и носъ?

Засѣданіе въ совѣтѣ факультета. Сильныя пренія по случаю опредѣленія Куторги преподавателемъ за плату... Отчего это у насъ всякія изъявленія чувства смѣшны? Не оттого-ли, что чувство это фальшиво и натянуто и что ему никто не вѣритъ, начиная съ того самаго, кто его выражаетъ.

— 18. Вторникъ. Я, на мѣстѣ Куторги, никакъ не согласился-бы быть преподавателемъ по найму въ корпораціи, гдѣ я имѣлъ голосъ и теперь не буду его имѣть. Что это—любовь къ наукѣ? Но вѣдь эту любовь можно питать и иначе, кромѣ преподаванія, къ которому Куторга и не показывалъ особенной ревности. Нужды въ деньгахъ онъ не имѣетъ, потому что онъ съ достаткомъ. Развѣ показать университету, что вотъ онъ какъ отлично преподаетъ, а университетъ отвергъ его? Конечно, это-бы самое положительное, но успѣетъ-ли онъ сдѣлать это?

Какъ часто становлюсь я жертвою внутренней неурядицы, недовольства самимъ собою. Во всемъ этомъ огромный недостатокъ мужества и самообладанія.

— 19. Среда. Обѣдалъ у Владимірскаго. За обѣдомъ про-

изошла ссора у Б. съ Д.... Тутъ былъ еще Лохвицкій, съ которымъ я и познакомился. Господинъ не очень привлекательный. Въ немъ непобѣдимая самоувѣренность и духъ нетерпимости. Диктаторскіе приговоры текутъ изъ устъ его рѣкою и, кажется, онъ никому не позволяетъ подняться до высоты его полета.

— 20. Четвергъ. Поутру, приготовляя доклады къ совѣту въ министерствѣ, неожиданно получилъ отъ вице-президента академіи наукъ увѣдомленіе, что я назначенъ дежурнымъ при гробѣ графа Д. Н. Блудова. Итакъ, Блудовъ умеръ. Это уже давно ожидалось. Я немедленно далъ знать Тройницкому, что въ засѣданіи не буду, облекся въ мундиръ и поѣхалъ на квартиру покойнаго. Въ часъ была панихида. Тутъ было видимо-невидимо чиновнаго люда. Былъ Государь съ Государынею и со всѣмъ своимъ семействомъ. Я видѣлъ здѣсь Княжевича, Ковалевскаго, Корфа. Я пробылъ здѣсь до трехъ часовъ. Завтра я опять дежурнымъ. Сегодня по настоящему не мнѣ слѣдовало. Я не знаю кого замѣнилъ, но охотно согласился отдать эту почесть благородному усопшему, котораго я искренно уважалъ.

Графъ Блудовъ умеръ вчера около четырехъ часовъ пополудни. Въ двѣнадцать часовъ онъ еще принималъ какой-то докладъ, а за полчаса до смерти говорилъ о манифестѣ для польскихъ крестьянъ, о Государѣ и собирался одѣться, чтобы, какъ онъ говорилъ, помолиться Богу за Государя. Эти подробности сообщила мнѣ А. А. Воейкова, бывшая неотлучно при немъ съ его дочерью.

— 21. Пятница. Дежурилъ у гроба Блудова. Былъ тамъ въ половинѣ одиннадцатаго, вернулся домой къ тремъ. Панихиду служилъ митрополитъ. Ждали Государя, но на этотъ разъ онъ не пріѣхалъ. Сановниковъ опять великое множество. Сегодня былъ и Валуевъ. Чудо какъ великолѣпенъ въ своей синей по жилету лентѣ!

— 22. Суббота. Въ произведеніяхъ искусства мало того, чтобы не было неправды: надо, чтобы въ нихъ была правда.

Вчера былъ у меня С. и разсказалъ мнѣ, что происходило въ экстренномъ засѣданіи совѣта въ университетѣ въ четвергъ, когда я не могъ тамъ быть. Ректоръ прочиталъ секретное къ нему отношеніе попечителя, который увѣдомляетъ его, что до его свѣдѣнія дошло слѣдующее: въ университетѣ находятся три

поляка, явившіеся туда съ намѣреніемъ подстрекать молодежь къ безпорядкамъ и опять довести университетъ до закрытія. Юношество, дѣйствительно, уже нѣсколько дней какъ снова волнуется и, кажется, рѣшительно предпринимаетъ опять учредить сходки.

На похороны графа Блудова сегодня не поѣду. Хотя я и не особенно усталъ за два прошедшіе дни, но сегодня тамъ предстоитъ много стоянія и суматохи, и я съ утра ощущаю приближеніе сильнѣйшаго пароксизма.

Нынѣшняя естественная наука устремилась со скальпелемъ и микроскопомъ на открытія глубочайшихъ тайнъ творенія. Она, дѣйствительно, дошла до изученія мельчайшихъ подробностей въ составѣ вещей; но дошла-ли она до главнаго—до той силы, которая этимъ подробностямъ даетъ жизнь и движенія? Объяснить эту силу отношеніями нѣтъ никакой возможности, потому что отношенія суть только послѣдствія, а не причина движенія и жизни. Положите камень на камень, травку на травку, нервъ на нервъ, каплю крови на каплю крови, вы ничего тутъ не достигнете, кромѣ мертваго сопребыванія. Чтобы тутъ явились жизнь и движеніе, нужно что-то другое, чего никакъ нельзя разсмотрѣть сквозь микроскопъ или достать скальпелемъ. Нуженъ возбудитель, отъ котораго бы вещи пришли въ движеніе и каждая стала въ извѣстныя отношенія къ другой. Возбужденіе предшествуетъ отношеніямъ, а не отношенія производятъ возбужденіе.

— 23. Воскресенье. Да, Европѣ грозитъ всеобщая нравственно-соціальная революція. Дѣло не въ томъ, чтобы ей противиться, но чтобы по возможности отстранить крайности, въ которыя впадаетъ всякая революція, и сдѣлать ее менѣе пагубною, а болѣе для людей полезною.

Надобно, чтобы горячность не превращалась въ горячку съ бредомъ.

— 24. Понедѣльникъ. Въ университетѣ опять начинаются безпорядки между студентами. Вотъ оно молодое поколѣніе! На какомъ основаніи хочетъ оно первенствовать? Что оно уже сдѣлало такого, чтобы возбудить въ себѣ сочувствіе и довѣріе? Какія надежды оно подаетъ? Вѣдь одно, чѣмъ оно можетъ и чѣмъ должно увѣрить въ своемъ превосходствѣ—это учиться, приго-

товлять изъ себя лучшихъ дѣятелей, чѣмъ предшественники его. А оно, какъ пьяное, стремится—куда? само не знаетъ, кричитъ, замахивается на законъ и порядокъ, науку посылаетъ къ чорту, замѣняя ее газетными статьями и легкимъ поверхностнымъ чтеніемъ.... и это будущность Россіи! Господа, да сдѣлайте-же такъ, чтобы намъ, старикамъ, не стыдно и не страшно было передать ея судьбы изъ нашихъ ослабѣвающихъ въ ваши крѣпкія руки, и мы охотно, съ радостью отдадимъ вамъ должное и признаемъ ваше превосходство.

Вчера услышалъ я отъ Д*, что въ президенты Академіи назначенъ Литке. О немъ извѣстно, что онъ хорошій морякъ, но онъ слыветъ за человѣка неуживчиваго и за большого покровителя своихъ соотечественниковъ нѣмцевъ. Впрочемъ, не будемъ предрѣшать, посмотримъ.

— 25. Вторникъ. Много приходится терпѣть отъ внутренней неурядицы.

Не перестану повторять, какъ одинаково ненавистны мнѣ и экзальтированныя безумныя стремленія нашихъ прогрессистовъ очертя и сломя голову, такъ и оцѣпенѣлость тѣхъ бюрократическихъ холоповъ, которымъ дѣла нѣтъ до общественныхъ улучшеній, лишь-бы они исправно получали свое жалованье, чины, ордена, аренды.

— 26. Среда. Сейчасъ получилъ извѣстіе, что бѣдный мой старинный другъ Викторъ Ивановичъ Барановскій умеръ.

— 27. Четвергъ. Многіе очень хорошо знаютъ науку жизни, но имъ незнакомо искусство жить—и они очень дурно, т. е. несчастливо, живутъ.

Былъ у Барановскаго. Въ отдаленнѣйшей части города, въ Галерной гавани, въ осунувшемся, полуразвалившемся домикѣ, который играетъ роль кожевенной фабрики—мой бѣдный другъ послѣднее время занимался выдѣлкою овчинокъ по какому-то особенному, имъ самимъ изобрѣтенному, способу—въ бѣднѣйшей и неопрятной комнаткѣ лежало на столѣ, покрытое церковнымъ покровомъ, убогое тѣло Виктора Ивановича. Тутъ была какая-то дама очень приличнаго вида и два молодыхъ человѣка. Между ними вертѣлась дѣвочка лѣтъ четырнадцати, очень хорошенькая, но слишкомъ бойкая для этой грустной обстановки. Все вокругъ было въ высшей степени убого и неряшливо. Сынъ

и дочь уѣхали на кладбище, и я не дождался ихъ, хотя пробылъ у тѣла больше часа.

Викторъ Ивановичъ обошелся со смертью чрезвычайно просто, чтобы не сказать фамильярно, не дѣлая изъ нея ничего особеннаго. Онъ какъ будто вовсе не хотѣлъ признать въ ней страшилища, какое обыкновенно дѣлаютъ изъ нея люди. Еще за двѣ недѣли до ея посѣщенія онъ въ какомъ-то предчувствіи говорилъ, что ему скоро придется сдѣлать путешествіе на Смоленское кладбище. За два или за три часа до кончины онъ спросилъ у дочери, въ которомъ часу умерла младшая дочь его лѣтъ десять тому назадъ?—Въ восемь часовъ вечера, отвѣчала спрошенная.—А я такъ вотъ не доживу и до восьми часовъ утра, сказалъ онъ и такъ спокойно, какъ будто дѣло шло о самой обыкновенной вещи. Но, кажется, Викторъ Ивановичъ самъ много виноватъ въ своей смерти—если въ такихъ случаяхъ можно быть виноватымъ. Рядомъ съ его жилищемъ случился пожаръ, и онъ въ одномъ сюртукѣ часа полтора простоялъ на сквозномъ вѣтру въ какомъ-то полуразвалившемся сараѣ. Потомъ онъ и слышать не хотѣлъ о докторѣ, а когда наконецъ, по крайнему настоянію дочери и сына согласился позвать его, было уже поздно: у него въ легкихъ уже начался антоновъ огонь. Ему хотѣли поставить піявки. Пришелъ фельдшеръ.—Зачѣмъ ты? спросилъ онъ у него.—Поставить вамъ піявки.—Поставь ихъ къ своему носу, убирайся!

Утромъ былъ на панихидѣ по графѣ Блудовѣ въ Невскомъ.

— 29. Суббота. Похороны Виктора Ивановича на Смоленскомъ кладбищѣ. Изъ такъ называемыхъ друзей никого, кромѣ меня, не было.

Мартъ.—1. Воскресенье. Проработалъ до двухъ часовъ надъ рѣчью, которую Академія наукъ поручила мнѣ произнести 6-го марта въ общемъ собраніи.

Ѣздилъ къ Глѣбову, отъ котораго узналъ подробности безпорядка бывшаго между студентами Медицинской академіи. Первоначальный поводъ къ этому подала конференція, которая раздѣлена на двѣ партіи. Вслѣдствіе интригъ одной изъ этихъ партій и былъ назначенъ профессоромъ ботаники Мерклинъ, вмѣсто Бекетова и Фаминцына...... Прочія подробности происшествія довольно вѣрно разсказывались въ публикѣ.

— 2. Понедѣльникъ. Совѣтъ въ университетѣ по случаю суда надъ студентами. Осуждены шесть. Трехъ изъ нихъ опредѣлили исключить, остальные приговорены къ меньшимъ наказаніямъ. Что тутъ дѣлать? Какъ вразумить эту неразумную молодежь, которая не хочетъ учиться, а хочетъ управлять? Такъ и пахнетъ фонвизиновскимъ Митрофаномъ: не хочу учиться, а хочу жениться. Главное, чего они добиваются—это сходки, а сходки они тотчасъ превращаютъ въ политическій клубъ.

— 6. Суббота. Засѣданіе въ Академіи наукъ въ присутствіи новаго президента Литке. Онъ открылъ засѣданіе весьма приличною и скромною рѣчью. Потомъ я прочиталъ слово въ память графа Блудова. Успѣхъ былъ огромный. Послѣ засѣданія всѣ руки протянулись ко мнѣ, чтобы пожать мою, всѣ окружили меня съ изъявленіями сочувствія и благодарности. Мнѣ пріятно было видѣть, что мои товарищи заодно со мною поняли и оцѣнили заслуги и качества покойнаго президента. Новый президентъ тоже благодарилъ меня съ большимъ достоинствомъ и тактомъ, несмотря на то, что многое въ рѣчи онъ могъ принять за урокъ себѣ.

— 8. Воскресенье. Недѣли три тому назадъ началъ замѣчать что-то неладное въ глазахъ. Это заставило меня обратиться къ совѣту глазнаго доктора Блессига.... Блессигъ очень пріятный молодой человѣкъ, возбуждающій къ себѣ довѣріе.

Не все то дурно, что старо, не все то хорошо, что ново.

— 9. Понедѣльникъ. Послѣ совѣта университетскаго вечеръ у Литке, гдѣ были всѣ академики и еще много постороннихъ лицъ. Тутъ я, между прочимъ, встрѣтилъ давно не видѣннаго мною Бутовскаго, который нынѣ состоитъ директоромъ департамента мануфактуръ. Нечего сказать, лицо важное. Встрѣтилъ также Б., который извинялся, что не можетъ бывать у меня по пятницамъ по причинѣ засѣданія въ какой-то комиссіи, въ чемъ, конечно, я его извинилъ и проч.

— 12. Четвергъ. Получилъ отъ Устрялова въ подарокъ четвертый томъ его Исторіи Петра Великаго. Богатое изданіе.

Засѣданіе въ Академіи и въ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ послѣднемъ Пржецлавскій читалъ пространную записку о способахъ оградить въ печати личную честь. Много словъ, дѣла очень мало.

— 13. Пятница. Лавровъ учитъ философіи женщинъ, которыя гдѣ-то собираются слушать его лекціи. Сегодня прямо съ его лекціи заѣхала къ намъ милая, умная молодая дѣвушка Е. С. Старынкевичъ. Она сама посмѣивается надъ философіею Лаврова. Вотъ одна изъ его фразъ: „Человѣка составляютъ чувственныя впечатлѣнія и образуемыя изъ нихъ механически понятія; что касается до ума, то это есть только географическое наименованіе". Вотъ какой великій философъ—Петръ Лавровичъ!

Вотъ эти растлѣнные умы! Прежде, чѣмъ научиться мыслить самостоятельно, они дѣлаются апостолами матеріализма, который составляетъ грустное, но далеко не единственное пріобрѣтеніе науки тамъ, гдѣ она живетъ уже давнею и богатою жизнью. У насъ-же что значитъ въ настоящую минуту это философствованіе, какъ не преждевременная похоть, порождающая хилыя, болѣзненныя созданія, способныя только бредить и заниматься сладострастными мечтами, а не строго мыслить и дѣйствовать.

— 14. Суббота. Въ вашихъ либеральныхъ ученіяхъ есть одна нехорошая особенность: это то, что вы не допускаете ничьей свободы мнѣній, кромѣ вашей.

Одинъ журналистъ сказалъ одному знакомому мнѣ лицу въ отвѣтъ на упрекъ ему, что онъ помѣщаетъ въ журналѣ статьи вреднаго направленія:—Какъ вы хотите, чтобы я не печаталъ забористыхъ и скандальныхъ статей? Вѣдь тогда-бы журнала моего никто не выписывалъ.

— 19. Четвергъ. Великолѣпный парадъ въ память взятія Парижа. Говорятъ, что праздникъ этотъ совпадаетъ съ празднованіемъ въ Парижѣ годовщины взятія Севастополя—въ чемъ видятъ не слишкомъ благопріятные признаки нашихъ отношеній съ Франціей. Впрочемъ, пугало всеобщей европейской войны вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ постоянно грозитъ Европѣ. Надо-же этой грозѣ, наконецъ, когда нибудь разразиться.

Говорятъ также, что французское посольство уѣхало на этотъ день въ Москву, чтобы не присутствовать на торжествѣ въ память взятія Парижа.

Выйдя изъ Академіи наукъ въ двѣнадцать часовъ, я попалъ въ самый разгаръ парада. Исаакіевская площадь была залита войсками и я волей неволей долженъ былъ остановиться и смо-

трѣть парадъ. Впрочемъ, я на этотъ разъ не особенно жалѣлъ о потери времени. Зрѣлище было блестящее и не лишенное величія.

— 20. Пятница. Прошедшій вторникъ я выбранъ въ члены „Сельскаго общества".

— 21. Суббота. Многое должно уничтожиться изъ того, что люди принимали за правило и истину. Много должно установиться новаго, хотя-бы только по одному тому, что оно ново. Но не должно отнимать у разума права устраивать вещи съ его участіемъ, такъ какъ то, что дѣлается безъ его участія, не бываетъ ни лучшимъ, ни справедливѣйшимъ.

Я придерживаюсь охранительныхъ началъ—но какихъ? Не тѣхъ, которыя противодѣйствуютъ реформамъ и всякому движенію впередъ, а тѣхъ которыя противодѣйствуютъ насилію и деспотизму, съ какимъ иные хотятъ производить эти реформы. Деспотизмъ одинаково ненавистенъ, дѣйствуетъ-ли онъ по внушенію страсти или теоріи.

Поутру у Д*. познакомился съ книгопродавцемъ Вольфомъ. Мужикъ бойкій и сильно пл . . . . й. На упрекъ мой, зачѣмъ онъ издаетъ такую пустошь, какъ „Заграничный Вѣстникъ", вмѣсто хорошаго и доброкачественнаго періодическаго изданія, которое знакомило-бы насъ съ важнѣйшими явленіями иностранной науки и жизни?—онъ отвѣчалъ, что для этого у насъ не найдется ни литературныхъ дѣятелей, ни читателей. Тутъ онъ произнесъ цѣлую длинную филиппику противъ русскихъ литераторовъ: какъ они мало грамотны, мало свѣдущи и недобросовѣстны. Онъ привелъ нѣсколько тому примѣровъ—и такихъ, которые на самомъ дѣлѣ немного чести дѣлаютъ нашей интеллигенціи. Меня въ краску бросило. Вотъ этотъ книгопродавецъ разсказываетъ всѣ эти мерзости во всеуслышаніе. Онъ разсказываетъ ихъ и за границей, куда часто ѣздитъ. Мудрено-ли, что о насъ составляется такое нелестное для нашего національнаго достоинства мнѣніе. Всему виновато проклятое какъ нибудь и отсутствіе честности.

Былъ у меня Ѳ. И. Тютчевъ. Его назначили членомъ совѣта по дѣламъ печати и онъ хотѣлъ со мною посовѣтоваться на счетъ тамошнихъ дѣлъ. Онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что кн. Горчаковъ сильно совѣтовалъ Государю не дѣлать праздника

по поводу взятія Парижа 19-го марта. Тютчевъ опять думаетъ, что война неизбѣжна.

— 23. Понедѣльникъ. Вчера въ № 66 „Спб. Вѣдомостей“ напечатана моя рѣчь о графѣ Блудовѣ.

Взялъ билеты на входъ въ „Общество сельскихъ хозяевъ“. Внесъ 60 руб.

Главная ошибка новыхъ ученій о радикальныхъ измѣненіяхъ въ общественномъ порядкѣ состоитъ въ томъ, что они хотятъ построить зданіе прежде, чѣмъ успѣлъ заготовиться нужный для того матеріалъ. Матеріалъ—это человѣкъ съ его природою, исторіей, выработанными нравственными и умственными наклонностями и стремленіями. Для предполагаемаго новаго порядка вещей матеріалъ этотъ рѣшительно не годится. Надо чтобы онъ совершенно измѣнился, чтобы дерево стало желѣзомъ, вода камнемъ, или камень водою и т. д. Какая сила можетъ произвести это чудесное измѣненіе? Защитники новыхъ ученій говорятъ, что это измѣненіе совершится, когда установится новый порядокъ вещей и человѣкъ сдѣлается лучшимъ и способнымъ держаться новыхъ общественныхъ началъ. Но вѣдь это значитъ начинать съ конца. Вѣдь въ томъ-то и состоитъ задача, что самое устроеніе общества на новыхъ началахъ предполагаетъ такія условія, какихъ нѣтъ.—Но наука, говорятъ, сдѣлаетъ возможными эти условія. Бокль проповѣдуетъ знаніе, какъ единственное къ тому средство. Ну, такъ отложите-же по крайней мѣрѣ ваши радикальныя реформы до того времени, пока эта подготовка будетъ выполнена. Не начинайте съ послѣдствія, вмѣсто того, чтобы начать съ причины.

Вы хотите основать все на началахъ разумнаго эгоизма, на внѣшнихъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку. Какая нелѣпость! Разумный эгоизмъ состоитъ въ избѣжаніи наказанія. Величайшимъ мудрецомъ по этому ученію будетъ тотъ, кто съумѣетъ подчинить себѣ безъ опасности для себя всѣ чужіе интересы—съумѣетъ всѣхъ сдѣлать орудіями своей воли, своихъ выгодъ. Нѣтъ, говорятъ, это будетъ противно образованному духу, противно внутреннему самодовольству, это будетъ не благо, а зло для насъ самихъ, сдѣлаетъ насъ внутренно несчастными. Почему-же? Вы, значитъ, признаете какого-то внутренняго судью надъ самимъ эгоизмомъ. Выходитъ, что ваша теорія разумнаго

эгоизма есть совершенно мыльный пузырь: она несамостоятельна, она разбивается о какую-то другую силу, о какое-то другое требованіе.

Получилъ очень милую записку отъ графини А. Д. Блудовой съ изъявленіями благодарности за мою рѣчь въ Академіи.

— 24. Вторникъ. Вчера отправлено письмо въ Архангельскъ къ Смольяну о Ломоносовѣ.

Въ первый разъ былъ въ „Сельскомъ обществѣ". Встрѣтилъ много знакомыхъ. Опять комплименты за мою рѣчь. Обѣдъ съ музыкой. Я сидѣлъ между Гончаровымъ и Струговщиковымъ: оба усердно угощали меня, одинъ хересомъ, другой шампанскимъ. Послѣ обѣда открылось засѣданіе. Въ большой залѣ, гдѣ оно происходило, было такъ холодно, что я, боясь простудиться, постыдно предался бѣгству.

— 25. Среда. Я вчера узналъ въ „Сельскомъ обществѣ", что меня избрали въ члены очень хорошо: изъ ста тридцати голосовъ противъ меня было только четыре.

Поутру у графини А. Д. Блудовой. Она говоритъ, что я совершенно понялъ и съ любовью изобразилъ ея покойнаго отца.

Послѣ графа остались записки, которыя она хочетъ печатать, хоть въ извлеченіяхъ, если ихъ по цензурнымъ соображеніямъ нельзя будетъ напечатать цѣликомъ. Записки должны быть очень интересны. А. В. Головнинъ взялся доложить о нихъ Государю.

Разсказъ о дуэли между Шадурскимъ и другимъ какимъ-то офицеромъ. Они поссорились въ трактирѣ изъ-за камелій. Шадурскій убитъ.

— 26. Четвергъ. Рѣчь моя о графѣ Блудовѣ, какъ оказывается, имѣла большой успѣхъ.

— 27. Пятница. На юбилейномъ обѣдѣ генералу Медему, въ честь пятидесятилѣтія его службы. Я приглашенъ былъ участвовать въ этомъ торжествѣ. Юбилей, какъ большинство подобныхъ ему, съ довольно плохимъ обѣдомъ, съ музыкою, съ похвальными, тоже плохими, рѣчами, съ тостами и проч. Рѣчи, которыхъ было безчисленное множество, въ самомъ дѣлѣ не отличались краснорѣчіемъ, вертѣлись на общихъ мѣстахъ и на увѣреніяхъ въ искренности и т. д. Да и произнесены онѣ были не

блистательно. Ко мнѣ подходило нѣсколько генераловъ и спрашивали, не скажу-ли и я чего-нибудь. Я отвѣчалъ, что очень уважаю генерала Медема, но что я служилъ съ нимъ слишкомъ недолго и что для рѣчи у меня нѣтъ матеріала. Послѣ обѣда я тотчасъ уѣхалъ домой.

— 30. Понедѣльникъ. Великая княгиня Елена Павловна пожелала прочесть мою рѣчь о гр. Блудовѣ.

Совѣтъ въ университетѣ. Сильное преніе о Вернадскомъ. Факультетъ не хотѣлъ избрать его въ профессоры финансовъ.

— 31. Вторникъ. Вечеромъ въ собраніи „Общества сельскихъ хозяевъ". Опять встрѣтилъ много знакомыхъ.

Иная статья стòитъ книги, а иная книга не стòитъ статьи.

Апрѣль.—2. Четвергъ. Засѣданіе въ Академіи наукъ, въ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и въ совѣтѣ попечителя. Въ совѣтѣ министерства опять побитъ Пржецлавскій по вопросу объ усиленномъ надзорѣ за нападенія на личности, за каррикатуры и проч. Пржецлавскій желалъ, чтобы для этого даны были опредѣленныя инструкціи цензорамъ.

Норовъ изъявилъ сожалѣніе, что до сихъ поръ не могъ прочесть моей рѣчи о графѣ Блудовѣ и просилъ меня прислать ему экземпляръ. Я не питаю къ нему никакой злобы, хотя вѣра моя въ его добродѣтель, какъ, впрочемъ, и вообще въ человѣческую добродѣтель—сильно подорвана. Все обманъ, ложь и пустота. Но не должно ни удерживать въ себѣ негодованія на ту или другую личность, ни плѣняться ея мнимою добротою.

— 3. Пятница. Цивилизація ведетъ за собою всестороннее и наиполнѣйшее развитіе человѣка, а слѣдовательно и развитіе въ немъ страстей. И потому необходимость сдерживающей, ограничивающей власти духа нигдѣ не ощущается такъ сильно, какъ на высшихъ ступеняхъ цивилизаціи.

Если вы не хотите имѣть враговъ, такъ не старайтесь сдѣлать что-нибудь лучше другихъ.

— 9. Четвергъ. Засѣданіе въ Академіи наукъ и потомъ въ совѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Новое пораженіе Пржецлавскаго по поводу одного его донесенія, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы цензура наблюдала за тономъ выраженій въ полемикѣ журналистовъ между собою, такъ какъ они грубо и пошло ругаютъ другъ друга. Но какъ цензура можетъ учить вкусу и

приличію людей, незнакомыхъ съ ними ни по чувству, ни по образованію?

Видѣлъ депутатовъ Царства Польскаго, ѣхавшихъ во дворецъ. Всѣ они были въ живописныхъ національныхъ костюмахъ.

Въ сегодняшнемъ № (81) „Сѣверной Почты“ напечатанъ рескриптъ, читанный при закрытіи финляндскаго сейма. Онъ содержитъ въ себѣ выговоръ сейму за его непріязнь къ Россіи, обнаруженную во время преній. Это заслужено. Россія кромѣ добра ничего имъ не сдѣлала, а они, получая отъ нея все благое, на каждомъ шагу готовы ей вредить.

Сеймъ выразилъ тоже свое противодѣйствіе законамъ о печати.

— 10. Пятница. Прусская палата общинъ стремится къ нивелированію сословій во имя демократическаго принципа, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы захватить власть въ свои руки и управлять страною на основаніи какой-то представительной олигархіи. Бисмаркъ это очень хорошо понимаетъ, и вотъ откуда весь антагонизмъ.

Самая консервативная страна въ мірѣ, безъ сомнѣнія, Англія.

Дѣло не въ стремленіи остановить движеніе ко всеобщей реформѣ, а въ томъ, чтобы сдѣлать это стремленіе, во 1-хъ, не столь разрушительнымъ, какимъ оно угрожаетъ быть, а во 2-хъ, подчиняя его въ извѣстной мѣрѣ закону постепенности, тѣмъ самымъ обезпечить благія его послѣдствія. Это борьба, но безъ борьбы никакая истина, никакой успѣхъ не могутъ быть прочными. Вотъ почему я, въ моихъ либеральныхъ тенденціяхъ, придерживаюсь начала постепенности. Настоящее и будущее должны имѣть связь съ прошедшимъ. Не перестроивъ планеты, нельзя радикально перестроить ни человѣка, ни общества. Всякія крайнія и абсолютныя покушенія въ этомъ родѣ ведутъ къ рабству, бѣдствіямъ и гибели. Зачѣмъ это?

Нева прошла.

— 11. Суббота. Вчера и сегодня прекрасная погода. Поутру 9° тепла. Несмѣтныя толпы гуляющихъ около вербъ и по всему Невскому проспекту.

— 13. Понедѣльникъ. Между понятіемъ о вещи и усвоеніемъ себѣ этого понятія большая разница. Одно послѣднее

только составляетъ наше настоящее пріобрѣтеніе — знаніе, истину и чувство истины.

— 14. Вторникъ. Обѣдъ въ клубѣ. Встрѣтился тамъ съ Левшинымъ, попечителемъ московскаго университета. Продолжительный разговоръ о нашемъ просвѣщеніи и воспитаніи. Къ намъ присоединился еще одинъ господинъ, съ которымъ я часто встрѣчаюсь и раскланиваюсь, но имени котораго не знаю. Левшинъ обманулъ мои ожиданія. Я думалъ, что онъ будетъ плохимъ попечителемъ: онъ казался мнѣ недальновиднымъ, а на дѣлѣ вышло, что онъ теперь чуть не лучшій попечитель. Простой здравый смыслъ и доброе сердце замѣнили ему всѣ прочія качества. Главное-же, онъ не имѣетъ начальническихъ претензій все знать и знать именно то, чего не знаетъ. Затѣмъ, онъ принимаетъ совѣты, не дѣлаясь рабомъ совѣтчиковъ.

— 15. Среда. Не хлопочите понапрасно, говоритъ партія ярыхъ реформаторовъ: вамъ не остановить мощныхъ пружинъ и вѣчно вращающагося колеса того ткацкаго станка, на которомъ время ткетъ безконечно длинную и широкую ткань жизни съ ея безчисленными узорами. Мы не хотимъ остановить ихъ; мы знаемъ, что законъ жизни есть законъ измѣненія. Все течетъ и измѣняется, давно сказалъ еще Гераклитъ. Но мы хотимъ сдерживать, чтобы пружины и колеса двигались не такъ порывисто быстро, потому что тутъ важно не одно измѣненіе ради измѣненія, а потому что въ вихрѣ этого вращенія живутъ и движутся существа, которыя чувствуютъ и должны имѣть время вздохнуть и сознать свое существованіе. Мы хотимъ, чтобы эти вихри не сносили, не сталкивали мгновенно людей въ пропасть. Словомъ, мы хотимъ, чтобы на этомъ пути измѣненій были стадіи, пункты, остановки и отдохновенія, а не сплошное треніе оборачивающагося катка. Пусть будетъ лихорадка, но перемежающаяся, а не постоянная. Притомъ если, какъ вы говорите, настанетъ время, когда этими переворотами достигнется лучшее состояніе человѣчества, то развѣ это лучшее можетъ состояться только на основаніи совершеннаго истребленія прошлаго и всего нынѣ живущаго? Развѣ это лучшее можетъ быть сколько нибудь прочнымъ, если оно совершится не по закону постепеннаго органическаго развитія?

— 19. Воскресенье. Праздникъ Пасхи. Заутреня и обѣдня

въ Исаакіевскомъ соборѣ. Насилу продрались къ алтарю, хотя и имѣли билеты. Служилъ архіерей. Нельзя сказать, чтобы тутъ было лучше, чѣмъ въ другихъ приходскихъ церквахъ. Толкотня и суматоха такія-же. Пѣніе хорошее. Но особенно несносна безпрерывная прогулка по церкви какихъ-то господъ мимо вашего носа.

Холодно, градуса два. По временамъ проглядывало солнце, но скверный вѣтеръ. Нева, впрочемъ, была чиста отъ льда. Я отправился пѣшкомъ, зашелъ въ Екатерининскій институтъ поздравить начальницу, Екатерину Владиміровну Родзянко съ ея вчерашнимъ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ, завернулъ тутъ-же къ классным дамамъ Араловой, Петровой и Поганато. Потомъ заходилъ еще къ графинѣ Блудовой, которую не засталъ дома, и къ президенту Литке. Вотъ и всѣ мои парадные визиты.

— 21. Вторникъ. Государь отказалъ въ наградѣ президенту Медицинской академіи Дубовицкому и вицепрезиденту, моему пріятелю, И. Т. Глѣбову, за то, что они распустили академію.

Военный министръ велѣлъ не допускать дѣвушекъ на лекціи въ Медицинскую академію. Ихъ сперва явилось три или четыре, и онѣ, говорятъ, дѣйствительно, серьезно занимались наукой. Но потомъ число ихъ увеличилось до шестидесяти и болѣе, и тутъ между ними появились нигилистки въ круглыхъ шапочкахъ и съ остриженными волосами. Эти послѣднія уже больше занимались расхаживаніемъ со студентами по корридорамъ и куреніемъ папиросъ.

Наши нигилисты требуютъ жизни безъ всякихъ нравственныхъ опоръ и вѣрованій.

— 23. Четвергъ. Сегодня утромъ на крышахъ домовъ и на улицахъ лежитъ порядочный снѣгъ.

Надо написать мнѣніе на проектъ новаго устава Академіи наукъ, который стремится слить II-е отдѣленіе съ III-мъ. Я возстаю противъ этого. По моему мнѣнію, II-му отдѣленію должно предоставить извѣстную самостоятельность, т. е. ту самую, какую оно уже имѣетъ, и только кое-что измѣнить въ его устройствѣ.

— 26. Воскресенье. Праздниками я не воспользовался, какъ слѣдуетъ. Они прошли какъ-то вяло и непроизводительно.

Только съ четверга началъ я пробуждаться, и духъ дѣятельности снова охватилъ меня. Послѣдніе дни я работалъ надъ мнѣніемъ по вопросу о сліяніи II-го отдѣленія Академіи съ III-мъ. Я уже объявилъ себя противникомъ этого сліянія и теперь долженъ представить свой протестъ въ сколь возможно убѣдительномъ видѣ: приходится сражаться со многими, чуть не со всѣми, членами Академіи. Надо приготовить это къ четвергу, чтобъ прочесть въ отдѣленіи.

Диспутъ въ университетѣ на званіе магистра по части всеобщей исторіи. Диссертація была „О реформаціонномъ движеніи въ Чехіи въ четырнадцатомъ столѣтіи“. Диспутантъ защищался слабо. Однако, его поздравили магистромъ.

— 30. Четвергъ. Въ воскресенье пріѣхалъ М. Н. Муравьевъ.

Читалъ записку мою противъ сліянія II-го отдѣленія съ III-мъ. Она, кажется, произвела недурное впечатлѣніе на моихъ сочленовъ по отдѣленію.

Май.—1. Пятница. Мнѣ разсказывали, какъ въ день пріѣзда Муравьева въ Петербургъ генералъ-губернаторъ Суворовъ послалъ на желѣзную дорогу чиновника объявить ея администраціи, чтобы она не допускала стеченія народа на дебаркадерѣ во время выхода Муравьева изъ вагона. Администрація, однако, отвѣчала, что сдѣлать этого не въ состояніи и не въ правѣ, потому что народъ этотъ состоитъ изъ отцовъ, мужей, женъ, братьевъ, сестеръ и пр., являющихся встрѣчать своихъ пріѣзжающихъ родныхъ.

Вечеръ у Чевилева. Насъ было только трое: онъ, я и одинъ москвичъ, недавно пріѣхавшій. Есть-ли на свѣтѣ существо болѣе непріятное, чѣмъ иной московскій ученый, литераторъ или московскій, такъ называемый, передовой человѣкъ? Дѣтская заносчивость, бабье умничанье, духъ нетерпимости, хвастовство и дерзость ихъ нестерпимы—чуть-ли не еще нестерпимѣе петербургской распущенности и глупаго западничанья.

— 3. Воскресенье. Вчера у меня былъ сильный споръ съ Чевилевымъ—о чемъ-же?—о свободѣ воли. Онъ придерживается новѣйшей философіи и отрицаетъ свободу воли. Главное его доказательство: мысли намъ даются не нами, отъ нихъ зависятъ побужденія къ рѣшимости, слѣдовательно воля повинуется необходимому сцѣпленію понятій. Онъ полагаетъ, что для ума че-

ловѣческаго нѣтъ ничего недоступнаго, и что знаніе должно разоблачить всѣ тайны вещей. Свобода воли есть иллюзія.—Отчего-же и знанія наши, возразилъ я, между прочимъ,—не иллюзіи также? Почему-же мысль, что вы все знаете, не такая-же иллюзія, какъ моя увѣренность, что я могу хотѣть и не хотѣть по выбору моего разсудка и проч., и проч. Потомъ зашла рѣчь о Муравьевѣ. Чевилевъ, какъ и многіе, раздѣляетъ мнѣніе „Голоса", что Муравьевъ ничего не сдѣлалъ для укрощенія бунта и для утвержденія русскаго элемента въ западныхъ губерніяхъ.

— 5. Вторникъ. Нанята дача въ Павловскѣ у генерала Мердера. Вчера и задатку дано пятьдесятъ рублей. За лѣто двѣсти пятьдесятъ съ мебелью, которая, впрочемъ, очень неблестяща.

Празднованіе столѣтняго юбилея Смольнаго монастыря. Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ пригласительный билетъ. Въ 9 часовъ утра отправился я въ соборъ. Въ церкви у барьера стояла кучка старухъ, кажется, изъ богадѣльнаго дома. За барьеромъ были нынѣшнія воспитанницы, и около нихъ суетилось нѣсколько чиновниковъ. Принцъ Ольденбургскій былъ уже здѣсь. Онъ подошелъ ко мнѣ съ обыкновенною своею любезностью, спросилъ сколько времени служилъ я въ Смольномъ монастырѣ и исправно-ли посѣщаютъ лекціи студенты университета. Церковь вскорѣ начала наполняться бывшими воспитанницами и сановниками. Между тѣми и другими я встрѣтилъ много знакомыхъ. Обѣдню служилъ митрополитъ. Пѣли придворные пѣвчіе. Какъ хороша эта церковь! Немного подобныхъ ей по величію, простотѣ и легкости архитектуры. Къ молебну пріѣхали Государь, Государыня и все императорское семейство. Крытая полотнянная галлерея соединяла на этотъ разъ соборъ съ самымъ зданіемъ Смольнаго монастыря. Черезъ нее-то и прошли всѣ приглашенные въ безконечные монастырскіе корридоры, которые привели ихъ въ парадную залу. Въ верхнемъ корридорѣ по обѣимъ сторонамъ въ два ряда стояли воспитанницы, какъ-бы образуя живую изгородь изъ свѣжихъ молодыхъ и оживленныхъ лицъ. Это было очень эффектно. Въ залѣ, противъ входа, осѣненная густою зеленью статуя Екатерины II, а на всемъ пространствѣ залы накрытые столы для завтрака. Мѣста за всѣми столами заняли женщины, кромѣ одного, назначеннаго для пригла-

шенныхъ и сановниковъ, между которыми пришлось и мнѣ, маленькому, темненькому человѣчку, занять мѣсто между сановнѣйшимъ мужемъ Языковымъ, директоромъ училища правовѣдѣнія и министромъ юстиціи Замятнинымъ.

Такъ какъ это по преимуществу былъ женскій праздникъ— праздникъ русской образованной женщины, къ которой у меня вообще лежитъ сердце, больше чѣмъ къ нашему такъ называемому образованному мужчинѣ, то я и устремилъ все мое вниманіе на эти волны женскихъ головъ, заливших всю залу. Какое разнообразіе лицъ и возрастовъ! Тутъ рядомъ съ цвѣтущею юностью послѣднихъ выпусковъ помѣщались развалины начала нынѣшняго столѣтія, которыя тоже когда-то цвѣли юностью. Говорятъ, сохранилась одна дама ста четырехъ лѣтъ изъ перваго выпуска. Но, конечно, ея здѣсь не было. Тутъ мелькали и мнѣ знакомыя милыя головки, лѣтъ пятнадцать, двадцать тому назадъ блиставшія прелестью и упоеніемъ молодой разцвѣтающей жизни, а теперь, увы!—увядающія, полуувядшія или совсѣмъ увядшія, что краснорѣчиво говоритъ и о моемъ собственномъ увяданіи. И сколько изъ нихъ увяло и увядаетъ въ нуждѣ подъ гнетомъ разныхъ житейскихъ невзгодъ и бурь! Многія, увидѣвъ меня, посылали мнѣ свои привѣтливые поклоны и улыбки устъ, на которыхъ мрачно лежала грустная печать времени. Мужчины тотчасъ сѣли за столъ и накинулись было на блюда съ пирогами, котлетами и пр., но явился какой-то камергеръ и объявилъ, что надо подождать Государя. Всѣ встали и начали ожидать. Минутъ черезъ двадцать явился Государь, ведя подъ руку Императрицу, а за ними слѣдовали великіе князья и чины двора. Заиграла музыка. Государь раскланялся съ обычной своей привѣтливостью, потомъ сѣлъ за столъ, чему послѣдовали и всѣ другіе—и началось набиваніе чрева. Признаюсь, мнѣ въ этихъ случаяхъ бываетъ какъ-то совѣстно. Не успѣлъ еще я осмотрѣться, какъ мой сосѣдъ Языковъ, нагрузивъ свою тарелку, любезно началъ нагружать котлетами и мою. Явились бокалы съ шампанскимъ. Провозгласили первый тостъ за Государя, и прелестные женскіе голоса запѣли „Боже, Царя храни!“ Всѣ встали—минута была торжественная. Подняли второй бокалъ въ память Екатерины. Тѣ-же голоса запѣли какой-то гимнъ съ припѣвомъ извѣстнаго польскаго: „Славься симъ, Екатерина,

славься, нѣжная къ намъ мать". Это было трогательно почти до слезъ. Но вотъ пѣніе кончилось, опять всѣ усѣлись и принялись за желудочныя дѣла. Завтракъ былъ обильный, вина хорошія и щедро отпущенныя. Все это изъ дворца. Служили придворные лакеи.

По окончаніи завтрака Государь скоро уѣхалъ со всѣмъ семействомъ. Мы разсыпались по залу. Тутъ я безпрестанно встрѣчался съ моими прежними ученицами, привѣтствуемый ихъ дружелюбными воспоминаніями. Помимо ихъ встрѣчъ была еще интересна моя встрѣча съ А. С. Норовымъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и попрежнему осыпалъ меня изъявленіями своей дружбы и всевозможными ласками. Мнѣ даже показалось—или я былъ такъ настроенъ—что въ этихъ изъявленіяхъ звучала нота искренности. Я припомнилъ ему, между прочимъ, юбилей московскаго университета и замѣтилъ, что это былъ лучшій моментъ его управленія министерствомъ.

— А кому обязанъ я этимъ? возразилъ онъ,—вамъ. Вѣдь царская грамота была зерномъ всего, вѣдь она возбудила всеобщій восторгъ—а грамоту писали вы!

— Если ужъ такъ, отвѣчалъ я,—то эффектъ произошелъ отъ того, какъ вы ее прочитали: вы прочитали ее великолѣпно.

Это, дѣйствительно, правда. Такимъ образомъ у насъ вышла система взаимнаго восхваленія.

Къ тремъ часамъ все кончилось, и я уѣхалъ домой, унося съ собой самыя пріятныя воспоминанія о праздникѣ въ Смольномъ монастырѣ.

— 7. Четвергъ. Что за нелѣпые холода, тепла—5° и дождь.

Сцена между Срезневскимъ и Билярскимъ въ Академіи. Билярскій захотѣлъ отомстить Срезневскому за то, что тотъ подавалъ голосъ противъ назначенія ему полнаго гонорара (шестьдесятъ рублей за печатный листъ) за сдѣланныя имъ выписки въ академическомъ архивѣ о Ломоносовѣ, на томъ основаніи, что это простыя выписки безъ всякихъ изслѣдованій. Срезневскій былъ правъ, и съ нимъ согласились всѣ другіе члены отдѣленія. Теперь Билярскій, въ качествѣ редактора „Записокъ" Академіи, напалъ на Срезневскаго за представленную имъ для напечатанія въ этомъ сборникѣ статью о русскихъ лѣтописяхъ, называя ее сырымъ матеріаломъ и недостойною быть помѣщенною въ

академическомъ изданіи. Это значитъ око за око и зубъ за зубъ. Однако, Билярскій неправъ: въ статьѣ Срезневскаго все-таки есть изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ, статья эта не могла подлежать контролю одного члена, тогда какъ отдѣленіе уже одобрило ее...

Во дворцѣ кто-то спросилъ у Муравьева: долго ли онъ останется здѣсь и какая цѣль его пріѣзда въ Петербургъ? Онъ отвѣчалъ:—Въ краю, мнѣ ввѣренномъ, жондъ польскій побѣжденъ, но я пріѣхалъ сражаться съ тѣмъ жондомъ, который въ Петербургѣ.

Валуевъ не поѣхалъ къ Муравьеву, говоря, что онъ не знаетъ, принялъ-ли бы его Муравьевъ?

У Муравьева не были также Головнинъ, Рейтернъ и Суворовъ.

— 8. Пятница. Сегодня не только холодъ, но и снѣгъ.

Духовенство сильно добивается взять въ свои руки народныя школы. Между прочимъ, вотъ что придумали поборники этого проекта. Они разгласили, будто графъ Блудовъ, незадолго до смерти своей, имѣлъ въ виду образованіе верховнаго комитета, для начертанія системы обученія и управленія въ народныхъ школахъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита. Онъ не успѣлъ только обработать свой планъ и дать ему оффиціальный ходъ. Мысль эта, подкрѣпленная Бажановымъ и другими, получила характеръ авторитета, и теперь сильно хлопочутъ о приведеніи ея въ дѣйствіе. Между тѣмъ, другіе утверждаютъ, что Блудовъ вовсе не имѣлъ этого намѣренія и что тѣ, которые ему его приписываютъ, основываютъ свое мнѣніе только на иныхъ словахъ графа, будто бы намекающихъ на то, что онъ его имѣлъ.

Нужны или значительная доля легкомыслія, или высокая степень мудрости, чтобы сносить жизнь.

— 11. Понедѣльникъ. Во всей Европѣ свирѣпствуетъ холодъ. На дняхъ мнѣ говорилъ одинъ итальянецъ, что ему сообщаютъ изъ Турина, будто въ окрестностяхъ этого города замерзли два человѣка. Въ Ниццѣ и Пизѣ шелъ снѣгъ.

Отослалъ Веселовскому записку мою по вопросу о сліяніи II-го отдѣленія съ III-мъ.

Въ совѣтѣ университета. Выбранъ членомъ комиссіи по дѣлу

объ избраніи Вернадскаго въ профессоры по каѳедрѣ финансовъ: факультетъ не хочетъ его избрать, а большинство совѣта хочетъ.

— 13. Среда. Предсѣдательствовалъ въ комиссіи, которая собралась у меня. Изложеніе дѣла предоставлено мнѣ. Изъ-за чего я тутъ? Съ 1-го іюня я уже не принадлежу университету. Это такъ ужъ, изъ любви! А дѣло мудреное.

— 16. Суббота... Получено изъ Парижа письмо отъ Плетнева и читано въ засѣданіи отдѣленія. Въ письмѣ извѣстіе о смерти Шевырева. Отдѣленіе поручило мнѣ написать біографію послѣдняго.

— 17. Воскресенье. Сегодня въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ" объявлено, что 19-го мая, во вторникъ, въ восемь часовъ утра, на Мытной площади будетъ объявленъ приговоръ Чернышевскому. Онъ осужденъ на семь лѣтъ каторжной работы, а затѣмъ на вѣчное житьѣ въ Сибири. Судъ приговорилъ его къ четырнадцати годамъ каторжной работы. Изъ рукъ вонъ все это печально!

— 18. Понедѣльникъ. Засѣданіе комиссіи. Я приготовилъ проектъ, какъ быть дѣлу и прочиталъ его. Всѣ члены согласились съ благодарностью—и дѣлу конецъ.

— 20. Среда. Былъ у меня Костомаровъ. Его статью о вѣчѣ, назначенную для журнала „Дѣло и Отдыхъ", цензура страшно искалѣчила, да кромѣ того его фразы замѣнила своими. Я прочелъ статью и не нашелъ въ ней рѣшительно ничего противоцензурнаго.

Какая-то Михаэлисъ бросила букетъ цвѣтовъ Чернышевскому, когда онъ былъ возведенъ на эшафотъ. Ее тотчасъ взяли и увезли съ жандармами. Эхъ!

— 21. Четвергъ. Засѣданіе въ Академіи наукъ. Ровно ничего.

Я спрашивалъ у сенатора Любощинскаго, доказано-ли юридически, что Чернышевскій виноватъ соотвѣтственно тому, къ чему его присудили? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ему извѣстныхъ юридическихъ доказательствъ нѣтъ, но что моральное убѣжденіе прямо противъ Чернышевскаго. Какъ же, однако, осудили его? Въ Государственномъ совѣтѣ нѣкоторые изъ членовъ не находили достаточныхъ уликъ и доказательствъ для приговора его къ тому, къ чему онъ приговоренъ. Тогда князь Долгорукій показалъ имъ

какія-то бумаги изъ III-го отдѣленія, и члены вдругъ перестали противорѣчить. Но что это за бумаги? Это тайна. Зачѣмъ-же дѣлать изъ нихъ тайну, если въ нихъ заключаются точныя доказательства вины Чернышевскаго? Жаль!.. Въ приговорѣ, читанномъ публично во вторникъ, говорятъ, упомянутъ даже рядъ статей въ „Современникѣ“: но тогда виновата цензура. Разъ, что она существуетъ, зачѣмъ-же она пропускала статьи, такъ явно клонившіяся къ ниспроверженію существующаго порядка? Вообще тутъ что-то неясно...

Какъ согласить столько неразумія въ судьбѣ человѣчества съ разумностію его плана и цѣли—если таковые существуютъ? Отсюда, конечно, матеріалисты черпаютъ свои тенденціи. Ихъ главный двигатель отчаяніе. И правду сказать, есть отчего придти въ отчаяніе.

Одна очень умная молодая женщина съ негодованіемъ разсказывала про Лаврова, какъ онъ любезно предложилъ ей какой-то маленькій переводецъ очень забористой статейки и какъ пытался обратить ее въ свою нигилистическую вѣру. Онъ, кажется, посвятилъ себя преимущественно этому ремеслу, то есть обращенію молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ въ нигилистокъ, для чего и открылъ у себя для нихъ курсъ матеріалистической философіи.

— 25. Понедѣльникъ. Отослалъ къ членамъ комиссіи записку для подписанія.

— 26. Вторникъ. Переѣхали на дачу въ Павловскъ въ домъ Мердера по дорогѣ въ Царскую Славянку. Начались прекрасные дни, и въ городѣ становится душно, пыльно, смрадно.

Вечеромъ собраніе нѣсколькихъ академиковъ у президента Литке для совѣщаній по вопросу о сліяніи II-го отдѣленія съ III-мъ. Я и Срезневскій защищали самостоятельное существованіе II-го отдѣленія. Президентъ велъ себя очень хорошо: онъ, какъ и слѣдовало, искалъ примиряющаго начала. Въ концѣ засѣданія пришли къ мысли вообще уничтожить отдѣленія и слить ихъ въ одну нераздѣльную корпорацію. Не рѣшили, однако, ничего, положили обдумать эту мѣру и отдать ее на обсужденіе прочимъ членамъ.

— 27. Среда. Я только сегодня вечеромъ пріѣхалъ въ Павловскъ. Дача Мердера мнѣ очень нравится, несмотря на свою

почти убогую внутреннюю обстановку. Передъ нею широкое пространство. Она вся въ зелени и не стѣснена сосѣдствомъ другихъ дачъ. Вокзалъ очень усовершенствовался. Прочее все попрежнему. Вечеромъ нахлынула страшная толпа гуляющихъ изъ Петербурга. Безумная роскошь въ женскихъ нарядахъ.

— 29. Пятнаца. Получилъ отъ министра Валуева черезъ его товарища порученіе написать записку о Главномъ правленіи училищъ, которая ему, не знаю почему-то, нужна къ засѣданію въ Государственномъ совѣтѣ. Это заставило меня ѣхать въ городъ. Тамъ надо было произвести пропасть рытья въ бумагахъ и книгахъ, чтобы отыскать нужныя справки. Съ этимъ провозился цѣлый вечеръ и часть ночи.

— 30. Суббота. Въ городѣ. Къ полудню была готова записка. Отвезъ ее къ товарищу министра. Я прочелъ ему ее и онъ остался очень доволенъ. Записка нужна по поводу совѣщанія въ Государственномъ совѣтѣ о такъ называемомъ блудовскомъ проектѣ.

Вечеромъ въ засѣданіи университета. Я прочиталъ составленную мною записку отъ имени комиссіи о выборѣ Вернадскаго въ профессора по каѳедрѣ финансоваго права. Ею примиряются всѣ противорѣчія между совѣтомъ и факультетомъ. Всѣ горячо благодарили меня. Я тотчасъ по окончаніи чтенія и по принятіи совѣтомъ моего проекта оставилъ совѣтъ. Это послѣднее мое засѣданіе въ немъ. Я разстался навсегда съ университетомъ послѣ посвященныхъ ему тридцати лучшихъ моихъ лѣтъ—разстался съ грустью, но не жалѣя о разлукѣ съ нѣкоторыми лицами. Они были моими недоброжелателями рѣшительно не знаю почему, да и они сами этого не знаютъ. Я никогда никому изъ нихъ — да и вообще никому не желалъ и не дѣлалъ зла, а когда могъ, всегда оказывалъ имъ содѣйствіе. Строго взвѣшивая всѣ мои поступки и всю мою дѣятельность въ университетѣ, я ни въ чемъ не могу себя упрекнуть. О причинахъ моихъ нежеланія баллотироваться на новое пятилѣтіе я уже говорилъ выше. Но объ этомъ придется еще много говорить въ будущихъ моихъ мемуарахъ, для которыхъ я и веду ежедневно этотъ Дневникъ.

Я хотѣлъ было сказать въ совѣтѣ нѣсколько привѣтливыхъ прощальныхъ словъ моимъ товарищамъ, но разсудилъ, что не для кого и не для чего. Я просто всталъ и непримѣтно ушелъ.

Да процвѣтаетъ цвѣтъ правды и науки въ этихъ дорогихъ для меня стѣнахъ!

Въ десять часовъ я былъ уже на дачѣ у себя дома.

Іюнь.—1. Понедѣльникъ. Май подъ конецъ захотѣлъ вознаградить насъ за всѣ скверности, какими награждалъ насъ въ началѣ и серединѣ. Послѣдняя недѣля его великолѣпна: свѣтло, тихо, жарко. Зелень чудесная.

— 4. Четвергъ. Засѣданіе въ отдѣленіи Академіи наукъ. Срезневскій поздравилъ меня съ званіемъ почетнаго члена университета, въ которые я избранъ единогласно. Или нѣтъ, кажется, нашелся одинъ, который—тутъ Срезневскій произнесъ крѣпкое словцо—кинулъ въ мое имя чернымъ шаромъ.

— 5. Пятница. Поѣхалъ въ городъ ради засѣданія въ Академіи: засѣданіе въ уваровской комиссіи для разсмотрѣнія драмъ. Ни одной достойной преміи, а поступило ихъ шесть или семь.

— 6. Суббота. Вчера обѣщалъ нашему академическому полиціймейстеру К. статью для напечатанія въ „Академическихъ Вѣдомостяхъ". Съ нимъ и съ его женой произошелъ прегнусный случай. Они пришли въ лавку Ш. и К. что-то покупать. Вдругъ приказчикъ, или чортъ его знаетъ кто изъ лавочниковъ, бросается на жену, говоря, что у нихъ въ лавкѣ много воруютъ и началъ ее со всѣхъ сторонъ ощупывать. Потомъ обратился къ мужу съ наглымъ вопросомъ: не укралъ-ли онъ чего? Вышелъ неслыханный скандалъ. К. послалъ за квартальнымъ. Тотъ явился, объявилъ лавочника неправымъ, но больше ничего не предпринялъ. Объ этомъ К. публиковалъ въ „Спб. Вѣдомостяхъ", на что въ 123-мъ № послѣдовалъ пренаглый и преглупый отвѣтъ хозяевъ лавки. На эту-то статью и надо написать другую. Это дѣло общее всѣмъ честнымъ людямъ—давать отпоръ варварству и татарщинѣ нашихъ мошенниковъ купцовъ. Надо бросить въ нихъ нѣсколько сильныхъ строкъ, хотя это, конечно не сдѣлаетъ ихъ изъ дикарей людьми и гражданами, но молчать всетаки не должно. Статья, разумѣется, будетъ отъ имени обиженнаго.

Знойно, какъ и всѣ предшествующіе дни. Человѣчество начинаетъ пищать о дождѣ.

— 11. Четвергъ. Важно не то, что мы думаемъ, а то, къ какимъ результатамъ приводитъ насъ наше мышленіе.

Ни самимъ собою, ни человѣчествомъ нельзя управлять безъ нѣкоторой доли деспотизма.

— 12. Пятница. Вчера отдалъ К. написанную мною статью въ отвѣтъ гнуснымъ гостинодворцамъ.

Всякое ученіе о человѣкѣ болѣе или менѣе неполно и неудовлетворительно. Но изъ разныхъ и противорѣчащихъ ученій надо принять то, которое въ состояніи сдѣлать человѣка сколько-нибудь лучше и довольнѣе.

— 13. Суббота. Сверху испорченные нравы неустановившейся общественности, снизу почти дикое состояніе неразвитой народности: трудно идти по узкому и тѣсному пространству между тѣмъ и другимъ.

— 14. Воскресенье. Много гостей изъ города. Вотъ уже не въ первый разъ навѣщаетъ меня и А. С. Норовъ и всякій разъ осыпаетъ самыми нѣжными ласками и привѣтствіями. Что-жъ, я не прочь: что было, то прошло, и теперь мы съ нимъ встрѣчаемся исключительно на почвѣ частныхъ людей.

— 20. Суббота. Лѣто до сихъ поръ такое, какого, кажется, не бывало въ Петербургѣ—по крайней мѣрѣ на моей памяти. Прелестнѣйшіе жаркіе дни въ перемежку съ теплыми дождями. Дача моя примыкаетъ къ полямъ, откуда разстилается широкій горизонтъ: справа глазъ хватаетъ до Царскаго Села, а слѣва до Славянки, съ ея бѣлою церковью, красующеюся на холмѣ. У подошвы послѣдняго мелькаютъ хижины небольшой финской деревеньки, тоже съ церковью. Отсюда дорога къ моей дачѣ черезъ лѣсъ. Отлично хорошо! Въ такомъ пріятномъ мѣстѣ я еще никогда не занималъ дачи. Но все это имѣетъ свои неудобства. Красота мѣста и лѣта дѣлаютъ то, что я мало сижу въ кабинетѣ и мало занимаюсь.

А есть что дѣлать. Между прочимъ, хотѣлось-бы мнѣ что-нибудь приготовить Академіи. Она слишкомъ ушла въ буквоѣдство. Для большинства нашихъ академиковъ наука есть не иное что, какъ груда фактовъ, добро-бы, еще крупныхъ, а то всякихъ, безъ разбора и безъ стремленія выяснить ихъ смыслъ и связь. Они не заботятся о томъ, къ чему это поведетъ и что изъ этого выйдетъ. Выйдетъ что-нибудь само-собой, ну и хорошо.

Анекдотъ о Кребильонѣ. Кто-то выразилъ ему свое удивленіе, что онъ избираетъ для трагедій такіе страшные, ужасающіе,

сюжеты.—Что-жъ мнѣ дѣлать? отвѣчалъ онъ, Корнель взялъ себѣ небо, Расинъ—землю, мнѣ остался одинъ адъ, и я стремглавъ бросился въ него.

— 28. Воскресенье. Вечеромъ пріѣзжалъ Княжевичъ, А. М., съ Александрою Христіановною. Послѣ небольшой прогулки я проводилъ ихъ на дебаркадеръ и заглянулъ на музыку. Публики было, по обыкновенію, видимо невидимо, особенно широчайшихъ кринолиновъ и безмѣрныхъ хвостовъ.

Іюль.—1. Среда. Вотъ и перемѣна погоды! Жаловавшіеся на жару теперь могутъ успокоиться. Наступаетъ реакція. Ночью шелъ сильный дождь. Теперь утромъ тучи, гонимыя вѣтромъ, нестройными клочьями бродятъ въ сумрачномъ пространствѣ; солнце, какъ-то нехотя, на мгновеніе проглядываетъ сквозь нихъ. Видно, что оно устало, посылая намъ такъ долго свой лучезарный блескъ и теплоту—долго, т. е. цѣлый мѣсяцъ. По здѣшнему мѣсяцъ постоянной лѣтней погоды--это такая милость природы, какой мы удостоиваемся разъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Но вотъ исключеніе прошло, нормальное состояніе беретъ свое. Теперь 11° тепла, но это только начало. Мы непремѣнно спустимся до 9°, 8°, а можетъ быть и ниже.

Съ 10-го іюня я началъ заниматься статьями для Академіи наукъ. Я предполагаю ихъ нѣсколько подъ названіемъ: „Литературныя наблюденія и изслѣдованія".

— 2. Четвергъ. Холодно, только 10°. Сѣверо-востокъ затянулъ свою обычную пѣснь и теперь, чортъ знаетъ, когда перестанетъ.

— 6. Понедѣльникъ. Давно я не любовался такими великолѣпными живописными тучами. Вотъ онѣ со всѣхъ сторонъ надвигаются синеватыми, бѣловатыми и дымчатыми громадами самыхъ разнообразныхъ формъ и оттѣнковъ. Быть опять дождю. Особенность нынѣшняго лѣта та, что онъ никогда не падаетъ мѣрными каплями, а съ шумомъ и грохотомъ низвергается на землю цѣлыми потоками. Съ балкона нашего открываются прелестнѣйшіе виды на окрестности и на небо. Такъ и не ушелъ-бы отсюда—но пора въ кабинетъ за дѣло.

— 11. Суббота. Въ наше время подъ литературой стали разумѣть все печатное. Литература въ высокомъ и настоящемъ значеніи отклонилась отъ своего пути. Писать и печатать сдѣла-

лось дѣломъ весьма обыденнымъ, и пріобрѣтеніе имени литератора доступнымъ всякому. Это страшно загромождаетъ общество пустяками и всякимъ словеснымъ хламомъ до того, что иной разъ приходится желать появленія какого нибудь новаго Омара, чтобы онъ отобралъ всю эту дрянь, сжегъ ее и освободилъ общество отъ лишняго бремени. Кромѣ того, эта легкость прослыть литераторомъ и обратить на себя вниманіе общества до того соблазнительна для многихъ и особенно для молодыхъ людей, что очень часто отвлекаетъ ихъ отъ болѣе серьезныхъ занятій и заставляетъ тратить свои силы по мелочамъ.

— 13. Понедѣльникъ. На похоронахъ Достоевскаго Михаила. Онъ умеръ отъ разлитія желчи, 44-хъ лѣтъ. Это былъ не столько замѣчательный литераторъ, сколько честный и добрый человѣкъ. Братъ его, Ѳедоръ, болѣе сильный писатель. Онъ былъ замѣшанъ въ исторіи Петрашевскаго и сильно пострадалъ. Лѣтъ пять провелъ на каторгѣ. Я проводилъ бѣднаго покойнаго на кладбище. Съ балкона моей дачи я часто любовался хорошенькимъ лѣскомъ на косогорѣ, по ту сторону рѣчки Славянки. Оказалось, что этотъ лѣсокъ есть тихое вѣчное пристанище Павловскихъ обитателей. Церемонія съ обѣдней продолжалась больше двухъ часовъ. Былъ сильнѣйшій жаръ, собиралась гроза, великолѣпныя тучи наплывали съ запада, придавая еще больше трагизма печальному зрѣлищу.

— 16. Четвергъ. Ѣздилъ въ городъ. Сибирская язва и въ Петербургѣ принимаетъ большіе размѣры. Приняты полицейскія мѣры, особенно относительно лавокъ съ мясомъ. Но этихъ мѣръ никто изъ торговцевъ не соблюдаетъ, а начальство довольно тѣмъ, что разослало надлежащіе циркуляры.

Возвратясь изъ города, обѣдалъ у моего сосѣда, полковника Денисова, и почти все время провелъ въ разговорѣ съ Желтухинымъ, который состоитъ нынѣ секретаремъ при князѣ П. П. Гагаринѣ, предсѣдателѣ Государственнаго совѣта.

— 22. Среда. Было три или четыре случая сибирской язвы на людяхъ въ Петербургѣ, но дальнѣйшаго распространенія ея, кажется, нѣтъ.

Замѣчательнѣйшія черты нынѣшняго лѣта: никогда еще, кажется, зелень не была такъ роскошна, такъ ярко окрашена; никогда облака и тучи не были такъ пышно и великолѣпно

расцвѣчены и не явились въ такихъ разнообразныхъ, причудливыхъ, то величественныхъ, то граціозныхъ формахъ и очертаніяхъ. Вотъ хоть-бы и сегодня. Право, не хочется уйти съ балкона и запереться въ кабинетѣ, не хочется ни за книгу, ни за перо. А все смотрѣлъ-бы, да смотрѣлъ въ эту чудную даль, въ это безбрежное море тучъ и облаковъ!

— 25. Суббота. Удивительный этотъ русскій народъ! Ума не приложишь къ нему. Вѣдь вотъ, напримѣръ, теперь заворовался, запилъ, заплутовался такъ, что, ей Богу, серьезно говоря, тяжело съ нимъ жить. А между тѣмъ чувствуешь, что въ немъ есть что-то, которое такъ и тянетъ къ нему, что-то до того доброе умное, обѣщающее, что никакой нѣмецъ, никакой французъ, ни даже англичанинъ не могутъ съ нимъ сравняться. Вотъ и бьешься съ нимъ, какъ рыба объ ледъ. Безпрестанно онъ то бѣситъ тебя своими гадостями въ кабакахъ, на улицахъ, на рынкахъ, въ мастерскихъ; то въ самыя мрачныя минуты вырываетъ у тебя улыбку своимъ простодушнымъ, незлобнымъ пренебреженіемъ всѣхъ житейскихъ невзгодъ и трудностей; то трогаетъ васъ до слезъ какою-нибудь истинно великодушною геройскою выходкою, вовсе не кокетничая ею и не понимая даже смысла ея. Чортъ знаетъ, что это такое! Говорятъ, этому народу недостаетъ образованія. Дай Богъ, чтобы онъ—разумѣется съ помощью немногихъ простыхъ, крѣпкихъ, честныхъ и серьезно-просвѣщенныхъ умовъ — далъ его самъ себѣ. Но бѣда, если онъ возьметъ то образованіе, какое ему хотятъ навязать наши публицисты.

Бенефисъ Штрауса въ воксалѣ. Сборъ Штраусъ пожертвовалъ въ пользу раненныхъ воиновъ. Превосходно также игралъ военный оркестръ изъ двухсотъ пятидесяти музыкантовъ. Публики было много—и все люди чистые, вымытые, вылощенные и выглаженные, хоть сейчасъ на картину. Все было чинно, въ высшей степени благопристойно и немного скучновато. Впрочемъ, скука намъ необходима: мы ограждаемся ею отъ скандаловъ. Былъ и Государь, но очень недолго. Говорятъ, онъ получилъ депешу, что въ Петербургѣ пожаръ на газовыхъ заводахъ гдѣ-то, и тотчасъ уѣхалъ.

— Воскресенье. И** мнѣ сказалъ, что между множествомъ честныхъ людей ему попадались и безчестные.—Я былъ несчаст-

нѣе васъ, отвѣчалъ я ему,— между множествомъ безчестныхъ, я находилъ только иногда и честныхъ людей.

Вчера мнѣ говорили, что у Государя въ Петергофѣ украли лошадь. Что же, это возможно при той распущенности и безнаказанности, какія господствуютъ у насъ вездѣ.

Прелестное утро. Я вдоволь нагулялся по полямъ, доходилъ до деревни Поповки и до финской церкви. Вернулся домой съ огромнымъ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ.

Августъ.— 1. Суббота. Наше время отличается, между прочимъ, страшными неурядицами всякаго рода. Вотъ, напримѣръ, въ Петербургѣ полиція потеряла всякое значеніе (1864 г.) и всевозможныя безчинства ежедневно и безнаказанно совершаются на глазахъ у всѣхъ. Пьянство дошло до неслыханнаго безобразія. Нѣтъ номера „Полицейскихъ Вѣдомостей", въ которомъ бы не было объявлено о нѣсколькихъ несчастныхъ и даже смертныхъ случаяхъ отъ пьянства. А сколько не объявленныхъ! Было нѣсколько случаевъ смерти отъ пьянства дѣтей четырнадцати и пятнадцати лѣтъ. Я какъ-то говорилъ объ этомъ съ членомъ Государственнаго совѣта, бывшимъ министромъ финансовъ, Княжевичемъ, что высшему правительству пора бы подумать объ этомъ нравственномъ и общественномъ безобразіи.— Да, отвѣчалъ онъ мнѣ весьма равнодушно,— по этому поводу хотятъ принять кое-какія мѣры.

А что дѣлается по губерніямъ! Вотъ и пресловутая акцизная система! Воровства совершаются съ неслыханною наглостью, и краденное, разумѣется, никогда не отыскивается. Воры, нѣсколько разъ уже пойманные и выпущенные на волю, снова производятъ свой промыселъ съ усиленною дерзостью, какъ и слѣдуетъ при такой неслыханной безнаказанности, Ежедневно почти „Полицейскія Вѣдомости" извѣщаютъ о задавленныхъ и искалѣченныхъ на улицахъ скорою ѣздою, которая запрещена закономъ, но, видно, разрѣшена гуманнымъ генералъ-губернаторомъ Суворовымъ. Порядочныхъ женщинъ всенародно оскорбляютъ на улицахъ и гуляньяхъ. На невскихъ пароходахъ развозящихъ публику по островамъ, свирѣпствуютъ такіе безпорядки и произволъ содержателей ихъ, что объ этомъ и говорить скучно и гадко. Недавно полиція, выведенная изъ терпѣнья наглымъ нарушеніемъ правилъ со стороны распорядителей

этихъ пароходовъ и безпрерывными жалобами со стороны публики, явилась, въ лицѣ частнаго пристава, въ контору „Сѣвернаго пароходнаго общества“ съ требованіемъ прекратить безпорядки. Но контора буквально прогнала частнаго пристава, объявивъ ему во всеуслышаніе, что она знать не хочетъ никакихъ полицейскихъ порядковъ. Объ этомъ сама полиція объявляетъ печатно въ своей газетѣ. Сдѣлано-ли какое взысканіе за такое нарушеніе законовъ и общественнаго порядка — неизвѣстно, а извѣстно только то, что безпорядки на пароходахъ послѣ того усилились. Въ Петергофѣ на станціи желѣзныхъ дорогъ, во время иллюминаціи 27-го іюля, роздано было билетовъ вдвое противъ того, сколько могли вмѣстить вагоны. Отъ этого произошли давка и страшный безпорядокъ. Публика, видя, что власти не дѣйствуютъ и граждане оставлены безъ защиты и преданы въ жертву разбойникамъ-антрепренерамъ, наконецъ, рѣшилась сама расправиться. Она перебила въ вагонахъ стекла, поколотила служащихъ и разбила кассу, и такъ далѣе, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Что все это значитъ? Что значитъ это потворство негодяямъ въ ущербъ честнымъ и мирнымъ людямъ?

По нашимъ законамъ требуется собственное признаніе преступника для учиненія ему законнаго наказанія. Этотъ законъ, очевидно, остатокъ того варварскаго законодательства, которое очень легко оканчивало всякое уголовное дѣло собственнымъ признаніемъ преступника, потому что въ рукахъ властей были такія милыя и удобныя средства добывать это признаніе, какъ кнутья, дыбы и пр. Очевидно, это остатокъ пыточныхъ временъ и наслѣдство застѣнковъ. Тогда признаніе, дѣйствительно, было дѣломъ очень обыкновеннымъ, хотя и мало убѣдительнымъ.

— 3. Понедѣльникъ. Прогулка въ Славянку вечеромъ. Бѣдная Славянка въ сильномъ запустѣніи, однако, всетаки хороша. Церковь и домъ простой, но изящной архитектуры.

Тѣ только книги хороши, которыя необходимы.

— 4. Вторникъ. Нѣтъ большаго доказательства ничтожества государственнаго дѣятеля, какъ когда онъ боится способныхъ людей и окружаетъ себя ничтожествами, еще ниже его.

— 6. Четвергъ. День такой, въ который природа предоставляетъ человѣка самому себѣ. Дѣлай, какъ хочешь самъ: будь ве-

селъ, доволенъ, а я тебѣ ничего не дамъ, кромѣ вѣтра, холода, сумрака.

На-дняхъ биржевая артель давала обѣдъ генералъ-губернатору Суворову. Говорятъ, онъ былъ въ восхищеніи отъ своей популярности, жалъ руки мужикамъ и проч. Бѣдный взрослый ребенокъ! Онъ забавляется игрушками, вмѣсто того, чтобы дѣлать дѣло, какъ прилично правительственному лицу. Какъ кокетка не можетъ устоять противъ моды на хвосты и широчайшіе кринолины, такъ умы ограниченные, кокетничая собою, не въ состояніи противиться другой модѣ—модѣ на извѣстныя понятія, на такъ называемыя идеи.

Есть у насъ особенный типъ прогрессиста, который, какъ нельзя осязательнѣе, воплотился въ Петрѣ Лавровичѣ Лавровѣ. Онъ страстно любитъ человѣчество, готовъ служить ему вездѣ и во всемъ. Любовь эту почерпнулъ онъ въ сочиненіяхъ новѣйшихъ соціалистовъ, не думая много о томъ, насколько въ нихъ правды, примѣнимости и трезвой, настоящей, а не экзальтированной, пустой и безплодной предаиности интересамъ человѣческимъ. Въ награду за свою безкорыстную любовь Петръ Лавровичъ хочетъ одного: быть признаннымъ великимъ человѣкомъ между своими современниками и удостоиться отъ нихъ двухъ, трехъ овацій. Желаніе весьма скромное и похвальное. Собственно говоря, Петръ Лавровичъ философъ, потому что онъ знаетъ нѣмецкій языкъ и прочиталъ на немъ нѣкоторыя изъ великихъ твореній Фейербаха, Молешота, Бюхнера, и т. д. Въ заботливости своей о благѣ человѣчества онъ неустанно суетится, всюду суется со своимъ участіемъ, старается, елико возможно, разсѣять всѣ предразсудки и просвѣтить людей такъ, чтобы они совершенно поняли и убѣдились въ томъ, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны, что нравственность и религія суть цѣпи, наложенныя на людей деспотами и попами, что просвѣщенный эгоизмъ есть единственный нравственный принципъ, что душа человѣка и душа свиньи совершенно одно и то же, что „умъ есть географическое названіе" и пр., и пр. Петръ Лавровичъ удивительно подвижной человѣкъ. Едва прочитаетъ онъ въ заграничномъ журналѣ какую-нибудь ученую и политическую новость, тотчасъ, какъ Бобчинскій, бѣжитъ разглашать ее вездѣ, куда только довволенъ ему доступъ. Писать онъ избѣгаетъ, от-

части потому, что боится цензуры, а отчасти потому, что пишетъ прескверно—темно и запутанно. Онъ лучше любитъ путь тихой, ползучей пропаганды и особенно падокъ до молодыхъ людей и женщинъ, которыхъ ему легче начинять всякимъ вздоромъ во имя прогресса. Прежде „Колоколъ" былъ для него источникомъ всѣхъ великихъ истинъ и убѣжденій. Но съ той поры, какъ „Колоколъ" затихъ, Петръ Лавровичъ сдѣлался эклектикомъ въ опредѣленномъ смыслѣ — въ смыслѣ соціализма и матеріализма.

Вечеромъ на музыкѣ въ вокзалѣ. Народу было несмѣтное множество, несмотря на дурную погоду—бурный вѣтеръ и то и дѣло набѣгавшій дождь. Духота въ залѣ была невыносимая. Я ушелъ въ половинѣ десятаго. Послѣ, говорятъ, произошелъ скандалъ: драка между двумя какими-то гуляками—что въ добропорядочномъ Павловскѣ рѣдкость. А одного посѣтителя поймали, когда онъ вздумалъ посѣтить чужой карманъ.

— 7. Пятница. Всю ночь свирѣпствовала буря: завывалъ вѣтеръ и о крышу стучалъ дождь. Вообще, осень начинаетъ выставлять свою угрюмую рожу. Сегодня только 9°; мрачныя тучи, гонимыя вѣтромъ, почти сплошь застилаютъ небо и угрожаютъ дождемъ. Но зелень удивительно свѣжа. Только рябина и кусты сирени немножко начинаютъ желтѣть.

— 9. Воскресенье. Я съ своего балкона наблюдалъ надъ громаднѣйшей тучей, которая съ неимовѣрной быстротой неслась надъ рѣкою Славянкой и надъ окрестными полями, изливая потоки дождя, слегка задѣвшаго и насъ. Теперь, говорятъ, что эта туча несла въ себѣ не одинъ дождь, но страшный ураганъ, который надѣлалъ много бѣдъ въ сосѣдней деревенькѣ: посрывалъ съ домовъ крыши, повалилъ заборы, раскидалъ на нивахъ копны хлѣба и даже, говорятъ, унесъ одного ребенка, который безъ вѣсти пропалъ. Мы ничего этого не испытали и только дивились издали быстротѣ, съ какою неслась туча среди насъ самихъ окружавшей глубокой тишины.

— 10. Понедѣльникъ. Гуляя, я видѣлъ слѣды разрушенія, причиненнаго вчерашнимъ ураганомъ. Онъ пронесся довольно узкою полосою между нашей дачей, по дорогѣ въ деревню Славянку, и второю Матросскою слабодкою и повалилъ на пути своемъ огромныя деревья, одни повырвалъ съ корнемъ, другіе, по-

ломалъ и разбросалъ повсюду массу сучьевъ и обломковъ. Заходилъ къ Перевозчикову.

Не знаю, почему второе отдѣленіе Академіи наукъ не было приглашено на 25-ти-лѣтній юбилей Пулковской обсерваторіи, который праздновался 7-го августа. Я хочу поговорить объ этомъ съ вице-президентомъ.

— 11. Вторникъ. Всѣ почти трактаты о воспитаніи смотрятъ на человѣка въ дѣтствѣ какъ на существо, которое не сдѣлано, а которое слѣдуетъ сдѣлать. Оттого такая масса правилъ и ученій, часто одно другому противорѣчащихъ, оттого система преслѣдованія каждаго шага ребенка подъ предлогомъ направлять и развивать его. Между тѣмъ, вѣрное правило одно—то, которое выразилъ Сократъ: что воспитателю надлежитъ исполнять только должность повивальной бабки. Есть еще одно обстоятельство, которое нынѣшніе педагоги почти совершенно упускаютъ изъ виду—это вліяніе на человѣка среды, въ которой ему предстоитъ жить и дѣйствовать. И потому эти педагоги вообще очень мало заботятся объ образованіи въ человѣкѣ характера, для чего всего нужнѣе крѣпко установить начало честности и мужества. Главное, чтобы человѣкъ въ состояніи былъ выдержать напоръ всяческихъ искушеній и мерзостей, среди которыхъ ему придется жить, чтобы онъ не боялся борьбы за честную мысль и честное дѣло.

Бо̀льшую часть заблужденій въ умственной области происходитъ отъ смѣшенія понятій о двухъ различныхъ силахъ человѣческаго духа—силы познавательной и силы творческой, между тѣмъ какъ онѣ совершенно различны и ведутъ къ совершенно различнымъ результатамъ. Сила познавательная занимается тѣмъ, что есть; сила творческая тѣмъ, что можетъ, или должно быть.

— 13. Четвергъ. Въ засѣданіи Академіи наукъ. Пекарскій читалъ отрывокъ изъ исторіи Академіи объ астрономѣ Делилѣ. Любопытно.

— 14. Пятница. Три засѣданія въ Академіи: въ нашемъ отдѣленіи, общее и по уваровской преміи. Я объяснялся съ вице-президентомъ и секретаремъ о томъ, почему наше отдѣленіе не было приглашено на празднованіе 25-ти лѣтняго юбилея Пулковской обсерваторіи. Мнѣ отвѣчали, что распоряжался

этимъ Струве и что будто-бы онъ два раза посылалъ къ намъ повѣстки, которыхъ, однако, никто не видалъ. Это долженъ быть чистый вымыселъ. Я выразилъ отъ лица моихъ товарищей неудовольствіе за такое невниманіе, а публика обвиняетъ насъ въ равнодушіи ко всему академическому.

— 19. Среда. Всѣ эти дни холодно, сумрачно, дождливо.

Трудно уважать и самого себя, сознавая себя такимъ ничтожнымъ и жалкимъ существомъ, какъ человѣкъ.

— 20. Четвергъ. Мнѣ кажется, что всякая радость жизни является похищеніемъ у судьбы. Есть что-то не законное въ такъ называемомъ счастіи, особенно, если вспомнить, какъ много людей страдаютъ и умираютъ, не ощутивъ въ жизни ничего, кромѣ скорби.

Неужели одни несправедливые въ состояніи пользоваться нѣкоторыми дарами жизни? Почти такъ.

Въ совѣтѣ по дѣламъ печати я представилъ мнѣніе о статьѣ для „Русскаго Вѣстника", въ которой излагаются сцены изъ эпизода первой холеры въ 1830—1831 гг. Московскій цензурный комитетъ не хотѣлъ пропустить этой статьи, потому что въ ней много страшныхъ сценъ, и разсказывается о крестьянскомъ возстаніи. Въ послѣднемъ комитетъ видитъ сословный антагонизмъ. Я возразилъ, что исторія не обязана льстить сентиментальнымъ наклонностямъ, а обязана быть правдивою. Что-же касается сословнаго антагонизма между крестьянами и помѣщиками, нынѣ о немъ не можетъ быть и рѣчи. Со времени происшествія (холеры) прошло уже болѣе четверти столѣтія, и оно со всѣми своими подробностями принадлежитъ исторіи. Совѣтъ согласился съ моимъ мнѣніемъ.

Въ засѣданіи Академіи. Промахъ Пекарскаго, который пѣснь о постриженіи царицы Евдокіи Лопухиной счелъ за открытіе, а она давно уже напечатана въ „Русскомъ Архивѣ".

— 27. Четвергъ. Когда россіянинъ говоритъ о честности, то это все равно, какъ бы глухой говорилъ о музыкѣ.

— 29. Суббота. Юбилей академика Карла Максимовича Бера. У насъ ничего не умѣютъ сдѣлать такъ, чтобы это было прилично и безобидно для всѣхъ и каждаго. Во-первыхъ, обѣдъ былъ въ залѣ ресторана Демута, до того тѣсной, что посѣтителямъ приходилось сидѣть чуть не на колѣняхъ другъ у друга,

и оттого произошла невыносимая духота. Одному, и именно Штакельбергу, даже сдѣлалось дурно. Потомъ, ни малѣйшаго порядка, ни малѣйшаго соблюденія обыкновенныхъ приличій и торжественности, хоть сколько-нибудь напоминающей объ идеѣ празднества. Шумъ, гамъ, стукотня, какіе-то неистовые возгласы во время чтенія рѣчей, вскакиваніе съ мѣстъ и возвращеніе къ нимъ со стукомъ и грохотомъ. Первая рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ Миддендорфа прошла еще кое-какъ благополучно. Но затѣмъ уже не было никакой возможности что-нибудь сказать или услышать. Я рѣшился не говорить моей рѣчи и уѣхать тотчасъ послѣ пирожнаго, тѣмъ болѣе, что боялся опоздать на Царскосельскую желѣзную дорогу и не попасть на ночь домой въ Павловскъ. Меня остановили секретарь Академіи Веселовскій, Бетлингъ и прочіе распорядители праздника, говоря, что это будетъ очень неловко, такъ какъ я нахожусь въ программѣ чтенія.—Да какъ-же я буду говорить въ этомъ хаосѣ? спросилъ я.—Выждите минуту и начните. Но этой минуты тщетно было ожидать. Я вырвалъ изъ моей рѣчи нѣсколько фразъ, кое-какъ бросилъ ихъ передъ Беромъ—это было все безсмысленно и нелѣпо—и тотчасъ бѣжалъ, жалѣя о потерянномъ времени и о Берѣ, котораго такъ недостойно чествовали. Еще непристойность. Послѣ провозглашенія тоста въ честь Государя обыкновенно музыка играетъ „Боже, Царя храни“. Тостъ былъ провозглашенъ, три раза повторилось обычное ура!—музыка молчитъ. Тщетно Литке дѣлаетъ знаки, чтобы играли: музыка все молчитъ. Наконецъ, онъ начинаетъ сначала тихо, потомъ громче требовать гимна, и только уже послѣ повтореннаго имъ громкаго крика „Боже, Царя храни“ музыка рѣшилась начать національный гимнъ. Все это, однако, составляло только наружную сторону дѣла, внутренняя же вотъ въ чемъ. Во-первыхъ, нѣмцы, очевидно, хотѣли выказать свое торжество надъ русской партіей, что впрочемъ, имъ во всякомъ случаѣ нетрудно, такъ какъ они всегда дѣйствуютъ обдуманно, согласно и твердо, а мы вѣдь не можемъ соединиться втроемъ или вчетверомъ безъ того, чтобы не постараться нагадить другъ другу и не разбиться врознь. Ни одна нѣмецкая рѣчь не удостоила своего вниманія Россіи. Во-вторыхъ, тутъ была партія тѣхъ естественниковъ, которые исповѣдуютъ матеріализмъ. Ей хотѣлось выставить Бера какъ

свое знамя. Но главное, сюда явилось нѣсколько какихъ-то брадатыхъ нигилистовъ и юношей—послѣдователей новѣйшихъ доктринъ. Они за десять рублей пришли поѣсть, выпить и произвести демонстрацію въ пользу своихъ принциповъ. Я видѣлъ нѣкоторыхъ изъ этихъ господъ, которые изъявляли свою готовность на всякій крикъ. Зеленый мнѣ говорилъ, что онъ видѣлъ то-же на своемъ концѣ стола. Нѣмцы, чествуя свою знаменитость, хотѣли, чтобы было какъ можно больше людей, и напустили сюда кого попало. Въ теченіе двухъ недѣль въ каждомъ номерѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ ежедневно печатались зазывы на юбилей. Мудрено-ли, что тутъ очутилось много господъ, которые сюда явились вовсе не для Бера.

Жаль мнѣ, что такъ плохо отпраздновали день дѣйствительно одного изъ достойнѣйшихъ представителей науки, и еще болѣе жаль, что тутъ все соединилось къ тому, чтобы затмить русское имя и русскую мысль. Да и подѣломъ намъ! Кто самъ себя не уважаетъ, тотъ заставляетъ и другихъ себя не уважать.

Сентябрь. — 3. Четвергъ. Переѣздъ съ дачи. Ужасная возня. Возы съ вещами насилу пріѣхали къ одиннадцати часамъ ночи. Хорошо, что еще ночи лунныя.

— 5. Суббота. Засѣданіе въ Академіи наукъ. Президентъ было опять поднялъ вопросъ о II-мъ отдѣленіи, т. е. о сліяніи его съ III-мъ. Такъ какъ я главный противникъ этого слиянія, то Литке обратился ко мнѣ, чтобы я высказалъ мое мнѣніе относительно компромиса, предложеннаго нѣкоторыми членами. Компромисъ состоялъ въ томъ, чтобы слить всѣ отдѣленія въ одну безразличную массу, и тогда не было-бы никакой обиды національному чувству и отечественной наукѣ въ уничтоженіи втораго отдѣленія, которое такимъ образомъ раздѣлило-бы только общую судьбу всѣхъ другихъ отдѣленій. Я возразилъ, что вообще едва-ли раціонально и выгодно для науки создать одну огромную машину, которая естественно будетъ тяжела и неповоротлива при рѣшеніи спеціальныхъ вопросовъ, принадлежащихъ какой-либо отдѣльной группѣ свѣдѣній. Комиссіи не помогутъ дѣлу. Назначать ихъ каждый разъ по каждому текущему вопросу было-бы странно, а образовать постоянныя комиссіи значило-бы допустить тѣ-же отдѣленія. Мнѣ кажется, что для спасенія II-го отдѣленія отъ стыда исключительнаго закры-

тія не слѣдуетъ прибѣгать къ мѣрѣ, неудобной для всей Академіи. И въ такомъ случаѣ гораздо естественнѣе и согласнѣе съ достоинствомъ Академіи и съ національнымъ чувствомъ оставить II-е отдѣленіе въ томъ видѣ, какъ оно есть, уменьшивъ только число членовъ до пяти или шести и даровавъ имъ права, какими пользуются члены другихъ отдѣленій. Говорили много и не пришли ни къ какому рѣшительному заключенію. Срезневскій началъ было увертываться, однако, скоро понялъ, что это нехорошо, и выразился въ пользу моего мнѣнія. Билярскій и Гротъ молчали, Пекарскій что-то пробормоталъ, кажется, противъ, но ничего не сказалъ. Когда Устрялова спросили, считаетъ-ли онъ полезнымъ присоединить исторію ко II-му отдѣленію, онъ хриплымъ, едва слышнымъ голосомъ отвѣчалъ, что считаетъ за лучшее оставить ее въ III-мъ, но не подтвердилъ этого никакимъ мотивомъ. Больше его не тревожили. Устряловъ, мнѣ кажется, очень нехорошъ. Лицо у него вспухло и побагровѣло. Я думаю, что онъ долго не проживетъ.

— 6. Воскресенье. Сегодня Воскресенскій, исправляющій должность ректора спб. университета, поднесъ мнѣ отъ имени послѣдняго дипломъ на званіе почетнаго его члена съ весьма любезными изъявленіями.

Вчера отослалъ Веселовскому, по его настоятельному требованію, для напечатанія отрывокъ рѣчи, которую я приготовилъ къ юбилею Бера и изъ которой могъ сказать только нѣсколько фразъ. Онъ требовалъ всей рѣчи. Я послалъ ему только частицу ея, именно то мѣсто, гдѣ мнѣ хотѣлось кратко охарактеризовать философское направленіе ученыхъ трудовъ Бера. Напечатаютъ — хорошо; не напечатаютъ — не будетъ повода къ сплетнямъ.

— 10. Четвергъ. Засѣданіе въ Академіи наукъ и въ совѣтѣ по дѣламъ печати. Толки о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ одной изъ статей въ нихъ сильно нападаютъ на Головнина по поводу книги Шедо-Ферoти, написанной въ защиту управленія въ Польшѣ, и которую Головнинъ повсюду разсылалъ. Въ другой статьѣ говорится о пожарахъ нынѣшняго лѣта. Тутъ сгруппированы всѣ бывшіе пожары вмѣстѣ съ симбирскимъ и сдѣлано замѣчаніе о поджогахъ. Статья эта, говорятъ, произвела сильное впечатлѣніе за границей.

— 14. Понедѣльникъ. Ежели есть что-нибудь достовѣрное на свѣтѣ, такъ это то, что нѣтъ ничего достовѣрнаго.

Многіе точно также злоупотребляютъ наукою, какъ и другими вещами. Они считаютъ за науку весь соръ и хламъ, который удается имъ подобрать. Они до крайности злоупотребляютъ словомъ—фактъ; имъ нѣтъ никакого дѣла до смысла его.

Въ пожарахъ обвиняютъ поляковъ, которыхъ цѣлыми толпами выселили изъ Царства Польскаго и изъ западныхъ губерній во внутренніе города Имперіи. Мнѣ кажется, что это въ самомъ дѣлѣ ошибка администраціи. Конечно, они не жгутъ городовъ, но содѣйствуютъ распространенію среди легковѣрной молодежи зажигательныхъ идей.

Иной не знаетъ, куда дѣвать свои дни, такъ много у него празднаго времени. Такимъ нечего жаловаться на скоротечность жизни.

— 15. Вторникъ. Ничто столько не содѣйствуетъ распространенію и усиленію умственной лѣни, какъ неумѣренное чтеніе. Страсть искать всего въ книгахъ и отъ книгъ ожидать во всемъ вразумленія, правилъ и наставленій ослабляетъ силу самостоятельнаго мышленія, стѣсняетъ дѣятельность разума и устраняетъ благотворное на насъ вліяніе собственнаго опыта и наблюденія На жизнь мы привыкаемъ смотрѣть всегда чужими глазами. Она становится для насъ чѣмъ-то далекимъ, и мѣсто ея заступаютъ отвлеченныя понятія. Неумѣренное чтеніе раздражаетъ умъ гораздо больше, чѣмъ просвѣщаетъ и укрѣпляетъ его. Не это-ли многочитаніе, поглощающее время и умственныя наши силы, причиною того, что въ наше время такъ мало твердыхъ умовъ и твердыхъ характеровъ?

— 16. Среда. Катковъ рѣшительно присвоилъ себѣ монополію патріотизма и думаетъ, что кто не по его началу и не по его способу выражаетъ свои патріотическія чувства, тотъ не только не патріотъ, а даже чуть не предатель отечества. Онъ то и открылъ настоящій способъ патріотизированія мыслей и поступковъ, и до него и безъ него никто изъ русскихъ не зналъ-бы, въ чемъ состоитъ патріотизмъ. Впрочемъ, это свойство большинства москвичей смотрѣть на всю остальную Россію свысока, точно они этимъ какъ-бы хотятъ напомнить претензію древней Москвы на самодержавіе. Правда, въ Петербургѣ много нѣмцевъ,

но тутъ нѣтъ также недостатка и въ настоящихъ русскихъ, только послѣдніе не такъ много кричатъ и вопятъ о своемъ патріотизмѣ, какъ москвичи.

— 19. Суббота. Засѣданіе въ Академіи. Ничего, какъ почти всегда.

Былъ у меня Владиславъ Максимовичъ Княжевичъ. Разговоръ о Головнинѣ и о томъ, какъ онъ разсылалъ книгу Шедо-Ферроти. Это произвело большой скандалъ, особенно послѣ статьи въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", въ которыхъ опубликовано содержаніе письма Головнина два года тому назадъ къ редакторамъ. Въ письмѣ этомъ онъ восхваляетъ ихъ за статьи по польскому дѣлу и изъявляетъ желаніе собрать ихъ въ одну книжку, напечатать и разослать по учебнымъ заведеніямъ. А теперь онъ разсылаетъ брошюру Шедо-Ферроти, гдѣ изложены о томъ-же предметѣ взгляды совершенно противоположные. Правительственный совѣтъ за отсутствіемъ Государя спрашивалъ у Головнина, точно-ли онъ разсылалъ вездѣ эту книгу и съ какою цѣлью? Онъ отвѣчалъ, что книгу, дѣйствительно, разсылалъ, основываясь на томъ, что если вездѣ и, между прочимъ, въ учебныхъ заведеніяхъ читали нападки (на управленіе въ Царствѣ Польскомъ) по русски, то нехудо, если теперь прочтется защита его по французски. Этотъ отвѣтъ онъ препроводилъ къ Государю.

Говорятъ, что поджигатели въ Симбирскѣ пойманы, и во главѣ ихъ не полякъ, а русскій. Горько, если это правда.

— 21. Понедѣльникъ. Обѣдня и панихида по графѣ Блудовѣ въ память дня его ангела... Возвратился пѣшкомъ съ Перевозчиковымъ, который сегодня именинникъ и звалъ меня къ себѣ на вечеръ.

Славную штуку выкинулъ, какъ говорится, московскій университетъ. Получивъ изъ департамента министерства́ народнаго просвѣщенія двадцать экземпляровъ книги Шедо-Ферроти для раздачи, кому сочтетъ нужнымъ, совѣтъ университета единогласно опредѣлилъ: такъ какъ книга эта не иное что, какъ пасквиль на русское правительство и управленіе, то онъ, университетъ, не считаетъ полезнымъ или умѣстнымъ заботиться о ея распространеніи и полагаетъ возвратить всѣ экземпляры оной въ департаментъ. Что-то скажетъ на это Головнинъ?...

Московскій университетъ, мнѣ кажется, сдѣлалъ только одну ошибку—а именно, назвавъ присланную министромъ книгу пасквилемъ на правительство. Онъ лучше сдѣлалъ-бы, отвергнувъ ее безъ этого слова.

Государь, прочитавъ книгу Шедо-Ферoти, сказалъ:—Вотъ оказали медвѣжью услугу....—Это передалъ мнѣ **.

— 22. Вторникъ. Вчера въ Апраксиномъ переулкѣ или гдѣ-то поблизости вспыхнулъ пожаръ. Однако, его скоро затушили. Пожары у насъ становятся хроническимъ бѣдствіемъ. Въ рѣдкомъ номерѣ газетъ не читаемъ извѣстій о сильныхъ пожарахъ въ разныхъ городахъ и селахъ.

— 23. Среда. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ и публика, и Дума, и полиція признаетъ необходимость обуздать собакъ, которыя бѣгаютъ по городу и кидаются то на лошадей, то на прохожихъ. Нерѣдко также бываютъ печальные случаи бѣшенства и укушенія бѣшеными собаками и взрослыхъ, и дѣтей. Вотъ, напримѣръ, послѣ переѣзда моего съ дачи, въ Павловскѣ вдругъ появилось нѣсколько бѣшеныхъ собакъ и искусало многихъ людей, въ томъ числѣ дѣтей бѣднаго инженернаго полковника П. и его самого. Полиція все принимаетъ мѣры. Въ Думѣ все толкуютъ то о намордникахъ, то о штрафахъ съ хозяевъ и проч.—и вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ толкуютъ, а собаки по прежнему бѣгаютъ по улицамъ, пугаютъ лошадей и людей, бѣсятся и кусаютъ прохожихъ. Вообще сѣверная Пальмира представляетъ изъ себя чудную картину города, гдѣ безопасности гражданъ на каждомъ шагу что нибудь угрожаетъ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы полицейское управленіе совсѣмъ не обнаруживало энергіи. Вотъ, напримѣръ, надняхъ у Гостиннаго двора подъ арками запрещено разносчикамъ продавать плоды и они изгнаны оттуда, какъ сказано въ объявленіи оберъ-полиціймейстеръ, за то, что производили тамъ нечистоту и грубо обращались съ покупателями. Теперь, чтобы купить десятокъ яблокъ или грушъ, надо идти или на Щукинъ дворъ, или въ Милютины лавки.

О пожарахъ мы знаемъ только, что они случились и случаются тамъ-то, больше ничего намъ не сообщается.

Въ Симбирскѣ уже разстрѣляли двухъ признавшихся въ поджогахъ. У нихъ русскія фамилія, хотя одинъ изъ нихъ уроже-

нецъ Витебской губерніи и католикъ. Это, впрочемъ, должно быть только исполнители, настоящіе двигатели дѣла еще не открыты.

— 27. Воскресенье. Поутру у Воскресенскаго. Не засталъ его дома. Оставилъ карточку и письмо съ изъявленіями благодарности совѣту университета за докторскій дипломъ.

— 29. Вторникъ. Катковъ и Аксаковъ считаютъ себя настоящими опекунами русскаго народа. Къ Петербургу они питаютъ ненависть и презрѣніе, и его правительственное значеніе считаютъ чистой узурпаціей. Стоитъ только жить въ Петербургѣ, чтобы, по ихъ мнѣнію, потерять всякое патріотическое чувство къ Россіи. Тотъ не патріотъ, кто не оретъ, не бѣснуется, не ломаетъ стульевъ и столовъ.

Разнесся слухъ, которому я, однако, не вѣрю, будто московскій университетъ просилъ у министра народнаго просвѣщенія извиненія за свой поступокъ съ книгою Шедо-Фероти. Я съ самаго начала былъ того мнѣнія, что московскій университетъ погорячился, но лишь въ томъ, что назвалъ эту книгу пасквилемъ. Это, конечно, было сказано крѣпко—но и извиненіе тоже выходитъ крѣпко. Объ извиненіи говорилъ Чевкинъ Княжевичу въ Государственномъ совѣтѣ. Княжевичъ послалъ вопросъ въ Москву къ одному изъ своихъ пріятелей, правда-ли это? но отвѣта еще не получилъ.

Октябрь.—1. Четвергъ. Вечеръ у **. Тутъ нашелъ я много, такъ называемыхъ, знаменитостей, среди которыхъ я казался себѣ такимъ маленькимъ, такимъ маленькимъ! Забавно, что всѣ эти господа осматривали другъ друга, какъ собаки, готовыя къ схваткѣ и къ взаимному кусанію. Все это громадныя самолюбія съ претензіями на абсолютную непогрѣшимость и съ стремленіемъ нагадить всякому, чѣмъ Богъ послалъ, лишь только этотъ всякій осмѣлится обнаружить мнѣніе несогласное съ ихъ мнѣніемъ. Вотъ наши ученыя и литературныя общества! Въ нихъ уже никакъ нельзя явиться, не нося камня за пазухой. Пріятное препровожденіе времени! Одинъ посмотрѣлъ на меня свирѣпо, другой свысока, третій и вовсе не удостоилъ взглядомъ. Правду сказать, я самъ обратилъ на все это вниманіе только ради его смѣшной стороны. Весь вечеръ я проговорилъ съ Г., съ его женою, моею бывшею институтскою ученицею, большою умни-

цею, и съ какимъ-то профессоромъ одесскаго лицея. Такъ проведено время до половины двѣнадцатаго ночи.

— 2. Пятница. Не умолкаютъ толки о Головнинѣ, московскомъ университетѣ и Шедо-Фероти. Петербургъ давно не имѣлъ случая потѣшиться такимъ хорошимъ скандаломъ. А сколько лгутъ—не приведи Господи! Нѣтъ рѣшительно никакой возможности добраться до истины между этими безчисленными: „я самъ тому свидѣтель—я слышалъ изъ устъ самовидца—слышалъ отъ достовѣрнѣйшаго человѣка и пр., и пр.

— 4. Воскресенье. Поутру былъ съ визитомъ у Егора Оттовича Дуве, начальника винныхъ акцизовъ въ Витебской губерніи. Отъ него услышалъ я о новомъ распоряженіи, чтобы всѣ поляки, служащіе тамъ, были немедленно уволены отъ своихъ должностей съ предоставленіемъ имъ права искать себѣ мѣстъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Хорошо и должно говорить о русскомъ элементѣ, о преобладаніи его надъ элементами другихъ народностей въ Имперіи. Но пока мы будемъ только говорить или кричать по московски объ этомъ, мы немного пользы сдѣлаемъ. Надобно, чтобы вся наша народность подтверждала это право на преобладаніе не одною своею численностью и грубою силою, а своимъ развитіемъ, своими умственными, нравственными и общественными успѣхами. Теперь, кажется, рано еще слишкомъ кричать объ этомъ, потому что успѣхи наши не блестящи. Наша народность пока сильна только своею численностъю, смутнымъ сознаніемъ своей силы и смутнымъ-же стремленіемъ къ самостоятельности. Разумѣется, и эту силу, и эту самостоятельность, равно какъ и сознаніе ихъ, надо всячески поддерживать, но не крикомъ и показываніемъ кулаковъ, а болѣе дѣятельными и твердыми стремленіями къ развитію нашихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, къ развитію народной интеллигенціи. Пока это не будетъ засвидѣтельствовано опытами и очевидными результатами, до тѣхъ поръ ни нѣмцы, ни поляки не будутъ насъ внутренно уважать, а будутъ только насъ бояться да ненавидѣть и порочить. Намъ слѣдуетъ быть скромнѣе и умѣреннѣе, а не слѣдовать примѣру московскихъ журналистовъ, которые хвастаютъ, что они одни открыли и знаютъ настоящій составъ русскаго патріотизма—изъ какихъ спецій состоитъ этотъ соусъ.

— 6. Вторникъ. Обѣдалъ въ клубѣ. Встрѣтилъ много знакомыхъ. Разговоръ въ кружкѣ, состоявшемъ изъ меня, изъ директора департамента сборовъ, Маркевича и Гончарова. Директоръ былъ недавно въ губерніяхъ и вывезъ оттуда, какъ онъ говоритъ, очень грустное впечатлѣніе. Вездѣ хаосъ. Рѣчь зашла о пьянствѣ.—Обвинять въ этомъ акцизную систему, сказалъ директоръ,—нельзя: это страшное, наслѣдственное наше зло.— Однако, надо-же противъ этого принять какія-нибудь мѣры.— Да, вотъ мы и приняли мѣру: увеличеніе пошлины за патенты на открытіе питейныхъ заведеній. Полагаютъ, что это уменьшитъ ихъ число, а съ уменьшеніемъ мѣстъ питья и пьянство должно уменьшиться.—Но это не отвратитъ зла. Тутъ надо взять вещи глубже. Зло въ нравахъ, и надо-бы принимать соотвѣтственныя мѣры.—Конечно, продолжалъ директоръ, полиція могла-бы препятствовать нѣсколько распространенію зла. Но полиція находится въ полномъ бездѣйствіи.

Маркевичъ разсказалъ нѣсколько фактовъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ самъ, объ отношеніяхъ нашего народа къ полякамъ, группами раскиданнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по внутреннимъ губерніямъ. Сначала онъ дико смотритъ на нихъ и негодуетъ, что къ нимъ насылаютъ этихъ „измѣнниковъ“. Но такъ какъ эти „измѣнники“ хитры и по наружности ведутъ себя неукоризненно, то скоро ненависть къ нимъ уступаетъ мѣсто самому радушному и ласковому обращенію.

— 8. Четвергъ. Низшее смѣняется высшимъ, которое парализуетъ это низшее. Но скачками ничего не дѣлается: черезъ низшее нельзя перешагнуть къ высшему, а надо взглянуть ему прямо въ лицо и заставить его уступить высшему, потому что оно оказывается передъ нимъ несостоятельнымъ, какъ несостоятельно все слабѣйшее передъ сильнѣйшимъ, неправое передъ правымъ, одностороннее передъ болѣе полнымъ и прочее. И низшее должно быть—но быть и господствовать должно высшее.

Одинъ трудъ даетъ право на вознагражденіе, лучшее достигается одними пожертвованіями, побѣда — битвами. Всѣ эти истины извѣстны до пошлости, однако, повторять ихъ приходится часто.

— 9. Пятница. Конвенція, заключенная Наполеономъ съ Викторомъ Эммануиломъ, уже тѣмъ много говоритъ въ пользу Италіи,

что она заключена съ Италіей, а не съ Римомъ. Какое-бы ни было ея содержаніе, а важно то, что существенною стороною тутъ признается Италія и о дѣлахъ папы трактуется не съ нимъ, а съ нею. Какого еще доказательства преобладанія Италіи въ Италіи?

— 11. Воскресенье. У А. М. Княжевича. День его рожденія. Ему минуло 72 года.

Слухи, что Головнинъ писалъ къ Государю, откровенно признаваясь въ ошибкѣ своей, подавшей поводъ къ извѣстному (событію) съ Шедо-Фероти. Онъ оправдывается тѣмъ, что увлекся безпредѣльною (преданностью) своею... и прибавляетъ, что если имѣлъ несчастіе навлечь на себя этимъ неудовольствіе Государя, то проситъ уволить его отъ должности. Государь будтобы отвѣчалъ, что это пустяки, чтобъ онъ не безпокоился и оставался на своемъ мѣстѣ.

— 12. Понедѣльникъ. Странное, дикое время! Разладица всеобщая: административная, нравственная и умственная. Деморализація въ народѣ и въ обществѣ растетъ и зрѣетъ съ изумительною быстротою. Умы серьезные тщетно стараются противодѣйствовать злу. Да и много-ли ихъ, этихъ умовъ? Общественное воспитаніе запуталось въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ, т. е. въ разныхъ педагогическихъ умозрѣніяхъ, необдуманныхъ еще и не выработанныхъ: ему недостаетъ твердыхъ ни умственныхъ, ни нравственныхъ началъ. Власть никѣмъ не уважается. О законѣ и законности и говорить нечего: они и прежде имѣли у насъ только условное своеобразное значеніе, т. е. настолько, насколько ихъ можно было обойти въ свою пользу. Настоящей, такъ сказать, разумной (перемѣны) намъ не изъ чего дѣлать: у насъ нѣтъ матеріаловъ для нея, хотя, повидимому, все къ ней и клонится. Но, по свойству нашихъ нравовъ и по складу нашего ума, мы способны дойти путемъ деморализаціи до состоянія полной анархіи, на что уже и теперь есть очевидные намеки. Странное, дикое время!

— 13. Вторникъ. Свѣтитъ-ли Божье солнце на землю, трещитъ-ли морозъ въ 20°, идетъ-ли дождь, стоишь-ли ты по колѣни въ грязи — во всемъ исполняются непреложные законы природы. Кричи сколько хочетъ человѣкъ—въ одномъ случаѣ: „мнѣ тепло“, въ другомъ: „мнѣ холодно и сыро“—онъ этимъ

ничему не поможетъ. Однако, была-бы ложь, если-бъ я думалъ и говорилъ противное.

— 14. Среда. Въ оперѣ. Давали „Сонамбулу". Увы! и тѣни ничего подобнаго съ тою „Сонамбулою", въ которой нѣкогда участвовали Віардо, Рубини, Тамбурини. Я уѣхалъ послѣ половины пьесы. На нашемъ корридорѣ въ театрѣ учинено воровство: оставили безъ шубъ трехъ дамъ. Лакей ушелъ въ раекъ смотрѣть представленіе, оставивъ шубы на чье-то попеченіе: вернулся и ни шубъ, ни попечителя не оказалось больше въ наличности.

— 15. Четвергъ. Безчисленные толки о поѣздкѣ Государя во Францію, о его свиданіи съ Наполеономъ и особенно о поѣздкѣ Наслѣдника въ Римъ. Толки эти, разумѣется, не опираясь на знаніе тайныхъ пружинъ дипломатіи, заключаютъ въ себѣ не много правдоподобнаго. Приверженцы „Московскихъ Вѣдомостей" говорятъ, что насъ хотятъ закурить ѳиміамомъ, завлечь въ невыгодныя уступки по восточнымъ дѣламъ, что Наполеонъ непремѣнно насъ надуетъ и т. д. Но поѣздка въ Римъ Наслѣдника цесаревича Николая Александровича, дѣйствительно, явится странною—если только она состоится. Тамъ недавно (осуждали) насъ наповалъ. Мы принуждены были отозвать оттуда нашего посланника—и вотъ, однако, намѣрены сдѣлать визитъ св. отцу. Непонятно! Подождемъ объясненій отъ всеобъясняющаго времени.

Поджоги у насъ дѣлаются чѣмъ-то въ родѣ маніи, чѣмъ-то въ родѣ препровожденія времени. Недавно поймали одного поджигателя. У него спросили, что побудило его къ поджогу: мщеніе, желаніе воровать? Онъ отвѣчалъ, что ни то, ни другое, а онъ поджогъ такъ, и самъ не знаетъ почему. Другой самъ донесъ на себя и на подобные вопросы отвѣчалъ такимъ-же точно образомъ. Вотъ широкая натура! Однако-жъ, что это такое? Аксаковъ скажетъ, что это великія силы великой національности, не направленныя какъ должно и потому проявляющія въ себѣ преимущественно элементъ разрушенія. А въ сущности, я думаю, это объясняется проще. Русскій человѣкъ въ настоящій моментъ не знаетъ ни права, ни закона. Вся мораль его основана на случайномъ чувствѣ добродушія, которое, не будучи ни развито, ни утверждено ни на какомъ сознательномъ началѣ, иногда дѣйствуетъ, а иногда заглушается другими болѣе дикими

инстинктами. Единственною уздою его до сихъ поръ былъ страхъ. Теперь страхъ этотъ снятъ съ его души. Слабость существующей еще надъ нимъ правительственной опеки такова, что онъ опеку эту въ грошъ не ставитъ. Безнаказанность при полномъ отсутствіи нравственныхъ устоевъ подстрекаетъ его къ подвигамъ, которые онъ считаетъ простымъ молодечествомъ, а нерѣдко и корысть руководитъ имъ. . . . . . Безнаказанность и „дешевка"— вотъ гдѣ сѣмя этой деморализаціи, которая свирѣпствуетъ въ нашемъ народѣ и превращаетъ его въ звѣря, несмотря на его прекрасныя способности и многія хорошія свойства.

— 16. Пятница. Держись крѣпче—за что нибудь да держись, чтобы вотъ этотъ приливъ и напоръ темныхъ мыслей не увлекъ тебя въ бездну. Характеръ, нравственное самообладаніе, свобода—вѣдь это тѣ старыя ступени, на которыхъ ты думалъ всегда основать и утвердить себя: неужели онѣ сгнили и подломились?

Былъ Порошинъ. Теперь онъ пріѣхалъ изъ Парижа съ цѣлью, нельзя-ли собрать здѣсь средства и матеріальныя, и литературныя, чтобы издавать въ Парижѣ журналъ о Россіи въ родѣ „Revue Britanique". Онъ жаловался мнѣ на современную безучастность къ этому дѣлу, встрѣченную имъ какъ между людьми мысли и науки, такъ и между сильными. Его приглашаютъ занять въ университетѣ каѳедру финансовыхъ наукъ.

— 17. Суббота. Я отказался отъ составленія отчета за нынѣшній годъ по II-му отдѣленію Академіи наукъ. Отчетъ долженъ быть читанъ 29-го декабря. Это взялъ на себя Я. К. Гротъ.

— 18. Воскресенье. Неужели это правда, что пожарами потѣшаются наши нигилисты, а не поляки, которымъ это сначала приписывали? Изъ послѣднихъ только немногіе привлечены къ отвѣту по этимъ подвигамъ.

Тѣло изнашивается, какъ платье. Въ немъ дѣлаются прорѣхи, которыя медицина старается кое-какъ заштопать или положить на нихъ заплату. Но, наконецъ, оно превращается въ тряпку, годную только на то, чтобы ее выбросить и зарыть въ яму.

— 19. Понедѣльникъ. Иные люди съ заслугами: такъ и хотѣлось-бы ихъ уважать. Но когда увидишь, какъ непомѣрно они себя цѣнятъ, въ какое величіе облекаются и какъ безпрестанно

смотрятся въ зеркало своего самолюбія до полной утраты всякой способности видѣть что-нибудь, кромѣ себя и своей красоты, то немедленно прячешь опять свое уваженіе подальше. Такъ оно и остается едва-ли не навсегда въ экономіи.

До какой степени, однако, исподличались люди нашего времени, если справедливо, что пожары произведены были (нигилистами).... Вотъ какимъ способомъ они хотятъ улучшить судьбу рода человѣческаго.

— 20. Вторникъ. Обѣдалъ въ клубѣ. Встрѣча со многими знакомыми, особенно съ бывшими моими студентами, которые, повидимому, рады были видѣться со мною. Бесѣда съ разными лицами. Все одно и то же: нескончаемыя жалобы на нынѣшнее положеніе вещей, на всеобщую разладицу и распущенность. Земскія учрежденія никакъ не прививаются. Помѣщики жалуются, что ихъ помазали по губамъ—обѣщали имъ серьезныя занятія, а вмѣсто того дали программу, для которой не стоило дѣлать столько ломки и шуму. Оттого между болѣе значительными и умными помѣщиками возникла пассивная оппозиція. Такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ. Жалобы также на то, что пошлый демократизмъ принимаетъ все бóльшіе и бóльшіе размѣры и грозитъ важными бѣдами. Мужикъ не исполнилъ своихъ обязанностей, мужикъ вырубилъ вашъ лѣсъ, или какимъ-нибудь другимъ образомъ у васъ своровалъ—вы не найдете на него управы у мѣстныхъ властей.

Мы все спускаемся по скату и съ неудержимой быстротой мчимся въ пропасть, которой предѣловъ и дна не видно. Что дѣлать! исторія ничего даромъ не даетъ—видно и намъ приходится поплатиться. Вѣдь съ Петра Великаго мы находимся въ неестественномъ и напряженномъ состояніи. Надобно-же, чтобы это разрѣшилось какимъ-нибудь кризисомъ. Я не вѣрю въ необходимость сочиняемыхъ революцій. Но если ихъ сочиняетъ исторія? Надобно, однако, стараться купить у ней то, что она неизбѣжно и неотразимо навязываетъ, какъ можно дешевле—заплатить 50, когда она запрашиваетъ 100. Долгъ каждаго честнаго человѣка содѣйствовать этому удешевленію, а не накапливать дѣлъ, за которыя придется платить страшные проценты. Вотъ почему я мой либерализмъ смягчаю консервативнымъ принципомъ.

Либерализмъ надобно просѣевать сквозь сито консерватизма: пусть выпадаетъ чистая мука, а шелуха выбросится вонъ.

— 21. Среда. Обсуживать фактъ столько-же необходимо, какъ и имѣть о немъ понятіе. Обсуживать фактъ—значитъ открывать смыслъ его, его отношеніе къ другимъ фактамъ и мѣсто, занимаемое имъ въ ряду ихъ. Впрочемъ, многіе другіе интересы могутъ сопрягаться съ извѣстнымъ фактомъ и входить въ сужденіе о немъ.

Мыслящій ученый долженъ обсуживать факты.

— 22. Четвергъ. Память по Невѣровскомъ въ церкви института слѣпыхъ. Служба была очень хороша, также и пѣніе бѣдныхъ слѣпыхъ.

— 24. Суббота. Если вы не будете чувствовать отвращенія ко всему злому и безобразному, то какъ-же вы почувствуете расположеніе къ доброму и прекрасному?

Засѣданіе въ Академіи наукъ. Послѣдовало соглашеніе между членами II-го отдѣленія насчетъ необходимости поддерживать самостоятельность послѣдняго, на которую было посягнула комиссія для разсмотра проекта новаго устава. Сперва только я и Срезневскій были защитниками этой самостоятельности, но когда предложена была комбинація, чтобы отъ III-го отдѣленія взять русскую исторію и древности и присоединить ихъ, по сродству предметовъ, ко II-му отдѣленію, тогда къ нимъ пристали Гротъ и Пекарскій. Одинъ противъ всего этого оставался Билярскій, изъ какихъ видовъ—уже не знаю.

Еще Гротомъ предложено было, чтобы членовъ-корреспондентовъ разъ въ мѣсяцъ приглашать на наши засѣданія „для литературнаго оживленія". Противъ этого возсталъ Пекарскій—почему? казалось-бы непонятнымъ. Впрочемъ онъ объявилъ, что къ литературѣ и литераторамъ не питаетъ ни малѣйшаго сочувствія. Онъ хочетъ быть вѣренъ одной наукѣ, но о наукѣ имѣетъ самое странное одностороннее понятіе. Онъ, повидимому, думаетъ, что она состоитъ единственно въ выпискахъ изъ архивныхъ актовъ и въ накопленіи матеріаловъ на подобіе того, какъ онъ это сдѣлалъ въ своей книгѣ о литературѣ и наукѣ въ эпоху Петра Великаго. Положимъ, трудъ этотъ—трудъ почтенный, но тѣмъ не менѣе нельзя смотрѣть на науку такъ узко. Для Пекарскаго, кажется, мысль не существуетъ въ наукѣ: факты, цифры, буквы—

вотъ все, что онъ признаетъ въ ней. Срезневскій согласился со мной на предложеніе Грота и даже упомянулъ о философскомъ и художественномъ элементѣ въ изученіи литературы.

Срезневскій и Билярскій опять-таки столкнулись въ засѣданіи. Билярскій утверждалъ, что онъ могъ-бы быть въ Академіи (въ III отдѣленіи) представителемъ философіи языка, а Срезневскій увѣрялъ его, что онъ не могъ-бы быть такимъ представителемъ, потому что онъ не знаетъ иностранныхъ языковъ или знаетъ лишь немногіе. Билярскій разсердился и замѣтилъ Срезневскому, что не ему-бы объ этомъ говорить, такъ какъ онъ самъ ничего не знаетъ, и т. д., но я и Гротъ поспѣшили прекратить это, обративъ вниманіе отдѣленія на другіе предметы.

— 26. Понедѣльникъ. Вы поддерживаете матеріальную сторону науки—надо-же, чтобъ были и такіе представители ея, которые поддерживали-бы и ея духовную сторону. Только въ этомъ уравновѣшеніи интересовъ матеріальныхъ съ внутренними и духовными наука находитъ и свою точку опоры и обѣщаетъ счастливые результаты. Разъединеніе этихъ силъ и элементовъ въ наукѣ было бы болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, великою несообразностью.

Писатели—представители живой движущейся мысли; академики — представители мысли установившейся, утвердившейся. Но такъ какъ мысли человѣческой не суждено стоять на мѣстѣ, а, напротивъ, суждено вѣчно идти впередъ, то ей нужно и пособіе силы движущейся и, слѣдовательно, движущей точно такъ же, какъ этой послѣдней нужна сдерживающая сила мысли академической.

Неужели талантъ есть что-нибудь чуждое Академіи? Если Академія его не вырабатываетъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что она не должна его уважать или обязана отъ себя отпихивать тамъ, гдѣ представляются точки соприкосновенія между ею и имъ, какъ напримѣръ въ изслѣдованіи отжившаго языка и литературы съ живымъ языкомъ и литературою. Отдѣленіе русскаго языка и словесности менѣе всего можетъ уединяться отъ жизни и общества, потому что въ языкѣ и литературѣ лежатъ и выражаются самые драгоцѣнные ихъ интересы. Авторитетъ отдѣленія выиграетъ отъ соединенія съ живыми силами литературы, потому что онъ будетъ поддержанъ силами, имѣющими важное

вліяніе на общество. Этимъ соединеніемъ отдѣленіе докажетъ свое уваженіе къ тому, что дорого обществу. И почему считать ничтожнымъ сужденіе живаго талантливаго писателя о достоинствахъ и заслугахъ какого-нибудь автора, уже пріобрѣвшаго себѣ мѣсто въ исторіи. Академія, конечно, должна привлекать въ свои стѣны только тѣхъ писателей, которые обнаруживаютъ несомнѣнный талантъ и сильно содѣйствуютъ эстетическому и умственному развитію общества. Принятіе въ свои сочлены и соучастники такихъ литературныхъ дѣятелей, я полагаю, не унизитъ Академіи, а дастъ ей новый блескъ и значеніе. Она, современемъ, можетъ даже присвоить себѣ какъ бы родъ санкціи значенія писателя и того вниманія, какое ему оказываетъ общество. Тогда, если-бы явился талантъ сомнительнаго свойства или съ такими принципами, которыхъ Академія не можетъ одобрить, и она отвергла-бы его, то это уже не могло-бы служить ей укоромъ. Всякій зналъ-бы, что это происходитъ не отъ равнодушія ея или невниманія къ успѣхамъ живой отечественной словесности, а отъ другихъ совершенно уважительныхъ причинъ. Возраженіе, что Академія тѣмъ самымъ вовлечется въ омутъ разныхъ литературныхъ сплетенъ текущей литературы, мнѣ кажется, не заслуживаетъ серьезнаго вниманія: это значило-бы сомнѣваться въ способности Академіи поддерживать собственное ея достоинство.

Вчера заѣзжалъ ко мнѣ Норовъ: убѣдительно проситъ къ себѣ обѣдать. Чудакъ, ей Богу! Я обѣщался.

— 28. Вторникъ. Это неправда, будто московскій университетъ извинялся передъ министромъ Головнинымъ по дѣлу о книгѣ Шедо-Фероти. Это была одна изъ тысячи сплетенъ.

Къ несчастью, тѣ, которымъ всего нужнѣе знать истинное положеніе дѣлъ, узнаютъ о немъ всегда слишкомъ поздно. Поздно будетъ вразумлять массу въ уваженіи къ закону, къ правамъ собственности помѣщиковъ и пр., когда „передовые люди“ развратятъ ее настолько, что она захочетъ всего. Тогда всякое обращеніе къ порядку, къ закону будетъ сочтено за реакцію.

У насъ еще не выработалось и не установилось никакихъ понятій о законности и правѣ, и потому нѣтъ ничего легче, какъ впасть нашему народу въ совершенную анархію.

Изъ иныхъ головъ, довольно, впрочемъ, пустыхъ, выпрыгива-

ютъ по временамъ легенькія, красивенькія идейки, которымъ страсть какъ хочется побѣгать по свѣту и погулять на волѣ. Слабоумные родители ихъ ни въ чемъ не хотятъ ихъ руководить или стѣснять, и идейки до того распаливаются и становятся такими своенравными, раздражительными, что начинаютъ идти наперекоръ здравому смыслу, который тогда, въ свою очередь, на нихъ ополчается. Иногда онъ не прочь даже и посѣчь ихъ. Самая чувствительная для идеекъ въ такомъ случаѣ розга есть насмѣшка.

Ноябрь.—1. Воскресенье. Утромъ зашелъ къ Ржевскому. Тамъ разговоръ съ здѣшнимъ предводителемъ дворянства Татищевымъ. Онъ показался мнѣ человѣкомъ толковымъ. Жалобы на демократическія притѣсненія помѣщиковъ въ отношеніи къ крестьянамъ. О земскомъ учрежденіи говоритъ, что врядъ-ли его можно примѣнить, что дворянство не хочетъ такого ничтожнаго учрежденія и пр., и пр.

Ни одна изъ многихъ силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, не должна преобладать надъ другими, Всѣ силы должны уравновѣшивать другъ друга, и это стремленіе къ равновѣсію есть разумъ общества, его благодѣтельный ангелъ-хранитель.

Въ наукѣ, напримѣръ, стремленіе собирать и копить матеріалы полезно и необходимо. Но необходимо дать мѣсто и мысли, теоріи. Буквоѣды говорятъ обыкновенно: дайте прежде накопить матеріаловъ, а тамъ послѣ, когда-нибудь вы ихъ осмыслите и оживотворите мыслью и духомъ. Но когда-же? Законченныхъ полныхъ результатовъ вы никогда не дождетесь. Важенъ самый процессъ дѣятельности, ибо человѣкъ есть безпрерывная дѣятельность. Но хорошо-ли въ самомъ процессѣ дѣятельности опираться только на одну силу, исключая другія, столь-же важныя и необходимыя? Хорошо-ли вмѣсто четырехъ или двухъ колесъ ѣхать на одномъ, или смотрѣть однимъ глазомъ, прищуривъ другой?

Вечеромъ у С. Бесѣда съ Лохвицкимъ, Чебышевымъ-Дмитріевымъ и пр. Лохвицкій уменъ, но немножко смахиваетъ на ярыгу. Его завтра будутъ баллотировать въ профессора здѣшняго университета по юридическому факультету. Университетъ, пожалуй, сдѣлаетъ въ немъ пріобрѣтеніе въ отношеніи науки, особенно при нынѣшнемъ безлюдьи—но держи ухо востро, универ-

ситетъ! Онъ постарается прибрать въ руки всю ученую братью, а какъ это ему, конечно, не удастся, то покушенія его будутъ источникомъ большихъ нестроеній въ корпораціи.

Долго разговаривалъ съ Костомаровымъ. Его статья „Вѣче въ Россіи“ заарестована въ цензурѣ, Богъ знаетъ за что. Цензорамъ показалось, что не слѣдуетъ напоминать, что когда-то давно у насъ народъ собирался разсуждать о своихъ дѣлахъ. Мнѣ хочется помочь Костомарову и, какъ совѣтъ по дѣламъ печати, по его жалобѣ, передалъ статью на мое разсмотрѣніе, то я надѣюсь, что мнѣ удастся не допустить цензуру до (запрещенія).

— 2. Понедѣльникъ. Поутру приходилъ Костомаровъ для объясненій по своей статьѣ. Я посовѣтовалъ ему пожертвовать двумя, тремя словами и одной фразой, чтобы не дразнить...

— 3. Вторникъ. Въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ художественной литературы характеры являются искусственно-сложенными, а не органически-развитыми. Таковы, напримѣръ, характеры въ нѣмецкихъ романахъ. Нѣмецъ-романистъ самъ себѣ скажетъ: вотъ надобно составить характеръ чудака-профессора. Является идея чудака-профессора въ видѣ схемы. Потомъ романистъ начинаетъ въ умѣ своемъ подбирать черты, относящіяся къ этой идеѣ. Вотъ, напримѣръ, встрѣчается рожа съ особенно педантическими ужимками—давай ее сюда! Черта берется и бережно откладывается въ сторону. Далѣе слѣдуютъ нѣкоторыя эксцентрическія понятія о жизни, людяхъ и пр. Все это прикладывается одно къ другому, и когда накопится порядочное количество этихъ кусочковъ идеи, по мнѣнію автора достаточное, чтобы наполнить ими схему, онъ ихъ сортируетъ, складываетъ и выходитъ чудакъ-профессоръ, т. е. автоматъ безъ малѣйшихъ признаковъ жизни или съ признаками, пугающими воображеніе читателя, какъ пугаютъ зрителя восковыя фигуры съ смотрящими стеклянными глазами и съ механически размахивающими руками. Это настоящіе Парацельзовы гомункулы.

На чтеніи въ клубѣ. Читалъ Полетика на тему: Земледѣльческое-ли государство Россія? О самомъ вопросѣ онъ не много сказалъ, но вообще говорилъ очень легко, живо и умно. Ему часто хлопали.

— 4. Среда. Наше время принято называть переходнымъ. Но не всѣ-ли времена переходныя, т. е. не всѣ-ли они служатъ сту-

пенью отъ прошедшаго къ будущему. Каждое время не есть что-нибудь самостоятельное: оно стоитъ въ срединѣ между тѣмъ, что было, и между тѣмъ, что будетъ. Отъ одного оно заимствуетъ причины и основанія, а для другого, въ свою очередь, служитъ причиною и основаніемъ. Если за признакъ переходности считать безпорядки, броженія, отсутствіе прочно постановленныхъ началъ и учрежденій—словомъ ломку отжившаго, то и это несправедливо. Переходятъ всегда не къ болѣе прямому или разумному, а къ новому. Это не иное что, какъ законъ вѣчнаго движенія—законъ perpetuum mobile.

— 5. Четвергъ. Засѣданіе въ совѣтѣ по дѣламъ печати. Совѣтъ, послѣ нѣкоторыхъ возраженій, утвердилъ мое представленіе о дозволеніи напечатать статью Костомарова о вѣчѣ въ журналѣ Ахматовой „Дѣло и Отдыхъ“.

Пржецлавскій читалъ свою записку о „злокачественности“ „Московскихъ Вѣдомостей“. Онъ говоритъ въ ней, что газета эта была очень полезна, возбуждая народное чувство во время польскаго возстанія, но потомъ она присвоила себѣ право, дозволенное только въ государствахъ конституціонныхъ, порицать всѣ дѣйствія правительства и высшихъ правительственныхъ лицъ, сдѣлавшись настоящимъ органомъ оппозиціи. Записка, надо отдать ей справедливость, написана ловко и умно. Такъ какъ члены совѣта, въ томъ числѣ и я, при первомъ заявленіи Пржецлавскаго, объявили, что они не подпишутъ протокола, ибо они не могутъ согласиться съ безусловнымъ осужденіемъ московской газеты, хотя и не отвергаютъ, что она вышла изъ предѣловъ, дозволенныхъ у насъ въ печати, то Пржецлавскій доставилъ записку свою прямо министру, Поэтому совѣтъ опредѣлилъ: принять ее къ свѣдѣнію и ожидать дальнѣйшаго распоряженія министра.

— 6. Пятница. Въ прошедшемъ засѣданіи Географическаго Общества Безобразовъ, въ присутствіи великаго князя, читалъ записку о гирлахъ у Ростова-на-Дону, о ихъ засореніи, необходимости очистки ихъ и проч. Тутъ находился, между прочимъ, городской голова Ростова, человѣкъ, говорятъ, умный и значительный. Выслушавъ записку Безобразова, онъ попросилъ слова. Онъ говорилъ о томъ-же, приводя и свои мнѣнія. Въ заключеніе онъ сказалъ:—Но между неудобствами, которымъ въ настоящее время подвергается Ростовъ, есть еще одно весьма важное для

мѣстнаго населенія. Это то, что ни одинъ обыватель не можетъ быть спокоенъ, если не имѣетъ въ своемъ распоряженіи револьвера.

Общее мѣсячное собраніе въ Академіи наукъ. Ничего.

— 8. Воскресенье. Утромъ у Тройницкаго. Онъ очень боленъ. Я засталъ у него четырехъ докторовъ. Худой знакъ! Я спросилъ у Пеликана:—Какая у него болѣзнь? говорятъ, ревматизмъ?—Чистѣйшая подагра, отвѣчалъ онъ. А между тѣмъ, больной увѣренъ, что у него ревматизмъ. Скверно то, что подагра летучая. Она открылась у него вдругъ. Я просидѣлъ у больнаго часа два. Онъ, казалось, былъ доволенъ моимъ посѣщеніемъ и удерживалъ меня. Тутъ я познакомился съ докторомъ Тильманомъ и съ директоромъ земскаго отдѣла Замятинымъ. При уходѣ встрѣтился съ министромъ Валуевымъ, съ которымъ не видѣлся больше года. Очень любезенъ.

— 9. Понедѣльникъ. Какъ ни гадко у насъ все и какъ ни гадки мы сами, а всетаки мы не нѣмцы, не французы, не англичане, а русскіе и должны оставаться русскими.

— 10. Вторникъ. Положеніе ⁂, говорятъ, упрочивается.

Заходилъ къ Норову. Встрѣченъ съ объятіями. У насъ съ нимъ возобновились дружескія отношенія. Жалкій министръ, онъ, какъ человѣкъ, имѣетъ свои привлекательныя качества и, съ возвращеніемъ его къ частной жизни, качества эти опять вступили въ свои права. Наши отношенія теперь уравновѣшены.

Норовъ издалъ книгу „Даніилъ игуменъ“ и снабдилъ ее своими примѣчаніями.

Отчего у людей честныхъ меньше мужества дѣлать честныя дѣла, чѣмъ у мошенниковъ дѣлать злыя?

— 16. Понедѣльникъ. Прегнусная ночь. Въ головѣ барабанило и давило, какъ уже давно не было.

Навѣщалъ больного Тройницкаго. Ему лучше.

— 18. Среда. Депутація остзейскихъ крестьянъ, прибывшая сюда просить Государя о распространеніи на нихъ Положенія 19-го февраля, принята дурно. Она атаковала какъ-то Государя въ Царскомъ Селѣ и была отослана съ флигель-адъютантомъ къ Валуеву, а тотъ велѣлъ ей немедленно отправляться во-свояси. Депутація московскаго купечества совсѣмъ не была принята. Она, какъ говорятъ, являлась для объясненій по поводу торговой

конвенціи, которая, будто бы, заключается не въ пользу русской торговли на основаніи принципа свободы.

⁂ видимо усиливается. Надняхъ Головнинъ давалъ обѣдъ, на который былъ приглашенъ и Валуевъ. Рейтернъ и Головнинъ крѣпче, чѣмъ когда-либо.

Министръ внутреннихъ дѣлъ велѣлъ разсмотрѣть въ совѣтѣ по дѣламъ печати записку Пржецлавскаго о „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и положить по ней свое заключеніе, когда выздоровѣетъ Тройницкій. До меня не дошла еще она. Дѣло это весьма щекотливое. Пржецлавскій подкрался для нанесенія удара газетѣ какъ разъ въ пору, т. е. когда извѣстная партія замѣтно усиливается. Я поступлю, какъ всегда, по своему крайнему убѣжденію.

Говорятъ, Головнинъ многихъ изъ московскихъ профессоровъ представилъ къ обычнымъ наградамъ. Государь всѣмъ отказалъ. Значитъ и правосудіе удовлетворено, и Головнинъ выказалъ свое великодушіе.

— 19. Четвергъ. Накопилась пропасть дѣлъ. Надо еще писать замѣчанія на академическій уставъ. Мой протестъ, однако, помогъ. По новому уставу рѣшено не сливать II-го отдѣленія съ прочими, и предоставить ему самостоятельность.

— 22. Воскресенье. Поутру у В—вича. Разговоръ о нынѣшнихъ дѣлахъ неутѣшительнаго свойства. Онъ человѣкъ умный и честолюбивый, сильно добивался власти и участія въ дѣлахъ, а теперь онъ только сенаторъ. О немъ говорятъ, что онъ не чисто поступалъ въ дѣлахъ раскольничьихъ, которыя при Николаѣ I были ему поручены,—будто бы онъ бралъ съ раскольниковъ взятки, а между тѣмъ проповѣдывалъ чуть не крестовый походъ противъ нихъ. И теперешній взглядъ его на раскольниковъ не отличается либеральностью. Онъ увѣренъ, что въ нихъ таятся сѣмена важныхъ соціальныхъ и политическихъ переворотовъ.

У него встрѣтился я также съ княземъ Урусовымъ, который назначенъ докладчикомъ по дѣламъ Человѣколюбиваго Общества. Эти дѣла, какъ и всѣ другія у насъ, страдаютъ большими неурядицами, особенно въ денежномъ отношеніи.

— 23. Понедѣльникъ. Человѣкъ жалуется на скоротечность жизни. А что бы онъ дѣлалъ съ жизнью болѣе продолжительною?

Жизнь не даръ, а долгъ. Притча о талантахъ заключаетъ въ себѣ глубокую истину.

— 24. Вторникъ. Въ честномъ сердцѣ существуетъ потребность прямо и откровенно высказаться, когда отъ него требуютъ мнѣнія. Объ остальномъ оно не заботится: это уже не его дѣло.

Изъ многихъ опытовъ жизни я узналъ, что въ сумятицѣ человѣческихъ страстей и своекорыстій идея рѣдко одерживаетъ верхъ, если она не поддержана вещественною силою или властью. Высказывайте смѣло и откровенно идею, если сердце ваше бьется для нея: это долгъ честнаго человѣка. Но не унывайте въ тщетности вашихъ усилій дать ей перевѣсъ въ человѣческихъ дѣлахъ: это невозможно, если вы не вооружены властью. Довольно, что вы бросили ее въ водоворотъ человѣческой мысли: можетъ быть она тамъ и не потонетъ. Но вамъ уже не знать вашего собственнаго дѣтища и, можетъ быть, сѣмя вашей идеи взростетъ только на могилѣ вашей.

— 26. Четвергъ. Вчера еще послалъ Веселовскому мои замѣчанія на проектъ новаго академическаго устава. Вѣроятно, на меня будутъ нѣкоторые, а можетъ быть и многіе, сердиться за то, что я сильно возсталъ противъ вызова ученыхъ изъ-за границы и противъ увеличенія пенсій нѣкоторымъ изъ должностныхъ лицъ по Академіи, какъ-то: секретарю, вице-президенту, директорамъ библіотеки и типографіи.

— 29. Воскресенье. Обѣдалъ у Княжевича. Владиславъ Максимовичъ, между прочимъ, разсказалъ анекдотъ о Канкринѣ. Канкрину говорили о какомъ-то господинѣ, который будто бы могъ быть хорошимъ министромъ финансовъ.

— Да, отвѣчалъ Канкринъ, — онъ человѣкъ умный, только чтобы быть дѣйствительно хорошимъ министромъ финансовъ, ему недостаетъ поэзіи.

Декабрь. — 1. Вторникъ. Въ рукахъ человѣка трудолюбиваго и искуснаго, какъ въ природѣ, ничто не должно пропадать даромъ.

Что такое деспотизмъ? Односторонность, поглощеніе всѣхъ однимъ, подчиненіе однимъ интересамъ всѣхъ другихъ интересовъ человѣчества или общества, одной идеѣ—всѣхъ другихъ идей, одной силѣ—всѣхъ другихъ силъ. Онъ нехорошъ, потому что противенъ природѣ вещей—и одинаково нехорошъ въ какой-

бы формѣ ни являлся: въ формѣ-ли политической, нравственной, умственной или соціальной.

— 2. Среда. Вечеръ у Благовѣщенскаго. Тамъ, между прочимъ, познакомился съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, кажется, будущимъ профессоромъ исторіи въ здѣшнемъ университетѣ.

— 4. Пятница. Общее собраніе въ Академіи наукъ. Избранъ въ адъюнкты В. П. Безобразовъ по части статистики и политической экономіи на мѣсто Кеппена. За него было 22 голоса, противъ него 9.

Но самое важное въ Академіи—это было сужденіе о замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ разными членами Академіи на проектъ новаго устава. Толки о томъ, чтобы все издавалось въ Академіи на русскомъ языкѣ. Врядъ-ли это возможно. Въ такомъ случаѣ мы не имѣли бы никакихъ связей съ ученою Европою, которая не знаетъ по-русски. Есть вещи въ наукѣ, которыя должны быть обнародываемы на языкѣ всѣмъ доступномъ, а именно на французскомъ. Въ проектѣ было сказано, что Академія издаетъ свои сочиненія на иностранныхъ языкахъ и на русскомъ „по своему усмотрѣнію". Я предложилъ поправку: „смотря по потребности", потому что слово „усмотрѣніе" отзывается произволомъ. Поправка эта принята единодушно. Въ проектѣ II отдѣленіе (русско-славянское) было почему-то переименовано въ III-е. Я. К. Гротъ стоялъ за старое названіе. Возникли довольно сильныя пренія, Рѣшено удержать старую цифру. Я согласился съ большинствомъ. Броссе насмѣшилъ Академію. Возражая Срезневскому по-русски, онъ выразился, что мнѣніе послѣдняго несогласно „съ добрымъ умомъ".

Второе засѣданіе будетъ въ среду.

Литке показалъ много такта и умѣнія направлять пренія. Онъ и по-русски говоритъ совершенно правильно и чисто. Засѣданіе длилось четыре часа. Да передъ этимъ наше, въ отдѣленіи, около двухъ часовъ. Итого, я высидѣлъ шесть часовъ и досидѣлся до головной боли.

— 5. Суббота. Читалъ обнародованные надняхъ законы о судахъ. Вотъ великолѣпный монументъ нашего времени! Дѣло это станетъ рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ. Между тѣмъ, о немъ, за исключеніемъ небольшаго круга, непосредственно

соприкасающагося съ этимъ дѣломъ, очень мало говорятъ и думаютъ въ обществѣ. Какая-нибудь журнальная сплетня производитъ больше впечатлѣнія, чѣмъ это безсмертное дѣло. Я пробовалъ заговорить объ этомъ, хоть съ нѣкоторыми изъ товарищей по Академіи, но нашелъ мало сочувствія.

Новые законы сначала надѣлаютъ много суматохи. Ихъ не съумѣютъ ни понять, ни оцѣнить, ни примѣнить. Но не должно приходить отъ этого въ отчаяніе, какъ не должно приходить въ отчаяніе отъ лѣтняго дождя, который смачиваетъ на васъ платье, но приготовляетъ обильную жатву.

— 6. Воскресенье. Когда семья накормлена, самъ сытъ и всѣ въ теплѣ, чего-же больше?

Демократизмъ демократизмомъ, но законъ и право должны-бы имѣть также нѣкоторую силу.

Всѣ больше заняты теперь займомъ и лотереей, чѣмъ новымъ законодательствомъ, которое, конечно, составляетъ эпоху въ исторіи русскаго народа. Конечно, и то дѣло, да какъ-же такъ мало принимать участія въ одномъ изъ величайшихъ событій народной жизни.

Навѣщалъ больнаго Тройницкаго. Ему теперь гораздо лучше. Да самому-то мнѣ не лучше. Скверные дни и еще болѣе скверныя ночи.

— 7. Понедѣльникъ. Вечеръ у Литке. Много знакомыхъ. Продолжительный разговоръ съ Устряловымъ и Овсянниковымъ.

— 8. Вторникъ. Имѣть въ виду три монографіи въ видѣ воспоминаній:

1) О Яковѣ Ивановичѣ Ростовцевѣ какъ писателѣ.

2) О Врончевко, Михаилѣ Павловичѣ.

3) О Галичѣ.

Сегодня обѣдала у меня одна молодая и хорошенькая дѣвушка изъ породы тѣхъ, которыхъ ведутъ путемъ прогресса передовые люди въ родѣ Лаврова. Я дразнилъ ее либерализмомъ и философіею. Въ жару защиты того, на что, ей казалось, я особенно нападалъ, а именно, что повиноваться никто и ничему не обязанъ, эта милашка, наконецъ, до того завралась, что стала защищать анархію и съ энтузіазмомъ воскликнула:—анархія самое лучшее состояніе общества! Я очень смѣялся этому и сказалъ ей, что съ удовольствіемъ вижу, что сѣмена такого вели-

каго философа, какъ Петръ Лавровичъ Лавровъ, упали не на безплодную почву. Она еще больше разсердилась. Тѣмъ не менѣе мы разстались друзьями.

— 10. Четвергъ. Чрезвычайное собраніе въ Академіи наукъ. Дочитывались и разбирались замѣчанія на проектъ устава. Мое замѣчаніе о томъ, что изъ проекта слѣдуетъ исключить слова: „изъ двухъ кандидатовъ на вакантное мѣсто въ Академіи—иностраннаго и русскаго—при равномъ достоинствѣ предпочтеніе отдается русскому", не встрѣтило такой оппозиціи, какъ я ожидалъ. Я того мнѣнія, что въ дѣлѣ общечеловѣческой науки, представительницею которой является и наша Академія, единственное рѣшающее значеніе должны имѣть ученые труды и заслуги, а не происхожденіе избираемаго. Однако, опредѣлено внести въ проектъ поправку Срезневскаго: что иностранецъ избирается только въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ достойнаго своего. Я остался при своемъ мнѣніи. Пекарскій потерпѣлъ сильное пораженіе. Онъ возсталъ противъ увеличенія окладовъ канцелярскимъ чиновникамъ. Секретарь на это даже обидѣлся, и все собраніе приняло его сторону.

Желая сохранить для будущей біографіи Я. И. Ростовцева нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ, какъ о писателѣ, я не могу отдѣлить этихъ свѣдѣній отъ моей собственной личности. Ростовцевъ, безспорно, обладалъ литературнымъ дарованіемъ. Но его умственныя силы были рано отклонены на другое поприще, и дарованіе это не успѣло выразиться въ крупныхъ чертахъ. Оно ознаменовалось немногими проявленіями и чертами, которыя могли быть наблюдаемы людьми къ нему близкими и непримѣтно сливавшимися съ обстоятельствами, въ которыя былъ поставленъ Яковъ Ивановичъ въ ранней молодости. Вотъ почему сообщаемыя мною о немъ свѣдѣнія, какъ о писателѣ, должны принять характеръ моихъ воспоминаній.

Бѣда, когда тупымъ и ограниченнымъ людямъ попадется въ руки какая-нибудь истина. Не постигая ея связи съ другими истинами, они думаютъ, что ея на все хватитъ, и удивляются, почему свѣтъ не идетъ такъ, какъ долженъ-бы идти по этой истинѣ. Они забываютъ, что есть еще другія истины, другія требованія, которымъ тоже нужно дать мѣсто въ системѣ жизни.

— 11. Пятница. Приказъ о моемъ увольненіи изъ универ-

ситета помѣщенъ въ 269 № „Спб. Вѣдомостей“. Увольненіе считается съ 1-го іюня 1864 года.

Теперь болѣе всего занимаетъ публику толки о желѣзныхъ дорогахъ на югѣ и о займѣ. Въ вопросѣ о желѣзныхъ дорогахъ борются двѣ партіи. Одна требуетъ дорогъ на Кіевъ, другая—на Харьковъ и Кременчугъ. Основныя причины первой—политическія,—второй экономическія. Говорятъ, въ преніяхъ Географическаго Общества первая партія одержала рѣшительную побѣду. Ожидаютъ теперь, что скажетъ правительство. Тутъ, какъ говорятъ, пришли въ столкновеніе партіи національная, польская и нѣмецкая. Что касается займа, то рѣшительно не добраться толку во всѣхъ о немъ толкахъ. Въ одномъ углу говорятъ, что заемъ совсѣмъ не удался, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ и въ Москвѣ; въ другомъ углу объявляютъ успѣхъ займа колоссальнымъ. Извольте тутъ составить себѣ вѣрное понятіе о современныхъ вопросахъ. Въ то время, напримѣръ, какъ положительно извѣстно, что партія, желающая желѣзной дороги на Харьковъ и Кременчугъ, потерпѣла сильнѣйшее пораженіе въ Географическомъ Обществѣ, „Спб. Вѣдомости“ объявляютъ, что теперь вообще всѣ согласны съ тѣмъ, что дороги не слѣдуетъ проводить на Кіевъ.

— 13. Воскресенье. Иные любятъ предаваться въ наукѣ гимнастическимъ упражненіямъ. Упражненія эти состоятъ въ томъ, чтобы щеголять искусствомъ и ловкостью въ доказаніи или опроверженіи такихъ фактовъ и такихъ понятій, которыхъ ни доказывать, ни опровергать собственно нѣтъ никакой надобности, ни даже возможности. На это удивительные мастера нѣмцы.

— 14. Понедѣльникъ. Вотъ теперь становится кое-что извѣстнымъ о займѣ. Публика подписалась на сто-двадцать милліоновъ. Штиглицъ взялъ на тридцать милліоновъ. Но берлинскій банкиръ Мендельсонъ взялъ всего на милліонъ или полтора, а не на тридцать, какъ говорили.

— 16. Среда. „Московскія Вѣдомости“ мечтаютъ о раздѣленіи власти между собою и правительствомъ: ему предоставляютъ онѣ пока вещественную, а себѣ умственную диктатуру...... По всему видно, что „Московскія Вѣдомости“ опьянѣли отъ успѣха. Онѣ считаютъ себя всесильными, способными подъ эгидою мо-

сковскихъ овацій бороться даже съ властью. Вотъ какъ далеко можетъ зайти русскій человѣкъ! Но неужели общество способно подчиниться такой диктатурѣ, такому свирѣпому и исключительному господству одного ума, одного мнѣнія, и не съумѣетъ выработать въ себѣ другихъ элементовъ умственной силы?

— 17. Четвергъ. Самые негодные люди—люди полуобразованные. Немного получше ихъ такъ называемые образованные, но худшіе изъ худшихъ—это тѣ, которые составляютъ касту ученыхъ, артистовъ, литераторовъ, сказалъ-бы и поповъ, если-бы между многими дурными попами не попадалось и нѣсколько хорошихъ.

Если-бы каждый подвергалъ себя передъ самимъ собою отвѣтственности за дурныя мысли, какъ за дурныя дѣла, то я думаю, что послѣднихъ было-бы меньше.

Надняхъ Модестовъ принесъ мнѣ свою монографію о Тацитѣ. Вещь недурная, и авторъ, кажется, обѣщаетъ быть хорошимъ профессоромъ. Онъ назначается въ Одессу по каѳедрѣ латинской литературы.

Многіе, кому удалось сдѣлать какое-нибудь порядочное дѣло, считаютъ, что это уже какъ-бы даетъ имъ право на множество пакостныхъ дѣлъ.

Вечеромъ у Владислава Максимовича Княжевича. Вотъ одинъ изъ немногихъ, у которыхъ прекрасное сердце и ясный умъ въ связи съ прочно установившимся возвышеннымъ характеромъ. Онъ не скоро даетъ себя понять. По наружности онъ не блестящъ и какъ-будто холоденъ. Съ перваго взгляда въ немъ не подозрѣваешь ни того богатства мысли, ни той энергіи въ преслѣдованіи добра, ни той деликатности и полноты сердца, какими онъ васъ изумитъ, когда вы поближе съ нимъ познакомитесь. Онъ не спѣшитъ себя изобличить, а предоставляетъ вамъ самимъ открыть то, что другіе такъ любятъ держать напоказъ. Зато полюбивъ его разъ, кажется, уже никогда не разлюбишь, если только самъ не перестанешь быть достойнымъ любви. Онъ далеко не чуждъ новыхъ идей. Онъ любитъ Россію, какъ благородный человѣкъ и какъ просвѣщенный гражданинъ. Мы часто съ нимъ видимся. У меня съ нимъ какъ-то ладится. Сегодня Владиславъ Максимовичъ много разсказывалъ мнѣ о Вигелѣ, записки котораго теперь печатаются въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и такъ много

читаются, но правдивости которыхъ, признаюсь, я мало довѣряю. Княжевичъ былъ съ нимъ знакомъ въ Крыму. Оказывается, что Вигель былъ человѣкъ неизмѣрнмо самолюбивый, тщеславный, готовый всякаго оскорбить и самъ оскорблявшійся самыми ничтожными мелочами. Такъ, однажды, онъ разсердился на Владислава Максимовича и наговорилъ ему грубостей за то, что, какъ-то обѣдая у него, не былъ приглашенъ занять за столомъ первое мѣсто, тогда какъ у хозяина никогда и въ мысляхъ не было размѣщать своихъ гостей по рангамъ или по какимъ-нибудь отношеніямъ, а всякій садился, гдѣ пришлось, за круглымъ столомъ, безъ всякихъ указаній.—Вѣдь я тайный совѣтникъ, говорилъ Вигель, изъявляя свое негодованіе. Вообще, Вигель не пользовался ничьимъ уваженіемъ, и многіе, встрѣтясь съ нимъ разъ, старались ужъ больше не встрѣчаться. Онъ былъ охотникъ читать свои записки всякому, кто соглашался ихъ слушать, и видимо билъ на эффектъ. Все это мнѣ сообщилъ Владиславъ Максимовичъ.

— 19. Суббота. Вечеромъ у Ржевскаго. Познакомился съ новымъ собратомъ Безобразовымъ, избраннымъ въ члены Академіи. Человѣкъ видно знакомый съ гостинными и большой говорунъ. Онъ и Мельниковъ (Печерскій) много разсказывали про Якушкина, извѣстнаго наблюдателя народныхъ нравовъ, въ армякѣ ходящаго по Россіи. Изъ разсказовъ Безобразова и Мельникова о народѣ и о провинціальномъ обществѣ и вообще о томъ, что называютъ массами, можно вывести довольно прискорбныя заключенія о русскомъ народѣ, по крайней мѣрѣ въ настоящій моментъ его существованія. Это какой-то омутъ, въ которомъ кипятъ и бурлятъ волны силъ безъ всякаго направленія и результата. Ну, это, положимъ можетъ еще перебродить. Но вотъ что самое безотрадное: русскій умъ горячо на все кидается, но, едва успѣвъ коснуться поверхности предмета, уже начинаетъ имъ скучать и бросается на другой, на третій и т. д., пока отъ усталости или отъ недостатка интереса, поддерживаемаго только серьезнымъ пониманіемъ и участіемъ къ вещамъ, не впадаетъ въ апатію до новой вспышки. Вѣдь это очень печальная національная черта. Если она, дѣйствительно, намъ присуща, такъ что-же прочнаго можемъ мы создать?

Книга Спасовича, теорія уголовнаго права, подпала опалѣ. Ее не дозволено печатать новымъ изданіемъ....

Вчера странный случай. Пріѣхалъ въ Римско-Католическую академію читать лекцію и узнаю отъ студентовъ, что ректоръ, епископъ Бересневичъ и инспекторъ Вожинскій внезапно смѣнены и ѣдутъ одинъ въ Ковно, другой въ Вильно.

— 20. Воскресенье. Папа разрѣшился differently нелѣпымъ вселенскимъ посланіемъ. Даже крѣпкіе католики негодуютъ. Онъ чуть не формальному проклятію предаетъ вѣротерпимость и всякое свободное стремленіе ума къ знанію и истинѣ. Одна французская газета (France) справедливо замѣчаетъ, что даже въ средніе вѣка подобныя притязанія встрѣчали отпоръ и противодѣйствіе. Въ посланіи, между прочимъ, господствуетъ неприличный главѣ католическаго христіанства тонъ раздраженія.

— 21. Понедѣльникъ. Цѣлое утро почти до обѣда провозился, приводя въ порядокъ мои бумаги. Не управился даже съ малою частью—съ перепискою, которой едва половину успѣлъ разобрать. Выходитъ, что я переписывался рѣшительно почти со всѣми литераторами, многими изъ ученыхъ и со множествомъ всякихъ лицъ. Это такая масса—разумѣется, за много лѣтъ—что я затрудняюсь расположить ее въ порядкѣ. Уничтожать не хочется: тутъ много любопытнаго. Тѣмъ не менѣе, многое всетаки уничтожилъ, особенно изъ частной переписки. Не понимаю, какъ успѣвалъ я отвѣчать на всѣ эти письма. Если-же и не на всѣ отвѣчалъ, то все-же на бо́льшую часть. Есть записочки небольшія, но интересныя. Тутъ и психологія, а иногда и исторія времени.

Пріѣзжали ко мнѣ прощаться ректоръ Католической академіи, епископъ Бересневичъ и инспекторъ, прелатъ Вожинскій. Разумѣется, нельзя было не коснуться причины внезапнаго ихъ увольненія и отъѣзда изъ столицы одного въ Ковно, а другого въ Вильно. Причина, по ихъ словамъ—интриги здѣшней ихъ-же духовной власти. Но по городу ходятъ слухи, что открыто существованіе какого-то общества или комитета, обще и польско-революціоннаго, котораго святые отцы не чужды.

— 22. Вторникъ. Е. И. В. великій князь Константинъ Николаевичъ сдѣланъ предсѣдателемъ Государственнаго совѣта.

...Головнинъ и Валуевъ въ тѣсномъ союзѣ. Послѣдній спѣшитъ всячески поправить послѣдствія своей прежней ссоры и, кажется, вполнѣ въ этомъ успѣлъ.

Однако, и Головнинъ дѣлаетъ нѣчто хорошее. Онъ, напримѣръ, окончательно добиваетъ авторитетъ орденовъ и чиновъ. Онъ столько надавалъ ихъ всѣмъ и каждому, что совсѣмъ подрываетъ ихъ значеніе. И впрямь, пора отучить чиновниковъ отъ этого рода тщеславія...

— 23. Среда. Неужели-же одною матеріальною силою мы будемъ притягивать къ себѣ нѣмцевъ, поляковъ, финновъ? „Московскія Вѣдомости" во имя народности желаютъ сліянія съ Россіей всѣхъ этихъ иноплеменниковъ. Но развѣ этого возможно достигнуть посредствомъ одной матеріальной силы? А гдѣ-же наши умственныя и нравственныя преимущества, которыя одни въ состояніи дать намъ надъ ними перевѣсъ и втянуть ихъ въ насъ.

— 27. Воскресенье. У (администраціи) множество враговъ, и нельзя не согласиться, что значительную часть ихъ она сама создаетъ себѣ своими ошибками и своею слабостью.... Ее всячески обходятъ и не слушаютъ, ее порицаютъ и надъ ней смѣются не однѣ „Московскія Вѣдомости": она это видитъ, но ничего не дѣлаетъ ни для исправленія своихъ ошибокъ, возбуждающихъ подобныя вещи, ни для преграждения пути послѣднимъ. Другіе враги зарождаются въ тинѣ революціонныхъ мечтаній и тенденцій—но эти, пожалуй, менѣе опасны.

Вотъ истекаетъ годъ. Каковъ мой внутренній міръ и каково мое внѣшнее положеніе? Ни о томъ, ни о другомъ я не могу сказать ничего заслуживающаго вниманія. Правда, въ умѣ моемъ я находилъ довольно воспріимчивости и энергіи, но какъ-то мало было воли, чтобы ополчить его и двинуть на продолжительный и послѣдовательный трудъ. Особенно непроизводительно прошло лѣто. Мои воззрѣнія на вещи и людей не измѣнились: они такъ-же неутѣшительны и суровы, какъ и прежде. Съ самимъ собою я былъ часто не въ ладахъ. Однако, начало самообладанія и стремленіе къ достиженію высшаго нравственнаго достоинства меня не покидали. Въ этомъ отношеніи я еще полнъ юношескихъ идей и юношеской силы. Что-же мѣшало моему внутреннему успокоенію и душевному миру? То-же, что и всегда. Невозможность достигнуть того и сдѣлать все то, къ чему стремился и стремлюсь. Кромѣ того, я такъ-же мало оказывалъ сдержанности и мужества посреди тѣхъ противорѣчій, какія безпрестанно возникаютъ изъ

нашихъ сношеній съ людьми. Словомъ, въ дѣйствительномъ самоусовершенствованіи я мало сдѣлалъ успѣховъ. Внѣшнее мое положеніе очень неблистательно... А здоровье? Оно стоитъ на одной точкѣ—по крайней мѣрѣ, не хуже. Пароксизмы смѣняются своимъ чередомъ почти періодически, но вообще я чувствую въ себѣ довольно энергіи.

— 28. Понедѣльникъ. Муравьева, говорятъ, спросили, какіе нынѣ изъ поляковъ ввѣренной ему территоріи менѣе опасны?

— Тѣ, которые повѣшены, отвѣчалъ онъ,—а потомъ тѣ, которые сосланы.

Какъ скоро перестанешь заниматься опредѣленнымъ полезнымъ трудомъ, такъ и становится скверно. Право-же, человѣкъ не можетъ жить безъ иллюзіи, что онъ что-нибудь значитъ, что-нибудь знаетъ и что-нибудь дѣлаетъ.

Есть вещи, которыя надобно дѣлать, хотя-бы по одному тому, чтобы сдѣлать не такъ, какъ хочется, а какъ должно.

Что за лицемѣры и лжецы, Господи Боже мой, эти люди, будто-бы несущіе истины—эти провозвѣстники науки, а въ сущности ремесленники, добыватели денегъ и искатели фортуны!

Актъ въ Академіи наукъ—какъ всѣ акты. Нынѣшній продолжался три часа съ четвертью. Обозрѣніе дѣйствій Академіи и заслугъ ея хорошо составлено и хорошо изложено Веселовскимъ. Но всетаки утомительно было слушать его часъ съ четвертью. Зато Савичъ читалъ рѣшительно невыносимо о заслугахъ умершаго въ нынѣшнемъ году Струве. Такъ читаютъ только дьячки псалтирь по умершимъ.

— 31. Четвергъ. Конецъ 1864-мъ году.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

p. 19 [illegible]

p. 20 [illegible]

20 [illegible]

[illegible]

22 [illegible]

[illegible]

[illegible] 1844 "Случное [illegible]" [illegible]

Larry Papefritz - ~~[illegible]~~ DN8-7881

3 2044 014 647 481

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

WIDENER BOOK DUE MAY 1 6 1981 CANCELLED 7133208

BOOK DUE-WID FEB 5 1979 CANCELLED 6202297

CHARGE CANCELLED

WIDENER BOOK DUE APR 1 7 1981 CANCELLED 7092066

STALL-STUDY CHARGE

WIDENER BOOK DUE FEB 1 0 1993

WIDENER MAY 1 5 1996 BOOK DUE

WIDENER MAY 1 5 1996 CANCELLED

WIDENER AUG 2 0 2002 CANCELLED

WIDENER SEP 1 0 2001 BOOK DUE

[redacted]